

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Zhizn'

WID-LC

AP

50

.Z428

Vol. 1900

t. 11

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л Ъ.

№129. замеченъ.

Томъ XI.

Ноябрь

1900 г.

Контора и редакция: Спб., Знаменская, 20.
Телефонъ № 2782.

WID-LC

AP

50

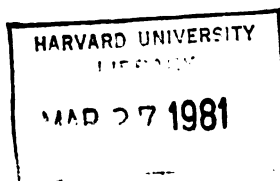
.Z 428

Vol. 1900

t. 11

v

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 26 Ноября 1900 г.

81 * 2

Типографія А. Е. Колпинскаго, Копная ул. д. 3—5.

ТОМЪ ХІ. НОЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
1) Трое. <i>Повѣсть</i> М. Горькаго	1
2) Одиночество. <i>Стих.</i> А. Федорова	46
3) Водотолченіе. <i>Разсказъ</i> Эля	47
4) Бездомные. (<i>Продолженіе</i>). <i>Пов.</i> Ст. Жеромскаго	58
5) На морскихъ берегахъ. <i>Стих.</i> Ив. Бунина	111
6) У входа въ новый свѣтъ. <i>Изъ путевыхъ очерковъ</i> Тана	113
7) Сонъ. <i>Стих.</i> Е. Чернобаева	124
8) Тразей. <i>Очеркъ</i> Э. Оржешко	125
9) Вскрытіе. (Изъ Ады Негри). <i>Стих.</i> В. Ш.	135
10) Октава. <i>Разсказъ</i> Скитальца	137
11) Гармонія словъ. <i>Стих.</i> К. Бальмонта	186
12) Очеркъ по исторіи собственности въ древней Греціи. Platon'a	187
13) Стихотворенія въ прозѣ. К. Тетмайера	209
14) Парламентскіе выборы въ Англіи. Письмо изъ Лондона. Д. Сатурина	212
15) Новости экономической литературы. Психологическое направле- ніе въ политической экономіи. — Вемъ-Баверкъ о спорныхъ вопро- сахъ теории капитала. — Теорія трудовой цѣнности и теорія предѣль- ной полезности. — Примиримы ли онѣ? П. Берлина	243
16) Боппъ и Шлейхеръ. Эпизодъ изъ исторіи науки о языкѣ Д. Овсяннико-Куликовскаго	267
17) Леонардо да-Винчи. <i>Статья</i> П. Ге	302
18) Библиографія. А. Погорьловъ . „Мракъ“ и „Передъ грозой“. Изъ жизни Приуралья. Ал. О. Н. — Т. Щепкина-Куперникъ . Незамѣтные люди. I т. Ничтожные міра сего. I т. Ал. О. Н. — Е. Голубинскій . Исто- рія русской церкви. Отъ нашествія монголовъ до митрополита Ма- карія включительно. Первая половина II тома. Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ.	

Н. Рожнова.— <i>I. Pikler und F. Solmo. Der Ursprung des Totemismus. Ein Beitrag zur materialistischen Geschichtstheorie. П. Берлина.— P. Wittner. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунками и историческими картами. Н. Рожнова.—Министерство финансовъ. Высочайше утвержденная комиссія по завѣдыванію устройствомъ Русскаго отдѣла на Всемирной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ. 1) Россія въ концѣ XIX вѣка. Подѣ общю редакцію В. И. Ковалевскаго. 2) Окраины Россіи: Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и полярная часть Европейской Россіи. Подѣ редакціей П. П. Семёнова. Н. Рожнова.—Э. Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда. Этюдъ объ организаціи высшихъ обществъ. Н. Рожнова.—И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Переводъ подѣ редакціей А. Кизеветтера. Кир. Левина.—С. А. Шмидтъ. Картинки желѣзнодорожной жизни. Ал. О. Н.—„La Presse periodique de la Finlande“. Helsingfors. П. Б.—Э. Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Пер. Канцель подѣ ред. Д. Д. Протопопова. Изд. тов. „Знавіе“. П. Маслова. . . . .</i>	328
19) Очерки текущей русской литературы. Литературное мѣщанство. Андреевича.	352
20) Хроника внутренней жизни. О земствѣ по поводу осенней сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній.—Новѣйшіе отголоски преобразовательной дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія.—О русскомъ консерватизмѣ по поводу возобновленія похода противъ суда присяжныхъ.—Послѣднія правительственныя распоряженія относительно финляндской печати.	395
21) Провинціальныя картинки. Переписка съ гг. родителями о школь и дѣтяхъ.—Солидарность семьи и школы.—Какъ воспитали Алешу и какъ не могли воспитать Союю Жоржъ.—Новгородскіе Садко и служащая имъ интеллигенція. Евг. Чирикова.	417
22) Иностранное обозрѣніе. Китайскій вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Дѣло о 12.000 марокъ.—Путешествіе Крюгера.—Гуманныя чувства и существенныя интересы.— Консервативныя рѣчи. В. П.	431
23) Письмо въ редакцію. П. Нежданова.	440
24) Новыя книги, присланныя въ редакцію.	444
25) Объявленія.	
Рисунки: „Портретъ Винчи, писанный имъ самимъ“. — „Страна жнецовъ“. Лермитта.—„При землѣ“. А. Буше.— „Лукреція Кривелли“. Винчи.—„Св. Иеронимъ“. Винчи.— „Св. Анна“. Винчи.—„Іоаннъ Креститель“. Винчи.	

Библиотека „ЖИЗНИ“.

- № 1. **Хельбекъ изъ Баннисдэля.** Ром. *Гемфри Уордъ.* Перев. съ англ. подъ ред. *Л. Я. Гуревичъ.* Ц. 1 р.
- № 2. **Тома Гордѣевъ.** Повѣсть *М. Горьнаго.* Ц. 1 р.
- № 3. **Умиращая земля.** Ром. *Ренэ Базена.* Пер. съ франц подъ ред. *Е. Смирнова.* Ц. 50 к.
- № 4. **Конецъ Андрея Ивановича.** Пов. *В. Вересаева.* Ц. 50 к.
- № 5. **Жюльенъ Дарто.** Романъ *Эд. Эстонье.* Перев. съ фр. Ц. 60 к.
- № 6. **Христіанинъ.** Ром. *Голь Кэна.* Пер. съ англ. *А. Н. Линдгрень.* Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданій „ЖИЗНИ“ въ книжномъ магазинѣ
О. Н. Поповой, Спб. Невскій, 54.

Изданія товарищества „ЗНАНИЕ“

(С.-Петербургъ, Невскій, д. № 92).

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

- М. Горькій.** Рассказы. Томъ III. 1 р.
Э. Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. 80 к.
Гиббинъ и Сатуринъ. Исторія современной Англии. 1 р. 20 к.
Сеньюбоотъ. Политическая исторія современной Европы. *Второе изд.* 3 р.
Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи. 1 р.
Зомбартъ. Идеалы социальной политики. 40 к.
Наутокій. Колоніальная политика въ прошломъ и настоящемъ. 40 к.
Клейнъ. Астрономическіе вечера. *Третье изд.* 2 р.
Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. *Второе изд.* 1 р. 50 к.
Юнгъ. Солнце. *Второе изд.* 1 р. 50 к.
Николюкій. Лѣтнія повѣдки натуралиста. 2 р.
Гётчinsonъ. Вымершія чудовища. 1 р. 20 к.
Нисаровъ. Современная Франція. 2 р. 50 к.
Штраусъ. Вольтеръ. 1 р.
Гобсонъ. Общественные идеалы Рѣскина. 1 р. 50 к.
Эрманъ-Шатрианъ. Гаспаръ Фиксъ. 65 к.
Наутокій. Аграрный вопросъ. 1 р. 50 к.
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣв. Америкѣ. 1 р. 50 к.
Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. 80 к.
Люксембургъ. Промышленное развитие Польши—50 к., Финляндія—3 р. 50 к.
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. 1 р. 50 к.
Герцъ. Аграрные вопросы. 80 к.
Фальборкъ и Чернолускій. Народное образование въ Россіи. 1 р. 50 к.
Левассеръ. Народное образование въ цивилизованныхъ странахъ. 3 р.
Леклеркъ. Воспитаніе и общество въ Англии. 3 р.
Гюйо. Исторія и критика современныхъ ученій о нравственности. 2 р.
Его же. Происхожденіе идеи времени. — Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями. 2 р.
Его же. Задачи современной эстетики — Очеркъ морали. 2 р.
Его же. Воспитаніе и наследственность. 2 р.
Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. 2 тома. 6 р.
А. Мертваго. Не по торному пути. 1 р. 50 к.

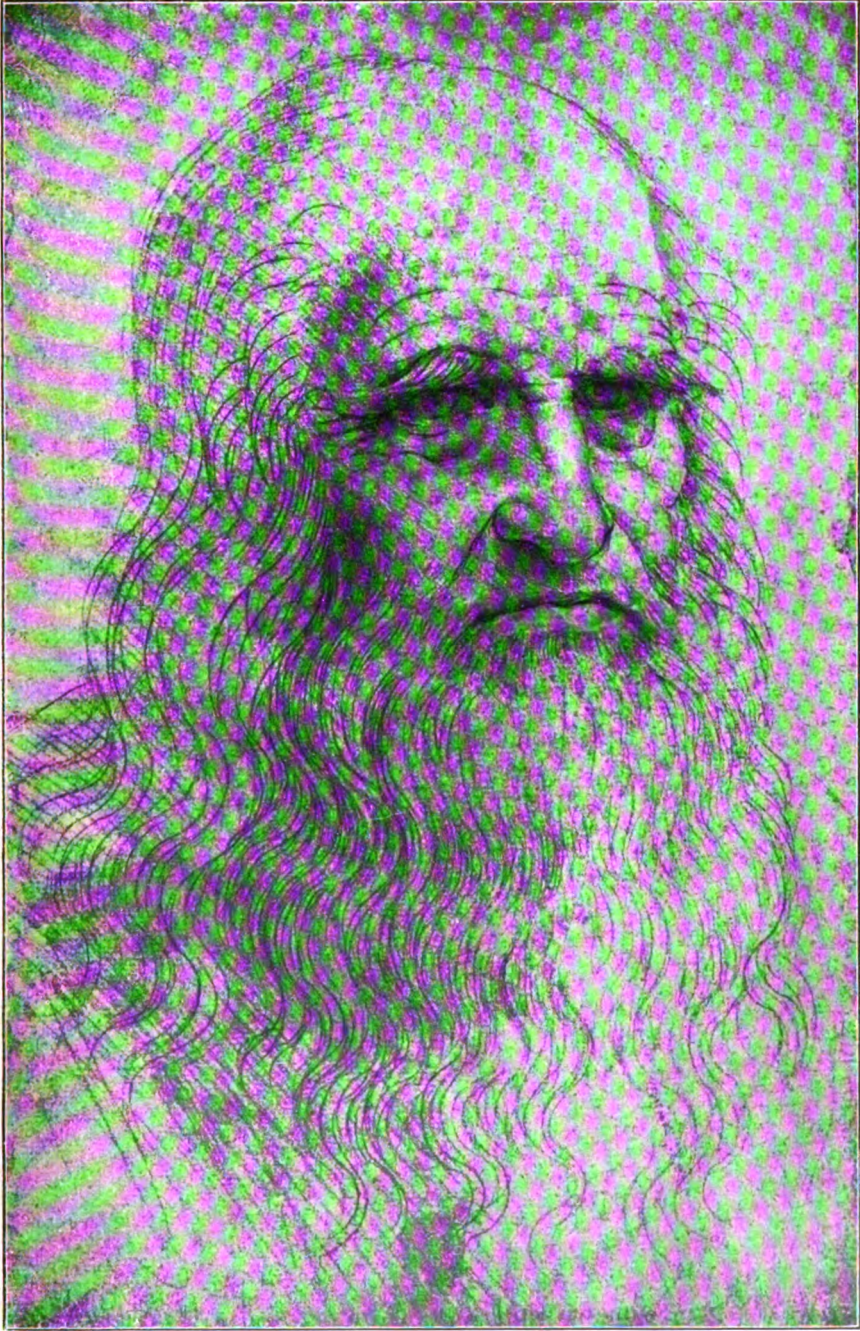
П Р И Н И М А Е Т С Я П О Д П И С К А :

- Мутеръ.** Исторія живописи въ XIX столѣтіи. Безъ перес. 10 р., съ перес. 12 р.
Клейнъ. Чудеса земного шара. Безъ пер. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
{ **Боммели.** Исторія земли.
{ **Гетчinsonъ.** Вымершія чудовища.
{ **Его же.** Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Ц. за 3 книги безъ пер. 4 р 60 к., съ перес. 5 р. 50 к.
Фальборкъ и Чернолускій. Настольная книга по народному образованію, 3 т. Безъ перес. 5 р., съ перес. 6 р.
Гюйо. Собраніе сочиненій, 4 т. Безъ пер. 4 р., съ перес. 5 р.
Его же. Собраніе сочиненій 5 т. Безъ перес. 5 р., съ перес. 6 р. 30 к.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- Эсхилъ, Софокль и Эврипидъ.** Трагедіи.
Эсхилъ. Прометей.
Софокль. Эдипъ-царь.
Софокль. Эдипъ въ Колонѣ.
Софокль. Антигона.
Эврипидъ. Медея.
Эврипидъ. Ипполитъ.
Мутеръ. Исторія живописи. (*Отъ среднихъ вѣковъ до наивѣйшихъ временъ*).
- Гюйо.** Искусство съ точки зрѣнія социологии.
Его же. Стихи философа.
Вандервельде. Побѣда города надъ деревней.
Куно Фишеръ. Исторія новой философіи: Кантъ.
М. Горькій. Рассказы. Томы I, II и IV.

Просятъ обращаться: контора т-ва „Знаніе“, С.-Петербургъ, Невскій, 92. Выписывающіе по этому адресу за пересылку книгъ, поступающихъ въ продажу, не платятъ.

Собственный портрет Винчи (пис. красным карандашомъ).

ТРОЕ.

*Товарищу моему Владимиру Моссе съ уваженіемъ
посвящаю.*

I.

Среди лѣсовъ Керженца разсѣяно много одинокихъ могилъ; въ нихъ тлѣютъ кости старцевъ, людей древняго благочестія, и объ одномъ изъ такихъ старцевъ,—Антипѣ,—въ деревняхъ на Керженцѣ рассказываютъ:

Суровый характеромъ, богатый мужикъ Антипа Луневъ, доживъ во грѣхѣхъ мірскомъ до пятидесяти лѣтъ, задумался крѣпко, затосковалъ душой и, бросивъ семью, ушелъ въ лѣса. Тамъ, на краю крутого оврага, онъ срубилъ себѣ келью и жилъ въ ней восемь лѣтъ кряду и зиму, и лѣто, не допуская къ себѣ никого: ни знакомыхъ, ни родныхъ своихъ. Порою люди, заблудясь въ лѣсу, случайно выходили къ его кельѣ и видѣли Антипу молящагося, стоя на колѣняхъ у порога ея. Былъ онъ страшный: изсохъ въ постѣ и молитвѣ и весь, какъ звѣрь, обросъ волосами. Завидѣвъ человѣка, онъ поднимался на ноги и, молча, кланялся ему до земли. Если его спрашивали, какъ выйти изъ лѣса, онъ безъ словъ указывалъ рукою дорогу, еще кланялся человѣку до земли и, уходя въ свою келью, запирался въ ней. За восемь лѣтъ его видѣли часто, но никто никогда не слыхалъ его голоса. Жена и дѣти приходили къ нему; онъ принималъ отъ нихъ пищу и одежду и, какъ всѣмъ людямъ, кланялся имъ земно, но, какъ всѣмъ людямъ, и имъ во время подвижничества своего ни слова не сказалъ.

Умеръ онъ въ годъ, когда разоряли скиты, и смерть его была такова:

Пріѣхалъ въ лѣсъ исправникъ съ командой, и увидали они, что стоитъ Антипа среди кельи на колѣняхъ и безмолвно молится.

— Ты!—крикнулъ ему исправникъ.—Уходи! Ломать будемъ твое логовище!..—Но Антипа не слышалъ его голоса. И сколько ни кричалъ исправникъ—ни слова не отвѣтилъ ему старецъ. Тогда исправникъ приказалъ вытащить Антипу изъ кельи. Но люди, видя старца, который, не замѣчая ихъ, все молился истово и неустанно, смутились предъ твердостью его души и не послушали исправника. Тогда исправникъ приказалъ имъ ломать келью, и осторожно, боясь ударить молящагося, они молча стали разбирать крышу.

Стучали надъ головой Антипы топоры, трещали доски и падали на землю, гулкое эхо ударовъ понеслось по лѣсу, заматались вокругъ кельи птицы, встревоженные шумомъ, задрожала листва на деревьяхъ. А старецъ все молился, какъ бы не видя и не слыша ничего... Начали раскатывать вѣнцы кельи, а хозяинъ ея все стоялъ неподвижно на колѣняхъ. И лишь когда откатили въ сторону послѣднiя бревна и самъ исправникъ, подойдя къ старцу, взялъ его за волосы, Антипа, вскинувъ очи въ небо, тихо сказалъ Богу:

— Господи милосливый... Прости ихъ.

И, упавъ навзничь, умеръ.

Когда это случилось, старшему сыну Антипа, Якову, было двадцать три года, а младшему, Терентію,—восемнадцать лѣтъ. Красавецъ и силачъ Яковъ, еще будучи подросткомъ, приобрѣлъ въ селѣ прозвище Безшабашнаго, а ко времени смерти отца онъ былъ уже первый кутила и буянъ во всей округѣ. На него всѣ жаловались,—мать, староста, сосѣди; его сажали въ холодную, пороли розгами, били и просто такъ, безъ суда, но все это не укрощало широкой натуры Якова и все тѣснѣе становилось ему жить въ деревнѣ, среди раскольниковъ, людей хозяйственныхъ, какъ кроты, суровыхъ ко всякимъ новшествамъ и упорно охранявшихъ завѣты древняго благочестiя. Яковъ, курилъ табакъ, пилъ водку, одѣвался въ нѣмецкое платье, на молитвы и радѣнія не ходилъ, а когда степенные люди увѣщевали его, напоминая ему объ отцѣ, онъ насмѣшливо отзывался:

— Погодите, старички почтенные,—всему мѣра есть. Нагрѣшу вдоволь—покаюсь и я. А теперь—рано еще. Батюшкой меня не корите,—онъ пять десятковъ лѣтъ грѣшилъ, а каялся всего восемь... На мнѣ грѣхъ—какъ на птенцѣ пухъ, а вотъ вырастетъ грѣха, какъ на воронѣ пера, тогда, значить, молодцу пришла каяться пора...

— Еретикъ!—говорили про Якова Лунева въ селѣ и ненавидѣли, и боялись его. Года черезъ два послѣ смерти отца Яковъ женился. Онъ подъ корень подорвалъ разгульной жизнью крѣпкое,

тридцатилѣтнимъ трудомъ сколоченное хозяйство отца, и уже никто въ родномъ селѣ не хотѣлъ выдать ему дѣвушку въ жены. Гдѣ-то въ дальней деревнѣ онъ взялъ красавицу-сироту, а для того, чтобъ сыграть свадьбу, продалъ отцовъ пчельникъ и пару лошадей. Его братъ Терентій, робкій и молчаливый горбунъ съ длинными руками, не мѣшалъ ему жить; мать хвора я лежала на печи и оттуда говорила ему зловѣщимъ, хриплымъ голосомъ:

— Окаянный!.. Пожалѣй свою душеньку!.. Опомнись!..

— Не безпокойтесь, маменька!—отвѣчалъ Яковъ.—Отецъ за меня передъ Богомъ заступится...

Сначала, почти цѣлый годъ, Яковъ жилъ съ женою мирно и тихо, даже началъ было работать, а потомъ опять закутилъ и, цѣлые мѣсяца исчезая изъ дома, возвращался къ женѣ избитый, оборванный, голодный... Умерла мать Якова: на поминкахъ по ней пьяный Яковъ изувѣчилъ старосту, давняго своего врага, и за это былъ посаженъ въ арестантскія роты. Отсидѣвъ срокъ, онъ снова явился въ деревню, бритоголовый, угрюмый и злой. Деревня все болѣе ненавидѣла его, перенося свою ненависть и на семью Якова, а особенно на безобиднаго горбуна Терентія, съ малыхъ лѣтъ служившаго посмѣшищемъ для дѣвокъ и парней. Якова звали арестантомъ и разбойникомъ, а Терентія—уродомъ и колдуномъ. Терентій молчалъ въ отвѣтъ на ругань и насмѣшки, Яковъ же открыто грозилъ всѣмъ:

— Ладно! Погодите!.. Я вамъ покажу!

Ему было около сорока лѣтъ, когда въ деревнѣ случился пожаръ; онъ былъ обвиненъ въ поджогъ и сосланъ въ Сибирь.

На рукахъ Терентія осталась жена Якова, помѣшавшаяся въ умѣ во время пожара, и сынъ его Илья, десятилѣтній мальчикъ, крѣпкій, черноглазый и не по лѣтамъ серьезный. Когда этотъ мальчикъ появлялся на улицѣ, ребятишки гонялись за нимъ и бросали въ него камнями, а большіе, видя его, говорили:

— У, деймоненокъ! Каторжное сѣмя!.. Чтобъ те сдохнуть!..

Неспособный къ работѣ, Терентій до пожара торговалъ дегтемъ, нитками, иглами и всякой мелочью, но огонь, истребившій половину деревни, уничтожилъ и избу Луневыхъ, и весь товаръ Терентія, такъ что послѣ пожара у Луневыхъ осталась только лошадь да сорокъ три рубля денегъ—и больше ничего. Видя, что въ деревнѣ нельзя и нечѣмъ жить, Терентій сдалъ жену брата на попеченіе бобылкѣ за полтинникъ въ мѣсяцъ, купилъ старенькую телѣгу, посадилъ въ нее племянника и рѣшилъ ѣхать въ губернской городъ, надѣясь, что тамъ ему поможетъ жить

дальній родственникъ Луневыхъ Петруха Филимоновъ, служившій буфетчикомъ въ трактирѣ.

Выѣхалъ Терентій изъ родного пепелища ночью, тихо, какъ воръ. Молча правилъ онъ лошадыю и все оглядывался назадъ своими большущими черными глазами. Лошадь шла шагомъ, телѣгу славно потряхивало, и скоро Илья, зарывшись въ сѣно, уснулъ крѣпкимъ сномъ ребенка...

Проснулся онъ среди ночи отъ какого-то жуткаго и страннаго звука, похожаго на волчій вой. Ночь была свѣтлая, телѣга стояла у опушки лѣса, около нея ходила лошадь и, фыркая, щипала траву, покрытую росой. Большая сосна съ опаленной вершиной выдвинулась далеко въ поле и стояла одинокая, точно ее выгнали изъ лѣса. Зоркіе глаза мальчика безпокойно искали дядю, а въ тишинѣ ночи отчетливо звучали глухіе и рѣдкіе удары копытъ лошади по землѣ, тяжелыми вздохами разносилось сея фырганье и уныло плавалъ непонятный дрожащій звукъ, пугая Илью.

— Дя-дя!—тихо позвалъ онъ.

— Ась?—торопливо отозвался Терентій, и вой вдругъ замеръ.

— Ты гдѣ?

— Тутъ... спи, знай...

Тогда Илья увидалъ, что дядя, черный и похожій на пень, вывороченный изъ земли, сидитъ у опушки лѣса на холмѣ.

— Я боюсь,—сказалъ мальчикъ.

— Ну чего тамъ? Чего бояться?.. Одни мы...

— Кто-то вонть...

— Приснилось тебѣ...—тихо сказалъ горбунъ.

— Ей-Богу вонть.

— Ну... волкъ это... Онъ —далеко... Ты спи...

Но Ильѣ уже не спалось. Было жутко отъ тишины, а въ ухахъ у него все дрожалъ этотъ жалобный звукъ. Онъ пристально оглядѣлъ мѣстность и увидалъ, что дядя смотритъ туда, гдѣ надъ горой, далеко среди лѣса, стоитъ пятиглавая бѣлая церковь, а надъ нею ярко сіяетъ большая, круглая луна. Илья узналъ, что это ромодановская церковь, и что въ двухъ верстахъ отъ нея, ближе сюда, къ нему и дядѣ, среди лѣса, надъ оврагомъ, стоитъ ихъ деревня—Китежная.

— Не далеко мы уѣхали,—сказалъ онъ задумчиво.

— Что?—спросилъ дядя.

— Дальше бы уѣхать, говорю... Еще придетъ кто-нибудь отсюда...

Илья неприязненно кивнулъ головой по направленію къ своей деревнѣ.

— Уѣдемъ... погоди...—молвить дядя.

И снова стало тихо. Илья свернулся въ комокъ, облокотясь на передокъ телѣги, и тоже сталъ смотрѣть туда, куда дядя смотрѣлъ. Деревню было не видно въ густой, черной тѣмѣ лѣса, но ему казалось, что онъ видитъ всю ее, со всѣми избами и людьми, и со старой ветлой у колодца среди улицы. У корней ветлы лежить отецъ его, связанный веревкой, въ изорванной рубахѣ; руки у него прикручены за спину, голая грудь выпятилась впередъ, а голова какъ будто приросла къ стволу ветлы. Лежить онъ неподвижно, какъ убитый, и страшными глазами смотритъ на мужиковъ, стоящихъ у старостиной избы. Ихъ много, всѣ они злые, кричать, ругаются. Отъ этого воспоминанія мальчику сдѣлалось скучно и у него начало щипать въ горлѣ. Онъ почувствовалъ, что заплачетъ сейчасъ отъ скуки и ночной свѣжести, но ему не хотѣлось тревожить дядю, и онъ сдерживался, все плотнѣе сжимая свое маленькое тѣльце...

Вдругъ снова въ воздухъ раздался тихій вой. Сначала кто-то тяжело вздохнулъ, всхлипнулъ и потомъ нестерпимо-жалобно завылъ:

— О-о-у-о-о!..

Мальчикъ вздрогнулъ отъ страха и замеръ. А звукъ все дрожалъ и росъ въ своей силѣ.

— Дядя! Это ты воешь?..—крикнулъ Илья.

Терентій не отвѣтилъ и не пошевелился. Тогда мальчикъ прыгнулъ съ телѣги, подбѣжалъ къ дядѣ, упалъ ему на ноги, вцѣпился въ нихъ и тоже зарыдалъ. Сквозь рыданія онъ слышалъ голосъ дяди:

— Выжили... насъ... Го-споди-и! Куда пойдемъ... а?

А мальчикъ, захлебываясь слезами, говорилъ:

— Погоди... я вотъ вырасту большой... я имъ задамъ!.. да...

Наплакавшись, онъ сталъ дремать. Тогда дядя взялъ его на руки, снесъ въ телѣгу, а самъ опять ушелъ прочь и снова завывъ протяжно, жалобно...

Помнилъ Илья, какъ онъ пріѣхалъ въ городъ. Проснулся онъ однажды рано утромъ и увидалъ передъ собою рѣку, широкую, мутную, а за нею, на высокой горѣ, кучу домовъ съ красными и зелеными крышами и высокія, густыя деревья между домами. Дома поднимались по горѣ густою, красивой толпой все выше, а па самомъ гребнѣ горы они вытянулись въ ровную линію и гордо смотрѣли оттуда черезъ рѣку. Золотые кресты и главы церквей поднимались надъ ихъ крышами, уходя глубоко въ небо. Только

что взошло солнце; косые его лучи отражались въ окнахъ домовъ, и весь городъ горѣлъ яркими красками, сіялъ золотомъ.

— Вотъ такъ а-яй!—тихо воскликнулъ мальчикъ, широко раскрытыми глазами глядя на чудесную картину, и надолго замеръ въ молчаливомъ восхищеніи передъ нею. Потомъ въ душѣ его родилась безпокойная мысль, гдѣ будетъ жить онъ, маленький, черноволосый и вихрастый мальчикъ въ худыхъ пестрядиныхъ штанишкахъ, и его горбатый, неуклюжій дядя? Пустятъ ли ихъ туда, въ этотъ чистый, богатый, блестящій золотомъ, огромный городъ? Ему подумалось, что ихъ телѣга именно потому и стоитъ здѣсь, на берегу рѣки, что въ городъ не пускаютъ людей бѣдныхъ, оборванныхъ и некрасивыхъ. И должно быть дядя пошелъ просить, чтобы пустили.

Илья съ тревогой въ сердцѣ сталъ искать глазами дядю. И впереди, и сзади ихъ телѣги стояло еще много воевъ; на однихъ торчали деревянныя стойки съ молокомъ, на другихъ корзины съ птицей, огурцы, лукъ, лукошки съ ягодами, мѣшки съ картофелемъ. На возахъ и около нихъ сидѣли и стояли мужики и бабы, и это были совсѣмъ особенные люди. Говорили они громко, отчетливо, а одѣты были не въ синюю пестрядину, а все въ пестрые ситды и ярко-красный кумачъ. Почти у всѣхъ на ногахъ были сапоги, и хотя около нихъ расхаживаль кто-то съ саблей на боку,—урядникъ или становой,—но они не только не боялись его, а даже и не кланялись ему. И это очень нравилось Ильѣ. Сидя на телѣгѣ, онъ осматривалъ ярко освѣщенную солнцемъ живую картину и мечталъ о времени, когда и онъ тоже надѣнетъ сапоги и кумачную рубаху. Вдали, среди мужиковъ, появился дядя Терентій. Онъ шелъ, крѣпко упираясь ногами въ глубокій песокъ, высоко поднявъ голову; лицо у него было веселое, и еще издали онъ улыбался Ильѣ, протянувъ къ нему руку и что-то показывая.

— Господь за насъ, Илюха! Значить—не горюй! Дядю-то Петруху сразу нашель я... На-ко вотъ, погрызи пока что!..

И онъ далъ Ильѣ баранку.

Мальчикъ почти съ благоговѣніемъ взялъ ее, сунулъ за пазуху и безпокойно спросилъ:

— Не пускаютъ въ городъ-то?

— Сейчасъ пустятъ... Вотъ придетъ паромъ —и поѣдемъ.

— И мы?

— А какъ же? И мы поѣдемъ... Тутъ намъ не жить...

— Ухъ! А я думалъ—насъ не пустятъ... А тамъ гдѣ мы будемъ жить-то?

— Это ужъ неизвѣстно... Господь укажетъ...

— Вонъ бы въ томъ большомъ-то, красномъ...

— Чудашка! Это казарма!.. Тамъ солдаты живутъ...

— Ну инъ вонъ въ томъ... в-онъ въ этомъ!

— Ишь ты! Высоко намъ до него!..

— Ничего!—увѣренно сказалъ Илья.—Долѣземъ!..

— Э-эхъ ты!—вздыхнулъ дядя Терентій и снова куда-то ушелъ.

Жить имъ пришлось на краю города, около базарной площади, въ огромномъ сѣромъ домѣ. Со всѣхъ сторонъ къ его стѣнамъ прилипли разныя пристройки, однѣ поновѣе, другія такія же сѣро-грязныя и старыя, какъ самъ онъ. Окна и двери въ этомъ домѣ были кривыя, и все въ немъ скрипѣло. Пристройки, заборъ, ворота,—все наваливалось другъ на друга, объединяясь въ большую кучу полугнилого дерева, поросшаго зеленоватымъ мохомъ. Стекла въ окнахъ были тусклы отъ старости, нѣсколько бревенъ въ фасадѣ выпятились впередъ, и отъ этого домъ былъ похожъ на своего хозяина, который держалъ въ немъ трактиръ. Хозяинъ тоже былъ старый и сѣрый; глаза на его дряхломъ лицѣ были похожи на стекла въ окнахъ дома; онъ ходилъ, тяжело опираясь на толстую палку; ему, должно быть, тяжело было носить свой огромный животъ, и онъ тоже всегда скрипѣлъ.

Дядя Терентій поселился въ одномъ изъ безчисленныхъ угловъ дома, въ подвалѣ, на лавкѣ у окна, выходившаго въ уголь двора, гдѣ лежала большая куча мусора и росла старая, душистая липа и два куста бузины. Дня черезъ три хозяинъ дома скрипѣлъ, указывая палкой на Илью, который, спрятавшись отъ него за кучу мусора, испуганными глазами смотрѣлъ на него.

— Ты чей мальчикъ, а? Ты откуда явился, а?

Илья мигалъ глазами и молчалъ.

— Эй, чей это мальчишка? Чтобы его не было! Пошелъ вонъ, мальчишка! Вотъ я тебя!.. У-у-ррр! Ахъ ты, мышонокъ, а? Что? Посудника? Сынь? А-га-а! Племянникъ? Горбатый жуликъ, онъ долженъ былъ сказать, что у него племянникъ! Петръ! Ты чего глядишь, а? У горбатаго племянникъ — это что такое? Чтобы не было!..

Румяный буфетчикъ Петруха смотрѣлъ на дворъ изъ окна трактира и, встряхивая кудрями, тоже кричалъ:

— На время-съ, Василій Доримендонтычъ, малолѣтній Илья... совершенный круглый сирота-съ... Принять съ мого вѣдома... но я уберу, если вамъ не угодно-съ...

Когда Илья услышалъ, что его будутъ убирать отсюда, онъ взревѣлъ во всю мочь и, стрѣлой мелькнувъ мимо хозяина, какъ мышонокъ въ нору, скользнулъ въ окно подвала. Тамъ онъ свалился на лавку и, съ головою закутавшись въ дядинъ армякъ,

заплакалъ, весь вздрагивая отъ страха. Но пришелъ дядя и успокоилъ его.

— Ничего! не бойся!.. Онъ такъ это кричить!.. Отъ старости изъ ума выжилъ... Тутъ главная персона не онъ, а Петруха... Петруха всему дѣлу голова!.. Съ нимъ ты будь ласковѣе... Почтителенъ будь!.. А хозяинъ при немъ совсѣмъ даже лишній...

Первое время, прожитое въ этомъ домѣ, Илья всюду лазилъ и все осматривалъ въ немъ. Домъ понравился ему и поразилъ его своей удивительной ёмкостью. Онъ былъ до того тѣсно набитъ людьми, что Илья казалось—людей въ этомъ домѣ больше, чѣмъ во всей деревнѣ Китежной. И шумно въ немъ, какъ на базарѣ. Въ обоихъ этажахъ помѣщался трактиръ, всегда полный народа, на чердакахъ жили какія-то пьяныя бабы, и одна изъ нихъ, по прозвищу Матица черная, огромная, басовитая, пугала мальчика своими сердитыми и темными глазами. Въ подвалѣ жилъ сапожникъ Перфишка съ больной, безногою женой и дочкой лѣтъ семи, тряпичникъ дѣдушка Еремѣй, нищая старуха, худая, крикливая, за что на дворѣ ее звали Полоротой, и извозчикъ Макаръ Степанычъ, человекъ уже пожилой, смиренный и молчаливый. Въ углу двора помѣщалась кузница; въ ней съ утра до вечера горѣлъ огонь, наваривали шины, ковали лошадей, стучали молоты, и высокій жилистый кузнецъ Савель густымъ и угрюмымъ голосомъ пѣлъ безконечныя длинныя пѣсни. Иногда въ кузницѣ являлась Савелова жена небольшая, полная женщина, русоволосая съ голубыми глазами. Она всегда накрывала голову бѣлымъ платкомъ, и было странно видѣть эту бѣлую голову въ черной дырѣ кузницы. Она почти всегда смѣялась серебристымъ смѣхомъ, а Савель вторилъ ей громко, точно молотомъ билъ. Но чаще онъ въ отвѣтъ на ея смѣхъ рычалъ. Говорили, что онъ очень любитъ жену, а она гуляетъ...

Въ каждой щели дома сидѣлъ человекъ, и съ утра до поздней ночи домъ сотрясался отъ крика и шума, точно въ немъ, какъ въ старомъ ржавомъ котлѣ, что-то кипѣло и варилось. Вечерами всѣ люди выползали изъ своихъ щелей на дворъ и на лавочку къ воротамъ дома; сапожникъ Перфишка игралъ на гармоникѣ, Савель мычалъ пѣсни, а Матица, если она была выпивши, пѣла что-то особенное, очень грустное, никому непонятными словами, пѣла и всегда о чемъ-то горько плакала.

Гдѣ-нибудь въ углу на дворѣ около дѣдушки Еремѣя собирались всѣ жившіе въ домѣ ребятишки и, усѣвшись въ кружокъ, просили его:

— Дѣ-ѣдушка! Расскажи сказочку!..

Дѣдушка смотрѣлъ на нихъ болящими красными глазами,

изъ которыхъ, не изсякая, текли по морщинамъ его лица мутныя слезы, и, крѣпко нахлобучивъ на голову старую, рыжую шапку, заводилъ нараспѣвъ дрожащимъ тонкимъ голосомъ:

„А и въ нѣкоторомъ царствіи, вотъ и въ нѣкоторомъ государствіи уродился формазонъ-еретикъ отъ невѣдомыхъ родителей за грѣхи сыномъ наказанныхъ Богомъ Господомъ Всевидящимъ...“

Длинная, сѣдая борода дѣдушки Еремѣя вздрагивала и тряслась, когда онъ открывалъ свой черный беззубый ротъ, тряслась и голова, а по морщинамъ щекъ одна за другой все катились слезы.

„А и дерзокъ былъ сей сынъ-еретикъ: во Христа-Бога не вѣровалъ, не любилъ Матери Божіей, мимо церкви шель — не кланялся, отца, матери не слушался...“

Ребятишки слушали тонкій дрожащій голосъ старика и молча смотрѣли въ его лицо.

Всѣхъ внимательнѣе слушалъ и смотрѣлъ русый Яшка, сынъ буфетчика Петрухи. Это былъ мальчикъ тощій, остроносый, съ большой головой на тонкой шеѣ. Когда онъ бѣжалъ, его голова такъ болталась отъ плеча къ плечу, точно готова была оторваться. Глаза у него были тоже большіе и какіе-то безпокойные. Они всегда пугливо скользили по всѣмъ предметамъ, точно боясь остановиться на чемъ-либо, а остановившись, странно выкатывались, тарачились и придавали лицу Якова какое-то овечье выраженіе. Онъ выдѣлялся изъ всей кучи ребятъ своимъ тонкимъ безкровнымъ лицомъ и чистой, крѣпкой одеждой. Илья сразу подружился съ нимъ, и въ первый же день знакомства Яковъ таинственнымъ голосомъ спросилъ новаго товарища:

— У васъ въ деревнѣ колдуновъ много?

— Есть, — отвѣтилъ Илья. — И колдуньи тоже есть... У насъ шаберъ колдунъ былъ.

— Рыжий? — шопотомъ освѣдомился Яковъ.

— Сѣдой... они всѣ сѣдые...

— Сѣдые такъ ничего. Сѣдые — добрые... А вотъ которые рыжіе — ухъ ты! Тѣ кровь пьютъ...

Они сидѣли въ лучшемъ, самомъ уютномъ углу двора, за кучей мусора подъ бузиной и липой. Сюда можно было попасть черезъ узкую щель между сараемъ и домомъ; здѣсь всегда было тихо и, кромѣ неба надъ головой да стѣны дома съ тремя окнами, изъ которыхъ два были заколочены, изъ этого уголка не видно было ничего. Онъ сталъ любимымъ мѣстомъ товарищей. На вѣткахъ липы чирикали воробьи, а на землѣ, у корней ея, сидѣли мальчишки и тихо бесѣдовали обо всемъ, что занимало ихъ.

Цѣлые дни предъ глазами Ильи вѣртѣлось съ крикомъ и шумомъ что-то большущее, пестрое и ослѣпляло, оглушало его. Сначала онъ растерялся и какъ-то поглупѣлъ въ кипучей сутолокѣ этой жизни. Стоя въ трактирѣ около стола, на которомъ дядя Терентій, потный и мокрый, мылъ посуду, Илья смотрѣлъ, какъ люди приходятъ, пьютъ, ѣдятъ, кричатъ, цѣлуются, дерутся, поютъ пѣсни. Потные они, усталые, грязные, тучи табачнаго дыма плаваютъ вокругъ нихъ, и въ этомъ дыму они возятся, какъ полуумные...

— Эй-эй! — говорилъ ему дядя, потряхивая горбомъ и неустанно звеня стаканами.—Ты чего тутъ? Иди-ка на дворъ! А то хозяинъ увидить—заругаетъ!..

— Вотъ такъ а-яй! —мысленно произнесъ Илья свое любимое восклицаніе и, ошеломленный шумомъ трактирной жизни, уходилъ на дворъ. А на дворѣ Савель стучалъ молотомъ и ругался съ подмастерьемъ, изъ подвала на волю рвалась веселая пѣсня сапожника Перфишки, сверху сыпались ругань и крики пьяныхъ бабъ. Пашка Зубастый, Савеловъ сынъ, скакалъ верхомъ на палкѣ и кричалъ сердитымъ голосомъ:

— Тру, дьяволь!

Его круглая, задорная рожица вся испачкана грязью и сажей; на лбу у него шишка; рубаха рваная, и сквозь ея безчисленныя дыры просвѣчиваетъ крѣпкое тѣло. Это былъ первый озорникъ и драчунъ на дворѣ; онъ уже успѣлъ дважды и очень больно поколотить неловкаго Илью, а когда Илья, заплакавъ, пожаловался дядѣ, тотъ только руками развелъ да сказалъ:

— Ну ужъ!.. что сдѣлаешь? Потерпи!.. пройдетъ!

— Я вотъ пойду, да такъ его вздую! —сквозь слезы пообѣщаль Илья.

— Не моги! —строго молвилъ дядя.—Никакъ этого нельзя!..

— А онъ что?

— То онъ!.. Онъ, видишь ты... тутошній... свой... А ты —чужой!..

Илья продолжалъ угрожать Пашкѣ, но дядя вдругъ разсердился и закричалъ на него, что съ нимъ бывало рѣдко. Тогда Илья смутно почувствовалъ, что ему нельзя равняться съ „тутошними“ ребятишками, и, затаивъ въ себѣ непріязнь къ Пашкѣ, еще больше сдружился съ Яковомъ.

Яковъ велъ себя степенно: онъ никогда ни съ кѣмъ не дрался, даже кричалъ рѣдко. И онъ почти не игралъ, но всегда любилъ говорить о томъ, въ какія игры играютъ дѣти во дворахъ у богатыхъ людей и въ городскомъ саду. Изъ всѣхъ дѣтей на дворѣ, кромѣ Ильи, Яковъ дружился только съ семилѣтней Машкой, дочерью сапожника Перфишки. Это была чумазая дѣвчоночка, тоненькая

и хрупкая; ея маленькая головка, осыпанная черными кудрями, съ утра до вечера торчала на дворѣ. Ея мать тоже всегда сидѣла у двери въ подвалъ. Высокая, съ большой косой на спинѣ, она постоянно шила, низко согнувшись надъ работой, а когда поднимала голову, чтобы посмотрѣть на дочь, Илья видѣлъ ея лицо. Оно было толстое, синее, неподвижное, какъ у покойника. И черные, добрые глаза на этомъ лицѣ тоже были неподвижны. Она никогда ни съ кѣмъ не разговаривала и даже дочь свою подзывала къ себѣ знаками, лишь иногда, очень рѣдко, вскрикивая хрипящимъ, задушеннымъ голосомъ:

— Мама!

Сначала Ильѣ что-то нравилось въ этой женщинѣ, но когда онъ узналъ, что она уже третій годъ не владѣетъ ногами и скоро помретъ, онъ сталъ бояться ея.

Однажды, когда Илья проходилъ вблизи нея, она протянула руку, схватила его за рубаху и привлекла испуганнаго мальчика къ себѣ.

— Попрошу я тебя... — сказала она, — не обижай Машу!.. не обижай!..

Ей трудно было говорить: она задыхалась отчего-то.

— Не обижай... милый!..

И, взглянувъ въ лицо Ильи жалобными глазами, она отпустила его отъ себя. Съ этой поры Илья вмѣстѣ съ Яковомъ сталъ внимательно ухаживать за дочерью сапожника, стараясь оберечь ее отъ разныхъ неприятностей жизни. Онъ не могъ не оцѣнить просьбы со стороны большого человѣка, потому что всѣ другіе большіе люди только приказывали. Потомъ, они всегда били маленькихъ. Извозчикъ Макаръ лягался ногами и шлепалъ ребятшекъ по лицу мокрой тряпкой, если они подходили близко къ нему въ то время, когда онъ мылъ пролетку. Савель сердился на всѣхъ, кто заглядывалъ въ его кузницу не по дѣлу, а изъ любопытства, и бросалъ въ дѣтей угольными мѣшками. Перфишка швырялъ, чѣмъ попало, во всякаго, кто останавливался предъ его окномъ и закрывалъ ему свѣтъ... Иногда били и просто такъ, отъ скуки или изъ желанія пошутить съ дѣтьми. Только дѣдушка Еремѣй не дрался.

Вскорѣ Ильѣ стало казаться, что въ деревнѣ гораздо лучше жить, чѣмъ въ городѣ. Въ деревнѣ можно гулять, гдѣ хочешь, а здѣсь дядя запретилъ уходить со двора; въ деревнѣ можно поѣсть огурцовъ, гороху и всякой всячины, а здѣсь огородовъ нѣтъ и все нужно купить за деньги. Тамъ и просторнѣе, и тише, тамъ всѣ люди дѣлаютъ одно и то же дѣло,—здѣсь всѣ бранятся, толкаются, каждый дѣлаетъ, что хочетъ, и всѣ—бѣдные, всѣ жи-

вуть чужимъ хлѣбомъ, впроголодь. Илья болтался по двору изо дня въ день, и ему становилось скучно жить около этого сѣраго, тяжелаго дома съ тусклыми окнами.

Однажды за обѣдомъ дядя Терентій сказалъ племяннику, тяжело вздыхая:

— Осень идетъ, Илюха... Н-да! Подвернетъ она намъ съ тобой гайки-то!.. тугонько подвернетъ!.. О Господи!..

Онъ задумался и долго молчалъ, уныло глядя въ чашку со щами. Задумался и мальчикъ. Обѣдали они на томъ же столѣ, на которомъ горбунъ мылъ посуду. Въ трактирѣ гудѣлъ страшный шумъ.

— Петруха, вопъ, говоритъ, чтобы тебя вмѣстѣ съ его Яшуткой въ училище отдать... Эхе-хе! Надо, я понимаю... Безъ грамоты здѣсь, какъ безъ глазъ!.. пропадешь! Да вѣдь одѣть, обути надо тебя для училища!.. А отъ пяти рублей въ мѣсяцъ на одежду не разгонишься!.. О Господи! На Тебя надежда!..

Отъ вздоховъ дяди и отъ грустнаго его лица у Ильи защемило сердце, и онъ тихо предложилъ:

— Давай, уйдемъ отсюда!..

— Ку-уда-а?—протяжно и уныло спросилъ горбунъ.—Куда мы уйти можемъ?..

— А въ лѣсъ!?!—сказалъ Илья и вдругъ воодушевился.

— Дѣдушка, ты говорилъ, сколько годовъ въ лѣсу жилъ одинъ! А насъ—двое! Лыжи бы драли!.. Лисъ, бѣлокъ били бы... какъ Корней Кривой!.. Ты бы ружье завелъ... а я—силки... Птицу буду ловить разную... Ей-Богу! Ягоды тамъ, грибы... Уйдемъ?..

Дядя поглядѣлъ на него ласковыми глазами и съ улыбкой спросилъ:

— А волки? А медвѣди?

— Съ ружьемъ-то ежели?—горячо воскликнулъ Илья.—Да я, когда большой выросту, я звѣрей не побоюсь!.. Я ихъ руками душить стану!.. Я и теперь ужъ никого не боюсь! А здѣсь—тоже!—житье-то тугое! Я хоть и маленькій, да вижу вѣдь... Здѣсь, вонъ, больнѣе дерутся, чѣмъ въ деревнѣ, да... Я вѣдь чувствую: не деревянный я!.. Кузнецъ какъ треснетъ по башкѣ, такъ тамъ ажъ гудитъ весь день послѣ того!.. И люди-то здѣсь все... драные, даромъ, что форсятъ...

— Эхъ, ты, сирота Божія!—сказалъ Терентій и, бросивъ ложку, ушелъ куда-то. Послѣдно таково ушелъ...

Вечеромъ этого дня Илья, уставши бродить по двору, гдѣ уже все было извѣстно ему, сидѣлъ на полу около стола дяди и сквозь дрѣму слушалъ разговоръ Терентія съ дѣдушкой Бремѣмъ, который пришелъ въ трактиръ попить чайку. Тряпич-

никъ очень подружился съ горбуномъ и, возвращаясь съ работы, всегда усаживался пить чай рядо́мъ со столомъ Терентія.

— Ничего-о!—слышалъ Илья скрипучій голосъ Еремѣя.—Ты—знай себѣ на Бога уповай!.. Ты только одно мысли про себя—Богъ! Онъ! Ты вродѣ крѣпостного у Него... потому сказано въ писаніи—рабъ! Такъ и знай—рабъ ты Божій. И все твое — Богово!.. И доброе, и худое—все Ему! Онъ разбереть, Онъ твою жизнь видитъ, Онъ Батюшка все-е видитъ!.. И придетъ такой свѣтлый день твой, скажетъ Онъ ангелу: слуга мой небесный! иди, облегчи житье Терентію, мирному рабу Моему... И дойдетъ въ тѣ поры до тебя твое счастье... до-ой-де-еть!

— Я, дѣдушка, уповаю на Господа, — что больше могу я? — тихо говорилъ Терентій.—Вѣрую—Онъ поможетъ!

— Онъ-то? Онъ никогда, я тебѣ скажу, человѣка не покинетъ зря на землѣ. Земля дана Богомъ для испытанія нашего... для исполненія нами заповѣди Его... Онъ взираетъ съ высотъ Своихъ и слѣдитъ: како любите другъ друга, людіе? Тако ли, како Азъ заповѣдалъ вамъ?.. И коли видитъ Онъ—трудно Терентію, то и пошлетъ благую вѣсть Еремѣю-старцу: эй, Ерема, помоги-ка рабу Моему!..

И вдругъ другимъ голосомъ, похожимъ на голосъ буфетчика Петрухи, когда онъ сердился,—дѣдъ сказалъ Терентію:

— На снаряженіе Илюшки въ училище я тебѣ дамъ!.. рублей съ пять... Поскребусь и наберу... Взаимы дамъ... Богатъ будешь—отдашь...

— Дѣдушка!—тихо воскликнулъ Терентій.

— Стой, молчи! А покамѣсть ты его, мальчишку-то, дай-ка мнѣ,—нечего тутъ ему дѣлать!.. А мнѣ замѣсто процента онъ и послужить... Тряпку подниметь, кость подасть... Все мнѣ, старику, спины не гнуть...

— Ахъ ты!.. Господь тебѣ!..—вскричалъ горбунъ звенящимъ голосомъ.

— Господь — мнѣ, я — тебѣ, ты — ему, а онъ — опять Господу, такъ оно у насъ колесомъ и завертится... И никто никому не долженъ будетъ... Хе-хе-хе-хе! Ми-ила-й! Э-эхъ, братъ ты мой! Жиль я, жиль, глядѣль, глядѣль—ничего, окромя Бога, не вижу. Все Его, все Ему, все отъ Него, все для Него!..

Илья заснулъ подъ эти тихія рѣчи. А на другой день рано утромъ дѣдъ Еремѣй разбудилъ его и весело сказалъ:

— Айда гулять, Илюшка! Ну-ка, живенько! Протирай глядѣлки-то!

Хорошо зажилъ Илья подъ ласковой рукой дѣдушки Еремѣя. Каждый день рано утромъ дѣдъ будилъ мальчика, и оба они вплоть до поздняго вечера ходили по городу, собирая тряпки, кости, рваную бумагу, обломки желѣза, куски кожи. Великъ былъ этотъ городъ и много любопытнаго было въ немъ, такъ что первое время Илья плохо помогаль дѣду, а все только разглядываль людей и дома, удивлялся всему и обо всемъ спрашиваль старика... Еремѣй былъ словоохотливъ. Низко наклонивъ голову и глядя въ землю, онъ ходилъ со двора на дворъ и, постукивая палкой съ желѣзнымъ концомъ, утираль слезы съ лица рукавомъ своихъ лохмотьевъ или концомъ грязнаго мѣшка и, не умолкая, пѣвуче, однотонно рассказываль своему помощнику:

— А этотъ домъ Пчелина купца, Саввы Петровича. Богатый человекъ купецъ Пчелинъ!.. Въ серебрѣ живеть да въ хрустали...

— Дѣдушка,—спрашиваль Илья,— а какъ это богатыми дѣлаются?

— А трудятся для этого, работаютъ, значить... И день работаютъ, и ночь и все деньги копятъ да копятъ. А какъ накопить много — выстроить себѣ домъ, завести лошадей, посуду разную и всякое такое... эдакое разное. Новое все! И наймутъ, значить, приказчиковъ, дворниковъ и разныхъ, тамъ, людей, чтобы они ужъ работали, а сами отдыхаютъ — живутъ. Ну, тогда говорится: разжился человекъ честнымъ трудомъ... н-да!.. А то есть, которые отъ грѣха богатѣютъ. Про Пчелина-купца говорятъ люди, будто онъ душу погубилъ, когда молодой еще былъ. Можетъ это отъ зависти сказано, а можетъ и правда. Злой онъ, Пчелинъ-то, и глазъ у него такой пугливой... Все бѣгаетъ глазъ, все прячется... Но можетъ и врутъ про Пчелина... Бываетъ, что человекъ богатѣетъ сразу... просто такъ... Удача ему... Удача на него взглянула... Эхъ, — одинъ Богъ въ правдѣ живеть, а мы всѣ ничего не знаемъ!.. Люди мы! А люди—сѣмена Божии... сѣмена, душа, люди-то! Посѣяль насъ Господь на землѣ—растите! а Я погляжу, какой хлѣбъ насущный будетъ изъ васъ... Такъ-то!.. А вотъ это вотъ—Сабанѣевъ домъ, Митрія Павлыча... Онъ еще Пчелина богаче. И ужъ онъ настоящій злодѣй—я знаю... не сужу,—Богу судить,—а знаю вѣрно... Въ нашей деревнѣ бурмистромъ онъ былъ и всѣхъ насъ продать, всѣхъ ограбилъ!.. Долго ему Богъ терпѣль это, да и началъ съ нимъ считаться. Перво-на-перво—оглохъ Митрій Павловъ, потомъ сына у него лошади убили... А недавно вотъ дочь, слышь, сбѣжала изъ дома...

Старикъ зналъ все и всѣхъ въ городѣ и обо всемъ говорилъ

беззлбно, просто. Все, что онъ разсказываль, выходило у него какимъ-то чистымъ, точно каждую исторію онъ омываль неизсякаемыми слезами своими.

Мальчикъ внимательно слушалъ его, поглядывая на огромные дома, и порой говорилъ:

— Хоть бы глазомъ однимъ въ нутро-то взглянуть!..

— Увидишь! Погоди! Знай учишь да трудишь: выростешь — все увидишь! Можетъ, и самъ разбогатѣешь... Живи, знай... Охо-хо-о! Вотъ я жиль-жилъ, глядѣль-глядѣль... глаза-то себѣ и испортилъ... Вотъ онѣ, слезы-то, текутъ да текутъ у меня... и оттого сталъ я тощій да хилый... Истекъ, значить, слезой-то... и кровь моя высохла...

Пріятно было Ильѣ слушать увѣренныя и любовныя рѣчи старика о Богѣ, и подъ ихъ ласковые звуки въ сердцѣ мальчика рождалось бодрое и крѣпкое чувство надежды на что-то хорошее, радостное, что ожидало его впереди. Онъ повеселѣлъ и сталъ больше ребенкомъ, чѣмъ былъ первое время жизни въ городѣ.

Онъ съ увлеченіемъ началъ помогать старику рыться въ мусорѣ. Было очень интересно раскапывать палкой кучи разнаго хлама, а особенно пріятно было Ильѣ видѣть радость старика, когда въ мусорѣ находилось что-нибудь особенное. Однажды Илья отрылъ въ помойной ямѣ большую серебряную ложку, и дѣдъ купилъ ему за это полфунта мятныхъ пряниковъ. Потомъ онъ откопалъ маленькій, покрытый зеленой плѣсенью, кошелекъ, а въ немъ оказалось больше рубля денегъ. Порой попадались ножи, вилки, гайки, изломанныя мѣдныя вещи, хорошія жестянки изъ-подъ ваксы и маринованной рыбы, а какъ-то разъ въ оврагѣ, гдѣ сваливался мусоръ со всего города, Илья отрылъ совершенно цѣлый, тяжелый мѣдный подсвѣчникъ. За каждую изъ такихъ цѣнныхъ находокъ дѣдъ покупалъ Ильѣ гостинцевъ.

Находя какую-нибудь диковину Илья радостно кричалъ:

— Дѣдушка, гляди-ка, гляди!.. Вотъ такъ а-яй!

А дѣдъ, суетливо и безпокойно оглядываясь, увѣщевалъ его:

— Да ты не кричи! Не кричи ты!.. ахъ, Господи!..

Онъ всегда пугался, когда находили необыкновенныя вещи, и, быстро хватывая ихъ изъ рукъ мальчика, пряталъ въ свой огромный мѣшокъ.

— Вотъ такъ поймалъ я рыбину!—хвалился Илья, оживленный удачей.

— Молчи, знай, помалкивай!.. Младенецъ ты милый,—ласково говорилъ старикъ, а слезы все текли и текли изъ его болящихъ красныхъ глазъ.

— Гляди, дѣдушка, костица-то какая—во!— снова кричалъ Илья.

Кости и тряпки не беспокоили дѣда; онъ бралъ ихъ изъ рукъ мальчика, очищалъ щепочкой грязь съ нихъ и совалъ въ мѣшокъ спокойно. Дѣдъ сшилъ Ильѣ небольшой мѣшокъ, далъ палку съ желѣзнымъ концомъ, и мальчикъ гордился этими вещами. Въ свой мѣшокъ онъ собиралъ разныя коробочки, поломанныя игрушки, красивые черепки, и ему нравилось чувствовать всѣ эти вещи у себя за спиной и слышать, какъ онѣ постукиваютъ тамъ. Собирать все это научилъ его дѣдъ Еремѣй.

— А ты собирай эти штучки и тащи ихъ домой. Принесешь, ребятишекъ обдѣлишь, радость имъ дашь. А хорошо это—радость людямъ дать, любить это Господь... Эхъ, сынь ты мой милый!.. Всѣ-то люди радости хотятъ, а радости на свѣтѣ ма-ало-мало! Такъ-то ли мало, что иной человѣкъ живетъ, живетъ и никогда ея не встрѣтитъ, никогда!..

Городскія свалки нравились Ильѣ больше, чѣмъ хожденіе по дворамъ. На свалкахъ не было никого, кромѣ двухъ, трехъ стариковъ такихъ же, какъ Еремѣй, и также рывшихся въ мусорѣ, и здѣсь не нужно было тревожно оглядываться по сторонамъ, ожидая дворника съ метлой въ рукахъ, который придетъ и начнетъ браниться нехорошими словами, прогнать, да еще иной разъ и ударить.

Каждый день Еремѣй, порывшись въ свалкахъ часа два, говорилъ мальчику:

— Будетъ, Илюша, будетъ, милый!.. посидимъ-ка, отдохнемъ давай, поѣдимъ малость!..

Онъ вынималъ изъ-за пазухи ломоть хлѣба, крестясь разламывалъ его, и они ѣли, а поѣвши отдыхали съ полчаса, лежа на краю оврага. Оврагъ выходилъ устьемъ на рѣку, и ее видно было имъ. Широкая, серебристо-синяя, она тихо катила мимо оврага свои волны, и, глядя на нее, Ильѣ хотѣлось куда-то плыть по ней. За рѣкою развертывались пустынные зеленые луга, стоги сѣна стояли на нихъ сѣрыми башнями и далеко на краю земли въ синее небо упиралась темная зубчатая стѣна лѣса. Было въ лугахъ тихо, ласково и чувствовалось, что воздухъ тамъ чистый, прозрачный и сладко-пахучій... А здѣсь было душно отъ запаха прѣвшаго мусора; запахъ этотъ давилъ грудь, щипалъ въ носу, и отъ этого у Ильи, какъ у дѣда, тоже слезы изъ глазъ потекли...

— Видишь, Иля, какія пространства на землѣ?—говорилъ дѣдъ.—И на всѣхъ ея пространствахъ все люди живутъ—бьются... А на нихъ Господь съ небеси смотритъ и все видитъ, и все знаетъ. Подумаетъ что человѣкъ—и все Ему извѣстно. Зато и дано имя святое Ему—Всецѣдущій Господь Богъ Саваоѣъ Исусъ

Христось. Онъ все знаетъ, все считаетъ, про все помнить. Отъ людей ты пятна грѣховныя на душѣ своей скроешь, отъ Него—нельзя: Онъ видитъ! Онъ говоритъ Себѣ про тебя: ахъ ты грѣшникъ, грѣшникъ ты, несчастный! погоди, Я те возмещу! И придетъ часъ—Онъ возмѣститъ тебѣ, бо-ольно возмѣститъ!.. Приказалъ Онъ людямъ—возлюбите другъ друга, и сдѣлалъ такъ, что которые людей не любятъ—и ихъ никто не любитъ. И живутъ они одни: тяжело имъ на свѣтѣ и нѣтъ для нихъ радости...

Лежа на спинѣ, мальчикъ смотрѣлъ въ небо и не видѣлъ конца высотъ его. Грусть и дрѣма овладѣвали имъ, какіе-то неясные, огромные образы зарождались въ его воображеніи. Казалось ему, что въ небѣ плаваетъ кто-то неуловимо глазу огромный, прозрачно-свѣтлый, ласково-грѣющій, добрый и строгій, и что онъ, мальчикъ, вмѣстѣ съ дѣдомъ и всею землею поднимается къ нему туда, въ бездонную высь, въ ея голубое сіянье, въ чистоту и свѣтъ ея... И сердце его сладко замирало въ чувствѣ тихой, покойной радости.

Вечеромъ, возвращаясь домой, Илья входилъ на дворъ съ важнымъ и недоступнымъ видомъ челоуѣка, который хорошю по-работалъ, желаетъ отдохнуть и совсѣмъ не имѣетъ времени заниматься пустяками, какъ всѣ другіе мальчишки и дѣвчонки. Всѣмъ дѣтямъ на дворѣ онъ внушалъ почтеніе къ себѣ своей солидной осанкой и мѣшкомъ за плечами, въ которомъ всегда ужъ лежали разныя интересныя штуки...

Дѣдъ, улыбаясь ребятишкамъ, говорилъ имъ какую-нибудь шутку.

— Вотъ и пришли Лазари, весь городъ облазили, вездѣ напроказили!.. Илья! Иди, помой рожу да приходи въ трактиръ чай пить!..

Илья вразвалку шелъ къ себѣ въ подвалъ, а ребятишки гурьбой слѣдовали за нимъ, осторожно ощупывая содержимое его мѣшка. Только Пашка дерзко, загораживая дорогу Ильѣ, говорилъ:

— Эй, ветошникъ! Ну-ка кажи, что принесъ...

— погодишь!—говоритъ Илья сурово.—Напьюсь чаю, покажу...

Въ трактиръ его встрѣчалъ дядя, ласково улыбаясь.

— Пришелъ работничекъ? Ахъ ты, сердяга!.. усталъ?

Егору было пріятно слышать, что его называютъ работникомъ, а слышалъ это онъ не отъ дяди только. Однажды Пашка что-то созорничалъ; Савель поймалъ его, ущемилъ въ колѣни Пашкину голову и, нахлестывая его веревкой, приговаривалъ:

— Не озоруй, шельма, не озоруй! На вотъ тебѣ, на! на! Другіе ребята въ твои годы сами себѣ хлѣбъ добываютъ, а ты только жрешь да одежду дерешь!..

Пашка визжалъ на весь дворъ и дрягалъ ногами, а веревка все шлепалась объ его спину. Илья со страннымъ удовольствіемъ слушалъ болѣзненные и злые крики своего врага, но слова кузнеца наполнили его сознаниемъ своего превосходства надъ Пашкой, и тогда ему стало жаль мальчика.

— Дядя Савель, брось!—вдругъ закричалъ онъ.—Дядя Савель!

Кузнецъ ударилъ сына еще разъ и, взглянувъ на Илью, сказалъ сердито:

— А ты—цыцъ! Заступникъ!.. Вотъ я те дамъ!..—Потомъ онъ отшвырнулъ сына въ сторону и ушелъ въ кузницу. Пашка всталъ на ноги и, спотыкаясь, какъ слѣпой, пошелъ въ темный уголь двора. Илья отправился за нимъ, полный жалости къ нему. Придя въ уголь, Пашка всталъ на колѣни, уперся лбомъ въ заборъ и, глядя руками поясицу, началъ выть еще громче. Ильѣ захотѣлось сказать что-нибудь ласковое избитому врагу, но онъ только спросилъ Пашку:

— Больно?

— У-уйди!—крикнулъ тотъ.

Этотъ злой крикъ обидѣлъ Илью, и онъ поучительно заговорилъ:

— Вотъ ты самъ всѣхъ колотишь, вотъ и....

Но раньше, чѣмъ договорилъ онъ, Пашка бросился на него и сшибъ его съ ногъ. Илья тоже осврѣпѣлъ, вцѣпилъ въ него, и оба они комомъ покатались по землѣ. Пашка кусался и царапался, а Илья, схвативъ его за волосы, колотилъ о землю его голову до поры, пока Пашка не закричалъ:

— Пусти-и!

— То-то!—сказалъ Илья, вставая на ноги, гордый своей побѣдой.—Видалъ? Я сильнѣе-то! Значить, ты меня не задирай теперь, а то я и еще побью тебя!..

Онъ отошелъ прочь, отирая рукавомъ рубахи въ кровь расцарапанное лицо. Среди двора стоялъ кузнецъ, мрачно нахмуривъ брови. Илья, увидѣвъ его, вздрогнулъ отъ страха и остановился, увѣренный, что сейчасъ кузнецъ избьетъ его за сына. Но тотъ повелъ плечами и сказалъ:

— Ну чего уставилъ буркалы на меня? Не видалъ раньше? Иди, куда идешь!..

А вечеромъ, поймавъ Илью за воротами, Савель легонько щелкнулъ его пальцемъ въ темя и, сумрачно улыбувшись спросилъ:

— Какъ дѣлишки, мусорщикъ? а?

Илья радостно хихикнулъ, — онъ былъ счастливъ. Сердитый кузнецъ, самый сильный мужикъ на дворѣ, котораго всѣ боялись

и уважали, шутить съ нимъ. Кузнецъ схватилъ его желѣзными пальцами за плечо и добавилъ ему еще радости:

— Ого-о!—сказалъ онъ.—Да ты — крѣпкій мальчишка!.. Не скоро износишься, нѣтъ, парень!.. Ну, расти!.. Выростешь — я тебя въ кузню возьму!..

Илья охватилъ у колѣна огромную ногу кузнеца и крѣпко прижался къ ней грудью. Должно быть Савель ощутилъ трепеть маленькаго сердца, задыхавшагося отъ его грубой ласки: онъ положилъ на голову Ильи свою тяжелую руку, помолчалъ немножко и густо молвилъ:

— Э-э-хъ, сирота!... ну-ка, пусти-ка!..

Сіяющій и веселый принялся Илья въ этотъ вечеръ за обычное свое занятіе—раздачу собранныхъ за день диковинокъ. Дѣти уже давно ждали его. Они усѣлись вокругъ Ильи на землю и жадными глазами глядѣли на грязный мѣшокъ. Илья доставалъ изъ мѣшка лоскутки ситца, деревяннаго солдатика, полинявшаго отъ невзгодъ, коробку изъ-подъ ваксы, помадную банку, чайную чашку безъ ручки и съ выбитымъ краемъ.

— Это мнѣ, мнѣ, мнѣ! — раздавались завистливые крики, и маленькія, грязныя ручонки тянулись со всѣхъ сторонъ къ рѣдкостнымъ 'вещамъ.

— погоди! Не хватай! — командовалъ Илья.—Развѣ игра будетъ, коли вы все сразу растащите? Ну, открываю лавочку! Продаю кусокъ ситцу... Самый лучший ситецъ! Цѣна—полтина!.. Машка, покупай!

— Купила!—отвѣчалъ Яковъ за сапожникову дочь и, доставая изъ кармана заранѣе приготовленный черепокъ, совалъ его въ руку торговцу. Но Илья не бралъ.

— Ну, какая это игра? А ты торгуйся, чо-орть! Никогда ты не торгуешься!.. Развѣ такъ бываетъ?

— Я забылъ!—оправдывался Яковъ. И начинался упорный торгъ; продавецъ и покупатели увлекались имъ, а въ это время Пашка ловко похищалъ изъ кучи то, что ему нравилось, убѣгалъ прочь и, приплясывая, дразнилъ ихъ:

— А я укралъ! А я укралъ! Розини вы! Дураки, черти!

Сначала онъ такими поступками приводилъ всѣхъ въ изступленіе: маленькіе кричали и плакали, а Яковъ и Илья бѣгали по двору за воромъ, но почти никогда не могли схватить его. Потомъ къ его выходкамъ привыкли, уже не ждали отъ него ничего хорошаго, единодушно не возлюбили его и не играли съ нимъ. Пашка жилъ въ сторонѣ и усердно старался дѣлать всѣмъ что-нибудь непріятное. А большегодовалый Яковъ возился, какъ нянька, съ курчавой дочерью сапожника. Она принимала его

заботы о ней какъ должное и хотя звала его Яшечка, но частенько царапала и била. Дружба съ Ильей крѣпла у него, и онъ постоянно рассказывалъ товарищу какіе-то странные сны.

— Будто у меня множество денегъ и все рубли, огромный мѣшокъ. И вотъ я тащу его по лѣсу. Вдругъ—разбойники идутъ. Съ ножами, страшные! Я—бѣжать! И вдругъ будто въ мѣшкѣ-то затрепыхалось что-то... Какъ я его брошу! А изъ него птицы разныя ф-р-р!.. Чижи, синицы, щеглята—видимо-невидимо! Подхватили онѣ меня и понесли, понесли высоко-высоко!

Онъ прерывалъ рассказъ, глаза его выкатывались, лицо принимало овецъе выраженіе...

— Ну?—поощрялъ его Илья, нетерпѣливо ожидая конца.

— Такъ я совсѣмъ и улетѣлъ!..—задумчиво доканчивалъ Яковъ.

— Куда?

— А... такъ ужъ... совсѣмъ!

— Эхъ ты!—разочарованно и пренебрежительно говорилъ Илья.—Ничего не помнишь!..

Изъ трактира выходилъ дѣдъ Еремѣи и, приставивъ ладонь ко лбу, кричалъ:

— Илюшка! Ты гдѣ? Иди-ка спать, пора!..

Илья послушно шелъ за старикомъ и укладывался на свое ложе—большой кулъ, набитый сѣномъ. Сладко спалось ему на этомъ кулѣ, хорошо жилъ онъ съ тряпичникомъ, но скоро промелькнула эта пріятная и легкая жизнь.

Дѣдушка Еремѣи сдержалъ свое обѣщаніе: онъ купилъ Илѣ сапоги, большое, тяжелое пальто, шапку, и вотъ мальчика отдали въ школу. Онъ пошелъ туда съ любопытствомъ и страхомъ, а воротился обиженный, унылый, со слезами на глазахъ: мальчики узнали въ немъ спутника дѣдушки Еремѣя и хоромъ начали дразнить:

— Тряпичникъ! Воючій! Воючій! Тряпичникъ!

Иные щипали его, другіе показывали языки, а одинъ подошелъ къ нему, потянулъ воздухъ носомъ и съ гримасой отскочилъ, громко крикнувъ:

— Вотъ такъ вонько пахнетъ!

— Что они дразнятся?—съ недоумѣніемъ и обидой спрашивалъ онъ дядю.—Али это зазорно, тряпки-то собирать?

— Ничего-о!—глядя мальчика по головѣ, говорилъ Терентій, скрывая свое лицо отъ вопрошающихъ и пытливыхъ глазъ племянника.—Это они такъ.... просто озоруютъ... Ничего! Ты потерпи!.. Они привыкнутъ... И ты привыкнешь...

— И надъ сапогами смѣются, и надъ пальтомъ!.. Чужое, говорятъ, изъ помойной ямы вытащено!..

Дѣдъ Еремѣй, весело подмигивая глазомъ, тоже утѣшалъ его:

— Терпи, знай! Онъ зачтетъ!.. Онъ-то? Милый! Кромѣ Его—никого!

Старикъ говорилъ о Богѣ съ такой радостью, съ такой вѣрой въ Его справедливость, точно зная всѣ мысли Бога и проникъ во всѣ Его намѣренія. И слова Еремѣя какъ будто погасили обиду въ сердцѣ мальчика, но на другой же день она вспыхнула еще сильнѣе. Илья уже привыкъ считать себя величиной, работникомъ: съ нимъ даже кузнецъ Савель говорилъ благосклонно, а школьняки смѣялись надъ нимъ и дразнили его. Онъ не могъ помириться съ этимъ: обидныя и горькія впечатлѣнія школы съ каждымъ днемъ все увеличивались, все глубже врѣзывались въ память его сердца. Посѣщеніе школы стало для него тяжелой и непріятной обязанностью. Держался онъ въ ней одиноко, нелюдимо. Онъ сразу обратилъ на себя вниманіе учителя своею понятливостью; учитель сталъ ставить его въ примѣръ другимъ, а это еще болѣе обостряло отношеніе мальчиговъ къ нему. Сидя на первой партѣ, онъ всегда чувствовалъ у себя за спиной враговъ, а они постоянно, имѣя его предъ своими глазами, тонко и ловко подмѣчали въ немъ все, надъ чѣмъ можно было посмѣяться, и смѣялись. Яковъ учился въ этой же школѣ и тоже былъ на худомъ счету у товарищей; они прозвали его „Бараномъ“. Разсѣянный и неспособный, онъ постоянно подвергался наказаніямъ, но относился къ нимъ равнодушно. Казалось, онъ вообще плохо замѣчалъ то, что творилось вокругъ него, живя какой-то особенной жизнью и въ школѣ, и дома. У него были свои думы, и онъ почти каждый день вызывалъ у Ильи удивленіе непонятными вопросами. То онъ сосредоточенно, прищуривая глаза, спрашивалъ:

— Илька! Это отчего бываетъ,--глаза у людей маленькіе, а видятъ все!.. Цѣлый городъ видятъ. Вотъ—всю улицу... Какъ она въ глаза убирается большая такая?

Или, глядя въ небо, вдругъ замѣчалъ:

— Солнце-то!..

— Что?—спрашивалъ Илья.

— Ишь жарить!..

— Ну?..

— Ничего!.. Знаешь, что я думаю? Можетъ оно мужъ, а мѣсяць—жена ему!.. Оттого и звѣзды!..

Сначала Илья задумывался надъ этими странными рѣчами, но потомъ онъ стали мѣшать ему, отводя мысли куда-то въ сто-

рону отъ тѣхъ событій, которыя задѣвали его. А такихъ событій было много, и мальчикъ уже научился тонко подмѣчать ихъ.

Однажды онъ пришелъ изъ школы домой и, не хорошо оскаливъ зубы, сказалъ дѣду Еремѣю:

— Учитель-то?! Гы-ы!.. Тоже понятливый!.. Вчера лавошника Малафѣева сынъ стекло разбилъ въ окошкѣ, такъ онъ его только пожурилъ легонько, а стекло-то сегодня на свои деньги вставилъ...

— Видишь, какой добрый человѣкъ!—съ умиленіемъ сказалъ Еремѣй.

— Добрый, да-а! А какъ Ванька Ключаревъ разбилъ стекло, такъ онъ его безъ обѣда оставилъ, да потомъ Ванькина отца позвалъ и говорить: подай на стекло сорокъ копеекъ!.. А отецъ Ваньку выпоролъ!.. Ишь какіе!

— А ты этого не замѣчай себѣ, Илюша!—посовѣтовалъ ему дѣдъ, безпокойно мигая глазами.—Ты такъ гляди, будто не твое дѣло. Неправду разбирать—Богу принадлежить, а не намъ! Мы не можемъ. Мы неправду, всегда видимъ, а правды найти не умѣемъ. А Онъ ужъ все свѣситъ!.. Онъ всему мѣру и вѣсь знаетъ!.. Я вотъ, видишь, жилъ-жилъ, глядѣль-глядѣль,—столько неправды видѣль—сосчитать невозможно! А правды не видалъ!.. Восьмой десятокъ мнѣ пошелъ однако... И не можетъ того быть, чтобы за такое большое время не было правды около меня на землѣ-то... А я не видалъ... не знаю ее...

— Ну-у!—недовѣрчиво сказалъ Илья.—Тутъ чего знать-то? Коли съ одного сорокъ, такъ и съ другого сорокъ: вотъ и правда!..

Старикъ не согласился съ этимъ. Онъ еще много говорилъ о себѣ, о слѣпотѣ людей и о томъ, что не могутъ они правильно судить другъ друга, а только Божій судъ справедливъ. Илья слушалъ его внимательно, но все угрюмѣе становилось его лицо и глаза все темнѣли.

— Когда Богъ судить-то будетъ? и вдругъ спросилъ онъ дѣда.

— Не вѣдомо это!.. Ударить часъ, снизойдетъ Онъ со облакъ судити живыхъ и мертвыхъ... а когда?—Не вѣдомо... Ты вотъ что, пойдемъ-ка со мною ко всеобщей въ субботу...

— Пойдемъ!..

— Ну, вотъ!..

И въ субботу Илья стоялъ со старикомъ на церковной паперти, рядомъ съ нищими, между двухъ дверей. Когда отворялась наружная дверь, Илью обдавало морознымъ воздухомъ съ улицы, у него зябли ноги, и онъ тихонько топалъ ими по каменному полу. А сквозь стекла двери въ церковь онъ видѣль, какъ огни свѣчей, сливаясь въ красивые узоры изъ трепетно

живыхъ точекъ золота, освѣщали сверкающій металлъ ризъ, черныя головы людей, лики иконъ, красивую рѣзбу иконостаса.

Люди въ церкви казались болѣе добрыми и смиренными, чѣмъ они были на улицѣ. Они были и красивѣе въ золотомъ блескѣ, освѣщавшемъ ихъ темныя, молчаливо и смиренно стоящія фигуры. Когда дверь изъ церкви растворялась, на паперть вылетала душистая отъ ладапа, теплая, звучная волна пѣнія; она ласково обливала мальчика, и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ ее въ себя. Ему было хорошо стоять тутъ, около дѣдушки Еремѣя, шептавшаго молитвы. Онъ слушалъ, какъ по храму носились красивые звуки и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда отворится дверь и они хлынутъ на него, громкіе, радостные, и пахнутъ въ лицо его душистымъ тепломъ. Онъ зналъ, что на клиросѣ поетъ Гришка Бубновъ, одинъ изъ самыхъ злющихъ насмѣшниковъ въ школѣ, и Ѳедька Долгановъ, силачъ и драчунъ, не разъ колотившій его. Но теперь онъ не чувствовалъ ни обиды на нихъ, ни злобы къ нимъ, а только немножко завидовалъ. Ему самому хотѣлось бы пѣть на клиросѣ и смотрѣть оттуда на лица людей. Должно быть это очень хорошо—пѣть, стоя у золотыхъ царскихъ вратъ выше всѣхъ людей, и видѣть ихъ спокойныя, мирныя лица. Онъ ушелъ изъ церкви, чувствуя себя добрымъ и готовый помириться и съ Бубновымъ, и съ Долгановымъ, и со всѣми учениками. Но въ понедѣльникъ онъ пришелъ изъ школы такой же, какимъ и прежде приходилъ,—угрюмый и обиженный.

Во всякой толпѣ есть человекъ, которому тяжело въ ней, и не всегда для этого нужно быть лучше или хуже ея. Можно возбудить въ ней злое вниманіе къ себѣ и не обладая выдающимся умомъ или смѣшнымъ носомъ: она выбираетъ себѣ человекъ для забавы, руководствуясь только желаніемъ забавляться. Въ данномъ случаѣ выборъ палъ на Илью Лунева. Онъ навѣрное со временемъ примирился бы съ нею, а она съ нимъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ въ жизни Ильи произошли событія, которыя подавили его тяжелыми впечатлѣніями, сдѣлали школу окончательно не интересной для него, въ то же время приподняли его надъ ея мелочами и затушевали его воспоминанія о ней.

Началось съ того, что однажды, подходя къ дому вмѣстѣ съ Яковымъ, Илья увидалъ какую-то суету у воротъ.

— Гляди!—сказалъ онъ товарищу,—опять, видно, дерутся!.. Бѣжимъ!

Они стремглавъ бросились впередъ и, прибѣжавъ, увидали, что по двору испуганно мечутся какіе-то чужіе люди и кричатъ:

— Полицію зовите! Связать его надо!

Около кузницы люди собрались въ большую, плотную кучу и

стояли молча, неподвижно. Ребятишки пролѣзли въ центрѣ толпы и попятились назадъ. У ногъ ихъ, на снѣгу, лежала внизъ лицомъ женщина; затылокъ у нея былъ въ крови и какомъ-то тѣстѣ, а снѣгъ вокругъ головы былъ густо красенъ отъ крови. Около нея валялся смятый бѣлый платокъ и большія кузнечныя клещи. Въ дверяхъ кузни, скорчившись, сидѣлъ Савель и смотрѣлъ на руки женщины. Онѣ были вытянуты впередъ, кисти ихъ глубоко вцѣпились въ снѣгъ и голова лежала между ними такъ, точно женщина эта хотѣла уползти, спрятаться. Брови у кузнеца были сурово нахмурены, лицо осунулось; было видно, что онъ крѣпко сжалъ зубы: скулы торчали двумя большими шишками. Правой рукой онъ упирался въ косякъ двери; черные пальцы его шевелились, какъ когти у кошки, и кромѣ этихъ пальцевъ все въ кузнецѣ было неподвижно. Но Ильѣ казалось, что вотъ сейчасъ онъ откроетъ плотно сжатые губы и крикнетъ во всю силу своей широкой груди.

Люди молча смотрѣли на него: лица у всѣхъ были важныя, строгія, и хотя на дворѣ было шумно и суетно, здѣсь, около кузницы, ни шума, ни движенія... Вотъ изъ толпы тяжело вылѣзъ дѣдушка Еремѣй, растрепанный, потный; онъ дрожащей рукой протянулъ кузнецу ковшъ воды и сказалъ:

— На-ко... испей-ко...

— Не води ему, разбойнику, а петлю на шею,—сказалъ кто-то вполголоса. Савель взялъ ковшъ лѣвой рукою и пилъ долго, долго. А когда выпилъ всю воду, то посмотрѣлъ въ пустой ковшъ и заговорилъ глухимъ своимъ голосомъ:

— Я ее упреждалъ... Перестань, стерво! Говорилъ — гляди, убью! Прощалъ ей... сколько разовъ прощалъ... Не вникла... Ну и вотъ!.. Пашка-то... Сирота теперь... Дѣдушка... Погляди за нимъ... Тебя вотъ Богъ любитъ... Погляди...

— И-и-эхъ-ты-ы!—печально сказалъ дѣдъ и потрогалъ кузнеца за плечо дрожащей рукою своей, а кто-то изъ толпы опять замѣтилъ:

— Ишь, злодѣй!.. Про Бога говорить тоже!!

Тогда кузнецъ вскинулъ на людей страшными глазами и вдругъ звѣрежь заревѣлъ:

— Чего надо? Прочь всѣ!

Крикъ его какъ плетью ударилъ толпу. Она глухо заворчала и отхлынула прочь. Кузнецъ поднялся на ноги, шагнулъ къ мертвой женщинѣ, но тотчасъ же повернулся назадъ и—огромный, прямой—ушелъ въ кузню. Всѣ видѣли, что, войдя туда, онъ сѣлъ на наковальню, схватилъ руками голову, точно она вдругъ нестерпимо заболѣла у него, и началъ качаться впередъ и назадъ.

Пльѣ стало жалко кузнеца; онѣ ушелѣ прочѣ отѣ кузницы и какѣ во снѣ сталѣ ходить по двору отѣ одной кучки людей къ другой, слушаѣ разговоры, но ничего не понимая. Предѣ его глазами стояло красное пятно, и сердцу въ его груди было тѣсно.

Явилась полиція и начала гоняѣ людей по двору, а потомѣ кузнеца забрали и повели.

— Прощайте... прощай, дѣдушка!—крикнулъ Савелѣ, выходя изѣ воротѣ.

— Прощай, Савелѣ Иванычѣ, прощай, милый! — торопливо и тонко крикнулъ Еремѣй, порываясь за нимѣ.

И, кромѣ старика, никто не простился съ кузнецомѣ...

Стоѣ на дворѣ маленькими кучками, люди разговаривали, сумрачно поглядывая туда, гдѣ лежало тѣло убитой, покрытое рогожей. Въ дверяхѣ кузни, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Савелѣй, теперь помѣстился будочникѣ съ трубкой въ зубахѣ. Онѣ курилъ, сплевывалѣ слюну и, мутными глазами глядя на дѣда Еремѣя, слушалѣ его рѣчь.

— Развѣ онѣ убилѣ?—таинственно и тихо говорилѣ старикѣ.— Черная сила это, она это! Человѣкъ человѣка не можетѣ убить... Человѣкъ—добро, онѣ Богоносець... Не онѣ убиваетѣ, неправда это, люди добрые!

Еремѣй прикладывалѣ руки къ своей груди, отмахивалѣ ими что-то отѣ себя, кашлялъ и продолжалѣ объяснять людямѣ тайну событѣя.

— Давно ему черныѣ нашептывалѣ въ мысли-то: убей, дескать!

— Давно, говоришь?—важно освѣдомился полицейскѣй.

— Давно-о! Твоя, дескать, она. А это неправда... Лошадь — моя... Собака—моя... а жена—Богова!.. Она—человѣкъ!.. Она всѣ труды-тягости отѣ Господа приняла въ раю и несетѣ ихѣ купно съ нами, мужиками... А черныѣ-то все и гвоздитѣ: убей, твоя!.. Ему надо, чтобы человѣкъ противѣ Бога шелѣ... Онѣ самѣ противѣ Бога идетѣ и въ человѣкѣ помощника ищетѣ...

— Однако клещами-то ее не чортѣ двинулъ, а кузнецѣ,—сказалѣ полицейскѣй и сплюнулѣ.

— А кто ему внушилѣ? — вскричалѣ дѣдѣ. — Ты разгляди, кто внушилѣ?

— погоди!—сказалѣ полицейскѣй. — Онѣ кто тебѣ, кузнецѣ зтотѣ? Сынѣ?

— Нѣтъ, гдѣ тамѣ!..

— погоди! Родня онѣ тебѣ?

— Нѣ-ѣтъ. Нѣтъ у меня родни...

— Постой! Такѣ чего же ты безпокоишься?

— Я-то? А, Господи...

— Я тебѣ вотъ что скажу, — строго молвилъ полицейскій: — все это ты отъ старости лопочешь... И—пошелъ прочь!

Будочникъ выпустилъ изъ угла губъ густую струю дыма и отвернулся отъ старика. Но Еремѣй взмахнулъ руками и вновь заговорилъ быстро, визгливо.

Илья, блѣдный, съ расширенными глазами, отошелъ отъ кухни и остановился у группы людей, въ которой стояли извозчикъ Макарь, Перфишка, Матица и другія женщины съ чердака.

— Она, милые, еще до свадьбы погуливала!—говорила одна изъ женщинъ.—Я это знаю! Еще, можетъ, Пашка-то не кузнеца сынъ, а учителя изъ гимназій, что у лавошника Малафѣева жилъ... пиль-то все...

— Это что застрѣлился который?—спросилъ Перфишка.

— Вотъ, вотъ!.. Она съ нимъ и начала...

— Однако за все за это не того... — степенно говорилъ Макарь.—Этакъ-то больно ужъ просто... Онъ свою бабу пристукнетъ, я свою.

— Подбирать не успѣють!—сказалъ веселый сапожникъ Перфишка.—У меня вонъ тоже жена ни къ чему не служить, однако я терплю!..

— Терпишь ты, чортъ!—угрюмо сказала Матица.

А безногая жена Перфишки тоже вылѣзла на дворъ и, вся закутавшись въ какіе-то лохмотья, сидѣла на своемъ мѣстѣ у входа въ подвалъ. Руки ея неподвижно лежали на колѣняхъ: она подняла голову и смотрѣла черными глазами на небо. Губы ея были плотно сжаты, концы ихъ спустились книзу. Илья тоже сталъ смотрѣть то въ глаза женщины, то въ глубину неба, и ему подумалось, что, можетъ быть, Перфишкина жена видитъ Бога и, молча, просить Его о чемъ-то.

Вскорѣ всѣ ребятки тоже собрались въ тѣсную кучку у входа въ подвалъ. Зябко кутаясь въ свои одежды, они сидѣли на ступеняхъ лѣстницы и, подавленные жуткимъ любопытствомъ, слушали рассказъ Савелова сына. Лицо у Пашки осунулось, а его лукавые глаза глядѣли на всѣхъ безпокойно и растерянно. Но онъ чувствовалъ себя героемъ: никогда еще люди не обращали на него столько вниманія, какъ сегодня. Рассказывая въ десятый разъ одно и то же, онъ говорилъ какъ бы нехотя, равнодушно:

— Какъ ушла она третьяго дня, такъ еще тогда отецъ зубами заскрипѣлъ и съ той поры такъ и былъ злющій, рычить. Меня то и дѣло за волосья дереть... Я ужъ вижу—ого! И вотъ она пришла. А квартира-то заперта была,—мы въ кузнѣ были. Я стоялъ у мѣховъ. Вотъ вижу, она подошла, встала въ двери и

говорить: дай-ко ключь! А отецъ-то взялъ клещи и пошелъ на нее... Идетъ это онъ тихо такъ, будто крадется... Я даже глаза зажмурилъ—страшно! Хотѣлъ ей крикнуть: бѣги, мамка! Не крикнулъ... Открылъ глаза, а онъ все идетъ еще! Глазищи горять! Тутъ она пятится начала... А потомъ обернулась задомъ къ нему: видно, бѣжать хотѣла...

Лицо у Пашки дрогнуло, все его худое, угловатое тѣло задергалось. Глубокимъ вздохомъ онъ глотнулъ много воздуха и выдохнулъ его протяжно, сказавъ:

— Тутъ онъ ее клещами ка-акъ брякнетъ!

Неподвижно сидѣвшія дѣти зашевелились.

— Она взмахнула руками и упала... какъ въ воду мырнула...

Онъ замолчалъ, взялъ въ руки какую-то щепочку, внимательно осмотрѣлъ ее и бросилъ ее куда-то черезъ головы дѣтей. Они всѣ тоже сидѣли молча и неподвижно, какъ будто ждали отъ него чего-то еще. Но онъ молчалъ, низко наклонивъ голову.

— Совсѣмъ убилъ?—спросила Маша тонкимъ дрожащимъ голосомъ.

— Дура!—не поднимая головы, сказалъ Пашка.

Яковъ обнялъ дѣвочку и подвинулъ ее ближе къ себѣ, а Илья подвинулся къ Пашкѣ, тихо спросивъ его:

— Тебѣ ее жалко?

— А что тебѣ за дѣло?—сердито отозвался Пашка.

Всѣ сразу и молча взглянули на него.

— Вотъ она все гуляла,—раздался звонкій голосъ Маши, но Яковъ торопливо и безпокойно перебилъ ее рѣчь:

— Загуляешь!.. Вонъ онъ какой былъ, кузнецъ-то!.. Черный всегда, страшный, урчить!.. А она веселая была, какъ Перфишка... И было ей скучно... съ кузнецомъ...

Пашка взглянулъ на него и заговорилъ угрюмо, солидно, какъ большой:

— Я ей говорилъ: смотри, мамка! Онъ тебя убьетъ!.. Не слушала... Бывало, только просить, чтобъ ему не сказывалъ ничего... Гостинцы за это покупала. А фегъфепель все пятаки мнѣ дарилъ. Я ему принесу записку, а онъ мнѣ сейчасъ пятакъ дастъ... Онъ—добрый!.. Силачъ такой... Усищи у него...

— А сабля есть?—спросила Маша.

— Еще какая!—отвѣтилъ Пашка и съ гордостью прибавилъ:—Я ее разъ вынималъ изъ ноженъ,—чижолая, дьяволь!

Яковъ задумчиво сказалъ:

— Вотъ и ты теперь сирота... какъ Илюшка...

— Какъ бы не такъ,—недовольно отозвался сирота.—Ты думаешь, я тоже въ тряпичники пойду? Наплевалъ я!

— Я не про то...

— Я теперь, что хочу, то и дѣлаю!..—поднявъ голову и сердито сверкая глазами, говорилъ Пашка гордымъ голосомъ. — Я не сирота... а просто... одинъ буду жить. Вотъ отецъ-то не хотѣлъ меня въ училище отдать, а теперь его въ острогъ посадятъ... А я пойду въ училище, да и выучусь... еще лучше вашего!

— А гдѣ одежду возьмешь?—спросилъ его Илья, усмѣхаясь съ торжествомъ.—Въ училищѣ дранаго-то не больно еще примутъ!.. Что?

— Одежу? А я... кузницу продамъ!

Всѣ взглянули на Пашку съ уваженіемъ, а Илья почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Пашка замѣтилъ впечатлѣніе и понеся еще выше.

— Я еще лошадь себѣ куплю... живую, всамдѣлишнюю лошадь! И буду ѣздить въ училище верхомъ!..

Ему такъ понравилась эта мысль, что онъ даже улыбнулся, хотя улыбка была какая-то пугливая,—мелькнувъ на губахъ, она тотчасъ же исчезла.

— Бить тебя ужъ никто теперь не будетъ. — вдругъ сказала Маша Пашкѣ, глядя на него съ завистью.

— Найдутся охотники! — увѣренно возразилъ Илья.

Пашка взглянулъ на него и, ухарски сплюнувъ въ сторону, спросилъ:

— Ты что ли? Сунься-ка!

Снова вмѣшался Яковъ.

— А какъ чудно, братцы!.. былъ человекъ и ходилъ, говорилъ и все... какъ всѣ, — живой былъ, а ударили клещами по головѣ—его и нѣтъ!..

Ребятишки, всѣ трое, внимательно посмотрѣли на Якова, а у него глаза полѣзли на лобъ и остановились, смѣшно выпученные.

— Да-а!—сказалъ Илья.—Я тоже думаю про это...

— Говорятъ — умеръ, — тихо и таинственно продолжалъ Яковъ,—а что такое умеръ?

— Душа улетѣла,—сумрачно пояснилъ Пашка.

— На небо,—добавила Маша и, прижавшись къ Якову, взглянула на небо. Тамъ уже загорались звѣзды; одна изъ нихъ,—большая, яркая и не мерцающая,—была ближе всѣхъ къ землѣ и смотрѣла на нее холоднымъ, неподвижнымъ окомъ. За Машей подняли головы кверху и трое мальчиковъ. Пашка взглянулъ и тотчасъ же убѣжалъ куда-то. Илья смотрѣлъ долго, пристально, со страхомъ въ глазахъ и въ одну точку, а большіе глаза Якова блуждали въ синевѣ небесъ такъ, точно онъ искалъ тамъ чего-то.

Яшка!—окликнулъ его товарищъ, опуская голову.

— А?

— Я вотъ все думаю...—голосъ Ильи оборвался.

— Про что?—тоже тихонько спросилъ Яковъ.

— Про всѣхъ...

— Ну?

— Какъ они... Не ладно какъ-то... Убили человѣка... всѣ суетятся, сбѣгаютъ... говорятъ разное... А никто не заплакалъ... никто не пожалѣлъ...

— Да-а... Еремѣй плакалъ...

— Онъ всегда ужь... А Пашка-то какой? Ровно сказку рассказывалъ...

— Онъ форсить... Ему жаль, да онъ насъ стыдится плакать-то... А вотъ теперь побѣжалъ и чай такъ то-ли реветъ... держись только!

Они посидѣли нѣсколько минутъ молча, плотно прижавшись другъ къ другу.

Маша уснула на колѣняхъ Якова, а лицо ея такъ и осталось обращеннымъ къ небу.

— А страшно тебѣ?—уже шопотомъ спросилъ Яковъ.

— Страшно!—также отвѣтилъ Илья.

— Теперь душа ея ходить будетъ тутъ...

— Да-а... Машка-то спитъ...

— Надо стащить ее домой... А и шевелиться-то боязно...

— Идемъ вмѣстѣ...

Яковъ положилъ голову спящей дѣвочки на плечо себѣ, охватилъ руками ея тонкое тѣльце и съ усиленіемъ поднялся на ноги, шопотомъ говоря:

— Погоди, Илья, я впередъ пойду...

Онъ пошелъ, покачиваясь подъ тяжестью пошн, а Илья шелъ сзади, почти упираясь носомъ въ затылокъ товарища. И ему чудилось, что кто-то невидимый идетъ за нимъ, дышитъ холодомъ въ его шею и вотъ-вотъ схватитъ его. Онъ толкнулъ товарища въ спину и чуть слышно шепнуть ему:

— Иди скорѣе!..

Вслѣдъ за этимъ событіемъ началъ прихварывать дѣдушка Еремѣй. Онъ все рѣже выходилъ собирать тряпки, а оставался дома и скучно бродилъ по двору или лежалъ у себя, въ своей темной конурѣ. Приближалась весна, и во дни, когда на ясномъ небѣ ласково сіяло теплое солнце, старикъ сидѣлъ гдѣ-нибудь на припекѣ, озабоченно высчитывая что-то на пальцахъ и без-

звучно шевеля губами. Сказки дѣтямъ онъ сталъ разсказывать рѣже и хуже. Заговорить и вдругъ закашляется. Въ груди у него что-то хрипѣло, точно просилось на волю.

— Будеть ужъ тебѣ!—увѣщевала его Маша, любившая сказки больше всѣхъ.

— По... г-годи!..—задыхаясь говорилъ старикъ.—Погоди, сейчасъ... отступить...

Но кашель не отступалъ, а еще сильнѣе трясъ изсохшее тѣло старика. Иногда ребятишки такъ и расходились, не дождавшись конца сказки, и когда они уходили, дѣдъ смотрѣлъ на нихъ какъ-то особенно жалобно.

Илья замѣтилъ, что болѣзнь дѣда очень беспокоитъ буфетчика Петруху и дядю Терентія. Петруха по нѣскольку разъ въ день появлялся на черномъ крыльцѣ трактира и, отыскавъ веселыми, сѣрыми глазами старика, спрашивалъ его:

— Какъ дѣлишки, дѣдка? Полегче, что ли?

Коренастый, въ розовой ситцевой рубахѣ, онъ ходилъ загнувъ руки въ карманы широкихъ суконныхъ штановъ, направленныхъ въ блестящіе сапоги съ мелкимъ наборомъ. Въ карманахъ у него всегда побрякивали деньги. Его круглая голова уже начинала лысѣть солба, но на ней еще много было кудрявыхъ русыхъ волосъ, и онъ всегда молодецки встряхивалъ ими. Илья не любилъ его и раньше, но теперь это чувство все росло у мальчика. Онъ зналъ, что Петруха не любитъ дѣда Еремѣя. Однажды онъ слышалъ, какъ буфетчикъ училъ дядю Терентія:

— Ты, Тереха, надзирайтъ за нимъ! Онъ—скаредъ!.. У него, чай, въ подушкѣ-то, поди, накоплено не мало. Не зѣвай!.. Ему, старому кроту, вѣку не много осталось; ты съ нимъ въ дружбѣ, а у него—ни души родной!.. Сообрази, красавецъ!..

Вечера дѣдушка Еремѣй попрежнему проводилъ въ трактирѣ около Терентія, разговаривая съ горбуномъ о Богѣ, правдѣ и дѣлахъ человѣческихъ. Горбунъ, живя въ городѣ, сталъ еще уродливѣе. Онъ какъ бы вымокъ въ своей работѣ; глаза у него стали тусклые, пугливые, тѣло точно растаяло въ трактирной жарѣ. Грязная рубашка постоянно вползала на горбъ, обнажая поясницу. Разговаривая съ кѣмъ-нибудь, Терентій все время держалъ руки за спиной и оправлялъ рубашку быстрымъ движеніемъ рукъ,—казалось, что онъ прячетъ что-то въ свой огромный горбъ.

Когда дѣдушка Еремѣй сидѣлъ на дворѣ, Терентій тоже выходилъ на крыльцо и смотрѣлъ на него, прищуривая глаза и прислоняя ладонь ко лбу. Желтая бороденка на его остромъ лицѣ

вздрагивала, когда онъ спрашивалъ слабымъ и виноватымъ голосомъ:

— Дѣдушка Ерема! Не надо ли чего?

— Спасибо!.. Не надо... ничего ужъ не надо...—отвѣчалъ старикъ.

Горбунъ медленно поворачивался на тонкихъ ногахъ и уходилъ. А старику съ каждымъ днемъ становилось все хуже.

— Видно ужъ не оправиться мнѣ,—сказалъ онъ однажды Ильѣ, сидѣвшему рядомъ съ нимъ.—Видно время ужъ помирать! Только...

Еремѣй подозрительно оглянулся вокругъ и шопотомъ продолжалъ:

— Рано, Илюша! Дѣла я моего не сдѣлалъ!.. Не успѣлъ! Деньги-то... копилъ я деньги, семнадцать годовъ копилъ... На церковь накопить думалъ... Думалъ въ деревнѣ своей храмъ Божій построить... Нужно это... охъ, нужно людямъ Божіи храмы имѣть. Одно убѣжище намъ—у Бога... Мало накопилъ я... не хватить... И тѣ, что есть, куда дѣвать—не знаю... Господи, научи!.. А ужъ воронье летаетъ, каркаетъ, чуетъ кусъ!.. Илюша, ты знай: деньги у меня есть... Не говори никому, а знай!..

Илья выслушалъ рѣчь старика, почувствовалъ себя носителемъ большой и важной тайны и понялъ, что это воронье, о которомъ со страхомъ и скорбью говорилъ старикъ.

А черезъ нѣсколько дней, придя изъ школы и раздѣваясь въ своемъ углу, Илья услышалъ въ конуркѣ дѣдушки Еремѣя странные звуки. Кто-то бормоталъ, всхлипывалъ и хрипѣлъ, точно его душили. Порой раздавалось ясно выдѣлявшееся шипѣніе:

— Кш... кшш... про-очь!..

Мальчикъ боязливо толкнулся въ дверь къ дѣду,—она была заперта. Тогда онъ дрожащимъ голосомъ крикнулъ:

— Дѣдушка!

А изъ-за двери раздался въ отвѣтъ ему торопливый задыхающийся шопоть:

— Кшш!.. Господи... помилуй... помилуй... помилуй...—И вдругъ стало тихо. Илья отскочилъ отъ двери, не зная, что дѣлать, но тотчасъ же прислонилъ лицо къ щели въ переборкѣ и замеръ на мѣстѣ, весь вздрагивая. Въ крошечной комнатѣ старика стояла мутная мгла. Свѣтъ едва проникалъ туда сквозь грязное, маленькое окно. Было слышно, какъ въ стекла бьютъ брызги весенней капли и въ яму предъ окномъ течетъ со двора вода. Илья присмотрѣлся и увидалъ, что старикъ лежитъ на своей постели вверхъ грудью и молча размахиваетъ руками.

— Дѣдушка!—тоскливо окрикнулъ мальчикъ.

Старикъ вздрогнулъ, приподнялъ голову и громко забормоталъ:

— Кш... Петруха... гляди, Бо-огъ! Это Ему!.. это на храмъ Ему... Кш... Вѣронъ ты... Господи... Твое... Тво-ое!.. Сохрани... Спаси... помилуй... помилуй, помилуй...

Илья дрожалъ отъ ужаса, но не могъ уйти. И онъ видѣлъ, какъ, безсильно мотавшаяся въ воздухѣ, черная и сухая рука Еремѣя грозила кому-то невидимому крѣчкватымъ пальцемъ.

— Гляди!.. Богово!.. не моги!..

А потомъ дѣдъ весь подобрался, съежился и—вдругъ сѣлъ на своемъ ложѣ. Бѣлая борода его трепетала, какъ крыло летящаго голубя. Онъ протянулъ руки впередъ и, сильно толкнувъ ими кого-то, свалился на полъ.

Илья взвизгнувъ и бросился вонъ. А въ ушахъ у него шипѣло, пресѣдая его:

— Кш... кш...

Мальчикъ вбѣжалъ въ трактиръ и, задыхаясь, крикнулъ:

— Дядя!.. померь...

Терентій охнулъ, затопалъ ногами на одномъ мѣстѣ и сталъ судорожно опрашивать рубаху, глядя на Петруху, стоявшаго за буфетомъ.

— Дядя, иди скорѣе!..

— Ну что жъ ты?—строго сказалъ Петруха.—Иди! Царство небесное! Хорошій былъ старичокъ, между прочимъ... Пойду и я... погляжу... Илья, ты побудь здѣсь... понадобится что, прибѣги за мной,—слышишь? Яковъ, стой за буфетомъ... Я скоро приду...

Петруха пошелъ вонъ изъ трактира, не торопясь, громко стучая каблуками, и оба мальчика слышали, какъ за дверями онъ снова сказалъ горбуну:

— Иди, иди... дурья голова...

Илья былъ сильно испуганъ всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, но этотъ испугъ не мѣшалъ ему замѣчать все, что творилось вокругъ.

— Ты видѣлъ, какъ онъ помиралъ?—спросилъ Яковъ изъ-за стойки.

Илья посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ вопросомъ же:

— А зачѣмъ они пошли туда?..

— Смотрѣть!.. ты же ихъ позвалъ!..

Илья промолчалъ. Потомъ онъ крѣпко закрылъ глаза и заговорилъ:

— Ну и страшно!.. Какъ онъ его толкалъ!..

— Кого?—любопытно вытянувъ голову, спросилъ Яковъ.

— Чорта!..—отвѣтилъ Илья, подумавъ.

— Ты видѣлъ?

— А?

— Ты чорта видѣлъ?—подбѣгая къ нему, тихо крикнулъ Яковъ. Но товарищъ его опять закрылъ глаза и не отвѣчалъ.

— Испугался?—дергая его за рукавъ, спрашивалъ Яковъ.

— Погоди!—вдругъ таинственно сказалъ Илья.—Я... выбѣгу я... на минуту... ладно? А ты отцу не говори,—ладно?

— Ладно! А потомъ бѣги сюда...

Подгоняемый своей догадкой, Илья бѣгомъ бросился изъ трактира и черезъ нѣсколько секундъ былъ уже въ подвалѣ. Осторожно, безшумно, какъ мышопокъ, онъ подкрался къ щели въ перегородкѣ и вновь прильнулъ къ ней. Дѣдъ былъ еще живъ,—онъ хрипѣлъ... Но Илья не видѣлъ его: тѣло умирающаго старика валялось на полу у ногъ двухъ живыхъ черныхъ фигуръ. Во мглѣ онъ обѣ сливались въ одну большую, уродливую. Потомъ Илья разглядѣлъ, что его дядя, стоя на колѣняхъ у ложа старика, держитъ въ рукахъ подушку и торопливо зашиваетъ ее. Былъ ясно слышенъ шорохъ нитки, протодергиваемой сквозь матерію. Петруха стоялъ сзади Терептія, наклонясь надъ нимъ. Вотъ онъ встряхнулъ волосами и укоризненно зашепталъ:

— Скорѣе... уродъ... Говорилъ я тебѣ—держи наготовѣ иглу съ ниткой... Такъ нѣтъ... вздѣвать пришлось... Эхъ, ты, тюря! Хорошенько-то не умѣлъ поглядѣть... Но, между прочимъ, Богъ съ нимъ! Будетъ и того!.. Слышишь? Да ты приди въ себя, чучело!

Спокойный шлопотъ Петрухи, клопочащіе вздохи умирающаго, шорохъ нитки и жалобный звукъ воды, стекавшей въ яму предъ окномъ, — всё эти звуки сливались въ глухой шумъ, отъ котораго въ сознаниіи мальчика все помутилось. Онъ тихо откатнулся отъ стѣны и пошелъ вонъ изъ подвала. Большое, черное пятно вертѣлось, какъ колесо, предъ его глазами и шипѣло, отъ этого у Ильи кружилась голова и было ему тошно. Идя по лѣстницѣ въ трактиръ, онъ крѣпко цѣплялся руками за перила и съ усиліемъ поднималъ ноги, а дойдя до двери, онъ всталъ въ ней и тихо заплакалъ. Предъ нимъ вертѣлся Яковъ и что-то говорилъ ему. Потомъ его толкнули въ спину и раздался голосъ Перфишки:

— Кто—кого? чѣмъ—по чему? Н-но? Померъ? Ахъ... ч-чортъ!..—И вновь сильно толкнувъ Илью, сапожникъ бросился внизъ по лѣстницѣ такъ, что она затрещала подъ ударами его ногъ. Но внизу лѣстницы онъ громко и жалобно вскричалъ:

— Э-эхма-а!

Илья слышалъ, что вверхъ по лѣстницѣ плетъ дядя съ Петрухой, и ему не хотѣлось плакать при нихъ, но онъ не могъ сдержать своихъ слезъ.

— Яковъ!—крикнулъ Петруха,—сбѣгай-ка за Михѣемъ-будочникомъ!.. Скажи: ветошникъ, молъ, представился ко Господу...— живо!

— Ахъ ты!..—воскликнулъ Перфишка.—Такъ вы были ужъ тамъ? мм...

Терентій прошелъ мимо племянника, не взглянувъ на него. А Петруха положилъ руку на плечо Ильи и сказалъ:

— Плачешь? Плачь,—это хорошо... Значить, ты паренекъ благодарный и содѣянное тебѣ добро можешь понимать. Старикъ былъ тебѣ ба-альшимъ благодѣтелемъ!..

Онъ помолчалъ и, потомъ легонько отводя Илью въ сторону, добавилъ:

— Но, между прочимъ, въ дверяхъ ты не стой!..

Илья вытеръ лицо рукавомъ рубахи и посмотрѣлъ на всѣхъ. Петруха уже стоялъ за буфетомъ и встряхивалъ кудрями. Предъ нимъ стоялъ Перфишка и, глядя на него, лукаво ухмылялся. Но лицо у него, несмотря на улыбку, было такое, какъ будто онъ только что проигралъ въ орлянку послѣдній свой пятакъ.

— Ну-съ, чего тебѣ, Перфиль? — поводя бровями, строго спросилъ Петруха.

— Мнѣ?.. Мм... могоарыча не будетъ? — вдругъ сказалъ Перфишка.

— По какому такому случаю?—медленно спросилъ буфетчикъ.

— Эхъ-ма!—вскричалъ сапожникъ, притопнувъ ногой по полу.— И ротъ широкъ, да не мнѣ пирогъ! Такъ тому и быть! Одно слово—желаю здравствовать вамъ, Петръ Якимычъ!

— Что такое? Что ты мелешь?—уже съ миролюбивою улыбкой спросилъ Петруха.

— Такъ это я... отъ простоты ума и сердца!

— Стало бытъ поднести тебѣ стаканчикъ,—къ этому ты клонилъ? Хе-хе-хе!

— Ха, ха, ха!—раскатился по трактиру веселый смѣхъ сапожника.

Илья качнулъ головой, какъ бы стяхивая съ нея что-то, и вышелъ вонъ.

Въ эту ночь онъ легъ спать поздно и не у себя въ коморкѣ, а въ трактирѣ подъ столомъ, на которомъ Терентій мылъ посуду. Горбунъ уложилъ племянника, а самъ началъ вытирать столы. На стойкѣ горѣла лампа, освѣщая бока пузатыхъ чайниковъ и бутылки въ шкафу. А въ трактирѣ было темно, въ окна смотрѣла черная ночь, стучалъ мелкій дождь, тихо шуршалъ вѣтеръ... Терентій, похожий на огромнаго ежа, двигалъ столами и все вздыхалъ. Когда онъ подходилъ близко къ лампѣ, отъ него

на полъ ложилась густая тѣнь,—Ильѣ казалось, что это ползетъ душа дѣдушки Еремѣя и хрипѣть на дядю.

— Кш... кшш...

Мальчику было холодно и страшно. Его душила сырость,—была суббота, полъ только что вымыли, отъ него пахло гнилью. Ему хотѣлось попросить, чтобы дядя скорѣе легъ подъ столъ, рядомъ съ нимъ, но тяжелое, нехорошее чувство мѣшало ему говорить съ дядей. Воображеніе рисовало сутулую фигуру дѣда Еремѣя съ его бѣлой бородой, и въ памяти звучалъ ласковый скрипучій голосъ:

— Сынокъ, сынокъ! Господь мѣру знаетъ... Ничего-о!..

— Ложился бы ты ужъ!..—не вытерпѣвъ, сказалъ Ильѣ жалобнымъ голосомъ.

Горбунъ вздрогнулъ и замеръ. Потомъ тихо, робко спросилъ:

— А? Кто это?

— Я; ложился бы, говорю...

— Сейчасъ! Сейчасъ, сейчасъ!..—торопливо заговорилъ горбунъ и завертѣлся около столовъ быстро, какъ волчокъ. Ильѣ понялъ, что дядѣ тоже страшно, и съ чувствомъ удовольствія подумалъ про себя:

„Такъ тебѣ и надо!..“

Дробно стучалъ дождь, гдѣ-то раздавались глухіе удары. Огонь въ лампѣ вздрагивалъ, а чайники и бутылки молча ухмылялись. Ильѣ закрылся съ головой дядинымъ полушубкомъ и лежалъ, затаивъ дыханіе. Но вотъ около него что-то завозилось. Онъ весь похолодѣлъ, высунулъ голову и увидалъ, что Терентій стоитъ на колѣняхъ, наклонивъ голову, такъ что подбородокъ его упирался въ грудь, и шепчетъ:

— Господи, батюшка... Господи!

Этотъ шопотъ былъ похожъ на хрипъ дѣда Еремѣя. Тьма въ комнатѣ какъ бы двигалась и полъ качался вмѣстѣ съ ней, а въ трубахъ вылъ вѣтеръ.

— У-у-у-у!..

— Не молись,—звонко крикнулъ Ильѣ.

— Охъ, что ты это?—вполголоса сказалъ горбунъ.—Спи, Христа ради!

— Не молись!—настойчиво повторилъ мальчикъ.

— Н-ну... не буду...

Темнота и сырость все тяжелѣе давили Илью, ему трудно было дышать, а внутри его клокоталъ страхъ, жалость къ дѣду, злое чувство къ дядѣ. Онъ завозился на полу, сѣлъ и застоналъ.

— Что ты? Что!.. — испуганно шепталъ дядя, хватая его ру-

ками. А Илья отталкивалъ его и со слезами въ голосъ, съ тоской и ужасомъ говорилъ:

— Господи! Хотъ бы спрятаться бы... куда-нибудь... отъ всего... Господи!

Слезы перехватили ему голосъ. Онъ съ усиленіемъ глотнулъ гнилого воздуха и зарыдалъ, ткнувшись лицомъ въ полъ...

Сильно измѣнился характеръ Ильи послѣ этихъ событій. Раньше онъ держался въ сторонѣ только отъ учениковъ своей школы, не умѣя примириться съ ихъ отношеніемъ къ нему, не находя въ себѣ желанія уступать имъ и сближаться съ ними. Но дома онъ былъ общителемъ и довѣрчивъ со всѣми, вниманіе взрослыхъ доставляло ему удовольствіе. А теперь онъ сталъ держаться одиноко и не по лѣтамъ серьезно. Выраженіе его лица стало сухимъ, губы плотно сжались, онъ зорко присматривался ко взрослымъ и съ подстрекающимъ выраженіемъ въ глазахъ вслушивался въ ихъ рѣчи. Его тяготило воспоминаніе о томъ, что онъ видѣлъ въ день смерти дѣда Еремѣя, ему казалось, что и онъ вмѣстѣ съ Петрухой и дядей тоже виноватъ предъ старикомъ. Можетъ быть, дѣдъ, умирая и видя, какъ его грабятъ, подумать, что это онъ, Илья, сказалъ Петрухѣ про деньги. Эта мысль родилась въ Ильѣ какъ-то вдругъ, незамѣтно для него и наполнила душу мальчика смятеніемъ, скорбной тяжестью. Онъ носилъ ее въ себѣ, и она еще болѣе возбуждала въ немъ подозрительное чувство ко всѣмъ людямъ. И когда онъ замѣчалъ за ними что-нибудь нехорошее, ему становилось легче отъ этого, какъ будто вина его предъ дѣдомъ уменьшалась. А нехорошаго въ людяхъ онъ видѣлъ много. Всѣ во дворѣ называли буфетчика Петруху пріемщикомъ краденаго, мошенникомъ, но въ глаза всѣ ласкались къ нему, уважительно раскланивались и называли Петромъ Якимычемъ. Бабу Матицу всѣ звали браннымъ-словомъ; когда она напивалась пьяная, ее толкали, били; однажды она, выпивши, сѣла подъ окно кухни, а поваръ облилъ ее помоями... И всѣ постоянно пользовались ея услугами, никогда ничѣмъ не вознаграждая ее, кромѣ ругани и побоевъ. Перфишка приглашалъ ее мыть свою большую жену, Петруха заставлялъ безплатно убирать трактиръ передъ праздниками, Терсентію она шила рубахи. Она ко всѣмъ шла, все дѣлала безропотно и хорошо, она любила ухаживать за больными, любила водиться съ дѣтми...

Илья видѣлъ, что самый работающій человекъ во дворѣ—сапожникъ Перфишка—живетъ у всѣхъ на смѣху, и то всѣ замѣчаютъ его лишь тогда, когда онъ пьяный съ гармоникой въ ру-

какъ сидить въ трактирѣ или шляется по двору, наигрывая и распѣвая веселыя, смѣшныя пѣсенки. Но никто не хотѣлъ видѣть, какъ осторожно этотъ Перфишка вытаскивалъ на крыльцо свою безногую жену, какъ онъ укладывалъ спать свою дочку, осыпая ее поцѣлуями и строя для ея потѣхи смѣшныя рожи. И никто не смотрѣлъ на сапожника, когда онъ, смѣясь и шутя, училъ Машу варить обѣдъ и убирать комнату, а потомъ садился работать и шилъ до поздней ночи, согнувшися въ три погребели надъ худымъ и грязнымъ сапогомъ.

Когда кузнеца увели въ острогъ, никто не позаботился объ его сынѣ, кромѣ сапожника. Онъ тотчасъ же взялъ Пашку къ себѣ, и уже Пашка давно сучилъ ему дратву, мелъ комнату, бѣгаль за водой и въ лавочку за хлѣбомъ, квасомъ, лукомъ. Всѣ видѣли сапожника пьянымъ въ праздники, но никто не слыхалъ, какъ на другой день трезвый онъ разговаривалъ съ женой:

— Ты меня, Дуня, прости! Вѣдь я пью не потому, что потерянный пьяница, а съ устатку. Цѣлую недѣлю работаешь... скушно! Ну ихватишь!..

— Да развѣ я вину? О, Господи! Жалѣю я тебя!..—хриплымъ голосомъ говорила жена, и въ горлѣ у нея что-то переливалось.— Развѣ, думаешь, я твоихъ трудовъ не вижу? Камнемъ Господь положилъ меня на шею тебѣ. Умереть бы!.. Освободить бы мнѣ тебя!..

— Не могли такъ говорить! Я не люблю этихъ твоихъ рѣчей. Я тебя обижаю, не ты меня!.. Но я это не потому, что злой, а потому, что ослабъ. Вотъ, однажды, переѣдемъ на другую улицу, и начнется все другое... окна, двери... все! Окна на улицу будутъ. Вырѣжемъ изъ бумаги сапогъ и на стекла наклеимъ. Вывѣска! И повалить къ намъ пар-родъ! За-акипить дѣло!.. э-эхъ-ты! Дуи, бей, давай углей! Шибко живемъ, деньги куемъ!

Илья зналъ до мелочей жизнь Перфишки, видѣлъ, что онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, и уважалъ его за то, что онъ всегда со всѣми шутилъ, всегда смѣялся и великолѣпно игралъ на гармонин.

А Петруха сидѣлъ за буфетомъ, игралъ въ шашки со знакомыми, да съ утра до вечера шилъ чай и ругалъ половыхъ. Вскорѣ послѣ смерти Еремѣя онъ сталъ пріучать Терентія къ торговлѣ за буфетомъ, а самъ все только расхаживалъ по двору да по-свистывалъ, разглядывая домъ со всѣхъ сторонъ и даже стучая въ стѣны кулаками.

И много другого замѣчалъ Илья, но все это было нехорошее, скучное, все толкало его въ сторону отъ людей. Иногда впечатлѣнія и мысли, скопляясь въ немъ, вызывали настойчивое жела-

ніе поговорить съ кѣмъ-нибудь. Но говорить съ дядей не хотѣлось: послѣ смерти Ерѣмѣя между Ильей и дядей выросло что-то невидимое, но плотное, и мѣшало мальчику подходить къ горбуну такъ свободно и близко, какъ раньше. А Яковъ ничего не могъ объяснить ему, живя тоже какъ-то въ сторонѣ ото всего, но на свой особый ладъ.

Его опечалила смерть стараго тряпичника. Онъ часто съ жалобой въ голосъ и на лицѣ вспоминалъ о немъ.

— Скушно стало!.. Кабы живъ былъ дѣдушка Ерема—сказки бы рассказывалъ намъ; ничего нѣтъ лучше сказокъ! Хорошія сказки онъ зналъ!..

— Онъ все зналъ,—сумрачно говорилъ Илья.

Однажды Яковъ таинственно сказалъ товарищу:

-- Хочешь—я покажу тебѣ одну штуку?

— Хочу!..

— Только сперва побожись, что никому не скажешь!..

— Ей-Богу не скажу!..

— Будь я анафема, проклять, скажи!..

Илья повторилъ клятву, и тогда Яковъ отвелъ его въ уголь двора, къ старой липѣ. Тамъ онъ снялъ со ствола искусно прикрѣпленный къ нему кусокъ коры, и подъ нею въ деревѣ открылось большое отверстие. Это было дупло, расширенное ножомъ и красиво убраннымъ внутри разноцвѣтными тряпочками и бумажками, свинцомъ отъ чая, кусочками фольги. Въ глубинѣ этой дыры стоялъ маленькій, литой изъ мѣди образокъ, а предъ нимъ былъ укрѣпленъ огарокъ восковой свѣчи.

— Видаль?—спросилъ Яковъ, снова прилаживая кусокъ коры.

— Видаль... А это зачѣмъ?

-- Часовня это!..—объяснилъ Яковъ.-- Вотъ я буду по ночамъ тихонечко уходить сюда изъ горницы и зажигать свѣчку, да молиться... Ладно?

Ильѣ понравилась мысль товарища, но онъ тотчасъ же сооб-разилъ опасность затѣи.

— А какъ увидать огонь-то? Выпоретъ тогда отецъ тебя!..

— Ночью—кто увидитъ? Ночью всѣ спятъ; на землѣ совсѣмъ тихо... Я—маленькій: днемъ мою молитву Богу не слышно... А ночью-то ужъ будетъ слышно!.. Будетъ?

— Не знаю!.. Можетъ, услышитъ!..—задумчиво сказалъ Илья, глядя на большеглазое блѣдное лицо товарища.

— А ты со мной будешь молиться?—спросилъ Яковъ.

-- А ты о чемъ хочешь молиться?—въ то же время спросилъ Илья. И оба они улыбнулись другъ другу.

— Я о томъ,—сказаль Илья,—чтобы умнымъ быть мнѣ... и еще, чтобы у меня все было, чего захочу!.. а ты?

— И я тоже...

Но, подумавъ, Яковъ объяснилъ:

— Я просто такъ хотѣлъ... безо всего... Просто бы молился и все тутъ!.. А ужъ Онъ какъ хочеть!.. что дать... Но коли ты такъ хочешь, и я тоже такъ буду!..

— Ладно,—сказаль Илья.

Они тутъ же уговорились ячать молиться въ эту же почъ, и оба легли спать съ твердымъ намѣреніемъ проснуться среди ночи. Но не проснулись ни въ эту, ни въ слѣдующую, и проспали много ночей. А потомъ у Ильи явились новыя впечатлѣнія и совершенно уже заслонили собою часовню.

На той же липѣ, въ которой Яковъ устроилъ часовню, — Пашка вѣшалъ западни на чижей и синицъ. Ему жилось тяжело, онъ похудѣлъ, осунулся и глаза его бѣгали по сторонамъ, какъ у хищнаго звѣрка. Бѣгать по двору ему было уже некогда: онъ цѣлые дни работаль у Перфишки, и только по праздникамъ, когда сапожникъ былъ пьянъ, товарищи видѣли его. Пашка спрашиваль ихъ о томъ, что они учать въ школѣ, и завистливо хмурился, слушая ихъ рассказы, полные сознаніемъ превосходства надъ нимъ.

— Не больно зазнавайтесь,—выучусь и я!..

— Перфишка-то не пустить!..

— А я убѣгу,—рѣшительно говорилъ Пашка.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого разговора сапожникъ ходилъ по двору и рассказываль, посмѣиваясь:

— Подмастерье-то мой? Сбѣжалъ, дьяволенокъ!.. Не понравилась ему кожаная наука!..

День былъ дождливый. Илья поглядѣлъ на растрепаннаго Перфишку, на сѣрое, угрюмое небо, и ему стало жалко озорника-товарища. Они оба стояли подъ навѣсомъ сарая, прижавшись къ стѣнѣ, и смотрѣли на домъ. Ильѣ казалось, что домъ становится все ниже, точно уходитъ въ землю подъ тяжестью времени. Старыя ребра выпячивались все болѣе, какъ будто грязь, накопленная въ его внутренностяхъ за десятки лѣтъ, распирала домъ и онъ уже не могъ сдерживать ее. Насквозь пропитанный несчастьями, всю жизнь свою всасывая пьяные крики, пьяныя, горькія пѣсни, расшатаанный, набитый ударами ногъ по доскамъ его пола,—домъ не могъ больше жить и медленно разваливался, печально глядя на свѣтъ Божій тусклыми стеклами оконъ.

— Эх-ма!—сказаль сапожникъ. — Скоро лопнетъ лукошко, и

разсыплются грибы по сырой землѣ. Пополземъ мы, жители, кто куда... Будемъ искать себѣ щелочекъ по другимъ мѣстамъ!.. Найдемъ и—жить по-другому будемъ... Все другое заведется: и окна, и двери, и даже клоны другіе будутъ насъ кусать!.. Скорѣе бы! А то ужъ надоѣлъ мнѣ этотъ свиной дворець... хоть и привыкъ я къ нему, чтобы его разорвало!

Но сапожникъ напрасно мечталъ: домъ не разорвало, а его купилъ буфетчикъ Петруха. Купивъ, онъ дня два кряду озабоченно щупалъ и ковырялъ эту кучу стараго дерева. Потомъ привезли кирпича, досокъ, обставили домъ лѣсами, и мѣсяца три кряду онъ ступалъ и вздрагивалъ подъ ударами топоровъ. Его пилили, рубили, вколачивали въ него гвозди, съ трескомъ и пылью выламывали изъ него гнилыя ребра, вставляли новыя и, наконецъ, увеличивъ его въ ширину пристройкой, обшили весь тесомъ. Приземистый, широкий, онъ теперь стоялъ на землѣ прямо и прочно, точно пустилъ глубоко въ нее новыя корни. На его фасадѣ, подъ самой крышей, Петруха повѣсилъ большую вывѣску, и на ней золотомъ по синему полю было написано:

„Веселое убѣжище друзей П. Я. Филимонова“.

• — А внутри онъ все-таки гнилой! — сказала Перфишка однажды.

Илья слышалъ это и сочувственно улыбнулся. И ему перестроенный домъ казался обманомъ. Онъ вспомнилъ о Пашкѣ, который жилъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и видѣлъ все другое. Илья, какъ и сапожникъ, тоже мечталъ о другихъ окнахъ, дверяхъ, людяхъ... Теперь въ домѣ стало еще хуже, чѣмъ было раньше. Старую липу срубили, укромный уголокъ около нея исчезъ, занятый пристройкой. Исчезли и другія любимыя мѣста, гдѣ, бывало, бесѣдовали ребятишки. Только на мѣстѣ кузницы, за огромной кучей щепъ и гнилушекъ, образовался уютный уголокъ, но тамъ было страшно сидѣть,—все чудилось, что подъ этой кучей лежитъ Савелова жена съ разбитой головой.

Петруха отвелъ дядѣ Терентію новое помѣщеніе—маленькую комнатку, рядомъ съ трактирной залой. Въ эту комнатку сквозь досчатую тонкую переборку, заклеенную зелеными обоями, проникали всѣ звуки изъ трактира и запахъ воды, и табачный дымъ. Въ ней было чисто, сухо, но хуже, чѣмъ въ подвалѣ. Окно ея упиралось въ сѣрую стѣну сарая; она загоразивала небо и солнце, и звѣзды, а изъ окошка подвала все это можно было видѣть, вставши предъ нимъ на колѣни...

Дядя Терентій одѣлся въ синевую рубаху, надѣлъ сверхъ ея пиджакъ, который висѣлъ на немъ, какъ на ящикѣ, и съ утра до вечера торчалъ за буфетомъ. Теперь онъ сталъ говорить

съ людьми на „вы“, отрывисто, сухимъ голосомъ, точно лаялъ, и смотрѣлъ на нихъ изъ-за стойки глазами вѣрной собаки, охраняющей хозяйское добро. Илья онъ купилъ сѣрую суконную курточку, сапоги, пальто и картузь, и когда мальчикъ падѣлъ эти вещи, ему вспомнился старыи тряпичникъ. Онъ почти не разговаривать съ дядей, жизнь его тянулась однообразно, медленно. И хотя въ немъ зарождались какія-то особенныя, не дѣтскія чувства и мысли, тяжелая скука все-таки давила и угнетала его. Все чаще онъ вспоминалъ о деревнѣ; теперь ему особенно ясно казалось, что тамъ лучше жить, тамъ тише, понятнѣе, проще. Вспоминались густые лѣса Керяженца, рассказы дяди Терентія объ отшельникѣ Аптинѣ, а мысль объ Аптинѣ рождала другую—о Пашкѣ. Гдѣ онъ? Можетъ быть, тоже убѣжалъ въ лѣсъ, вырылъ тамъ пещеру и живетъ въ ней. Гудитъ въ лѣсу вьюга, воютъ волки. Это странно, но сладко слышать. А зимой, въ хорошую погоду, тамъ все блеститъ серебромъ и бываетъ тихо, такъ тихо, что ничего не слышать, кромѣ того, какъ снѣгъ хруститъ подъ ногой, и если стоять неподвижно, тогда услышишь только одно свое сердце.

А вотъ въ городѣ всегда шумно и безтолково, даже почъ полна звуковъ. Поютъ пѣсни, кричатъ караулъ, стонуть, ѣздятъ извозчики, и отъ стука ихъ пролетокъ и телѣгъ вздрагиваютъ стекла въ окнахъ. Кричатъ и озорничаютъ мальчишки въ школѣ, большіе орутъ, ругаются, дерутся и пьянствуютъ. И все это не только безпокойно, а даже страшно иногда. Люди всѣ какіе-то взбалмошные—то жулики, какъ Петруха, то злые, какъ Савель, или никчѣмные, вродѣ Перфишки, дяди Терентія, Матицы... Сапожникъ всѣхъ больше поражалъ Илью своимъ несуразнымъ и дряннымъ поведеніемъ.

Однажды утромъ, когда Илья собрался въ школу, Перфишка пришелъ въ трактиръ растрепанный, не выспавшійся и молча всталъ у буфета, глядя на Терентія. Лѣвый глазъ у него все вздрагивалъ и прищуривался, а нижняя губа смѣшно отвисла. Дядя Терентій взглянулъ на него, улыбнулся и налилъ сапожнику стаканчикъ за три копейки, обычную Перфишкину порцію утромъ. Перфишка взялъ стаканъ дрожащей рукой, опрокинулъ его въ ротъ, но не крикнулъ, не выругался и даже не закусилъ. Онъ снова уставился на буфетчика странно вздрагивающимъ лѣвымъ глазомъ, а правый былъ тусклъ, неподвиженъ и какъ будто не видалъ ничего.

— Что это у васъ съ глазомъ-то?—спросилъ Терентій.

Перфишка потеръ глазъ рукой, поглядѣлъ на руку и вдругъ громко и внятно объявилъ:

— Супруга наша Авдотья Петровна скончалась...

— Н-ну-у?—протянул дядя Терентій и, взглянувъ на образъ, перекрестился.

— Царствіе ей небесное!

— А?—спросилъ Перфишка, упорно разглядывая лицо Терентія.

— Говорю: царствіе ей небесное!

— Да-съ... Померли!..—сказалъ сапожникъ. Потомъ онъ круто повернулся и ушелъ.

— Чудакъ! — сокрушенно качая головой, проговорилъ Терентій. И Ильѣ сапожникъ тоже показался чудакомъ... Идя въ школу, онъ на минутку зашелъ въ подвалъ посмотрѣть на покойницу. Тамъ было темно и тѣсно. Пришли бабы сверху и, собравшись кучей въ углу, гдѣ стояла постель, вполголоса разговаривали. Матица примѣривала Машѣ какое-то платьишко и спрашивала:

— Подъ мышками рѣжетъ?

А Маша растопырила руки и тянула капризнымъ голосомъ:

— Да-а-а!..

Сапожникъ, согнувшись, сидѣлъ на столѣ, смотрѣлъ на дочь и глазъ у него все мигалъ. Ильѣ взглянулъ на бѣлое, пухлое лицо усопшей, вспомнилъ ея темные глаза, теперь навсегда закрывшіеся, и ушелъ, унося съ собой тяжелое и жуткое чувство.

А когда онъ воротился изъ школы и вошелъ въ трактиръ, то услышалъ, что Перфишка играетъ на гармоніи и удалымъ голосомъ поетъ:

„Эхъ, ты, моя милая,
Мое сердце вынула.
Затѣмъ сердце вынула,
Д' куды его кинула?“

-- Ихъ—ты!.. Выгнали меня бабы! Пошелъ, кричатъ, вонъ, извергъ неестественный! Морда, говорятъ, пьяная... Я не сержусь... я терпѣливый... Ругай меня, бей!.. только дай мнѣ пожить немножко!.. дай, пожалуйста! Эхма! Братья! Всѣмъ пожить хочется, какъ слѣдуетъ,—вотъ въ чемъ штука! У всѣхъ душа одинакова, что у Васьки, что у Якова!..

„Кто тамъ рыдаетъ?
Чего ожидаетъ?
Молчи, не тужи,
Сухи корочки гложи!“

Рожѣ у Перфишки была отчаянно веселая; Ильѣ смотрѣлъ на него съ отвращеніемъ и страхомъ. Ему подумалось, что Богъ жестоко накажетъ сапожника за такое поведеніе въ день смерти

жены. Но Перфишка былъ пьянъ и на другой день, за гробомъ жены онъ шелъ спотыкаясь, мигалъ глазомъ и даже улыбался. Всѣ его ругали, кто-то даже ударилъ по шеѣ...

— Вотъ такъ а-яй!..—сказалъ Илья товарищу вечеромъ послѣ похоронъ.—Перфишка-то? Настоящій еретикъ!

— Песъ съ нимъ!—равнодушно отозвался Яковъ.

Илья и раньше уже замѣчалъ, что съ нѣкотораго времени Яковъ очень измѣнился. Онъ почти не выходилъ гулять на дворъ, а все сидѣлъ дома и даже какъ бы нарочно избѣгалъ встрѣчи съ Ильей. Сначала Илья подумалъ, что Яковъ началъ завидовать его успѣхамъ въ школѣ и, сидя дома, учить уроки. Но оказалось, что и учиться-то онъ сталъ еще хуже; учитель постоянно ругалъ его за разсѣянность и непониманіе самыхъ простыхъ вещей. Отношеніе Якова къ Перфишкѣ не удивило Илью: Яковъ всегда почти не обращалъ вниманія на жизнь въ домѣ, но Ильѣ захотѣлось узнать, что такое творится съ товарищемъ, и онъ спросилъ его:

— Ты что какой сталъ? Не хочешь, что ли, дружитья со мной?

— Я? Не хочу? Что ты врешь?—удивленно воскликнулъ Яковъ и вдругъ быстро заговорилъ:

— Слушай, ты... иди домой... Иди, я сейчасъ тоже приду... Что я тебѣ покажу!

Онъ сорвался съ мѣста и убѣжалъ, а Илья, заинтересованный, пошелъ въ свою комнату. Яковъ скоро прибѣжалъ. Онъ заперъ за собой дверь и, подойдя къ окну, вынулъ изъ-за пазухи какую-то красную книжку.

— Иди сюда!—тихо и важно сказалъ онъ, усѣвшись на постель дяди Терентія и указывая Ильѣ мѣсто рядомъ съ собою. Потомъ онъ развернулъ книжку, положилъ ее на колѣни, согнулся надъ нею и, водя пальцемъ по сѣрой страницѣ, началъ читать:

„И вотъ... вдали храбрый рыцарь увидалъ гору... высокою до небесъ, а въ серединѣ ея желѣзную дверь. Огнемъ отваги запылало... его мужественное сердце, онъ наклонилъ копьѣ и съ громкимъ крикомъ помчался впередъ, приш... поривъ коня, и со всей своей могучей силой ударилъ въ ворота. Тогда раздался страшный громъ... желѣзо воротъ разлетѣлось въ куски... и въ то же время изъ горы хлынуло пламя и дымъ, и раздался громовой голосъ... отъ котораго сотряслась земля и съ горы посыпались камни къ ногамъ рыцарева коня. „Ага! ты явился... дерзкій безумецъ!.. Я и смерть давно ждали тебя!..“ Ослѣпленный дымомъ рыцарь...“

— Кто это?—спросилъ Илья удивленно, вслушиваясь въ дрожащій отъ волненія голосъ товарища.

— А?—откликнулся Яковъ, поднявъ отъ книги блѣдное лицо.

— Кто это—рыцарь?

— Это такой... верхомъ на конѣ... съ копьемъ... Рауль Безстрашный... у него драконъ невѣсту утащилъ... Прекрасная Луиза... да—ты, слушай, чортъ...—петерпѣшиво крикнулъ Яковъ.

— Валяй, валяй!.. Погоди,—а драконъ кто?

— Эмѣя съ крыльями... и съ ногами... когтищи у нея желѣзные... Три головы... и всѣ дышать огнемъ—понимасшь?

— Здо-орово!—сказалъ Илья, широко открывъ глаза.—Эдакъ-то онъ этому... за-адасть!..

— Да ну тебя!..

Плотно прижавшись другъ къ другу, мальчики съ трепетомъ любопытства и страшной, согрѣвающей душу радостью входили въ новый, волшебный міръ, гдѣ огромныя, злая чудовища погибали подъ могучими ударами храбрыхъ рыцарей, гдѣ все было величественно, красиво и чудесно и не было ничего похожаго на эту сѣрую, скучную жизнь. Не было пьяныхъ маленькихъ людей, одѣтыхъ въ рваную одежду, а вмѣсто полугнилыхъ деревянныхъ домовъ стояли дворцы, сверкая золотомъ, и неприступныя замки изъ желѣза возвышались до небесъ. Они входили въ роскошную страну чудесныхъ вымысловъ, а за спинами у нихъ играла гармоника и разудалый сапожникъ Перфишка отчетливо выговаривалъ частушку:

„Меня постъ смерти
Не утащатъ черти,
Я живой того добьюсь,
Какъ до чертиковъ наньюсь!“

— Такъ ли, братья? Наяривай, зажаривай! Богъ веселыхъ любить!

Гармоника захлебывалась звуками, торопясь догнать звонкій голосъ сапожника, а онъ вперегонку съ ней отчеканивалъ плясовой мотивъ:

„И не нищи, что смолоду
Н-ватерилъся холоду,
Сдохнешь— въ адъ попадешь,
А тамъ будетъ жарко!“

Каждый куплетъ пѣсни вызывалъ ревъ одобренія и взрывы хохота. Звукъ гармоникки сливался со звономъ посуды, глухіе удары ногъ по полу, трескъ отодвигаемыхъ стульевъ,—всѣ звуки переплетались въ одинъ, подобный вою зимней вьюги въ лѣсу.

А въ маленькой конурѣ, отдѣленной отъ этой бури звуковъ тонкими досками, два мальчпка согнулись надъ книгой, и одинъ изъ нихъ тихо шепталъ:

„Тогда рыцарь стиснулъ чудовище въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ, и оно громоподобно заревѣло отъ боли и ужаса...“

М. Горькій.

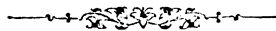
(Продолженіе слѣдуетъ).

Одиночество.

Въ ночь эту долгую, мрачную, мутную
Все-то я комнаткой грежу уютною,
    Миръ въ ней, тепло, тишина.
И, озаренный святою лампадкою,
Ангель-хранитель стоитъ надъ кроваткою,
    Ангель покоя и сна.
Спать въ ней ребенокъ, обвѣянный ласкою.
Спать, убаюканный пѣснею-сказкою,
    Весь разметался во снѣ.
Сбросилъ съ себя одѣяло пуховое...
Нѣжно и розово тѣлице здоровое,
    Точно цвѣтокъ по веснѣ.
Тѣнью рѣсницы покоятся длинныя,
Полуоткрытыя губы невинныя
    Пьютъ золотыя мечты.
Сердцу безгрѣшному радостно дышится.
Боже мой! Или мнѣ это лишь слышится?
    „Папа мой, папа, гдѣ ты?“
Съ болью въ груди задрожали рыданія.
Здѣсь я! Одинъ! Но тоской покаянїя
    Прошлыхъ надеждъ не спасти.
Падаютъ слезы отравой пророчества...
Ночь безконечная... Ночь одиночества...
    Сынъ мой, мой мальчикъ, прости!

А. Федоровъ.

ВОДОТОЛЧЕНИЕ.

„Эхъ, господа, ну что говорить о лѣнтяхъ!.. Кто лѣнивъ въ наше время—время конкуренціи, пара и электричества? Еще въ школѣ разучивали мы,—помните?—„завтра, завтра—не сегодня, такъ лѣнivity говорятъ...“, съ прописей списывали мы въ тетрадки мудрое изреченіе: „Лѣньность есть мать всѣхъ пороковъ“ и т. д., и т. д. Нѣтъ, обломовщина убита и похоронена и на ея заброшенную могилу плюютъ прохожіе... Такъ ей и надо!

„Мы всѣ работаемъ, обязаны работать, хотимъ работать. Но, господа, мы сплошь и рядомъ работаемъ, какъ бы это сказать... не осмысленно. Мы работаемъ въ высшей степени энергично, напрягая всѣ силы и весь разумъ, и однако же—не разумно. Мы думаемъ о дѣлѣ въ общемъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ—и однако же никогда ни на одинъ мигъ не задумываемся надъ нелѣпою безцѣльностью самого дѣла. Мы работаемъ—точно въ гипнотическомъ снѣ.“

„И въ самомъ дѣлѣ, не бываетъ ли весьма часто гипнотическое состояніе естественнымъ состояніемъ человѣка? Этотъ вопросъ настолько интересенъ, что мнѣ не разъ приходило въ голову изслѣдовать его научно-опытнымъ способомъ“.

Такъ говорилъ молодой психологъ Ивановскій въ кружкѣ своихъ коллегъ.

— Ваша правда,—согласился послѣ нѣкотораго раздумья доцентъ Михайловъ,—мнѣ самому приходитъ въ голову то же самое. Дѣйствительно, не есть ли самоувѣренная глупость — естественное гипнотическое состояніе, а гипнотическое парализованіе разума—глупость искусственная?..

Побесѣдовавши о томъ же предметѣ еще нѣкоторое время, коллеги рѣшили, въ какой формѣ и какимъ способомъ произвести надлежащій опытъ. Слѣдовало создать искусственно такое явленіе, когда человѣкъ разумный, энергичный и добросовѣ-

стный—добросовѣстно, энергично и разумно исполнять бы... вплоть дурацкое дѣло...

Исполнителемъ его избрали Ивановскаго, который предложилъ себя, такъ сказать, въ жертву наукѣ. Исполнять же ему назначили работу классически глупую: толочь въ ступѣ воду—не въ переносномъ смыслѣ, а въ самомъ буквальномъ.

Итакъ, ему внушили, что онъ будетъ толочь въ ступѣ воду. Ему объяснили, что онъ долженъ организовать это новое дѣло, что ему, такъ сказать, выпадаетъ честь быть пионеромъ подлиннаго водотолченія. Съ запросами и донесеніями предложили ему адресоваться въ „Главное управленіе водотолченія“, которое составлено было изъ лицъ, пожелавшихъ принять на себя эту нѣсколько шутовскую роль ради той же цѣли—научнаго изслѣдованія интереснаго психологическаго явленія.

Черезъ нѣсколько дней Ивановскій дѣлалъ свой первый докладъ въ Главномъ управленіи. Онъ явился во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и съ физиономіей серьезной и дѣловой началъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. Гг.! Мнѣ выпала честь создать новое дѣло: толченіе воды въ ступѣ. Въдѣствіе новизны его я не имѣю возможности слѣлать какого-либо историческаго его обзора. Наше дѣло—живое и чисто практическое. Поэтому всякія апріорныя разсужденія о немъ были бы излишними словоназверженіями. Само дѣло, сама, такъ сказать, живая жизнь должны указать намъ наилучшіе пріемы и средства для его выполненія. Итакъ, я приступаю прямо къ самому дѣлу.

„Для начала я намѣренъ пріобрѣсти ступу слѣдующихъ размѣровъ“.—При этихъ словахъ Ивановскій вынулъ изъ портфеля чертежи съ вычисленіями и показалъ ихъ присутствующимъ. Онъ объяснилъ, что сарай, въ которомъ онъ будетъ толочь въ ступѣ воду, имѣетъ ширину такую-то, высоту такую-то и проч. — „Величина ступы зависить отъ обширности сарая, а потому размѣры ея должны быть слѣдующіе...“—На чертежѣ ступа была изображена въ разныхъ положеніяхъ и имѣла видъ обыкновеннаго желѣзнаго цилиндрическаго чана (а отнюдь не ступки, которую употребляютъ на кухнѣ, или купели, въ которой крестятъ младенцевъ). Вообще рисунки и демонстраціи ихъ имѣли характеръ серьезный и дѣловой. Казалось, что рѣчь идетъ о какихъ-нибудь спиртовыхъ или нефтяныхъ цистернахъ или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ.—Ивановскій продолжалъ:

„Ступа, конечно, будетъ желѣзная, полированная внутри. Иначе вода будетъ портиться отъ соприкосновенія со стѣнками сосуда. Внизу ступы должно быть слѣлано отверстіе для стока

воды наружу. Въ видахъ экономіи я думалъ было сначала держать въ ступѣ все одну и ту же воду. Но, повторяю: вода, въ особенности въ лѣтнее время, скоро портится и теряетъ всѣ качества настоящей воды. А вѣдь наша задача—толочь именно воду, а не что-либо иное: нельзя экономничать въ ущербъ дѣлу... Мы должны заботиться о чистотѣ и доброкачественности воды. Въ виду этого необходимо завести приборы для изслѣдованія ея: ареометры, микроскопы и др.“ (слѣдовать перечень приборовъ). „Нельзя довольствоваться средствами и пріемами примитивными,—необходимо, по возможности, сразу же поставить дѣло въ уровень съ современной техникой“.

Слушатели, т. е. члены главнаго управленія, не имѣли достаточнаго понятія о современной техникѣ водотолченія, но ораторъ говорилъ такъ самоувѣренно и серьезно, что гипнотизировалъ и людей не загипнотизированныхъ: помимо своей воли они начинали соображать, что существуетъ, если не наука, то какая-то техника толченія воды въ ступѣ. Они производили опытъ надъ загипнотизированнымъ разсудкомъ Ивановскаго, но, не упуская этого изъ вида и отмѣчая проявленія гипноза, они были и сами заинтересованы чертежами, цифрами, описаніями приборовъ и процесса дѣла. Интересъ, поглотившій Ивановскаго и ярко высказавшійся въ его словахъ и жестахъ, началъ овладѣвать и ими. Выражаясь аллегорически, въ ихъ собственныхъ мозгахъ начинался процессъ водотолченія...

Ивановскій продолжалъ:

„Да, въ уровень съ современной техникой. Поэтому я предлагаю ввести особаго рода толкачъ (который, какъ это будетъ выяснено мною, кстати сохранить намъ много времени, силъ и денегъ). Устройство его указываетъ опять-таки самую задачею нашего дѣла: мы должны толочь воду,—не размѣшивать ее, а именно толочь.

„Я предвижу споры по поводу этого разграниченія моего. Быть можетъ, скажутъ: „Не все ли равно: мѣшать воду или толочь? Вѣдь вода—не сахаръ: ее не раздавишь, не измельчишь; мѣшай ее или толки—она все останется такою же, какою была...“—Да, она все останется такою жидкою водою, ни крупнѣе, ни мельче. Смѣшно говорить объ измельченіи воды. Развѣ кто-нибудь задается такою цѣлью? Вотъ, мм. гг., абсурдъ, вытекающій изъ неправильнаго пониманія дѣла!..

„Сахаръ размолотый—превращается въ порошокъ, называемый „сахарною пудрою“: то уже будетъ не сахаръ, а пудра сахарная... Мы не имѣемъ права, если бы и могли, превращать воду въ водяную пудру: въ нашей инструкціи говорится о водѣ,

и только о водѣ, и ничего—о водяной пудрѣ. Но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что мѣшать воду—все равно, что толочь ее. Мѣшать значитъ—просто приводить воду въ движеніе, толочь же значитъ—давить частицы воды, т. е. сжимать ихъ между стѣнками сосуда и поверхностью толкача“.

Слушатели въ первый разъ въ своей жизни слышали такія точныя опредѣленія водомѣшанія и водотолченія. Раньше имъ, признаться, никогда не приходило въ голову, что мѣшать воду и толочь—не одно и то же. Они начинали искренно дивиться остротѣ и ясности ума своего коллеги и стыдиться своего невѣжества. Ивановскій подмѣтилъ ихъ смущеніе, снисходительно улыбнулся и сказалъ:

„Вода, мм. гг., сжимаема, какъ и всякое другое матеріальное вещество. Принимать размѣшиваніе воды за толченіе, т. е. за сжатіе ея—можетъ только тотъ, кто незнакомъ съ физикой...“

Члены Главнаго управленія всѣ до одного имѣли дипломы высшихъ учебныхъ заведеній, и намекъ на незнакомство съ физикой, очевидно, относился не къ нимъ. Не будь этого, они покраснѣли бы до корней волосъ. Теперь же они самодовольно улыбнулись въ знакъ своего полного согласія съ ораторомъ и давая понять, что указаніе его на нѣкоторыхъ постороннихъ невѣждъ они принимаютъ за комплиментъ себѣ, т. е. слушателямъ.

„Отъ этого,—продолжалъ докладчикъ,—наша задача, конечно, не становится легче, но мы не должны пугаться трудностей.

„Итакъ, нужно сжимать воду, что гораздо труднѣе, чѣмъ размѣшивать ее... Нужно прижимать частицы воды къ стѣнкамъ сосуда. Очевидно, для этого нуженъ приборъ, который приталкивалъ бы воду къ стѣнкамъ и дну ступы и нажималъ на воду“.

(Слѣдовало описаніе толкача и чертежи).

„Приводить толкачъ въ движеніе мы будемъ пока руками. Ввести иной двигатель намъ теперь не позволяютъ размѣры дѣла, но по мѣрѣ расширенія его мы, конечно, будемъ вводить двигатели механическіе—самыхъ усовершенствованныхъ конструкцій.

„Теперь позвольте представить вамъ смѣту необходимыхъ расходовъ“.—Ивановскій прочелъ очень точную и подробную смѣту, которая была составлена съ полнымъ знаніемъ дѣла, очень экономно и добросовѣстно.

По выходѣ изъ засѣданія, когда слушатели очнулись отъ рефлексивнаго гипнотизма, одинъ изъ друзей Ивановскаго остановилъ его и съ улыбкой спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, чѣмъ же вы будете руководствоваться при расширеніи дѣла, которое вы обѣщаете? —

Спросомъ на толченую воду?—вообще какую-нибудь потребностью въ ней?.. Затѣмъ, чѣмъ надѣетесь вы окупать расходы?..

Очевидно, пріятель сыгралъ роль Мефистофеля. Онъ поставилъ вопросъ о цѣли предпріятія,—вопросъ, отъ котораго застрахованы многіе дѣятели и не загипнотизированные... Роль такихъ дьяволовъ-искусителей играютъ обыкновенно въ жизни непрошенные совѣтники и критики, но на нихъ не всегда обращается вниманіе въ виду того, что они вообще профаны въ дѣлахъ и пишутъ (а они именно пишутъ)—завѣдомо ради борзописанія. Въ данномъ же случаѣ не слѣдовало искушать дѣятеля водотолченія, ибо онъ былъ загипнотизированъ: къ чему было вводить въ искусственный опытъ препятствіе, не имѣющее силы даже въ жизни дѣйствительной?

Однако и это препятствіе Ивановскій преодолѣлъ вполне гипнотически, т. е. блистательно.

Интересно знать, что отвѣтилъ бы онъ, если бы его прямо спросили: „а кому же польза отъ водотолченія—и какая именно?“ Если бы Ивановскій былъ человѣкъ неразвитый и недалекій, онъ сослался бы на инструкцію и обругалъ бы пріятеля пустымъ критиканомъ. Но онъ былъ человѣкъ образованный и притомъ не простой исполнитель, а организаторъ дѣла. Однако пріятель не толкнулъ его, такъ сказать, носомъ въ стѣнку: не спросилъ его прямо и буквально о пользѣ водотолченія, и потому Ивановскому и не пришла въ голову мысль объ этой послѣдней. Онъ отвѣтилъ только на буквальный запросъ. Онъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и самоувѣренно сказалъ:

— Я буду руководиться успѣхомъ самого дѣла, да-съ. Границы водотолченія—въ нашей энергій: мы любимъ свое дѣло, и мы поставимъ его какъ можно выше и шире. Затѣмъ, вы спрашиваете о средствахъ. Голубчикъ! у насъ не лавочка и мы, къ счастью, не обязаны ограничивать свою торговлишку спросомъ на нашъ товаръ. Нашъ долгъ—не съезживать дѣло по мѣркѣ кредита, а добиваться расширенія кредита ради успѣха дѣла.

Черезъ недѣлю послѣ этого двое изъ членовъ Главнаго управленія производили осмотръ водотолчебныхъ работъ.

Водотолченіе производилось въ сараѣ, во дворѣ того дома, гдѣ жилъ Ивановскій. На дверяхъ сарая красовалась вывѣска „Водотолченіе“. Посѣтителямъ отворилъ дверь сторожъ, котораго они признали по форменной фуражкѣ съ гербомъ, изображавшимъ ступку съ торчащимъ изъ нея толкачемъ, и буквами „В-т“. Сторожъ доложилъ о прибытіи ихъ своему начальнику, и посѣтителей у дверей сарая встрѣтилъ самъ Ивановскій.

— Милости просимъ, господа, милости просимъ!—привѣтствовалъ онъ гостей и подвелъ ихъ къ центральному предмету сарая—водотолчебной ступѣ. Двое рабочихъ проворно и ловко вращали рукоятку толчен и слышался тихій плескъ воды въ чанѣ. Не было ни излишняго шума, ни брызгъ. Дѣло дѣлалось аккуратно и опрятно.

— Павловъ! возьмите пробу изъ очереднаго крана № 4,—приказалъ Ивановскій своему помощнику. Посѣтители увидѣли, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ бака были устроены краны. Къ одному изъ нихъ, надъ которымъ бѣлою краской былъ помѣченъ № 4,—подошелъ Павловъ, расторопный, серьезный рабочий, и, отвернувши кранъ, налилъ воды въ пробный стеклянный стаканъ.

— Мы беремъ пробы черезъ каждые $\frac{1}{2}$ часа,—пояснилъ Ивановскій.—Вотъ на этомъ столикѣ, въ углу, у насъ измѣрительные приборы. Это вотъ, напр., какъ видите,—ареометръ.

Съ этими словами онъ опустилъ приборъ въ воду и сдѣлалъ въ особомъ журналѣ отмѣтки: „время опредѣленія: 1 ч. 30 м. пополудни“, „кранъ № 4“, показанія ареометра: „0“.

— Это погруженіе,—замѣтилъ онъ,—по нашему ареометру, соответствуетъ совершенно чистой, нормальной водѣ и показываетъ намъ, что мы толчемъ именно воду, не отклоняясь отъ истиннаго понятія о ней.

Однако вторая проба, взятая чрезъ $\frac{1}{2}$ часа послѣ первой изъ самаго нижняго крана № 5, дала уклоненіе на толщину нитки. Зоркій и внимательный глазъ Ивановскаго уловилъ эту разницу. Онъ приказалъ выпустить изъ чана нѣкоторое количество воды и замѣнить ее свѣжею.

Чрезъ нѣсколько минутъ на особомъ столѣ появился самоваръ, молоко и бѣлый хлѣбъ. Ревизоры были пріятно удивлены этимъ, и Ивановскій объяснилъ имъ, что онъ ввелъ чаепитіе для служащихъ на средства водотолченія.

— Это, знаете, освѣжаетъ,—сказалъ онъ,—придаетъ энергіи, а стоитъ очень дешево.

Во время чая хозяинъ представилъ гостямъ своихъ служащихъ. Рабочіе были ребята простые, но усердные и толковые. Впрочемъ, посѣтители не замѣчали въ ихъ взглядахъ и поведеніи насмѣшки надъ своимъ занятіемъ и начальникомъ. Ивановскій сумѣлъ внушить имъ уваженіе къ водотолченію и къ своей особѣ—и рабочіе полагали, что водотолченіе есть какой-нибудь научный опытъ (только не надъ разсудкомъ ихъ начальника). Это уваженіе къ дѣлу не мало поддерживалось ареометрами и микроскопами, а также полтинниками, причитавшимися за ихъ дневной трудъ... Когда ихъ спрашивали о ихъ занятіяхъ въ са-

раѣ и о начальникѣ ихъ, то они всегда многозначительно прибавляли: „да, братъ, пойди-ка, узнай: что и къ чему,—а онъ до всего дошелъ: голова, одно слово!..“

Завѣдывающій водотолченіемъ работалъ усердно, но такого же усердія и внимательности требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ, преслѣдуя малѣйшую халатность по отношенію къ дѣлу. Напр., онъ назначилъ опредѣленный темпъ вращенія мѣшалки и когда однажды увидѣлъ, что одинъ изъ рабочихъ замедлил темпъ, то приказалъ ему работать быстрее. Но было замѣтно, что рабочій слабосиленъ, скоро устаетъ и вообще не можетъ работать такъ быстро, какъ требовалъ начальникъ.

— Васъ приходится уволить, милѣйшій,—рѣшилъ Ивановскій.—Что дѣлать? Мнѣ жаль васъ, но дѣло—прежде всего.

Плотность воды испытывалась (посредствомъ ареометра) чрезъ каждыя $\frac{1}{2}$ часа. При внимательномъ отношеніи къ дѣлу вода почти всегда оставалась одинаково чистой и, слѣдовательно, одинаково плотной—и ареометръ неизмѣнно показывалъ всю одну и ту же цифру погруженія. Но вотъ, однажды, Ивановскому, со стороны, показалось, что погруженіе совсѣмъ не то, какое называетъ его помощникъ: дѣло въ томъ, что монотонность дѣла по дѣйствовала усыпляющимъ образомъ на старшаго рабочаго, которому оно было поручено. Ивановскій быстро подошелъ къ нему, взглянулъ на ареометръ, погруженный въ воду, и увидѣлъ, что рабочій, дѣйствительно, вретъ. Вода въ пробномъ стаканѣ была мутна. Спустили воду изъ чана и нашли ее очень грязной: на днѣ ступы оказалось много накопившагося тамъ ила.

— Мы съ вами что должны толочь?—строго спросилъ Ивановскій у провинившагося рабочаго.—Воду, милѣйшій, воду! А это что? —Грязь, жижа, навозъ... Если вы не будете внимательны, я васъ уволю!

Вода въ ступу прибавлялась изъ бочекъ, которыя ежедневно доставлялъ водовозъ. Это представляло значительныя неудобства. Случаевъ, подобныхъ предыдущему, не было бы, если бы вода была проведена въ ступу прямо изъ-подъ фильтра городского водопровода. Но пока Ивановскій собирался потребовать отъ Главнаго управленія устройства водопроводной трубы, случилось весьма неприятное событіе.

Ивановскому пришлось какъ-то дня на три отлучиться въ отпускъ. На время своего отсутствія онъ поручилъ водотолченіе своему помощнику—и вотъ въ это-то самое время водовозъ доставилъ воду не изъ водопровода, а прямо изъ рѣки (деньги же, которыя надо было бы уплатить за воду, положилъ въ свой карманъ). Въ большихъ городахъ вода въ рѣкѣ бываетъ обыкновенно

грязной, и продѣлку водовоза быстро обнаружилъ ареометръ, выскочивши вверхъ изъ пробнаго стакана. Когда же замѣститель завѣдывающаго призвалъ водовоза и потребовалъ у него фильтрованной воды изъ бассейна, водовозъ сталъ Христомъ-Богомъ молить освободить его отъ этого.

— Господи, вѣдь и безъ того по горло работы! И на что вамъ вода-то настоящая? Ну, пить тамъ или стирать—другое дѣло, а то—мѣшать... Не все ли равно? Голубчикъ, дай бѣдному челвѣку рублишко нажать!..—прибавилъ онъ простосердечно.

Замѣститель Ивановскаго былъ малый простой и добродушный и, очевидно, не имѣлъ еще надлежащаго понятія о качествахъ воды, необходимой для водотолченія. Онъ махнулъ рукой и подумалъ: „Сойдетъ и такъ: почистимъ ступу—то—и ладно...“ Однако тутъ, какъ снѣгъ на голову, нагрязнулъ Ивановскій. Онъ замѣтилъ ненормальность работы, произвелъ быстрое и строгое разслѣдованіе и открылъ злоупотребленіе.

Онъ потребовалъ экстреннаго засѣданія главнаго управленія и предложилъ уволить весь наличный составъ своихъ подчиненныхъ. Его просьбу уважили и предоставили ему опредѣлять и увольнять по своему усмотрѣнію cadaго изъ служащихъ и всѣхъ ихъ въ совокупности. Сколько было просьбъ со стороны лицъ, терявшихъ хорошій заработокъ!.. Ивановскій остался непреклоненъ и ради дѣла не пощадилъ никого...

— Главнѣйшая причина злоупотребленій, открытыхъ нами,—говорилъ онъ въ томъ же засѣданіи,—состоитъ въ томъ, что рабочіе плохо понимаютъ значеніе водотолченія и свои обязанности,—иными словами, причина эта: невѣжество ихъ. Надо повысить умственный цензъ служащихъ. Надо принимать исключительно людей образованныхъ...

— Гмъ... Такія лица не пойдутъ на жалованье рабочаго...—замѣтилъ одинъ изъ членовъ управленія.

— На такое жалованье не пойдутъ, конечно,—отвѣчалъ Ивановскій.—Но не рабочіе нужны мнѣ, а помощники и товарищи. Если мы хотимъ гарантировать правильность и успѣхъ водотолченія, мы не должны ограничиваться нашимъ нынѣшнимъ мизернымъ бюджетомъ...—Долго говорилъ завѣдывающій водотолченіемъ и убѣдилъ Главное управленіе значительно расширить бюджетъ и увеличить оклады служащихъ.

Хотя послѣ этого въ водотолченіе поступили все лица, имѣвшія, по крайней мѣрѣ, 4 по физикъ, но психологическій опытъ становился дорогонекъ.

— Однако, господа, — говорилъ предсѣдатель Главнаго управленія своимъ товарищамъ,—опытъ становится намъ не по кар-

ману... Не прекратить ли его?—Вѣдь результаты уже получены достаточно убѣдительные...

— Повременимъ еще немного,—просили другіе,—и опытъ продолжался.

Послѣ печальнаго случая съ водовозомъ Ивановскій удвоилъ свою энергію. Онъ старался самолично слѣдить за всѣми работами и просиживалъ въ сараѣ до вечера, а дома, наскоро пообѣдавши, онъ работалъ еще до поздней ночи надъ проектами различныхъ улучшеній въ водотолченіи. Въ то же время—странная вещь!—онъ оставался полезнымъ членомъ семьи и общества и человѣкомъ науки. Всѣ обычныя дѣла свои онъ дѣлалъ разумно и успѣшно. Читая его статьи въ „Ученыхъ Запискахъ“, разговаривая съ нимъ въ клубѣ—вы никогда не подумали бы, что имѣете дѣло... съ завѣдывающимъ водотолченіемъ... Гипнотическое внушеніе коснулось одного лишь пункта его сознанія, оставивши невредимыми всѣ остальные его способности.

Въ послѣднее время однако онъ нѣсколько манкировалъ дѣлами, не относящимися къ водотолченію: очевидно, оно начало поглощать его. Еще бы: вѣдь оно (т. е. толченіе воды въ ступѣ) было его дѣтищемъ и всѣ надежды на процвѣтаніе его покоились, въ сущности, на немъ одномъ. „Все остальное не уйдетъ...—думалъ онъ,—не я, такъ другіе исполнять. А водотолченіе... мой долгъ—поставить его на незыблемую почву. Мое реноме связано съ этимъ дѣломъ“.

Онъ замѣтно похудѣлъ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, и его другъ, врачъ, совѣтовалъ ему побережь себя.

— Успѣемъ отдохнуть, голубчикъ,—возражалъ Ивановскій.— Вотъ дайте мнѣ только провести одинъ проектецъ въ слѣдующемъ засѣданіи. — И онъ продолжалъ работать усиленно. Наконецъ состоялось ожидаемое засѣданіе Главнаго управленія. Блѣдный, но бодрый Ивановскій твердымъ голосомъ началъ докладъ:

„М. Г.г! уже въ первомъ засѣданіи, если вы припомните, я обѣщаль расширить наше дѣло, такъ сказать, количественно. Однако прежде необходимо сдѣлать въ немъ нѣкоторыя улучшенія качественныя. Мой девизъ, господа: строго держаться инструкции. Вся же она, повторяю, заключается въ самомъ опредѣленіи нашего дѣла: толочь воду въ ступѣ. Опредѣленіе—въ высшей степени ясное...“

„Я, кажется, достаточно выяснилъ, что значить „толочь“. Теперь уяснимъ себѣ объектъ толченія—воду.“

„Профанъ назоветъ, пожалуй, водою и вонючую жижу изъ нашей рѣчки Болотной,—но, въ настоящемъ значеніи слова, вода—“

нѣчто совсѣмъ иное. Наука признаетъ воду только дистиллированную, имѣющую опредѣленный удѣльный вѣсъ и опредѣленный составъ. Въ виду этого, господа, я предлагаю слѣдующее: во-1-хъ, провести питательную трубу изъ городского фильтра прямо въ ступу и, во-2-хъ, устроить особый дистилляціонный аппаратъ. Для сего...—и т. д.. (Слѣдовали подробныя описанія необходимыхъ приспособленій, чертежи и смѣта расходовъ).

„Штатъ служащихъ,—продолжалъ онъ далѣе,—надо увеличить, именно необходимо учредить слѣдующія должности: 1) дистиллятора, 2) его помощника, 3) химика - лаборанта для анализовъ воды (которые теперь будутъ еще болѣе подробны и точны, чѣмъ прежде); затѣмъ, 4) необходимъ механикъ для управленія толкачемъ. Вы понимаете, конечно, что, устранивая дистилляцію и проч., цельзя оставаться при толкачѣ ручномъ, а необходимо ввести двигатель механической.

„Нынѣшнее помѣщеніе водотолченія—тѣсно и неудобно. Необходимо нанять или приобрести зданіе болѣе обширное и фундаментальное. (Выгоднѣе, конечно, приобрести, чѣмъ нанять). Кстати, контору водотолченія надо помѣстить въ приличной квартирѣ, съ фасадомъ на улицу: это придастъ дѣлу солидный и почтенный видъ, котораго оно вполне заслуживаетъ. Итакъ... (Слѣдовали опять смѣты расходовъ).

Когда Ивановскій окончилъ и вышелъ изъ зала засѣданія, предсѣдатель воскликнулъ:

— Ну, что, господа,—каково?!

— Ужасно, ужасно!—посыпались сѣтованія.—Мы непременно превратимся въ идиотовъ, если выспидимъ еще хоть одно засѣданіе и выслушаемъ еще хоть одинъ его докладъ!..

— Да,—согласился предсѣдатель,—эта убійственная послѣдовательность бессмыслія, эта логика нелѣпости затягиваютъ, точно тина. Дайте мнѣ зеркало: у меня, вѣроятно, совсѣмъ дурацкое лицо... Необходимо прекратить опытъ.

Вечеромъ того же дня сдѣлано было Ивановскому обратное внушеніе: онъ долженъ былъ забыть про водотолченіе.

Прямо изъ засѣданія нѣкоторые изъ друзей его отправились въ помѣщеніе водотолченія, т. е. въ сарай, и разочли служащихъ, поблагодаривши ихъ за содѣйствіе научному опыту. Затѣмъ они выпустили воду изъ ступы, а самую ступу и толкачъ отправили въ котельную лавку. Контора со всѣми принадлежностями была убрана прочь, и отъ водотолченія не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ разбитаго при уборкѣ стекляннаго ареометра.

Водотолченіе исчезло, но завѣдывающій имъ не хотѣлъ примириться съ этимъ фактомъ. Обратное внушеніе, сдѣланное ему,

оказалось неудачнымъ: онъ продолжалъ вѣрить въ водотолченіе и въ свое призваніе...

На другое утро, въ обычный часъ, онъ собрался „на службу“ и вошелъ въ сарай. О ужась! Нѣтъ ни ступы, ни конторы, ни служащихъ... Тамъ, гдѣ прежде къ приходу его уже кипѣла налаженная работа, и гдѣ почтительно встрѣчали его подчиненные,— тамъ теперь испуганная стая мышей спѣшила улепетнуть отъ вошедшаго начальника...

Да, обратное внушеніе не удалось, и исчезновеніе водотолченія поразило Ивановскаго, какъ ударъ грома... въ углу кабинета. Что это значитъ? Это сонъ, кошмаръ?!. Но нѣтъ, вотъ разбитый ареометръ, вотъ окурки его папирозъ съ клеймомъ фабрики Сандалопуло... А гдѣ же ступа? гдѣ толкачъ? гдѣ водотолченіе?!

Онъ побѣжалъ обратно домой и дорогою наткнулся на одного изъ своихъ бывшихъ служащихъ.

— Что это значитъ?!.—воскликнулъ Ивановскій, упустивши изъ виду, что не совсѣмъ-то прилично спрашивать о такомъ щекотливомъ предметѣ у своего подчиненнаго.

— Что именно?!.—удивился тотъ, полагая, что Ивановскій совсѣмъ исцѣленъ отъ бреда водотолченія.

— Водотолченіе? Гдѣ наше водотолченіе?!

Собесѣдникъ подумалъ, что Ивановскій шутитъ, и отвѣтилъ ему въ томъ же шуточномъ тонѣ:

— Да, было дѣло подѣ Полтавой... Впрочемъ,--добавилъ онъ,— поздравляю васъ, Иванъ Петровичъ: ваша мысль подтверждена опытомъ, который былъ очень удаченъ... Однако, сказать по правдѣ, ничего не можетъ быть скучнѣе и глупѣе, какъ толочь въ ступѣ воду...

— Что-о-съ? Что вы сказали?!.—крикнулъ Ивановскій и поблѣднѣлъ...—Да что же это?!.—воскликнулъ онъ, дико озираясь вокругъ.—Ахъ, ахъ!..—И онъ упалъ въ обморокъ...

Немедленно отвезли его къ врачу и постарались привести въ чувство. Однако гипнотизеру пришлось еще порядочно повозиться съ нимъ. пока онъ, наконецъ, освободился отъ внушенной ему идеи. Онъ самъ теперь не вѣритъ, когда ему рассказываютъ, съ какою любовью и стараніемъ толочь онъ въ ступѣ воду.

А все-таки психологическій опытъ былъ удаченъ и знаменателенъ.

Эль.

БЕЗДОМНЫЕ

Повѣсть *Стефана Жеромскаго.*

Часть III.

Переводъ съ польскаго А. Даманской.

(Продолженіе).

Въ дорогъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля Юдымъ получила отъ мужа письмо изъ Швейцаріи, въ которомъ онъ звалъ ее къ себѣ. Онъ писалъ, что зарабатываетъ тамъ на фабрикѣ больше, чѣмъ въ Варшавѣ, но много тратитъ на себя, такъ какъ столуется въ кухмистерской, и что не переноситъ швейцарскихъ кушаній. Онъ приводилъ названія блюдъ, какъ картофельный салатъ, супъ изъ швейцарскаго сыра, какіе-то напитки, какъ *most*, и всѣхъ удивилъ странностью этого стола.

У Юдымъ никакого исхода не было. Прокормить одна и себя, и дѣтей, и тетку она не могла, къ тому же она боялась, что мужъ можетъ ее бросить и пропасть гдѣ-нибудь на свѣтѣ. Разъ онъ желалъ, разъ онъ велѣлъ ей пріѣхать—ей ничего другого дѣлать не оставалось.

Вещи свои она продала и, получивъ паспортъ, тронулась въ путь.

Кто-то изъ знакомыхъ сказалъ ей, что черезъ нѣмецкую границу запрещаютъ перевозить шерстяныя платья; поэтому она распоролла все, что у нея было лучшаго, и, обмотавъ себя разными тряпками, отправилась съ зеленымъ деревяннымъ сундукомъ въ рукахъ. Знакомые Виктора пришли на вокзалъ проводить ее. Тетка рыдала... Дѣти были въ восторгѣ. Она же, отъ непривычки къ бездѣйствію, непрерывно дремала въ вагонѣ. До Вѣны у нея былъ билетъ прямого сообщенія, а тамъ ее дол-

женъ былъ встрѣтить на вокзалѣ пріятель Виктора, говорившій по-польски,

Юдымъ не знала ни одной нѣмецкой фразы. Ее выучили нѣ-которымъ словамъ, какъ *Wasser, Brod, zwei, drei* и т. п., но и эти перепутались у нея въ головѣ.

Переѣхали границу; наступила ночь, а въ вагонѣ все еще говорятъ по-польски. Юдымъ была въ восторгѣ.

— Вотъ она такая эта заграница. Но вѣдь здѣсь отлично можно сговориться съ людьми... Немного иначе какъ-то говорятъ, но все же по-нашему.

Она уложила дѣтей около себя, сама прикурнула въ уголокѣ. Нервы, привыкшіе къ вѣчному бодрствованію, обрадовались отдыху. Она погрузилась въ сонъ, этотъ сонъ вагона третьяго класса, въ состояніе странной дремы, когда слышишь каждый стукъ, каждый толчокъ и въ то же время находишься за тысячу миль.

Поѣздъ летѣлъ, прорѣзая темноту. Порой въ стеклахъ вагона мелькали станціонные огни и тотчасъ опять исчезали, словно уносились свистомъ локомотива. Когда поѣздъ останавливался, слышно было дрожаніе электрическихъ звонковъ, въ которыхъ, казалось, была какая-то зловѣщая фраза, разбитая на тысячи одинаковыхъ звуковъ...

Юдымъ слышала это сквозь сонное забытѣе. То на нее вѣяло со всѣхъ сторонъ необъятнымъ ужасомъ, то ей грезились родныя мѣста, разговоры съ близкими людьми или вдругъ вставали передъ нею знакомыя отвратительныя мастерскія табачной фабрики. Мысли, привычныя, какъ ломовыя лошади, къ смраду, грохоту, шуму и страданіямъ, уносились въ какія-то невѣдомыя пространства. И какое-то сладкое, робко-побѣдное сознаніе своего превосходства мелькало въ этихъ мысляхъ, — сознаніе превосходства надъ всѣмъ, что осталось въ Варшавѣ, что трудится тамъ въ потѣ лица.

Она ѣдетъ въ свѣтъ, въ свѣтъ, въ свѣтъ... Въ Вѣну... Если она пріѣдетъ когда-нибудь въ Варшаву, она не позволитъ уже теткѣ давать ей совѣты при каждомъ удобномъ случаѣ. Что тетка знаетъ? Что тетка можетъ знать? Была тетка ну хотя бы въ такой, напримѣръ, Вѣнѣ? Видѣла тетка свѣтъ, Европу?

И вдругъ она замѣчаетъ во снѣ тетку, тутъ же около себя. Она сидитъ на сундучкѣ у окна и всхлипываетъ. Гдѣ это, — въ старой квартирѣ на Теплой улицѣ или въ другомъ мѣстѣ? Какая-то квартира не то на чердакѣ, не то въ подвалѣ... Во всѣхъ углахъ комнаты сыро, тоскливо, темно. Только на одну щеку тетки Пелагин и на ея худошавую сжатую руку падаетъ изъ окна

блѣдный свѣтъ. Старуха ничего не говоритъ, и извѣстно, что она ни звукомъ не отзовется. Она ушла въ себя. Она ревѣла, по обыкновенію своему, цѣлую ночь, а теперь она молчитъ и только смотритъ исподлобья равнодушными глазами. Иногда по ея сомкнутымъ устамъ промелькнетъ блѣдная, болѣзненная улыбка. Но чтобы она вздохнула... чтобы она хоть словомъ перекинулась съ человѣкомъ... Она все знаетъ... го-го... Отъ нея ничего не укроется. Черезъ три мѣсяца послѣ такого дня она скажетъ, что было въ такой и такой-то часъ, какое слово сказано было, какой взглядъ былъ брошенъ. Юдымъ чувствуетъ какую-то глупую, нестерпимую жалость. Она хотѣла бы повернуться къ теткѣ и сердито спросить ее:

— Что же это вы, чортъ возьми, сидите, какъ Коперникъ на столбѣ? Въ чемъ дѣло? Мы украли что-нибудь или подожгли? Да не то, не то! Не то совсѣмъ она хотѣла сказать... На такія слова у тетки нашелся бы не одинъ, а сто отвѣтовъ. Тутъ дѣло не въ томъ. Вѣдь она должна была уѣхать, она должна вѣдь идти за мужемъ, куда онъ ее зоветъ. Пускай же тетка скажетъ, что она плохо поступила! Да, хорошо! Они разъ навсегда избавятся отъ старухи... Только это одно, это одно... Такая жалость! Она уже видѣть старуху не можетъ,—до того та опротивѣла ей,—и въ то же время не въ силахъ оторвать отъ нея глаза.

Вдругъ что-то толкнуло ее и прижало къ стѣнѣ. Во снѣ она наклонилась и уперлась плечомъ въ человѣка, сидѣвшаго рядомъ съ ней на скамьѣ. Это былъ высокій, коренастый мужчина съ трубкой въ зубахъ. Онъ смѣрилъ ее злыми глазами и что-то проворчалъ. Лицо у него было темное, крупное, носъ орлиный. Онъ вошелъ въ вагонъ, когда она уснула. Юдымъ оглядывала при скудномъ свѣтѣ эту новую фигуру и нѣсколько другихъ, наполнявшихъ вагонъ. Это были какіе-то новые люди. Они вошли, очевидно, довольно давно, потому что успѣли поспать. Кто-то изъ нихъ громко храпѣлъ. Напротивъ качался какой-то мужчина въ жесткой, круглой шляпѣ. Видна была только эта шляпа, такъ какъ голова его свѣсилась на грудь, а лицо ушло въ поднятый воротникъ пальто. Шляпа опускалась все ниже, и все тѣло все смѣшнѣе подавалось впередъ. Казалось, что вотъ-вотъ онъ рухнетъ на Каролину, спавшую въ углу противоположной лавки. Юдымъ хочетъ крикнуть, но какой-то непонятный страхъ пронизываетъ ее дрожью. Въ углу спалъ кто-то другой. Худое, прислоненное къ спинкѣ скамьи, лицо тряслось вмѣстѣ со скамьей и съ шумомъ ударялись другъ о друга. Изъ невѣроятно широко раскрытаго рта спящаго пассажира вырывался спазматичный храпъ...

Юдымъ испугалась чего-то, глядя на этихъ людей. Она взглянула въ окно и съ удивленіемъ замѣтила, что мѣстность измѣнилась. Короткая весенняя ночь близилась къ концу. Передъ глазами развертывалась сѣрая картина далекой равнины, и видъ этотъ такой болью сжималъ сердце, какъ будто давилъ его тяжестью.

„Это уже должно быть чужой край“.—подумала Юдымъ и тотчасъ же съ глубокимъ ужасомъ и какимъ-то покорнымъ уваженіемъ взглянула не спавшихъ въ вагонѣ людей.

Поѣздъ летѣлъ. Мѣстность все болѣе оживлялась. Среди широкихъ полей запестрѣли фабрики. Мелькали дома, костелы... Было уже совершенно свѣтло, когда показалась большая рѣка, ряды черныхъ, закопченныхъ стѣнъ.

Поѣздъ скоро остановился. Всѣ вышли изъ вагона и Юдымъ также поднялась съ своего мѣста. Дѣти были заспаны, утомлены, блѣдны, она сама едва держалась на ногахъ. Когда она остановилась посреди широкой платформы, къ ней подошелъ какой-то бѣдно одѣтый человекъ и сказалъ по-польски:

— Я тотчасъ узналъ васъ.

Юдымъ всмотрѣлась въ черты незнакомца и вспомнила это лицо.

Онъ взялъ ея вещи и велѣлъ имъ идти за нимъ. Они вышли въ городъ и долго шагали разными улицами. Вѣнецъ говорилъ охотно и много. Это былъ хорошій знакомый Виктора. Они опять встрѣтились здѣсь, въ Вѣнѣ, и тотъ писалъ ему, чтобъ онъ позаботился объ его женѣ, когда она будетъ проѣзжать въ условленный день, и отправилъ ее дальше.

Онъ не пошелъ нынче на фабрику, потому что хочетъ *festownie* заняться ими. Они устали — ба-ба — такой путь! Прямо изъ Варшавы! Ну что же тамъ новаго въ Варшавѣ? Славный городишко Варшава — спору нѣтъ, веселый городокъ, хотя до Вѣны ей далеко... Юдымъ едва отвѣчала ему. Она стѣснялась незнакомаго человека. Ей хотѣлось какъ можно скорѣй прилечь, отдохнуть...

Они вошли въ бѣдный кварталъ, вскарабкались на четвертый этажъ большого дома и скоро очутились въ обыкновенной тѣсной рабочей квартирѣ. Пріятель Виктора былъ женатъ на вѣнкѣ, которая ни слова по-польски не понимала. Тѣмъ не менѣе она обращалась къ дѣтямъ и къ Юдымъ съ какими-то смѣшными словами, задавала имъ тысячи вопросовъ, смѣялась до слезъ... Послѣ завтрака устлали перинами широкій диванъ, и Юдымъ легла, но, несмотря на усталость, не могла сомкнуть глазъ. Время шло, а она все раздумывала о дальнѣйшемъ пути.

Теперь только она поняла, что она среди чужихъ. Знакомый Виктора, говорившій по-польски, сталъ ей близокъ и дорогъ, какъ родной братъ. Когда онъ выходилъ изъ комнаты, она дрожала при одной мысли, что онъ уже ушелъ и больше не вернется.

Въ сумерки они должны были отправиться на вокзалъ. Опекунъ впихнулъ ихъ, какъ сельдей въ бочку, въ большой омнибусъ и доставилъ на *Westbahn*. Тамъ онъ купилъ Юдымъ билетъ до самаго Винтертура въ Швейцаріи и до второго звонка училъ ее разнымъ нѣмецкимъ словамъ. Прежде всего онъ совѣтовалъ ей запомнить два: *umsteigen* и *Amsteten*. Онъ уставился въ нее своими блѣдными выпученными глазами и, шевеля своимъ кадыкомъ, говорить:

— Амштетенъ—это станція, гдѣ вы будете пересаживаться на *Zug*, который идетъ въ Зальцбургъ, а *umsteigen*—значить пересѣсть. Спрашивайте постоянно кондуктора: Амштетенъ? *Umsteigen*? Если онъ скажетъ да или кивнетъ головой, тогда значить надо пересѣсть на *Zug* въ Зальцбургъ—*umsteigen*. Понимаете?

— Понимаю!..—шептала Юдымъ, дрожа отъ страха.

Онъ училъ ее еще другимъ необходимымъ словамъ, когда раздался второй звонокъ и людская волна хлынула къ дверямъ и въ вагоны.

Кинцель нашелъ удобное мѣсто и не безъ труда отвоевалъ его для своихъ протезе, причемъ затѣялъ ссору съ какимъ-то толстякомъ, который хотѣлъ устроиться на той же лавкѣ. Юдымъ не понимала, конечно, въ чемъ дѣло, но по тону разговора сообразила, что идетъ перебранка. Она начала просить своего проводника, чтобъ онъ прекратилъ объясненія, такъ какъ она теперь всего боится. Кинцель умиротворился, усадилъ дѣтей, вещи положилъ на верхнюю лавочку и все наставлялъ Юдымъ. Но вотъ раздался и третій звонокъ, словно короткій, злой крикъ, и знакомый исчезъ въ узкихъ дверяхъ.

Вагонъ былъ полонъ людей. Стоялъ шумъ...

Юдымъ охватило отчаяніе, такъ какъ, вслушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ въ разговоры, она не улавливала ни одного понятнаго звука.

„*Amsteten, umsteigen, Amsteten, umsteigen...*“—слышался ей голосъ знакомаго, хотя его самого давно уже не было.

Поѣздъ медленно тронулся. Огненные бѣлые фонари поминутно подбѣгали снаружи къ окнамъ вагона, словно какія-то огненные морды, которыя, казалось, догоняли это мчавшееся человѣческое гнѣздо. Вотъ сверкнулъ послѣдній, и поѣздъ ринулся въ

темноту, словно оторвался и улетѣлъ отъ огней. Дѣти капризничали. Каролина ревѣла во весь голосъ, Франекъ спорилъ изъ-за какого-то пустяка. Юдымъ чувствовала себя истерзанной. Она не видѣла около себя точки опоры, и это угнетало ее. Она попала въ тотъ страшный кругъ чувствъ, когда человѣкъ не владѣеть собою, когда что-то въ немъ разрывается, готово вспыхнуть, какъ пороховой зарядъ, и когда онъ весь отдается на волю случая. Она чувствовала спазмы въ горлѣ и такую тревогу, тревогу. Она спокойно сидѣла на лавкѣ, но не была увѣрена, что черезъ минуту не сорвется съ мѣста, не откроетъ дверей и не улетитъ вмѣстѣ съ этимъ поѣздомъ куда-то впередъ, въ глухую, страшную, безбрежную тьму. Она и сама не знала, какъ долго длилось это состояніе.

Вдругъ двери открылись, и фонарь кондуктора засвѣтилъ ей прямо въ глаза. Юдымъ вынула свои билеты и подала ихъ чиновнику. Тотъ старательно осмотрѣлъ ихъ, пробилъ и, возвращая ихъ, монотоннымъ голосомъ произнесъ:

— *Amsteten umsteigen...*

Слова эти прозвучали въ ухахъ Юдымъ утѣшительной лаской. Быть можетъ, Богъ дастъ, она все такъ же будетъ понимать, какъ эту фразу...

— Слава Всевышнему!.. Да благословенно будетъ имя Господне!..

Свѣтъ фонаря погасъ въ дверяхъ. Въ вагонѣ стоялъ полумракъ. Шумные разговоры не умолкали; изъ другого угла поминутно раздавались смѣхъ и взвизгиванія какихъ-то отвратительныхъ бабъ, но все это уже не было такъ мучительно.

Поѣздъ гудитъ, гудитъ... А если внимательно вслушаться, то можно уловить какіе-то звуки, — слова, не слова, — которые выбѣгаютъ изъ-подъ колесъ. Ахъ, нѣтъ, не слова... Это то же, что пѣсня дѣлаетъ съ человѣкомъ. Безсознательный, какъ жало, уколъ музыки, оставляющій въ душѣ человѣка дивные, торжественные звуки. Это смыслъ и дѣйствіе мелодіи, къ которой относятся слова горькихъ жалобъ, раздающіяся подъ высокими сводами костела святого Яна:

„Завѣса сорвалась,
Земля дрожить и рушится скала...“

Пѣсня эта уноситъ человѣка отъ настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ мукъ жизни, высвобождаетъ его изъ клещей всякаго горя, отрываетъ безъ страданій отъ мужа, отъ памяти родителей, отъ любви и ненависти, даже отъ Франека и отъ Каролины.

Все чуждо, безразлично, далеко.

Куда-то она увлекаетъ за собой, въ даль, на кладбище, покрытое зеленой муравой. На цвѣтахъ дрожать жемчужныя капли росы.

Кому эти бѣлыя воды обмоютъ босыя, окровавленные ноги. тотъ опять становится человѣкомъ, самимъ собою, цѣльной, сильной, свободной душой. Теплыя слезы льются въ сердце, какъ чудодѣйственное лѣкарство, утишающее огонь каждой раны. Холодный покой или, быть можетъ, вѣтеръ душистый обвѣваетъ измученное чело.

Порой мелькнетъ еще отчаяніе. Порой смертельная тревога такъ изощряетъ глаза, что видишь тутъ же около себя страшные призраки горя, но все это постепенно блѣднѣетъ, блѣднѣетъ.

Зашумѣлъ тихій дождь. Пассажиры мѣнялись. Въ вагонъ сѣлся простой людъ: рабочіе въ короткихъ курткахъ и съ трубками въ зубахъ ѣхали двѣ-три станціи и выходили, уступая мѣсто другимъ такимъ же кучкамъ. Воздухъ былъ ужасенъ, до того ужасенъ, что у маленькой Каролины закружилась голова. Когда она пришла въ себя и уснула, Юдымъ сѣла около нея въ углу и проспала крики „Амштетенъ“, раздававшіеся за окномъ.

Большинство ея спутниковъ сошли и смѣнились новыми пассажирами, а она ничего объ этомъ не знала. Когда она проснулась, уже было свѣтло. Вагонъ былъ почти пустъ. Изъ оконъ видна была прелестная зеленая холмистая мѣстность. Между холмовъ тянулись роскошныя луга. Около полудня поѣздъ остановился и всѣ пассажиры вышли изъ вагона.

„Это уже должно быть Амштетенъ наконецъ...“, — подумала Юдымъ.

Она стащила съ верхней лавки узелки, собрала ихъ и вышла. На платформѣ она, вся дрожа, прочла другое названіе. И опять ее охватилъ глубокій ужасъ: не случилось ли что-нибудь дурное?..

Это была маленькая станція. Поѣздъ, которымъ она ѣхала, переехали на другой путь, локомотивъ отцѣпили. Онъ стоялъ пустой, напоминая повозку безъ лошадей. Спутники ея разошлись, даже носильщики исчезли съ платформы. Юдымъ не знала, что предпринять. Она стояла около своихъ вещей и испуганно озиралась. Ей казалось, что цѣлые часы проходятъ въ этомъ ожиданіи чего-то неизвѣстнаго...

Наконецъ, изъ станціонной конторы вышелъ желѣзнодорожный чиновникъ, подошелъ къ ней и что-то спросилъ по-нѣмецки.

Она, конечно, не поняла. Послѣ долгой паузы ей удалось выжать изъ гортани робкій вопросительный звукъ:

— Амштетенъ?

Чиновникъ взглянулъ на нее съ улыбкой, опять предложилъ ей одинъ, другой вопросъ, но, не получивъ никакого отвѣта, удалился. Черезъ минуту онъ вернулся и опять обратился къ ней съ какими-то словами. Видя, что она ничего не понимаетъ,

онъ взялъ ее за руку, повелъ ее съ перрона на площадь передъ вокзаломъ и показалъ ей жестомъ на городъ, лежавшій вдали. Тогда только она поняла, что съ ней случилось что-то нехорошее, вынула изъ кармана билетъ и показала его чиновнику. Тотъ прочелъ его, вытаращилъ на нее глаза, пожалъ нѣсколько разъ плечами, отдалъ ей билетъ и опять заговорилъ, громко, отчетливо отчеканивая слова, и размахивая руками. Наконецъ; онъ рѣзко, хрипло буркнулъ что-то и ушелъ. Она долго стояла на томъ же мѣстѣ въ надеждѣ, что онъ вернется и какъ-нибудь растолкуетъ ей, куда идти; но она напрасно ждала. Онъ больше не показывался. На площадь тѣмъ временемъ начали въѣзжать ломовыя телѣги, дрожки, кареты. Когда она хотѣла вернуться на перронъ, швейцаръ преградилъ ей дорогу и, наговорившись досыта, опять вывелъ ее изъ вокзала.

Было жарко. Уставшія, голодныя дѣти хныкали. Больная Каролина едва держалась на ногахъ и жаловалась на головную боль. Надо было достать гдѣ-нибудь чаю немного, котораго ребенокъ, плача, просилъ. Юдымъ поплелась въ сторону города, таща свои вещи въ рукахъ и на спинѣ. Она шла пустымъ, залитымъ солнцемъ, шоссе, по которому среди облаковъ пыли катились огромные фургоны. Она была угнетена, безъ силъ, безъ жизни. Она нисколько не удивилась бы, если бы кто-нибудь сбросилъ ее съ дороги въ ровъ и затопталъ ногами. Глаза ея видѣли тянувшіеся воза, дома въ отдаленіи, контуры высокихъ башенъ, фабричныхъ трубъ, но кромѣ этого поминутно улавливали какія-то непостижимыя вещи. Выбѣленная известью ограда, казалось, имѣетъ какое-то таинственное назначеніе. Изъ огорода, засаженнаго свеклой, что-то бѣжало, что-то невидимое, но такое страшное, отвратительное. Она замѣтила его въ знойномъ парѣ, шедшемъ отъ земли, почувствовала его страшный взглядъ въ своей груди, въ суставахъ, въ сердцѣ, въ корняхъ волосъ, въ одеревенѣвшихъ пальцахъ... Это нечистый несся изъ-за ограды на гибкихъ, вросшихъ въ землю, ногахъ. Его душилъ смѣхъ... Онъ разрастался, трясся, удлинялся, метался... У него были такія длинныя руки и глаза такіе ужасные, ужасные глаза...

— Спаситель, Спаситель милосердный!..

Она утирала руками потъ съ лица и протирала глаза, чтобы отогнать призракъ, но не могла освободиться отъ него. Страхъ охватилъ ее, какъ широкой сѣтью, которой кто-то ее опутывалъ, опутывалъ, опутывалъ. И этотъ тихій шопотъ, этотъ знакомый шопотъ, памятный еще изъ дѣтства...

Франекъ шелъ впереди и скоро придумалъ себѣ развлеченіе: собиралъ камни и швырялъ ихъ въ сады.

Бросилъ такъ разъ, другой, третій, за четвертымъ разомъ гдѣ-то зазвенѣло разбитое стекло. Юдымъ услышала этотъ звукъ, поняла, что это Франекъ разбилъ стекло, и вдругъ почувствовала глубокое отвращеніе къ мальчугану.

„Возьму,—подумала она, и задуму этого пса. Еще начнется исторія изъ-за стекла. Того и жди, что сбѣгутся...“

Она шла по шоссе и смотрѣла дикими глазами на голову Франека, который засунулъ руки въ карманы и, посвистывая, разглядывалъ мѣстность. Она поминутно должна была останавливаться, прислоняла свои вещи къ кучамъ толченаго камня или опускала ихъ на землю. Потъ лился съ ея тѣла, каждый шовъ бѣлья врѣзался ей въ кожу. Отяжелѣвшія и какъ бы вздутыя ноги, казалось, сочились кровью. Маленькая Каролина плелась рядомъ съ матерью, и ей казалось, что это не дитя ея, дорогое и милое существо, а ведро воды, подъ тяжестью котораго нѣмѣетъ плечо.

Наконецъ, они пришли къ мосту надъ широкимъ оврагомъ, въ глубинѣ котораго бѣжала свѣтло-синяя вода.

На мосту было шумно. Каждый стукъ колеса, каждый ударъ копыта отзывались долго неумолкавшимъ гуломъ. На мосту Юдымъ, совершенно обезсилѣвшая, сѣла. Она смотрѣла на городъ, сверкавшій на солнцѣ по ту сторону рѣки...

На мгновенье ее осѣнили какія-то ясныя, спокойныя мысли... Онѣ какъ будто совѣтовали ей идти къ свѣтлѣвшему вдали лугу, уговаривали ее разумными словами. Но черезъ минуту, она уже не видѣла этого луга въ своемъ сердцѣ. На нее внезапно налетѣло отчаяніе, словно вѣтеръ съ полей.

— Зачѣмъ я иду туда?—спросила она себя съ внутреннимъ рыданіемъ, раздиравшимъ ей сердце.—Вѣдь это не Винтертуръ, не Амштетенъ... Какой это можетъ быть городъ?!—громко вскрикнула она, вглядываясь въ него воспаленными глазами.

Она сидѣла тамъ одурѣвшая и безпомощная, словно соломинка, гонимая вѣтромъ.

Дѣти сошли съ моста и развлекались бросаніемъ камней въ воду. Они могли бы полетѣть въ оврагъ, и она не замѣтила бы этого.

Ее вывелъ изъ этого оцѣпенѣнія какой-то голосъ. Надъ нею стоялъ высокій полицейскій въ мундирѣ и каскѣ и что-то говорилъ ей, указывая глазами на вещи и на дѣтей.

Она пристально взглянула на него и громко сказала по-польски:

— Лай, песъ, хоть цѣлый день! Мнѣ все равно.

Полицейскій громче повторилъ свои слова.

Юдымъ со злостью спросила:

— Какъ называется этотъ городъ?

Нѣмецъ вытаращилъ глаза и опять началъ что-то говорить. Видя, что она не отвѣчаетъ и не обращаетъ на него вниманіе, онъ схватилъ ея узелъ и жестомъ показалъ ей, чтобъ она взвалила его себѣ на плечи. У нея было не только страстное желаніе, но прямо физическая потребность плюнуть ему въ глаза, и ей стоило большого усилія удержаться отъ этого. Она, какъ мертвая, прошла нѣсколько десятковъ шаговъ обратно. Холодное безразличіе постепенно смѣнялось какимъ-то смутнымъ намѣреніемъ. Она не въ состояніи была отдать себѣ въ пемъ отчетъ и напрягала мысль, чтобъ уловить это неясное, туманное желаніе для того лишь, чтобъ знать, что это такое, и тотчасъ исполнить...

Полицейскаго уже не было... Она опять прислонилась къ желѣзному барьеру, равнодушно поглядывая кругомъ. Она чувствовала только тяжесть узла, давившаго ей плечи, и это смутное желаніе, соблазнявшее ее надеждой на спокойствіе.

Она долго стояла тамъ, словно привинченна гайками къ барьеру и гравію, покрывавшему панель.

По круглымъ камнямъ мостовой ѣхали по направленію къ вокзалу омнибусы и экипажи. Вдругъ взглядъ Юдымъ остановился на одной парной коляскѣ и на сидѣвшихъ въ ней особахъ. Это была молодая, красивая, изысканно одѣтая пара. Дама въ простенькой соломенной шляпкѣ закрывала зонтикомъ молодого человѣка. Оба чему-то смѣялись и смотрѣли на все, что встрѣчались на пути, счастливыми, радостными глазами.

Юдымъ вздрогнула, какъ будто кто-то толкнулъ ее впередъ, кликнула дѣтей и пошла за этой коляской. По дорогѣ она громко говорила съ собой:

— Такіе счастливые люди, такіе счастливые!.. Быть можетъ, они мнѣ помогутъ... Спаситель, Спаситель милосердный!..

Коляска ѣхала медленно, и Юдымъ, догонявшая ее изо всѣхъ силъ, не теряла ее изъ виду. Головы молодыхъ людей поминутно наклонялись другъ къ другу. Юдымъ прошла разстояніе между вокзаломъ и мостомъ вдвое скорѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Она остановилась у вокзала немногимъ позже коляски. Молодые супруги какъ разъ въ эту минуту вышли изъ экипажа и тутъ же стояли, пока кучеръ передавалъ носильщику два сундука. Юдымъ не знала, что она сдѣлаетъ, но ждала момента, когда она заговоритъ съ этими людьми. Почему съ ними—она не знала. Все ея существо воплотилось въ одинъ порывъ воли: заговорить!

Вдругъ молодая женщина сказала по-польски своему спутнику:

— Возьми у него нумеръ и пойдемъ въ залу.

У Юдымъ закружилась голова и потемнѣло въ глазахъ. Она, какъ пьяная, подошла къ этой молодой женщинѣ и начала лепетать слова, перемѣшанные со смѣхомъ, крикомъ и рыданіемъ:

— Папи, пани! О, красавица моя... Пани, пани ангельская!

Незнакомцы обернулись къ ней съ пріятливою улыбкой и, обмѣнявшись межъ собой нѣсколькими французскими словами, со вниманіемъ и участіемъ выслушали безсвязную исторію злоключеній. Особенно сочувственно спрашивала молодая женщина.

Юдымъ показала имъ билетъ, и это совершенно убѣдило ихъ въ томъ, что они видятъ передъ собой ни попрошайку, ни плутовку. Носильщикъ взялъ, по ихъ приказанію, вещи у Юдымъ и отнесъ ихъ въ залу вмѣстѣ съ чемоданами. Дѣти получили по кружкѣ молока. Тогда только Юдымъ могла заплакать. И у самой барыни также выступили слезы на глазахъ. Онъ же пошелъ съ билетомъ въ кассу и пробылъ тамъ довольно долго. Вернулся онъ съ сообщеніемъ, что все улажено, что, благодаря его заявленію, Юдымъ вернется въ Амштетенъ, откуда она поѣдетъ своей дорогой, а они пересядутъ на поѣздъ, идущій въ Италію. Юдымъ задрожала при одномъ напомниманіи, что придется расстаться съ ними. Они оба успокоили ее увѣреніями, что теперь они уже не дадутъ ей пропасть и обяжутъ кондукторовъ и желѣзнодорожное начальство, чтобы ее доставили на мѣсто, въ Винтертуръ.

Молодая женщина участливо спрашивала о разныхъ вещахъ, между прочимъ она спросила:

— Вы ѣдете изъ Варшавы?

— Да, барыня, изъ Варшавы.

— А какъ васъ зовутъ?

— Меня зовутъ Юдымъ.

— Какъ, Юдымъ?—съ удивленіемъ спросила красивая дама, раскрывая свои прелестные, синіе глаза.

— Это такая фамилія, барыня,—Юдымъ.

— То есть мужъ вашъ называется... Какъ же?.. Юдымъ?

— Да, Юдымъ.

— Неужели?—прошептала она съ удивленіемъ.—А не приходится ли какъ-нибудь родственникомъ вашему мужу докторъ Юдымъ, Томасъ Юдымъ?

— Это родной братъ мужа! Родной братъ! — вскрикнула Юдымъ.—Вы его знаете?

— Да, немного знаю,—сказала Наталья и, обернувшись къ мужу, шепнула:—Ты слышишь?

— Оказывается, что у тебя были поклонники изъ всѣхъ слоевъ общества...—отвѣтили Карбовскій.

— Хотѣла бы я видѣть теперь нашего самолюбиваго докторишку.

— Въ самомъ дѣлѣ, это было бы интересно! Какъ это онъ встрѣтился бы со своими родственниками, путешествующими такимъ оригинальнымъ образомъ...

Заль наполнялся публикой. Прозвенѣли звонки, къ дебаркадеру подошелъ поѣздъ, и Юдымъ усадили въ третьемъ классѣ. Карбовскіе ѣхали въ первомъ. День клонился къ концу.

На станціяхъ, гдѣ поѣздъ останавливался на нѣсколько минутъ, молодые супруги выходили изъ своего вагона и, прохаживаясь по платформѣ, болтали съ Юдымъ, съ дѣтьми. Наталья интересовалась здоровьемъ маленькой Карольки, которая спала тревожнымъ сномъ на рукахъ у матери. Она приносила ей то вина, то поѣсть что-нибудь, то какое-то подкрѣпляющее лѣкарство. Дала имъ увядшій немного букетъ цвѣтовъ, полфлакончика духовъ, вѣеръ свой,—мальчику разныя хорошенькія бездѣлушки.

Когда они появлялись на платформѣ и ходили вдвоемъ, оживленно разговаривая, лаская другъ друга глазами, устами, каждымъ словомъ, Юдымъ не спускала съ нихъ глазъ. Губы ея шептали нѣжныя названія, ласковыя, простыя, народныя слова, и вся ея душа призывала благословеніе на эти красивыя, прелестныя фигуры.

— Чтобы мужъ твой вѣчно желалъ тебя такъ, какъ теперь!.. — шептала она.—Чтобы ты ему всегда была мила... Чтобы онъ души въ тебѣ до гроба не чаялъ... Чтобы у васъ были прелестныя, большія, здоровыя, умныя дѣти... Чтобы ты рожала ихъ безъ мукъ.... Чтобы ты надъ ними слезъ по ночамъ не проливала...

Букетъ розъ она прижала къ губамъ и упивалась его запахомъ. Она нюхала духи съ наслажденіемъ и съ почтеніемъ къ прелестной барынѣ. Этотъ аромать расжигалъ ея благодарность, перешедшую въ тоскливое благоговѣніе. Она пожирала глазами каждое движеніе Натальи, слѣдила за ея фигурой и видѣла ее передъ собой даже тогда, когда поѣздъ уходилъ отъ станцій и летѣлъ среди горъ, позолоченныхъ закатомъ солнца.

Ночью, въ Амштетенѣ, Карбовскіе разстались со своей протеже. Но еще до того кондукторъ поѣзда, отправлявшагося въ сторону Иннсбрука, занялся ею съ такимъ неслыханнымъ усердіемъ, что этотъ припадокъ заботливости свидѣтельствовалъ о мemento никакъ не менѣе, чѣмъ въ пять гульденовъ. Путешествующую семью устроили въ особомъ, замкнутомъ на ключъ отдѣленіи.

Юдымъ была до такой степени утомлена, что всю ночь не могла сомкнуть глаза.

Она лежала на жесткой лавкѣ и напряженнымъ взглядомъ смотрѣла въ окно.

Ночь была свѣтлая, лунная. Далекій утренній горизонтъ за-слонили горы. Круглыя вначалѣ вершины все болѣе зазубривались и поднимались все выше и выше. Юдымъ видѣла горы въ первый разъ въ жизни. Эта изумительная для человѣка долинъ и города картина была какъ бы продолженіемъ минувшаго дня. Въ душѣ ея всѣ приключенія и эти виды отражались, какъ въ водѣ, и оставляли тамъ удивительное изображеніе. Она смотрѣла въ окно не на горы, а на это изображеніе въ глубинѣ своей души. Сердце ея трепетно билось и духовный взоръ старался проникнуть въ странное взаимосцѣпленіе вещей.

— Что это за земля? И земля ли это? Кто эти чудные люди, которыхъ она увидѣла тамъ, подъ этимъ печальнымъ городомъ! И люди ли это? Кто ей сказалъ, чтобы она шла за ними?

Передъ этимъ вопросомъ сердце ея замирало и обливалось слезами. И въ неизяснимомъ страхѣ она обращалась тогда къ темнымъ пучинамъ, къ горнымъ цѣпямъ, къ этому свѣтлому отраженію въ самой себѣ, отраженію въ чемъ-то прозрачномъ и нѣжномъ, словно въ морѣ слезъ:

— Кто ихъ послалъ?

Мѣсяцъ серебрилъ высокія вершины. Острые зубцы приняли мягкое, человѣческое выраженіе. Казалось, что они думаютъ, углубились въ какую-то мысль и смотрятъ каменными глазами въ безоблачную лазурь, усѣянную звѣздами. И еще казалось, что такъ же, какъ человѣкъ, они не могутъ увидѣть...

Отъ времени до времени взглядъ Юдымъ падалъ въ пропасть, такъ какъ поѣздъ несся по горнымъ карнизамъ Арльберской дороги. Гдѣ-то въ глубинѣ, въ пропасти, въ бездонныхъ расщелинахъ, по соннымъ, скользкимъ, чернымъ камнямъ пѣнились бѣлыя, зеленоватыя воды Инна.

Картины эти не изумляли Юдымъ. Сердце встрѣчало ихъ и тихо, осторожно, заботливо прятало ихъ въ себѣ, какъ дорогое сокровище. Иногда кругомъ вагона разливался глухой мракъ, полный грохота и дыма. Юдымъ не знала, что это такое, но ей не было страшно. Она была въ эту ночь какъ бы выше слабости тѣла и выше всякихъ волненій.

Серебряныя коронки вершинъ погасли, словно кто-то сорвалъ ихъ съ горъ. Изъ тѣни все яснѣе выступали ребра и грани скалъ, разрывая мракъ, лежавшій внизу. Съ высотъ спускался горный разсвѣтъ.

Они ѣхали такъ весь слѣдующій день и цѣлую ночь. Усталость дѣтей перешла въ какое-то тупое оцѣпенѣніе. Такъ какъ

они ничего не пили, то во рту у нихъ показались какіе-то прыщи. Всѣ трое кашляли и метались во снѣ.

Въ Буксѣ австрійскій кондукторъ передалъ Юдымъ швейцарскому, который проницательнымъ взглядомъ смѣрилъ путешественниковъ. Послѣ осмотра ихъ вещей, ихъ опять замкнули въ вагонъ и поѣхали дальше.

Въ лучахъ наступившаго разсвѣта показалось что-то неземное, и Юдымъ, глядя на это, не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ: синее, холодное, таинственное озеро Валлензее. Первый лучъ, упавшій въ долину изъ-за горъ, скользилъ по волнамъ, которыя катились въ холодномъ полумракѣ. При видѣ этой прозрачной глубины уходящей въ темную бездну, сердце Юдымъ опять трепетно забилось. Ей казалось, что она видѣла во снѣ эти воды, что она съ наслажденіемъ ходила по нимъ и что тамъ, на каменистомъ днѣ, лежитъ эта дивная тайна...

Тѣмъ временемъ берегъ озера круто изогнулся и какъ бы закрылъ отъ глазъ синія воды. Поѣздъ выбѣжалъ въ открытое поле.

Горы исчезли. Вдали мелькали ряды елей. На всемъ пространствѣ, которое глазъ въ состояніи былъ охватить, тянулись бѣлые отъ колокольчиковъ луга, на которыхъ густо росли фруктовые деревья, образуя одинъ безконечный садъ.

Около одиннадцати часовъ поѣздъ остановился въ Винтертурѣ. Услышавъ это названіе, Юдымъ испугалась и боялась тронуться съ мѣста. Кондукторъ открылъ двери и сдѣлалъ ей знакъ чтобъ она вышла изъ вагона. Когда она сходила со ступенекъ, таща за собой вещи и дѣтей, она увидѣла Виктора, который проталкивался сквозь толпу и искалъ ихъ глазами. Ее мгновенно охватила злость. Какъ только онъ увидѣлъ ихъ и подбѣжалъ къ нимъ, она тотчасъ же зашипѣла:

— Гдѣ же, скажи на милость, голова твоя была? Куда ты насъ затащилъ? О Господи, Господи...

— А развѣ я тебѣ велѣлъ! Могла не ѣхать! Посмотрите только на нее! Супружеская встрѣча! Три дня, какъ я лечу сюда на каждый поѣздъ, точно сумасшедшій...

— Ну да, встрѣча! Посмотри только, что съ дѣтьми сдѣлалось. У нихъ какіе-то прыщи во рту, я даже не знаю, что это такое... Голова у тебя, могу сказать! Это чудо, что мы не перемерли въ дорогѣ.

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности! Вѣдь я ѣхалъ этой самой дорогой. Что жъ я долженъ былъ сдѣлать,—укоротить ее, что ли?

— У-у, хотъ молчалъ бы ты, а то...

— Замолчи-ка ты, если не хочешь, чтобъ я угостилъ тебя на радостяхъ. Если не нравится, садись въ вагонъ и поѣзжай, куда хочешь!

Каролину онъ взялъ на руки, узелъ подъ-мышку и вывелъ ихъ изъ вокзала. Нѣкоторое время они молча шли по шоссе, усыпанному гравіемъ.

По сторонамъ шли дома, преимущественно одноэтажные, въ небольшихъ садикахъ съ желѣзными рѣшотками. Каждое окно закрыто было зелеными жалюзи. Помѣщенія эти, казалось, цвѣли, какъ и все кругомъ, и полны были свѣжей зелени; стѣны, обращенныя къ солнцу, покрыты были виноградными вѣтвями и сѣровато-зеленые гроздья густо висѣли между листьевъ.

— Квартира какая-нибудь есть у тебя, Викторъ? — спросила Юдымъ, успокоившись немного.

— Конечно, есть.

— Одна комната?

— Двѣ небольшихъ и кухонька. Тѣсно, но ничего.

— Это далеко?

— Нѣтъ, не очень.

И дѣйствительно, они довольно скоро прошли нѣсколько тѣсныхъ, кривыхъ переулковъ, и онъ ввелъ ихъ въ небольшой домикъ и на узенькую лѣстницу, чисто вымытую, но до того истоптанную, что отъ досчатыхъ ступенекъ остались лишь тонкіе слои дерева. Несмотря на безукоризненную чистоту, воздухъ на лѣстницѣ былъ спертый. На второмъ этажѣ Викторъ открылъ дверь и впустилъ свою семью въ квартиру. Было дѣйствительно тѣсно и такъ низко, что голова касалась потолка, но уютно. Обѣ комнатки выложены были досками и выкрашены мясляной краской въ голубой цвѣтъ.

Въ первой комнатѣ была огромная печь изъ коричневыхъ изразцовъ, выступавшая почти до середины. Всю наружную стѣну занимали окна, которыхъ было по два въ каждой комнатѣ. Юдымъ съ улыбкой осматривала эту квартиру, и ей казалось, что она не вышла еще изъ поѣзда, до того эти двѣ раскрашенныя блестящія коробочки напоминали отдѣленіе вагона. Но вотъ въ другой комнатѣ она замѣтила кровать, кровать, застланную до самаго потолка подушками, и немедленно начала раздѣваться.

Юдымъ отправился на свою фабрику. Дѣти не хотѣли ложиться и выбѣжали за отцомъ на улицу.

Утопая въ пуху, Юдымъ скользила глазами по чистымъ стѣнамъ, по простой мебели, на которой не было ни одного пятнышка, и старалась удержать ихъ на одномъ мѣстѣ. Все въ гла-

захъ ея мелькало, мелькало, мелькало безъ конца, какъ вагоны. Стѣна сошла съ своего мѣста и ходила... Кресло, комодъ, шкафъ, узелъ, лежавшій посреди первой комнаты,—все это двигалось куда-то безъ перерыва...

Когда она закрывала глаза, надѣясь уснуть, въ головѣ ея тотчасъ же опять начинали мелькать безконечные ряды вагоновъ.

Колеса стучали и переѣзжали черезъ ея тѣло, голову, грудь съ лязгомъ, грохотомъ и скрипомъ. Ни уснуть, ни отдохнуть...

Она вполнѣ сознавала, какъ время шло, слышала голоса съ улицы, понимала, гдѣ она находится, но ни на секунду не могла отогнать отъ себя это мельканіе вагоновъ.

Изъ уличныхъ звуковъ одинъ особенно ее заинтересовалъ. Это было какъ бы пѣніе, какъ бы чтеніе урока или хоровая молитва. Юдымъ слышала не только общій тонъ, но каждый отдѣльный голосокъ, выдѣлявшійся въ общей гармоніи. Въ этомъ было что-то безконечно веселое, что-то такое милое, но она не могла дать себѣ въ этомъ отчета. Она сошла съ кровати, набросила на себя платье и, притаившись въ глубинѣ комнаты, стала высматривать, откуда идутъ эти голоса.

На другой сторонѣ узкаго переулка, на такой же высотѣ были раскрыты окна какой-то большой комнаты. На маленькихъ деревянныхъ стульчикахъ сидѣло тамъ около сорока человѣкъ дѣтей въ возрастѣ отъ четырехъ до шести лѣтъ. Особы эти болтали, кричали, смѣялись, спорили, проказничали, но отъ времени до времени, по командѣ пожилой полной женщины, брались за шильца и начинали работать. Тогда весь хоръ пѣлъ вслѣдъ за голосомъ начальницы эту пѣсенку, раскачиваясь въ тактъ и сопровождая каждый жестъ движеніемъ шильца. Юдымъ не понимала словъ, но не могла удержаться, чтобы не повторять въ свою очередь этихъ плавныхъ звуковъ:

*Ine stache
Fadeli ume g'schuh!
Use Ziehe,
Abe Loh!..*

Это забавляло ее и интриговало.

„Что это можетъ быть?—думала она.—Школа? Но развѣ послалъ бы кто-нибудь въ школу такихъ малышей.

Изъ открытыхъ оконъ между тѣмъ опять понеслись крики, смѣхъ, шумъ игры, а немного спустя послышался припѣвъ:

Ine stache...

Странныя мысли навѣяли на нее эти игры, соединенныя съ работой, этотъ хоровой шумъ, который не былъ еще пѣніемъ, но уже былъ ритмиченъ и дѣлалъ трудъ пріятнымъ и легкимъ.

Прислонившись къ стѣнѣ и не сводя глазъ съ рѣзвящейся дѣтвора, она думала о чемъ-то, что никогда, никогда не приходило ей въ голову.

И какъ только она уловила эту глубокую, мудрую мысль, ее охватила неутѣшная скорбь. Въ головѣ мелькали стѣны, окна, зеленяя ставни, а изъ глазъ катились крупныя слезы. Она вздыхала о себѣ и не только о себѣ одной. Сердце ея разрывалось отъ безсильной тоски о дѣтяхъ, выросшихъ подъ сточной канавой.

Ее вывелъ изъ этого раздумья громкій стукъ въ дверь. Кто-то рвалъ ручку двери и стучалъ. Она боялась открыть и сидѣла нѣсколько минутъ, затаивъ дыханіе, но когда стукъ сталъ усиливаться, она встала и повернула ключъ въ замкъ.

Въ комнату вошелъ высокій мужчина, въ камзолѣ, съ такимъ сердитымъ лицомъ и такими свирѣпыми глазами, что Юдымъ отъ страха присѣла.

Посѣтитель началъ кричать и махать руками, поминутно показывалъ ей листья, которые держалъ въ рукѣ, швырялъ ихъ на полъ, опять поднималъ и пихалъ ихъ въ карманъ... Подошелъ близко къ Юдымъ, предлагалъ ей какіе-то вопросы и, видя, что она съ неизмѣнной кротостью молчитъ, кричалъ все громче и громче. Такъ онъ прошумѣлъ съ четверть часа. Наконецъ хлопнулъ дверьми и ушелъ.

Юдымъ уже обрадовалась было, что избавилась отъ него. наконецъ, какъ онъ опять появился съ полными пригоршнями листьевъ. Онъ клалъ ихъ на столъ и, сверкая глазами, черезъ два слова повторялъ:

— Use!

У Юдымъ, Богъ вѣсть почему, вдругъ явилось желаніе зѣвнуть. Она закрыла, правда, ротъ рукою, но швейцарецъ это тѣмъ не менѣе замѣтилъ и совершенно взбѣсился: весь затрясся и затопалъ ногами.

Она внимательно осматривала его съ ногъ до головы, клянясь въ душѣ, что если онъ, Богъ дастъ, уйдетъ наконецъ, то она уже умнѣе будетъ и второй разъ ему двери не откроетъ. И дѣйствительно, шумный гость скоро выбѣжалъ, продолжая кричать еще на лѣстницѣ. Юдымъ быстро замкнула дверь, легла въ кровать и укрылась периной. Она лежала въ полусонномъ забытій часа два, пока ее опять не разбудилъ стукъ въ дверь. Это былъ Викторъ въ сопровожденіи того же сердитаго швейцарца и дѣтей.

Викторъ что-то бормоталъ, но скорѣе для того, чтобы показать женѣ, какъ онъ объясняется по-нѣмецки, нежели для разъясненія дѣла.

— Чего этот отъ насъ хочетъ, Викторъ?—спросила Юдымъ.

— Наши дѣтки оципали ему виноградъ.

— Какои виноградъ?

— Да у нихъ, видишь, здѣсь кусты виноградные на стѣнахъ. У этого бюргера весь фасадъ дома покрытъ былъ ими. Пришли Франекъ съ Каролиной, взяли да общипали всѣ листья и тычинки повыдергали изъ земли. Ну, вотъ онъ и трясется, собака, со злости.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Какое несчастье, что мы листья сорвали!—сердито отвѣтилъ Франекъ.—Есть изъ-за чего исторію поднимать...

— Онъ говоритъ, что приходилъ уже къ тебѣ,—сказалъ Викторъ женѣ.

— Приходилъ. Даже два раза. Говорилъ, говорилъ, а я слушала. Сказалъ все, что зналъ... и ушелъ.

— Эхъ, ужъ съ этимъ народомъ, никогда съ нимъ не столкнуться. Настоящая тюрьма этотъ край. Въ десятомъ часу ты не можешь уже топнуть ногой въ собственной квартирѣ, потому что всѣ жильцы сбѣгутся. Нельзя громко разговаривать, нельзя держать въ кухнѣ вязки дровъ, разводить огонь, когда вѣтрено, нельзя подливать керосину, чтобъ скорѣй растопить, потому что сейчасъ же штрафъ въ двадцать пять франковъ,—чортъ знаетъ, что здѣсь можно...

Швейцарецъ между тѣмъ все говорилъ. Викторъ объяснилъ женѣ, что онъ допытывается, отчего дѣти его такъ обидѣли, зачѣмъ они испортили дозрѣвающій кустъ винограда? Кто это ихъ уже въ дѣтствѣ наставляетъ на такіе дурные поступки? Объясненіе отложили до другого времени, такъ какъ Юдымъ и самъ плохо понималъ, что тотъ говорилъ. Онъ зналъ только, что изъ этой квартиры его навѣрно выселятъ и что другой онъ въ городѣ никоимъ образомъ не найдетъ. И эта мысль приводила его въ ярость. Онъ проклиналъ швейцарцевъ на чемъ свѣтъ стоитъ и ругалъ ихъ по-польски и по-нѣмецки. Наконецъ онъ сказалъ женѣ:

— Надо тебѣ правду сказать,—я здѣсь оставаться не думаю.

— Гдѣ?

— Да здѣсь.

— Что ты говоришь?

— Я ѣду въ Америку.

— Викторъ!

— Это тюрьма, а не край! Правда, здѣсь я зарабатываю больше, чѣмъ въ Варшавѣ, а знаешь ли, сколько платяты при Бессемерѣ въ Америкѣ? Мнѣ Вонсикевичъ подробно писалъ. Это деньги, такъ деньги.

— Что ты говоришь, что ты говоришь... лепетала она.—Значить, мы никогда уже домой не...

— Въ Варшаву! Вотъ тебѣ и разъ! Какъ же я вернусь? Ты съ ума сошла? Да и какого чорта ради?

Онъ подумалъ минуту и, встряхнувъ головой, громко прибавилъ:

— Бессемеръ, моя милая, вездѣ есть. Я иду за нимъ. Гдѣ лучше платятъ, туда я пойду. Зачѣмъ я стану сидѣть здѣсь, въ этой дырѣ?.. Нашла дурака...

У Юдымъ въ глазахъ все мелькали стѣны, окна, мебель. Она, какъ бревно, упала на подушки и неподвижными глазами смотрѣла на раскрашенныя доски потолка, который двигался, двигался куда-то вмѣстѣ съ нею, куда-то за предѣлы міра, въ безконечность...

Въ сумерки.

Въ жизни доктора Юдыма наступилъ совершенно новый періодъ. На поверхностный взглядъ это было то же существованіе, тѣ же обязанности, старанія и заботы. Въ дѣйствительности же молодой врачъ сталъ какъ будто другимъ человѣкомъ. То, что онъ дѣлалъ, чѣмъ занимался, было лишь наружной оболочкой его настроеній, чѣмъ-то вродѣ тѣла, въ которомъ пышно расцвѣтала сильная душа.

Лѣченіе больныхъ, курортныя и больничныя дѣла, поѣздки въ усадьбы и окрестныя деревни продолжались по-прежнему, даже казались ему теперь болѣе легкимъ занятіемъ, но это была лишь эксплуатація живой, кипучей силы. Въ глубинѣ же души докторъ Юдымъ занять былъ чѣмъ-то новымъ, новымъ, какъ весна послѣ суровой зимы. Между однимъ и другимъ восходомъ солнца какъ будто замкнуты были волшебныя лѣса, далекіе отъ этого міра, спрятанные за высокими стѣнами. Въ немъ все еще жило душистое впечатлѣніе, которое онъ получилъ въ апрѣльскій день, въ первый день пріѣзда въ Цизы, когда онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ въ глубь аллеи.

Вѣтви высокихъ деревьевъ, еще нагія, сѣрыя и тощія, какъ орѣховыя прутья. Цвѣтъ ихъ соперничаетъ съ прелестной лавурью, которая вьется и носится тутъ же, межъ стволами, словно рѣдкій, тающій дымокъ. На концахъ тонкихъ вѣтокъ сирени уже показались первые сморщенные нѣжныя листья. На длинныхъ коричневыхъ вѣтвяхъ каштановъ, словно золотыя железки, дрожатъ толстыя почки. Солнце то освѣщаетъ сырую землю яркимъ пламенемъ, то уходитъ въ свое синее царство и исчезаетъ подъ разноцвѣтнымъ покровомъ облаковъ. На сѣрой, дымящей паромъ, землѣ показались свѣтлыя лужайки. Молодые

стебельки дрожать, гнутся и кланяются солнцу. Слышно радостное чириканье птицъ и веселые дѣтскіе крики вдали; воздухъ полонъ аромата фіалокъ. Въ этомъ мірѣ съ каждымъ восходомъ солнца просыпалась острая чуткость души. Благодаря ей, глаза видѣли теперь все съ удвоенной ясностью. Явленія и событія внѣшняго міра представлялись въ иномъ свѣтѣ, въ иномъ взаимодѣйствіи, и всѣ предметы приобрѣли глубокой смыслъ и значеніе. Самыя обыкновенныя мысли вышли изъ рамокъ повседневности и напоминали молодыхъ пташекъ, спугнутыхъ изъ гнѣздъ и съ наумленіемъ всматривающихся въ окружающій ихъ міръ.

Отчего приходитъ весна! Отчего проходитъ ночь и наступаетъ день? Куда мчатся ретивыя тучи, иногда невинныя, какъ дѣтскія грезы, порою же страшныя, какъ изрубленное топоромъ чрево, изъ котораго льется алая кровь? Для кого растутъ весенніе цвѣты и почему отъ нихъ видѣляется аромать? Что такое деревья и по какой причинѣ они среди бѣла дня бросаютъ на землю, какъ бы ночь, свои чарующія тѣни?

Вечера, когда мѣсяцъ появлялся на чистомъ небѣ, сотканномъ, какъ говоритъ Библия, пальцами Божіими, казались глубокимъ таинствомъ, непостижимой тайной, къ которой съ тоскою рвалась душа, какъ къ конечному виду своей доли счастья.

Въ сумерки Подборская часто приходила въ паркъ съ единственной теперь ученицей, Вандой. Тамъ они случайно встрѣчали доктора Юдыма, ходили втроемъ по темнымъ аллеямъ, разговаривая о разныхъ вопросахъ,—научныхъ, художественныхъ, общественныхъ.

Была какая-то особенная прелесть въ томъ, что они не видѣли почти своихъ лицъ, ни глазъ. Только темныя фигуры, темныя очертанія, темныя, какъ души... Только въ звукъ голоса они могли угадать взаимныя желанныя мечты. Иногда, изрѣдка они встрѣчались въ обществѣ и, межъ тѣмъ какъ уста ихъ, такъ же, какъ въ паркѣ, произносили безразличныя слова, глаза вели другой разговоръ, полный вопросовъ, отвѣтовъ, просьбъ, признаній и обѣщаній, разговоръ, который былъ во сто разъ выразительнѣе словъ.

Юдымъ терялъ голову при одной мысли, что увидитъ свою „невѣсту“, такъ онъ называлъ ее мысленно, хоть ни разу еще не говорилъ ей о своей любви и не дѣлалъ ей предложенія. А когда онъ глядѣлъ въ эти глаза, въ которыхъ свѣтилась дивная улыбка любви, ему казалось, что сердце его истекаетъ кровью, что сладкая смерть палетаеть на него, какъ волны морскія, и упоситъ его къ ногамъ этого существа. Радость и счастье этихъ

нѣмыхъ рѣчей были такъ велики, что заглушали всѣ земныя желанья.

Юдымъ не желалъ Асю, какъ женщину, и никогда въ своихъ мечтахъ о ней не снималъ съ нея дѣвичьихъ покрововъ. Душистыя, лазурныя облачка окутывали ее и закрывали ее отъ вожделѣнныхъ взоровъ. Больше всего, больше красоты ея, доброты и ума онъ любилъ въ ней свою или ея любовь, этотъ заколдованный садъ, входя въ который человѣкъ пріобрѣтаетъ божественный даръ всепознаванія. Онъ трепеталъ при одной мысли, что если онъ коснется желаніемъ этой милости небесъ, которая, Богъ знаетъ почему, встрѣтилась ему на жизненномъ пути, если онъ протянетъ къ ней руки и захочетъ увидѣть ближе это неземное счастье, то оно тотчасъ исчезнетъ. И эта мысль наполняла его смертельнымъ холодомъ. И такъ, все время въ немъ жили два чувства—тоска и тревога. Когда онъ смотрѣлъ на красивую, изящную фигуру Подборской, передъ его глазами тотчасъ вставалъ, какъ неотвязный призракъ, подвалъ съ Теплой улицы. Все пріобрѣтенное исчезало. Онъ вспоминалъ свою ремесленную семью, тетку, которая воспитывала его, ея гостей... Онъ видѣлъ себя въ темной подвальной комнатѣ согбеннымъ, оборваннымъ, голоднымъ и униженнымъ, близкимъ къ паденію. И вотъ съ лѣстницы спускается темная фигура. Слышенъ тихій шелестъ ея платья, душистый шорохъ ея шаговъ... Она медленно сходитъ, останавливаясь на каждой ступенькѣ, и несетъ въ своихъ ясновидящихъ глазахъ дивную вѣсть своей любви. Онъ можетъ смотрѣть на нее, но какъ только сдѣлаетъ движеніе или промолвить одно умоляющее слово, какъ только коснется ея протянутой руки, то тотчасъ же наступитъ что-то предвидѣнное, что-то, что караулить, терпѣливо выжидаетъ и зорко слѣдитъ за каждымъ желаніемъ.

Однажды, это было во второй половинѣ іюня, Юдымъ направлялся въ одну изъ отдаленныхъ деревушекъ. Онъ быстро шагаль по тропинкамъ, желая сократить такимъ образомъ дорогу. скорѣй отдѣлаться отъ „визитовъ“ и вернуться еще до захода солнца.

Тропинка шла вдоль берега рѣки, которая извивалась въ долинѣ среди кустарника, между двумя плоскогорьями; протоптанная въ сырой почвѣ, она присохла только сверху и осѣдала еще подъ ногами. Кругомъ росли травы, мятлики, ивняки. Юдымъ быстро шагаль, засунувъ руки въ карманы, опустивъ глаза и ничего почти не замѣчая, когда вдругъ на поворотѣ дороги увидѣлъ Подборскую. Въ первое мгновеніе онъ былъ такъ ошеломенъ, что даже не поздоровался съ ней. Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ и думалъ, ждала ли она его здѣсь, или это сонъ...

Онъ нисколько не удивился бы, если бы она растаяла въ воздухѣ, какъ туманъ надъ лугами. Онъ не чувствовалъ также радости. Глядя на ея блѣдное, растерянное лицо, онъ совершенно хладнокровно замѣтилъ, что ея прямой носикъ выглядить съ этой стороны какъ-то иначе...

Немного спустя онъ догадался, наконецъ, что это какое-то чудо... Онъ не будетъ ждать ее въ паркѣ, не будетъ торопиться къ больнымъ и убивать всякими способами часы, остающіеся до сумерекъ, потому что она съ нимъ, она, одна...

Въ этомъ даже было какъ будто разочарованіе.

— Вы гуляете?—спросилъ онъ, чувствуя въ то же время, когда говорилъ эти слова, что поступаетъ глупо и банально, такъ какъ упускаетъ минуту глубокой важности, которую будетъ помнить всю жизнь. Но черезъ мгновенье эта мысль померкла, и имъ овладѣло такое равнодушіе, какъ если бы предыдущее впечатлѣніе кто-то засыпалъ мѣшкомъ песку.

— Я здѣсь каждый день гуляю.—разумѣется, когда нѣтъ дождя...—отвѣтила Анна.

Юдымъ зналъ, что это неправда. Онъ зналъ, что она пришла сюда въ первый разъ и для того, чтобы встрѣтить его. Онъ прекрасно слышалъ ея слова, но ему казалось, что они доносятся откуда-то издали. Онъ не понималъ ихъ, впрочемъ, такъ какъ былъ слишкомъ поглощенъ радостью ея сердечной близости.

— А Ванда?

— Она объ эту пору катается верхомъ съ управляющимъ.

— А вы не умѣете ѣздить верхомъ?

— Напротивъ... Я даже очень люблю! И когда-то, когда-то, Боже мой!.. Теперь я уже не могу. У меня, вѣроятно, какая-нибудь незначительная болѣзнь сердца или что-нибудь въ этомъ родѣ, потому что послѣ каждой поѣздки у меня боли какъ разъ въ этомъ мѣстѣ, гдѣ оно бьется, противное. Потомъ у меня бессонница.

Юдымъ при этихъ словахъ почувствовалъ настоящую физическую боль въ сердцѣ и такую жалость, такую бездонную, безбрежную жалость, что долженъ былъ стиснуть зубы, чтобы не разрыдаться.

— Отчего же вы не посоветовались въ Варшавѣ съ какимъ-нибудь хорошимъ врачомъ?

— Эхъ!.. Хорошій врачъ не сталъ бы останавливаться на такихъ пустякахъ. Да и стоитъ ли обращать вниманіе на такія мелочи. Не ѣздить верхомъ—вотъ и все...

— Это вовсе не порокъ сердца и ни тѣни болѣзни въ этомъ

нѣтъ...—сказалъ Юдымъ улыбаясь.—Простое, обыкновенное переутомленіе. Непривычный организмъ...

— Мой организмъ?

— .... вслѣдствіе сильнаго напряженія переживаетъ извѣстный упадокъ силъ... Было бы даже, пожалуй, лучше, если бы вы перемогли себя и два, три раза въ недѣлю ѣздили бы верхомъ.

— Вы думаете?

— Безсомнѣнно. Вы, вѣроятно, отлично выглядите на лошади...

Онъ произнесъ эту фразу, не подумавъ и совершенно не соизнавая, какой смыслъ имѣютъ эти слова.

— Вотъ такъ терапия!—сказала Подборская, не глядя на него. Свѣтлая, чудная улыбка озарила ея лицо, какъ солнечнымъ свѣтомъ. Брови и губы весело подергивались. Юдымъ тщетно ждалъ, что съ устъ ея слетитъ крылатое слово, таившееся въ этой дивной улыбкѣ. Нѣжный, какъ варя, румянецъ окрасилъ ея щеки.

— Скажите, пожалуйста,—начала она, все болѣе краснѣя,—вы не ѣздили иногда по конкѣ на Холодную улицу или на Валицы?

— Ѣздилъ... Конечно... Почему вы спрашиваете объ этомъ?

— Такъ, просто спрашиваю. Я нѣсколько разъ видала васъ на этой линіи. У васъ былъ тогда какой-то другой видъ, не такой, какъ теперь. Впрочемъ, быть можетъ, вы въ цилиндрѣ казались такимъ. Это было года три тому назадъ, а можетъ быть и больше.

— Почему же вы тогда обратили на меня вниманіе?

— Я не знаю, почему.

— Зато я прекрасно знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я навѣрно знаю.

— Скажите же, почему...

— Потому что...

Юдымъ поблѣднѣлъ. Онъ чувствовалъ, какъ кожа у него нѣмѣетъ на головѣ и какъ дрожь холодной волной перебѣгаетъ по его тѣлу.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не скажу теперь. Когда-нибудь въ другой разъ...

Подборская подняла на него глаза, посмотрѣла на него открытымъ, чистымъ взглядомъ и замолчала. Они долго шли.

По краямъ дуга, вдоль склона плоскогорья, разбросаны были избы деревушки, въ которую спѣшилъ Юдымъ.

Узкая внизу дорога перешла въ широкій выгонъ, изрытый множествомъ колеи и огороженный съ обѣихъ сторонъ плетнемъ.

Анна прошла по этой широкой дорогѣ нѣсколько десятковъ шаговъ. Вдругъ она остановилась и сказала:

— Вы идете въ деревню?

— Да, къ больнымъ.

— Я туда уже не пойду.

— Отчего?

— Нѣтъ, я не пойду.

— Вы уже вернетесь домой?—спросилъ онъ съ грустью въ голосѣ и глазахъ.

— Да, пора вернуться. Впрочемъ... Вы долго тамъ пробудете?

— Не очень, какихъ-нибудь полчаса...

— Ну, тогда... Я здѣсь подожду. Или лучше...

— Или лучше?

— Тамъ, на этомъ холмикѣ.

— Ахъ, это хорошо, это отличная, отличная мысль!

Онъ быстро пошелъ къ деревнѣ. Онъ бы побѣждалъ, совсѣмъ, чортъ возьми, не пошелъ бы къ больнымъ, но его успокаивала увѣренность, что она его тамъ ждетъ. Если бы онъ этого не сдѣлалъ... Эта увѣренность доставляла ему безконечное наслажденіе. Онъ чувствовалъ, что это уже сближеніе, свиданіе, какъ будто условленный часъ общей радости, и, увлекаясь, тѣшилъ мыслью, что счастье само пришло, что онъ его не звалъ, ни вымаливалъ.

Онъ хотѣлъ какъ можно скорѣй отдѣлаться отъ больныхъ, но, какъ на зло, около каждой избы, въ которую онъ входилъ, собирались бабы съ дѣтьми, мужики съ покалѣченными пальцами... Онъ долженъ былъ ихъ осматривать, спрашивать. Было уже почти темно, когда онъ вырвался, наконецъ, изъ деревни и возбужденнымъ взглядомъ сталъ искать Подборскую. Были мгновенія, когда онъ терялъ самообладаніе.

— Она ушла!..—шепталъ онъ, глотая слезы, какъ дитя.

Онъ увидѣлъ ее уже, когда совсѣмъ близко подошелъ къ холму. Она сидѣла на землѣ среди высокихъ кустовъ можжевельника.

— Мы не пойдемъ лугами, потому что тамъ туманъ уже стелется и сыро,—сказалъ онъ, подходя къ ней.

— А какъ же?

— Можно выйти наверхъ прямо черезъ поля, а оттуда опушкой лазиньскаго лѣса.

— Хорошо, только намъ надо спѣшить, потому что уже почти вечеръ.

Они вышли на вершину холма и очутились въ полѣ, окруженномъ съ трехъ сторонъ лѣсомъ. Съ двухъ сторонъ былъ лиственный лѣсъ, съ третьей—сосновый. Солнце, падавшее на безмолв-

нья стѣны деревъ, такими яркими красками золотило недвижныя купы рябинъ и березъ, что глазъ улавливалъ мельчайшія очертанія далекихъ листьевъ. За ложбиной, изъ которой они вышли, въ безконечной дали, гдѣ кончались переливавшіяся радугою нивы, заходило солнце. Горизонтальные лучи лежали на свѣтлыхъ тропинкахъ, на зеркальныхъ поверхностяхъ водѣ, на безцвѣтныхъ деревенскихъ домишкахъ. Отъ фигуръ Юдыма и Подборской ложились на землю двѣ тѣни, словно два безконечно-длинныхъ призрака ихъ жизней, которые шли впереди, соединялись, сближались и отодвигались другъ отъ друга. Пурпурно-золотистая окраска предметовъ скоро померкла. Солнечный дискъ упалъ въ землю и утонулъ. Тогда и далекій лиственный лѣсъ погасъ и сталъ удаляться, удаляться, уходить...

Юдымъ всматривался въ эту мѣстность, и неизъяснимое чувство охватило его.

Онъ былъ уже здѣсь, правда, не разъ, но ему казалось, что онъ точно такое же чувство переживалъ уже въ этомъ самомъ мѣстѣ. Когда-то, когда-то...

Это мѣсто, — къ которому онъ шелъ всю свою долгую бездомную жизнь.

„Отчего же это такъ? — думалъ онъ, всматриваясь въ эту чудную поляну. — Отчего же это?“

И вотъ на секунду, на одно мгновенье въ его сознаньи мелькнулъ какъ будто отвѣтъ, какъ будто звукъ слова, которое вѣтеръ принесъ изъ отдаленія, но тотчасъ вырвалъ изъ уха и развѣялъ.

Часть этой поляны, какъ будто презрительно забытой людьми, была засѣяна. Рядомъ шло вспаханное, заборонованное поле, и это былъ видъ, необычный для этого времени года. Земля эта еще была теплая, рыхлая и мягкая. Ноги не вязли въ ней, какъ въ пескѣ на выгонѣ, — она грѣла ихъ своей нѣжной теплотой.

Ноги Подборской, обутыя въ туфельки, совершенно уходили въ землю. Оба не обращали на это вниманія, хотя прекрасно это знали.

Отъ сырой земли началъ подыматься сѣрый туманъ, поглотилъ сверкавшія передъ тѣмъ краски лѣсовъ и разлилъ кругомъ, далеко и близко, тихую мглу, теплую, душистую мглу.

— Я не сказалъ вамъ прежде, — началъ Юдымъ, — отчего вы обратили на меня вниманіе, когда мы ѣздили въ конкѣ въ сторону Холодной улицы... Мнѣ вотъ кажется, что я знаю.

-- Вы это знаете?

— Да, я знаю.

— Меня это очень интересуетъ.

— Вы должны были тогда просто предчувствовать...

— Что предчувствовать?

— Все, что должно случиться.

-- Что же?

— То, что это я именно буду твоимъ мужемъ.

Анна не выразила никакого удивленія. Она шла спокойно. Ея блѣдное лицо казалось спящимъ. Юдымъ наклонился къ ней.

— Взяли ли вы все, что вы говорите?—сказала она тихимъ глубокимъ голосомъ.—Подумайте надъ этимъ хорошенько.

— Я уже все обдумалъ.

Эти твердо произнесенныя слова ничего, въ сущности, собой не выражали, но тонъ ихъ былъ такъ рѣшителенъ, что Анна ничего не отвѣтила.

Юдымъ теперь только почувствовалъ, какъ безгранично онъ ея желалъ. Онъ ничего передъ собой не видѣлъ. Въ душу его ворвался мракъ и все въ ней погасилъ. Ему казалось, что мягкая земля, въ которой вязли ноги, глубока и безконечна, что уходятъ сотни часовъ. Темныя сумерки доставляли ему безумное чувственное наслажденіе. Это было новое еще чувство, которое, казалось, разгорается въ какое-то пламя и предупреждаетъ эту дивную, божественную, таинственную ночь, какъ громкій крикъ, раздающійся въ тишинѣ широкой степи.

Юдымъ обнялъ правой рукою свою „жену“ и почувствовалъ плечо ея на своей груди и голову тутъ же около своего лица. Онъ наклонился и впился устами въ пышные, разметавшіеся черныя волосы, отъ которыхъ вѣяло чѣмъ-то дѣвственнымъ, душистымъ...

Изъ глазъ его катились слезы, слезы безграничнаго счастья, сосредоточеннаго, переживаемаго только одинъ разъ въ жизни.

Они оба вздрогнули, когда почувствовали подъ собою твердую почву на опушкѣ лѣса, но не замедлили шаговъ. Въ чащѣ сосенъ уже стоялъ мракъ, точно черный мраморъ, въ которомъ, словно золотыя жилки, здѣсь и тамъ блестѣли свѣтляки. Взглядъ ихъ замѣчалъ эти золотыя нити и бессознательно навѣки укладывалъ въ памяти ихъ красивый, блѣдный полублескъ, какъ драгоценный даръ жизни.

Было такъ тихо, что можно было разобрать далекій, далекій шумъ воды, сочившейся гдѣ-то съ горы.

Аннѣ казалось, что эти звуки что-то говорятъ, что они зовутъ...

Она подняла голову, чтобы услышать... Въ то же мгновенье она почувствовала на своихъ устахъ какъ бы раскаленные уголья. Счастье, точно теплая кровь, тихой волною лилось въ ея сердце-

Она слышала какіе-то вопросы, нѣжныя, дивныя, задушевныя слова. Но отвѣты не шли съ ея усть. Она говорила поцѣлуями о своемъ глубокомъ счастьѣ, о добровольной жертвѣ, которую привѣтствовала...

Сапожническая выходка.

Кривосудъ началъ чистку пруда принятымъ изъ года въ годъ способомъ, но уже въ первой половинѣ іюня съѣхалось столько гостей, что окончить работу не было возможности. Только часть пруда со стороны рѣки была совершенно расчищена, остальная часть представлялась въ видѣ болота, которое вода едва, едва покрывала. Когда же воду спустили, грязь подернулася зеленой тиной и распространяла кругомъ отвратительную вонь. Рабочіе, которые выкапывали и увозили грязь въ телѣжкахъ, болѣли лихорадкой, даже у самого Кривосуда былъ жаръ и ознобъ.

Вывозить изъ парка гнилой иль при гостяхъ никоимъ образомъ нельзя было, и это непредвидѣнное затрудненіе навело Кривосуда на геніальную мысль. Никому ничего не говоря, онъ приказалъ совершенно скрыть въ одномъ мѣстѣ плотину, вставить въ образовавшееся отверстіе наклономъ досчатый жолобъ шириною въ аршинъ и пустить на него струю воды, сочившуюся на днѣ спущеннаго пруда. Образовалось нѣчто вродѣ каскада, который стремительно несся въ рѣку. Въ то же время Кривосудъ поставилъ нѣсколько рабочихъ съ заступами и тачками, приказалъ собирать иль, свозить по набросаннымъ доскамъ къ жолобу и сбрасывать туда грязь. Вода, катившаяся съ крутого наклона, уносила съ собою иль въ рѣку.

Это была такая хитрая выдумка, что всѣ были поражены ея оригинальностью. Тяжелые воза не развозили по парку гнойный иль, грязные рабочіе не рыскали по аллеямъ—только прудъ еще сильно вонялъ. Разсчитывали, впрочемъ, что при усиленной работѣ удастся въ двѣ-три недѣли понизить дно пруда и воду можно будетъ остановить.

Юдымъ, всецѣло поглощенный своею любовью, ничего объ этомъ не зналъ. Однажды, переходя черезъ плотину, онъ замѣтилъ въ первый разъ всю эту машину и остановился, какъ вкопанный. Не будучи въ состояніи сообразить, что это должно означать, онъ спросилъ у перваго рабочаго:

- Что это вы здѣсь дѣлаете?
- Да вотъ, г. докторъ, иль на воду пускаемъ.
- Иль на воду пускаете?
- Точно такъ.

— Но вѣдь ваши деревушки стоятъ надъ этой водой. Какъ же вы будете скотъ поить и пользоваться этой водой?

— А это не наше дѣло. Г. управляющій приказываетъ, — мы дѣлаемъ, и вотъ и все.

— А... разъ г. управляющій приказываетъ, вы дѣлаете, и вотъ и все!

— Тутъ прибѣгали уже мужики изъ Сѣкирокъ, — сказалъ кто-то изъ рабочихъ, — спорили съ г. управляющимъ: вся вода, моль, въ рѣкѣ загрязнена, но баринъ выругалъ ихъ и прогналъ. Только этого и добились.

Юдымъ отошелъ. Онъ направился берегомъ съ полусознательнымъ намѣреніемъ убѣдиться, дѣйствительно ли вода загрязнена. Онъ долго шелъ по свѣже-скошенному лугу и съ возрастающимъ бѣшенствомъ смотрѣлъ на бурую глинистую жидкость, медленно лившуюся въ рѣку.

Одно мгновеніе злость эта затихла. Какое-то дорогое, лучистое воспоминаніе смѣнило ее... Юдымъ забылъ о рѣкѣ, совершенно забылъ: дѣйствительность какъ будто исчезла съ его кругозора, и онъ видѣлъ туманную грезу, которая въ этотъ мигъ казалась ему несравненно болѣе реальной и осязаемой, нежели прудъ, рѣка, иль, мужики, Кривосудъ... Только въ паркѣ онъ очнулся и поднялъ голову.

Около недавно выстроенныхъ службъ стояли Кривосудъ и директоръ.

При видѣ ихъ докторъ Юдымъ почувствовалъ физическое отвращеніе. Ему казалось, что эти двѣ фигуры выдѣляютъ изъ себя удушливое зловоніе ила. Онъ рѣшилъ, что къ нимъ не подойдетъ, сдѣлаетъ видъ, какъ будто ихъ вовсе не замѣчаетъ, и свернетъ въ другую сторону.

Какое ему, чертъ возьми, дѣло до всей этой исторіи съ иломъ! Развѣ это одно изъ крупнѣйшихъ злоупотребленій среди милліона иныхъ? Зачѣмъ же ему именно удѣлять столько вниманія? Пускай себѣ дѣлаютъ старики, что хотятъ! Это ихъ дѣло. Пусть еще побрыкается это ходячее кладбище! Довольно онъ съ ними намучился! Онъ высказалъ имъ все, что считаетъ дурнымъ и что считаетъ хорошимъ. Они не желаютъ его слушать, продолжаютъ дѣлать свое—ну, и пусть!

Онъ крупными шагами пошелъ въ другую сторону, но вдругъ въ концѣ цѣлаго ряда аргументовъ нашелъ въ своей головѣ еще слѣдующій:

„Такъ вотъ какая роль этого курорта: доставлять темному люду грязную воду для питья. Въмѣсто того, чтобы этому темному люду... Ха, ха!.. Великолѣпная иллюстрація всей аферы! Этотъ

вонючій иль въ рѣкѣ даль курортъ. Чудесная иллюстрація громкихъ фразъ объ „общественномъ значеніи курорта въ Цизахъ“.

Онъ не могъ съ собой совладать! Только это онъ скажетъ имъ—и конецъ! Онъ скажетъ Кривосуду, нѣтъ, нѣтъ, не Кривосуду! Онъ прямо въ глаза скажетъ это директору и разъ навсегда покончить всѣ объясненія. Это будетъ для нихъ побѣдой Пирра.

Слова эти какъ будто схватили его за воротъ и воротили съ дороги. Ясность факта и логика разсужденія были такъ ослѣпительны, что все передъ ними ступевалось, какъ тѣнь на солнцѣ. Если бы въ эту минуту кто-нибудь плетью принуждалъ бы Юдыма сочинить аргументъ, который ослабилъ бы силу его представленія о мнимой роли курорта, то онъ не выжалъ бы изъ него ни одной мысли. Директоръ и Кривосудъ замѣтили приближеніе молодого ассистента, но дѣлали видъ, что заняты разговоромъ, заслоняющимъ своей важностью все на свѣтѣ. Тогда лишь, когда онъ здоровался съ ними, они къ нему обернулись, не прерывая, впрочемъ, ни на мгновенье оживленнаго диспута о какой-то набивкѣ для матрацовъ. Юдымъ долгое время молчалъ, равнодушно глядя на испачканныхъ грязью, босыхъ, полуодѣтыхъ мужиковъ, которые толкали передъ собой большія тачки.

Все въ немъ кипѣло и переворачивалось. Онъ повторялъ мысленно свое разсужденіе и укладывалъ его въ литературную форму. Онъ хотѣлъ облечь это въ наивно-ядовитую фразу, которая передала бы его мысль въ видѣ легкихъ уколовъ и навсегда бы отравила души его противниковъ.

Борясь съ собой, чтобы ни одно движеніе мускуловъ не выдало его волненія, онъ спросилъ наконецъ:

— Что это вы здѣсь дѣлаете, господа? Можно полюбонитствовать?

— Какъ видите, коллега...—отвѣтилъ директоръ, немного поблѣднѣвъ.

— Да видѣть-то я вижу, но, сознаюсь, ничего не понимаю.

— Вывозить грязь теперь нельзя, такъ вотъ Кривосудъ промываетъ прудъ водой.

— А... промываетъ прудъ...

Директоръ ничего не отвѣтилъ.

— А вамъ это не нравится? — спросилъ онъ немного спустя ледянымъ тономъ, въ которомъ ясно слышался сдерживаемый гнѣвъ.

— Мнѣ? Напротивъ. Чѣмъ же это можетъ не нравиться мнѣ? Какъ иллюстрація къ родному пейзажу...

— Какъ иллюстрація къ родному пейзажу...

— Это одно изъ положеній образцоваго хозяйства.—пользо-

ваться всякимъ средствомъ на пользу предпріятія. Разъ у меня...— началъ было Кривосудъ.

Но Юдымъ, надменно не слушая, что говоритъ управляющій, повторилъ съ удареніемъ, обращаясь исключительно къ директору:

— Какъ мотивъ къ родному пейзажу. Я убѣдился, что то, что мы часто называемъ ролью курорта въ исторіи края, приписывая ему какое-то общественное или гигиеническое значеніе,— не больше какъ насмѣшка, эффектъ, реклама, рассчитанная на глупость истеричекъ. Для меня это такое же зрѣлище, какъ и всякое другое.

— Не люблю я вашихъ нотаций. Я человѣкъ старый...

— А я человѣкъ молодой, который старикомъ въ данную минуту никоимъ образомъ быть не можетъ.

— Милый другъ!..

— Я врачъ! И считаю неприличествующимъ званію врача то, что вы позволяете дѣлать своему фактору.

— Милостивый государь! — грозно рявкнулъ Кривосудъ. — Прошу васъ осторожнѣе обращаться со словами. Вотъ еще! Факторъ!.. *Nec sutor ultra crepidam.*

— Ну, ну! Погоди немного со своей латынью...—крикнулъ директоръ.—Будеть тебѣ!

И, повернувшись къ Юдыму, тихо, но выразительно сказалъ:

— Ваши разглагольствованія здѣсь никакого успѣха имѣть не будутъ и ни на кого не подѣйствуютъ.

— Я это прекрасно знаю. Я...

— Если вы это прекрасно знаете, то я не понимаю, зачѣмъ вы суетесь не въ свое дѣло. Это васъ, дорогой другъ, совершенно не касается.

— Что же, вопросы гигиены касаются вашего фактора?

— Тутъ нѣтъ никакихъ вопросовъ гигиены и никакихъ факторовъ... Что вамъ мерещится? Вы рехнулись, что ли?..

— Гигиена есть, но для людей богатыхъ. Мужики и скотъ ихъ могутъ пить и иль изъ нашего пруда. Такъ вотъ, я прямо говорю вамъ: я категорически протестую противъ всего, что творится здѣсь.

— Да протестуйте себѣ, пожалуйста, сколько душѣ угодно... Сколько душѣ угодно! Кривосудъ, на завтра наряди вдвое больше рабочихъ, чѣмъ сегодня.

— Піуркевичъ,—крикнулъ Кривосудъ эконому,—пошлите кого-нибудь въ деревню нанять еще человѣкъ восемь, десять рабочихъ.

Обернувшись къ Юдыму, управляющій злорадно, отъ всего сердца расхохотался и сказалъ:

— Ну, что вы на это скажете, г. реформаторъ?

— Ничего, старые ослы!—спокойно сказалъ Юдымъ.

Кривосудъ впился въ него глазами, поблѣднѣлъ и, поднявъ кулакъ, сдѣлалъ шагъ впередъ. Юдымъ замѣтилъ это движеніе, и у него потемнѣло въ глазахъ. Въ одинъ прыжокъ онъ очутился около Кривосуда, схватилъ его за горло, рванулъ его нѣсколько разъ и оттолкнулъ отъ себя. Управляющій стоялъ спиною къ пруду. Брошенный Юдымомъ, онъ слетѣлъ съ плотины, упалъ въ илъ и погрузился въ грязь, такъ что его едва видно было. Мужики схватили заступы и поспѣшили къ нему на помощь.

Юдымъ не видѣлъ, что было дальше. Глаза его подернулись бѣшенствомъ, словно бѣльмомъ. Онъ ушелъ, грубо и громко ругаясь.

Куда глаза глядятъ.

Вечеромъ ему принесли отъ директора письмо слѣдующаго содержанія: „Милостивый Государь! Въ виду того, что произошло, слѣшу сообщить вамъ, что договоръ нашъ, заключенный годъ тому назадъ въ Варшавѣ, я считаю нарушеннымъ. Вашъ слуга—Венглиховскій“.

Юдымъ равнодушно прочелъ это письмо, повернулся на другой бокъ и устался мутнымъ взглядомъ въ обивку дивана. Онъ прекрасно зналъ, что ему раньше или позже принесутъ такое письмо, и увѣрялъ себя, что ждетъ его съ презрительнымъ равнодушіемъ.

Онъ старался ни о чемъ не думать, успокоиться, остыть и тогда уже принялся за все, что надо уладить передъ отъѣздомъ. Онъ былъ даже доволенъ собою, тѣмъ именно, что сознательно, систематично успокаивается. Проникновеннымъ духовнымъ взоромъ окинулъ онъ свою трепетную, болѣзненную страсть къ Цицамъ, которая теперь должна была быть побѣждена, чтобы не превратиться во что-нибудь глупое. Онъ закрылъ глаза и началъ вполголоса вычислять какія-то химическія соединенія. Но не успѣлъ онъ произнести двухъ, трехъ названій, какъ услышалъ въ себѣ вопросъ, который толкнулъ его съ мѣста, словно физическій ударъ:

„Отчего я не пошелъ домой до этого скандала?“

Раскаяніе, заключавшееся въ этихъ словахъ, было такъ мучительно, такъ остро, такъ глубоко, что его можно было сравнить только съ багромъ, одинъ конецъ котораго вонзился въ грудь, разрываетъ ее и въ то же время тащитъ ее за собою. Когда остріе это совершенно истерзало и измучило его, тогда явилась новая пытка: улыбка Аси, когда онъ встрѣтилъ ее на лугу.

Въ этомъ неожиданномъ и непріятномъ приключеніи Юдымъ забылъ о ней, вѣрнѣе, не могъ помнить. И вотъ теперь она явилась, словно вопросъ, безпомощный, печальный, молчаливый.

„Что теперь остается дѣлать? Уѣхать, разстаться? Теперь именно? Нынче, завтра, послѣзавтра?“

Чувство, овладѣвшее имъ при одной мысли объ отъѣздѣ, было глупое, трусливое и жалкое. Онъ весь дрожалъ въ душѣ отъ страха и съ ума сходилъ отъ горя. Все въ немъ надломилось. Самообладаніе мужчины разсѣялось, какъ куча отрубей, на которую налетѣлъ порывъ вѣтра.

Вечерѣло. Въ открытое окно вливался въ комнату запахъ розъ. Надъ стѣной, окружавшей часть парка, между верхушками деревьевъ еще трепеталъ золотисто-пурпуровый отблескъ вечерней зари. Теплыя сумерки уже наполняли комнату и разливались въ рябиновой аллеѣ. Юдымъ видѣлъ еще ея красивую даль и свѣтлѣвшую въ глубинѣ парка сѣрую стѣну, но минутами все исчезало передъ его глазами, какъ будто мракъ выѣдалъ ему глаза. Несмотря на всѣ усилія борьбы, онъ все глубже и глубже опускался въ какую-то темную бездну. Онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ нимъ туда уходятъ всѣ любовныя мечты и что на этомъ страшномъ днѣ онъ разсыплется въ прахъ. Онъ лежалъ безсильный, какъ бревно, чувствуя только ужасъ внезапныхъ рѣшеній, отъ которыхъ тотчасъ же получалъ странное впечатлѣніе, какъ будто они говорили ему о какой-то мучительной болѣзни въ его душѣ.

Вдругъ онъ услышалъ шорохъ, отозвавшійся въ немъ болью, словно уколъ. Въ темномъ окнѣ показалась женская фигура. Юдымъ узналъ Асю не глазами, а по слезамъ, мгновенно оросившимъ его сердце. Когда онъ подошелъ къ окну и прижалъ ея голову къ своей груди, она начала что-то говорить ему быстро, быстро...

Онъ не въ состояніи былъ уловить смыслъ ея словъ, онъ чувствовалъ только, что теперь лишь начинается приходиться въ себя. Изъ груди его вырвался вздохъ:

— Завтра уже...

— Завтра?

— Я не могу дольше оставаться здѣсь ни минуты, ни минуты...

— Какъ же, какъ это случилось?

— Я долженъ былъ такъ поступить. Это не отъ меня зависѣло. Мои же труды мстятъ мнѣ теперь. Если бы я былъ чловѣкъ спокойный, если бы я со всѣмъ мирился... „Кто со свѣтомъ въ бой вступаетъ, долженъ погнѣнуть, чтобы жить въ вѣч-

ности".—Онъ произнесъ эти слова съ наслажденіемъ, съ какимъ-то особеннымъ, пріятнымъ самохвальствомъ, съ какой-то нѣжной гордостью. И тогда въ первый разъ душистыя, маленькія уста коснулись его губъ божественной лаской...

— Куда ты поѣдешь?—спросила она, вырываясь изъ его объятій.

— Развѣ я знаю? Вѣроятно въ Варшаву. Я еще объ этомъ не думалъ...

— О чемъ же?

— О чемъ-то совершенно другомъ.

— О чемъ?

Вмѣсто отвѣта онъ протянулъ руки, но въ то же мгновеніе ея не стало. Сердце и уста его полны были нѣжныхъ рѣчей, но его слова не могли уже быть услышанными ею; Юдымъ смотрѣлъ въ сумракъ, окутывавшій садъ, въ сумракъ, который, казалось ему, былъ ея стихіей, изъ которой она явилась, ею самой. Душистый сумракъ, навѣвающій безуміе...

Долго, долго, до глубокой ночи, Юдымъ стоялъ у окна въ смутномъ ожиданіи, на которое изъ темноты, казалось, глядѣли ея глаза. Но вдругъ эта иллюзія погасла, какъ будто испуганная влажнымъ холодкомъ; потянувшимся изъ темнаго парка. Юдымъ вспомнилъ, что утромъ долженъ уѣхать.

Онъ ни на мгновенье не задумался, куда онъ поѣдетъ, но его опять начали терзать приступы отчаянія. Онъ зажегъ свѣчу и безжизненнымъ взглядомъ окинулъ свое зимнее помещеніе.

Это были двѣ огромныя комнаты въ первомъ этажѣ стараго замка. Въ нихъ сохранились еще слѣды прежняго минувшаго великолѣпія. Стѣны покрыты были обоями въ рамахъ, двери и окна украшала тонкая, изящная рѣзба. Кругомъ шли старыя, прямые позолоченныя карнизы, простота которыхъ мѣстами разнообразилась тонкой филигранной работой. Въ углахъ и простѣнкахъ блестяли старинныя зеркала.

Надъ великолѣпнымъ каминомъ улыбался изъ глубины старой рамы портретъ молодой женщины съ открытыми плечами и улыбкой, которая, казалось, говорила: люби жизнь больше всего... Кругомъ лежали густыя, пышныя пряди волосъ, словно пучки черныхъ цвѣтовъ. Пурпурныя уста, одна щека и плечи пронизаны были какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ, словно серебрястыми лучами сказочнаго мѣсяца. Въ чертахъ этого лица таилось какое-то демоническое очарованіе, быть можетъ любовь творца этой картины. Юдымъ любилъ смотрѣть на „свой“ портретъ. Прелестное божество, изображенное на этомъ полотнѣ, было для него какъ бы силой, которая уноситъ въ прошлое, въ сумеречное прошлое.

Сквозь дымку художественнаго впечатлѣнія онъ видѣлъ тѣхъ, которые жили въ этихъ комнатахъ, радовались и страдали, исполненные гордыни, а потомъ исчезли куда-то, какъ облачка, скользящія по небесной тверди...

И вотъ, когда свѣтъ лампы упалъ на портретъ, на эти красивыя, изящныя, привѣтливыя комнаты, на уютную мебель.— Юдымъ задрожалъ. Онъ чувствовалъ, что не въ силахъ со всѣмъ этимъ разстаться. Каждая вещь какъ будто выступала изъ тумана и что-то напоминала. Каждая изъ нихъ была какъ бы вѣрнымъ другомъ, который принялъ въ себя какую-нибудь подробность, какую-нибудь частичку тайны его любви къ Асѣ и теперь выдавалъ ее. Здѣсь, въ этой комнатѣ, все было ею самою. Она ни разу въ ней не была, но свѣтлыя, радостныя думы и мечты укрыли ее здѣсь, словно таинственную обитательницу, которую никогда ничьи глаза не увидятъ. Старый портретъ зналъ о ней, и улыбка его, казалось, грозила каждую минуту рассказать всѣмъ прелестную сплетню.

Сколько неизъяснимаго очарованія таилось въ его молчаніи!

Маленькій столикъ въ углу, заваленный книгами... Одинъ видъ его наполняетъ душу Юдыма слезами и рыданіями. Когда онъ вбѣжалъ въ эту комнату съ радостной тайной, которую онъ открылъ въ себѣ, увидѣвъ Асю на лѣсной опушкѣ, онъ сѣлъ за этотъ столикъ, подперъ голову и долго вслушивался въ музыку расцвѣтавшаго въ немъ счастья...

Теперь печаль взяла въ свои слабыя руки то мгновеніе, мгновеніе, напоминающее чудесный сказочный цвѣтокъ, распускающийся одновременно всѣми семью чашечками. Теперь печаль обрывала и мяла его огненные лепестки.

Юдымъ уловилъ въ себѣ жалкое чувство, которое отъ времени до времени высовывало изъ темной бездны души свою отвратительную, какъ у тюленя, голову. Онъ задумался и, закрывъ глаза, размышлялъ, какъ бы ему помириться съ Кривосудомъ, извиниться передъ директоромъ. Онъ подумалъ объ интриганткѣ Листвѣ, женѣ стараго кассира. Къ ней развѣ обратиться...

Онъ бросился на диванъ и напряженно, съ какимъ-то жалкимъ отчаяніемъ обдумывалъ, какъ все это устроить. Тысячу разъ взвѣшивалъ онъ свой хитроумный планъ. Онъ уѣдетъ на два дня, уѣдетъ завтра утромъ. Завтра! Нѣтъ, только не завтра, ни за какія блага міра. Лучше онъ постарается завтра свести директоршу съ той фурией. Эти бабы уже помирять его съ директоромъ; директоръ съ своей стороны умиротворить Кривосуда.

Когда онъ вернется, онъ начнетъ новую жизнь. Ахъ, новую, мирную семейную жизнь! Надо же когда-нибудь покончить съ

этимъ глупостями! Надо же когда-нибудь стать приличнымъ человѣкомъ. Они тихо повѣнчаются еще въ этомъ мѣсяцѣ...

И опять все отошло на задній планъ.

Вотъ прогулка вдвоемъ по аллеямъ. Мимо нихъ проходятъ нарядныя курортныя гости, красивыя и некрасивыя барыни. Всѣ обращаютъ на нихъ вниманіе. Юдымъ чувствуетъ то же, что долженъ ощущать бѣднякъ, фамиллярно бесѣдующій съ важнымъ, извѣстнымъ человѣкомъ среди завистливой толпы... Онъ хвалится своей невѣстой, гордится ею, ея ослѣпительной, всепокоряющей красотой, каждымъ движеніемъ ея, гибкимъ и легкимъ, какъ дрожаніе молодой вѣтки. Они идутъ среди толпы, никого не замѣчая, занятыя только собою...

Уже разсвѣтало, когда Юдымъ, наконецъ, уснулъ. Проснулся онъ весь озябшій и удивленнымъ взглядомъ окинулъ комнату. Точно жерновой камень, на грудь его навалилась неизбежность отъѣзда. Онъ уже не думалъ, не желалъ уже отвратить его: онъ собирался только съ силами, чтобы справиться съ этой неизбежностью.

Часа три онъ укладывалъ въ чемоданъ свои вещи, гардеробъ, книги. Около восьми часовъ, когда почтовый возокъ уѣзжалъ на станцію, онъ уже былъ готовъ. Оставалось еще четверть часа на завтракъ. Юдымъ выпилъ въ ресторанѣ чашку кофе съ такой поспѣшностью, какъ будто его гнали оттуда, и вышелъ бросить еще одинъ взглядъ на больницу. Когда онъ остановился у калитки этого зданія, которому отдалъ столько силъ и любви, въ душѣ его брызнулъ новый невѣдомый родникъ. По губамъ его скользнула гордая улыбка, а глаза приняли ледяное выраженіе. Съ этой улыбкой на лицѣ онъ обошелъ больничныя палаты, осмотрѣлъ тифознаго больного и, ни съ кѣмъ не прощаясь, вышелъ. Онъ даже не взглянулъ на замокъ и на окна, за которыми жило сердце его сердца. Только на углу улицы, откуда больница была еще видна, онъ остановился и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ всматривался въ нее прищуренными глазами. Лицо его искривилось и судорожно задрожало. Тогда онъ повернулся и ушелъ крупными шагами.

Почтовый возокъ уже стоялъ передъ верандой стараго замка, и ящикъ еще издали попросилъ Юдыма поторопиться. Юдымъ быстро вбѣжалъ въ комнату съ тѣмъ, чтобы положить еще что-то въ чемоданъ, такъ же быстро отстегнулъ пряжки ремней, поднялъ крышку, положилъ, что ему нужно было, и началъ поспѣшно опять застегивать пряжки. Когда онъ покончилъ съ этимъ, ему вдругъ показалось на мгновенье, что онъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

Онъ въ передней у тетки. Вотъ онъ собирается идти въ классъ, быстро, быстро! Онъ долженъ спѣшить, потому что, во-первыхъ, отъ этого зависитъ его жизнь, во-вторыхъ, онъ можетъ получить плохую отмѣтку, въ-третьихъ, тетка можетъ замѣтить, что онъ еще здѣсь, можетъ появиться въ дверяхъ и со злости хлестнуть его по физиономіи или плюнуть ему въ глаза.

Надо идти, надо идти!

Скорѣе же, пѣсь несчастный!

Отчего же у него такая нестерпимая боль въ сердцѣ? Отчего же ему больнѣе теперь, чѣмъ тогда? Всегда и всюду...

И какъ будто тѣнь его, на одно короткое, быстрое мгновеніе, рядомъ съ нимъ стало что-то такое близкое, знакомое, что-то безконечно близкое, близкое, какъ могила: одиночество...

И казалось, что оно говоритъ непонятными словами, отъ которыхъ пронизываетъ холодомъ и подымаются волосы на головѣ — Ничего, ничего, я подожду.

Онъ вышелъ и сѣлъ въ бричку. По дорогѣ къ станціи онъ былъ внутренне покоенъ, и это спокойствіе даже было пріятно и интересно, какъ первые приступы лихорадки, изъ которыхъ, впрочемъ, можетъ развиться какая-нибудь тяжелая болѣзнь.

Онъ не думалъ о цизовскихъ дѣлахъ, ни о чемъ не жалѣлъ. Онъ чувствовалъ только непреодолимое отвращеніе къ новымъ надвигавшимся впечатлѣніямъ и формальный ужасъ при мысли о станціи, вагонѣ, спутникахъ. Но когда онъ очутился на вокзалѣ и вмѣшался въ толпу, онъ скоро забылъ объ этомъ непріятномъ ощущеніи. Въ вагонѣ второго класса, куда онъ протискался, было пусто, и онъ тотчасъ растянулся на мягкомъ диванѣ со страстнымъ желаніемъ уснуть.

Спать, спать!..

Онъ былъ утомленъ, точно на немъ висѣли тысячапудовыя гири. Выкуривая одну папиросу за другой, онъ смотрѣлъ въ окно утомленными глазами, которые воспринимали въ себя цвѣтъ неба, порою верхушки деревьевъ, телеграфные столбы и проволоки, но совершенно какъ мертвыя зеркала, которыя отражаютъ предметы, но ничего о нихъ не вѣдаютъ. По стеклу сверху внизъ и снизу вверхъ непрерывно мелькали параллельныя линіи телеграфныхъ проволокъ.

Вотъ онѣ двигаются, медленно, медленно, опускаются къ нижней рамѣ окна и вдругъ стремительнымъ скачкомъ исчезаютъ за нею, точно въ землю провалились. Черезъ мгновеніе онѣ вылетаютъ оттуда и несутся вверхъ черезъ всю вышину окна. то опять неподвижно стоятъ на самой серединѣ, словно въ раздумьѣ, куда бы имъ направиться теперь...

„Если онъ поднимутся вверхъ...—думаетъ Юдымъ, —если онъ поднимутся...“

Сердце его сжимается и рыдаетъ, потому что это прорицаніе въ тѣсномъ, прозрачномъ пространствѣ огня наклоняется внизъ и медленно двигается съ какимъ-то нѣмымъ саркастическимъ смѣхомъ.

Тогда его душу опутали какія-то грезы, неясныя ощущенія, предчувствія, смутныя страхи и опасенія. Они набѣгали откуда-то неожиданно, какъ волны на зеркальную поверхность воды. Вздохнули и исчезли... То опять переплетались, какъ водоросли, колокольчики, какъ длинные стебли, изъ которыхъ на поверхность воды выходятъ бѣлыя лиліи, — какъ ленты, какъ водныя пити, опутывающія тѣло утопленника, когда, захлебнувшись водою, онъ теряетъ упругость движеній и безсильно идетъ ко дну.

Они словно выжидаютъ тамъ въ теченіе долгихъ дней и ночей со скрюченными когтями и высматриваютъ изъ глубины объятую отчаяніемъ жертву. Растенія эти сказочно хороши, — какія-то необыкновенныя, неслыханныя, странныя, безцѣльныя. Не то кусты, не то травы, не то мхи... Торжественно раскачиваясь, они касаются другъ друга своими скользкими, зелеными, коричневыми и желтыми тѣлами. Казалось, что они не то о чемъ-то таинственно совѣщаются, не то тянутъ какой-то томительный напѣвъ, раскачиваясь въ тактъ мелодіи волнъ, катившихся надъ ихъ верхушками.

Какими дивными образами они отражаются въ глазахъ утопленника! Человѣкъ разсудительный, который вырветъ ихъ изъ воды и броситъ на берегу, который ихъ разбираетъ и разсматриваетъ, видитъ, что это не больше, какъ негодныя водныя травы. Но тотъ, другой, который смотритъ въ ихъ стебли съ зелеными волосами, съ развѣтвляющимися, какъ у полипа, руками, съ устами, которыя цѣлуютъ, смѣясь, и глазами, закрытыми спутанными, безобразными рѣсницами...

Юдымъ метался среди своихъ предчувствій, какъ утопленникъ на днѣ озера. Отъ времени до времени онъ встряхивался, дѣлалъ надъ собой усиліе и выплывалъ. Тогда въ глазахъ его мелькалъ какъ бы призракъ Аси, въ головѣ шелестъ ея платьевъ, а на устахъ ароматъ ея устъ. Но мгновенія эти были коротки, почти неуловимы. Они разсѣивались тяжкимъ, какъ смерть, сознаниемъ, вслѣдъ за которымъ шла печаль — глухая, неизмѣнная и вѣчно новая. Она лилась изъ сердца, останавливаясь на убѣгавшихъ картинахъ, на каждомъ кустикѣ, оставшемся гдѣ-то тамъ, ближе къ Цизамъ, и, какъ усердный работникъ, отмѣчала своимъ трудомъ все большее, все большее разстояніе.

Но неприятнѣе всего была эта раздражительность, эти слѣпые скачки нервовъ. Нѣкоторые образы, предметы, мысли, обрывки объясненій, разсужденія, доводы прямо рвали его на части.

Тогда пламя мучительной скорби жгло ему сердце. Огненные когти безсилія вонзались въ него, выворачивали на изнанку и терзали. Тщетно онъ успокаивалъ себя, стыдилъ, какъ бродягу, который шатается безъ цѣли.

Поѣздъ останавливался на станціяхъ, летѣлъ, опять останавливался... Юдымъ ничего объ этомъ не зналъ. Только на большой станціи, гдѣ скрещивалось нѣсколько желѣзнодорожныхъ вѣтвей и гдѣ поѣздъ стоялъ цѣлый часъ, онъ вышелъ изъ вагона и отправился въ залъ. Въ толпѣ онъ почувствовалъ себя такимъ слабымъ, угнетеннымъ, такимъ беспомощнымъ и несчастнымъ, какъ никогда еще въ жизни. Какой-то предметъ напомнилъ ему его зимнюю квартиру въ Цизахъ, ея уютную тишину и покой. Воспоминаніе это тронуло его до слезъ. Онъ думалъ о тѣхъ мѣстахъ съ болью въ сердцѣ, съ дрожью въ рукахъ и ногахъ. Онъ укорялъ себя безъ конца за упрямство, за неуживчивость, за споры, главное—за послѣдніе.

Глупость его поведенія представлялась ему теперь съ досадливой ясностью. Онъ старался выбросить все это изъ головы, стереть эти воспоминанія. Кривосуда и директора онъ считалъ теперь безусловно правыми, поступки Венглиховскаго разумными и тактичными...

Если бы въ толпѣ показались ихъ лица, какимъ это было бы пріятнымъ сюрпризомъ!

Кто-то изъ публики произнесъ слово: „Цизы“.

Дальше Юдымъ не въ силахъ былъ собою владѣть. Онъ блуждалъ въ толпѣ, стискивая зубы и руки, съ трудомъ подавляя въ груди рыданіе. Вдругъ передъ нимъ, точно проклятіе, мелькнуло знакомое лицо. Онъ машинально отвернулся и первой его мыслью было выбѣжать изъ зала. Онъ не въ состояніи былъ ни за какія сокровища міра говорить съ кѣмъ-либо и въ особенности съ этимъ человѣкомъ.

Онъ усѣлся въ темномъ углу, стараясь не быть замѣченнымъ и рѣшивъ, въ случаѣ необходимости, закрыть лицо руками. На самый грубый, невѣжливый поступокъ онъ былъ готовъ въ эту минуту, лишь бы уклониться отъ встрѣчи.

Знакомый этотъ былъ инженеръ Корецкій, высокій, худощавый брונетъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то. Юдымъ познакомился съ нимъ въ Парижѣ, затѣмъ совершилъ съ нимъ поѣздку по Швейцаріи, куда Корецкій отправился для восстановленія здо-

ровья. Въ качествѣ врача отчасти, но вѣрнѣе въ качествѣ земляка и пріятеля, онъ мѣсяца три шатался съ инженеромъ на свои средства изъ курорта въ курортъ. Корецкій переутомился и страдалъ тогда нервнымъ разстройствомъ. Они вели межъ собою нескончаемыя бесѣды, вѣрнѣе, заводили ожесточенные споры, грызли другъ друга и такимъ образомъ скитались вдвоемъ, пока, наконецъ, послѣ одного обострившагося диспута не разошлись въ разныя стороны: Юдымъ вернулся въ Парижъ, Корецкій на родину.

Теперь одинъ видъ швейцарскаго пріятеля дѣйствовалъ на доктора Юдыма угнетающимъ образомъ. А тотъ медленно расхаживалъ по залѣ, выходилъ на платформу, опять возвращался.

Это былъ видный мужчина, высокій, стройный, изящный. Одѣтъ онъ былъ не только по послѣдней модѣ, но и у превосходнаго портного. Его свѣтлое пальто, дорожная шапочка, желтые башмаки и ручной сакъ такъ рѣзко отличались отъ всего, что находилось въ залѣ, что онъ выглядѣлъ какъ бы произведеніемъ западно-европейской культуры на фонѣ безцвѣтныхъ мазурскихъ кафтановъ.

Первый поѣздъ, отошедшій со станціи, увезъ куда-то значительную часть публики. Юдымъ не зналъ, куда эти люди уѣхали. Ему было совершенно безразлично, куда и въ какую сторону онъ самъ отправится. Онъ ѣхалъ по направленію къ Варшавѣ, въ большой общій домъ всѣхъ скитальцевъ, но когда онъ прибудетъ туда, остановится ли онъ въ дорогѣ и гдѣ—въ этомъ онъ не отдавалъ себѣ отчета.

Онъ такъ ушелъ въ себя, что совершенно не замѣтилъ, когда Корецкій подошелъ къ нему. Онъ увидѣлъ его лишь, когда тотъ заговорилъ:

— Да это никакъ у почтеннаго эскулапа такой истерзанный видъ?

Юдымъ вздрогнулъ и, метнувъ въ назойливаго человѣка злобынымъ взглядомъ, протянулъ руку и прикоснулся къ скользкой перчаткѣ Корецкаго.

— Откуда же это и куда?—спросилъ онъ медленно, съ обидной небрежностью роняя слова.

— Я—къ себѣ. А вы?

— А я... отъ себя.

— Весьма оригинальный путь. Что же, онъ ведетъ въ какую-нибудь квартиру или же на какой-нибудь пунктъ, обрѣтающійся въ пространствѣ?..

Юдымъ буквально давился словами. Нехотя, точно по принужденію, поднималъ онъ глаза на непріятеля. Это было то же лицо,

но еще болѣе непроницаемое. Какъ и тогда, на немъ, словно огни, сверкали глаза, черные, глубокіе, печальные глаза, часто утомленные, безжизненные, порой свѣтящіеся ненавистью и силой. Одинъ изъ нихъ, лѣвый, былъ какъ будто меньше и часто совершенно неподвиженъ. Самое искреннее выраженіе ихъ, самое правдивое — было ироніей. Этотъ несносный, проникающій, какъ лучъ Рентгена, взглядъ, упорный и тяжелый, иногда останавливалъ у собесѣдника дыханіе въ груди, какъ темное отверстіе пистолетнаго дула, внезапно приставленное ко лбу. Юдымъ всегда боялся этихъ взглядовъ болѣе, нежели самыхъ странныхъ силлогизмовъ. Неумолимая пронизательность ихъ говорила о безусловномъ недовѣрїи ко всякой сентенціи, выходящей изъ устъ собесѣдника и, казалось, добиралась до корней каждой мысли, каждаго чувства, каждаго движенія души, до тѣхъ глубокихъ вещей, которыя человѣкъ въ себѣ самомъ не въ силахъ уловить. Взглядъ Корецкаго выуживалъ каждую самую затаенную ложь, рисовку, малѣйшую фальшь и, отыскавъ ее, бросался на нее съ дикой радостью и забавлялся ея трепетомъ, какъ котъ пойманной въ когти мышкой.

Его черные, подвижные зрачки метали тысячи притворныхъ восторженныхъ восклицаній и коварныхъ, насмѣшливыхъ поощреній, пока, наконецъ, на смѣну имъ не являлось настоящее сатанинское выраженіе, парализовавшее, какъ тупой ударъ въ грудь, рѣчь и мысль.

— Что-то я слышалъ, пятое черезъ десятое, будто вы поселились въ деревнѣ,—сказалъ онъ, садясь за столикъ.

— Въ курортѣ...

— Ахъ, да! Въ Цизахъ.

— Да, въ Цизахъ.

— Ну и что же, тамъ хорошо?

— Не совсѣмъ.

— Надѣюсь, однако, жить можно?

— Я вотъ уѣхалъ оттуда.

— Надолго?

— Навсегда.

— *Voilà!* Навсегда... Не люблю я этого слова: навсегда... Что же, какія-нибудь серьезныя причины?

— Я вамъ откровенно скажу, Корецкій: я очень разстроены. до того, что мнѣ говорить трудно. Не взыщите, пожалуйста.

— Я уже замѣтилъ это и прошу прощенія. Хорошо по крайней мѣрѣ, что человѣкъ прямо говорить. Я знаю это настроеніе и гоню его отъ себя, какъ кошмаръ. Тѣлько одно слово: куда вы ѣдете? Не надо ли вамъ чего-нибудь, денегъ, быть можетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! А ѣду я, кажется, въ Варшаву.

Когда онъ говорилъ это, ему вдругъ послышался гдѣ-то вблизи, надъ самымъ ухомъ, голосъ Аси. Сердце его сжалось и глаза остановились, словно въ нихъ погасла жизнь.

— Еще два слова...—сказалъ Корецкій,—и я уйду. Можно?

— Да говорите ужъ.

— Такъ вотъ: поѣзжайте, сударь, со мной въ Загленбье. На долгое ли, на короткое ли время—это дѣло ваше. Отдохнете тѣломъ, душой, осмотритесь...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я никуда не могу ѣхать.

— Я даже больше скажу вамъ: на одной фабрикъ есть теперь вакантное мѣсто врача. Вы могли бы похлопотать о немъ. Впрочемъ, это уже потомъ.

— Я ѣду въ Варшаву...—бормоталъ Юдымъ, не понимая самъ зачѣмъ онъ отклоняетъ это предложеніе. Его пугала, главнымъ образомъ, неизбѣжность разговоровъ съ Корецкимъ. Но тотъ, какъ бы угадавъ его мысли, сказалъ:

— Я ни разговаривать, ни о чемъ спрашивать васъ не стану. Ну? А въ Варшавѣ—гдѣ вы предполагаете остановиться? Въ гостиницѣ? Когда человѣкъ измученъ и ямѣтъ дѣло съ нервами...

— У меня никакихъ дѣлъ съ нервами нѣтъ! Стану я еще съ нервами возиться,—только этого не доставало. Не выношу я этихъ бесполезныхъ затратъ нервной силы...

У Корецкаго слегка замѣтно расширились глаза и по лицу скользнула бѣглая усмѣшка. Но она исчезла мгновенно и смѣнилась необычнымъ на этомъ лицѣ выраженіемъ: выраженіемъ глубокаго уваженія и вниманія. Юдымъ взглянулъ на него и почувствовалъ облегченіе. Въ самомъ дѣлѣ, куда онъ поѣдетъ? Въ Варшаву? Тамъ онъ будетъ бродить по улицамъ, подавляя въ себѣ приступы бѣшенства и тоски...

— Но я вамъ отравлю жизнь своей особой..—сказалъ онъ уже значительно мягче.

— Мы поѣдемъ въ разныхъ купѣ, даже въ разныхъ вагонахъ, коли на то пошло. У себя я предоставлю вамъ отдѣльную комнату и даже совсѣмъ избавлю васъ отъ непріятности видѣть меня.

— Это еще что такое?

— Ничего. Я знаю, что говорю. Впрочемъ, у меня въ этомъ извѣстный расчетъ.

— Какой расчетъ?

— Расчетъ.

— Но я уже взялъ билетъ до Варшавы.

— Что жъ изъ того? Я сейчасъ пойду и куплю вамъ билетъ до Сосновецъ. Сидите же здѣсь спокойно и терзайтесь, сколько въ васъ влѣзетъ, пока я сбѣгаю въ кассу.

Юдымъ проводилъ его взглядомъ и съ чувствомъ удовольствія слѣдилъ за свѣтлой фигурой, мелькавшей въ толпѣ. Онъ подумалъ объ этомъ незнакомомъ Загленбѣ, въ которое ѣдетъ; несмотря на все свое отвращеніе къ новымъ мѣстамъ и названіямъ, предпочиталъ это Варшавѣ. Корецкій скоро вернулся и съ хвастливой миной показалъ ему билетъ, который, впрочемъ, тотчасъ же спряталъ въ карманъ. Подошелъ поѣздъ; Юдымъ всталъ и, какъ автоматъ, вошелъ вслѣдъ за своимъ новымъ спутникомъ въ вагонъ перваго класса. Онъ былъ одинъ въ отдѣленіи и тотчасъ же, стараясь ни о чемъ не думать, бросился на диванъ. Когда вагонъ дрогнулъ и тронулся съ мѣста, онъ почувствовалъ большое удовольствіе при мысли, что ѣдетъ не одинъ и не въ Варшаву. Никто туда не входилъ. Только часъ спустя въ дверь тихо скользнулъ Корецкій со своимъ глубокимъ кожанымъ сакомъ въ рукѣ. Онъ сѣлъ въ другомъ углу отдѣленія и сталъ читать книжку. Когда онъ снялъ свою плоскую шапочку, Юдымъ замѣтилъ, что лысина его значительно увеличилась: рѣдкіе, коротко-остриженные волосы еще чернѣли на темени, но голая кожа уже ясно просвѣчивала.

Корецкій внимательно читалъ. По его красивымъ губамъ отъ времени до времени скользила усмѣшка холоднаго презрѣнія, такая точно улыбка, каковая появлялась на лицѣ этого „цинника“, когда онъ велъ оживленный разговоръ съ собесѣдникомъ, претендующимъ на величіе. Глаза, впившіеся въ страницу, издѣвались надъ ней, какъ надъ человѣкомъ. Юдымъ смотрѣлъ изъ-подъ полуопущенныхъ вѣкъ на Корецкаго, и ему вдругъ пришла въ голову странная мысль: что было бы съ Асей, если бы она стала женой такого человѣка. И въ то же мгновеніе ему страстно захотѣлось увидѣть ея глаза, онъ хотѣлъ вспомнить ея образъ, но взглядъ его утонулъ въ слезахъ, мгновенно залившихъ его глаза и лицо. Онъ лежалъ, не двигаясь, всеми силами борясь со своими страданіями. Его вдругъ охватило желаніе, страстная потребность заговорить съ Корецкимъ объ Асѣ, все рассказать ему, всю правду. Слова уже готовы были сорваться съ его устъ, но въ тотъ же мигъ какое-то смутное воспоминаніе смахнуло куда-то въ бездну вспыхнувшее желаніе, какъ тяжелая пуля, сшибающая птичку налету.

Онъ забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ; лежалъ, терзаясь глухой, мучительной тоской.

Около пяти часовъ пополудни Корецкій, собираясь, увиди-

тому, оставить вагонъ, сложили книжку, снялъ съ полки свой сакъ и тихо сказалъ:

— Вставайте, Юдымъ, мы прѣѣхали.

Они вышли на дебаркадеръ большой, оживленной станціи. Передъ вокзаломъ ихъ ждалъ экипажъ. Откормленные лошади быстро несли ихъ черезъ городъ, выросшій, казалось, въ одну недѣлю. Дома были новые, простые, выстроенные кое-какъ, на скорую руку.

Улицы были въ рывинахъ и ухабахъ. На окнахъ первыхъ этажей красовались засохшія брызги грязи. Рядомъ съ новыми зданіями ютились ветхія строенія и домишки въ стилѣ временъ Пяста.

Околоца за городомъ дѣлала впечатлѣніе перерытого комода, но не для того, чтобы привести его въ порядокъ, а съ цѣлью обдуманнаго грабежа. Все, что осталось нетронутымъ, было, очевидно, не нужнымъ, лишнимъ. На каждомъ шагу попадались ямы, рвы, каналы, стоки.

Кое-гдѣ еще стояла купа сосенъ, рѣдкихъ, какъ рожи на песчаной почвѣ. Мѣстами росла чахлая, корявая рябина, мѣстами — можжевельникъ, большая же часть пространства представляла бесплодный пустырь.

Во все стороны разбѣгались широкія и узкія дороги, тропинки. Колеса экипажа часто стучали о рельсы желѣзнодорожнаго полотна. Вездѣ чернѣли трубы, трубы и облака дыма, уносившіяся вдаль по лазурному небу.

Вдоль дороги тянулись разныя фабричныя строенія, которыя то сливались въ странные огромные фасады, то разсыпались на ряды маленькихъ домиковъ. Вблизи этихъ скученныхъ зданій виднѣлись большія, глубокія ямы, въ которыхъ стояла безпроточная, грязная, гнойная, желтовато-рыжая вода. Видъ этихъ ямъ навѣвалъ на Юдыма невыразимую тоску. Это было скорбное олицетвореніе позора. Ей некуда уплыть, водѣ, ни уйти, ни убѣжать, она не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, она не можетъ даже изсякнуть и навѣкъ, безслѣдно исчезнуть съ лица земли. Она ни на что уже не годна, — ни для питья, ни для мытья. Ей не дано даже отражать въ себѣ тучи и звѣзды небесныя.

Точно выколотый глазъ, смотреть она вверхъ съ страшнымъ блескомъ, съ нѣмымъ крикомъ, далеко преслѣдующимъ человѣка. Проклятая всеми, она служитъ вмѣстилищемъ заразы. И такъ она осуждена стоять безъ конца, безъ смерти.

Недалеко отъ этихъ ямъ высились огромныя кучи песчаника. Мѣстами ихъ разметали дожди и вѣтры, образовавъ между одной и другой поперечныя долины.

Эти странныя груды цвѣта жженаго кирпича, въ которыхъ

перегоралъ уголь, песокъ, смѣшанный со сланцемъ, поднимались здѣсь и тамъ, словно кровавая, воспаленная опухоль этой большой, истерзанной земли.

Когда коляска выѣхала, наконецъ, на широкое, отлично утрамбованное шоссе, вдали показалась цѣль ихъ пути—шахта „Сикстусъ“. Видны были надшахтные строения, похожія на три соединенныхъ вмѣстѣ вѣтряныхъ мельницы и покрытыя такимъ толстымъ слоемъ черной пыли, что глазъ съ удовольствіемъ останавливался на какихъ-то двухъ стеклахъ, свѣтлѣвшихъ мягкимъ стальнымъ блескомъ внизу одной изъ этихъ деревянныхъ башенъ. На верхушкахъ двухъ самыхъ высокихъ изъ нихъ въ клубахъ дыма и пара вращались то въ одну, то въ другую сторону колеса подземныхъ блоковъ. Уголь черными насыпями тянулся отъ строеній во всѣ стороны, а надъ ними выступали огромныя ребра деревянныхъ помостовъ. Говоръ шахты слышенъ былъ издалека. На одной грудѣ угля стоялъ человекъ въ толстыхъ сапогахъ и курткѣ до колѣнъ. Онъ былъ весь черенъ. Повидимому, онъ что-то говорилъ, потому что размахивалъ руками, очевидно, обращаясь къ людямъ, которые непрерывно пересыпали внизу лопатами черныя глыбы. Кругомъ въ ямахъ и рвахъ блестяла вода, не вода, какая-то безцвѣтная темная жидкость, мертво, неподвижно, мертво стоявшая въ истерзанной землѣ, которая уже не въ силахъ была покрыть травой свою наготу. Черная пыль, падающая на нее, уничтожаетъ все, что солнце засвѣваетъ. За оградой территоріи копи лежали груды камней, смѣшанныхъ съ углемъ. Дальше растянулась куча чернаго песчаника, словно заплатата на поношенномъ платьѣ. За нею щетинилась поляна пней, которые буря хлещетъ, точитъ накаленный воздухъ, и густая пыль, пропитывающая пространство. Эти торчащіе жалкіе остатки пышныхъ, давно срубленныхъ деревьевъ были для Юдыма символами какихъ-то обидъ и печалей, подавленныхъ, втоптаныхъ въ землю. Они плакали, казалось, раздирающимъ душу, страшнымъ плачемъ, котораго никто не слышитъ. На всемъ пространствѣ, доступномъ глазу, неожиданныя „залежи“ поглощали растительность, которую принципъ выгоды присудилъ къ смерти.

Юдымъ смотрѣлъ на нее, какъ на горизонты своей души. Онъ прекрасно сознавалъ логичную необходимость, всѣ разумныя, производительныя права промышленности, но въ то же время чувствовалъ какое-то безотчетное волненіе, плывшее самостоятельно, какъ безпокойныя, бурныя рѣки или тихія воды, подчиненныя только себѣ и своимъ собственнымъ правамъ. И онъ оплакивалъ въ глубинѣ души эту землю. Какая-то нить непонятной симпатіи связала его съ этими мѣстами. Что-то онъ видѣлъ во

всемъ этомъ, не имѣющее смысла и за чѣмъ воображеніе не въ силахъ угнаться...

Корецкій велѣлъ остановиться передъ фабричной конторой и что-то спросилъ. Экипажъ въѣхалъ во дворъ.

Около сортировки они вышли и зашли въ контору, которая помѣщалась въ небольшомъ одноэтажномъ домѣ, закопченномъ, какъ одежда трубочиста. Въ первой комнатѣ, куда они вошли, Юдымъ нашелъ около окна свободное кресло, въ которое и сѣлъ. Корецкій попросилъ его здѣсь подождать, а самъ пошелъ въ слѣдующую комнату, откуда доносились чьи то голоса, говорившіе о великолѣпныхъ легкихъ ихъ обладателей. Комната, въ которой остался Юдымъ, была пуста. Въ углахъ грозно торчали два черныхъ шкафа съ бумагами. Столъ и счеты, лежавшіе на немъ, покрыты были угольными песчинками, врывающимися сквозь щели оконъ, которыя дрожали вмѣстѣ со всѣмъ домомъ. За стеклами съ шумомъ и лязгомъ катились по рельсамъ тележки, подталкиваемые работницами. Въ эти вагончики съ рѣшотокъ сортировки слетали глыбы угля. Слышался непрерывный грохотъ, то глухой шумъ, то дробившійся въ мелкіе раскаты.

Электрическая лампа, привинченна къ столу, слабо вспыхнула. Голова Юдыма упала на скрещенныя руки. Этотъ свѣтъ, принесъ въ его сердце чувство мучительной боли. Ему казалось, что это черезъ его спину летятъ вагоны, что на его голову падаютъ черныя, блестящія глыбы съ острыми, какъ у топоровъ, краями. Дикій визгъ работницъ, окрики надсмотрщиковъ, не поддающійся описанію грохотъ рѣшотокъ сортировки и среди всего этого поминутный стонъ звонка при спускѣ подъемнаго ящика въ пропасть штольни...

Это дѣйствовало на него, какъ голоса упырей, особенно звукъ звонка...

Страшный, какой-то глухой, проникающій въ самое сердце, точно крикъ о спасеніи, — онъ напоминалъ человѣческой стонъ, какъ будто знаменитый *vox humana* въ органѣ фрибургскаго собора.

Юдымъ медленно повернулъ голову и увидѣлъ передъ собой чернильницу, перо и какой-то лоскутокъ шершавой бумаги. Онъ сталъ писать кривыми буквами: „Ася, Ася! Что я стану дѣлать безъ тебя! Вся моя жизнь въ тебѣ, все сердце, вся душа. Миѣ все кажется, что кто-то изъ насъ умеръ, а другой блуждаетъ по землѣ среди безчисленныхъ могилъ... Въ душѣ моей стонетъ мучительный звукъ звонка. Какъ заика, онъ выговариваетъ слоги какихъ-то словъ, которыхъ я разобрать не могу...“

Онъ остановился, чувствуя, что пишетъ не то, что есть, что

самой правды, безошадной, назрѣвшей въ его сердцѣ, онъ не въ силахъ выразить словами. Когда онъ сидѣлъ такъ, склонившись надъ бумагой, онъ почувствовалъ, что кто-то надъ нимъ стоитъ. Это былъ Корецкій. Юдымъ всталъ съ кресла и понялъ, что тотъ знаетъ его тайну.

— Простите, — сказалъ Корецкій, я невольно взглянулъ на бумагу, не подозрѣвая, что вы пишете письмо. Я прочелъ только первыя слова.

— Это не было письмо! — проворчалъ Юдымъ и, разорвавъ бумажку на нѣсколько частей, спряталъ ихъ въ карманъ.

— Простите меня! — сказалъ Корецкій мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ, какого Юдымъ никогда еще не слышалъ въ его устахъ.

— Мы здѣсь остаемся?

— Нѣтъ! Зачѣмъ же? Мы ѣдемъ дальше.

— Куда?

— Ко мнѣ. Вѣдь я не здѣсь живу. Это вы, можетъ, со временемъ устроитесь здѣсь. Мы увидимъ по дорогѣ лѣчебницу.

— А далеко къ вамъ?

— Версты три. Вы устали?

— Порядочно. Поспать хотѣлъ бы.

— Скоро будемъ дома. Я только скажу еще по телефону, чтобъ намъ чай приготовили.

— Вотъ еще! Не надо. Я, по крайней мѣрѣ, ничего ѣсть не буду. Ничего въ ротъ не возьму.

Говоря это, Юдымъ почему-то покраснѣлъ. Корецкій это замѣтилъ и тихо сказалъ:

— А если я именемъ Аси заставлю васъ съѣсть бифштекесъ?

Онъ крѣпко пожалъ ему руку и поцѣловалъ въ губы. Юдымъ отдалъ пожатіе, но чувствовалъ себя уничтоженнымъ и смущенно молчалъ. Имъ овладѣло то же гнетущее сознаніе, какъ и тогда, при первой встрѣчѣ съ Венглиховскимъ, что онъ становится рабомъ, подчиненнымъ чьей-то сильной волѣ. Съ глубокимъ отвращеніемъ подумалъ онъ, что и тайна его любви, сокровенная, святая тайна, очевидно, уже извѣстна Корецкому. Былъ даже мигъ, когда это дивное и печальное счастье какъ будто утратило часть своего очарованія.

Въ коляскѣ Корецкій опять погрузился въ молчаніе, въ свою холодную, мертвую неподвижность. Онъ оживился на минуту лишь, когда показывалъ своему спутнику домъ, напоминавшій своимъ видомъ ящикъ, съ окнами, раздѣленными равными простѣлками, и плоской желѣзной крышей. Это была больница. За окнами стояла кучка сѣрыхъ людей: одинъ съ завязаннымъ глазомъ, другой съ забинтованной рукой, третій съ физиономіей, заявляв-

шей о жестокихъ боляхъ въ животѣ. Юдымъ видѣль ихъ лица точно сквозь проливной дождь. Мысль, что ему, быть можетъ, придется лѣчить этихъ людей, заботиться объ ихъ недугахъ, была ему такъ же противна, какъ и самъ недугъ. Онъ подумаль, что когда-то слышалъ отъ кого-то слово—чернь. Отъ кого же именно?.. Отъ кого? Онъ ломаль зебѣ голову, мучился, былъ уже совсѣмъ близокъ къ догадкѣ, около всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ это воспоминаніе... Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, онъ вспомнилъ Версаль, апартаменты Маріи-Антуанеты и услышалъ это слово изъ устъ Аси. Какъ вѣрно, какъ мѣтко это слово характеризовало картину!

— Если бы захотѣли, то вы, пожалуй, могли бы получить мѣсто врача на копи „Сикстусъ“,—сказаль инженеръ.

— Не теперь, не теперь! Я долженъ отдохнуть нѣсколько дней.

— Я и говорю о будущемъ. Я говорилъ уже съ однимъ вліятельнымъ человѣкомъ. Это было бы отлично, если бы вы тутъ поселились. Скучно здѣсь, грустно,—это правда...

Онъ замолчалъ и съ минуту сидѣль, свѣсивъ голову на грудь, затѣмъ пѣвучимъ шопотомъ прибавиль: *Asperges me hyssopo et mundabor; lavabis me et super nivem dealbabor*. Онъ повернулся къ Юдыму и, какъ будто стыдясь чего-то, съ блѣднымъ румянцемъ на лицѣ, заговориль:

— Временами Богъ вѣсть откуда выплываютъ такія неожиданныя картины. Какое-то замогильное чувство... Я сейчасъ именно думаль о нашемъ костелѣ. Какой-то старый костель въ горахъ... Выходить полный ксендзь, въ бѣлой ризѣ, съ нимъ два человѣка: органистъ и ключарь. Этотъ запахъ травъ, ржи, орѣховыхъ листьевъ и молодыхъ орѣховъ, потому что это Успеневъ день! Ксендзь начинаеть: *Asperges me...* и ходить по костелу, среди молящихся крестьянъ, которые разступаются передъ нимъ. Онъ кропитъ направо и налево, медленно поднимая руку, а органистъ поеть. Голосъ у него чистый, сильный, спокойный; на бритомъ лицѣ выраженіе сосредоточенности, почти суровости. Когда онъ пѣль эти нѣжныя слова—*super nivem...* голосъ его звучаль рѣзко, хрипло. Я какъ будто слышу его сейчасъ... Ахъ. Боже!.. Обыкновенно, когда онъ вторично начиналь стихъ, ксендзь возвращался, и тогда капли святой воды падали на господъ,—мы молились всегда въ боковомъ придѣлѣ. Капли святой воды... Святыя, холодныя капли... А эта молящая кроткая мелодія, это дѣтское пѣніе, этотъ вздохъ довѣрчивой души, которая не боится... Развѣ вы не видите, что изъ глубины этихъ словъ поднимаются къ небу расширенные, полные слезъ глаза? *Lavabis me et super nivem dealbabor*.

Надвигалась ночь. Вдали показались электрическіе фонари, разливавшіе кругомъ блѣдно-голубой свѣтъ. Слышенъ былъ отдаленный шумъ. Коляска быстро вкатилась въ улицу не то деревни, не то городка и остановилась передъ двухэтажнымъ обшарпаннымъ домомъ. Юдымъ поднялся за своимъ хозяиномъ наверхъ.

Квартира Корецкаго была довольно большая, но пустая, какъ псарня. Въ одной комнатѣ торчали вѣшалки, точно причудливая пугала для воробьевъ, въ другой жалась у стѣнки желѣзная кровать, въ третьей стоялъ посрединѣ карточный столикъ и опять кровать, да еще кой-какая необходимая мебель.

— Располагайтесь въ этихъ салонахъ, какъ вамъ удобнѣе покажется, а я постараюсь раздобыть что-нибудь поѣсть да попить,—пошутилъ Корецкій и вышелъ изъ комнаты.

Черезъ минуту вошелъ черный, какъ уголь, человекъ съ чемоданами въ рукахъ, чмокнулъ почему-то Юдыма въ руку и началъ таскать изъ сосѣднихъ комнатъ стаканы, надтреснутыя тарелки, вилки, ножи. Вскорѣ явился Корецкій и сообщилъ, что будетъ бифштекъ и пиво.

— Что, васъ не удивляетъ спартанская скромность этихъ аппартаментовъ?—спросилъ онъ, сбрасывая съ себя свой изысканный костюмъ.

— Когда придетъ хозяйка, будетъ лучше...—сказалъ Юдымъ, лишь бы сказать что-нибудь.

Корецкій громко разсмѣялся, слишкомъ громко, какимъ-то неприятнымъ смѣхомъ. Но онъ тотчасъ замолкъ и началъ шумно умываться, обливая голову водою, фыркая и брызгая.

Вытирая лицо мохнатымъ полотенцемъ, онъ говорилъ:

— Ужасную вы вещь сказали. Хозяйка... ха, ха... Хозяйка Вотъ такъ сказано!

— Что же въ этомъ ужаснаго? Вы, быть можетъ, на годъ или на два старше меня.

— Да какое отношеніе къ этому имѣетъ старость? Тутъ дѣло ни въ старости, ни въ молодости.

— Въ чемъ же?

— Ба! Въ чемъ...

— Если хотите, я вамъ подыщу невѣсту...

— Я себѣ уже самъ нашелъ.

Глаза его сверкнули злымъ серебрянымъ блескомъ и неподвижнымъ взглядомъ остановились на Юдымѣ. За ужиномъ они молча сидѣли другъ противъ друга. Юдыму, несмотря на усталость, спать не хотѣлось, и онъ радъ былъ поболтать.

— Я бы очень желалъ,—тихо началъ Корецкій, — чтобы вы

поселились на Сикстусъ, и, прибавлю,— изъ чисто эгоистическxъ побужденій.

— Какой же интересъ я представляю для васъ?

— Ещѣ бы! Я и теперь затащилъ васъ сюда исключительно въ видахъ личной выгоды.

— Что же?

— Вы вѣдь знаете меня, вѣрнѣе, знали меня немного нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я значительно подвинулся впередъ по начатому пути.

— Неужели швейцарское лѣченіе не помогло вамъ тогда?

— Отчего же! Помогло. Я и теперь здоровъ, какъ быкъ. Вѣдь я работаю здѣсь въ качествѣ инженера, встаю въ пять, ложусь не рано, и нужны силы и здоровье, чтобы все это продѣлывать. Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ, не въ здоровьѣ... какъ бы это сказать?... вѣшнемъ...

— Эхъ, опять мистическіе термины.

— Пусть! И вотъ, по временамъ мнѣ хочется, чтобы вы были здѣсь, гдѣ-нибудь поблизости, съ вашими правдивыми глазами, съ вашей точной медицинской номенклатурой, съ вашей сильной душой, душой... не обижайтесь только!... изъ подвала, даже съ вашей таинственной всей...

— Послушайте, только не объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вѣдь я ничего обиднаго не говорю. Мнѣ такъ хорошо, когда вы сидите за моимъ столомъ!

Юдымъ уловилъ въ этихъ словахъ то же, что и во взглядѣ Корецкаго: слишкомъ приподнятый тонъ, который беспомощно дрожить на недостижимо высокой нотѣ.

— Что же съ вами?.. Говорите, — мягко сказалъ онъ ему. — Радъ вамъ служить всѣми силами и душой, хотя я знаю, — вы не разъ разозлите меня. Во всякомъ случаѣ, я постараюсь васъ вылѣчить.

— Не пугайтесь только моей злости. Я снаружи лишь выкрашенъ въ цвѣтъ стального штыка, внутри же во мнѣ все мягко, ломко, какъ стеаринъ. А впрочемъ... je m'en vais...

— Это еще что такое?

— Ничего, такъ себѣ... *façon de parler*. Я, видите ли, занятъ духовной работой, которую слѣдовало бы назвать совершенствованіемъ воли, вѣрнѣе, — я бы хотѣлъ достигъ такой власти надъ тѣломъ и такъ называемыми нервами, чтобы ни отъ чего не зависѣть.

— Чтобы отъ нервовъ не зависѣть?

— А что? Я невѣрно выражаюсь?

— Очень невѣрно.

— Я хочу такъ близко знать жизнь и смерть, чтобы я могъ равнодушно относиться къ той и другой.

— Это фразы. Человѣкъ можетъ такъ знать только жизнь.

— Напримѣръ, Андре! Люди, которые съѣли въ этотъ шаръ, знали смерть лучше, чѣмъ жизнь. Они видѣли бѣлыя поля, сверкавшія льдами въ сіяніи полярной зари. Они видѣли тамъ себя, одинокихъ, и ее, издалека приближающуюся къ нимъ. Они видѣли ее цѣлую зиму въ теплыхъ, удобныхъ домахъ, среди банальныхъ разговоровъ съ изящными женщинами. И вотъ, въ одинъ прекрасный день они встали и вышли навстрѣчу этой незнакомкѣ. Если бы я могъ выработать въ себѣ такое спокойствіе!

— Какими глазами тѣ люди смотрѣли въ лицо смерти -- я никакого представленія не имѣю. Быть можетъ, ими руководило только страстное честолюбіе, быть можетъ, въ нихъ вовсе не было спокойствія, о которомъ вы говорите, а только жажда славы и страхъ.

— Честолюбіе! Это мнѣ нравится! Умереть потому, что такова моя воля, умереть тогда, когда я хочу, когда я хочу, я, духъ, господинъ, и за то, что я отстаиваю, что я защищаю. Я думаю, что въ этомъ можетъ быть доля честолюбія! Андре и его товарищи до такой степени усовершенствовались своею волею, что могли осуществить свое желаніе. Вѣдь суть въ томъ, чтобы, проснувшись, привѣтствовать смерть, если бы она стояла у нашего изголовья, такой же самою улыбкой, какой мы встрѣчаемъ апрѣльское утро.

— О Боже! Не бояться смерти... Это невозможно... Это противоестественно...

— Это только безкдечно трудно. Для другихъ, впрочемъ, этотъ вопросъ не такъ важенъ и не такой, хотя это глупо звучитъ, первостепенной важности. Но для насъ, несчастныхъ людей съ больными нервами... Можно побѣдить въ себѣ страхъ передъ смертью, какъ таковой, самый страхъ, но невозможно, для меня по крайней мѣрѣ, невозможно бороться со страхомъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, съ внезапнымъ ужасомъ, съ безсонными ночами. Послѣднее время я не могъ спать одинъ. У меня ночевалъ въ передней одинъ рудокопъ.

— Вотъ видите,—у васъ больные нервы...

— Позвольте. Этотъ рудокопъ далеко не глупый парень, вѣрнѣе даже,—умница. Я разговаривалъ съ нимъ до изнеможенія, чтобы проникнуться его спокойствіемъ и уснуть, но онъ среди разговора падалъ на постель, какъ колода. Меня такъ забавлялъ его храпъ! Я цѣлыя ночи просиживалъ вотъ на этомъ диванѣ.

Если бы я разбудилъ, напримѣръ, въ полночь, этого молодца съ желѣзными нервами и сказалъ ему: человѣкъ, ты сейчасъ умрешь... Воображаю, что бы съ нимъ сдѣлалось! Онъ дрожалъ бы, катался бы по полу, молился бы и замиралъ со страху. А я, нервы котораго какъ будто блуждали по вселенной, я, больной, уничтоженный своими думами, я прикасался къ ней, вызывалъ ее на поединокъ, глядѣлъ на нее со своей ироніей, какъ на человѣка, котораго я ненавижу. Теперь, мнѣ кажется, что если бы вы остались здѣсь, я могъ бы спать. Въ бессонную ночь я могу себѣ сказать: Юдымъ здѣсь, недалеко. Я могъ бы себѣ сказать: завтра утромъ я встану и увижу его, пойду къ нему...

Когда онъ это говорилъ, у Юдыма холодъ пробѣгалъ по спинѣ. У него было такое чувство, точно по тѣлу его ползалъ зеленый скользкій ужъ. Глаза Корецкаго какъ будто смотрѣли, но взгляды ихъ былъ обращенъ внутрь. На устахъ его дрожала улыбка... непонятная улыбка и притягивающая къ себѣ, какъ блескъ, который можно видѣть иногда въ горной пропасти.

Въ выраженіи его лица не было ни просьбы, ни желанія сочувствія. Оно давало только точное, конкретное и безошибочное представленіе о сути дѣла.

— Такъ что смерти вы, значить, не боитесь? — спросилъ Юдымъ.

— Я съ ней борюсь. Иной разъ я побѣждаю, другою разъ она. Тогда у меня *ravor nocturnus*, какъ у дѣтей. Вотъ я сижу здѣсь съ вами, разговариваю и я спокоенъ и веселъ. Я не знаю даже, существуетъ ли тоска. Что такое тоска? Я ничего о ней не знаю. Точно филистеръ, который покатился бы со смѣху, если бы ему кто-нибудь сказалъ, что есть на свѣтѣ взрослый человѣкъ, который „чего-то“ боится. Но, пройдетъ часъ, и опять передо мной встанетъ этотъ безтѣлесный призракъ. Опять я начну бояться одиночества, опять начну мучиться и страдать. На человѣческомъ языкѣ нѣтъ этому названія. *Ravor...* Только страшная музыка Бетховена раскрываетъ ворота этого кладбища, гдѣ лежатъ въ окровавленныхъ ямахъ обнаженные трупы, гдѣ въ вѣчномъ мракѣ раздается вопль человѣческаго существа, которое лишилось разума и блуждаетъ, блуждаетъ, блуждаетъ безъ конца и молить о спасеніи.

— Вамъ надо какъ можно больше гулять, каждый свободный мигъ посвящать развлечениямъ, ѣздить по желѣзной дорогѣ, а главное—избѣгать всякихъ волненій.

— Такъ: взять заступъ и вырыть себя изъ грязи, въ которой я лежу. Для меня нѣтъ грязи на землѣ.

— Эхъ, бросьте вы это!

Я знаю, что говорю. Я не могу жить, какъ живутъ миллионы другихъ людей. Вѣдь убѣгаю же я мѣсяца на два въ Альпы, въ Пиренеи, на островокъ одинъ у береговъ Бретани. Бросаю газеты, книги, не распечатываю писемъ... И что же изъ этого? Я всегда и вездѣ вижу свѣтъ, отраженный во мнѣ, въ моей несчастной душѣ. Совершенно неожиданно во мнѣ вспыхиваетъ яростный гнѣвъ по поводу какой-нибудь давно видѣнной подлости, будить меня со сна, папоминаетъ мнѣ все, указываетъ... Безсиленный гнѣвъ, и чѣмъ онъ безсиленнѣе, тѣмъ страшнѣе!

— Что, если бы вы перемѣнили образъ жизни? Бросили бы службу? Взялись бы за земледѣльство, что ли?

Корецкій задумался и нѣсколько минутъ молчалъ. Затѣмъ онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, это невозможно. Человѣкъ уже до самой смерти долженъ извѣстнымъ образомъ одѣваться, имѣть такое, а не другое бѣлье. Это невозможно. Я долженъ много зарабатывать. Я не могъ бы носить здѣшнее лодзкое сукно. Мнѣ его чортъ изъ-за границы привозить. Да! Я долженъ также развѣзжать по Европѣ, видѣть въ Парижѣ весенніе салоны, все знать, читать новыя книги, узнавать все, что создаетъ новаго человѣческой мозги, идти за свѣтомъ, плыть по теченію. Это невозможно! Ахъ, я понимаю, о чемъ вы говорите. Вернуться туда, на мою лѣси-стую родину, начать земледѣльческую, крестьянскую жизнь, жизнь тѣхъ счастливыхъ людей, которые совершенно ни отъ кого не зависятъ! Я понимаю васъ. Но это уже не для меня. Я уже слишкомъ много знаю, слишкомъ много мнѣ нужно, — а впрочемъ!.. у меня беспокойный характеръ: я и тамъ бы нашелъ какого-нибудь болвана, съ которымъ бы и велъ войну.

— Ахъ, такъ...—разсмѣялся Юдымъ.

— Опять-таки, вы говорите: избѣгайте волненій. Я не только избѣгаю, но и не испытываю волненій! Чего мнѣ волноваться?! Пускай волнуются благодѣтели человѣчества! Но какая-то невѣдомая мнѣ тревога лежитъ во мнѣ, помимо моего вѣдома вошедшая въ душу, какъ воръ, который пробирается въ квартиру и лишь ночью вылѣзаетъ изъ своей засады. Подлости, злоупотребленія, развратъ, обиды, несчастья... Я спокойно прохожу мимо этого, съ холоднымъ спокойствіемъ топчу это ногами, плюю на это. Я говорю себѣ всегда тѣ высокія, могучія, божественныя слова, которыя Онъ вырвалъ изъ мрака языка рода человѣческаго: „Что Мнѣ и тебѣ, жено?“ и, совершенно не сознавая этого, несу въ себѣ заразу. Нѣсколько недѣль тому назадъ здѣсь умеръ сынишка одного *иллепра*, какъ ихъ здѣсь называютъ, чернорабочаго. Какъ-то я привезъ ему изъ Милана подарокъ.—красную

шапочку... За франкъ. Мальчишка прыгать въ этомъ саду, рѣзвился по цѣлымъ днямъ. Эта красная головка... Когда я узналъ, что онъ умеръ отъ дифтерита, я нарочно взялся за самыя важныя дѣла, строилъ разные планы, лишь бы о немъ не думать. Ну и какъ-то прошло. Вотъ, однажды вечеромъ сижу я въ этомъ креслѣ... Поднимаю глаза и вижу: вдоль стѣны мелькаетъ красное пятно, а въ ухахъ звучить этотъ веселый голосокъ. Впрочемъ, развѣ я знаю, что это было пятно? Это была красная тоска, ужасная, какъ самая смерть этого невиннаго ребенка. Наступила ночь, а съ нею явились мои муки. И вотъ бессонница. Одна ночь, другая, третья, четвертая... Я уѣхалъ дня на два. Мчался курьерскими поѣздами, куда глаза глядятъ. Въ вагонѣ я все стоялъ у окна и не сводилъ глазъ съ горизонта. Ну, и слава Богу, красное пятно исчезло. Въ какой-то гостиницѣ я уснулъ. Вы будете надо мной смѣяться, но это такъ было: красное пятно стерлось, смѣнилось зеленымъ, свѣтло-зеленымъ.

— У васъ болѣные нервы.

— О, да! Но у меня еще одна болѣзнь. У меня слишкомъ развитое сознаніе. Скверная штука! Это несчастье, пытка — знать правду. Слишкомъ большое разстояніе лежитъ между нею и земной юдолюю или Загленбемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На морскихъ берегахъ.

1. Въ бурю.

На мертвый якорь кинули баканъ,
И вотъ среди кипящаго залива
Онъ прыгаетъ и мечется тоскливо,
И звонъ его несется сквозь туманъ.
Сливаясь въ долгій и молящій стонъ,
Сквозь шумъ морской и вѣтра завыванье,
Звучитъ онъ, какъ далекое рыданье, —
Призывный вопль и матерей, и женъ.
Но бурный мракъ ступается вдали,
Подходить ночь, и по волнамъ тяжелымъ
Ныряютъ и качаются за молотъ
Лишь старые, пустые корабли.
И мачты ихъ средь темной высоты
Чертятъ туманъ все шире и быстрее,
И плаваютъ среди тумана реи,
Какъ черные могильные кресты!

2. Зной.

Горячо сухой песокъ сверкаетъ,
Сушитъ зной на камняхъ невода,
Въ морфъ—штиль, и ласково плескаетъ
На песокъ хрустальная вода.
Чайка въ свѣтломъ воздухѣ блеснула,
Тѣнь ея спустилась надо мной
И въ сіянии солнца потонула...
Клонить въ сонъ и ослѣпляетъ зной.
И лежу я, упоенный зноемъ...
Снится садъ мнѣ и прохладный гротъ:

Кипарисы неподвижнымъ строемъ
Стерегутъ тамъ звонкій водопадъ.

Старый мраморъ подъ вѣтвями тиссовъ
Молодыми розами увить,
И горитъ заливъ межъ кипарисовъ,
Точно синимъ пламенемъ налить.

А кругомъ—истома сладострастья,
И подъ шумъ фонтановъ запахъ розъ
Мучить душу красотою счастья,
Красотою сонно-знойныхъ грезъ.

Ив. Бунинъ.

„Иоаннъ Креститель“.—Картина Вивчи.

У ВХОДА ВЪ НОВЫЙ СВѢТЪ.

(Изъ путевыхъ очерковъ).

Путешествіе кончалось. Широкія морскія волны, цѣлую недѣлю перебрасывавшія нашъ пароходъ слѣва направо и справа налево, колотившія посуду въ столовой и заставлявшія насъ, вопреки всѣмъ законамъ тяготѣнія, взлетать вверхъ по лѣстницамъ, кататься по стѣнамъ и сшибать другъ друга съ ногъ у входа въ гостиную, наконецъ остались сзади. Пароходъ вошелъ въ широкій и просторный заливъ, который служитъ преддверіемъ Нью-Йоркской гавани, лежащей у общаго устья двухъ великихъ рѣкъ. Прощальный обѣдъ въ обѣденной залѣ перваго класса только что окончился; американскія дамы съ лицами, блѣдными отъ морской болѣзни, но въ нарядныхъ вечернихъ туалетахъ и со свѣжими цвѣтами у корсажа толпились на площадкѣ у выхода на верхнюю палубу. Сквозь широко распахнувшуюся дверь снаружи врывалась струя холоднаго морского воздуха и полоса ночного мрака, такъ какъ послѣдніе лучи зари совершенно погасли. Мужчины столпились на палубѣ у наружныхъ перилъ подъ мелкимъ, но надоѣдливымъ дождемъ и напряженно вглядывались въ темноту, ожидая увидѣть блескъ сигналовъ на прибрежныхъ маякахъ Нью-Йорка.

— Русскій, смотрите, смотрите! — возбужденно воскликнулъ мой пріятель и сосѣдъ по табльдоту, Макъ-Лири, маленькій, тощій американецъ съ худощавымъ лицомъ и довольно безпечными манерами. — Вотъ она, Америка!

Крово-огненный глазъ перемежающагося маяка вспыхнулъ на самомъ краю горизонта и тотчасъ же погасъ и потомъ опять вспыхнулъ.

— О, Америка, Америка! — возбужденно закричали пассажиры. — Ура!

— Ура! — дружно подхватили дамы сзади. — Тройное ура Америкѣ!

Огненный глазъ маяка все открывался и закрывался.

— Эка она подмигиваеть!—кричалъ Макъ-Лири.—Соскучилась старуха!—Въ голосѣ его звучала нѣжность; онъ разговаривалъ съ невидимымъ чернымъ берегомъ, какъ съ любимымъ существомъ.—Смотрите!—говорилъ онъ мнѣ ежеминутно.—Тамъ наша широкая страна! Нашъ собственный мѣръ.

На обоихъ концахъ палубы, отведенныхъ для публики второго класса, тоже толпились люди, кричали ура и даже махали платками, слабо бѣлѣвшими въ темнотѣ. Обѣ площадки второго класса составляли продолженіе нашей, но качка на нихъ чувствовалась сильнѣе и брызги морской воды падали чаще и обильнѣе. Онѣ были отдѣлены отъ насъ тонкой и почти незамѣтной веревкой, но я имѣлъ случай много разъ убѣдиться, что этотъ малозамѣтный барьеръ не уступалъ крѣпостью любой желѣзной рѣшоткѣ и каменной стѣнѣ старой Европы. И теперь никто не хотѣлъ подойти къ барьеру даже близко, и мы стояли на нашей просторной палубѣ, окруженные свободнымъ пространствомъ и не обращая вниманія на двѣ группы людей, собравшихся справа и слѣва.

Для пассажировъ третьяго класса были отведены узкіе проходы внизу, покрытые проволочной сѣткой и поливаемые соленымъ дождемъ при малѣйшемъ волненіи. Я спустился по лѣстницѣ и вышелъ въ эти узкіе, снаружи открытые коридоры, которые еще не успѣли обсохнуть отъ морской воды. Толпа эмигрантовъ тѣснилась во всю длину прохода, прижимаясь къ сѣткѣ и напоминая арестантовъ, ожидающихъ урочнаго часа въ залѣ свиданій. Нашъ пароходъ считался аристократическимъ и не бралъ много этой „челяди“, какъ презрительно выразился помощникъ капитана въ разговорѣ за обѣденнымъ столомъ, но нѣсколько сотъ человекъ, которые не хотѣли ожидать настоящаго эмигрантскаго парохода, пробрались и сюда. Люди неопредѣленнаго типа и народности въ грубой полуматросской одеждѣ, перекликавшіеся между собой на лондонскомъ жаргонѣ, не свободномъ въ то же время отъ иностранныхъ искаженій, стояли бокъ-о-бокъ съ работницами изъ Спитальфильда во фризovýchъ жакеткахъ и большихъ шляпахъ съ яркими лентами, изъ-подъ которыхъ выглядывали свѣтлорыжія космы плохо-причесанныхъ волосъ. Итальянскіе рудокопы въ лѣтнихъ курткахъ, совершенно не подходившихъ къ зимнему американскому холоду, ежились и дрожали, напряженно всматриваясь впередъ. Почти все это были сициліанцы и апулійцы, убѣжавшіе отъ домашняго голода и солдатской расправы, чтобы искать счастья и работы на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Кучка австрійскихъ крестьянъ, словаковъ или поляковъ, смиренныхъ и бѣлокурыхъ, похожая на кучку свѣтлошер-

стыхъ овецъ, держалась въ сторонѣ, въ самомъ дальнемъ углу прохода. Въ другомъ углу на мѣшкахъ и ящикахъ усѣлись три семьи евреевъ, различнаго происхожденія, не имѣвшія даже общаго языка для того, чтобы разговаривать другъ съ другомъ, но соединившія вмѣстѣ цѣлую стаю мелкихъ черномазыхъ ребятишекъ, напоминавшихъ грязныхъ и голодныхъ воробьевъ. Я успѣлъ познакомиться съ ними въ скучные дни морского переѣзда. Одна семья принадлежала старому портному, который ѣхалъ изъ Англіи по письму старшаго сына, нашедшаго въ Америкѣ хорошую работу. Старикъ и его жена были родомъ изъ Велижа, Витебской губерніи, и еще помнили жаргонъ, но четверо дѣтей, въ особенности младшіе, мальчикъ и дѣвочка, говорили только по-англійски и съ удивленіемъ раскрывали глаза на протяжные звуки гнусавой рѣчи своихъ галиційскихъ соплеменниковъ. Галиційская семья ѣхала изъ Перемышля и не говорила ни слова ни на какомъ языкѣ, кромѣ жаргона. Pater familias, сухой и еще не старый человекъ, въ длинномъ сюртукѣ, но уже безъ традиціонныхъ пейсовъ, кажется, былъ на родинѣ мелкимъ торговцемъ. У него, повидимому, были кое-какія деньги, но онъ былъ ужасно испуганъ незнакомой обстановкой и иноязычной толпой, и только поминутно вздыхалъ и посматривалъ вверхъ на деревянные доски верхней обшивки, заслонявшія небо. Третья семья состояла изъ молодого наборщика съ женой и ѣхала изъ Ковно. Во всѣхъ трехъ семьяхъ были четыре женщины, которыя во все время переѣзда безпомощно валялись на скамейкахъ или стояли, прислонясь къ периламъ и свѣсивъ голову на край борта, но я ни разу не слышалъ, чтобы какая-нибудь изъ нихъ пожалѣла о спокойной землѣ, оставшейся сзади. Теперь онѣ стояли за плечами своихъ мужей и смотрѣли впередъ еще напряженнѣе ихъ, ожидая отъ Америки такихъ чудесъ, какихъ на этой землѣ пока еще невозможно найти нигдѣ. Особенно жена наборщика, работница съ табачной фабрики, самоучкой выучившаяся читать, была пламенной энтузіасткой Америки, и рѣчи ея напомнили мнѣ другія времена и другую обстановку, не имѣющую ничего общаго съ этимъ кораблемъ и толпой кокпеевъ, дымную комнату на Петербургской сторонѣ, наши вѣчные споры и свѣтлыя дѣвичьи очи, смотрѣвшія такъ смѣло и довѣрчиво впередъ. Но въдьма-дѣйствительность не пожалѣла ни иллюзіи, ни смѣлости и одинаково расправилась съ мечтателями и скептиками...

Маленькая лоцманская лодка съ фонаремъ на носу, треща веслами, подѣхала къ кормѣ парохода. Я поспѣшилъ на верхъ, рассчитывая узнать новости изъ Южной Африки, такъ какъ мы

покинули Европу въ самый разгаръ войны. Толпа пассажировъ со всѣхъ сторонъ обступила помощника капитана.

— Что Кронье, что Ледисмитъ?—спрашивали разные голоса. Но на наше несчастье намъ попался лоцманомъ какой-то грубый морской волкъ, который ни капли не интересовался политикой.

— А кто такой Кронье, чортъ его возьми?—спросилъ онъ хладнокровно.

— Кронье—генераль буровъ!—кричали отовсюду.

— Чортъ *меня* возьми, если я знаю!—упрямо повторилъ лоцманъ, и больше мы ничего не могли отъ него добиться. Впрочемъ, быть можетъ, это невѣдѣніе было для насъ выгодноѣе, чѣмъ точныя свѣдѣнія, ибо на другомъ пароходѣ, прибывшемъ одновременно съ нами, гдѣ пассажиры успѣли получить газеты съ берега, произошло правильное сраженіе между американскими боэрофилами и англійскими джинго, причѣмъ послѣдніе были разбиты и выдержали въ одной изъ залъ блокаду, не хуже Ледисмита. На нашемъ пароходѣ англичанъ было мало, но общественное мнѣніе американцевъ склонялось зато больше на англійскую сторону. Даже Макъ-Лири, ирландское происхождение котораго пробивалось изъ cadaго слова его рѣчи, съ паэосомъ говорилъ о четырехъ поколѣніяхъ своихъ американско-англійскихъ предковъ.

— Мы не хотимъ, чтобы голландскій мужикъ вырѣзывалъ себѣ клинья изъ англо-саксонскаго сюртука!—повторялъ онъ настойчиво.—Они сами начали... Теперь пускай платятъ за разбитыя горшки!..

Пароходъ спустилъ якорь и остановился до утра. Разочаровавшись во всѣхъ расчетахъ на лоцмана, публика мало-по-малу перебралась въ гостиную, и началось обычное препровожденіе времени, которое повторялось изъ вечера въ вечеръ въ теченіе всего нашего путешествія. Мужчины, не стѣсняясь присутствіемъ дамъ, разлеглись на мягкихъ кушеткахъ или усѣлись въ небрежныхъ кюзахъ, протянувъ ноги на противоположное кресло и загоразивая дорогу каждому, кто пожелалъ бы пройти мимо. Кавалеры и барышни сидѣли большей частью попарно и усердно занимались флиртомъ. Знакомство, случайно завязавшееся на пароходѣ, должно было прерваться при первомъ шагѣ на твердую почву. Быть можетъ поэтому, шутки и даже жесты заходили нѣсколько дальше того, что можно было ожидать. Молодая англичанка изъ Вестъ-Индіи, съ здоровымъ лицомъ, обтянутымъ бѣлой, но грубой кожей, и шероховатымъ, какъ терка для хрѣна, съ бѣлокурой кошной волосъ на головѣ и большими, бѣлыми зубами, похожая на молодую, бѣлую лошадь, сидѣла на кругломъ табу-

ретъ у фортепiano и упрямо переигрывала нѣсколько пѣсь, которыя успѣли набить намъ оскомину въ теченіе недѣли. Тутъ были двѣ довольно грубыя шансонетки и нѣсколько патріотическихъ пѣсень прямо съ улицы. Американецъ изъ Нью-Йорка съ тускло-черными глазами и довольно длинными, совершенно прямыми волосами, очень похожій на тѣхъ деревянныхъ индѣйцевъ, какіе разставлены въ Нью-Йоркѣ передъ табачными лавочками, сидѣлъ рядомъ съ ней на томъ же табуретѣ и время отъ времени дѣлалъ видъ, что хочетъ свалиться, и хватался для поддержки за ея станъ. Онъ руководилъ хоромъ, который сидѣлъ на скамьѣ и состоялъ изъ двухъ молодыхъ паръ. Мужчины были съ обнаженными головами, такъ какъ дѣвицы сняли съ нихъ дорожныя шапочки и надѣли на собственныя кудри. Всѣ остальные присутствующіе джентльмены были въ шапкахъ и шляпахъ.

Американцы пѣли съ обычной англо-саксонской деревянностью. суживая рты и старательно вытягивая всѣ глухіе гласные звуки своего языка:

„Видѣли ли вы солдатъ въ паркѣ?
 Что за удивительное зрѣлище!..
 Горничныя и кухарки
 Бѣгутъ со всѣхъ сторонъ
 При первомъ звукѣ трубы.
 Ту-ру-ру, ту-ру-ру!..
 Идутъ, идутъ
 Солдаты сквозь
 Зеленый паркъ!..“

Я полюбознствовалъ узнать, кому принадлежало это изліяніе воинственнаго восторга кухарокъ: англичанамъ или американцамъ.

— Мы не разбираемъ!—отвѣтилъ съ безпечной улыбкой режиссеръ хора.—Можете присчитать за обоими!..

Онъ былъ правъ. Воинственное настроеніе филиппинскихъ воиновъ ничѣмъ не отличалось отъ воодушевленія героевъ Тугелы. Обѣ великія отрасли англо-саксонской расы трогательно совпадали въ выраженіи своихъ патріотическихъ восторговъ.

На другомъ концѣ залы собрался кружокъ болѣе солидныхъ людей. Костюмы здѣсь были проще и галстухи не имѣли такихъ яркихъ цвѣтовъ. Здѣсь тоже не было недостатка въ патріотическихъ чувствахъ, но вульгарность коми-вояжеровъ, завывавшихъ за фортепiano, вызывала здѣсь явное неодобреніе.

— „Нью-іоркская плѣсень!“—повторялъ мой другой сосѣдъ по табльдоту, джентльменъ съ блѣднымъ лицомъ, лысиной на затылкѣ и большими стоячими воротничками, подпиравшими ему подбородокъ.—Развѣ это американцы? Въ Нью-Йоркѣ среди всѣхъ этихъ германцевъ, итальянцевъ да евреевъ настоящаго амери-

канца и не сыщешь! Развѣ вотъ негры!..—прибавилъ онъ, злобно улыбаясь.

Сосѣди смѣялись. Противопоставленіе негровъ, рожденныхъ въ Америкѣ, еврейскимъ эмигрантамъ носило характеръ настоящей американской шутки.

— Отбросы столицъ! — продолжалъ ораторъ, нисколько не опасаясь, что его услышатъ за фортепiano.— Наши прапрадѣды въ Бостонѣ и Салемѣ пришли тоже изъ Европы, но это былъ цвѣтъ Англіи и Германіи!..

Очевидно, это были все тѣ же четыре поколѣнія предковъ, о которыхъ такъ много говорилъ Макъ-Лири. Я бѣгло пересмотрѣлъ окружавшія лица. Нельзя было отрицать, что у каждаго изъ нихъ въ свое время былъ прадѣдъ и даже пращуръ, но нѣкоторые слишкомъ горбатые носы вмѣсто американскаго Салема указывали на Солимъ іудейскій.

Впрочемъ, какъ только я усѣлся среди кружка, разговоры о Салемѣ и Нью-Йоркѣ смолкли, и американскіе знакомцы, по своему обыкновенію, принялись забрасывать меня вопросами о Россіи, Сибирской желѣзной дорогѣ и Сибири вообще. Такіе вопросы появлялись изо-дня-въ-день съ неистощимымъ разнообразіемъ, касаясь всѣхъ областей человѣческой жизни и промышленности; обыкновенно, я отвѣчалъ довольно подробно, стараясь по мѣрѣ силъ разсѣять убѣжденіе, что въ Петербургѣ ходятъ по улицамъ настоящіе четвероногіе медвѣди. Это утверждалъ Макъ-Лири, ссылаясь на венгерскаго романиста Мавра Юкая, писавшаго романы изъ русской жизни, очень популярныя въ Америкѣ, и, къ сожалѣнію, мой авторитетъ не былъ достаточно великъ, чтобъ подорвать вѣсъ его словъ.

Сегодня, однако, я вообще не былъ расположенъ ни къ объясненіямъ, ни къ защитѣ.

— Оставьте меня въ покоѣ!—объявилъ я безъ обиняковъ.— Разскажите лучше что-нибудь сами!.. Скажите, напримѣръ, много ли въ Америкѣ русскихъ?

— Больше, чѣмъ намъ нужно!—безцеремонно проворчалъ одинъ крючковатый носъ.

— Какъ это больше?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— А такъ!.. — повторилъ крючковатый носъ. — Изъ каждой сотни девяносто девять человѣкъ лишніе.

— О комъ вы говорите?—спросилъ я съ тѣмъ же удивленіемъ.— Объ евреяхъ?..

— Ну да! — продолжалъ носъ. — Русскіе... еврей... Кто ихъ знаетъ!.. Мнѣ кажется, въ Россіи никого нѣтъ, кромѣ евреевъ. По крайней мѣрѣ къ намъ никто не пріѣзжаетъ...

— Чѣмъ же вамъ не нравятся евреи?—спросилъ я.

— Безпокойный народъ!—съ ожесточеніемъ объяснилъ носъ.— Намъ такихъ не нужно!.. Затѣваютъ стачки, безпокойство на улицахъ. Въ Америкѣ это не пойдетъ... У насъ свобода!..

Какъ разъ въ это время въ Чикаго разгоралась огромная стачка желѣзнодорожныхъ машинистовъ, почти исключительно коренныхъ американцевъ. Я напомнилъ о ней этому приверженцу свободы.

— Такъ я вѣдь говорю вамъ,—повторилъ безцеремонно носъ,— что намъ это не нужно!.. Какія стачки?.. Мы не позволимъ, чтобы у насъ вырывали деньги прямо изъ рукъ! У насъ своя свобода, американская!..

— Развѣ евреи такіе бойкіе?—спросилъ я.

— У, бѣда!—пожаловался носъ.—Огонь!.. За какіе-нибудь пять центовъ въ недѣлю они готовы весь Истъ-Эндъ *) вверхъ дномъ поставить. Крикъ... гвалтъ... Такой отвратительный народъ!..

Не мѣшаетъ прибавить здѣсь, что крючковатый носъ нѣсколько разъ говорилъ при мнѣ по-нѣмецки, хотя очень неохотно и съ варварскимъ англійскимъ акцентомъ, и я сильно подозреваю, что четыре поколѣнія его американскихъ предковъ не были чужды Иордану. Быть можетъ, и на русско-еврейскихъ переселенцевъ онъ изрыгалъ такія хулы именно потому, что они напоминали ему то, что онъ старался всю жизнь забыть.

— Нѣтъ, я знаю!—сказалъ другой собесѣдникъ, богатый фермеръ изъ Орегона.—У насъ есть другіе русскіе! Смирные... Землю пахутъ и по воскресеньямъ цѣлый день въ церкви сидятъ.

— Менониты!—догадался я.

— Должно быть!—сказалъ фермеръ.—Но они предпочитаютъ, чтобы ихъ называли Russian. Любятъ Россію. Никакъ не могутъ забыть. Говорятъ, хорошо жили тамъ.

— Скадинавы тоже хорошіе земледѣльцы!—сказалъ первый собесѣдникъ.—И тоже смирные!..

— Намъ такіе нужны!—одобрительно подтвердилъ крючковатый носъ.—Смирные и чтобы землю пахали. А шататься по улицамъ въ городахъ и безъ нихъ найдется!..

— Я читалъ въ газетахъ, — сказалъ Макъ-Лири, — объ этихъ въ Канадѣ!..—Какъ они?..—старался онъ припомнить. — Тоже русскіе, съ Кавказа!..

— Черкесы!—прибавилъ онъ съ торжествомъ.

— Черкесы въ Канадѣ?—переспросилъ я съ удивленіемъ.— О, да, духоборы!..

*) Восточная половина Нью-Йорка.

— Ну, да, духоборы! — согласился Макъ-Лири. — Горные жители... Они дрались съ вами за свою свободу, а потомъ султанъ велѣлъ имъ переселиться... На англійскихъ корабляхъ...

Онъ упорно отказывался отличить духоборовъ отъ черкесовъ.

— Они тоже хорошіе земледѣльцы! — прибавилъ онъ полуутвердительно.

— Я говорю, — вмѣшался крючковатый носъ, который никакъ не могъ успокоиться, — есть тутъ русская дѣвушка, Ева Голдманъ по имени, агитаторша... Говорить на перекресткахъ съ бочки!.. Вотъ чертовка!.. Зачѣмъ только пріѣзжаютъ такія?.. Будто бы американскіе капиталисты выжимаютъ рабочихъ, какъ прессъ мокрое бѣлье...

— О, у васъ было бы, — вы бы сейчасъ ее уняли!.. — прибавилъ онъ съ сознаніемъ превосходства, но не безъ легкой зависти.

Передо мной всплылъ, какъ живой, стройный женскій образъ, какъ я его видѣлъ на „митингѣ мира“ въ Лондонѣ. Митингъ этотъ имѣлъ мѣсто, такъ сказать, *in partibus infidelium*, въ самый разгаръ джингоистскаго остервенѣнія, чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ толпа пробила Лабушеру голову скамейкой за то, что онъ осмѣлился критиковать Чемберлена. На митингѣ присутствовало до тысячи человекъ, почти безъ исключенія рабочихъ, и было сказано много рѣчей, между прочимъ была послана сочувственная телеграмма Лейдсу, но главнымъ успѣхомъ вечера была рѣчь Евы Голдманъ.

„Товарищи! — начала она. — Карлейль по поводу англо-французскихъ войнъ говоритъ, что для нихъ англійскій король приказывалъ хватать изъ любого англо-саксонскаго Дунбриджа *) тридцать первыхъ попавшихся бѣдняковъ и посылать ихъ чрезъ море стрѣлять и колоть тридцать такихъ же несчастливцевъ, которыхъ французскій императоръ изловилъ въ Гаврѣ. За ними оставались матери, жены, возлюбленные, и когда ихъ кровь проливалась на бранномъ полѣ, женскія слезы лились по всей Британіи отъ Дувра до Эбердина и по всей Франціи отъ Гавра до Марселя, и маленькія дѣти должны были вырасти и платить потомъ долги за тѣ огромныя деньги, которыя растаяли въ пороховомъ дыму и въ рукахъ военачальниковъ... Когда я думаю объ ирландцахъ, которыхъ палками гонять воевать противъ буровъ, или о каролинскихъ неграхъ, которые теперь мрутъ на Филиппинахъ отъ лихорадки и чумы, я убѣждаюсь, что и мы нисколько не лучше дунбридцевъ...“

Рѣчь ея продолжалась около часу съ пламеннымъ осужде-

*) Равносильно русскому Пошеховью.

нѣмъ войны и довела воодушевленіе слушателей до апогея. Ева говорила сильнымъ и благороднымъ языкомъ, приводя многочисленные литературные примѣры и выбирая свои слова такъ, что каждое изъ нихъ западало въ память слушателей. Я представлялъ себѣ дѣйствіе такой рѣчи на перекресткѣ во время выборовъ... Не даромъ эти приказчики такъ злились и негодовали на нее.

— Я читалъ, что она уѣхала въ Англію!...—сказалъ Макъ-Лири.

— Да, на три недѣли!...—съ горькой усмѣшкой объяснилъ носъ.—А услышите про Чикаго, сейчасъ приплыветъ назадъ!..

Очевидно, вся эта публика была хорошо освѣдомлена насчетъ Евы.

— Я говорю,—прибавилъ носъ злобно,—отчего Макъ-Кинлей не объявитъ преступленіемъ такихъ безпорядковъ?.. Хотятъ работать, такъ пусть молчатъ, а не мѣшаются въ чужія дѣла!.. Мы не потерпимъ!.. У насъ своя свобода, американская!..

— Фу, фу!—сказалъ фермеръ изъ Орегона.—Пусть себѣ говорятъ! Вы свободны, такъ оставьте и другихъ въ покоѣ!.. Не такъ ли?..

— Вамъ хорошо,—сказалъ носъ сердито,—съ вашими пшеничными полями. А у насъ въ Нью-Йоркѣ конкуренція растетъ, дѣла падаютъ... Откуда и платить побольше, хотя бы и рабочимъ?.. Небось въ Европѣ умирали съ голоду, а здѣсь двадцать долларовъ въ недѣлю—все имъ мало!..

Трата тарара-та!—Неслось изъ-за фортепіано.

Раздается звукъ барабана,
Солдаты идутъ черезъ паркъ!..

— Солдаты идутъ!..—передразнилъ носъ.—Мало ли мы платимъ на солдатъ, а начнутся безпорядки, не допросишься, чтобы прислали хоть роту... Нѣтъ! Самое лучшее,—свои войска завести, какъ Сесиль Родсъ или Карнеджи!..

На другой день рано утромъ мы снялись съ якоря и поплыли къ пристани. Было ясное, немного холодное утро. Легкій туманъ носился надъ водой. Мелкія волны, такія зеленыя и прозрачныя, тихо плескались о волнорѣзъ парохода. Передъ нами развернулся во всей его красѣ величественный заливъ Нью-Йорка, равнаго которому не найти въ цѣломъ мірѣ. Берега его были окаймлены рядами шестиэтажныхъ и десятиэтажныхъ домовъ, и по всему широкому пространству зновали сотни пароходовъ, большихъ и малыхъ, съ товарами и людьми. Легкая дуга Бруклинскаго моста обрисовывалась вверху надъ крышами домовъ, а изъ-за поворота тихо выплыла намъ навстрѣчу на своемъ маленькомъ островѣ бѣлая каменная башня съ обнаженной головой и факеломъ. высоко

поднятымъ къ небу. Это была хранительница нью-йоркскихъ воротъ, Свобода. Ее прислала въ даръ самая безпокойная нація Европы, Франція, и, быть можетъ поэтому, во всей этой фигурѣ было что-то зовущее, выраженіе огромнаго и стихійнаго порыва. Факель протягивался какъ будто навстрѣчу безпокойнымъ дѣтямъ самыхъ несчастныхъ народовъ, приѣзжающимъ сюда съ четырехъ сторонъ свѣта искать себѣ новаго счастья, но на лицѣ ея застыло таинственное каменное выраженіе, и по ея холодному взору нельзя было рѣшить, какая это свобода—европейская, американская или какая-нибудь иная, и зоветъ ли она смиренныхъ и умѣющихъ пахать фермеровъ, или международныхъ плутократовъ, которые тоже съѣзжаются отовсюду на это огромное торжище, или ободранныхъ итальянцевъ и евреевъ, которые дрожать за желѣзной сѣткой внизу. Но евреи и итальянцы не задавали себѣ такого вопроса. Они смотрѣли на величественную статую, и лица ихъ становились свѣтлѣе, и они чувствовали, что весь заскоружный багажъ старыхъ предразсудковъ остался сзади и что въ Америкѣ они начнутъ новую жизнь, если Америка имъ позволитъ.

— Что будете дѣлать въ Нью-Йоркѣ?—спрашивалъ старый портной галиційца.

— Не знаю!—гнусилъ галиціецъ.—Можетъ, крамъ открою. Я только мелкимъ товаромъ гандлевать знаю, больше ничего.

— Да!—сказалъ портной съ явнымъ неодобреніемъ.—Если бы вы тамъ меньше гандлевали, можетъ быть гонимы не такъ бы наши перины по улицамъ разбрасывали...

Галиціецъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Не могу понять, какъ честный еврей!—протянулъ онъ медленно.

— Приѣдешь въ Америку—поймешь!—сказалъ портной.—Изъ нашего брата тоже тамъ сокъ выжимаютъ. Свои таки еврейчики. У нихъ тамъ по десяти домовъ накуплено, аристократами хотятъ быть, gentlemen. А нашъ братъ издыхай себѣ надъ машиной. Выжиматели пота!..

Онъ произнесъ послѣднее слово по-англійски и съ глубокой ненавистью.

Но молодая жена наборщика не хотѣла знать этихъ мрачныхъ предсказаній. Она внимательно смотрѣла на каменный факель Свободы, на верхушкѣ котораго играло восходящее солнце.

— Какъ красиво!—сказала она мужу, молча и задумчиво стоявшему рядомъ.

Въ главномъ салонѣ перваго класса происходилъ таможенный опросъ. Фискальная бдительность сравнивала наконецъ богатыхъ и

обданныхъ, и въ залѣ одинъ за другимъ проходили оборванцы, которые въ другое время никакъ не могли бы получить туда доступа. Каждый долженъ былъ объявить точное количество иностранныхъ товаровъ, имѣющихся въ его мѣшкѣ, „подъ присягой чистосердечно, откровенно и безъ всякой утайки“, какъ гласила формула.

На чистенькой верхней палубѣ толпилась чистая публика, разряженная, какъ на балѣ. Мужчины щеголяли вырѣзными съютами и шелковыми цилиндрами, а на женскихъ головкахъ развѣвались огромныя перья, которыя американская мода заимствовала, вѣроятно, у краснокожихъ. Всѣ они тѣснились къ борту, перекликаясь со знакомыми, которые вышли къ нимъ навстрѣчу съ различныхъ концовъ обширной столицы Новаго Свѣта. А на берегу, какъ вода, переливалась толпа, состоявшая изъ носильщиковъ, комиссіонеровъ изъ гостинницъ, матросовъ и просто бродягъ, готовая ринуться на пассажировъ, какъ только они выйдутъ на твердую почву, для того, чтобы добыть отъ нихъ лишніи гривенникъ.

Танъ.

С О Н Ъ.

Пронеслась во тѣмѣ ночной
Пѣсня праведнаго гнѣва—
Содрогнувшейся волной
Похороннаго напѣва.

* * *

Въ разлетающихся снахъ
Встрепенулись тѣни ночи.
И въ далекихъ небесахъ
Хоры звѣздъ сомкнули очи.

* * *

Какъ воскреснувшій мертвецъ,
Всталъ разсвѣтъ съ улыбкой блѣдной
Утѣшеньемъ для сердець,
Угнетенныхъ долей бѣдной.

* * *

А за нимъ на небосклонѣ
Солнце брызнуло лучами,
И растаялъ мертвый сонъ
Подъ живыми небесами.

* * *

Я проснулся... Тѣма кругомъ:
Тучи осени ненастной
Тихо плачуть о быломъ,
О цвѣтахъ весны прекрасной.

Е. Чернобаевъ.

ТРАЗЕЙ.

Э. Оржеешко.

Переводъ съ польскаго М. Л. де-Вальденъ.

Тразей умираеть! Тысячи устъ въ Римѣ повторяли эти слова. Тысячи повторяющихъ эти слова голосовъ звучали таинственнымъ ужасомъ, злобной радостью или мрачной горечью.

Только онъ одинъ лъвинымъ взглядомъ смотрѣлъ въ лицо тигру Нерону; когда приказывали говорить, онъ молчалъ; когда требовали молчанія, онъ начиналъ говорить. Среди малодушныхъ сенаторовъ, что отъ стыда или страха низко склонялись передъ Поппеей и называли ее божественной, лишь онъ одинъ смѣло крикнулъ ей: „безпутная!“ Онъ одинъ рѣшился украсить статую Брута вѣнками изъ розъ и вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Гельвидомъ побѣжденнаго передъ всѣмъ народомъ называлъ великимъ, проклятаго—благословеннымъ.

Сегодня, еще до наступленія вечера, къ нему явился квесторъ отъ консула и прочиталъ вердиктъ, скрѣпленный печатами цезаря и сената, обрекающій его на смерть.

На улицахъ, площадяхъ, въ баняхъ, подъ портиками храмовъ, то съ злобнымъ смѣхомъ, то со сдержанными слезами, всюду звучали два эти слова: „Тразей умираеть!“

Да, онъ уже вылилъ чашу вина къ стопамъ Юпитера-освободителя, простился со своими вѣрными друзьями, въ послѣднемъ объятіи прижалъ къ своей груди нѣжно-любимую супругу, приказывая ей жить, и возложилъ съ благословленіемъ свои руки на голову единственной дочери и пріемнаго сына.

Уже изъ вскрытыхъ его жилъ вытекала кровь; на время онъ велѣлъ ее удержать, не ради того, чтобы прожить лишній часъ, но потому, что еще не окончилъ бесѣды своей съ Деметріемъ.

Въ большой, богатой виллѣ царила невозмутимая тишина. Ни крики отчаянія, ни слезы, ни рыданія не тревожили послѣднихъ минутъ обреченнаго и не колебали его мужества.

Сегодня въ этомъ жилищѣ фурии терзали того, кто умѣлъ молчать даже тогда, когда душа изнывала въ мученіяхъ.

Солнце склонялось къ западу и наполняло золотисто-розовымъ свѣтомъ величественный перистиль, надъ которымъ въ вышинѣ лѣтній теплый вѣтеръ несъ по сапфировому небу цѣлыя хоры окрашенныхъ въ огненный цвѣтъ облаковъ. Въ этомъ свѣтѣ стеклянная мозаика пола искрилась цвѣтами дорогихъ каменьевъ, а колонны изъ бѣлаго мрамора преобразились въ пламенѣющіе столбы. То здѣсь, то тамъ виднѣлись вазы съ пахучими миртами и широколиственными алоэ. Въ саду, за неподвижной стѣнной пальмой и платановъ, гармонически журчалъ фонтанъ и, точно изъ кадилъницъ, доносился аромать фіалокъ и лилій.

Въ тѣни рѣзного карниза и двухъ лавровыхъ деревьевъ, верхушки которыхъ сплетались между собой, на палисандровомъ ложѣ, украшенномъ слоновою костью и жемчужными раковинами, подъ большимъ багрянаго цвѣта покрываломъ, лежалъ умирающій. Среди пурпуровыхъ вышивокъ изголовья лицо его выдѣлялось неподвижными формами, какъ строгое, благородное изваяніе. Глаза его были открыты и спокойны, и можно было подумать, что его уложили для кратковременнаго отдыха руки друзей или возлюбленной, если бы не волны мыслей, пробѣгавшія по его широкому челу, и еле замѣтныя конвульсивныя движенія, подергивавшія его побѣлѣвшія губы.

Въ ногахъ у ложа, обратившись лицомъ къ умирающему, задрапированный грубымъ и рванымъ плащомъ, на скамейкѣ изъ бронзы сидѣлъ Деметрій изъ Суніона. Лицо этого философа изъ школы циниковъ было изборождено морщинами. Онъ выглядѣлъ истощеннымъ отъ питанія однимъ черствымъ хлѣбомъ и отъ жизни подъ кровомъ соломеннаго шалаша; длинная, сѣдая борода покрывала его щеки, юношескій огонь сверкалъ въ старыхъ глазахъ.

Слабымъ и измученнымъ страданіями голосомъ Тразей говорилъ:

— Въ минуту, предшествующую моей кончинѣ, я не осыпалъ своего тѣла розами, не приказалъ лютнистамъ пѣть и играть, а поэтамъ декламировать, какъ это сдѣлалъ изящный Петроній. Я не собралъ, подобно мудрому Сенекѣ, возлѣ ложа смерти друзей и учениковъ, чтобы бесѣдовать съ ними о загробныхъ тайнахъ—и печали настоящей жизни смягчать обѣщаніями блаженства въ грядущей. Если бы всѣ наслажденія міра предстали передо мной, чтобы веселить и ласкать меня, они не вознаградили бы меня за годы мысли и дѣяній, которые я теперь теряю. Кромѣ того, я никого и ни въ чемъ не могу увѣрить,

никого и ничему научить, такъ какъ самъ сомнѣваюсь и не знаю. Съ тобою только, Деметрій, хочу говорить. Ты уже отвѣтилъ мнѣ на многіе вопросы, отвѣтъ еще: существуютъ боги или нѣтъ?

Деметрій задумался и послѣ минутнаго молчанія сказалъ:

— Эпикуръ утверждалъ, что нѣтъ боговъ; Зенонъ изъ Цитіума—что они существуютъ; Протагоръ же говорилъ, что ничего не знаетъ о богахъ, существуютъ ли они, или ихъ нѣтъ. Я придерживаюсь мнѣнія Протагора и вслѣдъ за нимъ также говорю тебѣ, Тразей, что не знаю: существуютъ ли они, или нѣтъ.

— Твой отвѣтъ опечалилъ меня. Я желалъ бы, чтобы ты мнѣ рѣшительно отвѣтилъ: нѣтъ боговъ, ибо тогда я могъ умереть, презирая только людей, а теперь я жажду встать съ этого ложа, поднять Пеліонъ и разрушить этой горой Олимпъ.

Онъ приподнялъ немного отяжелѣвшую голову; его наболѣвшіе члены задвигались подъ багряными складками покрывала, глаза запылали.

— Ибо, если боги существуютъ, то каковы же они, коль скоро ихъ всемогущество не создаетъ добра, а доброта не предотвращаетъ появленія зла?.. Не дожилъ я, Деметрій, до грани зрѣлаго возраста; богатства и почести сопутствовали мнѣ неизмѣнно, а съ добродѣтельной супругой я наслаждался невозмутимымъ счастьемъ. Но все же, если бы ты спросилъ, испыталъ ли я страданія,—я отвѣтилъ бы: меня, какъ Лаокоона, душили ихъ змѣинныя кольца. Съ того дня, когда руки отца покрыли меня тогой зрѣлости, на что я смотрѣлъ и что испытывалъ? Триумфъ жадности и гордости, презрѣніе справедливости, попаніе добродѣтели подлостью, разума — проницательствомъ и глупостью. О Деметрій! это трагедія болѣе страшная, чѣмъ всѣ мрачные вымыслы Эсхила и Эврипида, и если бы на нее глядѣли боги съ высоты Олимпа, гнѣву ихъ не хватило бы громовъ, а состраданію—слезъ. Но человѣчество разыгрываетъ также и фарсы потѣшныя, надъ которыми, однако, я не могъ смѣяться, такъ какъ они душили меня горечью. Прожорливость волковъ казалась мнѣ невинностью въ сравненіи съ покорностью лисицъ, лижущихъ волчьи лапы. Тигръ и гіена меня ужасали, но мнѣ дѣлалось дурно отъ отвращенія при видѣ глупости овецъ, позволяющихъ безропотно пожирать себя. Мнѣ ненавистны были псы, когда ихъ кровожадныя пасти схватывали благороднаго оленя, но я съ презрѣніемъ, болѣе жгучимъ, чѣмъ ненависть, глядѣлъ на зайцевъ, которыхъ даже тѣнь вылѣзающей изъ болота жабы приводила въ трепетъ и заставляла бѣжать въ кусты!.. Не разъ вопрошалъ я боговъ, о которыхъ такъ же, какъ и ты, ничего не зналъ, ночную тишину, солнечное сіяніе: отчего при Филип-

пахъ побѣдилъ Октавіанъ, а доблестный Брутъ погибъ? Отчего подлая рука Помпея снесла съ плечъ величественную голову Цицерона? Отчего добродѣтельный и мужественный Германикъ погибъ отъ яда низкаго Тиверія? Отчего Мессалина прожила свой вѣкъ въ разнузданныхъ наслажденіяхъ и умерла на ложѣ изъ розъ и лилій, а благородная и строгая Аррія окончила жизнь въ потокахъ крови своей и своего мужа? Въ кругу сенаторовъ, трепещущихъ отъ страха и думающихъ только о цѣлости своихъ латифундій и пурпуръ своихъ сенаторскихъ тогъ, какъ равно при видѣ римскаго народа въ амфитеатрѣ и циркахъ, привѣтствующаго ритмическими апплодисментами Перона, я часто въ душѣ восклицалъ: О, когда и гдѣ я увижу людей!.. Мнѣ иногда казалось, что я вижу весь римскій народъ въ образѣ воина, стоящаго подъ кавдинскимъ ярмомъ. Онъ стоялъ, согнувъ спину, и лѣнивыми пальцами выгребалъ изъ земли зерна твердой фасоли, жалуясь только на то, что находилъ ихъ слишкомъ мало. Животъ его увеличивался по мѣрѣ того, какъ вся фигура уменьшалась, пока, наконецъ, изъ воина съ сильными руками и яснымъ челомъ онъ не преобразился въ пузатаго карлика съ лицомъ сатира и обезьяны. На это я глядѣлъ, Деметрій, и чувствовалъ, что собственная душа моя заключена въ scrinium, гдѣ хранятся свитки манускриптовъ. Она была задавлена, скована цѣпями необходимости и, скрытая отъ міра, осуждена на молчаніе. Мысли бились въ моей головѣ, какъ узники, жаждущіе свободы и воздуха. То, что я чувствовалъ, не вырывалось изъ моей груди, но падало на ея дно, шипя, какъ растопленный свинецъ въ водѣ. Я, точно роженица, не могущая родить находящагося въ ея чревѣ ребенка, не могъ открыть міру самого себя. Когда я стискивалъ зубы, чтобы не говорить, удерживалъ свою руку, чтобы не дѣйствовать, проглатывалъ слюну, чтобы не выплюнуть ее на тѣхъ, которыми пренебрегалъ,—меня охватывали страданія, отъ которыхъ ни богатство, ни почести, ни семейное счастье, ни наставленія учителей моихъ, стойковъ, не въ состояніи были освободить. Но, увы, человекъ не всемогущъ даже надъ самимъ собою. Тразей, созданный природою, явился на свѣтъ изъ Тразея, созданнаго ужасами времени. Воннъ, согнувшійся подъ кавдинскимъ ярмомъ, попробовалъ выпрямиться,—и вотъ теперь умираетъ... Каковы же тогда боги, о Деметрій, если они существуютъ, и если на все, о чемъ я тебѣ разсказалъ, они спокойно глядятъ и хранятъ молчаніе?

Измученный продолжительною рѣчью, онъ опустилъ голову на подушки и устремилъ неподвижные, широко раскрытые глаза на лицо мудреца. На губахъ его конвульсивныя движенія отъ

боли перемежались съ ироническими улыбками. На губах Деметрія, какъ бы въ отвѣтъ, появилась шутливая, почти веселая усмѣшка.

Точно рассказывая своему пріятелю забавный случай, онъ началъ такъ:

„Когда однажды на Тускуланской улицѣ я стоялъ въ своихъ лохмотьяхъ, полунагой, босой, съ открытой головой на солнечнои припекѣ, проходившій по той же улицѣ съ своей свитой Кай Калигула остановился передо мною и сказалъ: „Неужели ты не можешь прикрыть свое тѣло болѣе приличною одеждой, а ноги обуть хотя бы въ такія же сандалии, какія носятъ римскіе сапожники? Зачѣмъ рисуешься своимъ нищенствомъ?“ Я отвѣтилъ ему: „Я поступаю такъ, цезарь, чтобы какъ можно менѣе походить на твоихъ приближенныхъ“.

„Кай въ этотъ день былъ въ хорошемъ настроеніи,—должно быть Юцитатусъ, его любимый жеребецъ, привѣтствовалъ его веселымъ ржаніемъ. „Ты извѣстенъ своими чудачествами,—сказалъ онъ,—но я не сержусь на тебя... Вотъ даю тебѣ кошелекъ, полный сестерцій: одѣнься такъ, какъ одѣваются мои приближенные, и приходи ко мнѣ во дворецъ. Съ сегодняшняго дня я причисляю тебя къ числу своихъ первыхъ друзей“.

„Говоря это, онъ сдѣлалъ знакъ одному изъ прислужниковъ, и тотъ положилъ возлѣ меня кошелекъ, сплетенный изъ жемчуга и наполненный золотыми монетами.

„Кай, — сказалъ я,—когда еще разъ придетъ тебѣ въ голову мысль соблазнять меня, начни съ пожертвованія мнѣ всего своего государства. И вотъ, когда я откажусь принять твой даръ, ты уже навѣрно никогда болѣе не станешь заговаривать со мною, потому что ничего, кромѣ этого, ты не въ состояніи будешь предложить“. Тогда Кай обратился къ префекту Рима „Завтра же человѣкъ этотъ поплыветъ къ берегамъ Африки: его рубища грязнятъ мои красивыя улицы! Пусть чинить свои лохмотья въ пескахъ пустыни!“

— Думаешь ли ты, Тразей, что годы изгнанія протекли для меня въ радостяхъ и наслажденіяхъ? Если ты предполагаешь, что когда я питался кускомъ хлѣба и утолялъ жажду водой, заправленной уксусомъ, въ моемъ воображеніи не являлось сочное мясо жаренаго дикаго кабана и пламенная сладость фалернскаго вина, если это такъ, то ты плохо понимаешь человѣческую натуру. Когда, измученный, ложился я въ соломенной берлогѣ, неужели мнѣ не снилось ложе, устланное лебяжьимъ пухомъ? Развѣ грубая глиняная чашка, изъ которой мнѣ приходилось пить воду съ уксусомъ, не вызывала представленія о сере-

бряной чашѣ, пріятной для глазъ и гладкой для губъ? И навѣрно я предпочелъ бы вдыхать своими ноздрями аромать индійскихъ благовоній или арабскихъ духовъ, чѣмъ вонь отъ гніющихъ рыбъ и пригорѣвшаго жира,—она стелется густыми парами у подножія Яникула и наполняетъ мое болѣе чѣмъ скромное жилище. Но, Тразей, видъ ословъ, вздымающихъ свои хребты подъ золочеными чепраками, и вепрей, валяющихся въ потокахъ греческихъ винъ и александрійскихъ соусовъ, возбудили во мнѣ отвращеніе къ нарядамъ и пиршествамъ Рима. Глядя на этихъ звѣрей, грызущихся въ лужѣ изъ-за мѣднаго оболы, я отталкивалъ ногой золотые таланты. Въ міръ, залитый моремъ разнужданныхъ излишествъ, нищета моя бросила презрѣніе въ лицо богатству. На лицѣ моемъ была радость и спокойствіе, я указывалъ на счастье въ лохмотьяхъ тѣмъ, которые находили его только въ тирскомъ пурпурѣ. У меня было много учениковъ, и не у одного изъ нихъ я выкинулъ изъ головы пустое тщеславіе, а изъ груди вырвалъ развратныя вожделѣнія. Въ храмѣ пьянаго Пана, божка матеріальной природы, я соорудилъ статую, достойную человѣческой души. Не буду, Тразей, подкрѣплять тебя рѣчью о непонятныхъ богахъ, но скажу только то, что доступно моему и твоему разуму: тамъ, гдѣ не было людей, я былъ человѣкомъ. Когда изъ твоихъ жилъ будутъ исчезать послѣдніе остатки крови, думай такъ о себѣ.

Въ то время, когда Деметрій это говорилъ, черты умирающаго, за минуту передъ тѣмъ взволнованныя, приняли выраженіе такого наслажденія, съ какимъ человѣкъ слушаетъ звуки, вторящіе внутреннимъ голосамъ его души. Однако волны раздумья все еще пробѣгали по блѣдному челу, а въ глазахъ отражались неудовлетворенные запросы.

— Ты утѣшилъ меня, Деметрій. Умирая, я увижу статую, достойную человѣческой души, воздвигнутую тобою и мною въ храмѣ пьянаго Пана, божка матеріальной природы. Но человѣкъ, хотя бы даже величайшій, проходитъ, какъ тѣнь, и умолкаетъ, какъ эхо. Я желалъ бы, чтобы душа моя не исчезла безслѣдно... Впрочемъ, ты признался въ своемъ невѣдѣніи относительно существованія или несуществованія боговъ, поэтому напрасно спрашивать тебя, безсмертна ли моя душа, или нѣтъ.

— Напротивъ, Тразей, умирай съ мыслью, что душа твоя безсмертна.

Глаза осужденнаго раскрылись шире. Легкая ироническая улыбка снова заиграла на губахъ, подергивающихся судорогой.

— Знаю, Деметрій, что ты не будешь мнѣ рассказывать ни о черномъ Стиксѣ, ни о переплывающей черезъ него лодкѣ Ха-

рона. Ты вѣдь не укажешь мнѣ на блѣдныя тѣни, блуждающія по берегамъ рѣки забвенія, и мѣста среди нихъ мнѣ не назначишь. Не скажешь, что я, подобно Энею, опущусь въ адъ и занесу мой привѣтъ душамъ отцовъ моихъ, или что трехголовый Церберъ залагаетъ на меня, и я предстану на судъ къ неумолимымъ и страшнымъ Миносу и Радаманту. Знаешь хорошо, что я не такъ глупъ, чтобы вѣрить такимъ баснямъ, и если бъ объ этомъ, а не о чемъ -нибудь другомъ мнѣ хотѣлось слушать, я, вмѣсто тебя, позвалъ бы къ своему ложу смерти пару авгуровъ. Они бы мнѣ многое повѣдали объ этихъ вещахъ, а за порогомъ, поглядѣвъ другъ другу въ глаза, прыснули бы со смѣху.

Деметрій съ минуту улыбался, затѣмъ ласково началъ говорить:

— Есть люди, которымъ душа кажется сердцемъ. Иные говорятъ, что она—дыханіе. Зенонъ изъ Цитіума утверждалъ, что душа міра—огонь, Аристоксенъ считалъ ее гармоніей внутреннихъ струнъ, Пифагоръ—числомъ, Аристотель—безпрестаннымъ движеніемъ, Платонъ подраздѣлялъ ее на три части: разумъ въ головѣ, гнѣвъ въ груди, вожделѣніе въ чревѣ; божественный Платонъ болѣе всѣхъ былъ близокъ къ истинѣ, но онъ долженъ былъ упомянуть не только о разумѣ, гнѣвѣ и вожделѣніи. Всѣ мысли и чувства твои, Тразей, были твоей душой, а слова и поступки—ея дыханіемъ.

Онъ замолкъ на минуту, и все кругомъ молчало. Даже журчаніе фонтана какъ бы затихло за стѣной изъ пальмъ и платановъ; розовыя облака поблѣднѣли на небѣ; исчезъ блескъ колоннъ, а въ спускающемся на перистиль сумракѣ, въ ничѣмъ не нарушаемой тишинѣ снова зазвучалъ надъ головой осужденнаго одинъ только ласковый и глубокий голосъ философа:

— Тебѣ извѣстно, Тразей, ученіе Эпикура объ атомахъ матеріи, которые, вѣчно паря по безконечнымъ пространствамъ, создаютъ постоянно все новые міры и существа. Звѣзда, металлъ, растеніе, звѣрь и человѣкъ являются слѣпками безконечнаго числа атомовъ, изъ которыхъ каждый безсмертенъ, такъ какъ послѣ разъединенія они снова соединяются въ другія формы и никогда не гибнутъ. Таково царство матеріи, къ которому принадлежитъ твое тѣло. Какъ горсть песку, поднятая дуновеніемъ вѣтра, оно разсѣется въ безграничномъ пространствѣ, а составляющіе его атомы проникнутъ, быть можетъ, въ шелковую ткань лепестка лиліи или поплывутъ въ каплѣ воды въ ручьѣ, или въ видѣ пара полетятъ въ голубой эфиръ, замигають въ пламени свѣтильника, блеснутъ въ алмазахъ, выростутъ изъ земли ко-

лосомъ пшеницы, отвердѣють въ шерсти дикаго звѣря, выгянуть снова на свѣтъ во взорѣ новорожденнаго младенца, или священнымъ огнемъ мысли запылають въ мозгу зрѣлаго мужа. Все это я рассказываю тебѣ о царствѣ матеріи. Но рядомъ съ нимъ существуетъ также царство душъ. Чувства и мысли—это атомы души человѣка; они такъ же, какъ и тѣ, составляющіе его тѣло, никогда не гибнуть, но соединяются съ атомами другихъ душъ и создаютъ все новые міры.

„Мудрость, знаніе, добродѣтель, героизмъ, гармонія суть соединенія безконечнаго числа атомовъ, улетѣвшихъ изъ человѣческихъ душъ. Въ формѣ пламени, раздѣленнаго на множество огней, въ формѣ волны, преобразившейся во мглу, душа твоя. Тразей, разсѣется въ пространствѣ времени, а ея атомы проникнуть, быть можетъ, въ сердце юноши и запылають энтузіазмомъ и мужествомъ, или въ сердце дѣвушки жаждой великой любви и жертвъ; быть можетъ, они западутъ въ голову старца милымъ о твоихъ дѣянїяхъ рассказомъ или въ мозгъ ребенка въ формѣ предчувствїя будущаго героизма; быть можетъ, ими будетъ питаться истомленный невольникъ, или будетъ отравлена ими жизнь того, кто бросилъ невольника въ темницу, или, можетъ быть, проникнуть они въ душу пустаго гуляки и, загорѣвшись стыдомъ, заставятъ его уйти съ пира, или усладятъ для мученика присужденную ему горькую чашу...

„Со смертью людей не умирають ни мысли ихъ, ни чувства, ни слова, ни поступки. То даже, чего ты никогда не высказалъ, улетаетъ въ міръ пѣснью безъ словъ въ твоихъ взглядахъ, улыбкахъ и вздохахъ. Твой молчаливый протестъ противъ зла зазвучитъ въ пространствѣ времени призывомъ, зовущимъ къ добру. Знаешь ли, чье сердце будетъ волноваться когда-нибудь твоими страдальческими вздохами? На чьи уста слетитъ улыбка твоего возвышеннаго презрѣнїя? На все это ты не отвѣтишь словами: „меня тамъ не будетъ“,—такъ какъ любовь къ будущимъ поколѣнїямъ и грядущимъ вѣкамъ присуща великимъ душамъ. Умирая, повторяй слова стариннаго поэта: „Пускай никто не слѣдуетъ съ плачемъ за моимъ прахомъ, пусть не орошаетъ урны моей слезами, ибо я живу вѣчно и перелетаю изъ души въ душу“. Таково есть безсмертіе, Тразей, о которомъ тебѣ повѣдалъ Деметрій изъ Сунїона.

Онъ замолчалъ, и Тразей тоже молчалъ.

Заблудившись среди лавровъ, послѣдній лучъ солнца бросилъ свой слабый блескъ ему на чело, чистое, какъ на зарѣ молодости. Нижнюю часть его лица покрывала уже тѣнь, но подъ

прояснившимся челомъ видны были глаза, съ восторгомъ глядѣвшіе куда-то вдаль.

Склонившійся немного надъ ложемъ Деметрій спросилъ:

— О чемъ теперь думаешь, Тразей?

— Называй меня своимъ другомъ и спрашивай, что вижу...

— Что видишь, мой другъ?

Очень тихо,—точно съ произносимыми словами улетала изъ него жизнь.—Тразей говорилъ:

— Вижу безконечное пространство, наполненное сумерками, плачемъ и дуновеніемъ холоднаго Борея... Въ этой странѣ холода и мученій горятъ большіе огни... возлѣ которыхъ блѣдныя и иззябшіе путники согрѣваютъ свои члены, восклицая: „Благодареніе вамъ!“

— Однимъ изъ этихъ огней, Тразей, будетъ твоя душа!

— Вижу еще нагую и печальную пустыню... Изъ нѣдръ палящихъ ея песковъ пробиваются журчащіе источники... Къ нимъ припадаютъ изсохшими устами измученные путники и, погружая ихъ въ живительную влагу, восклицаютъ: „Благодареніе вамъ!“

— Однимъ изъ такихъ источниковъ будетъ твоя душа, Тразей!

— Слышу бряцанье оружія, шумъ падающихъ тѣлъ... гулъ разрушающихся городовъ... Въ этомъ страшномъ хаосѣ звучатъ какіе-то голоса, восклицая: „Гармонія! гармонія!“ Одинъ изъ нихъ очень явственно поражаетъ мой слухъ...

— Это есть голосъ души твоей, Тразей!

— Слышу свистъ кнутовъ... трескъ ломающихся костей и стоны: „Насиліе! несправедливость!“—и... возгласы притѣснителей, кричащихъ: „Сила! сила!“ Среди этихъ криковъ побѣды и поражения звучатъ какіе-то голоса, восклицая: „Истина! справедливость!“

— Среди этихъ голосовъ, Тразей, есть голосъ твоей души!

Грудь умирающаго поднялась со вздохомъ облегченія. Медленно и понемногу глаза его закрылись, и можно было подумать, что, упоенный чудной пѣснью, онъ уснулъ въ блаженномъ, невозмутимомъ спокойствіи. Одна за другою темнѣли колонны перистилля и въ сумракѣ казались рядами бѣлыхъ, стройныхъ при видѣній.

Вверху, на потемнѣвшемъ небесномъ сводѣ, блеснули звѣзды по краямъ перистилля, и далѣе, въ глубинѣ зданія, засвѣтились высокіе свѣтильники. Дымъ отъ каминовъ, зажженныхъ у домашнего алтаря, синимъ облакомъ носился въ воздухъ и ароматомъ благоуханныхъ куреній окружалъ ложе смерти.

Деметрій, низко склонившись надъ ложемъ, спросилъ:

— О чемъ думаешь, мой другъ?

Тихій, какъ дуновеніе зефира, шопоть отвѣчалъ:

— Думаю о томъ, Деметрій... что, если бы этотъ слѣпокъ атомовъ матеріи... который былъ моимъ тѣломъ, могъ соединиться въ такой же формѣ сто разъ... я сто разъ, какъ и теперь это сдѣлалъ, разъединилъ бы его преждевременно, ради.... истины, добра, гармоніи и справедливости...

Чась спустя въ большой, богатой виллѣ, на улицахъ, площадяхъ, въ театрахъ и римскихъ дворцахъ, сопровождаемая рыданіями отчаянія, шопотомъ тревоги и хохотомъ триумфа, слышались всюду два эти слова: „Тразей умеръ!“

Надъ ложемъ почившаго осужденнаго стоялъ еще Деметрій изъ Суніона, обратившись къ звѣздамъ лицомъ, по которому медленно катились крупныя слезы.

Когда жрецы и слуги Венеры Либитійской, богини погребальныхъ обрядовъ, шепча мрачныя „mortualia“, темнымъ кортежемъ наполнили перистиль, онъ поднялъ руки къ небесамъ и сильнымъ, звучнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Прощай, о, безсмертный!

ВСКРЫТИЕ

(Изъ Ады Негри).

О, докторъ, твой взглядъ безпокоенъ и дикъ,
Исполненъ ты бѣшеной страсти,
Ты острымъ ланцетомъ мнѣ въ тѣло проникъ,
Мнѣ тѣло терзаешь на части.
Напрасная ненависть: я не дрожу
Предъ яростью рѣжущей стали.
И хочешь, сейчасъ о себѣ расскажу,
Межъ труповъ, въ покойницкой залѣ.
Средь жизненныхъ терній я съ дѣтства росла,
Семьи и пріюта не зная,
Въ разгулъ непогодъ одиноко брела,
Безъ крова, въ лохмотьяхъ, босая.
Я знала безсонницу скорбныхъ ночей,
О завтрашнемъ хлѣбѣ заботы,
Тщету изступленной мольбы и рѣчей,
И дни безъ гроша и работы.
Я вѣдала темныя язвы нужды,
Я видѣла стыдъ усыпленный,
Бродила я въ царствѣ и зла, и вражды
И слышала вѣчные стоны...
И вотъ обрѣла я послѣдній покой
Въ просторной и свѣтлой больницѣ,
И смерть, торжествуя, взвилась надо мной
Зловѣщею, черною птицей.
И я умерла, какъ заброшенный песъ,
Какъ чуждое людямъ творенье.
И въ часъ мой послѣдній никто не принесъ
Мнѣ дружескихъ словъ утѣшенья.
Смотри, какъ коса разметалась моя
Блестящею черной волною,

Но скоро ее гробовая земля
 Обляжетъ корой ледяною.
 Какъ гибокъ и нѣженъ, и строецъ мой стань,
 И свѣтится дѣвственнымъ свѣтомъ,
 И только тускнѣветъ отъ боли и ранъ,
 Лобзаемый алчнымъ ланцетомъ.
 Ну, что же! И рѣжь, и терзай, и коли,
 Свершая свой трудъ неустанный,
 И купленнымъ тѣломъ себя утоли,
 Утѣшься побѣдой желанной.
 Ну, что жъ! Наслаждайся жестокой игрой:
 Я—прахъ, ни на что непригодный,
 И въ тѣлѣ моемъ ты искусно раскрой
 Всѣ тайны невзгоды голодной.
 Съ ланцетомъ прикинь къ глубокой груди,
 Разрѣжь всѣ сердечныя ткани
 И въ сердцѣ больномъ поскорѣ найди
 Великую тайну страданій...
 Я снова страдаю подъ взглядомъ твоимъ,—
 Стыдливое чувство ты будишь,—
 Но взоръ мой стеклянный глядитъ недвижимъ:
 Ты долго его не забудешь.
 А съ устъ побѣлѣвшихъ, какъ скорбный итогъ
 Борьбы бесполезной, суровой,
 Слетаетъ подавленный горькій упрекъ,
 Проклятыя послѣднее слово.

В. Ш.

ОКТАВА.

На краю захолустнаго уѣзднаго города плотники строили двухэтажный деревянный домъ. Весеннее солнце ослѣпительно сіяло съ голубого неба, и городишко, затерянный среди широкой, зеленой степи, мирно дремалъ, пригрѣтый жаркими лучами. На далекомъ степномъ горизонтѣ серебряной рѣкой струилось марево, въ городъ прилеталъ теплый вѣтеръ, пропитанный запахомъ степныхъ травъ. Улица около постройки сплошь заросла травой; окна домовъ были закрыты отъ солнца ставнями; кругомъ вѣяло тишиной и лѣнью, и спокойствіе городка нарушала только плотничья пѣсня, звучно и весело разливаясь по воздуху. Раздѣлившись на двѣ кучки, плотники стояли на верхнихъ вѣнцахъ сруба, высоко надъ землей и тащили балку. Фигуры плотниковъ въ разноцвѣтныхъ рубашкахъ и черныхъ картузахъ отчетливо вырѣзались на нѣжномъ фонѣ голубого неба. На одномъ съ ними уровнѣ, какъ бы мимо нихъ и рядомъ съ ними, плыли причудливыя серебристыя облака...

Балку вкатывали быстрыми порывами, и поэтому напѣвъ былъ тоже быстрый и веселый. Обѣ кучки чередовались въ пѣснѣ, перекидывая мотивъ одна другой. По одну сторону были бородастые, пожилые мужики,—они пѣли густыми низкими голосами, а по другую отобралась молодежь,—она подхватывала пѣсню высокими и веселыми фальцетами:

„Ка-а-тай, наши, катай,
Знай покатывай, катай!..“

звенѣли веселые и переливчатые свѣжіе голоса въ чистомъ и спокойномъ воздухѣ, пропитанномъ смолистымъ запахомъ свѣжаго дерева и степной травы.

И тотчасъ же съ другого угла имъ вторили басы ободряющіе, солидные, спокойно-увѣренныя:

„Ва-а-ляй, на-ши, валяй,
Знай по-ва-ли-вай, ва-ляй!..“

А молодые уже опять заливались:

„Ка-а-гай, на-ши, ка-гай...“

Эта бесконечная пѣсня, состоявшая изъ двухъ словъ „кагай“ и „валяй“, перебрасываемая отъ одной кучки къ другой, лилась играючи, свободно и легко. Такъ же двигалась и балка, поднимаясь все выше и выше. Наконецъ она вкатилась на верхъ дома, и тогда зазвучала другая пѣсня.

Здоровенный протодіаконскій голосъ загремѣлъ на весь городъ, всколыхнувши его тишину:

„Э-эй-мор-двинь-подвинь...“

И прежде, чѣмъ онъ смолкъ, вся артель, легко увлекая куда-то балку, густо подхватила:

„Да у-ухъ!..“

„Э-эй-мо-ордо-во-чку...“

завелъ опять громадный голосище.

„Да ухъ!..“

подхватывала толпа.

„И-ахъ-мо-ордо-вскай сынъ...“

„Да у-ухъ...“

Пѣсня гремѣла и звенѣла. Она была такъ умѣстна здѣсь. звуча высоко надъ городомъ, подъ широкимъ просторомъ синяго неба, дополняя картину разноцвѣтной артели, плывущихъ мимо нея облаковъ и раскинутой кругомъ зеленой степи.

Артельный запѣвало, обладавшій могучимъ голосомъ, вдохновлялъ и увлекалъ не только всю артель, но даже и прохожихъ. Нѣсколько фигуръ стояли внизу около постройки и, задравши головы, слушали, какъ изъ артели плыль густой, какъ смола, крѣпкій и свѣжій голосъ:

„Э-эй... мо-ордо-вскай сынъ, да-о!..“

Тщедушный уѣздный діаконъ въ соломенной старой шляпѣ и голубомъ полукафтани съ любопытствомъ остановился въ отдаленіи и слушалъ, играя перстами въ своей козлиной бородѣ. Онъ склонилъ голову на бокъ и съ видомъ знатока вслушивался въ могучій голосъ.

Когда плотники умолкли и стали сходить по мосткамъ на землю, онъ подошелъ ближе и закричалъ имъ рѣзкимъ басомъ:

— Эй, ребята! А который изъ васъ запѣвало?

Плотники поглядѣли на діакона.

— А вотъ онъ, отецъ діаконъ! Эй, Захарычъ, покажись отцу діакону!

На верху дома, какъ на пьедесталѣ, появилась крупная фигура мужика въ пестрядиной рубахѣ, синихъ портахъ и лап-

тяхъ. Онъ былъ средняго роста, съ огромнымъ туловищемъ на несоразмѣрно-короткихъ и толстыхъ, какъ тумбы, ногахъ, широкоплечій, съ выпуклой богатырской грудью и кудлатой, большой головой. Безобразное, съ толстымъ носомъ, широкое лицо обросло рыжей, клочковатой бородищей. Похожій на языческаго идола, онъ всталъ на верху сруба, упершись руками въ бока, и казался богомъ плотничества, олицетвореніемъ всей этой незатѣйливой, но крѣпкой и незыблемой жизни. Онъ царилъ здѣсь, созданный какъ бы только для этой жизни, наилучшимъ образомъ приспособленный къ ней.

Діаконъ поднялъ бороду кверху, чтобы разговаривать съ плотникомъ, фигура котораго подавляюще высилась надъ нимъ.

— Это у тебя такая здоровая глотка?—спросилъ его діаконъ.

— У меня-а!.. ухнуло сверху.—Хо-хо!

Плотникъ засмѣялся тяжелымъ и круглымъ, какъ бревно, груднымъ смѣхомъ.

— Ему въ хайло-то ваша шляпа пролѣзетъ, отче!—говорили плотники.—Въ рясу бы его обрядить, ваше преподобіе!

Собираясь обѣдать, они сходили на землю съ кошельми, обрубками дерева и крупными щепками подъ-мышкой.

— А ну, слѣзь, Захарычъ!—закричалъ діаконъ.—Я съ тобой поговорю.

Захарычъ тяжело и медленно сталъ спускаться по сходнямъ, и онѣ гнулись отъ его шаговъ.

Когда онъ предсталъ предъ діакономъ, тотъ невольно отступилъ отъ него, какъ бы почувствовавъ свою хилость въ сравненіи съ этимъ богатыремъ, отъ котораго вѣяло несокрушимымъ здоровьемъ, силой и крѣпостью, какъ отъ смолистой, крупной сосны, глубоко пустившей свои крѣпкіе корни въ чащѣ тихаго дѣвственнаго лѣса. Все въ Захарычѣ было аляповато, грубой, топорной работы, но крупно и крѣпко. Казалось, что природа, создавая его, имѣла идею слѣпить что-то выдающееся, наскоро затратила на эту мѣщную фигуру огромные куски дорогого матеріала съ цѣлью обработать его послѣ, но потомъ почему-то такъ и оставила Захарыча неотесаннымъ. Въ его фигурѣ истукана и нечеловѣческаго голоса было нѣчто, внушающее страхъ, и только огромные, какъ у быка, глаза свѣтились добродушнымъ спокойствіемъ и наивною ребячешью. На видъ ему казалось лѣтъ сорокъ; густые, крѣпкіе спутанные кудри его были уже перевиты серебристыми нитями.

— Тебѣ чово?—спросилъ онъ съ сильнымъ удареніемъ на „о“.

— Чово!—передразнилъ его діаконъ.—А ты вотъ чово: что не поешь въ церкви съ этакимъ голосищемъ?

— Нашто?—добродушно отвѣчалъ Захарычъ.—Мнѣ и здѣсь хорошо!

Онъ повелъ могучимъ плечомъ и съ любовью окинулъ глазами плотничью работу, синее небо съ плывущими облаками и зеленую степную даль.

Діаконъ хлопнулъ себя по бедрамъ.

— Какъ нашто?—вскричалъ онъ, энергично потрясая бородой.—Богъ тебѣ далъ талантъ, значить нужно тебѣ не „дубину“ орать, а въ Божьемъ храмѣ пѣть, чтобы люди слушали да умилялись. Твой голосъ для украшенія хора и церковныхъ пѣснопѣній можетъ служить! Развѣ это плохое дѣло? Вѣдь это кому?—внушительно поднявъ кверху палецъ, спросилъ діаконъ. И, помолчавъ, самъ отвѣтилъ:

— Б-богу!—А затѣмъ отступилъ отъ Захарыча, строго глядя на него съ поднятой кверху рукой, перстомъ указующей въ небо.

— Ему долженъ служить тотъ человѣкъ, который имѣетъ отъ Него талантъ, а не себѣ! Въ писаніи сказано: „Овому даде талантъ, овому два... Кому дано много, съ того много и взыщется!“

Захарычъ задумчиво и внимательно слушалъ хилаго, но горячаго діакона. Остальные плотники тоже медлили уходить и, слушая діакона, зорко смотрѣли на товарища, точно видя въ немъ что-то новое.

— Оно, конечно... — виновато и медленно отвѣтилъ Захарычъ,—да гдѣ же намъ? Мы неграмотные... ничего не знаемъ...

— Тамъ выучать и еще тебѣ же деньги будутъ платить! Ну-ка, скажи: „вонмемъ!“

— Гы!..—густо усмѣхнулся Захарычъ.

— Не „гы“, а ты бери! Вотъ такъ!

И діаконъ, выпрямивъ грудь и сложивъ губы трубой, затапулъ, потрясая козлиной бородой:

„Во-о-н-мемъ!..“

— Вотъ такъ! У тебя лучше моего выйдетъ! Ну! Развѣвай глотку,—я послушаю.

Захарычъ сконфузился, покраснѣлъ и, набравъ въ грудь воздуха, загудѣлъ, какъ труба, на цѣлую октаву ниже діакона:

„Во-о-н-мемъ!“

И тутъ онъ сразу увидаль свое превосходство надъ діаконемъ. У Захарыча вышло, какъ будто въ праздничный колоколь ударили, торжественно, густо и добротнo, а у діакона голосъ дребезжалъ, какъ разбитый чугунъ.

— Да у тебя октава!—всплеснувъ руками, закричалъ діаконъ

и, подойдя вплоть къ лицу Захарыча, заговорилъ тихо и вразумительно:

— Да знаешь ли, глупый человѣкъ, что ты совсѣмъ не ту ноту взялъ, на шесть тоновъ ниже: я сказалъ въ среднее „до“, а ты закатилъ въ нижнее, да какъ! Ажъ земля загудѣла! У тебя октава, чудакъ ты этакій! Знаешь ли ты, что такое октава? Это золотой голосъ! Сторублевый голосъ! Цѣны нѣтъ твоему голосу! Эхъ! Дуракъ!

Діаконъ тряхнулъ бородой и добавилъ съ грустью:

— Экій капиталъ пропадаетъ! Поступай въ пѣвчіе! До діакона достукаешься!

Захарычъ почесалъ въ затылкѣ, посмотрѣлъ на свои лапти, на синіе порты, на обрубокъ дерева подь-мышкой...

— Гдѣ мнѣ до діакона?—конфузно отвѣчалъ онъ. — Наше дѣло плотницкое..... мы топоромъ...

— То-по-ромъ!—уныло передразнилъ діаконъ и вдругъ опять энергично затрясъ бородой.—Хошь, сейчасъ въ хоръ опредѣлю? И плотничество не надо бросать: по праздникамъ вѣдь поють-то. Ну! Пойдемъ,—я тебя регенту покажу!..

Онъ схватилъ Захарыча за руку и потащилъ его за собой. Молча и долго смотрѣли плотники, какъ товарищъ уходилъ отъ нихъ вдоль по улицѣ, заросшей зеленой травой. Захарычъ шагаль, задумчиво опустивъ голову, а діаконъ, развѣвая широкими рукавами голубой рясы, разводилъ руками и моталъ козлиной бородой.

— Увель!—сказалъ одинъ плотникъ, прерывая молчанье.

— Нешто!—добавилъ другой.

— Айда, ребята, обѣдать! Теперь Захарычъ у насъ въ Божьи дудки, значить, записался!—весело воскликнулъ молодой парень съ рыжими волосами въ кружало, торчавшими изъ-подъ картуза.

— Что жъ!—солидно возразилъ одинъ изъ пожилыхъ.—Діаконъ вѣрно говорилъ: Богу это!

—Да Богу-то, Богу, а не рука все-таки плотнику въ пѣвчіе лѣзть. Что онъ можетъ? Для Бога! Богу-то и топоромъ послужить можно!

— Какъ же топоромъ-то?

— А по церквамъ? Строй церкви! Вотъ тебѣ и въ плотничьемъ видѣ можешь рвеніе оказать! Напрасно діаконъ мужика сбиваетъ! Одна склока!

Гурьбой, всѣ съ обрубками и щепками подь-мышкой, плотники шли по зеленой, тихой улицѣ и обсуждали судьбу Захарыча.

— Вросло, скажемъ, дерево въ землю,—говорилъ высокій и худой старикъ,—хорошее дерево! А пересади-ка его на другое

мѣсто, такъ оно, пожалуй, и пропадетъ!. И человѣкъ то же, что дерево: пошто отрывать его отъ корня?..

II.

Въ губернскомъ городѣ на Волгѣ по всѣмъ церквамъ звонили ко всенощной. Въ морозномъ зимнемъ воздухѣ, перепутываясь,плыли густые колокольные звуки. Зимняя ночь опускалась надъ городомъ; въ домахъ зажигали огни, и на темномъ небѣ уже всплывали звѣзды...

Къ домово́й церкви городского училища густой толпой шелъ народъ, то и дѣло подѣзжали щегольскія сани: въ этой церкви былъ канунъ „престола“ и кромѣ того тамъ пѣлъ хоръ пѣвчихъ, лучший въ городѣ. Хоръ этотъ содержалъ купецъ Понедѣльниковъ, церковный староста и попечитель училища. Церковь, прилегающіе къ ней коридоры и даже лѣстница были набиты народомъ. Пѣвчіе помѣщались не на клиросѣ, который былъ малъ, а на особо устроенной эстрадѣ, отгороженной перилами, у задней стѣны церкви, такъ какъ входныя двери были устроены въ боковой стѣнѣ.

Большой хоръ занималъ всю эстраду, выстроенный на ней рядами въ полукругѣ, какъ на сценѣ. Впереди, вытянувшись, какъ игрушечные солдатики, стояли мальчики въ сѣрыхъ курточкахъ, а позади нихъ въ два ряда видѣлись взрослые пѣвчіе: справа тенора, франтоватый народъ, а слѣва басы, огромные, мрачные люди, съ густыми гривами до плечъ; а на заднемъ планѣ, въ тѣни, видны были фигуры людей съ длинными окладистыми бородами.

Около перилъ, передъ иконой, стоялъ толстый и лысый купецъ, лѣтъ пятидесяти, съ окладистой сѣдовой бородой и суровымъ взглядомъ, одѣтый въ черный длиннополый сюртукъ и высокіе лакированные сапоги. Это былъ Понедѣльниковъ. Между купцомъ и иконой сіялъ тяжелый серебряный подсвѣчникъ, уставленный множествомъ восковыхъ свѣчей. Рядомъ съ Понедѣльниковымъ стоялъ регентъ, человѣкъ съ типичнымъ малорусскимъ лицомъ, съ очень длинными свѣщенными внизъ усами, съ чубомъ на круглой стриженной головѣ и серьезнымъ взглядомъ, въ глубинѣ котораго свѣтился скрытый юморъ.

— Ну, что жъ, пріѣхалъ новый октавистъ?—спросилъ Понедѣльниковъ.

Регентъ шевельнулъ однимъ усомъ.

— Пріѣхалъ. Пробовалъ. Голосъ большой,—отвѣчалъ онъ съ разстановкой, точно каждое слово его было золотое и онъ взвѣшивалъ его на рукѣ.

— Выстоять противъ Томашевскаго?

— Сильнѣе. Мѣдный голосъ.

— Ну-у? Изъ какихъ онъ? Чай, изъ духовныхъ?

— Нѣтъ, изъ простыхъ. Въ уѣздномъ городѣ пѣлъ. Знаетъ еще плохо, но голосъ—такихъ октавъ я давно не слышалъ!

— Если выстоять супротивъ Томашевскаго,—красную дамъ ему на чай!

— Нѣтъ, не балуйте ихъ этимъ. А то вѣдь... гнать придется.

— Ну, вотъ еще! Все равно; пьяница, чай?

— Нѣтъ. Говорить, ѣе пить.

— Гдѣ ужъ, чай, не пить?..

Въ церкви становилось жарко отъ тѣсноты, огня мелкихъ свѣчей и пылающаго вверху паникадила. Темные, старинные лики иконостаса смотрѣли сурово на густую, нарядную толпу. Ея сдержанный гулъ, шелестъ платьевъ, покашливанье и шумъ толкотни смѣшивались съ трескомъ свѣчей и позвякиваньемъ раздуваемаго кадила. Съ улицы глухо доносился трезвонъ колоколовъ. Пахло ладаномъ, топленымъ воскомъ и человѣческимъ потомъ.

Зашуршала и отдернулась завѣса царскихъ дверей, на амвонѣ медленно вышелъ сутуловатый и приземистый протодіаконъ въ бѣлой серебряной ризѣ. Его длинные и тяжелые волосы лежали по плечамъ и спинѣ. Сѣдые, какъ лунь, они казались тоже серебряными.

Онъ помолился, всталъ противъ царскихъ дверей и, поднимая орарь, провозгласилъ слегка сиповатымъ, но могучимъ голосомъ:

„Бла-го-сло-ви, вла-ды-ко-о-о!“

Всенощная началась.

Регентъ стоялъ во главѣ всего хора. Онъ строго поводилъ по сторонамъ блестящими глазами, требуя вниманія. Видъ у него былъ торжественный и суровый. Онъ похожъ былъ на Святослава передъ боемъ или запорожскаго гетмана: длинные усы его свирѣпо шевелились, чубъ на стриженной головѣ всталъ, ноздри горбатаго носа раздулись. Онъ величественно поднялъ руки.

„Аминь!“ — началось нѣжнымъ аккордомъ, разрослось, расширилось и стихло, закончившись замѣчательно густымъ и приятнымъ звукомъ серебристой октавы.

Этимъ красивымъ голосомъ пѣлъ самый молодой изъ басовъ. Высокій, стройный, съ бѣлымъ, интеллигентнымъ лицомъ, съ небольшими усиками, юноша лѣтъ двадцати-пяти, онъ былъ одѣтъ приличнѣе всѣхъ, и благообразное лицо его рѣзко выдѣлялось изъ кучи хохлатыхъ головъ, длинныхъ бородъ и опухшихъ фи-

зіономіі. Его мягкій голосъ затушевываль всѣ шероховатости и мелкіе недостатки хора, объединяя всѣ звуки въ одно цѣлое, въ круглый и густой аккордъ:

Почти въ половинѣ всеищной на эстрадѣ изъ боковой двери появился Захарычъ. Онъ былъ въ плотно-застегнутомъ казине-товомъ „пеньжакѣ“ и кожаныхъ мужицкихъ сапогахъ. Кудрявые волосы, перевитые сѣдиной, лежали вѣнкомъ на его широкой головѣ. Онъ, истово перекрестился на иконы и вопросительно взглянулъ на регента. Тотъ, молча, указаль ему мѣсто рядомъ съ молодымъ октавистомъ, и Захарычъ скромно всталъ къ стѣнкѣ.

На амвонѣ, далеко отъ хора, говорили ектенію, чуть слышно доносились возгласы священника, тихо звякало кадило и вся церковь была полна робкаго шороха. Отъ копоти и ладана стоялъ туманъ надъ головами молящихся; съ ярко-освѣщенной эстрады трудно было различить въ этомъ туманѣ плотную толпу народа: она только шевелилась, гудѣла, вздыхала и казалась вся однимъ существомъ, которое, наполняя собою церковь, дышала одною грудью, однимъ дыханіемъ. Хоръ однообразно гудѣлъ „Господи помилуй“ и, какъ отзвукъ послѣ удара въ колоколъ, струилось „луй“ молодого октависта. Захарычъ молчалъ. Онъ съ удовольствіемъ слушалъ это стройное, равномерное пѣніе. Голоса звучали свободно и легко, никто не жилился и не выходилъ изъ себя. Миловидные дисканта пѣли нѣжно и умильно, тенора мягко сливались съ ними, у басовъ не было грубости, и весь хоръ, ясно выговаривая печальныя и красивыя слова, открываль Захарычу какую-то особенную, тонкую красоту. Молодой октавистъ умѣлъ пускать свой львиный ревъ такъ благородно и мягко, что хотѣлось подойти и расцѣловать его за то, что у него такой бархатный, маслянистый и влажный голосъ.

Заслушался Захарычъ хорошаго пѣнія и не рѣшался показать силу своего голоса. Стѣсняла его и публика, наполнявшая церковь: виднѣлись фигуры барынь, господъ и купцовъ, а простого народу совсѣмъ не было.

Но вотъ регентъ поглядѣлъ на него и шевельнулъ длиннымъ усомъ. Захарычъ началъ подпѣвать. Голосъ его своимъ колокольнымъ рокотомъ, какъ звонъ огромныхъ мѣдныхъ струнъ, тотчасъ же отдѣлился отъ мягкаго голоса его соперника. На общемъ нѣжномъ фонѣ хора гудѣніе Захарыча выступило металлически ясно, точно лилось оно изъ мѣдной груди. Тогда его соперникъ сталъ пѣть сильнѣе, но и Захарычъ, осмѣлившись, загудѣлъ, какъ машина. Они тянули „луй“ все время, пока диаконъ читаль, и тотчасъ же начиналось новое „Господи помилуй“:

„Св. Анна“.—Рисунокъ Винчи. (Подлинность оспаривается).

ни одинъ не хотѣлъ кончить раньше другого. Голоса ихъ подавляли хоръ и рокотали, вторя хору, какъ большіе колокола.

Началось состязаніе.

Купецъ Понедѣльниковъ и еще нѣсколько толстыхъ купцовъ перестали молиться и, обернувшись къ хору, смотрѣли, не сводя глазъ съ октавистовъ, да и весь остальной народъ съ напряженнымъ любопытствомъ слушалъ эти потрясающіе звуки. Изъ-за ихъ „луй“ не было слышно ни ектеніи діакона, ни возгласовъ священника, ни пѣнія хора. Это уже было не хорошо, но регентъ самъ увлекся ихъ борьбой и не запрещалъ имъ ревѣть, какъ двумъ бодающимся буйволамъ.

А они стояли рядомъ и, косясь другъ на друга, рылись въ низкихъ рокочущихъ звукахъ. Одинъ, молодой, красивый, закинулъ голову кверху и выставилъ громадный двойной кадыкъ, а другой, безобразный, широкій, уперся подбородкомъ въ широкую, выпуклую грудь и поводилъ исподлобья большими глазами.

Груди ихъ, высоко подымаясь, работали, какъ кузнечные мѣхи. Въ воздухѣ, лишенномъ резонанса, голоса ихъ, охвативъ другъ друга, густою волной носились надъ толпой людей и доски эстрады гудѣли подъ ногами борцовъ, какъ верхняя дека огромнаго контрабаса. Голосъ Захарыча былъ сильнѣе, но соперникъ его имѣлъ передъ нимъ другія преимущества: хитрость и ловкость. Онъ давалъ Захарычу выпустить половину силы и какъ будто уступалъ, но въ концѣ вдругъ обнаруживалъ всю свою силу и обрушивался на Захарыча.

Ектенія кончилась, прервавъ на минуту борьбу. Регентъ задалъ новый тонъ, и хоръ запѣлъ быстрое и радостное „Воскресеніе Христова видѣвше“. Соперникъ Захарыча игралъ своей октавой, какъ мячикомъ, упруго и легко перескакивая съ ноты на ноту, точно въ струны ударялъ, а Захарычъ не могъ за нимъ поспѣвать и сердился на самого себя. Чувствуя превосходство свое въ силѣ, онъ завидовалъ умѣнью врага и его обижало сознание бесполезности силы. Неужто здѣсь, въ городѣ, не сильный побѣждаетъ, а ловкій? И плотникъ ощутилъ въ себѣ раздраженіе противъ городскихъ тонкостей...

Началось тягучее, тихое пѣніе „ирмосовъ“, все основанное на октавѣ. Захарычъ твердо зналъ эти ирмосы и рѣшился сломить своего увертливаго противника. Ирмосы, то стихая, то расширяясь, лились и пѣли, какъ волны.

„Ты мой Богъ... Ты мое радованіе...“

колокольчиками звенѣли тенора и дисканты и плыли, качаясь, на широкой басовой волнѣ, разливались все шире, стано-

вились сильнѣе, точно приближался величавый девятый валь... Захарычъ глубоко вздохнулъ и набралъ въ грудь воздуху, и приготовился, сердито нахмутивъ брови.

Вотъ регентъ величественно развелъ руками, повернулся лицомъ къ октавистамъ и, наступая на нихъ, задержалъ бушующій, широкій аккордъ:

„Ца-а-ррь...“

Оба октависта раскрыли свои глотки и наполнили душную церковь львинымъ ревомъ. Гребень высоко поднявшейся волны звуковъ обрушился и разлился съ грохотомъ и звономъ. Захарычъ надулся, короткая шея покраснѣла, пуговицы ворота у его рубашки отлетѣли, и выпустилъ изъ груди цѣлый вихрь густыхъ и бурныхъ звуковъ. Эта волна, какъ порывъ бури, всколыхнула весь воздухъ, поглотила въ себя хоръ и раздавила хрустальную октаву молодого человѣка.

„И Го-спо-одь...“

затихалъ хоръ уже безъ октавъ. Оба они, измученные, остановились и тяжело дышали. Потъ струился по ихъ лицамъ. Купцы съ восторгомъ смотрѣли на Захарыча и готовы были ему аплодировать: онъ „заглушилъ“,—значить состязаніе было кончено.

Послѣ всеобщей, когда народъ съ шумомъ повалилъ изъ церкви, Понедѣльниковъ подошелъ къ периламъ эстрады и громко сказалъ регенту:

— Новаго прими и Томашевского не увольняй: пуцай оба ржутъ.

А потомъ добавилъ, усмѣхнувшись и протягивая двадцать пять рублей:

— Вотъ это имъ!.. на овесь!

III.

Захарычъ вступилъ въ жизнь, для него совершенно незнакомую. Онъ еще никогда не жилъ въ большомъ городѣ и не встрѣчался близко съ городскими людьми. Теперь пришлось знакомиться и сталкиваться съ ними. Но пѣвчіе были самый разношерстный народъ, и примѣниться къ нимъ было трудно. Нѣкоторые, какъ Томашевскій, высматривали господами, другіе имѣли видъ пропойць, третьи были похожи на мастеровыхъ. И всѣ они много пили водки, а Захарычъ совсѣмъ ея не пилъ и поэтому чувствовалъ себя чужимъ въ ихъ обществѣ. Ихъ рѣчи, мнѣнія, поступки и образъ жизни—все удивляло Захарыча.

Однажды послѣ обѣдни регентъ строго провозгласилъ на клиросѣ:

— Завтра къ семи часамъ на Купеческую улицу! Не опаздывать!

У всѣхъ пѣвчихъ, какъ у большихъ, такъ и у маленькихъ, просвѣтлѣли физиономіи, точно имъ сказали что-то пріятное.

— Что это будетъ завтра?—спросилъ Захарычъ Томашевского.

— Похороны!— смѣясь, отвѣчалъ тотъ.— Доходъ! Богъ покойничка послалъ!

— Плохо мрутъ нынче хорошіе-то люди!—поддержалъ разговоръ запьянцовскій тенорокъ съ очень смѣшной физиономіей и вертлявый, какъ обезьяна.— Годъ плохой-съ! Не мрутъ богатые-то, а такъ, шваль разная дохнетъ! Изъ рукъ вонъ плохъ нынѣшній годъ-съ!

Тутъ онъ сдѣлалъ мечтательную физиономію и продолжалъ сладкимъ голосомъ:

— Ахъ, въ прошлый сезонъ какіе покойнички-то были!—Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ.— Антикъ муаръ съ гвоздикой-съ! Купцы какіе хорошіе мерли, помѣщики... прелесть! Пѣвчіе, бывало, послѣ похоронъ и напьются, и подерутся, все какъ слѣдуетъ, честь честью! А теперь-съ?

— Ржавчина!—строго рявкнулъ на него бась величественной наружности и съ цѣлой охапкой кудрявыхъ волосъ на головѣ.— Какая у тебя скверная теноровая привычка болтать много словъ. Васъ, теноровъ, нужно бить уже за одно то, что вы тенора.

Онъ сверкнулъ на Ржавчину презрительнымъ взглядомъ и спросилъ его октавой:

— Кого хоронимъ?

— Не знаю-съ, Илья Николаевичъ!—съ притворной робостью отвѣчалъ Ржавчина.

— Ну, кого—это наплевать! А за сколько?

— Увы, Илья Николаевичъ, за двадцать и трешницу на чай!..

Илья Николаевичъ энергично плюнулъ.

— Сволочь!—пробурчалъ онъ, вѣроятно, по адресу покойника.

На другой день послѣ заупокойной обѣдни изъ церкви парно, длинной вереницей выходилъ весь хоръ, потрясая воздухъ могучими раскатами похороннаго пѣнія.

„Свя-ты-ый Б-о-же!“—гремѣли басы, звенѣли тенора и заливались дисканты, а Захарычъ съ Томашевскимъ замыкали шествіе и ревѣли октавой.

Рѣдкіе и грустные удары колокола, медленно падая съ коло-

кольные, сливались съ пѣніемъ хора. Черезъ минуту процессія вытянулась по площади. Впереди хора несли крышку гроба, а сзади, на нѣкоторомъ разстояніи, медленно двигался печальный катафалкъ, сопровождаемый мрачными людьми въ черныхъ плащахъ, толпой народа и вереницей экипажей. За хоромъ шли священникъ и діаконъ въ ризахъ, надѣтыхъ поверхъ шубы.

Былъ холодный зимній день, солнце ярко сіяло, и пѣвчіе, поднявъ воротники и обвязавъ уши платками и шарфами, безъ шапокъ медленно шли по дорогѣ, утапывая искрившійся и хрустѣвшій снѣгъ. Они пѣли, широко раскрывая ротъ, а изо рта клубился паръ, осѣдая инеемъ на усахъ и бородахъ. Прохожіе съ любопытствомъ останавливались посмотрѣть на процессію, почтительно обнажая головы. Пѣвчіе были очень весело настроены. Въ промежуткахъ между пѣніемъ они разговаривали о своихъ дѣлахъ, пересмѣивались, рассказывали анекдоты.

— Сказали ему, понимаешь ли ты, что въ этомъ домѣ хозяинъ умираетъ, умеръ ли... Вотъ онъ и стучитъ въ окно: „Хозяюшки!“ А у окошка сидитъ старичокъ. „Тебѣ чего?“— „Да у васъ, я слышалъ, покойничекъ есть, царство ему небесное, а я регентъ. Не надо ли хоръ?“— „Нѣтъ,—отвѣчаетъ старичокъ,—не надо: мнѣ, слава Богу, полегче“.

— Хе-хе-хе! Вотъ налетѣлъ-то!

„Свя-ты-ый Б-бо-же!“—гудитъ опять хоръ. Веселый разговоръ прерывается. Рыдающіе похоронные аккорды далеко несутся въ морозномъ воздухѣ.

Захарычъ шелъ вмѣстѣ съ другими, ревѣлъ, слушалъ разговоры пѣвчихъ и чувствовалъ странную, непривычную неловкость отъ этого смѣшенія печали и смѣха.

По дорогѣ процессія остановилась у огромнаго дома, около котораго былъ выставленъ столъ для литіи. Завидя столъ, басистый діаконъ, съ окладистой черной бородой и широкой грудью, еще на ходу началъ служить литію. Онъ служилъ самодовольно, заученными пріемами пуская красивыя ноты и красиво отчеканивая слова:

„О блаженномъ успеніи-и...
И вѣчный поко-ой...
Пода-а-аждь, Госпо-ди...
Усопшему рабу Твоему...
Въ-ѣ-вѣчну-ю па-мять“.

Послѣднее слово онъ съ удовольствіемъ пустилъ внизъ. Хоръ торопливо подхватилъ:

„Вѣчна-я па-а-мять...“

Когда процессія приблизилась къ воротамъ кладбища, ее

встрѣтили печальными ударами колокола, а въ самыхъ воротахъ уже стоялъ маленькаго роста священникъ въ черной ризѣ и съ дымящимся кадиломъ въ рукѣ. Лицо у него было чрезвычайно ласковое и привѣтливое. Рядомъ съ нимъ стоялъ кладбищенскій диаконъ, высокій и мрачный, весь заросшій волосами.

Едва ласковый священникъ завидѣлъ покойника, какъ залился тончайшимъ теноркомъ, гостепріимно помахивая дымящимся кадиломъ. Диаконъ угрюмо вторилъ ему грубымъ, какъ бы желѣзнымъ, басомъ. Пѣвчіе смолкли, покойника поставили въ воротахъ, а веселый кладбищенскій священникъ привѣтствовалъ его, заливаясь, какъ соловей, и благодушно помахивая кадиломъ. Казалось, что онъ былъ очень радъ новому гостю и очень хлопоталъ о томъ, чтобы доставить ему всевозможныя пріятности.

Процессія двинулась далѣе, по узкой дорожкѣ, мимо огороженныхъ памятниковъ, крестовъ и могильныхъ плитъ.

У свѣжей могилы затихли послѣдніе звуки хора. Гробъ опустили въ яму, слышались глухіе удары земли о гробовую крышку. Кто-то зарыдалъ тѣмъ надрывающимъ душу рыданіемъ, которое можно слышать только на могилахъ. Помощникъ, замѣнявшій регента, торговался съ распорядителемъ похоронъ.

— Прибавьте „на чай“ пѣвчимъ!.. Холодно!.. Люди устали...

— А почему мальчиковъ было меньше, чѣмъ обѣщали?

— Помилуйте, всѣ на-лицо!

Пѣвчіе стояли въ сторонѣ, надѣвая шапки на заиндевѣлыя головы и разминая застывшіе члены.

— Эхъ, водки бы теперь!—говорилъ Томашевскій, ежась въ своемъ коротенькомъ пальто,—весь застылъ!

— Проклятое ремесло!—сказалъ кто-то.

Помощникъ регента получилъ деньги и направился къ воротамъ. За нимъ потянулся хоръ. Мальчики бѣжали вприпрыжку и дули въ озябшіе кулаки. Вскорѣ весь хоръ -- и взрослые, и дѣти—вошли въ „Россію“, трактиръ, ближайшій къ погосту.

Тамъ, кряхтя и звучно откашливаясь, они усѣлись за длинный столъ и потребовали себѣ чаю, водки. За сосѣднимъ столомъ размѣстились румяные озябшіе мальчуганы и уже набросились на чай и булки.

Когда всѣ выпили по двѣ рюмки, хохлатый басъ Илья Николаевичъ вынулъ записную книжку, взялъ карандашъ и сказалъ внушительно:

— Ну-съ, господа! Деньги по рукамъ! Сколько положить Захарычу?

Пѣвчіе замялись.

— Положить ему, какъ хорошему октависту! — уклончиво сказалъ кто-то.

— Да сколько? Томашевскій получаетъ восемь процентовъ. Я кладу Захарычу столько же. Никто не имѣетъ противъ?

— Клади!—загудѣлъ хоръ.— Ничего!.. имъ поровну можно получить.

Илья Николаевичъ выпилъ водки и углубился въ составленіе раскладки. Появилась новая бутылка. Загудѣлъ разговоръ. На одномъ концѣ стола говорили одно, на другомъ другое. Изрѣдка вырывались громкія восклицанія, сказанныя басомъ или теноромъ.

— Эхъ ты, жизнь! Изъ церкви въ кабакъ, изъ кабака въ церковь.

— Такая ужъ наша судьба, чтобы, знѣчить, пѣть и пить.

— А бутылка-то опять пуста! — прищелкнувъ языкомъ и смѣшно прищурясь, вскричалъ Ржавчина. — Захарычъ, не желаете ли вы обмыться?

Тогда весь хоръ загудѣлъ.

— Надо, надо! Надо обмыть октаву! Съ поступленіемъ! Слѣдуетъ поклепать!

— Что жъ!—отвѣчалъ Захарычъ, почесавъ затылокъ. — Я поставлю,—только самъ-то я не пью.

— Ты не пей, а насъ угости!

Илья Николаевичъ поднялъ кудластую голову и уставился на Захарыча.

— Не пьешь?—строго спросилъ онъ его.

— Не пью.

— Не хорошо. Слѣдуетъ пить, ибо непьющихъ октавистовъ не бываетъ.

И опять углубился въ раскладку.

— Эхъ, Ирлюша!—раздался картавый и задушевный басъ.— Не соврлащай, брлать, одинаго отъ малыхъ сихъ. Сопьется и безъ насъ въ силу судьбы.

— Ну, ну, Петръ Иванычъ, не скули! Святая душа! — Смягчаясь, бурчалъ Илья Николаевичъ.

Захарычъ невольно посмотрѣлъ на картаваго Петра Иваныча. Этотъ басъ всегда былъ немножко пьянъ, даже рано утромъ, до обѣдни. Онъ былъ очень высокъ и страшно худъ. Любовь у него былъ большой, съ заливами, лицо некрасивое, острое книзу, но глаза смотрѣли по-дѣтски ясно. Пѣвчіе относились къ нему какъ-то особенно: съ уваженіемъ, съ любовью и въ то же время снисходительно, какъ къ ребенку. Захарычу почему-то захотѣлось поговорить съ Петромъ Иванычемъ. Онъ спросилъ пѣв-

чимъ бутылку водки и подсѣлъ къ нему. Съ Петромъ Иванычемъ сидѣлъ и Томашевскій, который держалъ себя неприступно и гордо.

Мальчики ушли, получивши свою часть изъ дохода. Пѣвчіе звенѣли деньгами. То и дѣло появлялись новыя бутылки. Всѣ говорили разомъ, и звукамъ голосовъ вторилъ звонъ рюмокъ и бутылокъ.

— Ты изъ какихъ, братъ? — спросилъ Петръ Иванычъ Захарыча, поймавъ его внимательный взглядъ.

— Плотники мы... Ну, сбили меня въ пѣвчіе. Два года пѣлъ въ Бугурусланѣ и плотничалъ. А теперича, значить, работу порѣшилъ... Пою. Говорять про меня, коли Богъ далъ ему талантъ, то, значить, и быть ему надо въ хору: пушай люди слушаютъ.

— А семья-то у тебя гдѣ?

— Семья у меня всегда въ деревнѣ живетъ. Потому, какъ я съ артелью по всему уѣзду ходилъ...

Захарычъ былъ очень радъ, что, наконецъ, встрѣтилъ чело-вѣка, которому можно рассказать о своей семьѣ, о деревнѣ.

— Талантъ! — воскликнулъ Петръ Иванычъ, и грустная, прекрасная улыбка освѣтила его некрасивое лицо.

— Талантъ! Правда твоя, — онъ обязываетъ тебя быть въ хору, но смотри, братъ, береги его: здѣсь омутъ.

Онъ окинулъ трактиръ своимъ особеннымъ, грустнымъ взглядомъ и повторилъ:

— Да, братъ, омутъ!

Томашевскій улыбнулся и заговорилъ:

— Все ты врешь, Петръ Иванычъ. Что здѣсь за омутъ? Здѣсь трактиръ для порядочныхъ людей, которые трудятся, устаютъ и зябнутъ на морозѣ, а отдыхаютъ и веселятся только въ кабакѣ. Сволочь сюда не ходитъ, — стало быть, только здѣсь и можно отдохнуть душой порядочному чело-вѣку.

Томашевскій говорилъ не октавой, а теноромъ, точно октава была у него только для пѣнія.

— Эхъ, Саша! — задушевно воскликнулъ Петръ Иванычъ. — Понимаю я тебя: хорошій здѣсь народъ пьетъ, да вѣдь жизнь-то какая? Пьяная жизнь, со святыми упокой, аминь, и ку-ку!

— Полный ходъ! — сказалъ Томашевскій и влилъ въ себя огромную рюмку водки. Отъ водки его бѣлое породистое лицо разурмянилось; по красивому, словно выточенному, лбу расплывалось розовое пятно, похожее на облако. Лицо приняло возбужденное выраженіе, и казалось, будто что-то неожиданно загорѣлось въ этомъ чело-вѣкѣ.

— Омуть не здѣсь, — упрямо сказалъ онъ, коснувшись октавной ноты, словно слегка стукнулъ по барабану.

Томашевскій взволнованно выпилъ еще, всталъ и зарычалъ своей октавой, какъ левъ, и злобно выругался.

— Саша, милый! — обнимая его, утѣшающимъ голосомъ говорилъ Петръ Иванычъ. — Брось, не растравляй себя, выпьемъ! Ты думаешь, сдѣлать человѣкъ подлость, такъ ужъ онъ весь насквозь мерзавецъ. А онъ на другой день возьметъ да геройскій подвигъ и совершитъ. Стало быть, нѣтъ ни плохихъ людей, ни хорошихъ, а есть просто человѣкъ, въ которомъ все перепутано: и добро, и зло. Жизнь горька вездѣ.

— Ахъ, не то все ты говоришь! — вскричалъ Томашевскій, наливая въ обѣ рюмки.

— Эхъ, мужичище! — вдругъ обратился къ Захарычу Петръ Иванычъ. — А зачѣмъ ты деревню бросилъ и въ городъ приперъ? Тоже своихъ бросилъ? Ты къ нашимъ, а мы къ вашимъ! И въ семь самомъ кабакѣ происходитъ сліяніе интеллигенціи съ народомъ. То есть — интеллигенція это мы съ Томашевскимъ, а народъ — ты! Понялъ?

— Понялъ! Оно вѣрно!.. Я — мужикъ... — отвѣчалъ Захарычъ.

Кабакъ шумѣлъ и гудѣлъ. Пѣвчіе были уже на половину пьяны и пѣли хоромъ. Пьяный Ржавчина стоялъ передъ столомъ съ сіяющей фізіономіей и управлялъ хоромъ, разводя руками и перебирая пальцами.

„Ты взойди-ка, взойди!..“

запѣвалъ онъ на весь трактиръ хорошимъ, звонкимъ теноромъ, а хоръ подхватилъ, расширяясь и выростая:

„Солнце кра-а-сно-е...“

Басы перекатывались волной и разсыпались брызгами. Тенора такъ и плакали, такъ и выливали всю душу.

„Надъ горою-взойди надъ висо-о-о...“

зазвенѣлъ опять голосъ Ржавчины, а хоръ дружно подхватывалъ и разливался:

„Надъ високою, надъ дубравою, взойди надъ зеленою...“

Пѣсня вызывала въ воображеніи привольную волжскую картину: раннее утро надъ спокойной, зеркальной рѣкой, зеленя горы, поросшія кудрявымъ лѣсомъ, а изъ-за горы выходитъ багряное утреннее солнце, и розовые лучи скользятъ по мокрой травѣ и спокойной рѣкѣ, и пахнетъ росой, и воздухъ свѣжъ, а съ рѣки поднимается прозрачный голубоватый туманъ. А по песку идутъ озябшіе, измученные люди.... Захарычу тотчасъ же

представилась эта любимая, родная картина, и дымный кабакъ на минуту исчезъ передъ его глазами.

— Пусть наша жизнь,—грѣмѣль голосъ Томашевскаго,—страданіе непонятыхъ сердець, пускай. Кричите громче, пойте! Будемъ громко пѣть о горькой нуждѣ и о томъ, что люди несчастны. Я спою и о томъ, какъ идемъ мы къ погибели оттого, что мы артисты, а не жулики, оттого, что у насъ не умерла душа, и мы еще можемъ чувствовать и пѣть, искренно веселиться и искренно плакать! Отъ этого мы идемъ къ погибели.

„Мы не сами-то идемъ...“

звонко и размашисто запѣвалъ Ржавчина съ отчаянной удалью, потряхивая волосами, а хоръ, заглушая трактирный гамъ, звонъ посуды и щелканье бильярдныхъ шаровъ, загудѣлъ, какъ вѣтеръ, стихійно и неудержимо:

„Насъ нужда-а ве-детъ...“

Басы прокатились волной и разсыпались влажными брызгами, унося куда-то вдаль жалобные теноровые звуки:

„Нужда го-орь-ка-я...“

IV.

Пѣвческія „похороны“ затянулись до поздней ночи. Захарычъ долженъ былъ вести домой вдребезги пьянаго Петра Иваныча и заночевать у него. Петръ Иванычъ, Илья Николаевичъ, Ржавчина и нѣкоторые другіе, всѣ одинокіе, жили вмѣстѣ и представляли изъ себя одну колонію.

Когда Захарычъ проснулся, то увидѣлъ такую картину.

Въ неприглядныхъ комнатахъ деревяннаго флигелька было грязно, неубрано, голо и бѣдно. Солнце тускло свѣтило сквозь замерзшія окна, блѣдными и грустными лучами освѣщая сонное царство пьяныхъ. Всѣ спали въ тѣхъ позахъ, въ какихъ были захвачены хмѣлемъ. Ноги Ржавчины лежали на креслѣ, а голова на полу, прикасаясь къ длиннымъ ногамъ Петра Иваныча. вытянутымъ изъ-подъ стола. Ржавчина приподнялся, сѣлъ. встряхнулъ всклокоченной головой, посмотрѣлъ на спящихъ, нюхнулъ носомъ и состроилъ рожу. Природа надѣлила его чрезвычайно уморительной фізіономіей, со вздернутымъ и загнутымъ кверху носомъ, такой подвижной отъ вѣчнаго гримасничанья, что другой теноръ, Ивановъ, толстый и молчаливый человѣкъ съ красивымъ и скучающимъ лицомъ, проснувшійся на сундукѣ, звонко разсмѣялся.

Весь полъ занимала гигантская фигура Ильи Николаевича.

Онъ спатъ на спинѣ, раскинувъ могучія руки, разметавъ свою великолѣпную гриву.

Кругомъ валялись груды ноть, разбитая гитара, скрипка въ старомъ футлярѣ, пустыя пивныя бутылки; подъ кроватью виднѣлась корзина изъ-подъ пива. Въ комнатѣ было холодно, а углы ея промерзли.

Ржавчина подмигнулъ Захарычу на спящаго баса и сказалъ съ ужимкой:

— Извергъ рода человѣческаго!

— Мастодонтъ! — подтвердилъ Ивановъ. Не пора ли его будить, Ржавчина?

Ржавчина, приплясывая, осторожно потрясъ мастодонта за могучее плечо.

Раздалось громкое рычаніе.

Ржавчина благоразумно отскочилъ въ сторону и сказалъ, пожимаясь:

— Нѣтъ еще, не пора-съ: убьетъ!

Проснулся Петръ Иванычъ, прогудѣлъ: „что за чортъ!“ и вылѣзъ изъ-подъ стола; молча запустилъ руку въ пивную корзину, нащупалъ тамъ бутылку съ пивомъ, привычнымъ ударомъ объ ладонь вышибъ пробку и сталъ тянуть пиво изъ горлышка.

Ржавчина вытащилъ корзину: тамъ остались только двѣ бутылки. Онъ сдѣлалъ кислую мину и тоже откупорилъ бутылку, слѣдуя примѣру Петра Иваныча. Пиво соблазнительно забулькало. Илья Николаевичъ издалъ протестующее рычаніе.

— Ржавчина, пора! — сказалъ Ивановъ, зѣвая.

Ржавчина допилъ пиво, скорчилъ рожу и, наклонясь надъ басомъ, закричалъ ему въ ухо изо всей силы:

— Илья Николаевичъ! Зе-мле-тря-се-ніе!..

Басъ пробормоталъ сквозь сонъ:

— Пшоль! Разбуди, когда дойдетъ до нашего квартала!

Ржавчина посмотрѣлъ на всѣхъ съ плачевной фізіономіей.

— По-жа-аръ! — закричалъ онъ въ ухо раздрающимъ душу голосомъ.

— Наплевать! — мычалъ басъ.

Ржавчина подмигнулъ всѣмъ и опять закричалъ въ ухо:

— Илья Николаевичъ! Вы пиво пьете?

И отскочилъ, приплясывая.

Басъ медленно простеръ свою длань, чтобы схватить назойливаго, потомъ открылъ глаза, приподнялся на локоть, встряхнулъ охапкой спутанныхъ волосъ, зѣвнулъ, какъ левъ, и сказалъ съ мрачнымъ видомъ:

Давай!

Ржавчина съ проницескимъ подобострастїемъ, гримасничая и кривляясь, какъ обезьяна, подалъ басу бутылку пива. Илья Николаевичъ выпилъ ее единымъ духомъ и опять растянулся на полу.

— Водка есть?—спросилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

Ржавчина подскочилъ къ нему.

— Была-съ, Илья Николаевичъ, да вы сами ее вчера выпили

— Не твое дѣло! Знаю. А почему не позаботился достать?

— Кто жъ это обязанъ вамъ водки доставать?

— Ржавчина!—возвысилъ свой басъ Илья Николаевичъ,—попадешься ты мнѣ подъ руку съ похмѣлья! Вотъ встану сейчасъ и изуродую.

Ивановъ смѣялся про себя и говорилъ тихонько Захарычу:

— Вотъ каждое утро у нихъ эта комедія бываетъ! Ты не подумай, что это они серьезно. Боже упаси! Они жить одинъ безъ другого не могутъ,—закадычные друзья, а такъ себѣ—роли разыгрываютъ.

Ржавчина стоялъ отъ баса на приличномъ разстояніи и говорилъ съ ужимкой:

— Ужъ я вашъ характеръ знаю-съ. Илья Николаевичъ: не встанете!

Лѣнивый басъ, дѣйствительно, не пожелалъ встать для избіенія тенора, а только выругался.

— Обезьяна какая!—ворчалъ онъ.—И на кой чортъ тенора на свѣтѣ бываютъ? Всѣ они глупые!

— Ну, и вы, басы, тоже...

— Молчать! Всѣ вы мошенники!

— А вы шарлатаны!

— А вы козлы!

— А вы...

— Ржавчина! Убью! Нѣтъ, встану сейчасъ и убью эту самую Ржавчину!.. Сдѣлаю доброе дѣло!—Басъ приподнялся на локоть.

— Погоди убивать!—подалъ реплику Ивановъ,—быть можетъ, онъ водки достанетъ. Нехай поживетъ! Убить всегда успѣешь.

Басъ опять легъ и, зѣвая, произнесъ медленно и равнодушно, тономъ помилованія:

— И то... нехай!.. а—а... поживетъ! Клоунъ проклятый!

Слово „клоунъ“ задѣло Ржавчину.

— Что жъ, подскочилъ онъ,—я, дѣйствительно, служилъ въ циркѣ клоуномъ. И кондитеромъ былъ. Да-съ. А вотъ вы-то кто-съ?

— Я?—равкнулъ басъ, опять поднимаясь на локоть. Ахъ ты.

Ржавчина. Я—студентъ, я—пѣвецъ, а ты—нигиль, шуть гороховый. Сравнилъ себя со мной. Ха-ха-ха!

Онъ театрално расхохотался.

— Илья Николаевичъ, вѣдь и я пѣвецъ. Я въ оперѣ пѣлъ, а вы не пѣли.

— Что жъ, не пѣлъ, а знаю больше твоего.

— Вотъ и не знаете. Пропойте-ка „Въ старину живали дѣды...“

— „Въ старину живали дѣды“? Ну, положимъ, я этого старья не пою... А ты-то самъ знаешь ли?

— Я знаю-съ. Хотите, спою?

— А ну!

Ржавчина усѣлся на кровати, сложилъ ножки калачикомъ, „пригорюнился“, какъ-то по-бабьи подперевъ щеку рукой, и запѣлъ на мотивъ народной пѣсни:

„Въ ста-ри-ну жи-ва-ли дѣ-ѣ-ды...“

Эхъ! Ве-се-лъ-ѣй своихъ внучать...“

— Дуракъ!—остановилъ его басъ.—Это „Не бѣлы снѣги“. Не смѣй у меня паясничать, когда я съ похмѣлья. Эхъ! Какъ трещить главизна. Хоть бы полмѣшка соорудить.

— Что толку въ этакой малости?—возразилъ Ржавчина.—Полмѣшкомъ только вы поправитесь, а намъ и понюхать не останется. Надо всю академію опохмѣлить, да и Захарычъ, можетъ быть, выпьетъ. Вы, Илья Николаевичъ, только о себѣ заботитесь.

— Обо мнѣ хлопотать нечего,—вѣжливо сказала Захарычъ тяжелыми шагами прохаживаясь по комнатѣ,—вина я совсѣмъ не пью, а посидѣть съ вами, посижу. Чудно вы живете. Хе-хе-хе!

И онъ размѣялся груднымъ и медленнымъ смѣхомъ. Домашняя жизнь пѣвчихъ занимала его.

— Да, братъ, мы чудно живемъ,—картаво отозвался Петръ Иванычъ, — деньги пропиваемъ, за квартиру не платимъ, а хозяйка печку намъ не топить и насъ вымораживаетъ.

— Странная женщина, — пожалъ плечами Ржавчина.

— О, чертъ!—рычалъ на полу Илья Николаевичъ.—Какъ бы осмыслить внутренній полушубокъ?

Плохо вы мыслите, Илья Николаевичъ!—задирать его неугомонный Ржавчина.

— А ты-то какъ мыслишь, чортова кукла?

— Я мыслю такъ, — говорилъ Ржавчина: — у нашей хозяйки въ погребѣ на веревочкѣ спущена четверть водки. Когда къ ней приходятъ гости, проклятая баба вытягиваетъ на веревкѣ посудину и наливаетъ въ графинчикъ. Я полагаю, что отъ морозу посудина можетъ лопнуть и на веревочкѣ останется одно только горлышко.

Мышление Ржавчины понравилось всей компаніи.

— Возьми съ собой изъ-подъ кровати пустую четверть!—примирительно сказалъ Илья Николаевичъ.

— Господа!—обратился Ржавчина ко всѣмъ, воодушевляясь и понижая тонъ до таинственности.—Во время моего отсутствія вы можете по-одиначкѣ прогуляться по двору и незамѣтно захватить съ собой по одному полѣну-съ.

— Это, братъ, идея!—воскликнулъ Петръ Иванычъ.

Ржавчина одѣлся и вышелъ.

Вскорѣ пѣвчіе сами затопили печку краденными дровами, а черезъ десять минутъ явился Ржавчина, вынулъ изъ-подъ пальто початую четверть водки, поднялъ ее надъ головой и запѣлъ звонкимъ теноромъ:

„Братъ, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!..“

Съ пола торжественно поднялся Илья Николаевичъ и отряхнулся, какъ пудель. На непокрытомъ столѣ появился кочанъ кислой капусты. Всѣ подходили къ столу и выпивали, ласково ругая Ржавчину.

— Бестія! Продувное существо!—галдѣли они.

— Рракалія,—гудѣлъ Илья Николаевичъ.

— Что же теперь въ погребѣ-то?

— А тамъ осколки четверти и горлышко на веревкѣ...

— Хо-хо-хо!—громыхали басовыя глотки.—Местъ проклятой вѣдьмѣ! Захарычъ, пей, какого чорта?

По Захарычъ не пилъ, а только удивленно кряхтѣлъ „ну-ну“ и качалъ кудрявой головой.

Въ это время изъ темной комнаты вышелъ еще одинъ теноръ, пребыванія котораго здѣсь Захарычъ и не подозрѣвалъ. Это былъ сѣденькій и сгорбленный старичокъ съ ярко-краснымъ носомъ и длинными, жидкими волосами. Фигура его, облеченная въ какую-то кацавейку, въ узенькіе и коротенькіе брючки съ оттопыренными и засаленными, словно лакированными, колѣнками, была смѣшна и жалка. Трясущейся старческой рукой онъ тоже потянулся къ водкѣ и съ жадностью выпилъ. Онъ хрипло крякнулъ и, потирая руки, опять было направился въ свой уголокъ, но компанія, пришедшая въ благодушное настроеніе, остановила его.

— Профессоръ! Читай намъ лекцію, читай лекцію!—галдѣли всѣ.

Профессоръ моргалъ красными вѣками и пугливо смотрѣлъ на всѣхъ кроткими старческими глазами. Черты его лица и вся фигура еще хранили слѣды былого изящества.

— Ахъ вы, пьяная абсурдія!—прохрипѣлъ онъ, улыгнувшись доброй улыбкой.

Илья Николаевичъ молча поставилъ посреди комнаты стулъ, а на стулъ профессора.

— Валай!—сказалъ онъ ему и, обернувшись къ остальнымъ, строго рявкнулъ—молчите вы, черти! Слушать у меня, а то ребра переломаю!

Моментально все смолкло. Благородный басъ легъ въ кресло и принялъ позу отдыхающаго театральнаго короля.

Профессоръ оживился отъ выпитой водки и заговорилъ.

Онъ говорилъ простымъ и понятнымъ языкомъ о происхожденіи міра, о материн, о каменномъ періодѣ, о теоріи Дарвина и первобытномъ человѣкѣ. Говорилъ о звѣздныхъ мірахъ, о человѣческихъ религіяхъ, о Буддѣ и Христѣ, объ исторіи всего человѣчества. Рѣчь его не представляла изъ себя ничего цѣльнаго, но въ ней было столько новаго и неожиданнаго, и страннаго для Захарыча, что ему казалось, будто предъ нимъ раздвинули горизонтъ и показали новый, удивительный міръ. Плотникъ весь напругся и внимательно слушалъ, разиня ротъ. Онъ не зналъ, какъ отнестись къ этой рѣчи,—вѣрять ей или смѣяться надъ нею? Порою онъ вопросительно поглядывалъ на публику, застывшую въ неподвижной группѣ, серьезную, внимательную.

А профессоръ строго и важно говорилъ имъ о Богѣ, о цѣли и смыслѣ жизни и о людяхъ съ пытливымъ умомъ, полныхъ мучительнаго и вѣчнаго сомнѣнія. Онъ говорилъ объ ихъ смѣлыхъ мысляхъ и о томъ, какъ они шли противъ всѣхъ. Онъ говорилъ о Галилеѣ, о Лапласѣ, объ инквизиціи и о протопопѣ Аввакумѣ. Онъ говорилъ о ненависти толпы къ такимъ людямъ о страданіяхъ ихъ духа и тѣла, о проклятіяхъ, которымъ ихъ предавали въ соборахъ, и о кострахъ, на которыхъ ихъ сжигали,

Плотникъ слушалъ и порою тяжело вздыхалъ, удивленно моргая глазами. А дрожащій голосъ старика-профессора звучалъ среди молчанія:

— Дорого человѣкъ платитъ за свое стремленіе къ истинѣ!.. только на этомъ пути онъ безкорыстенъ и только здѣсь достоинъ уваженія!..

V.

Архіерейская обѣдня кончилась, Огромный кафедральный соборъ былъ полонъ людьми. Тысячеголовая толпа колыхалась и глухо гудѣла. Золоченый иконостасъ блестѣлъ, и на ризахъ „мѣстныхъ“ иконъ отражались огоньки пылающихъ свѣчей. Высоко подъ громаднымъ куполомъ тихо покачивалось на толстой цѣпи

сверкающее паникадило, а въ самомъ куполѣ, въ недосягаемыхъ облакахъ ладана, царилъ строгій образъ величаваго Старца. По карнизу сводовъ вокругъ внутренности всего собора сіяли огромныя золотыя буквы: „Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?“ Каждый звукъ въ этомъ величавомъ храмѣ пріобрѣталъ торжественныя размѣры и долго колыхался подъ высокими сводами. Все кругомъ внушало благоговѣніе и настраивало торжественно.

Хоръ стоялъ на широкомъ клиросѣ, въ голубыхъ длинныхъ „парадахъ“, съ закинутыми за плечи рукавами на подобіе крыльевъ, отороченными золотымъ галуномъ, съ золотыми свурками и кистями на груди. Регентъ, строгій и серьезный, въ черномъ застегнутомъ наглухо сюртукѣ, имѣлъ особо торжественный видъ. Захарычъ стоялъ съ краю клироса около тяжелой золотой хоругви и мрачно посматривалъ кругомъ. Онъ былъ разстроенъ. Томашевскій почему-то не пришелъ, а Захарычъ за обѣдней былъ не въ ударѣ пѣть и получилъ отъ регента замѣчаніе за невнимательность. У него уже нѣсколько дней, какъ все звучала въ ушахъ лекція профессора, возбуждая какія-то странныя, неотвязныя думы. Порою сердце Захарыча неожиданно сжималось отъ какой-то острой и тонкой жалости къ кому-то: не то къ самому себѣ, не то къ пѣвчимъ. Онъ заподозрилъ профессора и всю его аудиторію въ отрицаніи Бога, въ невѣріи, видѣлъ ихъ завѣдомо несчастную жизнь и жалѣлъ этихъ людей. Захарычъ не хотѣлъ бы потерять вѣру въ Бога и жить такъ, какъ они. Казалось ему, что душа этихъ людей вѣчно и тайно страдаетъ, и, чувствуя себя разстроеннымъ, онъ боялся, не заразился ли отъ нихъ ихъ страданіемъ? И съ этими опасеніями назойливо перемѣшивалась рѣчь профессора о могучемъ духѣ сомнѣнія, о неотвязныхъ мученіяхъ тѣхъ людей, которыми этотъ духъ овладѣвалъ. И Захарычъ сталъ разсѣяннымъ.

— Чего же всѣ ждуть? — тихо прогудѣлъ онъ Петру Иванчу, который стоялъ рядомъ. — Вѣдь обѣдня кончена?

— Будетъ обрядъ „проклятія“, — отвѣчалъ тотъ, — вѣдь теперь недѣля православія. Никогда не видалъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ увидишь.

Архіерей, въ сопровожденіи священниковъ и діаконовъ, вышелъ изъ алтаря на середину собора. Онъ стоялъ тамъ на своемъ возвышеніи, окруженный духовенствомъ, выше всего народа. Драгоценныя камни его золотой митры горѣли разноцвѣтными искорками.

Около лѣваго клироса устроенъ былъ высокій помостъ, вродѣ кафедры, застланный краснымъ сукномъ.

Народъ слился въ тѣсную толпу и замеръ въ какомъ-то таинственномъ ожиданіи. Сдержанный шопоть, кашель, шарканье ногъ по камню пола гулко плавали подъ куполомъ.

Наконецъ, изъ лѣвыхъ дверей алтаря медленно вышелъ старый протодіаконъ въ бѣлой серебряной ризѣ и съ сѣдыми, тяжелыми волосами, словно вылитыми изъ серебра,—приземистый, сутуловатый и широкій. Лицо у него было огромное, съ крупными и суровыми чертами, все заросшее сѣдой бородой, съ мрачнымъ взглядомъ изъ-подъ огромныхъ сѣдыхъ бровей. Медленно и тяжело, словно чугунный, протодіаконъ съ трудомъ поднялся по ступенямъ на высокой помостъ и положилъ передъ собою тонкую, черную книгу.

Въ церкви настала томительная тишина. Сотни людей застыли въ ожиданіи, прижимаясь къ свѣтлой фигурѣ архіерея, окруженной на срединѣ церкви священниками въ свѣтлыхъ ризахъ. Казалось, что протодіаконъ будетъ исполнять какую-то тяжелую и суровую обязанность, и мрачный видъ его внушалъ толпѣ безотчетный страхъ. Ярко освѣщенный соборъ, полный народа, сталъ беззвученъ, точно въ немъ никого не было, точно онъ былъ видѣнемъ или картиной.

И вотъ въ этой странной тишинѣ протодіаконъ запѣлъ одинъ громаднымъ и страшно густымъ басомъ печальный, таинственный и странный напѣвъ, отъ которало вѣяло чѣмъ-то древнимъ. Казалось, что это пѣлъ самъ неумолимый рокъ, судьба, выносящая печальный приговоръ, который никто не въ силахъ измѣнить. Что-то фатальное звучало въ этой несокрушимой убѣжденности.

Онъ пѣлъ:

„Кто-о Богъ ве-лій, я-ко Бо-гъ нашъ?
Ты-ы еси Бо-гъ, тво-ряя чу-де-са-а...“

Волнообразный голосъ его, тяжелый и темный, какъ смола, лился черной и густой массой, печальными полутонами, начавшись съ верхней ноты и постепенно спускаясь книзу. Этотъ голосъ плылъ по огромному собору, наполнялъ куполь и колыхалъ воздухъ...

Протодіаконъ остановился, провелъ по лицу и бородѣ широкой ладонью, которая вся заросла серебряными волосами, и переждалъ, пока утихнетъ эхо, встревоженное его могучимъ голосомъ. Потомъ онъ опять запѣлъ тотъ же напѣвъ, только тономъ выше:

„Кто-о Богъ ве-лій...“

Въ этомъ тонѣ его исполинскій голосъ сталъ похожъ на огром-

ную грозовую тучу съ отдаленнымъ громомъ, которая надвигается, охватывая небо. Эоть чугунный, грохочущій голось, печальный и мрачный, былъ твердъ и тяжелъ; казалось, что его можно было оцупать рукой въ воздухъ и что, дойдя до человекъ, онъ прижметъ его къ стѣнѣ и раздавить.

Протодіаконъ опять остановился и ждалъ, когда утихнетъ эо

Въ третій разъ онъ запѣлъ еще на тонъ выше, все съ такими же печальными и странными полутонами. Эоть громадный и страшный вопросъ о Богѣ грянулъ теперь грозно и сокрушающе, наполнивъ собою весь соборъ. Отвѣтомъ на него было только могучее, неумолкающее эо, и, когда оно успокоилось, снова настала тишина.

Тогда протодіаконъ вынулъ золотыя очки, надѣлъ ихъ и развернулъ черную книгу.

„Вѣру-ю во еди-наго Бога Отца-а...

крѣпко отчеканивая каждый слогъ, началъ онъ читать громовымъ и торжественнымъ голосомъ. Каждое слово его тяжело падало въ воздухъ...

„Вседержителя, творца небу и земли-и... Видимымъ же всѣмъ...

Онъ провелъ волосатой рукой по усамъ и бородѣ и добавилъ:

„И не-ви-ди-мымъ...“

Когда протодіаконъ кончилъ громоподобное чтение Символа вѣры, то снова наступила тишина, и онъ опять запѣлъ первоначальный мрачный и зловѣщій пафѣвъ, построенный изъ полутоновъ:

„Сія вѣра истин-ная.

Сія вѣра апос-тольс-ка-я.

Сія вѣ-ра пра-во-слав-на-я...“

Теперь протодіаконъ какъ бы кончилъ утверждение вѣры и только послѣ этого приступилъ къ вопросу о тѣхъ, кто уклонился отъ нея.

Онъ опять развернулъ книгу и началъ читать, размѣренно отчеканивая слова, словно прибивалъ ихъ гвоздями:

„Утверждающимъ, что Марія Дѣва не была Дѣвою...“ сурово и гнѣвно неслоь по собору.

Протодіаконъ перевелъ духъ и грянулъ уже во всю силу, вдвое громче, чѣмъ до этихъ поръ, голосомъ, который страшно было слушать:

„А-на-а-ае-ма-а!..“

Отъ этого возгласа все какъ бы колыхнулось въ соборѣ.

Изъ тысячи грудей народа вылетѣлъ общій вздохъ, испуганный и печальный.

А въ это время архіереи и священники запѣли всѣ въ унисонъ, словно зарыдали:

„Ана-ѳема! Ана-ѳема! Ана-ѳема!..“

Потомъ запѣлъ архіерейскій хоръ, жалобно и грустно повторяя то же самое слово:

„Ана-ѳема-а! Анаѳема-а!..“

А протодіаконъ опять загремѣлъ колыхающимся, огромнымъ голосомъ:

„Утверждающимъ, что Иисусъ Христосъ не былъ Сыномъ Божиимъ...“

Гуль ужаса прошелъ въ толпѣ.

„А-на-а-ѳе-ма!..“

И опять все колыхнулось, и священники жалобно запѣли въ унисонъ и снова откликнулся хоръ.

„Сомнѣвающимся... — сурово загремѣлъ протодіаконъ, — въ бытіи Божіемъ...“

Захарычъ вздрогнулъ.

„И утверждающимъ, что міръ произошелъ самъ собою...“

Гуль въ толпѣ возрасталъ все болѣе и болѣе.

„А-на-а-ѳе-ма!“

Въ толпѣ пробѣжалъ какой-то странный жалобный ропоть, общій стонъ, слышались всхлипыванія, кто-то истерично вскрикнулъ, у стоявшихъ впереди слезы текли по лицу.

„А-на-ѳе-ма!“ — неумолимо и сурово гремѣлъ ужасный голосъ, какъ раскатъ грома, потрясающій небо. Соборъ наполнился этимъ раскатомъ, и ударъ его съ трескомъ разрядился въ куполѣ. Казалось, что куполъ валится.

Надъ толпой пронесся гуль плача и ужаса.

Захарычъ не могъ пѣть: къ горлу его прихлынули слезы. Острая жалость и состраданіе къ „сомнѣвающимся“ охватили его. Рядомъ съ громовымъ голосомъ протодіакона ему неотвязно слышался дребезжащій, тихій голосъ профессора, его лекція о страданіяхъ духа, о великой мукѣ сомнѣній. Замученные своими неугомонными мыслями, они и здѣсь прокляты и низвержены въ преисподнюю. Несчастный отверженный духъ сомнѣнія!

Послѣ окончанія обряда, когда народъ густыми толпами валилъ изъ собора, пѣвчіе снимали въ алтарѣ свои „парады“ и беззаботно разговаривали.

— Ну и тяпнулъ нынче протодіаконъ!

— Да! Отъ души рывкнулъ дѣдушка!

— Изъ молодыхъ такого не найдешь!

— Хорошіе-то басы вымираютъ! Вотъ умретъ этакое чудовище и шабашъ! Конецъ басамъ стараго фасона!

— Ну, этотъ еще два нашихъ-то вѣка извѣздить!

Захарычъ небрежно швырнулъ свой парадъ и, прислонившись къ стѣнѣ, тупо смотрѣлъ передъ собой. Онъ былъ блѣденъ.

— Ты что, Захарычъ?—участливо спросилъ его Петръ Иванычъ.—Чумной какой-то! Что съ тобой, братъ?

У Захарыча задрожала нижняя челюсть, на глазахъ навернулись слезы, и онъ, проглотивъ слюну, которая застряла у него въ горлѣ, мрачно посмотрѣлъ на Петра Иваныча исподлобья и медленно сказалъ:

— Мнѣ скушно.

VI.

Томашевскій не пришелъ и на спѣвку. Когда послали мальчика на его квартиру, то узнали, что онъ простудился на похоронахъ и давно уже лежитъ въ больницѣ.

Послѣ спѣвки Петръ Иванычъ сказалъ Захарычу:

— Пойдемъ, братъ, навѣстимъ его.

Захарычъ согласился. Онъ жалѣлъ этого „барина“ и причислялъ его тоже къ „сомнѣвающимся“.

Больница была за городомъ, и Петръ Иванычъ нанялъ извозчика.

— Ты знаешь, братъ, вѣдь у него тифъ!—сказалъ онъ дорогой Захарычу.

— Неужто?

— Да! Если не перенесетъ кризиса, такъ, значить, и тово... Ку-ку! А жалко парня.

— Конечно, жалко!—согласился Захарычъ.—Такой молодой. Бѣленькій...

— Драма у него вышла въ жизни... понимаешь? Влюбился онъ въ образованную... Онъ вѣдь изъ эдакаго круга... Дамскій кавалеръ, теноромъ пѣлъ романсы. А она, братъ, за другого замужъ вышла. Ему и опротивѣло чистое-то общество. Приходитъ онъ къ нашему регенту: „Примите въ тенора“. Тотъ пробуетъ голосъ. Теноръ сильный, но есть что-то неестественное въ тембрѣ. А нашъ-то вѣдь опытенъ по части голосовъ: зубы на этомъ съѣлъ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на него, да и говоритъ: „У васъ не теноръ, а октава,—я васъ приму въ октависты“. И что же ты думаешь? Ушелъ Томашевскій изъ высшаго общества въ нашу „пьяную абсурдію“, какъ говоритъ профессоръ, попѣлъ съ мѣсяцъ баскомъ и вдругъ какъ провалится съ теноровыхъ-то нотъ прямо въ нижній этажъ! Открылась, братъ, у него октава, и что ни дальше поетъ, все ниже да ниже, все гуще да гуще...

— Чудеса!—удивлялся Захарычъ.

— Да, братъ!—вдохнулъ Петръ Иванычъ, приподнимая воротникъ своего пальтишка.—Жалко, если умереть: въ консерваторію на казенный счетъ его берутъ, а она бы его вытащила на свѣтъ. Тамъ бы онъ и про любовь эту самую забылъ и пилъ бы слабѣе.

Захарычъ крякнулъ и спросилъ Петра Иваныча:

— А ты... тоже черезъ любовь?

— Пью-то?

Петръ Иванычъ разсмѣялся.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ.—Какая у нашего брата любовь? Я и влюбленъ-то былъ несуразно, въ актрису Стрѣльскую, когда еще въ семинаріи былъ. Бывало, ору ей съ галерки „браво“ такъ, что весь народъ шарахается и смѣется. Наконецъ, пришелъ къ ней въ уборную. Такъ и такъ, моль, влюбленъ. А она спрашиваетъ: „Это вы, что ли, съ галерки такъ орете басомъ?“—„Я“. Разсмѣялась этакъ весело, какъ ребенокъ. „Ну, садитесь,—говорить,—я васъ угощу, поклонникъ!“ Послала за виномъ. Чокнулись мы съ ней, выпили и разстались. Вотъ, братъ, и вся моя любовь.

Сани какъ разъ остановились около больничнаго барака. Пѣвчіе слѣзли съ извозчика и вошли въ больничный коридоръ. Пахло тяжелымъ запахомъ лѣкарствъ и карболкой. На дворѣ уже смеркалось.

Въ длинной и высокой палатѣ съ огромными окнами было какъ-то особенно грустно. По мягкимъ половикамъ беззвучно двигались бѣлыя тѣни сидѣлокъ и фельдшерницъ, худыя фигуры выздоравливающихъ въ желтыхъ халатахъ изъ грубаго сукна. Въ отворенныя высокія двери смежныхъ комнатъ виднѣлись ряды больничныхъ кроватей.

— Вамъ кого?—спросила ихъ какая-то женщина вся въ бѣломъ.

— Томашевского... Пѣвчій онъ...—загудѣли они, не соразмѣривъ своихъ голосовъ, и каждое ихъ слово гулко перекатывалось по высокой палатѣ.

— Знаю. Раздѣньтесь и посидите здѣсь. Онъ плохъ. Я спрошу, можно ли къ нему. Вы... его родные?

— Мы—товарищи.

Минутъ черезъ десять, когда уже совсѣмъ стемнѣло и въ палатѣ стали зажигать жестяныя лампы, ихъ впустили въ большую комнату, гдѣ лежало нѣсколько больныхъ на низкихъ желѣзныхъ кроватяхъ. На одной изъ нихъ, слабо освѣщенной тусклымъ свѣтомъ лампы, неподвижно вытянувшись и тяжело дыша, лежалъ Томашевскій въ жару и бреду.

Онъ никого не узнавалъ и смотрѣлъ въ пространство мутными широко-открытыми глазами. Овальное, бѣлое лицо его съ небольшими усиками горѣло неестественнымъ румянцемъ, голова запрокинулась, обнаруживая бѣлую обнаженную шею и его двойной широкой кадыкъ—разгадку его бархатной октавы.

— Саша!—осторожно прогудѣлъ Петръ Ивановичъ.--Брать! Это мы... мы къ тебѣ пришли.

И неожиданно для него самого голосъ его задрожалъ и осѣкся.

При звукахъ пѣвческаго голоса Томашевскій медленно поднялся и сѣлъ на постели. Лицо его приняло вдохновенное выраженіе, онъ поднималъ длинныя, худыя и бѣлыя руки и заговорилъ своей влажной октавой:

— Тише! Сейчасъ начинаемъ!

И, разводя руками, какъ регентъ, онъ запѣлъ торжественно, наполняя всю палату бархатными звуками:

„Дѣ-ѣ-ва! Дѣ-ва две-есь...
Пре-су-ще-стве-нна-а-го-о...
Ра-а-жда-еть...“

и повторилъ низко, тихо и задумчиво:

„Ра-а-жда-еть...“

Онъ пѣлъ свою партію изъ прекрасной нотной вещи, полной изящныхъ, художественныхъ эффектовъ. Это былъ восторженный гимнъ явленію Христа, могучій, грустный и поэтической. Торжественный раскатъ повторялся, какъ эхо, тихимъ и глубокимъ вздохомъ, умирающею тѣнью. Отъ сильнаго жара голосъ Томашевского сталъ вдвое гуще и сильнѣе. Если бы теперь пришлось Захарычу состязаться съ нимъ, то превосходство было бы на сторонѣ Томашевского. Голосъ его, гармоничный, густой и струнный, звучалъ какъ цѣлый хоръ и плылъ по всѣмъ комнатамъ.

Прислуга, сидѣлки, фельдшерицы, фельдшера и выздоравливающіе—всѣ столпились около дверей и слушали.

„И зем-ля-а вер-тепъ...
Не-прис-туп-но-му-у прино-сить...“

стройно катилась торжественная нота и повторялась, какъ дальнее эхо, какъ уходящая тѣнь:

„При-и-но-сить...“

Преклоненіе и уваженіе возбуждалъ онъ въ безмолвной толпѣ, внимавшей здѣсь прекраснымъ звукамъ божественнаго пѣнія.

„А-ан-ге-ли... съ па-а-стырь-ми...
Сла-а-во-сло-вять...“

И опять разстилалось тихое и задумчивое:

„Сла-во-сло-вять“.

Томашевскій сидѣлъ на постели, регентоваль передь воображаемымъ хоромъ и пѣлъ, и казалось, что онъ уже видитъ своими широко-раскрытыми глазами славословящихъ ангеловъ и вертепъ, который приносить земля.

Огромный Петръ Иванычъ плакалъ. У Захарыча тоже что-то щекотало въ горлѣ.

Онъ отошелъ отъ изголовья, чтобы смахнуть невольныя слезы и наткнулся въ полумракѣ на какое-то съжившееся существо, которое копошилось и всхлипывало на полу, около ногъ больного. Захарычъ нагнулся и увидѣлъ жалкое старушечье лицо, омоченное слезами, полное безконечнаго горя, муки, отчаяннiя, почти безумное...

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Мать,—послышался скорбный шопотъ.

Къ утру Томашевскій умеръ. Хоронили его на больничномъ кладбищѣ въ простомъ некрашенномъ гробу. Гробъ несли „пьяная абсурдiя“—Илья Николаевичъ, Петръ Ивановичъ, Ржавчина и Захарычъ. За гробомъ никто не шель, кромѣ старушки-матери.

Она еле волочила ноги отъ горя и даже не имѣла силъ громко плакать. Полупьяный дьячокъ тянулъ „святой Боже“, а товарищи умершаго, тоже слегка выпившіе, несли его молчаливо и мрачно. Только Ржавчина пытался было подтягивать дьячку, но и онъ скоро умолкъ, подавленный тяжестью общаго молчанiя. Илья Николаевичъ былъ мраченъ, какъ туча, и зло поглядывалъ на Ржавчину, желая придраться къ нему.

Петръ Иванычъ былъ блѣденъ, съ опухшими отъ слезъ глазами, а Захарычъ имѣлъ страдальческое лицо: „скука“, которую онъ ощутилъ въ соборѣ, не проходила, а все увеличивалась и причиняла ему серьезныя страданiя. У всѣхъ было скверно на душѣ, и каждый таилъ отъ другихъ невеселыя мысли. Отдавая послѣднiй долгъ товарищу, эти безродные и бездомныя люди думали, что имъ тоже придется умирать на больничной подушкѣ, среди чужихъ людей, и никто о нихъ не заплачетъ, кромѣ какого-нибудь пьяницы-товарища.

Захарычъ думалъ о жизни пѣвчихъ, о томъ, какъ они трудятся, какъ живутъ и какъ умираютъ. И въ его ушахъ звучали то церковныя напѣвы, то веселыя пѣсни, заразительныя мысли профессора и „анаеема“ протодіакона.

Кладбище было грустное, пустынное, мѣсто упокоенiя бѣдняковъ и бобылей, умирающихъ въ больницѣ. Оно было занесено

сугробами снѣга, огорожено ровомъ и едва замѣтной изгородью. Кое-гдѣ виднѣлись наклоненные кресты. День былъ сумрачный, солнце не было видно и сверху падалъ мелкій и легкій снѣжокъ, убѣляя длинные волосы пѣвческой братіи. Гробъ опустили на снѣгъ у свѣжевырытой ямы.

— Ну, прощайтесь!—равнодушно сказалъ дьячокъ.

Мертвецъ лежалъ въ гробу мраморно-бѣлый, съ лицомъ спокойнымъ и важнымъ. Необыкновенный кадыкъ выдавался теперь еще болѣе. Старушка припала къ лицу своего мертваго сына, и раздались тѣ самыя переворачивающія душу рыданія, которыя такъ привычны были для пѣвческаго слуха.

Но здѣсь эти рыданія причинили имъ безпокойство. Илья Николаевичъ злобно крикнулъ и метнулъ убійственный взглядъ на Ржавчину. Ржавчина понялъ его, съ уваженіемъ поддержалъ старуху, отвлекъ ее отъ гроба и тономъ священника сталъ утѣшать ее... Всѣ поцѣловали мертвеца въ лобъ.

— Эхъ, братъ!—вырвалось у Петра Иваныча.

Илья Николаевичъ и Захарычъ взяли гробовую крышку.

— Н-у!..—въ низкую октавную ноту сердито сказалъ Илья Николаевичъ.

— Ну!—еще ниже и гуще отвѣтилъ Захарычъ.

И они накрыли гробъ крышкой.

— А молотокъ-то позабыли взять!—сказалъ кто-то.—Чѣмъ же гвозди-то заколачивать?

Илья Николаевичъ обнажилъ огромный и твердый, словно желѣзный, кулакъ, поросшій волосами, и злобно, съ остервенѣніемъ, молча, крѣпкими ударами сталъ вгонять гвозди въ крышку. Захарычъ поглядѣлъ на него, взялъ въ руки лопату и началъ забивать гвоздь ребромъ ея.

Огромные, мускулистые и мрачные люди стояли вокругъ гроба на колѣняхъ, вбивая длинные гвозди въ дерево. Вѣтеръ игралъ длинными волосами пѣвчихъ, снѣгъ шелъ сильнѣе. Гробъ опустили въ могилу, бросили туда по куску мерзлой земли и молча, злобно и раздраженно стали лопатами зарывать яму...

VII.

Послѣ похоронъ Томашевскаго у Захарыча кромѣ „скуки“ появились еще и „мысли“, и онъ почувствовалъ себя окончательно несчастнымъ. Прежде ни скуки, ни мысли у него никогда не являлось. Въ деревнѣ все было просто, ясно и непоколебимо, а здѣсь онъ ничего не понималъ, все кругомъ было полно противорѣчій. Въ церковь ходятъ не молиться, а смотрѣть на состязаніе пѣвцовъ. Если человѣкъ умретъ—пѣвчіе радуются,

потому что смерть его даетъ имъ средства къ жизни. Хорошіе и образованные люди пресмыкаются въ пѣвчихъ, живутъ нехорошо, въ пьянствѣ и бѣдности, и заражены невѣріемъ въ Бога. Не вѣрятъ въ Бога, а души у нихъ добрыя. Невѣжда и грабитель купецъ Понедѣльниковъ—нехорошій человѣкъ: относится къ пѣвчимъ, какъ къ лошадямъ, швыряетъ имъ деньги на овесъ, не далъ ни гроша на похороны Томашевскаго, живетъ хорошо, въ почетѣ, богатствѣ и благочестіи. Онъ вѣритъ въ Бога, сердце же имѣетъ звѣриное. Протодіаконъ проклинаетъ „сомнѣвающихся“, а они стоятъ на клиросѣ и поютъ сами себѣ анаему. Они заблуждаются въ своемъ невѣріи и отъ этого несчастны. Но почему же они не злодѣи и почему рассказы профессора о происхожденіи міра такъ занимательны?.. Кто правъ? Профессоръ или протодіаконъ?

И Захарычу казалось, что тотъ самый мучительный „духъ сомнѣнія“, о которомъ рассказывалъ профессоръ, какъ-то успѣлъ забраться и въ его душу и что онъ, Захарычъ, попалъ въ число „сомнѣвающихся“, преданныхъ протодіакономъ „анафемѣ“.

Рой вопросовъ гудѣлъ въ головѣ, Захарыча и жалилъ его мозгъ. Мысль, спавшая въ немъ мертвымъ сномъ цѣлую жизнь, никогда, быть можетъ, не проснулась бы, если бъ ее не разбудило внезапное столкновеніе съ жизнью, весь укладъ которой шелъ наперекоръ Захарычу. Но онъ не могъ разобраться въ самомъ себѣ, чувствовалъ себя, какъ заблудившійся въ лѣсу, и не зналъ, какъ выйти къ свѣту. Онъ думалъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ и не могъ отвязаться отъ думъ, и это было мучительно для него, потому что, проживъ на свѣтѣ болѣе сорока лѣтъ, онъ еще никогда ни о чемъ не думалъ и не имѣлъ къ этому привычки. Думы его переплетались съ необъяснимыми и грустными чувствами. Въ лучистые морозные дни онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на пустынномъ берегу Волги, занесенной толстымъ слоемъ снѣга, и неподвижно смотрѣлъ на снѣжныя равнины и на далекія синѣющія горы, покрытыя лѣсомъ и снѣгомъ. И въ его душѣ разливалась ядовитая тоска по чемъ-то утраченномъ и дорогомъ, быть можетъ, по родной деревнѣ, по той жизни на воздухѣ, среди природы, подъ лучами солнца, съ которой срослась его душа. И за этой мертвой картиной городской зимы ему чудилась весна въ деревнѣ, зеленая степь, широкій просторъ неба, поющіе жаворонки, запахъ степныхъ травъ, смолистая, пахучія, сырыя балки и беззаботныя плотничьи пѣсни.

Мученія Захарыча сдѣлались, наконецъ, невыносимы. Онъ похудѣлъ, лишился сна. Тогда Захарычъ рѣшился обратиться за помощью къ Петру Иванычу.

Однажды послѣ ранней обѣдни, когда пѣвчіе, по обыкновенію, напились чаю въ трактирѣ, а до поздней еще было время, онъ взялъ Петра Иваныча подъ руку, отвелъ въ сторону и сказалъ ему озабоченно:

--- Пѣтра!

И затѣмъ они долго ходили въ полномъ уединеніи. Захарычъ приступилъ къ изложенію своихъ мыслей, говорилъ онъ долго, тяжело и безтолково. Въ продолженіе всей своей жизни онъ вообще очень мало разговаривалъ, ограничиваясь односложными фразами, и вотъ теперь съ ужасомъ убѣждался въ томъ, что не можетъ высказать своихъ мыслей.

Языкъ говорилъ совсѣмъ не тѣ слова, какія надо было говорить, и получался совершенно бессмысленный наборъ несуразныхъ, самого его удивлявшихъ словъ. Онъ помогалъ своей рѣчи тѣлодвиженіями, прижималъ руки къ груди, размахивалъ ими въ воздухъ, но ничто не помогало: мысли Захарыча оставались въ немъ, какъ въ крѣпкой тюрьмѣ, и освободить ихъ изъ заключенія онъ былъ не въ силахъ. И Захарычъ сердился.

— Ты вотъ что мнѣ скажи!—говорилъ онъ съ лицомъ страдальческимъ и мрачнымъ. Мясистый лобъ его наморщился и покраснѣлъ, словно въ его громадной головѣ работалъ какой-то тяжелый и сильный механизмъ.—Ты вотъ что мнѣ скажи: почему, напримѣръ, Адамъ и Ева... скажемъ, потопись... евангеліе, напримѣръ, или этотъ, какъ его... Бурда... Васька - Гдѣ-Гамма... который плавалъ по морямъ... и все такое. И вдругъ—подлость, грабежъ. А гдѣ совѣсть?

Въ его головѣ носилась мысль о противорѣчяхъ жизни, о высокому ученіи нравственности, которое остается мертвой буквой, о гибели лучшихъ людей и о благополучной жизни людей низкихъ и мерзкихъ.

Петръ Иванычъ не могъ уловить смысла въ скачкахъ захарычевой мысли и недоумѣвалъ: тогда Захарычъ трясъ его за плечо, билъ себя въ широкую и выпуклую, словно вылитую изъ бронзы, грудь и тяжело выжималъ изъ себя неуклюжія, несуразныя слова и запутывался въ нихъ.

— Б-богъ!—гремѣлъ онъ.—Планида! Жисть!

Разсердился и Петръ Иванычъ.

— У тебя, братъ, ни чорта не поймешь! Адамъ и Ева! Васко-де-Гамма!.. Богъ!.. Подлость!.. Планида! Чортъ знаетъ, что такое! Дѣйствительно, бурда какая-то!

— Эхъ, Пѣтра,—здѣсь-то у меня много!—стучалъ себя Захарычъ въ богатырскую грудь,—а наружу ничего не выходитъ! Говорить я не умѣю...

И крѣпко выругался Захарычъ.

Долго бился съ нимъ Петръ Иванычъ прежде, чѣмъ понялъ хотя бы отчасти захарычевы мысли.

— Накатило на меня!—въ отчаяніи говорилъ ему Захарычъ.— Не глядѣлъ бы я на добрыхъ людей,—свѣтъ мнѣ не милъ! Нѣтъ мнѣ житя отъ думы! Сумлѣваюсь я! Скажи ты мнѣ, какъ бы выгнать изъ себя сумлѣніе? Братъ! Я не могу не сумлѣваться!

Петръ Иванычъ задумался, посмотрѣлъ на Захарыча своимъ грустнымъ и добрымъ взглядомъ и сказалъ:

— Отъ невѣжества это у тебя.

— Вѣрно!—радостно вскричалъ Захарычъ.

— Постой! Ты помнишь, какъ профессоръ лекцію читалъ?

— Какъ не помнить? Съ нея и началось у меня...

— Ну, такъ вотъ! Помнишь, онъ рассказывалъ объ ископаемыхъ, о чудовищахъ, которыя вымерли и почему вымерли. Ты—тоже ископаемое. Ты изъ числа вымершихъ чудовищъ. Ты приспособленъ къ древней пастушеской жизни, а теперь жизнь другая, и въ ней не могутъ жить люди съ большимъ тѣломъ, съ большимъ голосомъ и большой душой. Всѣ такіе люди давно уже вымерли въ борьбѣ за существованіе, а за ихъ счетъ размножились ловкіе люди, съ маленькимъ тѣломъ и маленькой душой. Живешь ты на свѣтѣ совершенно случайно, потому что былъ ты спрятанъ въ тихой заводѣ. Когда же взяли тебя въ городъ девятнадцатаго столѣтія, то вышло, будто явился ты совсѣмъ изъ другого міра, упалъ съ луны или спалъ въ бутурусланскихъ степяхъ нѣсколько столѣтій, а потомъ проснулся и видишь кругомъ непонятныя тебѣ вещи.

— Вѣрно!—подтвердилъ Захарычъ. — Ничего я не понимаю, что кругомъ дѣлается.

— Да! Но ты хочешь сразу проглотить всю премудрость, сразу все разрѣшить, а этого нельзя: на это нужны годы, нужно прочесть много книгъ, повстрѣчать побольше умныхъ людей и сдѣлаться человѣкомъ образованнымъ, а ты вѣдь невѣжда! Ты ничего не знаешь,—хотя бы даже обращенія земли.

— Обращеніе земли?

— Ну, да! — И Петръ Иванычъ наглядно рассказалъ ему о обращеніи земли.

— Понялъ?

— Понять-то я понялъ, да вѣрно ли это? Кто узналъ, что все это такъ и есть, а не по-другому?

— Ученые! Они дѣлали опыты и доказали.

— Опыты, говоришь? А я-то вѣдь не дѣлалъ опытовъ? Стало бытъ, долженъ имъ вѣрить?

Петръ Иванычъ былъ нѣсколько озадаченъ, но, подумавъ, сказалъ:

-- Долженъ вѣрить!

— Та-акъ,—протянуль Захарычъ, сбывчившись, — а ежели я этакъ не могу? Ежели и тутъ выходить у меня сумлѣніе? Моль, надо, чтобы, значить, въ самый корень. А то... кому же вѣрить?

Захарычъ крякнуль, помолчалъ и съ тяжелымъ усиліемъ спросилъ Петра Иваныча:

— Не знаешь ли ты такого слова, чтобы изъ меня сумлѣніе выгнать?

— Не знаю, Захарычъ!

— И профессоръ не знаетъ?

-- И онъ не знаетъ.

— Та-акъ! Выходить, что жить по совѣсти и по настоящему закону нельзя. Кто не хочетъ людоедомъ быть,—руки на себя наложи!

Захарычъ тяжело замолчалъ и шелъ, пыхтя и отдуваясь. Любовь его покраснѣлъ еще болѣе, на вискахъ вздулись жилы. Мозгъ его работалъ напряженно, тяжело и медленно. По морщинамъ мясистаго лба струился потъ.

— Пстой! Что бишь, я хотѣлъ спросить? Самое главное. Можетъ быть, ты знаешь... Вотъ, не найду словъ... Да!

Онъ остановилъ за лацканы пальто Петра Иваныча и, смотря ему въ лицо страдальческимъ взглядомъ, полнымъ надежды и опасенія, выговорилъ медленно, съ тяжелымъ усиліемъ:

— Въ чемъ же... этотъ самый... смыслъ-то жизни?

Была страстная недѣля, но „пьяная абсурдія“ начинала свой день обычнымъ образомъ: всѣ были съ похмѣлья; Илья Николаевичъ лежалъ на полу и пикировался съ Ржавчиной.

— Очень ужъ вы, басы, много водки пьете! — задираетъ теноръ страдающаго баса.

— Что жъ?—рычалъ тотъ, поднимаясь на локоть. — Ужъ это отъ Бога такъ установлено: басъ—пьяница, баритонъ — нахалъ, а теноръ—дуракъ.

— Ну, положимъ, бываютъ и между басами такіе, я вамъ скажу!..

— Ничего ты не скажешь!—поспѣшно перебилъ Илья Николаевичъ. — Басъ всегда глубоко благородень, снисходителень даже къ тенорамъ, а теноръ мелочень, хитерь, малъ, глупъ, сопливъ и кривоногъ!.. Эхъ, какъ трещить главизна! Ржавчина!

Тамъ у меня въ пальто есть полтинникъ. Сбѣгай въ кабакъ. принеси мѣшокъ водки!

— Илья Николаевичъ! Что толку отъ одной бутылки на пять алчущихъ мордь?

— Какъ же быть-то, коли больше нѣтъ? Вѣдь у тебя, мерзавца, ни копейки?

— У меня-то денегъ никогда не бываетъ, Илья Николаевичъ, но зато я на полтинникъ могу приобрести цѣлую четверть и яичницу на закуску.

— Четверть?—глубокомысленно переспросилъ Илья Николаевичъ.—Мудрено! Не ври у меня, а то я, право, встану!

Ржавчина уже вытащилъ откуда-то басовое пальто и шарилъ по карманамъ. Найдя полтинникъ, онъ нахлобучилъ картузишко и, театрално раскланявшись, убѣжалъ.

— О чортова обезьяна!—рычалъ вслѣдъ ему бась. — Изуродую, коли пропѣешь!

Черезъ пять минутъ явился приплясывающій Ржавчина,—онъ несъ что-то въ картузѣ. Бережно положивъ картузъ на столъ, онъ сталъ выгружать странные предметы: сковороду, десятокъ яицъ, пузырекъ съ краской и кисточкой, фольгу, сусальное золото и большое количество обыкновеннаго песку. Всѣ эти предметы вызвали недоумѣніе, но скоро все объяснилось, когда Ржавчина обнаружилъ свои кондитерскія познанія. Онъ иголкой прокалывалъ каждое яйцо, выпускалъ черезъ это отверстіе все его содержимое на сковороду и взамѣнъ насыпалъ въ скорлупу песку. Затѣмъ онъ искусно заклеивалъ дырочку воскомъ, обертывалъ скорлупу фольгой и сусальнымъ золотомъ и расписывалъ краской. Компания, окруживъ его, слѣдила за работой. Ржавчина священнодѣйствовалъ. Скоро онъ изготовилъ десятокъ красивыхъ пасхальныхъ яицъ, наполненныхъ пескомъ. завернулъ ихъ въ бумагу и исчезъ съ ними. Остальные занялись изготовленіемъ яичницы.

— У, Ржавчина! — гудѣла компания, предчувствуя удачу его предпріятія. Хитерь, собака!

Ржавчина не заставилъ себя долго ждать. Очень скоро онъ гордо появился на порогѣ, держа надъ головой четверть водки и пѣлъ:

„Братья, рюмки наливайте!..“

Илья Николаевичъ благополучно всталъ съ пола, и все пошло обычнымъ порядкомъ: бесѣда оживилась, зазвучало пѣніе и раскаты басового смѣха.

Въ самый разгаръ ихъ опохмѣленія дверь отворилась, и на порогѣ, на моментъ остановившись, появился Захарычъ.

Онъ былъ въ одной рубашкѣ безъ пояса и картуза. Густые кудри его, перевитые сѣдиной, сваялись, большіе глаза были налиты кровью, а широкое лицо съ толстымъ носомъ опухло и было темное, чугунаго цвѣта.

Захарычъ былъ пьянъ и, очевидно, пьянъ уже подъ-рядъ нѣскольکو дней.

— А-а-а!—заревѣлъ онъ своимъ нечеловѣческимъ голосомъ.— Вотъ и я!..

Компанія, при видѣ пьянаго Захарыча, пришла въ восторгъ.

— Давно бы такъ! — одобрилъ, осматривая его живописную фигуру, Илья Николаевичъ. — Я говорилъ, что слѣдуетъ пить! Ржавчина! Наливай октавъ! Одна она теперь на всю Волгу и вотъ, слава Богу, за умъ взялась! Захарычъ, пей и пой: помянемъ Томашевского!

Захарычъ медленно вливалъ въ свое горло чайный стаканъ водки, а товарищи стояли полукругомъ передъ нимъ и пѣли пѣсню:

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ товарищемъ вѣчно!
Первый налитый стаканъ
Выпей, Захарычъ, ты самъ!“

Захарычъ сѣлъ за столъ, облокотился и заговорилъ, ни къ кому не обращаясь:

—Отъ мыслей запилъ я! Сроду не было ихъ у меня, прахъ ихъ побери, а тутъ на—вотъ тебѣ! А и скучно же мнѣ съ ними! Эхъ! Конечно! Рѣшился я своего спокойя!

— Брось, Захарычъ, не скули! У насъ это не принято!

— Пей и пой съ нами!

И, притопывая, они запѣли веселую пѣсню:

„Какъ у тетки Акулины
Собирались именины!..“

— Молчать!—рявкнулъ Захарычъ. Онъ обвелъ всѣхъ исподлобья налитыми кровью глазами и сказалъ октавой: — не то поете! Вотъ какую надо пѣсню!

Плотникъ облокотился на столъ, подперъ щеку рукой, закрылъ глаза и запѣлъ.

Онъ зацѣлъ не этимъ своимъ органнымъ густымъ голосомъ, какимъ его заставляли пѣть въ хорѣ, а другимъ, тонкимъ, дрожащимъ, народнымъ голосомъ, какимъ поютъ мужики.

Этотъ особенный голосъ онъ какъ будто берегъ для одного себя и запѣлъ имъ только теперь. Голосъ переливался и дрожалъ и было въ немъ что-то хватающее за сердце, размашистое и

глубоко-печальное. Въ пѣснѣ, протяжной и простой, чувствовалась настоящая русская грусть, широкая, безбрежная.

Быть можетъ, ему вспоминалась родная деревня и печальныя степи, гдѣ онъ слышалъ и пѣлъ эту пѣсню, гдѣ не зналъ тоски и скуки и ядовитыхъ мыслей. Быть можетъ, онъ сожалѣлъ объ утраченномъ равновѣсіи души.

„Де-и-энь хожу я, ночь гу-а-ля-ю...
Гру-устно се-и-эрдцу ма-е-му...“

пѣлъ Захарычъ и его измученная душа вся влилась въ эту широкую пѣсню. Точно не Захарычъ, а кто-то другой пѣлъ въ немъ:

„Сле-и-озы ка-атятся ручья-ми
Вдо-и-оль по бѣ-о-э-ло-му ли-цу...“

Задушевный, размашистый мотивъ переливался неожиданными переходами, опускался на нижнія ноты, замиралъ и вмѣсто того, чтобы оборваться, вдругъ переходилъ къ началу:

„Вдо-и-оль по бѣ-о-э-ло-му ли-цу...
Эхъ! Ша-и-а ру-мя-най на ще-кѣ-ѣ!...“

Пѣсня захватывала духъ, уносила съ собой и захлестывала душу своей широкой, стихійной, святой русской грустью...

А Захарычъ, крѣпко прижавъ руку къ щекѣ, забылъ обо всѣхъ и пѣлъ, слегка покачивая кудрявой головой, не замѣчая, какъ изъ закрытыхъ глазъ ручьемъ струились крупныя, пьяныя слезы.

VIII.

Пасха была ранняя. Снѣгъ еще не сошелъ хорошенько, и было то время, которое называется „ни на саняхъ, ни на колесахъ“. Въ воздухѣ пахло талымъ снѣгомъ и той особенной свѣжестью ранней весны, когда природа только еще ожидаетъ пробужденія, когда еще холодно, но солнце играетъ по-весеннему и надъ черными суками голыхъ деревьевъ вьются прилетѣвшіе грачи.

Эти первые нѣжные вздохи природы, еще не очнувшейся отъ зимняго сна, проникаютъ въ душу, какъ тихое дуновение, и люди чувствуютъ безсознательную жизнерадостность, приливъ силъ, бодрости, надеждъ и неясныхъ влеченій куда-то.

Надъ городомъ сіяло праздничное, радостное солнце, золоченые кресты на церквахъ, куполы и золотыя звѣзды на куполахъ горѣли ослѣпительнымъ сіяніемъ, и оглушительный пасхальный трезвонъ весело и ярко лился надъ городомъ подобно солнеч-

нымъ лучамъ. По улицамъ текла нарядная, веселая толпа. Несмотря на холодъ, преобладали легкіе, новенькіе костюмы; красныя бархатныя шляпки и лица дѣвушекъ, освѣщенные задорной улыбкой и разруганныя свѣжимъ и влажнымъ вѣтеркомъ, такъ и мелькали въ толпѣ и всѣ казались хорошенькими. По мостовой, кое-гдѣ очищенной отъ снѣга, мчались и санки, и пролетки съ „визитерами“ въ блестящихъ цилиндрахъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ эти цилиндры уже съѣзжали на затылокъ. На улицахъ всюду слышались пьяныя пѣсни. На извозчикѣ околоточный и будочникъ провезли „въ часть“ пьянаго городского.

Всѣ эти праздничныя картины и праздничные звуки покрывались и прикрашивались яркими лучами солнца и торжествующими колокольными звуками.

Къ дому купца Пенедѣльникова шумно подъѣхали три тройки. Съ длинныхъ линеекъ и дрогъ слѣзъ цѣлый хоръ пѣвчихъ: по заведенному изстари обычаю они разъѣзжали по богатымъ домамъ „съ концертомъ“.

Тутъ была цѣлая масса альтовъ и дискантовъ и толпа теноровъ и басовъ.

Регентъ взобрался на крыльцо и позвонилъ.

Хоръ стоялъ у крыльца, лѣниво переговариваясь между собою.

— Вотъ!—угрюмо говорилъ одинъ басъ съ фізіономіей бандита, въ безцвѣтномъ пальто съ чьихъ-то плечъ, еще болѣе широкихъ, чѣмъ его плечи, и въ майскихъ брюкахъ.—Цѣлый день хвораю: ужъ я и выпью, и закушу, и съ солью-то, и съ перцемъ—нѣтъ! Ни одно лѣкарство не помогаетъ!

Ржавчина скорчилъ постную рожу.

— Выпей настойки изъ еловыхъ шишекъ!—посоветовалъ онъ басу.

— А ты пиль?

— Пиль!

— Хорошо?

— Все равно, что въ еловомъ лѣсу сидишь и пьешь.

Дверь отворила одѣтая по-праздничному горничная и на вопросъ регента отвѣтила: „Пожалуйте!“

Лѣстница и прихожая сразу наполнились народомъ. Для удобства мальчишки раздѣвались на лѣстницѣ, а въ комнатѣ только большіе, но и имъ было тѣсно. Раздѣваясь и снимая галоши, всѣ толкали и мяли другъ друга. Торопливо проходили они въ залъ и становились по партіямъ. У Пенедѣльникова собрались гости и шель пиръ горой. Въ сосѣдней комнатѣ гудѣлъ пьяный говоръ и утробистый смѣхъ, а въ отворенную дверь виднѣлись

плотныя толстобрюхія фигуры въ длиннополыхъ сюртукахъ, мелькали окладистыя бороды, красныя, широкія лица.

Регентъ задалъ тонъ, обвелъ хоръ строгимъ взглядомъ измахнулъ руками.

Хоръ грянулъ:

„Тебе, Бога, хвалить!..“

„Тебе, Господа, исповѣдуемъ!..“

Быстро, торжественно и сильно загремѣли могучіе раскаты. Это была широкая, богатая, концертная музыка, сверкающая, многозвучная, полная вдохновеннаго восторга.

„Тебе по всей вселеннѣй!..“

Тенора высоко занеслись и дружно покрыли весь хоръ... А хоръ мощно и твердо гудѣлъ:

„Исповѣдуетъ святая Церковь...“

„Отца-а...“

густо затянули басы. Внизу всего хора, какъ бы изъ земли, плыла густая, сочная и вкусная октава. Что-то плодородное, ароматное и дѣвственное чувствовалось въ этихъ яркихъ и цѣльныхъ звукахъ, могучее и устойчивое. Казалось, что этотъ голосъ внесъ сюда всю природу, яркіе солнечные лучи, ихъ теплоту, ароматное дыханіе зеленыхъ степей, ихъ тайны и теплый запахъ согрѣтой солнцемъ земли. И каждому слову хора она придавала свое особенное, таинственное значеніе.

Какъ только загудѣла „октава“, купцы одинъ по одному стали вылѣзать въ залъ, и на ихъ заплывшихъ жиромъ лицахъ появлялась улыбка умиленія. Этотъ странный и рѣдкій голосъ, играющій въ духовныхъ хорахъ такую важную роль, неотразимо плѣнялъ купеческія души. Они знали счастливаго обладателя такой удивительно-широкой глотки и ободряюще подмигивали ему, съ нетерпѣніемъ ожидая самой низкой и густой ноты.

И онъ, наконецъ, взялъ эту ноту.

Это былъ звукъ, словно доходившій изъ бездны,—глубокій, таинственный и внушающій невольное чувство страха и уваженія.

Захарычъ стоялъ позади всѣхъ басовъ и пускалъ въ воздухъ свои потрясающія сердца купцовъ ноты.

Фигура его была ужасна. Приземистый, съ богатырской грудью, съ громадной вихрастой головой на короткой и сильной шеѣ, съ аляповатымъ, безобразнымъ лицомъ, похожій на истукана, онъ, какъ на сваяхъ, крѣпко стоялъ на короткихъ и неуклюжихъ ногахъ и свирѣпо водилъ исподлобья огромными глазами, налитыми кровью отъ пьянства. Страшная густота голоса не позво-

ляла ему выговаривать словъ, и онъ только бессмысленно ревъль, опустивъ голову, какъ буйволь.

Послѣ громогласнаго „Христосъ воскресе“ мальчики ушли, а большіе пѣвчіе сдѣлали видъ, что тоже хотятъ уходить, но знали, что Понедѣльниковъ имъ уйти не позволить.

— Господа! По рюмочкѣ! Закусить! Пожалуйста!—провозгласилъ онъ, обращаясь къ хору, а самъ, положивъ обѣ пятерни на свое огромное брюхо, осклабяясь, подошелъ къ регенту.

— Ну, братъ, и реветъ же у тебя Захарычъ твой! Утѣшилъ, одно слово! Хо-хо-хо-хо!

При одномъ воспоминаніи о томъ, какъ реветъ Захарычъ, ему становилось смѣшно.

— Октава—краса хора!—самодовольно отвѣчалъ регентъ.

— Да ужъ вѣрно, братъ! Она, матушка, какъ загудить—отъ нея весь хоръ стонеть! Хо-хо-хо! Ну, а что, пьеть вѣдь?

— Пьеть, Лука Савельичъ! Подержался было сначала-то, а теперь никогда трезвымъ-то и не бываетъ! Ужъ это голосъ такой! Безъ водки и пѣть не можетъ,—машина не дѣйствуетъ, а выпьеть полбутылки—приходить въ свою нормальность. Самый голосъ тяготитъ такого человѣка! Тяжело имѣть октаву!.. Ну-съ!—перемѣнилъ тонъ регентъ,—мы ужъ вами закончили визиты, Лука Савельичъ! Знаемъ, что у васъ можно отдохнуть.

— А то какъ же! Чай, не впервой! По заведенному порядку, выпьемъ, пѣсенъ попоете намъ!

— За этимъ дѣло не станетъ, Лука Савельичъ!

— А это что у васъ, новенькій?

— Да, недавно поступилъ! Изъ выгнанныхъ студентовъ будетъ. Наукъ не кончилъ и въ пѣвчіе попалъ! Хе-хе-хе!

— Высихъ, значить, наукъ?

— Хе-хе-хе!

— Вышія науки ни къ чему!—икая, вмѣшался въ разговоръ другой купецъ съ лошадинымъ хвостомъ вмѣсто бороды.—Жиль у меня одинъ этакій на фатерѣ. Онъ—то, се, но, между прочимъ, меня не проведешь. Я „ихъ“ наскрозъ вижу, этихъ вышихъ-то наукъ! Никакого толку! Вотъ бѣса тѣшить,—это ихъ дѣло!

Между тѣмъ пѣвчіе не дремали около длиннаго стола съ винами и закусками. Тамъ шла дѣятельная выпивка.

Захарычъ, мрачный и молчаливый, опрокидывалъ въ себя рюмки съ такой быстротой, точно мухъ ловилъ. Сначала онъ выпилъ три рюмки, стоявшія рядышкомъ. Потомъ увидалъ шесть и началъ ихъ выплескивать въ себя одну за другой, безъ закуски, но при послѣдней рюмкѣ почувствовалъ, что кто-то ти-

хонько взялъ его за рукавъ. Это былъ регентъ. Онъ пошевелилъ длинными усами, сверкнулъ строгими глазами и покачалъ головой.

— Не пей ты хоть по шести-то!—укоризненно произнесъ онъ. Захарычъ отмахнулся отъ регента.

— Отвяжись!—пустилъ онъ въ удивительно низкую, великолѣпную ноту.

Регентъ махнулъ рукой и тоже вышилъ.

— Нѣтъ лучше голоса, какъ октава! — разглагольствовали купцы.—Ну что, напримѣръ, теноръ? Такъ себѣ, жидкій голосъ, отъ него только мозоли ужжать! А у Захарыча—голосъ! Мы его завсегда ублаготворимъ: одежду съ себя пропьемъ, одѣнемъ! Посуду въ трактирѣ перебьемъ, заплатимъ! Напейся онъ сейчасъ—сбережемъ! Онъ—нашъ!

— Вѣрно! Ну, тоже есть и верха, которые... хо-хо-хо! Кэ-экъ тяпнетъ!

— Ну, верха-то я и самъ тяпну!

Тутъ же шелъ и религіозный споръ.

— Я говорю тебѣ, дурья башка, что на томъ самомъ, значить, мѣстѣ, гдѣ стоитъ гора Голгова, откопанъ былъ Адамовъ мосоль...

Собесѣдникъ икнулъ и перебилъ серьезно:

— Врешь, не мосоль!

— Нѣтъ, мосоль!.. И вотъ, значить...

— Не мосоль, говорятъ тебѣ!..

— Какъ не мосоль?

— Голова, а не мосоль! Писанія не знаешь!

— Нѣтъ, мосоль!

Какой такой мосоль?

— Вотъ... такой! — И спорившій, растопыривъ ладони, увѣренно и съ точностью показалъ, какой длины былъ мосоль.

Въ комнатѣ стоялъ гулъ голосовъ. Всякій говорилъ свое. Чья-то могучая длань ласково трясла регента за шиворотъ и любовно приговаривала:

— Вели имъ пѣсню пѣть, чортовъ кумъ, варягъ ты эдакій!.. Деймонъ!

Вскорѣ хоръ собрался въ кучу. Ржавчина, специалистъ по части „свѣтскаго“ пѣнія, занялъ мѣсто регента. Началось пѣніе.

„Многи лѣта, многи лѣта,
Православный русскій царь!“

гремѣлъ хоръ, и толстыя брюха слушателей колебались отъ эстетическаго наслажденія.

„Отъ Кав-ка-за до Ал-та-я.
Отъ А-му-ра до Двѣи-ра!“

отчеканивали басы „стокатто“, а тенора такъ залились, что даже Понедѣльниковъ, не любившій ихъ, притопнулъ ногой и крикнулъ:

— Унеси ты мое горе!

Захарычъ совсѣмъ не могъ выговаривать мудреныхъ словъ и только хрюкалъ, покрывая весь хоръ:

„Отъ Шалтая до Болтая.
Отъ Болтая до Шалтая!“

Купцы были очень довольны. По окончаніи пѣсни они такъ и вцѣпились въ него и, облѣпивъ его, какъ мухи, начали его накачивать водкой.

А Захарычъ пилъ ее, какъ воду.

Наконецъ, онъ свалился подъ столъ и заснулъ. Купцы долго старались растрясти его, но все было тщетно. Онъ спалъ богатырскимъ сномъ.

— На снѣгъ его, ребята!—догадался одинъ купецъ. — Тамъ оклемается!

— Вѣрно! —подтвердили остальные. — Перенесемъ его съ честью!

— Коверъ ему на снѣгу постелемъ!

— И графинъ подъ самое рыло!

— Хо-хо-хо! Октава!..

Мысль о томъ, что Захарычъ проснется не въ комнатѣ, а на снѣгу, показалась всѣмъ купцамъ забавной.

Они подняли на руки спящаго богатыря и торжественно понесли его на дворъ.

— Держи голову-то, чортъ!

— Спи-ну-то, спи-ну-то подопри!

— Ничего, тащи, ребята!

— Клади! Такъ!

— Ну, не трогъ, спать! Человѣкъ не свинья,—выснитса, самъ встанетъ!

— Хо-хо-хо-хо!

Съ насмѣшливымъ почетомъ уложили они мертвецки-спящаго октависта на кучѣ снѣга, постеливъ грязную рогожу; кто-то всунулъ ему запазуху бутылку съ простой водой.

Затѣмъ всѣ возвратились въ комнаты и позабыли о немъ. Начался самый разгаръ пиршества. Въ комнатахъ зажгли уже лампы. Начался плясъ и „дымъ коромысломъ“. Пѣвчіе опьянѣли и охрипли отъ неустаннаго оранья.

Пѣсни пошли разухабистыя.

„Вдоль по улицѣ молодчикъ.
Моло-о-одчикъ идетъ“!..

свирѣпствовали пьяные басы хриплыми и дикими голосами.

— Дѣл-лай!—мычали купцы, уже безпомощно притопывая грузными ножищами и тщетно пытаясь подняться съ кресель. — Отчихвощивай! Жарь!

Ржавчина, до-нельзя пьяный, покачиваясь, дирижировалъ хоромъ. Двое басовъ поддерживали его подъ руки, чтобы онъ не упалъ. Длинные волосы свѣсились Ржавчинѣ на пьяное лицо. Онъ безпомощно разводилъ руками, словно желая полетѣть, и подпѣвалъ хору тоненькимъ и пьяненькимъ теноркомъ:

„Вдоль на ши-рокой удача го-ло-вва...“

А хоръ опять ревѣлъ нестройно и дико:

„Моло-о-одчикъ!.. Моло-о-дчикъ идетъ!..“

Вдругъ на порогѣ появилась эпическая фигура Захарыча. Онъ весь былъ мокръ, въ кудрявыхъ его волосахъ блестяли капли растаявшаго снѣга. Его налитые кровью глаза смотрѣли свирѣпо. Онъ держался обѣими руками за косяки двери и, покачиваясь, нѣсколько секундъ смотрѣлъ на кутерьму въ комнатѣ,—и вдругъ грянулъ голосомъ, наводящимъ ужасъ:

„Взы-ы-де Б-бо-о-огъ!..“

Ревъ хора, гамъ, гвалтъ и весь стонъ кутежа—все было накрыто этимъ чудовищнымъ голосомъ, отъ котораго, казалось, вздрогнули стѣны.

Захарычъ шагнулъ къ длинному столу съ винами и закусками, схватилъ за уголь скатерть и сдернулъ все со стола на полъ. Раздался адскій громъ и звонъ. Всѣ загалдѣли и бросились на Захарыча, а онъ швырялъ всѣхъ, какъ щенятъ, полный гнѣва и ярости, билъ и ломалъ все и всѣхъ и ревѣлъ, какъ быкъ, котораго обожгли раскаленнымъ желѣзомъ:

— Вотъ вамъ за Томашевского! Вотъ вамъ за овесъ! Вотъ вамъ за снѣгъ! Всѣ вы сволочь! Всѣ вы анаемы!..

— Берите его, вяжите его, бейте его!—кричалъ Понедѣльниковъ.

Началась каша; свалка, всеобщая потасовка; звонъ разбитой посуды, крикъ, визгъ, плачь и ругань покрывалъ громовой голосъ Захарыча:

— Сокрушу! Истреблю!..

IX.

Захарычъ былъ уволенъ изъ хора и куда-то пропалъ. Прошло нѣсколько лѣтъ. По временамъ въ пѣвческій міръ приходили слухи о немъ. Говорили, что онъ поступилъ въ капеллу Славянскаго и путешествуетъ по Европѣ. Потомъ прошелъ слухъ, что онъ опять въ Россіи и поетъ въ митрополичьемъ хорѣ. Потомъ кто-то видѣлъ его въ Ростовѣ-на-Дону, откуда онъ опять исчезъ. Встрѣтили его разъ путешествующимъ пѣшкомъ по монастырямъ и поющимъ въ монастырскихъ хорахъ. Но несмотря на соблазнительныя условія и ухаживанія содержателей хоровъ, онъ нигдѣ не хотѣлъ остановиться и все куда-то шелъ. Онъ превратился въ очень распространенный и многочисленный типъ „странствующаго пѣвчаго“. Это—пѣвчіе-бродяги, особый элементъ босяковъ, у которыхъ бродячая жизнь превратилась въ страсть.

И вдругъ лѣтъ черезъ семь послѣ своего исчезновенія Захарычъ снова появился въ томъ же городѣ.

Появился онъ на амвонѣ кафедральнаго собора во время архіерейской службы. Въ то время, какъ архіерей вышелъ на амвонъ благословлять народъ, около праваго клироса тѣсная толпа колыхнулась, и на амвонъ поднялся изъ толпы Захарычъ.

Онъ былъ сѣдой, какъ лунь. Кудри его, какъ серебряные, были опущены до плечъ. Онъ похудѣлъ, немного согнулся, грудь уже не была выпуклой.

Одѣтъ Захарычъ былъ живописно: на немъ была короткая синяя крестьянская куртка, стеганая на ватѣ, синіе порты и лапти.

Нисколько не стѣсняясь этого костюма, онъ прежде всего сдѣлалъ земной поклонъ иконѣ Спасителя, затѣмъ торжественно поклонился въ поясъ народу, потомъ архіерею, который какъ разъ въ это время осѣнялъ народъ крестомъ, осѣнилъ и Захарыча, какъ бы въ отвѣтъ на его поклонъ, послѣ чего уже поклонился Захарычъ пѣвчимъ и всталъ на клиросъ.

Его узнали всѣ: и народъ, и архіерей, и пѣвчіе. Пѣвчіе привѣтствовали его радостными улыбками, но въ Захарычѣ было теперь нѣчто строгое и внушительное. Похудѣвшее и поблѣднѣвшее лицо его приобрѣло болѣе твердыя и опредѣленныя черты: оно казалось одухотвореннымъ какой-то вдумчивостью и носило отпечатокъ той рѣдкой и странной симпатичности, которая бываетъ или у людей очень образованныхъ, или очень много страдавшихъ.

Въ хорѣ загудѣла его значительно ослабѣвшая, но все еще хорошая октава. Она была уже разбита и распатана, и колебалась

крупными, грустными волнами. Эта печальная вибрація придавала его пѣнію особенное меланхолическое выраженіе: казалось, что онъ поетъ, вдумываясь въ каждое слово, съ глубокимъ чувствомъ и пониманіемъ, растроганный и созерцающій красоту звука и смысла словъ. Онъ отгѣнялъ тончайшіе художественные эффекты пѣнія, зависящіе отъ октавы, и показатъ себя артистомъ этого дѣла: видно было, что онъ побывалъ въ хорошихъ рукахъ и прошелъ серьезную школу церковнаго пѣнія.

Послѣ обѣдни онъ также истово помолился иконамъ, съ земными поклонами, и сказалъ пѣвчимъ:

— Прощайте!

Всѣ изумились.

— Куда же ты, Захарычъ? Поступай къ намъ въ хоръ: архіереи тебя желаетъ!

Захарычъ тряхнулъ своими длинными серебряными кудрями и сказалъ внушительно:

— Я послѣднюю обѣдню сюда пришелъ пропѣть, чтобы, гдѣ началъ, тамъ и кончить. На родину иду, назадъ, въ деревню. Схожу съ клироса и никогда не ворочусь къ вамъ. Будетъ! Смирилась во мнѣ душа! Изыдетъ духъ его и возвратится въ землю свою!

Захарычъ говорилъ поучающимъ тономъ, строго посматривая на пѣвчихъ.

И видно было изъ его рѣчей, выраженія лица и всѣхъ его манеръ, что онъ уже „знаетъ“ что-то такое о жизни, знаетъ что-то особенное, ему одному извѣстное.

Я недавно встрѣтилъ Захарыча послѣ долгой разлуки. Это было въ приволжскомъ небольшомъ селѣ. Тамъ плотники строили деревянную церковь, почти на самомъ берегу Волги. Сельцо пріютилось между двухъ высокихъ горъ, раздѣленныхъ узкимъ ущельемъ. Казалось, что село высунулось изъ ущелья на свѣтъ Божій, но при малѣйшей опасности вновь спрячется въ жигулевскія дебри.

Стояла погожая, теплая, ведряная осень, какая рѣдко бываетъ. Солнце сіяло, какъ весной. Волга лѣниво и мечтательно разстилалась кругомъ, спокойная и медленная до неподвижности, блестящая подъ спокойно-привѣтливими и нѣжно-меланхолическими лучами осенняго солнца.

Величавыя горы, Жигулевскія, съ одного берега и Сокольничьи—съ другого, поросшія кудрявымъ разноцвѣтнымъ лѣсомъ, тянулись чудной, сказочной панорамой по обѣимъ сторонамъ рѣки.

Листва желтѣющихъ деревьевъ поражала и восхищала богатствомъ и разнообразіемъ красокъ: были деревья съ ярко-красными листьями, оранжевыми и блѣдно-розовыми, березы стояли, словно убранныя золотомъ, а оголенные вѣтви издали сливались въ нѣжно-голубую дымку. Казалось, что горы усыпаны сорванными разноцвѣтными розами. Волга лежала между этими грудями розъ, словно спящая красавица. Изъ-подъ кудрявой опушки лѣса, у самой воды, бѣлой лентой тянулся отвѣсный каменный берегъ. Внизу, подъ величавой громадой горъ, плыли лѣнныя плоты, бѣжали коричневыя „косоуши“ съ косымъ бѣлымъ парусомъ, мелькала рыбацкая лодка.

И все это, по сравненію съ громадными размѣрами окружающей природы, было игрушечнымъ, хрупкимъ и ничтожнымъ: барки казались орѣховой скорлупой, плоты съ ихъ избушками казались крошечными, а люди на нихъ—букашками. Чувствовалось ничтожество человѣка, его дразгъ, тревоженій и ухищреній по сравненію съ вѣчно-спокойной, чудесной въ красотѣ своей природой. Горы съ удивленіемъ и презрительно смотрѣли на хлопотливый пароходишко, лопотавшій что-то своими колесами, и точно спрашивали другъ друга; „Кто это ползеть?“ И дальше тянулись все такія же внушительныя и молчаливыя горы, убранныя разноцвѣтными кудрями лѣса, погруженныя въ свои таинственныя и важныя думы, чуждыя всего людского. Волга уходила въ даль широкою, блестящей, трепетавшей на солнцѣ серебряной лентой и сливалась съ прозрачнымъ горизонтомъ. Сказочная, картинная красота природы, плѣнявшая размашистыми штрихами, дышала мощью и величавымъ спокойствіемъ. Гдѣ-то недалеко отъ строившейся церкви копошились плотники въ разноцвѣтныхъ рубахахъ, и въ чистомъ горномъ воздухѣ звучала веселая пѣсня.

„Катай, наши, катай!
Знай, покатывай, катай!..“

заливались звонкіе фальцеты и тенора, перебрасывая пѣсню низкимъ голосамъ, а тѣ подхватывали ее налету и густо вторили:

„Валяй, наши, валяй,
Знай, поваливай, валяй!..“

Около церкви тяпали топорами, пилыщики распиливали сырыя, пахучія балки, а на вершинѣ обнаженныхъ реберъ купола работалъ старикъ съ длинными, сѣдыми волосами и пѣлъ распатаннымъ печальнымъ басомъ какіе-то духовные стихи. Его голосъ далеко было слышно, и по этому голосу и сѣдымъ кудрямъ

я узналъ Захарыча. Я направился къ церкви, и его пѣніе стало яснѣе доноситься до моего слуха.

„Не надѣйтесь на князи,
На сыны чловѣческіе,
Въ нихъ же вѣсть спасенія.
Господь любитъ праведники,
Господь рѣшитъ окованныя,
Господь умудряетъ слѣпцы...“

Эти прекрасныя слова такъ хорошо и просто звучали подъ куполомъ синяго неба. Разбитая печальная октава непринужденно и свободно звучала надъ спокойной рѣкой и уплывала въ горы. Около церкви на припекѣ улеглось небольшое стадо овецъ. Съ колокольни выглянула огромная голова старика съ длинными, сѣдыми кудрями и рявкнула громовымъ голосомъ:

— Тря!..

Овцы съ гуломъ шарахнулись отъ колокольни, а изъ купола опять поплыло густое пѣніе подъ мѣрныя удары блестящаго топора:

„Господь хранить пришельцы
И путь грѣшныхъ погубить...“

— Захарычъ!—закричалъ я.—Это ты, что ли?

Захарычъ посмотрѣлъ на меня съ высоты колокольни, узналъ и бросилъ пѣть. Хорошъ онъ былъ въ своемъ вѣнцѣ изъ бѣлыхъ, какъ серебро, кудрей.

— Я!—густо отвѣтилъ онъ.—Айда сюда!

Я влѣзъ къ нему.

Захарычъ воткнулъ топоръ носомъ въ бревно, которое тесалъ, сѣлъ на бревно и не безъ важности далъ мнѣ аудіенцію. Онъ былъ въ синей своей курткѣ и въ лаптяхъ. Лицо его дышало спокойствіемъ и увѣренностью въ самомъ себѣ.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!—сказалъ онъ мнѣ.

— Давненько не видались!—отвѣчалъ я.—Ты вотъ ушелъ отъ насъ,—опять плотничаешь!

Захарычъ усмѣхнулся.

— Опять плотничаю!—сказалъ онъ.

— Что же ты изъ города-то ушелъ? Вѣдь тамъ ты голосомъ впятеро больше зарабатываешь, чѣмъ здѣсь топоромъ!..

Захарычъ опять усмѣхнулся надо мной.

— А наплевать мнѣ на ваше „впятеро!“—отвѣчалъ онъ.—Ты посмотри только отсюда на Волгу, на горы! Здѣсь душа отъ всей вашей скверны покоя не находитъ, а тамъ она мятется попусту!..

Видъ съ колокольни былъ дѣйствительно чудный, чарующій.

— Но вѣдь красота и въ пѣниі есть, Захарычъ! — возразилъ я.—Отчего ты не поешь въ оперѣ въ хору или у Славянскаго?

Захарычъ съ презрѣніемъ усмѣхнулся, помолчалъ, словно ему приходилось отвѣчать на ребяческій вопросъ, и затѣмъ сказалъ мнѣ строго и внушительно:

— Я пою Богови моему!..

Скиталецъ.

ГАРМОНИЯ СЛОВЪ.

Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
Были громы гввучихъ страстей?
И намеки на звонъ всѣхъ временъ и пировъ,
И гармонія красочныхъ словъ?
Почему въ языкѣ современныхъ людей
Стукъ сыпаемыхъ въ яму костей?
Подражательность словъ, точно эхо молвы,
Точно ропотъ болотной травы?
Потому что, когда, молода и горда,
Между скалъ возникала вода,
Не боялась она прорываться впередъ,—
Если станешь предъ ней, такъ убьетъ.
И убьетъ, и зальетъ, и прозрачно бѣжитъ,
Только волей своей дорожитъ.
И рождается звонъ для грядущихъ временъ,
Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

К. Бальмонтъ.

Очеркъ по исторіи собственности въ древней Греціи.

С. Platon'a.

Переводъ съ французскаго *К. Лев—наго.*

I.

Гиро въ своей „Исторіи земельной собственности въ Греціи до завоеванія римлянъ“ приходитъ къ заключенію, что Греція, какъ нація, какъ независимое государство, свободно выражающее свой геній, погибла подъ вліяніемъ права собственности. Она погибла, потому что громадная масса населенія не имѣла никакихъ интересовъ, которые связывали бы ее съ землей, не имѣла ни одного изъ тѣхъ опредѣленныхъ средствъ существованія, которыя дѣлаютъ жизнь пріятной и заставляютъ ее любить, потому что ничтожное меньшинство наслаждалось тѣми самыми богатствами, которыхъ не доставало у значительнаго большинства, и рѣшительно, сознательно, по признанію, напримѣръ, Полибія (Guiraud, стр. 629), ставило спѣсь своего класса, свою жадность къ деньгамъ выше интересовъ отечества. Я, конечно, не настаиваю, что Гиро говоритъ именно этими словами, но я смѣло утверждаю, что такова его мысль. Выраженія Гиро ясны и точны и не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ того пункта, что именно собственность (собственники) предала древнее греческое отечество и допустила его погибнуть подъ римской пятой. „Эллинская буржуазія сама почти шла навстрѣчу римскому господству“ (стр. 628); если всѣ партіи послѣдовательно прибѣгали къ чужеземной помощи, то въ особенности дѣлала это аристократія, выказывавшая наибольшую покорность иноземцамъ“ (стр. 627). На стр. 628 онъ прибавляетъ: „Когда греческая буржуазія шла навстрѣчу римскому владычеству, она знала, что при новомъ порядкѣ вещей именно она будетъ полновластно господствовать въ муниципальномъ управленіи (городовъ)“, она также знала (стр. 629), „что римляне не потерпятъ, чтобы праву собственности грозила постоянная опасность со стороны обнищавшей и жадной толпы“. „Ихъ противники (демократы),—говоритъ Гиро, настолько же, какъ и они (аристократы), были отвѣтственны за ихъ поведеніе (поведеніе аристократовъ). Угрозы первыхъ оправдываютъ эту боязнь и эти антипатріотическіе поступки“. Однако, въ другомъ мѣстѣ Гиро является

менѣе рѣшительнымъ. Не почувствовалъ ли онъ себя немного неловко въ роли адвоката богатыхъ? На стр. 632 онъ говоритъ: „Высшая аристократія съ радостью аплодировала поражению греческой арміи при Скарфѣ, а затѣмъ при Левкопетрѣ (въ 146 г. до Р. Х.), и всюду можно было слышать: „Мы пропали бы если бы не поторопились потерпѣть поражение“. И затѣмъ онъ прибавляетъ: „Печальные слова, отвѣтственность за гнусность которыхъ падала на тѣхъ, чьи угрозы оправдывали подобные страхи, и на тѣхъ, кто изъ-за своего эгоизма приносилъ все въ жертву своей трусости“. Какъ видите, здѣсь гнусность подѣлена, и богатые получили свою долю. Адвокатъ смиловивился.

Итакъ, одной изъ самыхъ важныхъ причинъ паденія Греціи является раздѣленіе cadaго города на два враждебныхъ лагеря,—на собственниковъ и неимущихъ, существованіе въ государствѣ двухъ различныхъ и противоположныхъ государствъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ праву собственности. Такимъ образомъ, исторія собственности является для насъ тѣмъ, что составляетъ внутреннюю сущность въ исторіи античнаго общества. Именно на этомъ пунктѣ мы должны сосредоточить всѣ наши усилія. Греція погибла благодаря собственности; собственность предала отечество. Не былъ ли предвидѣнъ этотъ результатъ наиболѣе проинцательными сынами Греціи? Не предлагались ли для предотвращенія этой гибели какія-нибудь средства? Вотъ два вопроса, очевидно тѣсно между собою связанные, разрѣшеніе которыхъ взаимно освѣщаетъ другъ друга. Книги Гиро и Пельмана, появившіяся въ одно время, въ сущности изслѣдуютъ одинъ и тотъ же вопросъ съ двухъ сторонъ. Одинъ задался цѣлью болѣе подробно показать, какимъ образомъ совершилась концентрація богатствъ, которая и создала это ненормальное положеніе двухъ классовъ населенія, чуждыхъ или, лучше сказать, враждебныхъ другъ другу, живущихъ бокъ-о-бокъ въ одномъ городѣ; другой изслѣдуетъ предлагавшіяся средства, попытки со стороны наиболѣе выдающихся грековъ, направленные къ тому, чтобы отклонить отъ Греціи эту судьбу. Какова же была исторія собственности въ Греціи? Какимъ образомъ произошла индивидуальная собственность и какимъ путемъ дошла она до только что указанныхъ нами гибельныхъ слѣдствій? Вотъ первый вопросъ, подлежащій нашему разрѣшенію.

Гиро не допускаетъ существованія въ Греціи первобытныхъ временъ коллективной собственности. Для него не менѣе, чѣмъ и для его учителя,—я говорю о Фюстель-Куланжѣ,—коллективная собственность, собственность коммунистическая, является чѣмъ-то чудовищнымъ, явленіемъ совершенно непонятнымъ и аномальнымъ, которое идетъ прямо вразрѣзъ съ общепризнанными элементарными, всѣмъ извѣстными законами человѣческой природы. Гиро, очевидно, былъ бы прямо оскорбленъ, если бы какое-нибудь неопровержимое доказательство заставило его признать, что греческій народъ началъ свою исторію съ коммунизма и, послѣ перехода отъ кочевого и пастушескаго быта къ осѣдлому и земледѣльческому, долгое время жилъ, не зная частной собственности на землю. Единственная уступка, которую онъ рѣшается сдѣлать, состоитъ въ томъ, что право частной собственности (стр. 2) „можетъ быть понимаемо двойко и могло принадлежать или индивиду, или семьѣ“. Для того, чтобы существовала община, необходимо, чтобы земля

принадлежала всему народу, всему племени, всей деревнѣ безъ различія лицъ и семей. Къ сожалѣнію, Гиро не считаетъ нужнымъ изслѣдовать, является ли положеніе приверженцевъ сравнительнаго правовѣдѣнія, въ силу котораго всѣ человѣческія общества начали свою исторію періодомъ общности имущества, примѣнимымъ къ первобытной Греціи, какъ къ большинству другихъ странъ. Гиро предпочитаетъ проявлять свое дурное расположеніе духа и выражать свое отвращеніе къ этому положенію; онъ предпочитаетъ это методическому изслѣдованію самого факта и этимъ только подставляетъ себя подъ мѣткіе удары Лафарга. Вѣдь между семьей, въ которой Гиро согласенъ видѣть возможнаго субъекта права собственности, и *деревней*, которая, по его мнѣнію, владѣла бы землей въ случаѣ дѣйствительной общины, нѣтъ въ сущности безусловнаго противорѣчія. Семья иногда разрастается или можетъ разростись въ деревню; можетъ случиться, что деревня будетъ ничѣмъ инымъ, какъ разросшеюся семьей. При этомъ переходномъ состояніи, гдѣ родъ есть деревня, и деревня—родъ, надо разяснить имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ общинной или съ частною собственностью?

Гиро не объясняетъ этого. Намѣренно держась туманныхъ выраженій и не желая внимательнѣе и ближе взглянуть въ вопросъ, онъ кончаетъ полными отрицаніемъ того, что вначалѣ утверждалъ. „Строго говоря, возможно, что въ какой-либо моментъ греки находились въ положеніи народовъ, у которыхъ земля представляетъ общую собственность“ (стр. 23). На стр. 22 онъ говоритъ: „Какъ только эллины пришли въ Грецію, они стремились къ осѣдлости тѣмъ болѣе, что и очертаніе страны было неблагоприятно для частыхъ переселеній. Но отсюда не слѣдуетъ, что именно въ это время у нихъ появилась частная собственность“. Не кажется ли вамъ послѣ этого, что Гиро очень близокъ къ допущенію, что въ эпоху, очень и очень отдаленную, у грековъ могъ существовать аграрный коммунизмъ? Но не спѣшите съ вашимъ заключеніемъ. Нашъ авторъ думаетъ не такъ. Но „возможное явленіе,—спѣшить онъ прибавить,—не есть еще реальное“. Вотъ это ужъ вполне опредѣленно. Но нѣтъ: „Во всякомъ случаѣ, если греки и жили въ такихъ условіяхъ (аграрнаго коммунизма), они не должны были долго оставаться въ этомъ періодѣ. Это, быть можетъ, и является причиной того, что въ памятникахъ не осталось объ этомъ никакихъ слѣдовъ“.

Иначе на дѣло смотритъ Пельманъ: онъ вовсе не отрицаетъ идеи деревенской или родовой общины. На стр. 10 онъ говоритъ, что „онъ не отвергаетъ значенія извѣстной цѣны сравнительнаго метода; онъ не изъ тѣхъ, для которыхъ *quod non est in fontibus, non est in mundo*. Онъ не думаетъ, что существованіе частной поземельной собственности восходитъ къ самому началу греческой исторіи, и полагаетъ, что вовсе не является тщетнымъ и неосуществимымъ усиліе попытаться приурочить ея происхожденіе къ какому-либо данному моменту историческаго развитія. Но историкъ нуждается въ обоснованной увѣренности, которую философъ и социологъ могутъ съ полнымъ основаніемъ обходить, удовлетворяясь прочно установленными аналогіями и осторожными индукціями“.

Съ какой же формы коллективнаго пользованія землей начали эллины? Была ли

эта коллективная собственность семьи, рода (Sippenverband)? Можно ли объяснить наиболее древнюю эпоху экономического развития эллинов по образцу германских и славянских институтов (стр. 13)? Съ того самого момента, когда эти родовые группы трансформировались въ территориальныя, не получить ли каждый глава семьи въ вѣчно наследственное владѣніе назначенный ему участокъ земли. Можно утверждать только двѣ вещи: во-первыхъ, уже съ самаго начала, во всякомъ случаѣ вначалѣ, политическое общество тѣсно сливается съ родовою группою, — его устройство опредѣлялось строемъ этой послѣдней. и въ послѣднемъ счетѣ личныя отношенія родства были фундаментомъ всего аграрнаго строя и въ то же время соціальной организаціи. Родовыя названія аттическихъ общинъ (Philaidai, Paionidai, Butadai et cet.) доказываютъ, что группа, которая первоначально обосновалась на землѣ, была той же семейной группою (χωμη, δῆμος). Впослѣдствіи, уже въ историческую эпоху, не осталось, кажется, больше слѣдовъ этого примитивнаго коммунизма. Въ этомъ пунктѣ осторожная критика Пельмана приходитъ къ выводамъ, сходнымъ съ предубѣжденіями Гиро: практика и юридическіе институты, правильно понятыя, могутъ быть объяснены помимо допущенія коллективной и коммунистической родовой собственности. Болѣе или менѣе важныя ограниченія, внесенныя въ право свободного распоряженія собственника, необходимость согласія членовъ общины на продажу недвижимости или дома, по крайней мѣрѣ, ихъ присутствія при сдѣлкѣ въ качествѣ свидѣтелей, и ихъ право въ этомъ званіи получать незначительное вознагражденіе, право выкупа для членовъ общины даже съ ущербомъ для посторонняго приобретателя, — все это въ достаточной степени объясняется еще черезчуръ личнымъ, родовымъ характеромъ группы, безъ всякой необходимости допускать общность имущества, одинъ изъ видовъ совладѣнія всѣхъ членовъ. Единственный текстъ, казалось бы, говоритъ за коллективную собственность народа, именно одно мѣсто закона Гортинія, формально признающее право наследованія за всѣми членами рода. Въ сущности оно ничего не доказываетъ: оно признаетъ за членами фило, непосредственно послѣ ближайшихъ родственниковъ, право на руку дочери-наследницы (VIII, § 8). Но первоначальная идея этого закона не имѣла отношенія собственно къ имуществу, — такой характеръ она получила въ относительно позднюю эпоху юридическаго развитія.

*
*
*

Собственно историческій періодъ греческихъ институтовъ начинается для насъ съ гомеровской эпохи. Съ „Иліады“ и „Одиссеи“ открывается писанная исторія. Что мы можемъ извлечь положительнаго для предмета нашего изслѣдованія изъ этихъ драгоценныхъ памятниковъ древняго эпоса?

Одинъ французскій ученый, Эсменъ, хотѣлъ отыскать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Иліады“ и „Одиссеи“ достовѣрныя доказательства существованія коллективной собственности въ эпоху Гомера. По его мнѣнію, собственникомъ земли была община, которая и дѣлила ее для эксплуатаціи на равныя доли, надѣляемая на извѣстное число лѣтъ каждой отдѣльной семьѣ; съ истеченіемъ законнаго срока раздѣлъ возобновлялся снова. Въ знаменитой картинѣ „палачъ“ (мясникъ)

Ахиллеса („Иліада“, XVIII, ст. 541 и слѣд). Эменъ находитъ доказательство принадлежности земли общинѣ. Эту землю многіе земледѣльцы обрабатывали сообща; она дѣлилась на равныя части, хлѣбопашцы были ихъ временными владѣльцами. Они пахали въ одно время, такъ какъ этого требовали условія коллективной собственности (Guigaud, стр. 39).

Эменъ ошибается. Нигдѣ Гомеръ не говоритъ о коллективной собственности и культурѣ. Гиро и Пельманъ, каждый посвоему, доказываютъ это вполне основательно. У Гомера въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно найти указанія только на семейную общину. Дворецъ царя Пріама. этотъ дворъ, вмѣщающій въ себѣ комнаты и апартаменты для его сыновей и дочерей, семейныхъ и холостыхъ, что это, какъ не „славянская задруга?“—говоритъ Пельманъ.

Различный способъ завладѣванія безъ сомнѣнія повелъ къ развитію права различной собственности. Если при раздѣлѣ во время обоснованія выступала община, тогда эта многочисленная и значительная группа могла очень легко завоевать у племени большую экономическую независимость; въ такомъ случаѣ коммунистическій режимъ — общая эксплуатація цѣлымъ народомъ, цѣлымъ племенемъ или цѣлой деревней — могъ быть уничтоженъ сразу. Получилась бы родовая община, но не деревенская, не съ аграрно-коммунистическимъ режимомъ. Аналогичный случай приводитъ Аристотель (Р. 1, 7, 1252 — б), случай деревни, деревенской общины, которая была ничѣмъ инымъ, какъ разросшейся семьей. Изъ первоначальной семьи выдѣлялись, селясь вокругъ нея, маленькія колоніи, составившія съ нею настоящую родовую общину. Случай вполне возможный и практически, и исторически. Палацікій, выдающійся историкъ сѣверныхъ славянъ („Geschichte von Böhmen“, р. 168), приводитъ въ подтвержденіе фактъ изъ жизни славянъ Богемской возвышенности. Когда домъ не могъ вмѣстить болѣе значительнаго числа своихъ членовъ, семьи выходили и селились по-сосѣдству съ ними; такимъ путемъ возникли наиболѣе древнія славянскія деревни этого края. То же самое явленіе мы наблюдаемъ въ болѣе позднюю эпоху у южныхъ славянъ.

Къ сожалѣнію, нигдѣ греческая исторія не застаётъ этой первобытной родовой общины, путемъ разростанія превращающейся въ деревню. Нигдѣ мы не находимъ изолированныхъ поселеній, „Einzelhof“овъ, какъ говорятъ нѣмцы. Эта черта не свойственна грекамъ. Послѣ долгихъ изслѣдованій стало общепризнаннымъ фактомъ для всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, что первыя поселенія были поселеніями-деревнями. Очень важнымъ документомъ для исторіи поселенія древнихъ грековъ являются слова Фукидида (1, 10) *κατὰ κώμας τῶν πελαγονίων τῆς Ἑλλάδος τρέπον* (деревнями, по древнему обычаю грековъ). Поселенія изолированными семьями встрѣчаются только тамъ, гдѣ особенности природныхъ условій не позволяли иныхъ поселеній.

При такихъ условіяхъ становится крайне затруднительнымъ говорить объ истинной природѣ дворовыхъ общинъ, упоминаемыхъ у Гомера, и объ ихъ роли въ общемъ развитіи первобытной Греціи, и нѣсколько рискованно выражаться о нихъ такъ категорически, какъ это дѣлаетъ Эменъ.

Чѣмъ поражаетъ эта эпоха—это социальнымъ фактомъ существованія аристократіи, игравшей крупную роль въ тогдашнемъ мірѣ, и, относительно, очень высокимъ уровнемъ культуры. Оба эти явленія одинаково являются непримиримыми съ гипотезой коммунистической практики въ земледѣліи и полнымъ отсутствіемъ индивидуальной собственности.

Населеніе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ эпоху Гомера, является населеніемъ осѣдлымъ, земледѣльческимъ, уже всецѣло втянутымъ въ великую мирную борьбу человека съ землей. Это населеніе любитъ свою землю; оно знаетъ ее и благоговѣнно изучаетъ ея свойства; оно чтитъ эту землю, „черную, глубокую, легкую для работы“. Развѣ это языкъ народа, который проходитъ по землѣ холодный и равнодушный, безъ стремленія оплотворить ее? Они наблюдательны: прежде чѣмъ вѣрнуть ей сѣмена, они вскапываютъ и переворачиваютъ ее до трехъ разъ; они знаютъ искусство сажать виноградныя лозы, выращивать деревья: для нихъ старикъ Лазръ, отецъ Улисса, прежде всего заботится вырыть глубокой ровъ, наполнить его навозомъ и затѣмъ тщательно оросить водою.

Почему, если индивидуальная собственность еще не существуетъ, они окружаютъ изгородами поля, прилегающія къ домамъ? Зачѣмъ сажаютъ они развѣсистые дубы, которыми воспользуются только ихъ правнуки? Но къ чему пустыя слова: не самъ ли βασιλεύς (царь) среди своихъ полей со скипетромъ въ рукахъ, съ важной и полной спокойствія радостью, приличествующей владыкѣ, управляетъ рабочими на богатой нивѣ?

Въ дѣйствительности частная собственность занимаетъ первое мѣсто. Если вѣрять „Одиссеѣ“, первой заботой людей послѣ выбора новаго мѣстожительства была раздѣлъ занятой земли („Одиссея“, VI, 10 и слѣд.). Феакійцевъ, имѣвшихъ своими сосѣдями Циклоповъ, которые постоянно ихъ тревожили, ихъ вождь, богоподобный Навзикай, рѣшилъ вести далеко въ другую сторону. Онъ приводитъ ихъ въ Сферію, край, отдаленный отъ промышленныхъ странъ. Его первой заботой по прибытіи туда было соорудить стѣны вокругъ мѣста, гдѣ долженъ былъ быть городъ, построить дома, воздвигнуть храмы богамъ и подѣлить поля.*).

Къ тому же только одна частная собственность могла выдвинуть героя, того героя, слава котораго наполняетъ весь гомеровскій міръ. Какимъ образомъ безъ индивидуальной собственности могла бы существовать аристократія? Гдѣ находила бы она свой экономическій базисъ, если бы на всемъ пространствѣ Греціи господствовали маленькія родовыя или деревенскія общины, слагающіяся изъ свободныхъ людей, знающихъ только себя и свою группу?

Агамемнонъ, Менелай, Несторъ являются могущественными князьями, имѣющими уже блестящую свиту; они должны были располагать соответствующими средствами, которая давала бы имъ превосходство надъ остальными басилевсами. Нигдѣ развитіе аристократіи не происходило безъ глубокаго измѣненія прежнихъ аграрныхъ отношеній. Чтобы съ увѣренностью высказаться объ отношеніяхъ собственности, необходимо предварительно убѣдиться, имѣемъ ли мы дѣло съ

*) „Иліада“, XVIII, V. 556.

группой въ патриархальномъ состояніи, среди которой между всѣми членами господствуетъ извѣстное равенство, или съ деревенской общиной, или, наконецъ, со строемъ, гдѣ уже появился классъ господъ, укрѣпившій свое господство надъ остальнымъ населеніемъ.

Гиро старается доказать, что рабство появилось послѣ гомеровской эпохи. На стр. 75 онъ говоритъ: „Слѣдуетъ отмѣтить, что гомеровскія поэмы не содержатъ ни малѣйшаго намека на рабство. Отсюда естественно думать, что эта форма зависимости не существовала еще во время Гомера“.

Итакъ, гомеровская аристократія не опиралась на рабство, такъ какъ оно болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ появленіе и періодъ расцвѣта аристократіи. На вопросъ, что же составляло силу гомеровской аристократіи, Гиро отвѣчаетъ: „Эта знать была богата, главнымъ образомъ, землей, и всякій владѣлъ ею. Для Гомера богатыми были тѣ, кто владѣлъ въ изобиліи скотомъ“, и затѣмъ: „герои Гомера постоянно заняты своими помѣстьями. Они не довольствуются надзоромъ за своей собственностью и отдачей распоряженій, но работаютъ и сами“. „Вся семья помогаетъ отцу въ его трудѣ... Въ „Иліадѣ“ знатные юноши, даже дѣти царей, стерегутъ въ горахъ стада“. Но Гиро, если я хорошо его понимаю, самымъ важнымъ и характернымъ считаетъ то, что рабы и свободные рабочіе являются только простыми помощниками и вовсе не составляютъ необходимаго экономическаго фактора эпохи. Исчисляють, что Улиссъ имѣлъ до ста рабовъ — изъ нихъ 50 женщинъ. Гиро не находитъ это число громаднымъ; его поражаетъ не число рабовъ, которымъ владѣлъ базилевсъ, но пространство его земель и количество его стада. И для обработки этихъ полей, и выпаса этихъ стада вполне достаточно семьи господина, которымъ помогаютъ рабы и свободные рабочіе въ очень ограниченномъ количествѣ. Въ сущности мысль Гиро, кажется, та, что сражающееся населеніе является въ тоже время и населеніемъ трудящимся. Земледѣльцы и воины не являются двумя различными классами, но сливаются въ одну общую массу населенія. Раздѣленіе труда между различными общественными классами было въ то время едва намѣчено.

Но въ такомъ случаѣ онъ отрицаетъ ту самую аристократію, существованіе которой онъ утверждалъ. Съ другой стороны, какъ мнѣ кажется, онъ ошибается въ относительномъ значеніи и роли, какія необходимо признать въ хозяйствѣ тогдашняго міра за землей и рабомъ. Гиро находитъ, что 100 рабовъ, число, приписываемое владѣнію Улисса, не велико. Безъ сомнѣнія оно меньше 1.000, 10.000 и еще меньше 200.000 рабовъ, какъ это было у крупныхъ помѣщиковъ въ Россіи. Однако не слѣдовало бы въ виду этого отрицать дѣйствительнаго значенія этихъ скромныхъ богатствъ. Еще и въ наши дни земельный собственникъ, употребляющій для обработки своей земли 100 человекъ мужчинъ и женщинъ, слыветъ за очень богатаго. На Западѣ кантулярін Карла Великаго налагають полную военную повинность на всякаго владѣльца 4 мансъ. Если принять, что Улиссъ владѣлъ 100 рабами, занятыми обработкой земли, и что каждая манза состояла изъ 4 лицъ, получится не меньше 25 мансъ, изъ которыхъ Улиссъ могъ получать свои доходы. Многіе ли феодалы нашихъ среднихъ

вѣковъ владѣли боѣе значительнымъ леномъ? Во всякомъ случаѣ можно предположить, что каждая знатная фамилія владѣла приблизительно 100 рабами. Нельзя подобной цифрѣ не придавать никакого значенія. Если обратить на нее должное вниманіе, то явится совершенно иное пониманіе тогдашняго общества. Вовсе не въ семьѣ басилевса лежалъ въ то время центръ хозяйства. Раздѣленіе на классы было уже ярко выражено. Помощники, о которыхъ мимоходомъ упоминаетъ Гиро, — рабы и свободные — рабочіе составляли фундаментъ хозяйства. Именно они, а не владѣніе землей, составляли богатство базилевсовъ. Только при нихъ и благодаря имъ базилевсы могъ владѣть обширными пространствами земли и громадными стадами животныхъ.

Кромѣ рабовъ базилевсы пользовались тетами. Теты по своему рожденію и по своему положенію были свободными. Теть никогда не смѣшивался съ рабомъ. Если онъ вступалъ въ услуженіе къ другому, онъ дѣлалъ это на опредѣленный срокъ, по договору, напередъ опредѣлявшему его заработную плату. Иногда совсѣмъ не устанавливалось срока, и господинъ имѣлъ возможность отпустить тета по своему желанію. Если вѣрить лингвистамъ $\theta\eta\varsigma$ происходитъ отъ $\theta\acute{\alpha}\omega$ — кормить. $\theta\eta\tau\epsilon\varsigma$ соотвѣтствуютъ по германскому праву *mitius* *) и *hlaf-oeta* англосаксонскаго права. Это свободные люди, которыхъ патронъ за ихъ услуги долженъ содержать и кормить.

Гиро не сознаетъ необходимости изслѣдовать, откуда въ античномъ мірѣ появились эти свободные? Но теть могъ появиться только изъ того же источника, изъ котораго, по словамъ Гиро, позднѣе питалось и само рабство; на стр. 125 онъ говоритъ: „Аристократія всѣми силами распространяла рабство, такъ какъ она находила его для себя очень выгоднымъ. Такъ какъ рабство вело къ установленію подчиненія между ленникомъ и его господиномъ, то понятно, что чѣмъ больше было свободныхъ, обращенныхъ въ рабовъ, тѣмъ больше росло могущество господствующаго класса“. На стр. 126: „Гнетъ, который аристократія производила на городъ, дѣлался все болѣе тяжелымъ по мѣрѣ роста толпы рабовъ“. Теть, такъ же какъ позднѣе рабъ, свидѣтельствуетъ о существованіи свободныхъ, но совершенно отличныхъ отъ членовъ аристократіи людей, къ которымъ они шли просить помощи и защиты. Какъ жили эти свободные? Можетъ быть, слѣдуетъ допустить въ гомеровскомъ обществѣ одновременное существованіе могущественной аристократіи и деревенскихъ и семейныхъ общинъ свободныхъ, откуда выходили теты, эти бывшіе общинники.

II.

Возвращаюсь, однако, къ положительной исторіи. Положительные результаты изслѣдованій, которые указаны нами, даютъ возможность придти къ заключенію о существованіи и общемъ распространеніи со времени гомеровской эпохи частной ноземельной собственности. Въ чьихъ интересахъ существовала частная соб-

*) Hermann, „Mithium“.

ственность гомеровской эпохи? Главнымъ образомъ,—думаетъ Гиро,—въ интересахъ родовой общины въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее у Гомера въ семьѣ старца Пріама, гдѣ она напоминаетъ славянскую *задругу*.

Какое характеръ этой собственности эксплуатируемой группой? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если вѣрить Гиро, 12 гектаровъ, было достаточно для прокормленія группы въ 60—70 человекъ. Намъ кажется, этого количества земли мало для удовлетворенія всѣхъ ея потребностей; Гиро ошибается, даже если принять во вниманіе новыя данныя, представленныя въ замѣчательной работѣ Фойта о древнемъ населеніи Лациума, проливающей свѣтъ на питательную силу земли въ эпоху крайней умѣренности, когда еще не пшеница, а ячмень составлялъ основу питанія. Съ другой стороны, главный вопросъ остается во всей своей силѣ: какъ согласовать съ фактомъ существованія этой родовой общины не еше безспорный фактъ существованія въ эту эпоху блестящей аристократіи. Здѣсь мы вступаемъ въ новый періодъ, еще болѣе приближающійся къ достоверной исторіи, чѣмъ гомеровская эпоха. Родовая собственность распадается. Собственность перестаетъ быть нераздѣльной, неотчуждаемой; первымъ признакомъ этого является завѣщательная правоспособность; личность отрывается отъ родовой пуповины, обладая уже собственными правами. Античный родъ отжилъ, а вмѣстѣ съ нимъ отжила и родовая собственность.

Изъ сравнительнаго правовѣдѣнія мы знаемъ, какъ происходило это разложеніе у очень многихъ народовъ; различны только детали. Мы знаемъ, что право частной собственности примѣняется сначала къ движимымъ предметамъ; что передаютъ обработку и исключительное пользованіе участками общинной земли то отдѣльной личности, то отдѣльному хозяйству; что постепенно устанавливается различіе между родовыми и приобретенными имуществами и что этими послѣдними приобретатель можетъ распоряжаться, какъ личнымъ достояніемъ; что мало-по-малу родовыя имущества сливаются съ благоприобретенными; что параллельно съ этимъ развивается договоръ продажи, залога, обычай равнаго раздѣла наследства, право завѣщаній, при помощи которыхъ осуществляется индивидуальное право собственности: все это извѣстно въ достаточной степени.

Къ какой эпохѣ относится это преобразование? Съ какого періода родъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ?

„Порядокъ родовой собственности,—говоритъ Гиро,—продолжался въ Греціи много вѣковъ, впоследствии онъ былъ вытѣсненъ индивидуальной собственностью. Эта перемѣна, конечно, не была рѣзкой, тѣмъ болѣе она не была дѣломъ законодателя; законъ появляется послѣ совершившагося переворота или для его санкціи, или для его смягченія. Эволюція эта произошла внутри рода и по его инициативѣ. Вслѣдствіе этого невозможно точно опредѣлять время этого крупнаго явленія“ (стр. 90). Указаніе не особенно точное. Мы не знаемъ, съ какого момента начала допускаться продажа. Нельзя съ увѣренностью сказать, что она появилась въ началѣ VIII вѣка.

Является очень правдоподобнымъ, что въ Атикѣ земля могла отчуждаться при помощи продажи въ VII вѣкѣ. Вмѣстѣ съ продажей появилась та форма

потекн, которая извѣстна подъ названіемъ продажи съ правомъ выкупа. Одинъ отрывокъ изъ Солона доказываетъ, что до него продажа съ правомъ выкупа была обычной формой отчужденія въ Атикѣ. Въ VII вѣкѣ кредиторъ по своему выбору могъ осуществить свое залоговое право на личности должника или на его имущество, или на личности и имущество сразу (*Fragments de Solon: constitution d'Athènes d'Aristote, 2, et Plutarque, Solon, 13*). Что касается завѣщанія, оно было установлено закономъ Солона исключительно на тотъ случай, когда не было дѣтей. Солонъ видѣлъ въ завѣщаніи лишь средство приобрести себѣ сына. Въ Спартѣ завѣщаніе было введено въ законодательство только въ началѣ IV вѣка.

Вскорѣ послѣ распадѣнія патриархальнаго быта на исторической аренѣ появляются два очень различныхъ класса гражданъ: классъ евпатридовъ и классъ людей, которыхъ источники называютъ *ἀγροικοί*. Бузольгъ въ своей „*Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia*“ (т. I, стр. 387) доказываетъ, что евпатриды — это древняя знать, потомки очень многочисленныхъ въ Атикѣ древнихъ мелкихъ начальниковъ, которые, послѣ объединенія, волей или неволей обосновались въ городѣ, въ центрѣ управленія, предоставивши управленіе своими имуществами подчиненнымъ, или наблюдали за ними изъ своего новаго мѣстожителства. Евпатриды — это живущіе въ городѣ; ихъ называли также *ἀστοί*. *Ἀγροικοί* — населеніе, жившее въ деревняхъ. Эти послѣдніе составляли два класса людей, совершенно различныхъ по своимъ занятіямъ: одинъ — *δημιουργοί* (ремесленники), другой — лица исключительно занимающіяся земледѣліемъ; источники безразлично называютъ ихъ *ἀποικοί*, *γεωργοί*, *γεωμῆδοί*. Ционисъ Галикарнасскаго первыхъ отождествляетъ съ римскими патриціями, вторыхъ съ другой половиной гражданъ — римскимъ плебсомъ (11, 8). Евпатриды — это патриціи, патроны; *γεωργοί* — это крестьяне (стр. 390), „которые, живя въ деревнѣ, сами обрабатывали участки земли, достаточные для содержанія ихъ семьѣ“.

Какъ извѣстно, іоняне Атики были раздѣлены вначалѣ на четыре трибы, точно соотвѣтствовавшія тремъ трибамъ дорическихъ завоевателей (*Busolt, стр. 394*). Триба включала определенное число фратрій, если вѣрить Аристотелю, — три. Каждая фратрія включала 30 родовъ и каждый родъ 30 душъ (*Aristotelis Fragmenta, 3. Muller, 11, 106*). Въ каждой фратріи существовалъ родъ высшій, благородный и роды низшіе. Благородный родъ, который предсѣдательствовалъ во фратріи, былъ родъ евпатридовъ; совокупность членовъ этихъ родовъ и были патриціи. Совокупность же индивидовъ, принадлежавшихъ къ другимъ родамъ всѣхъ фратрій, были *ἀγροικοί*, неблагородные. Слѣдовательно, благородные и неблагородные были объединены и какъ бы смѣшаны во фратріи.

Фратріи, гдѣ объединялись всѣ общественные элементы, были элементарными группами, социальными микроскомами, которыхъ государство заключало въ себѣ большее или меньшее число. Какія же существовали отношенія между благород-

ними и небогородными родами? Первые, какъ мы уже говорили, занимали вершину фратріи: имъ принадлежало во фратріи предсѣдательство. Очевидно, это преимущество въ извѣстный моментъ должно было быть настоящимъ патронатомъ. Не патриціанскіе роды группировались вокругъ благороднаго рода, подъ его покровительствомъ и, вѣроятно, въ состояніи зависимости, какъ подобаешь бѣднымъ родственникамъ. Въ качествѣ таковыхъ, они принимали участіе въ религіозномъ культѣ евпатридскаго рода, вокругъ котораго они группировались. Въ свою очередь, господствующій родъ былъ предназначеннымъ для нихъ истолкователемъ божескихъ и человѣческихъ законовъ.

Это цѣликомъ система древне-римской кліэнтелы.

Вмѣстѣ съ реформами Солона, Пизистрата и Клисеена, въ особенности этого послѣдняго, демократія дѣлаешь рѣшительный шагъ впередъ (508—507). Учрежденіе демъ, ихъ новая рѣшающая роль придаютъ окончательную отдѣлку своеобразной фізіономіи Атики. Начиная съ этого момента только запись въ регистрѣ демъ даетъ право гражданства. Имѣть законное мѣстожительство въ демѣ *)—значить быть гражданиномъ. Изъ всѣхъ существовавшихъ раньше союзовъ государство знаетъ только дему. Связь, которая въ первый разъ соединила вмѣстѣ членовъ демы, была такъ сильна, что оказывала вліяніе даже на владѣніе недвижимою собственностью. Членъ одной демы, кажется, не могъ быть владѣльцемъ въ чужой демѣ.

Такимъ образомъ дема вполне отодвинула на задній планъ болѣе древніе союзы и въ частности фратрію. Роль фратріи свелась къ тому, что въ ней дитя, рожденное отъ аэнианина и аэниянки, получало свое первое имя. Въ третій день праздника Арагогіа отецъ приносилъ дитя въ собраніе фратріи, которое и рѣшало вопросъ о его принятіи, и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, его заносили въ списки фратріи подъ именемъ, даннымъ ему его отцомъ. Но только въ 18 лѣтъ юноша вносился въ государственные списки, т. е. въ списки демы, и только эта послѣдняя запись предоставляла ему право гражданства. Слѣдовательно, связь, вытекавшая изъ древняго единенія и крѣпкой организаціи фратріи, съ точки зрѣнія публичнаго права, были окончательно уничтожена.

Уже реформа Солона много сдѣлала въ этомъ направленіи, и древняя патриархальная патриціанская организація была сильно поколеблена.

Основывая все на владѣніи землей, аристократія, владѣвшая громадною частью территоріи, *de facto* осталась господствующимъ классомъ. Вліяніе осталось за землей, а земля осталась въ рукахъ древней аристократіи. Только въ 478 году реформа Аристиды уравнивала, съ точки зрѣнія правъ и привилегій, движимую и недвижимою собственностью; доходъ въ натурѣ началъ оцѣниваться въ золотѣ точно такъ же, какъ и капиталъ, подлежащій обложенію (Busolt, стр. 529). Аристидъ видѣлъ, что аэниане, побѣдители персовъ, требуютъ демократіи. Прибавимъ, какъ послѣдній штрихъ къ этой картинѣ, что въ концѣ VI в. промышленность

*) Дема—деревенское селеніе и административный центръ, образованный реформами Клисеена.

и торговля достигли значительнаго развитія, въ особенности гончарное искусство и интенсивная культура масла. Богатые рудники Лавріона доставляли удобное орудіе обмѣна *). Очень даже вѣроятно, что чеканка монеты по эгинскому образцу началась съ конца VIII в. Аѳины въ борьбѣ съ Мегарой пытаются создать флотъ и въ то же время стремятся крѣпко обосноваться въ Геллеспонтѣ. Наконецъ, были организованы *навкратии*, вполнѣдствіи измѣненныя Солономъ; онѣ на долгое время укрѣпили морское значеніе аѳинянъ.

* * *

Во время этихъ политическихъ и экономическихъ революцій произошли преобразования права собственности, составляющія предметъ нашего изслѣдованія. Гиро правъ: въ исторіи этихъ преобразованій нѣтъ точнаго указанія на время, нѣтъ законодательной мѣры, указывающей на прямое вмѣшательство государства. Но намъ кажется, что послѣ всего нами сказаннаго и послѣ этого краткаго наброска политическихъ революцій можно утверждать одно и именно существованіе зависимости, продолжавшейся болѣе или менѣе долго, слѣдовательно зависимой собственности, нѣчто вродѣ лена, и что вопросъ о преобразованіяхъ собственности въ Аѳинахъ можно формулировать приблизительно слѣдующимъ образомъ: какимъ образомъ зависимая собственность, лень освободился отъ патриціанской собственности, отъ *dominium eminens* еврипидовъ? Точно такъ же ставится вопросъ и по отношенію къ Риму **). Мы не знаемъ, позволить ли разрѣшить этотъ вопросъ состояніе источниковъ, но во всякомъ случаѣ, или я ужъ очень ошибаюсь, историческое и критическое чутье приводятъ къ необходимости такой постановки вопроса и веденія въ этомъ направленіи своихъ изслѣдованій.

* * *

Если мы не можемъ отвѣтить на вопросъ, какимъ образомъ зависимая собственность отдѣлилась отъ патриціанской собственности, то не въ состояніи ли мы, по крайней мѣрѣ, сказать, откуда появились новые собственники, та буржуазія, которая становится соперникомъ древней владѣтельной аристократіи, которая стремится вырвать изъ рукъ этой послѣдней обладаніе властью?

Гиро насчитываетъ три или четыре источника ея образованія.

1) Онъ констатируетъ тотъ фактъ, что уже съ самыхъ древнихъ временъ образовалась болѣе или менѣе значительная масса свободныхъ людей, чуждыхъ аристократическимъ родамъ. „Между ними находились вольноотпущенники, авантюристы, ищущіе какого-нибудь дѣла, бѣглецы, ссыльные, можетъ быть, также изгнанные или добровольно вышедшіе изъ своихъ родовъ. Очень немногочисленные вначалѣ, вполнѣдствіи они становятся крайне многочисленными и поражаютъ тѣмъ громаднѣмъ значеніемъ, какое они занимаютъ уже въ гомеровскомъ обществѣ. Сосредоточиваются они, конечно, въ городахъ, гдѣ они имѣютъ больше шансовъ зарабатывать свой хлѣбъ“. Вотъ эти-то эти отбросы античнаго міра, сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю область индустріи и торговли.

*) Aristote, „Constitution d'Athènes“, ch. 24.

***) Lange, „Römische Alterthümer“. 2-te Aufl. I. p. 218--219.

Знать гнушалась занятіемъ морской торговли и предоставляла этимъ отбросамъ въ монопольное владѣніе промышленность и торговлю. Этимъ путемъ скоро образуется могущественный, благодаря своимъ движимымъ богатствамъ, плебсъ и, не медля, начинаетъ стремиться къ вытѣсненію древняго поземельнаго богатства.

Вотъ первый, довольно значительный источникъ той буржуазіи, которая стоитъ во главѣ демократическаго движенія.

Но это не единственный.

2) Въ Греціи въ VIII, VII и VI вѣкахъ производились крупныя работы по расчисткѣ полей (Гиро, стр. 135). Этимъ тяжелымъ трудомъ занимались свободные черноработчіе. „Когда кто-нибудь изъ нихъ просилъ у государства разрѣшенія занять участокъ дѣса или луга, чтобы превратить его въ поле для культуры, безъ сомнѣнія, ему безъ всякихъ затрудненій оказывали эту незначительную милость: тогда не предвидѣли еще тѣхъ тяжелыхъ политическихъ послѣдствій, которыя въ зародышѣ таились въ этомъ фактѣ“.

3) Третій источникъ—это браки плебеевъ, уже обогатившихся путемъ торговли или инымъ какимъ-нибудь, на молодыхъ дѣвушкахъ благородныхъ родовъ.

4) Наконецъ, политическіе перевороты и частичные грабежи, ихъ сопровождавшіе они; непосредственно содѣйствовали переходу земель изъ рукъ знати въ руки плебеевъ. Существованіе этого класса буржуазіи достаточно окрѣпшей, всякому безъ малѣйшаго затрудненія дѣлаетъ понятнымъ, какимъ образомъ совершалось интересующее насъ перемѣщеніе земельной собственности (Guigaud, стр. 136). „Всѣ нововведенія, вызывавшія отдѣленіе собственности отъ родовъ, въ то же время служили для плебса средствомъ ея приобрѣтенія“. Обыкновенная продажа и продажа съ правомъ выкупа были извѣстны съ древнѣйшихъ временъ; нарождавшейся буржуазіи, промышленной и торговой, было поэтому очень легко перевести земля изъ рукъ благороднаго класса въ свои собственные.

Итакъ, греческое аристократическое общество, какъ и всякое другое, имѣло своихъ *деклассированныхъ*. Эти деклассированные набросались на индустрію, торговлю и расчистку земель; они-то и явились источникомъ буржуазіи, которая очень скоро приобрѣла силу, какъ обладательница движимаго богатства: такова теорія Гиро. По этой теоріи позднѣйшее общество своимъ рожденіемъ и развитіемъ обязано случайности, причинамъ второстепеннаго порядка; никакія общія и, такъ сказать, органическія причины не дѣйствовали; цѣлые классы, развивались ненормально. Странная, не правда ли, историческая концепція! Но, даже не восходя къ соображеніямъ высшаго порядка, къ положеніямъ обыкновенно смутнымъ и необоснованнымъ, посмотримъ, серьезны ли въ дѣйствительности эти „частныя причины образованія буржуазіи, указываемыя Гиро“. Необходимо замѣтить, что двѣ послѣднія причины: „смѣшанные браки“ и „частичные грабежи благороднаго класса во время революцій“ могли имѣть значеніе сравнительно поздно, когда буржуазія была уже достаточно сильна, чтобы внушить классу знати уваженіе и отгѣснить его силой отъ обладанія властью. Что касается другихъ, то я сомнѣваюсь въ томъ значеніи, какое имъ приписываютъ.

Прежде всего, что касается расчистокъ, по моему мнѣнію онѣ всегда были дѣломъ крупной собственности (расчистки на Востокѣ въ IX и X вѣкахъ) или большихъ ассоціацій (монашескихъ орденовъ: орденъ Клуни въ XI и XII вѣкахъ въ Германіи и славянскихъ странахъ), иногда же, болѣе рѣдко, свободныхъ ассоціацій колоновъ въ достаточно большомъ числѣ, чтобы быть въ состояніи разогнать свою работу по расчисткѣ и принимать мѣры къ ея огражденію. Одинокій человѣкъ, и притомъ безъ средствъ, угнетаемый нуждой, не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, которыя требуются, чтобы довести эту тяжелую работу до конца. Американскій пионеръ, въ одиночествѣ вступающій въ борьбу съ лѣсомъ или поселяющійся на далекой прогалинѣ, долженъ считаться феноменомъ, совершенно исключительнымъ и рѣдкимъ; объясненіе этого факта внѣ всякаго сомнѣнія нужно искать въ томъ, что пионеръ по своимъ привычкамъ и образу жизни прежде всего охотникъ, бродяга прерій, страны почти дѣвственной, гдѣ дикія животныя и естественныя произведенія земли доставляютъ изобильныя средства къ жизни. Расчистка въ наши вѣка, въ цивилизованныхъ странахъ, главнымъ образомъ во Франціи, какъ хорошо извѣстно, всегда является работой крупной собственности или мелкой въ эпохи сильнаго экономического расцвѣта, но никогда онѣ не были дѣломъ отдѣльнаго индивида и притомъ безъ *средствъ*.

Намъ остается еще изслѣдовать первую причину, которая, по мнѣнію Гиро, способствовала образованію буржуазіи; эта причина также не выдерживаетъ мало-мальски серьезной критики. Совершенно невѣроятно, чтобы классъ ремесленниковъ и купцовъ рекрутировался въ эту эпоху исключительно между всякаго рода деклассированными. Я не думаю, чтобы первый встрѣчный проходецъ по своей волѣ или по прихоти обстоятельствъ могъ „обрабатывать землю, строить дома, сооружать корабли, обрабатывать металлы или слоновую кость, фабриковать мебель, горшки, оружіе или, наконецъ, заняться ремесломъ пѣвца или врача“. Развѣ каждое ремесло не требуетъ техническаго навыка, пріобрѣтеніе котораго совершенно не согласуется съ такой полной превратностей жизнью и съ этимъ вкусомъ къ приключеніямъ? Что касается торговли, самъ Гиро вынужденъ былъ признать, что въ нѣкоторыхъ государствахъ знать не пренебрегала занятіемъ морской торговлей. Нѣкоторыя точныя указанія, которыми мы располагаемъ, примѣры Солона и брата Сафо, Хараксосо *), говорятъ прямо противоположное его утвержденію и показываютъ намъ, что торговля находилась въ рукахъ людей, принадлежащихъ къ богатымъ и уважаемымъ семьямъ. Плутархъ прямо и опредѣленно говоритъ намъ, что тогда занятіе торговлей было почетной профессіей, что многіе основатели колоній были крупные коммерсанты. Фалесъ, математикъ Гиппократъ, Платонъ—занимались торговлей. Наконецъ, если мы обратимся къ эпохѣ Гезіода („Travaux et jours“, vers—620—695 et surtout vers 640 et suivant), мы и тамъ не увидимъ, чтобы торговля была менѣе почетнымъ занятіемъ,—совершенно напротивъ.

*) Plutarque, „Solon“. 2, et Strabon, XVII, стр. 808.

III.

Мы вступаемъ въ IV вѣкъ. Въ политическомъ и социальномъ строѣ произошли крупныя перемены. Цѣлый рядъ реформъ сдѣлалъ греческое общество, и въ особенности аттическое, глубоко демократическимъ. Намъ необходимо прослѣдить, что сдѣлалось съ правомъ собственности, его злоупотребленіями, его воздѣйствіемъ на общественный строй, его революціонными послѣдствіями. Мы оставимъ въ сторонѣ детальное изученіе различныхъ способовъ приобрѣтенія собственности, которое Гиро счелъ необходимымъ присоединить къ своему изслѣдованію собственности. Мы не задаемся цѣлью всесторонняго изученія имущественнаго строя и относящагося сюда матеріала.

Въ древнѣйшую эпоху право собственности было ничѣмъ инымъ, какъ правомъ пользованія (узуфруктомъ); каждое поколѣніе поочередно пользовалось занимаемымъ имъ недвижимымъ имуществомъ, которое оно должно было сполна передать слѣдующему поколѣнію. Это родовое достояніе не могло ни раздробляться, ни отчуждаться. Тогда не знали, какъ средства приобрѣтенія, ни продажи, ни завѣщательныхъ ни тѣмъ болѣе дарственныхъ распоряженій. Въ V и IV вѣкахъ всѣ ограниченія права свободнаго распоряженія *paterfamilias* постепенно были уничтожены или находились на пути къ уничтоженію. Изъ простого временнаго держателя родового имущества *paterfamilias* сдѣлался настоящимъ собственникомъ, который могъ по своему желанію располагать недвижимостью, находившеюся въ его рукахъ.

Владѣлецъ земли имѣлъ возможность сдавать ее въ аренду, дарить, продавать, обременять ипотекой.

Кто былъ способенъ обладать этимъ правомъ? Какимъ условіямъ для этого необходимо было удовлетворять? Земельнымъ собственникомъ могъ быть только гражданинъ. Это положеніе сформулировано Аристотелемъ („Politique“, IV (VII), 9, 5). „Ὅτι μὲν οὕτω δεῖ τὴν χώραν εἶναι... τῶν τῆς πολιτείας μετεχόντων εἶρηται *). Но для того, чтобы быть гражданиномъ, необходимо было происходить отъ гражданина и гражданки, вступившихъ въ законный бракъ. Право владѣнія недвижимостью было такъ тѣсно связано съ правомъ гражданства, что его сохраняли даже при эмиграціи, лишь бы только при этомъ не было потеряно право гражданства. Колоніи, основанныя повсюду аѳинянами въ V и VI вѣкахъ, складывались въ автономныя общины, и въ то же время ихъ населеніе считалось гражданами метрополіи. Колонисты могли владѣть землею въ двухъ различныхъ странахъ: въ колоніи и въ Атикѣ.

Въ силу этого положенія личность, подвергнутая лишенію правъ гражданства, *ipso facto* лишалась права собственности, и, съ другой стороны, всякій человѣкъ, даже рабъ, приобрѣтавшій званіе гражданина, тѣмъ самымъ приобрѣталъ способность быть земельнымъ собственникомъ. Иностранцы, даже поселившіеся въ

*) Мы сказали, что земля должна принадлежать имѣющимъ право гражданства.

странѣ, или метеки, между которыми было много купцовъ, судохозяевъ, банкировъ, никогда не могли приобрести право собственности на землю: имъ была доступна только движимая собственность. Но уже съ довольно давнихъ времени греческіе города даровали иностранцамъ привилегію владѣть недвижимостями, къ которой они охотно присоединили или право пользоваться общественными пастбищами.

Что касается женщины, она, будучи свободной и гражданкой, могла быть собственникомъ земли: но въ виду того, что она считалась вѣчно несовершеннолѣтней, она на свое имущество имѣла совершенно призрачное право распоряженія. Нужно ли еще говорить о томъ, что во всѣхъ греческихъ городахъ зависимое населеніе не пользовалось правомъ собственности или пользовалось имъ съ большими ограниченіями? Рабу, крѣпостному земля, которую они обрабатывали, не давала никакихъ преимуществъ, связанныхъ съ правомъ владѣнія землей. Въ этомъ отношеніи крѣпостные Крита, влоты Лаконіи находились въ одинаковомъ юридическомъ положеніи. Только господину принадлежало право вмѣстѣ и на личность, и на вещь. Что касается вольноотпущенника, онъ продолжалъ оставаться въ зависимости отъ патрона, который обыкновенно былъ его прежній господинъ; и, если онъ могъ приобретать и владѣть, то онъ не могъ распоряжаться своимъ имуществомъ безъ патрона, своего законнаго наследника въ случаѣ отсутствія дѣтей.

Такова была природа права собственности и таковы его свойства въ ту эпоху, которой мы занимаемся. По крайней мѣрѣ, оно стремится стать таковымъ.

IV.

Мы рассмотрѣли характеръ собственности въ V и IV вѣка съ юридической точки зрѣнія. Теперь мы должны рассмотреть съ соціальной точки зрѣнія ея вліяніе на общее благосостояніе греческаго народа, ея воздѣйствіе на относительное положеніе классовъ. Было ли это юридическое и экономическое развитіе въ общемъ благотворно для греческаго общества, или, напротивъ, оно повело къ злоупотребленіямъ, къ ненормальному состоянію, вызывавшему неизбежную реакцію? Здѣсь мы входимъ въ изученіе того вопроса, который собственно и является предметомъ этого изслѣдованія, именно вопроса о греческомъ социализмѣ. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: не является ли этотъ социализмъ нормальнымъ и закономѣрнымъ слѣдствіемъ предшествующаго историческаго развитія и самого состояніе собственности? Предметомъ нашего изслѣдованія будетъ, главнымъ образомъ, Аттика, страна наименѣе консервативная, гдѣ экономическое и юридическое развитіе ушло наиболѣе впередъ; съ другой стороны, именно въ ней мы находимъ наиболѣе богатые матеріалы по данному вопросу. Заключенія Гиро по занимающему насъ теперь вопросу сводятся къ слѣдующему: начиная съ эпохи Солона, т. е. съ введеніемъ новаго способа отчужденія—завѣщанія, процессъ раздробленія земли не прекратился, и такимъ образомъ медленная, но продолжительная эволюція приводитъ къ *режиму мелкой собственности*, признать который заставляютъ насъ документы IV и V вѣковъ. При изученіи этихъ документовъ поражаетесь незначительными размѣрами упоминаемыхъ ими земельныхъ владѣній.

При продажѣ задолженныхъ имѣній ихъ обыкновенно разбивали на возможно большее число участковъ. Гиро указываетъ, что цѣны за участки продаваемыхъ имѣній 62, 662, 250, 800, 1.000, 2.000, 3.050 драхмъ. Единственный разъ встрѣчается цѣна за участокъ въ $2\frac{1}{2}$ таланта. „Мелкіе же участки, — говоритъ Гиро, — служатъ вообще указаніемъ на режимъ мелкой собственности“. Другимъ доказательствомъ дѣйствительнаго существованія этого режима служитъ очень часто наблюдаемый фактъ разбросанности владѣній афинянина по многимъ деревнямъ. „Въ странѣ крупной собственности была бы совершенно необъяснима эта разбросанность владѣній лицъ по многимъ пунктамъ территоріи“. Третьимъ аргументомъ служитъ тотъ фактъ, что въ описяхъ наслѣдствъ, встрѣчающихся у афинскихъ ораторовъ, помѣстья имѣютъ всегда довольно незначительную площадь, и ихъ цѣна колеблется между 1.960 и 11.788 франковъ. Но всѣ эти данныя скорѣе относятся къ эпохѣ Демосфена. Гиро, опираясь на текстъ Фукидида (11, 13 и 31), считаетъ возможнымъ установить, что въ началѣ Пелопонезской войны 20.000 афинянь располагали ценою гоплитовъ (Guirand, стр. 395). Въ другомъ мѣстѣ своей книги Гиро принимаетъ число мужского населенія отъ 28 до 30 тысячъ душъ, въ такомъ случаѣ число семей будетъ очевидно ниже числа свободныхъ лицъ мужского пола, такъ какъ значительное число семей могло заключать по нѣсколько мужчинъ, поэтому онъ приходитъ къ заключенію о сильномъ преобладаніи режима мелкой собственности. Изъ 23 или 24 тысячъ семей гражданъ 20 тысячъ принадлежали къ классу съ доходомъ отъ 105 до 78 гектаровъ хлѣба, требовавшимся для того, чтобы числиться въ разрядѣ гоплитовъ. Слѣдовательно громадное большинство гражданъ принадлежало къ мелкимъ собственникамъ, которые сами обрабатывали свои земли съ помощью одного или двухъ рабовъ.

Вдумаемся и мы немного въ эти цифры. Гиро опредѣляетъ въ 390.000 душъ все населеніе Аттики, изъ которыхъ 65.000 тысячъ гражданъ, (включая сюда женщинъ и законныхъ дѣтей), слѣдовательно имѣющихъ право владѣнія, которые распредѣлялись, какъ мы уже говорили, между 23 или 24 тысячамъ семей. Изъ этихъ 24 тысячъ мы насчитывали 20.000 семей гоплитовъ.

Принимая въ среднемъ по 2 раба на семью гоплита, 20.000 гоплитскихъ семей будутъ владѣть 40.000 рабовъ, допустимъ 50.000. Но въѣдъ рабское населеніе Аттики насчитывало 325.000 душъ. Слѣдовательно, 275.000 рабовъ нужно распределить между всѣми семьями евпатридовъ и всадниковъ. Какое число опредѣлили мы для этихъ послѣднихъ? Допустимъ 2.000; 2.000 мы оставляемъ на семьи тетовъ; число это, по всей вѣроятности, ниже дѣйствительнаго. Слѣдовательно, среднее количество рабовъ, приходящееся на каждое хозяйство, равняется $275.000 : 2.000$ или 137 рабовъ.

Но, конечно, далеко не всѣ всадники владѣли этими 130—140 рабами. Можно принять, что тысяча семей могла владѣть отъ 150—200 рабовъ, т. е. 50 рабскими или крѣпостными семьями. Дѣйствительно, въ источникахъ мы встрѣчаемъ нѣкоего Февсиппа, владѣющаго участкомъ земли болѣе 7 километровъ въ окружности, что равняется приблизительно трети или половинѣ одной изъ нашихъ среднихъ общинъ. Съ этого участка онъ получалъ 500 гектолит-

ровъ зерна, 300 гектолитровъ вина, на 3.000 франковъ лѣса. Мы встрѣчаемъ у ораторовъ еще нѣкоего Дипсоегена съ годовымъ доходомъ въ 80 миль (7.856 фр.). И все же Гиро приходитъ къ выводу (стр. 391), что въ V и IV вѣкахъ Аттика была страной мелкой собственности; онъ не находитъ, чтобы она въ томъ видѣ, какъ мы сейчасъ ее описали, имѣла что-либо общее съ режимомъ общества, гдѣ громадное большинство гражданъ располагаетъ маленькими участками, напр., садомъ, между тѣмъ какъ помѣстья богачей, напротивъ, имѣютъ громадные размѣры.

Тотъ фактъ, что въ началѣ Пелопонезской войны считалось 20.000 семей, располагавшихъ имущественнымъ цензомъ, необходимымъ для класса гоплитовъ, безъ сомнѣнія имѣетъ свое значеніе, но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ его преувеличивать. Какая разница въ положеніяхъ, чтобы не сказать, какая пропасть между собственникомъ 150 или 200 рабовъ и мелкимъ земледѣльцемъ, который самъ обрабатываетъ свой клочокъ земли съ однимъ или двумя рабами мужского пола, хотя бы даже добавить сюда и „юную и прекрасную рабыню Трасію, которую онъ ласкаетъ, подобно Тригею, въ отсутствіи своей жены“! Какъ сурово и ненадежно положеніе этого послѣдняго, вынужденнаго въ потѣ лица добывать изъ неблагоприятной почвы Аттики свои 75 или 80 гектолитровъ хлѣба, которые даютъ ему мѣсто между гоплитами, при всѣхъ случайностяхъ политической жизни, плохой коммерческой политикѣ или военныхъ предпріятіяхъ, неблагоприятныхъ для страны. Вліяніе этого класса на ходъ политическихъ событій нельзя считать вѣскимъ. Эти грубые крестьяне слишкомъ были задавлены трудомъ, чтобы быть гражданами; они не располагали благороднымъ досугомъ, не испытывали сладостей жизни, которыя позволяютъ думать о другихъ и возвышаться до заботъ объ общественномъ благѣ. Такова мысль всего античнаго міра.

Другое замѣчаніе, невольно приходящее въ голову и не лишнее, по нашему мнѣнію, значенія,—это чрезмѣрное несоотвѣтствіе между числомъ рабовъ, крѣпостныхъ и гражданъ. Гиро говоритъ, что развитіе крѣпостного состоянія было дѣломъ аристократіи. Но аристократія на политической аренѣ была побѣждена, и, по всей вѣроятности, это общее обнищаніе низшихъ классовъ гражданъ было незамѣтнымъ, но фатальнымъ слѣдствіемъ причинъ чисто экономическихъ или же и политическихъ, недавно начавшихъ проявлять свое дѣйствіе.

По мнѣнію Гиро (стр. 448), къ концу IV вѣка официально было установлено, что изъ 21 тысячи 12.000 гражданъ имѣли менѣе 2.000 драхмъ (196 фр.) капитала. Очевидно, причины разрушенія и обнищанія для громаднаго числа гражданъ не переставали дѣйствовать въ теченіе IV вѣка, какъ, безъ сомнѣнія, онѣ дѣйствовали и раньше. Положеніе въ концѣ IV вѣка было совершенно иное, чѣмъ въ концѣ V: мелкіе собственники были на пути къ исчезновенію.

Фактъ, на которомъ настаиваетъ Гиро, именно, что въ документахъ всегда упоминаются имѣнія незначительной цѣнности, вовсе не доказываетъ, какъ онъ этого хочетъ, благосостояніи гражданъ и силы демократическаго режима; скорѣе онъ

является признакомъ плохого положенія мелкой собственности, вѣрнымъ указаніемъ на то, что этотъ классъ—на пути къ полному упадку.

Въ концѣ концовъ между Гиро и нами остается только вопросъ о времени. Индивидуальная собственность, свободная отъ всякихъ узъ, отъ всякихъ общественныхъ обязанностей, уничтожающая равный раздѣлъ между дѣтьми, проявила ли она свои пагубныя послѣдствія, какъ-то: борьбу классовъ, угнетеніе слабыхъ, необузданное господство денегъ, начиная съ IV и V вѣка, или же только во II и III, какъ думаетъ Гиро? Мы видимъ недостаточность его соображеній относительно факта устойчивости и процвѣтанія мелкой собственности въ IV и V вѣкахъ.

* * *

То, что бросается въ глаза, и на что Пельманъ старается обратить заслуживающее вниманіе, то же, что и въ нашемъ обществѣ, значеніе движимаго богатства и громадная роль торговли. Въ полномъ смыслѣ этого слова, хозяйство Греціи въ IV и V вѣкахъ, а тѣмъ больше въ послѣдующіе вѣка, выражаясь языкомъ экономистовъ, является хозяйствомъ денежнымъ, гдѣ деньги и капиталистическій расчетъ даютъ движеніе всему остальному. Хотѣть понять и объяснить жизнь Греціи, не выдвигая на первый планъ дѣятельности купца, промышленника и банкира, равносильно желанію нарисовать точную картину нашего общества и выдвинуть на первый планъ только мелкое земледѣліе и мелкую индустрію. Самъ Гиро признаетъ (ст. 523), что „очень благоприятная торговля и индустрія политика Пизистрата, лидійскія войны, развитіе демократіи, расширеніе власти аэнианъ имѣли слѣдствіемъ такое развитіе тамъ движимаго богатства, что земельный капиталъ страны сталъ теперь не болѣе, какъ частичкой общественнаго богатства. Имущество зажиточнаго аэнианнина состояло и изъ земли, и изъ цѣнностей. Многочисленные описи наслѣдствъ, дошедшія до насъ, почти всѣ носятъ такой характеръ. Начиная съ 420 года, налогъ падаетъ на все состояніе cadaго лица, какаго бы происхожденія и формы оно ни было. Но что въ особенности необходимо прочесть, чтобы вполне убѣдиться, это прервосходныя страницы Пельмана, начиная со 139-ой.

Въ результатѣ опять приходитъ къ выводу, что Аэны, начиная съ V-го вѣка, превращаются въ складочное мѣсто мировой торговли, въ интернаціональное торжище, и живутъ въ очень развитомъ денежномъ хозяйствѣ; въ этотъ амбаръ стекались продукты со всѣхъ извѣстныхъ странъ; Аэны—это рынокъ цѣнностей, гдѣ сосредоточивались капиталы, отсюда уже расходившіеся по всей восточной половинѣ Средиземнаго моря. Имѣло ли это что-нибудь общее съ системой натурального хозяйства нашихъ среднихъ вѣковъ?

„Съ другой стороны, какую массу капиталовъ въ эллинскомъ мірѣ должна была поглощать во многихъ своихъ отрасляхъ индустрія, организованная на капиталистическихъ началахъ, рассчитанная на массовое производство, какъ, напр., производство тканей, которое снабжало рынки и предметами роскоши, и предметами общаго потребленія и которое, благодаря искусной организаціи торговли, могло посылать свои продукты въ три части свѣта“.

„Было ли земледѣліе болѣе чуждо капиталу въ эпоху интенсивной огородной культуры, культуры, рассчитанной на большой рынокъ, исключительно на спекуляцію земледѣльческими продуктами, втянутыми въ торговый оборотъ, какъ, напр., вино, масло, для которыхъ также былъ открытъ міровой рынокъ? Но сама земля, свободная, дробимая, освобожденная отъ всякихъ оковъ, не входящая болѣе съ сосѣдними полями въ общую компактную массу, недоступную для пріобрѣтенія извѣстнѣ, эта земля развѣ не представляла уже давно свободнаго поля для капиталистической спекуляціи? Растущая торговля имѣніями, результатъ мобилизаціи земли, которая изъ самой почвы сдѣлала предметъ торговаго оборота, развѣ не налагала на наслѣдника обязательства вознаграждать своего сонаслѣдника, и не имѣлъ ли онъ здѣсь, какъ и въ аналогичныхъ случаяхъ, причинъ пріобрѣтать къ безконечнымъ займамъ?

„Нечего поэтому удивляться той громадной роли, какую въ Аѳинахъ и другихъ промышленныхъ государствахъ Греціи игралъ кредитъ и банковскія учрежденія, пользовавшіяся въ дѣловомъ мірѣ очень большимъ довѣріемъ и извлекавшія изъ своихъ операцій процентъ, оставляемый закономъ абсолютно свободнымъ“.

Такова экономическая среда, въ которой протекала греческая жизнь въ V и VI вѣкахъ, и таковы главныя силы, которыя дѣлали исторію и давали непосредственный импульсъ политической жизни.

Аристофанъ въ своей комедіи „Миръ“ нарисовалъ хотя не лестную картину политической жизни своего времени, но зато вполне соответствующую дѣйствительности. Тогда (когда, вслѣдствіе преступныхъ нятриговъ Перикла и спартацевъ, „Миръ“ былъ позорно изгнанъ) труженики деревень стекались въ городъ и позволяли подкупать себя, какъ и другіе. Не имѣя возможности ѣсть виноградъ и тоскуя о своихъ фигахъ, они обращали взоры въ сторону ораторовъ. Эти послѣдніе, хотя знали, что бѣдняки, лишеныя хлѣба, окончателно были истощены, тѣмъ не менѣе они отталкивали богиню („Миръ“) своимъ громкимъ, рѣзкимъ крикомъ всякій разъ, какъ она появлялась, призываемая мольбами страны. Затѣмъ они посягали на полныя кошельки нашихъ болѣе богатыхъ союзниковъ подъ предлогомъ, что они были изъ страны Бразиды. А вы поносили бѣднаго обвиняемаго, ибо городъ, блѣдный отъ голода, подавленный ужасомъ, пожиралъ съ радостью всякую клевету, которую ему бросали въ пищу. Такимъ образомъ, иностранцы, види, какіе ужасные удары наносили сикофанты, затыкали имъ уста золотомъ. Они обогащались, а вы, увы! вы не замѣчали, что Греція стремится къ своей гибели. Виновинокъ всѣхъ этихъ золъ былъ кожевникъ“.

Удивительная, глубоко правдивая картина, полная грусти за свое отечество. Въ ней отразилась вся жизнь города: бѣдняки, страдающіе отъ голода и продающіе себя за винную ягоду; алчные политики, поднимающіе дикіе вопли, пріобрѣгающіе къ доносамъ, посягающіе на полныя кошельки, и на заднемъ планѣ, дающая всему тонъ, отвратительная фигура богача, затыкающая золотомъ всѣмъ рты. „Они, эти сикофанты, обогащались, а вы не видѣли, что Греція стремится къ своей гибели“.

Всѣ бѣдствія политической жизни Аѳинъ здѣсь на-лицо. Въ этой картинѣ жизни города передъ нами живое изображеніе неурядицы и борьбы, свирѣпствовавшихъ въ экономической области. Нѣтъ больше государства; верховный законъ жививы, свободный отъ всякихъ правилъ, мало-по-малу привелъ къ его уничтоженію. Существуетъ только общество, т. е. различные элементы, необходимые для созданія государства, и каждый изъ этихъ элементовъ преслѣдуетъ исключительно свои интересы, живетъ только для себя. Мысль о цѣломъ, чувство солидарности, которое связываетъ эти части, болѣе не существуетъ. Классы обособились, борются каждый за себя, добиваются исключительно для себя, ради собственныхъ грубыхъ интересовъ, господства и владычества. Скорѣе это даже не классы обособились и ведутъ борьбу, но отдѣльныя личности. Обогатиться возможно скорѣе съ помощью всякихъ средствъ, не признавая помимо этого ничего другого, — такова единственная цѣль. Съ момента провозглашенія, что „ниущество слабаго по естественному праву принадлежитъ сильному, собственно не существуетъ болѣе человѣческаго общества. Здѣсь, среди гражданскаго общества, на почвѣ производительной дѣятельности наступаетъ животная, безопащная борьба“. Это — картина, — говоритъ Пельманъ, — которую имѣетъ въ виду Моменъ, когда говоритъ о Греціи, принесшей цѣлое въ жертву части, общество гражданину и дошедшей до полного внутренняго разложенія власти и общества. Последнимъ результатомъ этого былъ крайній индивидуализмъ, который дошелъ до формальнаго отрицанія государства и права, и провозгласилъ интересы личности единственно истинными интересами. По теоріи эгоизма, теоріи вполне естественной и неизбѣжной для той общественной жизни, которую мы сейчасъ изобразили, личность не только является по существу послѣдней, верховной причиной всякаго строя общественной жизни, но къ тому же еще она и ея жизнь, какъ личности, провозглашается единственно понятной цѣлью всякой дѣятельности. Именно таковъ смыслъ съ точки зрѣнія общественныхъ и нравственныхъ наукъ философскаго принципа софистовъ, главнымъ образомъ Горгія: „*πάντων χρημάτων μέτρον ἐνθροπος*“, „человѣкъ мѣрило всѣхъ вещей“.

* * *

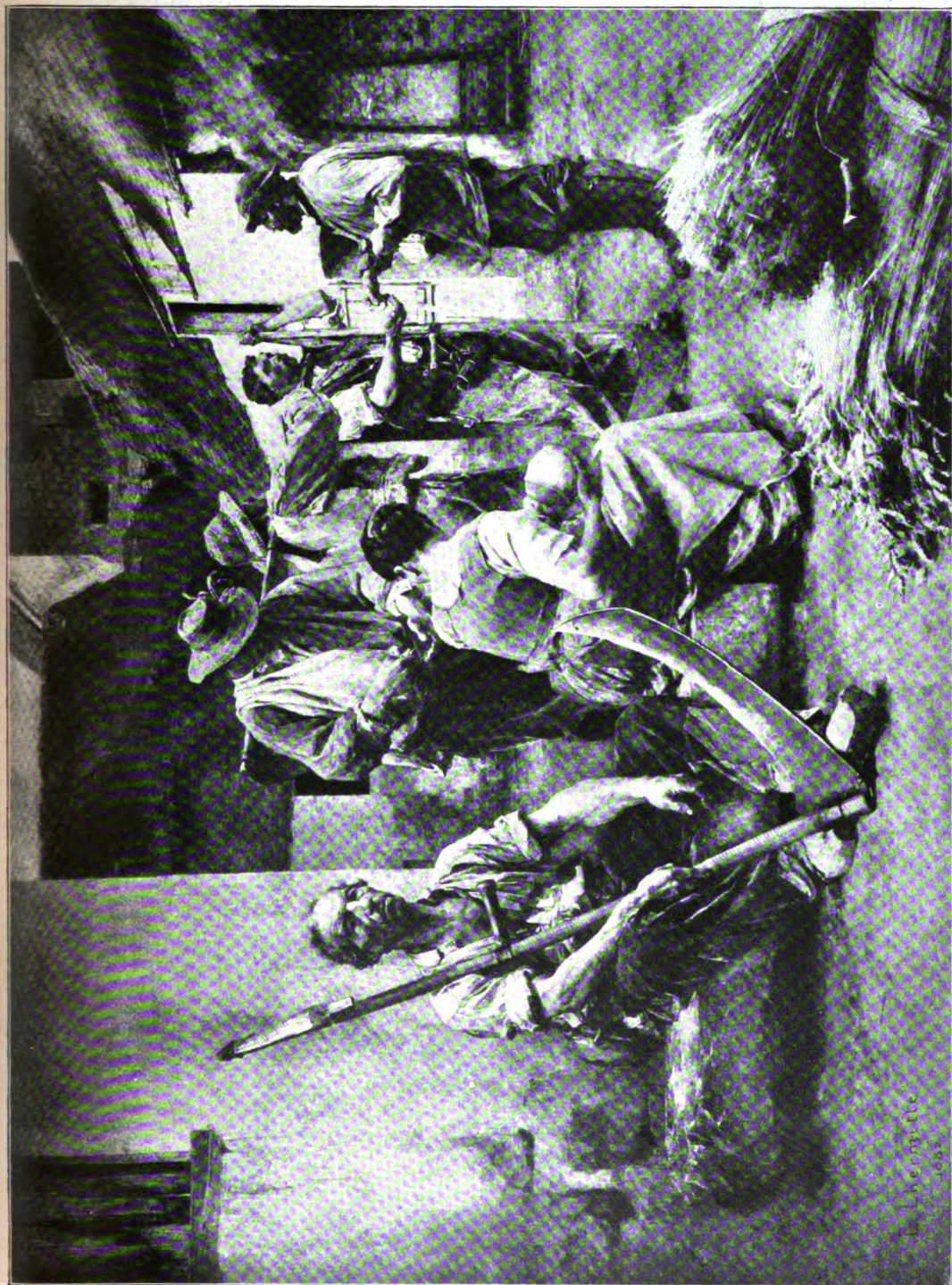
Греція не остановилась на этомъ. Дойдя до этой ступени нравственнаго и общественнаго разложенія, она не могла навсегда примириться съ такимъ жалкимъ положеніемъ истинно человѣческой общественной дѣятельности, съ этимъ старческимъ возвращеніемъ къ животному состоянію.

Въ своемъ отвращеніи къ этой грубой практикѣ и не менѣе грубой теоріи, она нашла силу реагировать и противопоставить позорной дѣйствительности, по крайней мѣрѣ, благородную мечту о дѣйствительности совѣтмъ иного характера.

Какъ душу сатирика поразили размѣры претерпѣваемыхъ бѣдствій, тяжесть зла, точно такъ же они поразили и глубокую, сострадательную душу философа. Онъ также любилъ свой народъ, изслѣдовалъ его язвы и стремился къ ихъ исцѣленію. Критическая мысль IV и конца V вѣка цѣликомъ была поглощена этимъ стремленіемъ.

Соціальный миръ, братское единеніе, совмѣстный трудъ каждаго за всѣхъ и всѣхъ за каждаго, добровольное согласіе, „органическое“ государство, сплачивающее въ единствѣ высшей цѣли обособленность частей, — таково, среди борьбы, насилія, несправедливостей всякаго рода, среди грубаго и дерзкаго господства силы, таково направленіе мысли, такова человѣчная и сладкая мечта, мужественная и прекрасная, которою греческая мысль плѣняетъ человечество.

„Страна жиецовъ“. Лерингта.

Стихотворенія въ прозѣ К. Меммайера.

Горный мотылекъ.

Я шель однажды чрезъ Желѣзныя Ворота въ Татрахъ. За мной, надъ Липтовскими горами, была буря, висѣвшая въ свинцовой тучѣ и ударявшая въ темный лѣсъ золотыми молніями съ оглушительными раскатами грома. Въ Татрахъ отдавалось громкое эхо. Надъ тучей было какъ будто огромное зарево, кровавое и страшное.

Вокругъ меня были пропасти, нагія, обрывистыя гранитныя скалы, за которыя даже мохъ не могъ ухватиться. Колоссальныя гранитныя обелиски поднимались въ высь между колоссальными пирамидами, теряясь верхушками гдѣ-то въ безграничной вышинѣ.

Внизу была бездна, наполненная мелкими камнями, наваленными другъ на друга, массы гранита, дикія, пустынные и безмолвныя; надъ головой вечернее небо, сѣрое и печальное.

Нигдѣ ни травки, ни моху, только обломки и груды мелкихъ камней и скользкія гранитныя плиты. Мертвая пустыня.

Вдругъ зашелестѣло что-то въ воздухѣ: отъ одной стѣны ущелья до другой пролетѣла маленькая птичка, горный мотылекъ, какъ ее называютъ горцы.

Съ излома на изломѣ, со скалы на скалу взлетала она все выше и выше, пока не исчезла гдѣ-то въ безграничной вышинѣ между сводами пропасти.

Тамъ, въ отдаленіи. была буря и темный лѣсъ; ниже, въ долиняхъ, были города и нивы, была жизнь, было движеніе, а эта птичка, далекая всему, всему чуждая, никѣмъ невидимая, послалась здѣсь надъ пропастями, въ безконечной вышинѣ и безконечной пустынѣ.

Не правда ли, въ душѣ человѣка есть что то похожее на этого горнаго мотылька взлетающее выше, чѣмъ бури и лѣса,

чѣмъ города и нивы, чѣмъ жизнь и движеніе, всему далекое, всему чуждое, лишь иногда, на одну минуту, замѣтное для мысли и такъ, какъ эта птичка, исчезающее въ безграничной вышинѣ.

Одна изъ сказокъ.

Склони ко мнѣ головку и послушай: когда боги еще имѣли общеніе съ людьми, одинъ аеинскій поэтъ сложилъ въ честь Зевса гимнъ, который такъ обрадовалъ сердце Громовержца, что онъ рѣшилъ наградить поэта такъ щедро, какъ велика была его радость. И вотъ онъ, огромный и лучезарный, подобный восходящему надъ лѣсомъ солнцу, сошелъ съ Олимпа на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ поэтъ, сидя на прибрежной скалѣ, склонивши голову на руки, смотрѣлъ на голубое, безконечное море и вслушивался въ монотонный шумъ полусонныхъ волнъ, полный опьяняющей задумчивости. Увидавши предъ собой владельца земли и неба, испугался поэтъ, но Зевсъ милостиво сказалъ ему:

— Ты почтилъ меня пѣснью, достойной моей славы и святого могущества, и я хочу наградить тебя. Я дамъ твоему слову такую силу и очарованіе, что при звукѣ его море затихнетъ и будетъ слушать тебя, и плывущія по небу облака задержать свой полетъ; я дамъ твоему слову такую силу и очарованіе, что наилучшіе мужи за пѣснь твою принесутъ тебѣ золото и пурпуръ, и ты будешь для нихъ, какъ журавль, ведущій свое стадо, а прекраснѣйшія женщины принесутъ тебѣ въ жертву свои души и бѣлыя, благоухающія тѣла. Я сдѣлаю тебя могущественнымъ, богатымъ и счастливымъ.

Но поэтъ, покачавши головой, отвѣтилъ:

— Отецъ боговъ и людей, твоя награда и твои сокровища выше заслугъ смертныхъ; они достойны твоей безсмертной и всемогущей силы,—но мнѣ ихъ не нужно. Я уже богатъ, могущественъ и счастливъ.

Изумился Олимпіецъ.

— Какъ же такъ?—спросилъ онъ.—На плечахъ твоихъ, о поэтъ, я вижу запыленный плащъ и на ногахъ пыль отъ дорогъ, тяжелыхъ и изнуряющихъ, а въ рукахъ—посохъ странника. Печаль врѣзалась бороздами въ твое чело, на устахъ твоихъ видна горечь и скорбь. И привѣтствовалъ ли ты когда-нибудь улыбкой золотую колесницу Геліоса? Ты безъ крова, какъ птица, у которой нѣтъ гнѣзда, ты одинокъ, какъ горный шиповникъ на скалѣ,—какъ же ты можешь быть могущественнымъ, богатымъ и счастливымъ? Что у тебя есть?“

Но тотъ отвѣтилъ ему:

— Одно женское сердце, которое мнѣ послушно.

Усмѣхнулся отецъ боговъ и людей и, положивши лучезарную руку на плечо поэта, сказалъ:

— А если я сдѣлаю такъ, что оно не будетъ тебѣ послушно?

— Тогда дай мнѣ смерть, — сказалъ поэтъ.

* * *

Въ эту минуту Панъ, который лежалъ неподалеку въ кустахъ, скрестивши козлиныя ноги и отгоняя отъ себя мухъ благовонной вѣткой мирта, отозвался густымъ басомъ:

— Тогда дай ему другую, отецъ Зевсъ.

Парламентскіе выборы въ Англїи.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Я стоялъ на улицѣ и разсматривалъ огромныя избирательныя афиши. „Голосуй за Лэвжа, либеральнаго кандидата!“—повторяли безчисленное множество разъ желтыя афиши. „Голосуй за Лэвжа! Долой политку авантюристовъ!“—добавлялось въ нихъ; и внизу неизмѣнно стояла фраза: „Миръ, реформы и экономія въ финансахъ“, являющаяся постояннымъ знаменемъ англійскаго либерализма. „Голосуй за Береля и за сильную объединенную имперію!“—отвѣчали синія афиши своими гигантскими буквами. „За Береля, мѣстнаго жителя, кандидата консервативной партіи!“

Желтыя и синія афиши, развѣшанныя повсюду густыми рядами, лѣзли въ глаза, казались назойливыми, крикливыми арміями, ведущими между собою яростную борьбу изъ-за права терзать вашъ мозгъ, изнувать ваше вниманіе. Вотъ онѣ столпились вокругъ своихъ орудій, какъ бы готовясь вступить въ послѣдній, смертный бой. Каждая изъ армій облѣпила рядъ саженныхъ, раскрашенныхъ яркими красками, картинъ. Вамъ эти картины прїѣлись до тошноты, до одурѣнія, потому что вы ихъ встрѣчаете на каждомъ шагѣ не только въ томъ избирательномъ округѣ, гдѣ вы живете, но повсюду, во всѣхъ 62 округахъ безконечнаго, чудовищнаго Лондона. И тѣмъ не менѣе вы не можете пройти мимо нихъ, не оставившись: онѣ гипнотизируютъ васъ своей яркостью, своимъ нахальнымъ безобразіемъ. Вотъ въ тѣсномъ кругу желтыхъ афишъ пріютилась картина, изображающая Чемберлена въ ночномъ женскомъ халатѣ и чепцѣ, со своимъ моноклемъ въ глазу, открывающаго пустой буфетъ. Возлѣ Чемберлена стоитъ изнуренный старый песь, съ голодной жадностью заглядывающій въ буфетъ. На спинѣ пса имѣется надпись—„пенсія для престарѣлыхъ рабочихъ“ („Old Age Pension“). Воображеніе досказываетъ зрителю остальное. Во время выборовъ 1895 г. Чемберленъ и другіе юніонистскіе кандидаты торжественно обѣщали избирателямъ провести въ парламентъ законъ о пенсіяхъ старости. Чемберленъ тогда прямо заявилъ, что у него уже имѣется готовый проектъ, который такъ же легко осуществить, какъ выпить стаканъ чаю. И вотъ прошло пять лѣтъ, парламентъ закончилъ свое существованіе, а закона о пенсіяхъ нѣтъ, и не только нѣтъ, но

и не можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ: „Буфеть пусть!“—указываетъ Чемберленъ голодному, старому псу,—всѣ деньги растрчены на войны *).

Вотъ другая яркая картина. Изъ огромной бочки съ надписью „казна“ выглядываетъ толстый, типичный Джонъ Бульль, направляющій въ верхнее отверстіе бочки золотую трубу съ „налогами“, стекающими въ бочку. Внизу типичный тори открываетъ кранъ бочки. Толстый улыбающійся попъ уноситъ два наполненныхъ изъ-подъ крана ведра съ надписью на одномъ — „пособіе церковнымъ школамъ“ и на другомъ—„пособіе для меня самого; десятинный налогъ“. Рядомъ жирный лэндлордъ уноситъ третье полное ведро съ надписью — „пособіе лэндлордамъ“. Картина носить названіе: „Разгадка загадки“. Джонъ Бульль смотритъ на уносимыя ведра и восклицаетъ: „Такъ вотъ куда уходятъ мои денежки!“ И эта картина говоритъ многое зрителю. Министерство Сольсбэри-Чемберлена одержало на выборахъ 1895 года свою блестящую побѣду отчасти благодаря энергичной агитаціи, веденной въ его пользу кабатчиками, духовенствомъ и лэндлордами. Поддержка эта, очевидно, была оказана на условіи *do, ut des*. Получивъ власть, министерство принялось вознаграждать своихъ друзей. Въ угоду кабатчикамъ, водочнымъ и пивовареннымъ магнатамъ, министерство отложило въ сторону всѣ билли, направленные противъ пьянства. Въ награду лэндлордамъ оно провело въ 1896 г. законъ, понизившій на половину всѣ поземельные налоги. Благодаря этому закону, проведенному временно, на 5 лѣтъ, лэндлорды получаютъ ежегодную подачку въ 16 мил. рублей. Въ слѣдующемъ году духовенство получило для своихъ церковныхъ школъ ежегодную субсидію въ 8 мил. руб. Въ 1898 году ирландскіе землевладѣльцы были освобождены отъ налога на бѣдныхъ и нѣкоторыхъ другихъ налоговъ, благодаря чему въ ихъ карманахъ остается ежегодно болѣе 7 мил. р. Герцогъ Девонширскій, маркизъ Лондондерри, маркизъ Лэндсдоунъ и лордъ Сольсбэри,—все члены кабинета министровъ и крупные землевладѣльцы,—выигрываютъ, благодаря этимъ законамъ, десятии тысячъ рублей ежегодно. Наконецъ, въ 1899 году правительство дало духовенству новую подачку въ 850 тыс. руб. подъ видомъ сокращенія на половину налога, взимававшегося въ пользу казны съ такъ называемыхъ „десятинныхъ доходовъ“ духовенства.

Третья картина не менѣе содержательна. Она изображаетъ земной шаръ, на которомъ отиѣчены всѣ многочисленныя войны и международные конфликты, прямо или косвенно вызванныя имперялистской политикой юніонистскаго министерства за послѣднія 5 лѣтъ. Пограничныя войны въ Индіи, набѣгъ Джемсона, конфликтъ съ Германіей, война въ Суданѣ, фашодскій конфликтъ съ Франціей, первая война въ Ашанти, вторая война въ Ашанти, конфликтъ съ Америкой по поводу Венецуэлы, война съ Трансваалемъ и Оранжевой республикой, война въ Китаѣ. И въ то время, какъ британское правительство расточало сотни милліоновъ на расширеніе колониальной территоріи, главнѣйшая изъ британскихъ

*) О необходимости изданія закона „о пенсіяхъ старости“ Чемберленъ высказывался и въ печати; см. его обстоятельную статью: *Old Age Pensions*, въ *National Review*, 1892 г., февр. книжка.

колоній—Индія—переживала почти непрерывный рядъ голодныхъ годовъ, миллионы людей погибли тамъ ежегодно отъ голода, чумы, холеры и голоднаго тифа.

Эти картины вмѣстѣ съ другими, менѣе краснорѣчивыми, передавали въ живыхъ, хотя и аляповатыхъ, образахъ наиболѣе существенныя черты исторіи правительственной дѣятельности за послѣднія 5 лѣтъ. Ихъ краски были слишкомъ ярки, но факты, передаваемые ими, не были преувеличены. И все, что можно было бы отвѣтить желтой арміи афишъ, это развѣ слѣдующее: „Да, ваша критика вѣрна!“

Но, разумѣется, не этими словами отвѣчали голубыя афиши юніонистскихъ кандидатовъ. „Всякій голосъ, подаваемый вами въ пользу либераловъ, есть выстрѣлъ бура въ нашу армію!“—гласить одна изъ голубыхъ афишъ. На другой нарисованъ англійскій солдатъ съ раненой рукой и головой. „Мы отстаивали имперію въ Южной Африкѣ, пусть же наша кровь не будетъ пролита даромъ! Подавайте голоса за юніонистовъ, защитниковъ имперіи!“ Далѣе, картина, изображающая трехъ радикальныхъ депутатовъ,—Лабушера, Кларка и Эллиса,—поддерживающихъ на своихъ плечахъ кресло съ весело улыбающимся Крюгеромъ. „Вотъ какъ наши измѣнники—либеральные депутаты—поддерживаютъ Крюгера!“ Рѣчь, очевидно, идетъ объ опубликованныхъ Чемберленомъ письмахъ этихъ трехъ депутатовъ къ трансваальскому правительству, написанныхъ до войны и столь же далекихъ отъ измѣны, сколько правда далека отъ лжи. На другой картинѣ, на двухъ школьныхъ скамейкахъ, усажены всѣ лидеры либеральной партіи. Учитель—Чемберленъ—даетъ этимъ школьникамъ „наглядный урокъ“ въ политикѣ, — онъ указываетъ на доску, на которой перечислено, что выиграла Англія за послѣднія пять лѣтъ: *Суданъ возвращенъ цивилизаціи. Имперія упрочена. Южная Африка замирена. Уваженіе за-границей къ намъ возросло. Связь между колоніями и метрополіей усилена. Законъ о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья проведенъ* и т. д. Желтыя афиши подвергали критикѣ правительство, и имъ это легко было дѣлать, такъ какъ дѣйствія правительства представляли богатѣйшій матеріалъ для критики. Голубыя афиши отвѣчали ложью и клеветами, такъ какъ правительство, добившееся власти при помощи лживыхъ обѣщаній и клеветъ, не имѣетъ другого оружія для самозащиты, кромѣ новой лжи, новыхъ, еще болѣе безстыдныхъ клеветъ. Эта система борьбы практиковалась не въ одномъ только моемъ избирательномъ округѣ. Во всѣхъ другихъ округахъ висѣли тѣ же картины, — продукты центральныхъ лондонскихъ комитетовъ партій; видѣлись тѣ же афиши, часто съ вариациями по формѣ, но всегда тождественныя по содержанію.

Такими-то орудіями боролись кандидаты моего округа. Оба они — типичные кандидаты; мотивы, двигающіе ими, въ моральномъ отношеніи однородны съ мотивами, побуждающими огромное большинство другихъ англійскихъ кандидатовъ добиваться парламентскихъ почестей. Берель и Лэнжъ не хуже и не лучше множества другихъ. Я видѣлъ ихъ обоихъ, слышалъ ихъ рѣчи къ избирателямъ. Оба они адвокаты и люди не безъ извѣстной смѣлости. Берель вездѣ заявляетъ открыто, что онъ консерваторъ по убѣжденіямъ. Онъ охотно дискутируетъ во-

просы политики съ людьми другихъ убѣжденій, чѣмъ онъ, и даже не побоялся читать лекцію о консервативной программѣ въ мѣстномъ социалистическомъ клубѣ. „Я знаю, что мнѣ васъ не убѣдить, — заявилъ онъ, — но я не боюсь также и вашей критики“. Берель—мѣстный житель, хорошо извѣстный большинству населенія своего округа. Болѣе всего онъ добивается популярности, такъ какъ при помощи ея его адвокатская практика расширяется и также обезпечивается его политическая карьера. Онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ состоитъ гласнымъ въ лондонской думѣ, гдѣ онъ быстро завоевалъ себѣ почетное мѣсто, благодаря своему трудолюбію и дѣловитости. До него членомъ парламента отъ мѣстнаго округа состоялъ неизмѣнно, въ теченіе 15 лѣтъ, консерваторъ, самый округъ считается твердой консерватизма, и не было никакого сомнѣнія, что Берель будетъ выбранъ. Поэтому на митингахъ Берель держалъ себя съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, уже власть имущій, и въ своемъ избирательномъ манифестѣ онъ заявилъ:

„Большинство изъ васъ знаетъ, что я *юнионистъ* и пламенный приверженецъ высокихъ идеаловъ и политики лорда Сольсбери.

„Было бы бесполезно отрицать, что настоящіе выборы вращаются вокругъ вопроса о *каки* *), и оно такъ и должно быть, что бы ни возражали противъ этого.

„Мы вынуждены были отразить нашествіе, — *у насъ не было другого выбора!*

„Мы вынуждены присоединить Трансвааль, — *у насъ нѣтъ другого выбора!*

„Радикалы говорятъ, что военное министерство не было подготовлено къ войнѣ. Можно ли придумать болѣе неловкій упрекъ? Всего за двѣ недѣли до ультиматума буровъ Кампбелль-Баннерманъ заявилъ публично, что война не нужна, и что нѣтъ никакой необходимости къ военнымъ приготовленіямъ. Если военное министерство дѣятельнѣе готовилось къ войнѣ, онъ бы упрекалъ правительство въ томъ, что оно сопровождаетъ дипломатическіе переговоры угрозами.

„Какая бы партія ни была отвѣтственна за нашу неподготовленность къ войнѣ, — и, вѣроятно, онѣ обѣ отвѣтственны, — я считаю, что было бы преступнымъ безуміемъ съ нашей стороны не воспользоваться уроками войны и не реформировать кореннымъ образомъ всю нашу военную организацію.

„Я изучалъ жгучій вопросъ о жилищахъ для рабочихъ и буду говорить о немъ, а равно и о другихъ нуждахъ рабочаго класса на избирательныхъ митингахъ.

„Приглашаю всѣхъ на эти митинги и буду охотно отвѣчать на всякіе вопросы.

„Если способность къ упорной работѣ, основательное знакомство съ вашими нуждами, внимательное отношеніе къ вашимъ просьбамъ и жительство въ вашемъ

*) *Каки* — цвѣтъ одежды южно-африканской арміи. Для краткости, вся имперіалистская политика Чемберлена названа *каки*.

округъ суть тѣ условія, которыхъ вы требуете отъ вашего представителя въ парламентъ, я смѣю заявить, что этииъ условіямъ я отвѣчаю, и поэтому я съ довѣріемъ и почтительно жду отъ васъ вниманія и голоса въ мою пользу“.

Его соперникъ—еще совсѣмъ молодой и неопытный человѣкъ. Лэнжъ только-что закончилъ свое образованіе въ оксфордскомъ университетѣ, гдѣ, какъ извѣстно, преподають не столько науки, сколько искусство спорта, и записался въ адвокаты. Въ данный округъ онъ явился впервые лишь за десять дней до выборовъ. Его никто не знаетъ, и онъ самъ не знаетъ никого изъ жителей округа, ни ихъ нуждъ. Знакомство съ политическими вопросами у него весьма слабое. Его избирательный манифестъ не менѣе безсодержателенъ, чѣмъ манифестъ его соперника, и либеральная программа, выставленная имъ, въ сущности ничѣмъ не отличается отъ консервативной программы Береля. Единственная реформа, о которой онъ упоминаетъ въ своемъ манифестѣ, тоже касается постройки рабочихъ жилищъ. Въ отличіе отъ Береля, онъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ всю политику министерства и называетъ южно-африканскую войну несправедливой. Но онъ, какъ и Берель, принимаетъ всѣ послѣдствія этой политики, признаетъ необходимымъ присоединеніе къ Англіи республикъ буровъ. На трибунѣ онъ держится смѣло, скорѣе даже дерзко, какъ истый Балалайкинъ, но говорить крайне посредственно, безъ краснорѣчія и безъ даже всякой гладкости рѣчи. И лишь только онъ заканчиваетъ свою рѣчь и его смѣняетъ другой ораторъ, онъ начинаетъ безцеременно болтать со своимъ сосѣдомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на публику, которой онъ желаетъ быть довѣреннымъ лицомъ въ парламентѣ.

„Какое право имѣетъ этотъ молодой нахаль претендовать на роль законодателя?“ думается невольно, глядя на него.

— Должны ли мы подавать голосъ за либеральнаго кандидата Лэнжа, или совсѣмъ воздержаться отъ подачи голоса?—поставленъ былъ вопросъ въ мѣстномъ социалистическомъ клубѣ. Одни утверждали, что необходимо подать голосъ за Лэнжа, другіе,—что слѣдуетъ воздержаться отъ голосованія.

— Выборы вертятся исключительно вокругъ вопроса о томъ, одобряетъ ли нація затѣянную правительствомъ войну, или осуждаетъ?—доказывали первые.— И если мы воздержимся отъ голосованія, мы въ сущности этимъ увеличимъ большинство, которое получитъ правительственный кандидатъ, то есть выразимъ довѣріе правительству.

— Но, помилуйте,—отвѣчали вторые,—какъ можно подать голосъ за человѣка, къ которому не питаешь ни малѣйшаго довѣрія, — подать голосъ только потому, что этотъ человѣкъ себя называетъ либераломъ. Вѣдь это возмутительно со стороны либераловъ назначать такого человѣка въ кандидаты. Если мы будемъ голосовать за него, мы этимъ усилимъ либеральную партію, которая ничѣмъ не лучше консервативной...

Большинство оказалось на сторонѣ воздержанія.

Но, несмотря, однако, на полную безцвѣтность и безнадежность либеральнаго кандидата, поддерживать его выступило нѣсколько лучшихъ либераловъ и ради-

каловъ этого округа, людей безусловно честныхъ, уважаемыхъ населеніемъ и талантливыхъ.

— Почему вы не выставили своей собственной кандидатуры? — спросилъ я одного изъ нихъ, распинавшася за Лэнжа передъ кучкой слушателей на уличномъ митингѣ.

— Не могу! — отвѣтилъ онъ. — На выборы нужно затратить около 1.000 фунт. ст. Я не могу рискнуть такой суммой.

— Но какъ могла центральная организація либеральной партіи послать такого ничтожнаго кандидата?

— Потому что этотъ округъ — твердыня консерватизма, и либеральный кандидатъ не имѣетъ сколько-нибудь значительныхъ шансовъ получить большинство. Въ такіе округа партія посылаетъ такъ называемыхъ *carpet-beggars* (т. е. людей, обивающихъ пороги), готовыхъ взять на себя всѣ расходы за честь выступить кандидатомъ отъ партіи.

— Но если Лэнжъ не питаетъ надежды получить большинство, что же его побуждаетъ тратиться на выборы?

— Отчего же? Выборы — превосходная реклама, и потому потратить деньги на выборы — выгодное помѣщеніе капитала. Лэнжъ — адвокатъ, не имѣющій практики, безъ всякаго имени. Теперь же, благодаря тому, что его имя рекламируется во всѣхъ газетахъ и на всѣхъ улицахъ, онъ пріобрѣтетъ извѣстный вѣсъ и, слѣдовательно, практику...

И несмотря, однако, на все ничтожество Лэнжа, несмотря на то, что онъ, изъ экономіи, велъ выборную кампанію спустя рукава, въ округѣ нашлось 2.166 человекъ, рѣшившихся подать за него голосъ. Его соперникъ получилъ 5.458 голосовъ. На предыдущихъ выборахъ (1895 г.) выступалъ рабочій кандидатъ, тоже отъ имени либеральной партіи, и онъ получилъ 3.238 голосовъ противъ 5.017 гол., поданныхъ за консерватора. Такимъ образомъ, число либеральныхъ или, вѣрнѣе, оппозиціонныхъ голосовъ понизилось болѣе, чѣмъ на тысячу. Въ то же время число вотировавшихъ, составлявшее около 70% всего числа избирателей въ 1895 г., составляетъ теперь только 58%.

II.

Но стоять перебраться черезъ Темзу, въ округъ Бэттерси, чтобы наткнуться на картину совершенно иного характера. Здѣсь избирательная борьба вылилась въ вполне определенную форму, — въ форму борьбы классовъ. Здѣсь кандидатами выступили съ одной стороны пролетарій Джонъ Бернсъ, вываренный съ самаго ранняго дѣтства въ фабричномъ котлѣ, и съ другой — богатѣйшій пивоваръ Гартонъ, владѣлецъ сотни кабаковъ и работодатель многихъ тысячъ рабочихъ.

Но прежде, чѣмъ описывать эту борьбу, я ознакомлю читателя съ Джономъ Бервсомъ.

Джонъ Бернсъ знаетъ свой округъ Бэттерси, какъ своихъ пять пальцевъ, и Бэттерси знаетъ прекрасно своего Джона. Всякій мальчишка въ Бэттерси скажетъ

вамъ. кто такой *Джэксъ* (уменьшительное имя Джона), и укажетъ его маленькій домикъ. въ которомъ онъ живетъ. Бернсъ и Вэттерси какъ бы слились другъ съ другомъ въ своей исторіи. Когда Бернсъ родился, Вэттерси былъ маленькимъ предмѣстемъ Лондона съ какимъ-нибудь десяткомъ тысячъ жителей. Это было въ 1858 году. Съ тѣхъ поръ Бернсъ и Вэттерси росли вмѣстѣ. Маленькимъ мальчикомъ Бернсъ сталъ бѣгать въ народную школу Вэттерси. Предмѣстье расширилось, выстроилась свѣчная фабрика, и едва достигшій десятилѣтняго возраста Джонъ уже началъ работать на этой фабрикѣ. Но отецъ Джона былъ слесарь, и когда Джонъ набрался нѣсколько силъ, онъ его отдалъ въ слесарную мастерскую точить гайки. Способный мальчикъ быстро усвоилъ искусство точенія гаекъ и скоро перешелъ въ качествѣ ученика къ болѣе искусному механику, въ мастерской котораго онъ и оставался до своего совершеннолѣтія. Здѣсь онъ подружился съ другимъ рабочимъ, французомъ, бѣжавшимъ изъ Парижа послѣ крушенія коммуны. Подъ влияніемъ своего друга-француза молодой Бернсъ принялся поглощать книгу за книгой, отдавая чтенію свои ночи, — дни онъ работалъ въ мастерской. Умственный горизонтъ его расширялся, знанія накапливались въ его головѣ, онъ усвоилъ теорію своего друга и скоро почувствовалъ потребность подѣлиться со своими товарищами тѣми лучами свѣта, какіе, казалось ему, озарили его мозгъ. Бернсъ сталъ устраивать митинги на улицахъ, подъ открытымъ небомъ, — не приходится платить за помѣщеніе, — и послѣ одного особенно успѣшнаго митинга, какъ разъ когда кончился срокъ его ученичества, его хозяинъ вѣжливо попросилъ его оставить его мастерскую. Джонъ почувствовалъ себя вольной птицей и ему захотѣлось увидѣть бѣлый свѣтъ. Онъ нанялся *главнымъ мастеромъ-механикомъ* въ Нигерію, въ Западной Африкѣ, скопилъ тамъ за годъ небольшую сумму денегъ и на эти сбереженія совершилъ шестимѣсячное путешествіе по Европѣ. Вернувшись въ Лондонъ, онъ женился и снова занялся своимъ ремесломъ и чтеніемъ. Вскорѣ, однако, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими рѣчами о социализмѣ, произнесенными имъ на устроенной въ Лондонѣ конференціи хозяевъ и рабочихъ. Съ тѣхъ поръ Бернсъ сдѣлался неизмѣннымъ ораторомъ на всѣхъ крупныхъ рабочихъ собраніяхъ. Состоя членомъ одного изъ наиболѣе могущественныхъ трэдъ-юніоновъ Англій — *Amalgamated Society of Engineers* (союзъ рабочихъ металлическихъ заводовъ и мастерскихъ, насчитывающій теперь до 100.000 членовъ), Бернсъ приобрѣлъ всеобщее уваженіе товарищей и былъ выбранъ секретаремъ этого общества. Здѣсь онъ впервые проявилъ свои блестящія организаторскія способности, благодаря которымъ онъ и сдѣлался самымъ выдающимся вождемъ рабочаго Лондона.

Болѣе всего популярности среди всѣхъ классовъ населенія Джонъ Бернсъ приобрѣлъ во время знаменитой стачки докеровъ въ 1889 году. Я не стану передавать исторіи этой стачки: о ней достаточно сообщалось въ русской литературѣ. Напомню только, что участники этой стачки, — числомъ до ста тысячъ, — принадлежали къ наиболѣе дезорганизованнымъ, невѣжественнымъ и деморализованнымъ слоямъ рабочаго класса Англій: докеры — были Lumpenproletariat Лон-

дона, и условія ихъ работы принадлежали къ числу наихудшихъ въ Англіи. Бернсъ, вмѣстѣ съ Томомъ Мэнномъ и Беномъ Тиллетомъ, организовалъ эти безпорядочныя массы въ стройныя рабочіе союзы, объединилъ эти союзы въ одну неодолимую армію, научилъ ихъ бороться за улучшение своей участи, рассказалъ, при помощи устнаго и печатнаго слова, англійской націи о мукахъ, претерпѣваемыхъ этими рабами судовладѣльцевъ, привлекъ симпатіи всѣхъ классовъ населенія и обильную денежную помощь на сторону докеровъ и повелъ ихъ къ побѣдѣ. Грандіозная стачка была выиграна.

Къ тому времени Бернсъ дѣлается одной изъ центральныхъ фигуръ Лондона, и въ то же время его родина Бэттерси, все расширяясь и разрастаясь (теперь въ немъ насчитывается до 200.000 жителей), слился съ Лондономъ и сдѣлался однимъ изъ его главныхъ округовъ. И когда, въ 1888-мъ году, въ Лондонѣ было введено новое городское самоуправленіе, Бэттерси послало своего гражданина Джона Бернса совѣтникомъ (гласнымъ) въ новую лондонскую думу (*London County Council*). И съ тѣхъ поръ Бернсъ состоялъ непрерывно на общественной службѣ Бэттерси. 12 лѣтъ уже онъ состоитъ гласнымъ въ лондонской думѣ и 8 лѣтъ членомъ палаты общинъ отъ округа Бэттерси (онъ былъ избранъ впервые въ 1892 г.).

„Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся интересовъ труда, — пишетъ о немъ безстрашный *Hazell's Annual*, — Бернсъ считается авторитетомъ, уважаемымъ какъ предпринимателями, такъ и рабочими. Работники и ихъ союзы непрерывно прибегаютъ къ его помощи и совѣту. Онъ четыре раза былъ избираемъ гласнымъ отъ округа Бэттерси въ *London County Council*, и въ этой думѣ, благодаря ему, была уничтожена система подрядовъ и замѣнена системой прямого найма на всѣ работы, предпринимаемая муниципалитетомъ; и вообще онъ много сдѣлалъ для улучшенія условій труда на муниципальныхъ работахъ. Онъ дважды былъ избранъ отъ того же округа въ члены парламента, и тамъ онъ очень скоро выдѣлился, и его рѣчи считаются вѣскими и авторитетными“ *). Таковъ отзывъ изданія, которое никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ рабочимъ лидерамъ. Своимъ успѣхомъ Бернсъ всецѣло обязанъ тому, что онъ не ограничивается красивыми рѣчами, а старается быть полезнымъ всегда и вездѣ, гдѣ онъ можетъ что-либо сдѣлать. Для примѣра приведу опять-таки его дѣятельность въ Бэттерси. 12 лѣтъ тому назадъ, передъ тѣмъ, какъ Бернсъ сдѣлался гласнымъ и депутатомъ отъ этого округа, Чарльсъ Бутсъ писалъ о Бэттерси, какъ объ округѣ, весьма бѣдно снабженномъ мѣстами для общественнаго развлеченія и общественныхъ собраній. Теперь, благодаря главнымъ образомъ дѣятельности Джона Бернса, это одинъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ округовъ Лондона, имѣющій прекрасный паркъ съ удобными лугами для игръ и спорта, массу скверовъ, нѣсколько даровыхъ общественныхъ читаленъ и библиотекъ, общественныя бани, прекрасный народный политехнической институтъ и т. д.

Хотя Бернсъ по убѣжденіямъ своимъ социалистъ, онъ никоимъ образомъ не

*) *Hazell's Annual*, за 1900 г., стр. 113.

является таковымъ въ своей практической дѣятельности. Онъ давно отложилъ въ сторону пропаганду социалистическихъ идей и всецѣло посвятилъ себя дѣлу улучшенія повседневной жизни низшихъ классовъ. Это реформаторъ по своей природѣ, и притомъ реформаторъ-практикъ. Количество энергіи, которую онъ тратитъ на свою практическую дѣятельность, просто невѣроятно.

— За послѣдніе пять мѣсяцевъ я произнесъ 157 рѣчей,—сказалъ онъ мнѣ вскорѣ послѣ выборовъ.—Необходимо отдохнуть.

На другой же день я его встрѣтилъ на демократической конвенціи. Онъ произнесъ страстную рѣчь, въ которой съ необыкновенной ясностью освѣтилъ практическія задачи конвенціи, и живо направился къ выходу.

— Не уходите, посидите до конца,—задержалъ я его.

— Не могу. У меня сегодня еще три митинга, на которыхъ я долженъ говорить.

Таковъ Джонъ Бернсъ. Это чрезвычайно сильный человѣкъ-практикъ, не брезгающій никакимъ мелкимъ дѣломъ, это типичный англійскій рабочій, но рабочій высшаго порядка, прошедшій черезъ всѣ тяжелыя испытанія рабочей карьеры и своимъ горбомъ пробившій себѣ дорогу къ болѣе широкой дѣятельности. Но всей своей душой онъ остался рабочимъ. Несмотря на свой небольшой ростъ и тщедушность, онъ отличается выдающейся физической силой и всегда готовъ вступить съ обидчикомъ въ кулачный бой,—черта, особенно нравящаяся англійскимъ рабочимъ. Въ немъ сильно развиты всѣ типичныя стороны характера послѣднихъ. Онъ честенъ, смѣлъ, настойчивъ, самонадѣянъ и подчасъ наввно хвастливъ. Послѣдніе три-четыре года онъ сталъ какъ-то тише, но война снова воспламенила его энергію.

— Мѣсяцевъ пять тому назадъ, — рассказывалъ онъ мнѣ, — негодяи-джинго устроили ночью скандалъ передъ моимъ домою, разбили камнями окна, перепугали мою жену и ребенка. 14 ночей подрядъ простоялъ я послѣ того за моей дверью съ желѣзнымъ шкворнемъ въ рукахъ и подстерегалъ этихъ негодяевъ. Но эти трусы побоялись явиться вторично. Тогда я рѣшился заставить рабочихъ моего округа посмотреть на войну моими глазами и сталъ устраивать открытые митинги въ паркѣ. И я достигъ своей цѣли!

И теперь Бернсъ готовится начать агитацію по всей странѣ,—„сдѣлать для Англій то, что онъ сдѣлалъ для Лондона“, какъ онъ мнѣ сказалъ. Выборы и событія послѣдняго года показали ему, что „моральный уровень англійскихъ рабочихъ понизился за послѣдніе годы“, что они „слишкомъ погрузились въ матеріальные интересы“. Поэтому онъ пишетъ теперь манифестъ къ англійской націи, въ которомъ онъ призываетъ Англію воспрянуть отъ загнивавшего ее золотого тельца.

— Я еще силенъ, и нравственнаго мужества у меня достаточно,—говорилъ

*) См. *Labour and Life of the People*. Edited by Charles Booth. Т. II, ч. 2-ая глава II.

миѣ этотъ совершенно сѣдой 42-лѣтній человекъ.—Я могу работать, сколько угодно, и до 60 лѣтъ я еще совершу крупныя дѣла...

Рабочіе Бэттерси прямо обожаютъ Бернса, но въ этомъ обожаніи нѣтъ ничего рабскаго: это—обожаніе и преданность младшаго товарища къ старшему. Мы сидѣли съ Бернсомъ въ нижнемъ этажѣ его домика. Обѣ комнаты этого этажа превращены въ одну большую залу, всѣ стѣны которой снизу доверху установлены полками съ книгами. Среди этихъ тысячъ книгъ я нашель очень мало теоретическихъ сочиненій,—почти всѣ онѣ или были официальные изданія, или же касались какого-нибудь практическаго вопроса. Бернсъ приводилъ свою бібліотеку въ порядокъ и стиралъ съ книгъ пыль,—прислуги у него нѣтъ. Вошелъ рабочій съ длинными палками и кольцами для занавѣсей въ рукахъ.

— Я слышалъ, Джекъ,— сказалъ онъ, обращаясь къ Бернсу,— что вамъ нужно приладить занавѣси. Такъ вотъ я и подумалъ: лучше я это сдѣлаю, а Джекъ за это время приготовится къ митингу.

— Броунъ, вашъ мѣстный капиталистъ,—представилъ его миѣ Бернсъ.

Капиталистъ въ заплатанныхъ сапогахъ кивнулъ миѣ головой, взобрался на шатающуюся лѣстницу подъ потолокъ и принялся за работу.

— Осторожно, разобьетесь: лѣстница плоха,—предупреждалъ его Бернсъ.

— Ничего, взыщемъ съ васъ по закону объ отвѣтственности хозяевъ,— отвѣтилъ Броунъ.

И Броунъ и Бернсъ продолжали каждый свою работу, обмѣниваясь въ то же время свѣдѣніями и совѣтами по поводу предстоявшихъ выборовъ.

III.

Возвращаюсь къ выборамъ въ Бэттерси.

За Бернса говорили его непоколебимая честность и преданность интересамъ труда и дѣлу прогресса, его несравненный талантъ организатора и его долготѣлая служба въ выборныхъ должностяхъ отъ округа Бэттерси. Гартонъ сыпалъ безъ счета деньгами, этимъ жизненнымъ нервомъ всякой войны, и изо всѣхъ силъ трубилъ въ патріотическую трубу, чтобы настроить рабочее населеніе Бэттерси противъ Бернса, открыто высказавшагся самымъ непримиримымъ противникомъ южно-африканской войны. За Гартона стояли средніе и богатые классы Бэттерси, которые имѣютъ сильный зубъ противъ Бернса за его муниципальную дѣятельность, и, наконецъ, само правительство, выдающее въ Бернсу одного изъ своихъ наиболее непримиримыхъ и наиболее талантливыхъ противниковъ. Изъ всѣхъ членовъ оппозиціи одинъ только Бернсъ рѣшился выступить открыто передъ уличной толпой съ огненными филиппиками противъ южно-африканской войны и противъ всей вообще политики Сольсбери и Чемберлена. Каждое воскресенье въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ устраивалъ Джонъ Бернсъ митинги подъ открытымъ небомъ въ обширномъ паркѣ Бэттерси, и на этихъ митингахъ подвергалъ нещадной критикѣ джингоизмъ, войну, ре-

акціонную политику. Съ каждымъ разомъ многотысячная толпа, слушавшая его, становилась все гуще, все многочисленнѣе, и—такова власть Бернса надъ толпой—ни разу у сторонниковъ правительства не хватило мужества возбудить беспорядки, чтобы помѣшать Бернсу говорить. И въ это самое время митинги, устраиваемые другими противниками войны, кончались даже въ закрытыхъ помѣщеніяхъ силою и рядомъ беспорядками и избіеніемъ ораторовъ. Бернсъ, такимъ образомъ, сдѣлался фактическимъ вождемъ антиджингонистскаго авангарда, и его рѣчи, произнесенныя имъ въ парламентъ и въ паркѣ, печатались и расходились въ несчетномъ количествѣ экземпляровъ. Таковы причины, сдѣлавшія избирательную борьбу въ Бэттерси центральнымъ фокусомъ, на которомъ сосредоточились взоры не только Лондона, но и всей Англій. Правительство послало на помощь Гартону одного изъ своихъ лучшихъ ораторовъ,—товарища военнаго министра, Джорджа Уайндгэма. На помощь Бернсу стеклись со всѣхъ сторонъ преданные ему работники-добровольцы; за него также говорилъ на митингахъ Леонардъ Кортней, старый парламентскій боецъ, исключенный теперь изъ юніонистскаго лагеря за свою упорную оппозицію чемберленовской политикѣ. И борьба эта возбуждала тѣмъ большій интересъ, что на предыдущихъ выборахъ Бернсъ одержалъ побѣду большинствомъ всего лишь въ 253 голоса при общемъ тогда числѣ избирателей въ 13.000 человекъ. Обѣ стороны имѣли теперь приблизительно равные шансы на успѣхъ, и для одержанія побѣды той или иной стороной необходимо было крайнее напряжение энергій.

Энергій же требовалось для это борьбы масса. Процессъ избирательной борьбы состоитъ въ Англій изъ четырехъ актовъ: *регистраціи*, *канваассированія*, *агитаціи* и, наконецъ, *баллотировки*. При выполненіи каждаго изъ этихъ актовъ кандидатъ долженъ имѣть опытныхъ и преданныхъ помощниковъ, долженъ затратить массу труда и денегъ. *Регистрація*, или занесеніе каждаго имѣющаго право на голосъ въ избирательные списки, производится муниципальными властями даннаго округа по требованію заинтересованнаго лица. Но дѣло въ томъ, что многіе избиратели отличаются политической индифферентностью и не требуютъ занесенія ихъ въ избирательные списки. Наоборотъ, другія лица могутъ потребовать занесенія въ избирательные списки, хотя они не отвѣчаютъ условіямъ, которыя законъ предъявляетъ къ избирателямъ. Въ виду этого регистрація производится подъ перекрестнымъ контролемъ уполномоченныхъ отъ обонхъ кандидатовъ. Каждому изъ кандидатовъ важно, чтобы возможно большее число живущихъ въ данномъ округѣ и симпатизирующихъ ему лицъ было занесено въ избирательные списки, такъ какъ безъ такого занесенія никто не въ правѣ вотировать; но, съ другой стороны, для него не менѣе важно, чтобы въ эти списки было занесено какъ можно меньшее число приверженцевъ его соперника. Эта двойная цѣль и достигается каждымъ изъ кандидатовъ при помощи собранія точныхъ свѣдѣній о всѣхъ жителяхъ даннаго округа и тщательнаго контроля надъ составленіемъ избирательныхъ списковъ. Легко понять, какъ велика эта работа, если вспомнить, что во многихъ изъ англійскихъ округовъ населеніе превышаетъ 200.000 чел. Но это еще далеко не все. Избирательные списки

составляются въ концѣ года, и по англійскому закону право на вотъ имѣть лишь тотъ, кто прожилъ въ данномъ округѣ не менѣе 12 мѣсяцевъ передъ послѣднимъ іюлемъ. Избирательные списки настоящаго года еще не составлялись, и выборы, слѣдовательно, должны были производиться по спискамъ прошлаго года, въ которые занесены лишь тѣ, кто поселился въ данномъ округѣ за годъ до 1-го іюля 1899 г. Такимъ образомъ, благодаря выборамъ по старому регистру, многія сотни тысячъ лицъ, перемѣнившихъ свое жительство послѣ 1-го іюля 1898 г., т. е. за послѣдніе два года, лишились своихъ избирательныхъ правъ. Правда, они могутъ подать свой голосъ въ округѣ, откуда они переѣхали, но у многихъ ли изъ нихъ хватить охоты и возможности поѣхать на свое старое мѣсто жительства, чтобы опустить свой бюллетень въ урну? Вѣдь часто мѣняютъ квартиру главнымъ образомъ рабочіе, а у рабочихъ нѣтъ ни времени, ни денегъ на такую поѣздку. Но для кандидата голоса этихъ лицъ чрезвычайно важны, такъ какъ иногда судьба выборовъ зависить отъ нѣсколькихъ лишнихъ голосовъ въ ту или другую сторону. Поэтому каждый изъ кандидатовъ, лично и черезъ своихъ агентовъ, старается выслѣдить всѣхъ избирателей, оставившихъ его округъ, посѣтить ихъ, склонить на свою сторону и дать имъ возможность пріѣхать для подачи своего вота. По закону кандидатъ не имѣетъ права привозить на свой счетъ избирателя къ мѣсту баллотировки. Но, увы! и въ Англіи законъ нерѣдко издается лишь для того, чтобы его обходить. Кто, напримѣръ, можетъ запретить другу избирателя заѣхать за нимъ, чтобы взять его съ собою къ мѣсту баллотировки? И почему такимъ другомъ не можетъ быть неофициальный агентъ или помощникъ кандидата? Процессъ такого выслѣживанія покинувшихъ округъ избирателей крайне сложенъ и стобить много денегъ. Изъ Бэттерси за послѣдніе 2 года выѣхало болѣе 4.000 избирателей, и Берису удалось выслѣдить новыя квартиры 2.000 изъ нихъ. Его конкуррентъ, не стѣсняясь въ затратахъ, навѣрное выслѣдилъ всѣхъ ихъ.

Еще болѣе труднымъ является второй актъ избирательной борьбы,—*канвассированіе*, т. е. наборъ приверженцевъ. Канвассированіе заключается въ слѣдующемъ: кандидатъ рассылаетъ всѣмъ избирателямъ даннаго округа циркуляръ или манифестъ, въ которомъ онъ излагаетъ свои политическіе взгляды, свою программу и критикуетъ программу и политику противной партіи. Разославъ манифестъ, кандидатъ и его агенты и помощники отправляются канвассировать: они обходятъ всѣ дома округа и въ каждомъ домѣ при помощи всевозможныхъ средствъ стараются склонить на свою сторону хозяина или, за его отсутствіемъ, хозяйку. Это наиболѣе вѣрный способъ привлеченія приверженцевъ. Здѣсь кандидатъ или его помощникъ находится съ глазу на глазъ со своимъ избирателемъ и потому можетъ пустить въ ходъ всѣ средства, не запрещенныя строго закономъ, а иногда и запрещенныя, если онъ можетъ обойти его безопасно. Онъ ласкаетъ и цѣлуетъ дѣтой простодушной хозяйки-работницы, говоритъ ей комплименты, заводитъ бесѣду о ея нуждахъ, даетъ совѣты, заговариваетъ съ хозяиномъ, старается при помощи всевозможныхъ доводовъ доказать ему ложность политическихъ взглядовъ его соперника, нерѣдко рассказываетъ о послѣднемъ

небылицы, словомъ, стараетсяъ заполучить голосъ хозяина въ свою пользу. И онъ часто усиѣваетъ въ этомъ. Но вся бѣда въ томъ, что его соперникъ тоже не дремлетъ...

Канвассированіе несомнѣнно ведетъ къ немалому количеству злоупотребленій. Но въ рукахъ добросовѣстныхъ кандидатовъ оно служитъ могущественнымъ орудіемъ. Съ другой стороны, и лица, ведущія эту работу, также вынуждаются расширять свой политическій горизонтъ. Канвассированіе есть специфическая черта англійской избирательной борьбы и практикуется здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Въ настоящее время въ канвассированіи принимаютъ энергичное участіе дамы.

IV.

„Вы спрашиваете, въ чемъ состоитъ „канвассированіе“ нашихъ лэди? — рассказывалъ мнѣ одинъ знакомый англичанинъ-консерваторъ. — Вотъ послушайте. На послѣднихъ выборахъ я выставилъ свою кандидатуру въ Вэстнелль-Гринѣ, рабочемъ кварталѣ Лондона. Участокъ этотъ представляетъ настоящей очагъ социализма, и я не имѣлъ никакой надежды быть избраннымъ. Чего я добивался, — это только увеличенія юніонистскихъ голосовъ. И если я получилъ значительное число голосовъ, я этимъ обязанъ безкорыстной и неустрашимой энергіи нашихъ дамъ. Ежедневно въ теченіе долгихъ часовъ онѣ бѣгали по лѣстницамъ рабочихъ домовъ, раздавали брошюры и прокламаціи, убѣждали колеблющихся избирателей, бѣгали разыскивать тѣхъ, которыхъ не заставали дома, провѣряли и исправляли избирательные списки, — словомъ, не пренебрегали никакими легальными средствами, чтобы склонить лишній голосъ въ пользу нашей партіи. Но канвассированіе ихъ не ограничивалось однимъ этимъ. Онѣ устраивали днемъ уличные митинги, говорили вечеромъ въ закрытыхъ собраніяхъ. На послѣднемъ собраніи было болѣе 3.000 человекъ, и вся эта публика внимательно прислушивалась къ рѣчамъ нашихъ лэди. Эти рѣчи, лишенные фразъ и напыщенныхъ словъ, поражали своей искренностью, содержательностью и убѣжденностью. Онѣ были затѣмъ напечатаны и розданы избирателямъ. И когда, наконецъ, карету, въ которой я разъѣзжалъ по округу съ моимъ секретаремъ, стали забрасывать камешками, и многіе изъ моихъ партизановъ-мужчинъ покинули меня, лэди безстрашно продолжали свое канвассированіе, даже еще съ большей противъ прежняго энергіей...

Канвассированіе еще особенно цѣнно потому, что женщины занимаютъ имъ не только во время выборной агитаціи, но и въ обыденное время, подготавливая почву для будущихъ выборовъ. И, такимъ образомъ, канвассированіе, поддерживаетъ неослабный интересъ къ политикѣ въ населеніи.

Консервативная партія первая поняла, какую пользу можетъ она извлечь, организовавъ этихъ добровольцевъ-агитаторшъ. Въ 1883 году, вскорѣ послѣ смерти Биконсфильда, былъ основанъ посвященный его памяти консервативный клубъ

„Лукреція Кривелли“.—Портретъ работы Виячи.

Primrose League (любимый цвѣтокъ Виконсфильда былъ подевѣжникъ—*primrose*). Защита конституціи, религіи и имперіи была сдѣлана задачей этого клуба, и женщины были приглашены вступить въ его члены. Такимъ образомъ, женщины были открыто признаны способными, наравнѣ съ мужчинами, принимать участіе въ политической жизни страны. И ихъ участіе во время послѣдовавшихъ выборовъ 1885 года было настолько полезно консервативной партіи, что Сольсбэри и Вальфуръ выразили имъ по этому поводу публичную благодарность. *Primrose League* разрасталась съ необыкновенной быстротой; въ настоящее время отдѣленія этого клуба—такъ называемыя „*habitations*“—имѣются во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Великобританіи, и число ихъ членовъ въ одной только Англіи, не считая Шотландіи и Ирландіи, превышаетъ миллионъ. Консервативные лидеры считаютъ его самымъ вліятельнымъ изъ клубовъ ихъ партіи, и Сольсбэри свои „большія“ политическія рѣчи произносятъ на годичныхъ собраніяхъ *Primrose League*.

Либералы не замедлили, конечно, послѣдовать примѣру консерваторовъ. Въ 1886 году былъ организованъ союзъ либеральныхъ женщинъ, подъ предѣлательствомъ жены Гладстона, а въ 1888 году организовались и либераль-юніонистки. Первая изъ этихъ организацій—*Women's Liberal Federation*—была до сихъ поръ наиболѣе энергичнымъ бойцомъ за политическія права женщинъ. По настоянію этой организаціи въ палату общинъ былъ дважды внесенъ билль объ избирательныхъ правахъ женщинъ. Первый разъ при либеральномъ министерствѣ, въ 1892 году, билль былъ отвергнутъ большинствомъ 175 противъ 152 голосовъ. Во второй разъ, въ 1897 году, при нынѣшнемъ министерствѣ, билль получилъ 230 голосовъ и прошелъ вторымъ чтеніемъ; но при третьемъ чтеніи онъ былъ отвергнутъ, благодаря разнымъ ухищреніямъ его противниковъ.

До 1899 года *Women's Liberal Federation* ставила на первомъ планѣ своей программы пунктъ о политическихъ правахъ. Этотъ пунктъ и послужилъ причиной выхода въ 1892 г. въ отставку жены Гладстона, которая считала это требованіе не главнымъ, а подчиненнымъ пунктомъ либеральной программы. Въстѣ съ Гладстонъ выступило изъ этой организаціи много другихъ женщинъ, и былъ сформированъ новый женскій союзъ—*Women's National Liberal Association*, сдѣлавшійся наиболѣе вліятельной организаціей среди либеральныхъ женщинъ. Въ 1889 *Liberal Federation* на своемъ годичномъ собраніи рѣшила, что отказъ либеральнаго кандидата подписаться подъ требованіемъ политическихъ правъ для женщинъ не долженъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы члены женской федераціи канвассировали въ его пользу. Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ шагъ къ соглашенію между либеральными организаціями женщинъ, что послужитъ къ усиленію ихъ вліянія. Само собою разумѣется, что во всѣхъ упомянутыхъ организаціяхъ участвуютъ лишь женщины болѣе или менѣе состоятельныя, имѣющія достаточно досуга и образованія, чтобы заниматься канвассированіемъ. И этотъ фактъ, что въ канвассированіи участвуютъ однѣ лишь богатые лэды, и вводитъ въ заблужденіе консервативныхъ и либеральныхъ лидеровъ. Консервативныхъ богатыхъ лэди несравненно больше, чѣмъ либеральныхъ, и консервативные лидеры поэтому думаютъ, что распространеніе избирательныхъ правъ на женщинъ усилитъ

консервативную партію; либеральные же лидеры возстаютъ противъ такого распространенія, опасаясь, что оно ослабитъ ихъ значеніе въ странѣ. Но обѣ стороны забываютъ про женщинъ низшихъ классовъ, составляющихъ большинство, которыя показали въ Новой Зеландіи и Южной Австраліи, на чьей сторонѣ онѣ стоятъ. Тамъ тоже консерваторы и клерикалы стояли за избирательныя права женщинъ, надѣясь выиграть отъ избирательной реформы. Дѣйствительность, однако, не замедлила разсѣять эти радужныя мечты. Выборы 1893, 1896 и 1899 гг. въ Новой Зеландіи и 1894 и 1897 гг. въ Южной Австраліи усилили численность демократической партіи въ парламентъ и упрочили положеніе радикальнаго министерства. Женщины высказались тамъ открыто противъ религіозныхъ школъ, противъ кабатчиковъ и пивоваровъ и т. п. Должно полагать, что таковы же будутъ результаты дарованія политическихъ правъ женщинамъ и въ Англіи *).

V.

Влажный, теплый осенній лондонскій вечеръ. Широкія торговыя улицы Бэттери залиты яркими волнами свѣта электрическихъ фонарей и переполнены народомъ. Избирательная борьба въ полномъ разгарѣ. Каждый день и каждый вечеръ устраиваются партіей Бернса многочисленные митинги на улицахъ и въ закрытыхъ

*) Уже въ прошломъ столѣтіи аристократическія леди начали принимать по временамъ участіе въ выборахъ путемъ канвассированія. Въ знаменитыхъ выборахъ Вестминстерскаго округа въ 1784 г., гдѣ кандидатами выступили извѣстный вигъ Фоксъ и тори Рей, канвассированіе велось, главнымъ образомъ, красавицами-аристократками, и онѣ рѣшили побѣду. Въ началѣ борьбы длившейся 6 недѣль, шансы Фокса были слабы, и тогда партія виговъ прибѣгла къ *новому* орудію. „Герцогиня Девонширская,—пишетъ очевидецъ этой борьбы,—спасла судьбы вождя виговъ. Успѣхъ ея канвассированія удивителенъ. Послѣ того, какъ всѣ избиратели Вестминстера подали свои голоса, единственная надежда осталась на предмѣстья. Герцогиня моментально приказала подать экипажъ и вмѣстѣ со своей сестрой принялась объѣзжать дома избирателей предмѣстьевъ. Уговоры, шутки, улыбки, комплименты,—все было пущено въ ходъ, чтобы склонить этихъ грубыхъ законодателей. И повсюду народу пришлось по вкусу канвассированіе этихъ аристократокъ и красавицъ. Избиратели галантно направились къ урнамъ, и Фоксъ, отставшій раньше отъ Рея на сто голосовъ, скоро очутился впереди его на цѣлую сотню. Со стороны враждебнаго лагеря была сдѣлана попытка бороться противъ этого новаго способа веденія войны аналогичнымъ способомъ, и леди Сольсбери отправились спасать погибающаго правительственнаго кандидата. Но попытка эта не привела ни къ чему: она была лишь подражаніемъ, да и было слишкомъ поздно. И, сверхъ того, герцогиня было 26 лѣтъ, а леди Сольсбери—34 года!“... Цитир. въ *History of Parliamentary Elections and Electioneering*. By Joseph Grego. London. 1892. Pp. 270—271. Вслѣдъ за герцогиней Девонширской отправились канвассировать и другія красавицы-аристократки обоихъ лагерей. Фоксъ одержалъ побѣду, и это была крайне важная побѣда того времени надъ королевской партіей. „Фактъ, что герцогиня купила голосъ одного непреклоннаго мясника цѣною поцѣлуя, считается не подлежащимъ сомнѣнію“. *Ibid.*, p. 272.

помѣщеніяхъ, и толпы народа неизмѣнно присутствуютъ на этихъ митингахъ. Попробоваль и Гартонъ устраивать открытые митинги, но рабочіе не подались на его рѣчи. Они открыто обвинили его, при помощи ряда фактовъ, въ свѣтерствѣ, и Гартону, не сумѣвшему опровергнуть этихъ фактовъ, пришлось отказаться отъ устройства митинговъ и ограничиться подпольнымъ канвассированіемъ. Всѣ кабаки Ваттерса, имѣющіеся почти на каждомъ углу торговыхъ улицъ округа, превратились въ операціонныя базисы для канвассированія. Гартонъ — предсѣдатель союза пивоваровъ, и потому всѣ кабаки (принадлежащіе въ Лондонѣ почти всегда тому или другому крупному пивовару) предложили свои услуги Гартону. Законъ запрещаетъ опивать избирателей даровыми напитками, но кто можетъ запретить кабатчикамъ, не Гартону, продавать публикѣ превосходное пиво и виски за ничтожную, чисто номинальную цѣну? Въ законѣ объ этомъ ничего не сказано, и народъ валитъ въ кабаки, чтобы воспользоваться исключительнымъ благоприятнымъ случаемъ выпить. Законъ также не можетъ запретить тайнымъ агентамъ Гартона сидѣть въ этихъ кабакахъ и за кружкой добраго пива разглагольствовать о добродѣтеляхъ кандидата Гартона, и осыпать клеветами „предателя Бернса, продавшаго свое отечество бурямъ“. Такимъ-то путемъ обходится законъ и производится кабачное канвассированіе въ пользу Гартона. Въ то же самое время по улицамъ разѣзжаютъ роскошныя кареты съ разряженными лэди, *Primrose Dames*, ведущими канвассированіе въ домахъ избирателей. Всѣ пружины приведены въ дѣйствіе. Заборы, окна, стѣны и двери магазиновъ, лавокъ, кабаковъ и богатыхъ домовъ покрыты гигантскими афишами и картинками, возвеличивающими патріотизмъ Гартона и издѣвающимися надъ Бернсомъ. „Vote for Garton!“—таковъ кличъ всѣхъ богатыхъ улицъ и домовъ. Но почти въ каждомъ изъ скромныхъ рабочихъ домиковъ узкихъ пустынныхъ улицъ, утопающихъ въ желтомъ свѣтѣ газовыхъ фонарей, вывѣшена скромная афиша съ призывомъ: *Vote for John Burns, the friend of the people!* Голосуй за Бернса, друга народа!

Митингъ Бернса назначенъ на 8 ч. вечера въ огромной залѣ городской думы, вмѣщающей нѣсколько тысячъ человѣкъ. Когда я подошелъ въ назначенное время къ зданію думы, оказалось, что уже къ 7¹/₂ ч. зала была полнымъ — полна и доступъ въ нее прекращенъ. Но такъ какъ народъ все прибывалъ, то былъ устроенъ одновременно другой митингъ во второй, меньшей залѣ думы. Однако и этотъ залъ оказался скоро переполненнымъ, а народъ все еще прибывалъ. Пришлось, поэтому, нанять еще третью залу въ зданіи школы, находящейся въ одной изъ сосѣднихъ улицъ. Бернсъ долженъ былъ говорить на каждомъ изъ этихъ митинговъ. И пока онъ говорилъ въ одномъ мѣстѣ, его помощники, между которыми были Леонардъ Кортней, Каннингэмъ Грэгэмъ—извѣстный путешественникъ и социаль-демократ—и другіе, говорили на другихъ митингахъ.

Я отправился вслѣдъ за Бернсомъ въ школьную залу. Она уже была биткомъ-набита. Составъ публики—люди низшихъ классовъ. Бернсъ началъ свою рѣчь, и сразу между нимъ и слушателями установилась невидимая духовная связь. Вы это чувствуете всѣми фибрами вашей души, какъ это чувствуетъ вотъ этотъ

сморщенный, беззубый старикъ-рабочій, механически двигающій губами, одобрительно трясущій головой и продѣлывающій бессознательно мускулами своего лица всё тѣ движенія, какія продѣлываетъ Бернсъ. Вы забываетесь, какъ забывается вотъ этотъ толстый мясникъ, котораго все болѣе громкое восторженное гоготанье мѣшаетъ Бернесу говорить, и котораго Бернсъ каждый разъ осаждастъ властнымъ, хотя и необходимымъ окрикомъ: *Keep quiet, man!* Заолчи, парень!

Нужно слышать Джона Бернса, чтобы понять, какое обаяніе онъ имѣетъ на рабочихъ. Въ его маленькой фигурѣ, въ его преждевременно состарившемся лицѣ, густо обросшемъ совершенно сѣдою бородой, вы не увидите ничего замѣчательнаго; только мрачный взглядъ его сверкающихъ глазъ, глубоко сидящихъ подъ густыми черными нависшими бровями, обращаетъ на себя вниманіе. Но въ этомъ маленькомъ тѣлѣ обрѣтается великая мощь духа. Онъ говоритъ не академическими фразами, а простымъ народнымъ языкомъ; онъ не развиваетъ теорій и не витаетъ въ абстракціяхъ, а рассказываетъ всѣмъ извѣстные факты повседневной жизни и выясняетъ практическіе пути борьбы съ этими фактами. Его голосъ наполняетъ всё уголки огромнаго зала.

Онъ говорилъ о войнѣ, о хищнической политикѣ имперіализма, о народныхъ нуждахъ, о ложности утвержденія джинго, что „торговля слѣдуетъ за военнымъ флагомъ“, — *the trade follows the flag*. Я не стану передавать его рѣчи. Нельзя передать на бумагѣ страстныхъ, могучихъ звуковъ, нельзя изобразить эрономъ энтузіазма, все болѣе овладѣвавшего во время рѣчи и самимъ Бернесомъ. и всѣми слушателями.

Бернсъ кончилъ и отправился на другіе митинги, въ думу. Медленно и неохотно расходилась публика изъ школьнаго зданія. Разбуженная мысль жаждала общенія. — и многіе отправились въ думу. Но тамъ все было полно, ихъ не впустили, и они остались на улицѣ передъ думой, раздѣлившись на группы. Въ каждой группѣ завязалась оживленная бесѣда.

VI.

Наступилъ, наконецъ, день *баллотировки*, — четвертаго акта избирательной кампаніи; и этотъ актъ также требуетъ неослабной энергіи и бдительности со стороны кандидата и его агентовъ.

По конституціи, баллотировка производится отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Для удобства избирателей и въ виду обширности избирательныхъ округовъ, каждый округъ разбивается на нѣсколько кварталовъ, и въ каждомъ кварталѣ устраивается особый баллотировочный пунктъ. Такимъ образомъ, въ Бэттерси баллотировка производится въ нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, и если бы она имѣла мѣсто въ воскресный или праздничный день, то всякій могъ бы вотировать безъ затрудненій. Но въ Англии баллотировка назначается на будній день, и это мѣшаетъ извѣстному числу рабочихъ подать свой голосъ. Большинство лондонскаго рабочаго населенія работаетъ не въ томъ округѣ, гдѣ живетъ.

а въ какомъ-нибудь другомъ, часто за десять и болѣе верстъ. Вѣхать на работу приходится такъ называемыми „дешевыми рабочими поѣздами“, идущими только между 5 и 7 часами утра. Такимъ образомъ, рабочій покидаетъ свой округъ прежде, чѣмъ начинается баллотировка. Возвращается онъ, если не работаетъ сверхурочныхъ часовъ, между 6—7 часами вечера, усталый и голодный. Онъ снимаетъ свое рабочее платье, смываетъ осѣвшую на немъ во время работы грязь, садится со своей семьей за сытный ужинъ,—обѣдаетъ онъ всегда налегкѣ, чѣмъ попало, — закуриваетъ по окончаніи ужина трубку и за нѣсколько минутъ до 8 часовъ отправляется въ ближайшій баллотировочный пунктъ. Но такъ какъ рабочіе, работающіе на сторонѣ, поступаютъ такимъ же точно образомъ, то въ баллотировочномъ пунктѣ происходитъ давка, и часть рабочихъ не успѣваетъ баллотировать: лишь только часы бьютъ 8, голосованіе прекращается, баллотировочный ящикъ запечатывается и уносится въ думу. Такимъ образомъ, не только рабочіе, исполняющіе сверхурочную работу, лишаются возможности подать свой голосъ, но и часть рабочихъ, вернувшихся домой во-время, не успѣваетъ воспользоваться своимъ бюллетенемъ. Для предупрежденія этой нежелательной потери голосовъ, агентамъ и добровольнымъ помощникамъ кандидата—въ особенности рабочаго кандидата—приходится цѣлый день шнырять по округу, побуждать избирателей вотировать возможно раньше, подвозить къ баллотировочному пункту тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ успѣть явиться во-время вѣшкомъ, и вообще неуспѣшно слѣдить за правильнымъ теченіемъ баллотировочнаго процесса.

День баллотировки является рѣшающимъ днемъ избирательной борьбы; въ этотъ день колебавшійся раньше избиратель долженъ, наконецъ, склониться на ту или другую сторону, и потому напряженность избирательной агитаціи въ этотъ день достигаетъ своей кульминаціонной точки. Говорить рѣчи, устраивать митинги теперь уже поздно. Чтобы повліять на колеблющагося избирателя, необходимо насытить электричествомъ энтузіазма всю атмосферу округа, въ особенности атмосферу тѣхъ улицъ, по которымъ долженъ пройти колеблющійся избиратель,—улицъ, гдѣ находятся баллотировочные пункты.

Въ Вэттерси оживленіе началось съ ранняго утра и съ каждымъ часомъ все усиливалось. Къ шести часамъ вечера, когда рабочіе начали возвращаться со своихъ фабрикъ и мастерскихъ, всѣ главныя улицы Вэттерси превратились въ сплошное, залитое яркимъ свѣтомъ, бушующее море человѣческихъ тѣлъ, экипажей, невообразимо дикихъ звуковъ. Кареты съ вылощенными господами въ цилиндрахъ и съ афишами—*Vote for Garton*, коляски и автомобили съ прирозъ-дамами въ нихъ, убогія телѣжки, разукрашенныя флажками съ надписью—*Vote for Burns*—и гигантскіе фургоны черныхъ угольщиковъ, выкрикивающихъ этотъ же призывъ, велосипедисты и величественные городовые на прекрасныхъ лошадяхъ,—все это двигалось взадъ и впередъ, съ трудомъ прочищая себѣ дорогу сквозь массы народа, запрудившаго улицы, гдѣ находились баллотировочные пункты. „У-лю-лю-гу-гу!“—раздается зловѣщее гиканье толпы, когда проѣзжаетъ экипажъ мартія Гартона. „Ура-а-а!“—привѣтствуетъ та же толпа повозки Бернса.

Улица принадлежитъ цѣликомъ Бернсу. Приверженцы Гартона, если они и

имѣлись въ толпѣ, не рѣшались высказывать открыто своихъ симпатій. Только на опушкахъ толпы попадались жидкія группы мальчишекъ и дѣвочекъ, манифестировавшихъ въ пользу Гартона. Диссонансъ, производимый ими, совершенно теряется въ восторженномъ энтузіазмѣ приверженцевъ Бернса. Сотни фабричныхъ дѣвушекъ, возвращающихся съ работы, носятъ на своихъ шляпкахъ его портретъ. Армія ребятишекъ обоого пола, подражая своимъ взрослымъ братьямъ и сестрамъ, наполняютъ воздухъ радостными криками въ честь Джона. Но густая масса рабочихъ, столпившихся передъ домою, гдѣ происходитъ баллотировка, хранитъ сдержанное молчанье. Напряженнымъ взоромъ слѣдятъ они за лицами входящихъ въ калитку и выходящихъ избирателей, стараясь отгадать, въ чью сторону они отдадутъ свой голосъ. Молодой, здоровенный парень расхаживаетъ взадъ и впередъ по тротуару и выкрикиваетъ импровизацію голосомъ, страшно осипшимъ отъ долгой, повидимому, ватуги:

„Stick to John
And John will stick to you
Like glue“.

(„Держись Джона, и Джонъ будетъ держаться васъ, какъ приклеенный“). По обѣ стороны калитки стоятъ агенты кандидатовъ. Избиратели то гуськомъ, то въ-одиночку входятъ въ нее и выходятъ.

„Garton the sweater!—кричитъ въ упоръ каждому входящему стоящій у калитки приверженецъ Джона.—Гартонъ—светерьъ, эксплуататоръ; платитъ рабочимъ голодную плату! Гартонъ—светерь!“

Агентъ Гартона ничего не выкрикиваетъ, но смотритъ на избирателя инквизиторскимъ взглядомъ.

— Гартонъ знаетъ, что никого убѣдить онъ не сумѣетъ,—поясняетъ мнѣ одинъ изъ зрителей.—Онъ поставилъ агента лишь для того, чтобы тотъ выслѣживалъ, не сносятся ли его собственные рабочіе съ агентами Бернса.

Вотъ подкатила шикарная коляска, и изъ нея вышелъ гладкій джентльменъ съ лоснящимся лицомъ подъ лоснящимся цилиндромъ. Увѣренной походкой направляется онъ во дворъ баллотировочнаго пункта и стойко выдерживаетъ пущенный въ него яростный окрикъ: „Garton—светерь!“ Въ комнатѣ, куда онъ вошелъ, за длиннымъ столомъ сидитъ представитель муниципалитета. По обѣ стороны отъ него делегаты отъ кандидатовъ, зорко слѣдящіе за тѣмъ, чтобы не дѣлалось никакихъ злоупотреблений. Въ рукахъ представителя муниципалитета шнуровая книга, въ которую подъ номерами занесены всѣ избиратели.

— Ваше имя, фамилія, адресъ?—спрашиваетъ онъ у избирателя. Получивъ отвѣтъ, онъ отыскиваетъ въ книгѣ номеръ бюллетеня избирателя. Бюллетень зашнурованъ и пропунктированъ въ серединѣ. На одной половинѣ его напечатаны номеръ, имя, фамилія и адресъ избирателя; на другой—только его номеръ и имена кандидатовъ. Вторая половинка бюллетеня отрывается и дается избирателю. Послѣдній удаляется за перегородку, гдѣ находится избирательный ящикъ, ставитъ на бюллетенѣ крестъ противъ имени избраннаго кандидата, опускаетъ этотъ бюллетень въ отверстие избирательнаго ящика и уходитъ.

А на улицѣ между тѣмъ толпа все растеть, и экипажи, и повозки кандидатовъ мчатся въ все большемъ количествѣ въ поискахъ за запоздавшими избирателями. Внезапно шумъ толпы превратился въ одинъ восторженный гулъ, и народъ, предводительствуемый всезнающими мальчишками, хлынулъ широкой неудержимой волной въ глубь улицы. Я послѣдовалъ за другими и увидѣлъ впереди толпы на велосипедѣ сѣдого Джона Бернса. Онъ объѣзжалъ свои „комитеты“, собирая справки касательно хода баллотировки. У ближняго комитета онъ сошелъ съ велосипеда. Густая толпа моментально окружила его. Мальчишки, взрослые принялись гладить его ноги, спину, жать руки, объѣмиваться привѣтствіями. Не знаю, что чувствовалъ въ эту минуту Бернсъ, но я не видалъ въ своей жизни болѣе трогательной сцены.

Бьетъ 8 часовъ. Всѣ избирательные пункты немедленно закрываются. Избирательные ящики запечатываются и уносятся въ мѣстную думу. Тамъ уже ждетъ специальный чиновникъ муниципалитета, и, въ присутствіи его и опять-таки уполномоченныхъ отъ кандидатовъ, ящики вскрываются, и начинается подсчетъ голосовъ. Подсчетъ этотъ длится долго, такъ какъ уполномоченные отъ кандидатовъ стараются каждый забраковать возможно большее число непріятельскихъ бюллетеней. Всякое отступленіе отъ требуемой закономъ формы—крестъ, поставленный не на мѣстѣ, какой-нибудь лишній значокъ или надпись, сдѣланная избирателемъ,—достаточно, чтобы лишить бюллетень силы. Когда подсчетъ будетъ сдѣланъ и имя побѣдившаго кандидата будетъ объявлено, протестовать противъ нарушеній формы будетъ уже поздно. По окончаніи выборовъ побѣжденный кандидатъ можетъ опротестовать ихъ на основаніи лишь матерьяльнаго нарушенія закона, напр., если онъ убѣдился, что подавали голосъ люди, не имѣющіе на это права. Въ этомъ случаѣ онъ подаетъ „петицію“, прося о провѣркѣ бюллетеней. Судебная комиссія производитъ эту провѣрку, отыскивая по номерамъ бюллетеней имена лицъ, занесенныхъ въ упомянутой выше шнуровой книгѣ, и провѣряетъ избирательныя права этихъ лицъ. Но для „петицій“ приходится израсходовать новый десятокъ тысячъ рублей.

Между тѣмъ на улицѣ передъ зданіемъ думы толпился народъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи результата. Къ полуночи внезапно одно изъ оконъ открылось и кто-то прокричалъ: *Джонъ выбранъ!* Безумный восторгъ всколыхнулъ всю толпу. *Jack! Come on! Джэкъ! Сюда!*—вырвались призывные клики изъ тысячи глотокъ. Бернсъ показался въ окнѣ и началъ что-то говорить. Но толпа его не слушала. Она слишкомъ истомилась отъ напряженія и сомнѣній послѣднихъ дней, и ей нужно было дать волю охватившему ее чувству, нужно было осязать своего любимца. Бернсъ повернулся, чтобы спуститься внизъ.

— Не ходите! Они васъ искалѣчаютъ!—останавливали его джентльмены думы. И дѣйствительно, случаи гибели любимыхъ кандидатовъ при аналогичныхъ условіяхъ бывали.

Но Бернсъ не боится толпы. Да и онъ самъ чувствуетъ неодолимую потребность позабыть на мигъ все и слиться съ толпой въ одномъ безумномъ ликовавіи. Черезъ минуту Бернсъ былъ въ толпѣ. Множество рукъ подхватило его,

подняло, и онъ поплылъ въ воздухѣ надъ головами массы, переходя изъ рукъ въ руки. Какой-то матросъ содралъ съ него шляпу и надѣлъ ему на голову svoю матросскую шапку. Нѣсколько здоровенныхъ резервныхъ солдатъ овладѣли имъ, наконецъ, безраздѣльно и повесили по улицамъ, окруженные ликующей толпой...

VII.

Я выбралъ два округа, противоположныхъ другъ другу по характеру своихъ кандидатовъ. Въ первомъ изъ нихъ консервативный кандидатъ—человѣкъ сильный; наоборотъ, либеральный—ничтожество. И въ результатѣ выборы дали консерватору на 4⁰/₀ голосовъ больше, чѣмъ въ 1895 году; либералъ же получилъ на 35⁰/₀ меньше голосовъ, чѣмъ въ 1895 году, и общее число подававшихъ голосъ понизилось. Но такъ какъ число избирателей за послѣдніе годы поднялось на 4⁰/₀, то ясно, что число консервативныхъ голосовъ осталось тѣмъ же, число либеральныхъ же понизилось на ту всю цифру, которая воздержалась отъ голосования.

Во второмъ округѣ мы имѣемъ сильнаго прогрессивнаго кандидата—Бернса—противъ хотя и слабого талантами, но сильнаго деньгами и правительственной поддержкой консервативнаго кандидата Гартона. И въ результатѣ число голосовъ, поданныхъ за Бернса, поднялось на 16⁰/₀ противъ 1895 г., и на столько же поднялось число голосовъ консервативнаго кандидата. Общая же цифра избирателей, подававшихъ свой голосъ, увеличилась съ 9.787 (въ 1895 г.) до 11.466 (въ 1900 г.). Въ первомъ случаѣ интересъ населенія къ политикѣ значительно упалъ, во второмъ значительно увеличился. То же явленіе мы можемъ наблюдать повсюду. Политическій индифферентизмъ населенія вездѣ находится въ обратной пропорціи къ количеству энергіи, обнаруживаемой прогрессивнымъ кандидатомъ.

Я ограничиваюсь пока этими выводами и перехожу къ выясненію общихъ результатовъ выборовъ.

Правительство Сольсбери-Чемберлена распустило парламентъ за два года до законнаго срока и отдало страну горячкѣ выборной агитаціи.

Въ другихъ странахъ съ представительнымъ образомъ правленія парламентъ распускается и новые выборы назначаются лишь въ случаѣ серьезнаго столкновения между правительствомъ и выборными странами, или же въ случаѣ обостренной вражды между политическими партіями, дѣлающей невозможнымъ правильное функціонированіе законодательнаго собранія, — вообще въ случаѣ важнаго политическаго кризиса. Въ странахъ съ представительнымъ и *парламентскимъ* образомъ правленія (т. е. гдѣ министерство ответственно передъ парламентомъ, а не передъ главою страны) выборная палата нерѣдко распускается также, когда правительство замѣчаетъ, что полученное имъ на послѣднихъ выборахъ большинство таетъ. Оно обращается въ этомъ случаѣ къ суду страны, потому что въ такомъ случаѣ парламентъ оно теряетъ почву подъ ногами.

Ни одной изъ перечисленныхъ причинъ мы не видимъ въ данномъ случаѣ распущенія англійской палаты общинъ. Никакого столкновенія между правительствомъ и палатой не было. Наоборотъ, за послѣдній годъ, благодаря трансваальской войнѣ, положеніе его въ парламентѣ все болѣе и болѣе упрочивалось. Оппозиція, какъ я это уже упоминалъ въ моемъ прошломъ письмѣ, въ началѣ войны насчитывала 135 человекъ, подававшихъ голосъ противъ южно-африканской политики министерства; въ концѣ же войны въ рядахъ оппозиціи не осталось и трети этого числа. Кабинетъ Сольсбери-Чемберлана не имѣетъ никакихъ основаній жаловаться на парламентъ. Выборы 1895 года доставили юніонистскому правительству огромное большинство въ 152 чел. За первые четыре года его правленія министерская партія при частичныхъ выборахъ потеряла 11 мѣстъ. Большинство, такимъ образомъ, сократилось до 130 голосовъ,—цифры все еще поразительно высокой, крайне рѣдкой въ лѣтописяхъ англійскаго парламента. Но и это сокращеніе за послѣдній годъ было болѣе чѣмъ уравновѣшено разложениемъ либеральной партіи. Мы видѣли *), что изъ рядовъ оппозиціи выдѣлилась новая партія *либераль-империалистовъ*, ничѣмъ существеннымъ не отличающихся отъ юніонистовъ и вотировавшихъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ вмѣстѣ съ министерской партіей. Итакъ, никакихъ серьезныхъ причинъ для распущенія палаты (которой предстояло еще почти два года жизни) у правительства не было. Болѣе того, интересы страны требовали, чтобы парламентъ именно теперь не былъ распущенъ. Хотя Трансвааль присоединенъ къ Англіи прокламаціей лорда Робертса, и армія буровъ „официально“ разсѣяна британскими войсками, буры далеко еще не укрощены, и ихъ наиболѣе талантливые вожди — Бота, Штейнъ, Де-Ветъ, Деларей, Эразмусъ и др.—все еще разгуливаютъ со своими отрядами по территоріи бывшихъ республикъ и даже дѣлаютъ набѣги на Наталь и Капскую Землю. Вся Южная Африка сдѣлалась теперь очагомъ опаснаго недовольства, и лорду Робертсу до сихъ поръ не удалось сдѣлать даже и первыхъ шаговъ къ замиренію этой страны. Въ то же время возстаніе въ Центральной Африкѣ—въ Ашанти—также требуетъ серьезнаго вниманія британскаго правительства. На Дальнемъ Востокѣ—въ Китаѣ—положеніе дѣлъ настолько усложнилось, что требуетъ неослабной бдительности британскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ торговые интересы британской торговли въ Китаѣ болѣе значительны, чѣмъ интересы другихъ націй, вмѣстѣ взятыхъ. Не менѣе тревожно положеніе дѣлъ въ Индіи, гдѣ, вслѣдъ за чумой и холерой, распространилась страшная эпидемія голоднаго тифа, уносящая жертвы сотнями тысячъ, и гдѣ голодъ не прекратился и не прекратится, пока не будетъ реформированъ радикально весь экономическій и политическій укладъ страны. Такимъ образомъ, у правительства, что называется, хлопотъ полноъ ротъ именно въ данный моментъ. И вотъ оно какъ разъ теперь вызываетъ горячку избирательной агитаціи и отдаетъ избирательной борьбѣ все свое вниманіе и всю свою энергію вмѣсто того, чтобы посвятить ихъ на ула-

*) См. мою ст. въ „Жизни“ за октябрь с. г.

женіе конфликтовъ и катастрофъ, которые въ значительной степени вызваны политикой Сольсбэри-Чемберлена.

Чѣмъ же объясняется этотъ странный шагъ британскаго кабинета? Правительство,—сознался открыто герцогъ Девонширскій, членъ кабинета министровъ,—распустило палату именно потому, что оно нашло данный моментъ наиболѣе подходящимъ для его *партийныхъ интересовъ*.

Положеніе правительства въ парламентѣ сдѣлалось, благодаря войнѣ, непоколебимымъ, но въ самой странѣ въ послѣдніе мѣсяцы начали обнаруживаться опасныя для него признаки индифферентизма къ успѣхамъ лорда Робертса. Патриотическій энтузіазмъ англійской націи началъ ослабѣвать вскорѣ послѣ того, какъ Лэдисмитъ и Мэфкингъ были освобождены отъ осады и буры были вытѣснены изъ территоріи британскихъ колоній—Наталя и Калской Земли. Когда сдѣлалось очень очевиднымъ, что буры не въ силахъ избѣгнуть полного пораженія и что никакая опасность съ ихъ стороны не грозитъ болѣе Британской имперіи, энтузіазмъ смѣнился индифферентизмомъ, и этотъ индифферентизмъ мѣстами сталъ переходить въ прямое разочарованіе и недовольство по мѣрѣ того, какъ возвращающіяся изъ Южной Африки суда стали выбрасывать на Великобританскіе острова все новыя и новыя толпы искалѣченныхъ пулями, истощенныхъ болѣзнями братьевъ, сыновей, мужей англійскихъ рабочихъ и работницъ. Паденіе волны патриотизма грозило посадить британскій кабинетъ на мель. Несмотря на всѣ „побѣды“ британскихъ войскъ, буры не покорялись, и каждая уходящая недѣля обходилась и обходится Англии въ 20—30 мил. руб. и въ 1¹/₂—2 тысячи солдатъ убитыми, ранеными, умершими отъ болѣзней. Ассигнованные парламентомъ 800 мил. руб. давно истощены, необходимо испросить новыя суммы, а для этого необходимо усилить тяжесть налоговъ, то - есть принять такія мѣры, которыя, какъ это показалъ опытъ, вызовутъ неизбежное охлажденіе народа къ юнионистскому правительству. Для послѣдняго, такимъ образомъ, сдѣлалось очевиднымъ, что если оно не будетъ ковать желѣзо, пока оно горячо, если оно не назначить новыхъ выборовъ прежде, чѣмъ патриотическій энтузіазмъ не исчезъ окончательно, оно потеряетъ всякій шансъ на удержаніе большинства въ новомъ парламентѣ. Сверхъ того, правительство не выполнило той программы социальныхъ реформъ, которую оно обѣщало осуществить избирателямъ во время выборовъ 1895 года. Благодаря этой программѣ оно тогда и получило свое подавляющее большинство въ палатѣ общинъ. И если бы оно распустило палату послѣ того, какъ уляжется джингонгская горячка, населеніе потребовало бы у него отчета за невыполненныя обѣщанія. Въ настоящій же моментъ, когда джингонгскіи страсти еще не вполне угасли и когда, благодаря многочисленнымъ внѣшнимъ конфликтамъ, вниманіе населенія отвлечено отъ социальныхъ вопросовъ, правительство могло предстать передъ своими избирателями безо всякой программы внутренней политики, съ однѣми лишь звонкими фразами о „патриотизмѣ“ и „побѣдахъ“ Робертса.

VIII.

Маневръ Чемберлена увѣнчался значительнымъ успѣхомъ. Только-что закончившіеся выборы дали слѣдующіе результаты: консерваторовъ было выбрано—401 (въ томъ числѣ 67 либераль-юніонистовъ), членовъ оппозиціи—269 (въ томъ числѣ 174 либерала, 13 рабочихъ депутатовъ и 82 ирландскихъ націоналиста). Такимъ образомъ, правительственное большинство равняется теперь 132. Эта цифра на 20 голосовъ меньше правительственного большинства, полученнаго во время предыдущихъ выборовъ 1895 года, но она все-таки на 2 голоса больше числа голосовъ, которыми правительство располагало наканунѣ только-что закончившихся выборовъ. Такъ какъ этотъ выигрышь 2 голосовъ означаетъ переходъ лишь одного мѣста изъ рукъ оппозиціи въ руки консерваторовъ, то можно сказать, что фактически взаимное отношеніе обѣихъ партій въ палатѣ общинъ осталось послѣ выборовъ тѣмъ же, какимъ оно было до выборовъ, что народная воля сохранила за обѣими партіями ихъ старыя позиціи. Болѣе внимательный анализъ сравнительныхъ чиселъ данныхъ голосовъ и полученныхъ мѣстъ за послѣднія 15—20 лѣтъ покажетъ намъ, однако, что подъ кажущейся внѣшней неподвижностью партійныхъ силъ совершаются въ дѣйствительности важныя перемены:

За послѣднюю четверть вѣка выборы дали слѣдующіе результаты:

Въ 1874 г. консерваторы, съ Биконсфилдомъ во главѣ, получили	352 мѣста.
„ либералы, съ Гладстономъ — „ „	300 „
Консервативное большинство —	<u>52</u>
Въ 1880 г. либералы, съ Гладстономъ во главѣ, получили . .	414 „
„ консерваторы, съ Биконсфилдомъ во главѣ, получили	238 „
Либеральное большинство —	<u>176</u>
Въ 1885 г. либералы (Гладстонъ) получили	334 „
„ консерваторы (Сольсбэри) „	250 „
„ націоналисты (Парнелль) „	86 „
Либеральное большинство (считая ирландцевъ) .	<u>170</u>

Но такъ какъ отъ ирландцевъ зависѣла судьба кабинета, то послѣдній не могъ долго держаться, и въ 1886 г. парламентъ былъ распущенъ.

Въ 1886 г. консерваторы получили (съ Сольсбэри во главѣ) .	316	} 394
„ либераль-юніонисты „	78	
„ либералы (съ Гладстономъ) „	191	
„ націоналисты „	85	} 276
Консервативное больш. (включая либ.-юніон.) —	<u>118</u>	
Въ 1892 г. либералы (съ Гладстономъ) получили	274 мѣста.	
„ націоналисты „	81 „	
„ консерваторы вмѣстѣ съ либераль-юніонистами „ .	315 „	
Либеральное большинство (включая націонал.) —	<u>40</u>	

Въ 1895 г. консерваторы получили	411	ж.
„ либералы	177	„
„ націоналисты „	82	„
Консервативное большинство надъ либ. и націон.—		152
Въ 1900 г. консерваторы (включая либ.-юніон.) получили . .	401	„
„ либералы (включая 13 рабочихъ представителей) „	187	„
„ націоналисты „	82	„
Консервативное большинство —		132

Эти данныя указываютъ, съ одной стороны, на замѣчательную устойчивость политическихъ убѣждений народа Ирландіи и, съ другой, — на необычайное непостоянство избирателей Великобританіи. Оставляя на время Ирландію въ сторонѣ, займемся внимательнѣе статистическими показаніями Великобританіи.

Уже изъ приведенныхъ данныхъ можно усмотрѣть, что, несмотря на вообще крайне широкій размахъ колебаній маятника избирательной урны, положеніе консервативной партіи въ Великобританіи гораздо прочнѣе, чѣмъ положеніе либеральной. Въ то время, какъ число мѣстъ консервативной партіи *) за послѣдніе четверть вѣка ни разу не спускалось ниже 238 и дважды перешагнуло за 400, число мѣстъ либераловъ трижды спускалось ниже 200 и только одинъ разъ перешагнуло за 400. Сверхъ того, если мы ограничимся пятнадцатью послѣдними годами, мы убѣдимся, что консервативная партія все болѣе упрочивается въ странѣ, а либеральная, наоборотъ, все болѣе теряетъ почву подъ ногами. За четыре выбора этого періода консерваторамъ досталось 394, 315, 411 и 401 мѣсто, либераламъ же — 191, 274, 177 и 187 мѣстъ. Но и эти цифры далеко не вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей. За послѣднія нѣсколько лѣтъ въ либеральномъ лагерѣ зародились и все болѣе усиливаются имперіалистскія и джингонетскія тенденціи, о чемъ я говорилъ уже въ моемъ прошломъ письмѣ. Это теченіе, наконецъ, оформилось въ новую „либераль-имперіалистскую“ партію, имѣющую свой отдѣльный исполнительный совѣтъ (*Liberal-Imperial Council*) и относящуюся съ открытой враждебностью къ либераламъ покроя Гаркорта, Морлея, Лабшера и даже Кампбелль-Баннермана. По своей программѣ либераль-имперіалисты ничѣмъ не отличаются отъ либераль-юніонистовъ, которые, въ свою очередь, ничѣмъ не отличаются отъ консерваторовъ, и если они пока еще не отдѣлились отъ либеральной партіи, то лишь изъ расчета, а не вслѣдствіе принципиальныхъ соображеній. Присоединившись къ министерской партіи, они бы затерялись тамъ вслѣдствіе многочисленности консерваторовъ, оставаясь же въ либеральномъ лагерѣ, они могутъ рассчитывать на значительное вліяніе въ этомъ обезсиленномъ лагерѣ. Сколько имѣется теперь въ палатѣ общинъ либераль-имперіалистовъ? На этотъ вопросъ пока трудно отвѣтить. Въ только-что опубликованномъ манифестѣ исполнительнаго совѣта этой партіи заявляется, что изъ числа выставленныхъ имъ кандидатовъ

*) Въ своихъ расчетахъ я отождествлялъ либераль-юніонистовъ съ консерваторами, такъ какъ между ними нѣтъ никакой разницы въ программахъ.

оказалось выбранными 81 чел. Наоборотъ, крайняя лѣвая либеральной партіи третируетъ либераль-имперьялистовъ, какъ *quantité negligible*. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что изъ официальныхъ лидеровъ либеральной партіи Эдуардъ Грэй, Генри Фоулеръ, Халдейнъ и Перкъсъ принадлежатъ къ либераль-имперьялистамъ, и будутъ ли послѣдніе насчитывать въ своихъ рядахъ 8 десятковъ членовъ, или же только 3—4 десятка, они во всякомъ случаѣ будутъ висѣть мельничнымъ жерновомъ на шеѣ либеральной партіи и парализовать силу оппозиціи.

IX.

Ознакомившись съ относительной силой обѣихъ партій въ новой палатѣ общинъ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію силы этихъ партій въ самой странѣ, т. е. къ статистикѣ поданныхъ за каждую партію голосовъ. Статистика голосовъ яснѣе, чѣмъ статистика полученныхъ мѣстъ, отражаетъ политическую физіономію страны, такъ какъ только въ статистикѣ голосовъ можно наблюдать нивелирующее дѣйствіе *закона большихъ чиселъ*, стирающаго случайности. Въ статистикѣ же мѣстъ, имѣющей дѣло лишь съ небольшими числами, случайности играютъ значительную роль и потому легко вводятъ въ заблужденіе. Такъ, въ Германіи социаль-демократы имѣютъ 56 мѣстъ въ рейхстагѣ, т. е. менѣе одной седьмой общаго числа депутатовъ (= 397), голосовъ же они получили на выборахъ 2.120.000, т. е. болѣе двухъ седьмыхъ общаго числа поданныхъ голосовъ (7.600.000); наоборотъ, клерикалы (т. е. центръ) собрали всего 1.333.000 голосовъ, мѣстъ же имъ досталось 103, т. е. почти вдвое, чѣмъ социаль-демократамъ. Аналогичное явленіе наблюдается въ Бельгіи и другихъ парламентскихъ странахъ. Это несоотвѣтствіе между волей избирателей и численной силой партій въ парламентѣ обусловливается отчасти неравенствомъ избирательныхъ округовъ, но главнымъ образомъ основнымъ дефектомъ *господства большинства*, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что при выборахъ большинство въ одинъ голосъ считается равносильнымъ большинству во много тысячъ голосовъ и, съ другой стороны, многотысячное меньшинство считается равносильнымъ нулю. Такъ, напримѣръ, если одна партія получить въ десяти избирательныхъ округахъ въ общемъ большинство во сто тысячъ голосовъ, другая же партія въ двадцати другихъ округахъ получить въ общемъ большинство не болѣе сотни голосовъ, первой все-таки достанется вдвое меньшее число мѣстъ, чѣмъ второй. Устранить этотъ дефектъ можно лишь установленіемъ пропорціональнаго представительства, т. е. распределеніемъ депутатскихъ мѣстъ между партіями пропорціально общему числу голосовъ, полученному каждой партіей во всей странѣ *).

Если мы предположимъ теперь, что въ какой-либо странѣ симпатіи избирателей распределяются приблизительно поровну между двумя политическими пар-

*) Какъ извѣстно, пропорціональное представительство, въ довольно несовершенной, впрочемъ, формѣ, введено было въ прошломъ году въ Бельгіи.

тіями, мы увидимъ, что въ такой странѣ, какъ бы ни были устойчивы политическія воззрѣнія населенія, распредѣленіе парламентскихъ мѣстъ между обѣими партіями будетъ отличаться крайней неустойчивостью и зависѣть, главнымъ образомъ, отъ случайностей даннаго момента.

Такой именно страной является Великобританія. Каждый ребенокъ въ Англии,— замѣтилъ одинъ изъ здѣшнихъ публицистовъ,— рождается или маленькимъ консерваторомъ, или маленькимъ либераломъ. На каждые пять англичанъ (оставляя въ сторонѣ Ирландію) двое обязательно либералы, двое—консерваторы и, наконецъ, пятый—величина неизвѣстная, отъ рѣшенія которой и зависитъ вопросъ о томъ, какое правительство будетъ стоять во главѣ Великобританіи. Голоса этихъ-то пятыхъ людей въ третьей четверти этого вѣка высказывались, по большей части, въ пользу либераловъ, въ послѣдней же четверти они все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ единодушіемъ переходятъ на сторону консерваторовъ. Трижды удавалось Гладстону перетянуть пятого человѣка на свою сторону: въ 1880 г. — при помощи выставленной имъ программы—*three acres and a cow*, т. е. обѣщанія дать каждому желающему осѣсть на землю 3 акра земли и корову; въ 1885 г.— благодаря проведенной имъ передъ тѣмъ избирательной реформѣ, расширившей число избирателей на цѣлыхъ два милліона, а также и благодаря обѣщанію другихъ радикальныхъ реформъ; наконецъ, въ 1892 г., — благодаря обѣщанію цѣлаго ряда еще болѣе радикальныхъ реформъ. Но изъ числа этихъ трехъ побѣдъ послѣднія двѣ оказались весьма эфемерными. Мы видѣли раньше, что, вслѣдствіе особенностей англійской конституціи, быть членами парламента могутъ лишь люди очень богатые, но классъ богачей не любитъ радикальныхъ реформъ. Правительство Гладстона 1885 г. просуществовало лишь нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ значительная часть его партіи (либераль-юніонисты) отдѣлилась и присоединилась къ консерваторамъ. Точно такъ же либеральное правительственное министерство 1892 г. провалилось за 4 года до истеченія нормальнаго семилѣтняго срока правленія,—и на этотъ разъ тоже вслѣдствіе раскола, возникшаго въ рядахъ либеральныхъ членовъ парламента. Исторія англійскаго парламента послѣднихъ 10 — 15 лѣтъ есть исторія перехода богатыхъ людей изъ либеральнаго лагеря въ консервативный. Благодаря этому, касса либеральной партіи все болѣе пустѣетъ, все меньше становится число кандидатовъ, готовыхъ потратить нѣсколько тысячъ на избирательную агитацію, а центральная организація партіи не имѣетъ денегъ, чтобы помочь лицамъ, имѣющимъ шансы на успѣхъ, но лишеннымъ средствъ на уплату расходовъ по выборамъ. Въ 1892 г. въ Англии въ 26 избирательныхъ округахъ либералы не выставили кандидатовъ, предоставивъ, такимъ образомъ, эти округа въ безспорное владѣніе консерваторовъ; юніонисты же оставили неоспоренными лишь 12 либеральныхъ кандидатуръ. Въ 1895 г. неоспоренныхъ консервативныхъ кандидатуръ въ Англии было уже 105, либеральныхъ же только 10 (сверхъ того въ Шотландіи было первыхъ — 4, вторыхъ—1). Наконецъ, на послѣднихъ выборахъ 1900 г. — число неоспоренныхъ консервативныхъ кандидатуръ возросло до 143, число же либеральныхъ до 22. Включая Ирландію, гдѣ осталось неоспоренными 20 консервативныхъ

и 59 націоналистскихъ округовъ, общее число неоспоренныхъ мѣстъ достигло 244, т. е. болѣе $\frac{1}{3}$ общаго числа мѣстъ палаты депутатовъ; иными словами, благодаря путамъ, налагаемымъ англійской конституціей на немущіе классы, болѣе трети общаго числа избирателей не имѣетъ возможности вотировать на выборахъ.

На выборахъ 1892 г. партія Гладстона получила приблизительно на 200.000 голосовъ больше, чѣмъ юніонисты. Въ 1895 г. большинство голосовъ въ оспоренныхъ округахъ все еще досталось либераламъ, но было уже низведено до 66 тыс.; если же взять въ расчетъ неоспоренные округа, то получится значительное большинство въ пользу консерваторовъ. Наконецъ, въ 1900 г. большинство голосовъ въ оспоренныхъ округахъ, даже не считая неоспоренныхъ, досталось консерваторамъ. Оно достигло 43.734.

Разсмотримъ статистику голосовъ послѣднихъ двухъ выборовъ. Такъ какъ число неоспоренныхъ округовъ было въ обоихъ случаяхъ весьма значительно, то мы должны ихъ принять въ расчетъ. Слѣдуя примѣру газеты *Daily News*, мы будемъ руководствоваться слѣдующимъ методомъ. Въ оспоренныхъ округахъ число поданныхъ голосовъ равнялось 75% всего числа зарегистрированныхъ избирателей. Мы поэтому будемъ предполагать, что и въ неоспоренныхъ округахъ такой же процентъ избирателей готовъ былъ явиться къ избирательнымъ урнамъ. Мы предположимъ, сверхъ того, что изъ этихъ 75% избирателей двѣ трети голосовъ было бы подано за кандидата той партіи, которая такого выставила, и $\frac{1}{3}$ за партію, не выставившую кандидата. И мы ограничимся одной Великобританіей, оставивъ Ирландію въ сторонѣ, въ виду рѣзкаго отличія мотивовъ ея политической жизни. Мы получимъ тогда слѣдующую таблицу:

Было дано голосовъ на выборахъ —

	за консерваторовъ:		за оппозиціон. кандидат.:	
	Въ 1895 г.	Въ 1900 г.	Въ 1895 г.	Въ 1900 г.
Въ Лондонѣ	249.218	263.622	166.273	167.453
„ остальныхъ англ. городахъ	614.054	681.523	534.751	542.597
„ англійскихъ деревняхъ	1.136.688	1.174.527	947.333	940.059
Всего въ Англии	1.999.960	2.119.672	1.648.357	1.650.109
Въ Шотландіи	235.567	257.909	246.408	254.878
„ Уэльсѣ	93.940	88.354	124.295	144.077
Всего въ Великобританіи	2.329.467	2.465.935	2.019.060	2.049.064
Увеличеніе за 5 лѣтъ	—	136.468	—	30.004
Консервативное большинство	310.407	416.871	—	—

Статистика голосовъ, какъ мы видимъ, вносить поправку въ тѣ выводы, къ какимъ мы выше пришли на основаніи статистики мѣстъ. Неустойчивость политическаго міросозерцанія англійскихъ избирателей оказывается лишь видимою, а не дѣйствительною. Широкой размахъ колебаній въ числахъ полученныхъ каждой партіей мѣстъ, обуславливается, главныхъ образомъ, тѣмъ дефектомъ „господства большинства“, о которомъ мы говорили выше. Переходъ 2—3 сотенъ

тысячъ избирателей въ другой лагерь уменьшаетъ вдвое число полученныхъ мѣстъ одной партіи и увеличиваетъ вдвое силы другой партіи въ парламентѣ. „Въ 1892 г. газета *Times* послала спеціальнаго комиссара для изслѣдованія въ странѣ положенія дѣлъ. Оказалось, что только приблизительно въ 100 округахъ вопросъ, кому достанется мѣсто, темень, и въ этихъ округахъ вопросъ этотъ зависитъ отъ рѣшенія всего лишь нѣсколькихъ сотенъ избирателей“ *).

Мы видимъ изъ статистики голосовъ, что политическія воззрѣнія англійскихъ избирателей отличаются, наоборотъ, удивительной устойчивостью. Несмотря на еще неумолкшій грохотъ войны, несмотря на всѣ усилія Чемберлена и консервативныхъ лидеров раздуть джигонистскіе инстинкты массъ, несмотря на крайнюю деморализацію либеральной партіи въ парламентѣ, на расколъ и непримиримыя разногласія среди ея лидеров, число поданныхъ за либеральныхъ кандидатовъ голосовъ не только не упало, но даже слегка поднялось за послѣднія пять лѣтъ. Но мы видимъ, съ другой стороны, что число поданныхъ за консерваторовъ голосовъ увеличилось за этотъ же періодъ несравненно сильнѣе. Благодаря приросту населенія, общее число вотировавшихъ избирателей поднялось за эти пять лѣтъ на 166.472; изъ этого прироста только 30 тысячъ подадо голосъ за либераловъ, остальные 136 тысячъ присоединились къ консерваторамъ, иначе говоря, около 18% прироста сдѣлалось либералами, и цѣлыхъ 82%—консерваторами. Такимъ образомъ, не только „пятый человекъ“ со все большимъ единодушіемъ переходитъ въ лагерь консерваторовъ, но, что важнѣе, подрастающее поколѣніе направляется въ ту же сторону. Вышеприведенная таблица показываетъ намъ, что $\frac{2}{3}$ прироста либеральныхъ голосовъ приходится на Уэльсъ, страну углекоповъ, сохранившую свой старый кельтскій языкъ и свои старыя традиціи религіозной независимости, противныя господствующей англиканской церкви. Во всѣхъ остальныхъ областяхъ либерализмъ застылъ. Въ деревенскихъ областяхъ Англій онъ даже сдѣлалъ шагъ назадъ, въ городахъ—въ особенности въ Лондонѣ—онъ стоитъ почти на одномъ и томъ же мѣстѣ. Абсолютныя цифры показываютъ, что либерализмъ сохраняетъ свои старыя позиціи въ населеніи Великобританіи, но относительныя цифры,—а парламентскія побѣды опредѣляются именно ими,—указываютъ на усиливающееся преобладаніе консерватизма. Послѣдній усилился значительно въ деревенскихъ округахъ, но наибольшій прогрессъ онъ сдѣлалъ среди городского населенія. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ населеніе континентальныхъ столицъ является авангардомъ прогрессивныхъ арій, Лондонъ—величайшая столица міра—дѣлается все болѣе твердыней консерватизма.

Газета *Daily News*,—главный органъ либераль-империалистовъ,—анализируя статистику голосовъ, отмѣчаетъ съ большимъ безпристрастіемъ этотъ застой либерализма. „Непріятный выводъ, ясно вытекающій изъ статистики голосовъ, таковъ: либеральная партія теряетъ свое вліяніе среди молодыхъ людей. Наиболѣе характерная черта послѣднихъ выборовъ—это ростъ консервативныхъ го-

*) *Annual Register*, 1892 г., глава IV.

лосовъ, и этотъ ростъ наиболѣе значителенъ въ тѣхъ округахъ, которые нѣкогда были главными источниками силы либерализма. Единственнымъ исключеніемъ является Уэльсъ, гдѣ религиозный вопросъ играетъ всегда роль наборщика рекрутовъ для партіи, стоящей за религиозную свободу. Но повсюду въ другихъ мѣстахъ—въ Шотландіи, въ городахъ Англии и даже, хотя въ меньшей степени, въ деревенскихъ округахъ—либерализмъ почти не двигается впередъ, а консерватизмъ быстро пріобрѣтаетъ новыхъ приверженцевъ... Число либеральныхъ голосовъ осталось почти тѣмъ же; наоборотъ, консерваторы увеличили свое большинство надъ либералами болѣе чѣмъ на сто тысячъ. Считать „каки“ ответственнымъ за все это—нельзя. Ростъ консерватизма былъ почти непрерывенъ съ 1885 года. Отпаденіе отъ либераловъ юніонистской секціи въ 1886 году усилило и упрочило консерватизмъ, но ростъ послѣдняго, особенно въ городахъ, начался еще раньше, чѣмъ Гладстонъ отдался дѣлу гомъ-руля. Либерализмъ не двигается назадъ, но консерватизмъ двигается впередъ. По мѣрѣ роста числа избирателей растутъ голоса консервативной партіи. Языкъ цифръ ясенъ. Что же онѣ показываютъ? Значить ли это, что либеральная партія,—партія, которая прежде всего должна идти за вѣкомъ и приспособляться къ новымъ условіямъ,—потеряла соприкосновеніе съ духомъ новаго времени и, такимъ образомъ, не въ силахъ болѣе дѣйствовать на воображеніе націи?“ (*Daily News*, 19 окт. 1900 г.).

Этотъ вопросъ сдѣлается яснѣе, если мы станемъ отличать либеральную партію въ парламентѣ, то есть тѣхъ богачей, которые нашли выгоднымъ для себя „помѣстить“ часть своего капитала въ выборную агитацію, отъ либеральной или, вѣрнѣе, прогрессивной партіи массъ, цѣпляющихся до сихъ поръ за либеральное знамя этихъ магнатовъ, несмотря на то, что послѣдніе причинили имъ столько горькихъ разочарованій. Магнаты раньше, пока имъ это было выгодно, дѣйствительно оказывали крупныя услуги дѣлу прогресса, но теперь либерализмъ пересталъ быть для нихъ выгоднымъ, и потому теперь они прикрываются либеральнымъ знаменемъ лишь какъ фиговымъ листкомъ, чтобы скрыть свою принципиальную наготу. Но для рядовыхъ либеральной партіи знамя прогресса осталось по-прежнему близкимъ и дорогимъ, потому что оно есть символъ улучшенія всѣхъ условій ихъ жизни. И, такимъ образомъ, между этими двумя элементами прежней либеральной партіи

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась и ударила
Однимъ концомъ по барину
Другимъ по мужику...“

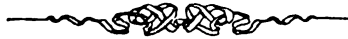
И этой цѣпи парламентскому барину связать болѣе не удастся. Вѣра съ трудомъ поддается элементамъ разрушенія, но разъ поддавшись, она исчезаетъ безвозвратно. Возбудить энтузіазмъ націи сумѣютъ только такіе вожди, какъ Бернсъ *), только люди, вышедшіе изъ рядовъ народа и сохранившіе общіе

*) Кромѣ Бернса въ парламентъ попали еще Кейръ-Гарди (вождь неза-

съ нимъ интересы. Но этимъ людямъ входъ въ парламентъ преграждаютъ конституціонныя препятствія, о которыхъ я говорилъ въ моемъ прошломъ письмѣ. Устранить эти препятствія и составляетъ ближайшую задачу для передовыхъ людей Англїи.

Д. Сатуринъ.

висимой рабочей партіи), Ричардъ Беллъ (секретарь гигантскаго союза железнодорожныхъ рабочихъ) и около десятка рабочихъ вождей меньшаго калибра. Издержки на ихъ выборы были покрыты отчасти путемъ подписки, отчасти изъ кассъ трэдъ-юніоновъ.

Новости экономической литературы.

II.

Психологическое направление въ политической экономіи.—Бемъ-Баверкъ о спорныхъ вопросахъ теоріи капитала.—Теорія трудовой цѣнности и теорія предѣльной полезности.—Примиримы ли онѣ?

Психологія знаетъ особую форму апперцепціи, такъ называемую, персонифицирующую апперцепцію. Сущность ея, по опредѣленію Вундта, заключается въ томъ, „что свойства апперцируемыхъ объектовъ цѣлкомъ опредѣляются собственными свойствами воспринимающаго субъекта, такъ что послѣдній не только находитъ въ объектахъ свои собственные ощущенія, аффекты и волевые акты, но, кромѣ того, настроеніе субъекта въ данный моментъ, его взглядъ на воспринимаемая явленія и представленія объ отношеніяхъ послѣднихъ къ его собственному существованію“ *).

Развитіе человѣческаго мышленія въ его филогенезѣ и онтогенезѣ, т. е. у всего человѣчества и отдѣльнаго человѣка, начинается съ этой наивнѣйшей и первоначальнѣйшей формы апперцепціи. Она въ одинаковой степени присуща и ребенку, ярко проявляясь въ его играхъ и фантазіяхъ, возникающихъ при сильныхъ аффектахъ, и дикарю, которому она доставляетъ неисчерпаемый источникъ творчества мифовъ и религіозныхъ представленій.

Развитіе орудій производства и отсюда ростъ власти человѣка надъ природою, тѣсно съ этимъ связанное развитіе понятія о причинности, шагъ за шагомъ подрывало почву подъ „персонифицирующей апперцепціей“, являющейся психологическою причиною анимизма и его отдѣльнаго вида—фетишизма.

Наука о природѣ въ поступательномъ ходѣ ея развитія неуклонно освобождалась отъ этого наивнаго міросозерцанія и въ настоящее время она содержитъ въ себѣ „персонифицирующую апперцепцію“ въ очень уже разрѣженной степени, почти исключительно въ видѣ пережитковъ, безпощадно изгоняемыхъ Э. Махомъ.

Не то въ области науки объ обществахъ. Позже начавъ развиваться, эта наука и въ особенности ея частная дисциплина—политическая экономія—и посейчасъ

*) Ср. В. Вундтъ, „Очеркъ психологіи“. Пер. съ нѣм. Г. Паперна. Стр. 203.

еще сильно заражена фетишизмомъ, а какихъ-нибудь полѣвка тому назадъ она почти цѣликомъ стояла на точкѣ зрѣнія „персонифицирующей апперцепціи“. Причина тому—болѣе позднее развитіе науки объ обществѣ въ сравненіи съ наукой о природѣ, отсутствіе въ общественныхъ явленіяхъ той строгой и сплошной закономѣрности, которая характеризуетъ явленія природы. Что же касается въ частности науки о народномъ хозяйствѣ, то здѣсь слѣдуетъ замѣтить слѣдующее: развитіе производительныхъ силъ все болѣе подчиняетъ природу человѣку, все болѣе позволяетъ ему производить эксперименты, рассчитывать на строгіе законы физики и математики, опираясь на ненарушимую связь между причиною и слѣдствіемъ, совершать тѣ техническія чудеса, которыми такъ справедливо гордятся наше умирающее столѣтіе. Понятно, что въ этой атмосферѣ быстро улетучиваются всѣ мистическія представленія, фетишистскія идеи.

Но то же самое развитіе производительныхъ силъ дѣлаетъ человѣка все въ меньшей степени способнымъ сознательно руководить безконечно усложняющуюся хозяйственную жизнь, создаетъ полную анархію производства, словами Мефистофеля смѣяющуюся надъ усиліями производителя— „Du glaubst zu schieben und du wirst geschoben“. Современное капиталистическое хозяйство характеризуется полнымъ отсутствіемъ плана, стихійнымъ, бессознательнымъ характеромъ, что такъ ярко раскрывается въ промышленныхъ кризисахъ—неизлѣчимыхъ болѣзняхъ капиталистическаго организма. На этой-то почвѣ и вырастаютъ въ политической экономіи фетишистскія идеи, ниспроверженіе которыхъ составляетъ крупнѣйшую, неумирающую заслугу Маркса *). Причиною этого фетишизма служитъ неясность, неопредѣленность общественныхъ отношеній, та неясность и неизвѣстность, которая вообще составляетъ источникъ первобытныхъ религій. „Отраженіе дѣйствительнаго міра въ вѣрованіяхъ можетъ исчезнуть лишь тогда, когда условія труда у практической жизни представлять человѣку ясныя и разумныя отношенія къ нему подобнымъ и къ природѣ. Общественная жизнь, основаніемъ которой служитъ вещественное производство и предполагаемая имъ отношенія, только тогда освободится отъ запутывающаго ее таинственнаго тумана, когда станетъ произведеніемъ людей, свободно соединившихся въ общество, дѣйствующихъ сознательно и сообразно опредѣленному плану. Но для этого обществу требуется опредѣленная матеріальная основа или совокупность вещественныхъ условій существованія, которая, съ своей стороны, представляютъ продуктъ продолжительнаго и мучительнаго процесса развитія“ („Капиталъ“, т. I., изд. III. Спб. 1898 г., стр. 42).

*) Въ своей интересной, хотя не особенно глубокой, книгѣ „Die philosophische Grundlagen des Marxismus“ Массарикъ высказываетъ предположеніе, что понятіе „фетишизма“ Марксъ заимствовалъ у О. Конта. Это совершенно ошибочная идея, вызванная у Массарика невѣрной переоцѣнкой вліянія позитивизма на Маркса. Гораздо основательнѣе предположеніе критика Массарика Симховича, что Марксъ понятіе фетишизма заимствовалъ у Гегеля, въ подтвержденіе чего Симховичъ привелъ любопытную цитату изъ Гегеля. Это еще разъ подтверждаетъ вліяніе Гегеля на *формулировку* Марксомъ его экономической теоріи. Ср. нашу статью „О философскихъ основахъ марксизма“. „Жизнь“ 1900 г., августъ.

Понадобилось долгое развитие производственных отношений в полную форму товарного производства, прежде чѣмъ экономисты—главнымъ образомъ въ лицѣ Давида Рикардо—пришли къ убѣжденію, что всѣ виды труда въ основѣ своей представляютъ нѣчто однородное и сводятся къ чисто количественнымъ отношеніямъ, бессознательно устанавливаемымъ обществомъ. Этимъ классики-экономисты положили основу теоріи трудовой цѣнности. Но ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ раскрыть фетишизма товарного производства. Всѣ они придерживались точки зрѣнія наивнаго реализма, полагающаго, что внѣ субъекта и совершенно независимо отъ него существуютъ „вещи“, „предметы“, какъ въ зеркалѣ отражающіеся въ сознаніи хозяйствующихъ субъектовъ *).

„Определенное общественное отношеніе людей между собою въ ихъ глазахъ принимаетъ при этомъ фантастическую форму отношеній между предметами. Чтобы найти аналогію подобныхъ отношеній, надо обратиться въ туманную область народныхъ вѣрованій, гдѣ произведенія человеческого ума кажутся независимыми существами, одаренными жизнью и выступающими въ отношенія между собою и съ людьми. То же самое происходитъ и въ товарномъ мірѣ съ продуктами рукъ человѣка. Это я называю фетишизмомъ, присущимъ продуктамъ труда, разъ они производятся въ видѣ товаровъ, а потому неотдѣлимымъ отъ товарнаго производства“ **).

Отдѣльный товаропроизводитель познаетъ свою общественную связь со всѣмъ хозяйствующимъ обществомъ только тогда, когда обмѣнивается съ членами этого общества продуктами своего труда: общественный характеръ его труда проявляется лишь въ актѣ обмѣна товаровъ. Этимъ создается грубый оптический обманъ: отношеніе вещей заслоняетъ отношеніе людей, и товарное обращеніе кажется сознанію товаропроизводителя какъ вещественное отношеніе между людьми и общественное отношеніе между вещами.

Ниспроверженіе этого наивнаго реализма въ политической экономіи представляетъ крупнѣйшую заслугу Маркса въ сравненіи съ классиками-экономистами. Марксъ показалъ, что за фетишистской оболочкой отношенія „вещей“ скрывается реальное отношеніе людей въ процесѣ ихъ общественнаго производства, что товары, какъ объективныя вещи, не содержатъ въ себѣ никакихъ экономическихъ свойствъ. Химическимъ анализомъ товарнаго тѣла мы не найдемъ въ немъ ни цѣны, ни цѣнности, ни издержекъ производства. Всѣ эти категоріи суть продукты извѣстнаго отношенія людей въ процесѣ ихъ общественнаго труда, отношенія объективирующагося въ товарахъ, служащихъ вещественной оболочкой общественныхъ отношеній. Разоблаченіе товарнаго фетишизма составляетъ крупнѣйшее завоеваніе во всей исторіи политической экономіи, его значеніе для послѣдней можетъ быть смѣло сравнено со значеніемъ открытія Коперника для астрономіи, со

*) Ср. Grabski, „Zur Erkenntnisstheorie der volkswirtschaftlichen Erscheinungen“. Leipzig. 1900, и мою статью „Новости экономической литературы“. „Жизнь“, апрѣль, 1900 г.

***) См. „Капиталъ“, т. I, изд. III. Спб., 1898 г., стр. 35.

значеніемъ перехода отъ геоцентрической системы Птолемея къ гелиоцентрической системѣ Коперника.

Но если Марксъ доказалъ, что въ политической экономіи мы имѣемъ дѣло не съ отношеніемъ вещей, а съ отношеніемъ людей, то это не значитъ, что онъ выступилъ съ проповѣдью субъективизма.

Представленіе о цѣнности товара есть общеобязательная форма мышленія для товаропроизводителя данной исторической эпохи, при данной организаціи общественной производительной силы труда. Представленіе людей о цѣнности въ точности корреспондируетъ тому или иному отношенію товара съ золотомъ и диктуется, стало быть, объективнымъ отношеніемъ.

Точку зрѣнія Маркса здѣсь вполне можно уподобить точкѣ зрѣнія Канта. Заслуга Канта въ философіи и Маркса въ политической экономіи заключается въ опроверженіи наивнаго реализма, въ доказательствѣ того положенія, что тѣ представленія и понятія, которыя до сихъ поръ склонны были считать реальными или мнимыми свойствами „вещей“, суть на самомъ дѣлѣ, такъ сказать, центробѣжныя понятія и творятся самимъ субъектомъ. Но при этомъ, однако, подъ „субъектомъ“ надо понимать не всякаго барона со своею фантазіей, а, такъ сказать, объективнаго субъекта.

Если Кантъ выставилъ въ „Критикѣ чистаго разума“ положеніе, что „нашъ разумъ самъ является источникомъ законовъ природы“, то не надо забывать, что здѣсь, какъ и повсюду, у него рѣчь идетъ не объ индивидуальномъ, а объ общемъ трансцендентальномъ сознаніи, которое дѣлаетъ наше познаніе объективнымъ, общеобязательнымъ.

Критическій реализмъ Канта въ одинаковой степени враждебенъ и абсолютному идеализму, и абсолютному, наивному реализму. Для Канта познаніе не есть продуктъ лишь объекта, какъ утверждаетъ наивный реализмъ, но и не продуктъ одного субъекта, какъ это утверждаютъ субъективисты; познаніе по Канту есть одновременно продуктъ объекта и субъекта: первый доставляетъ познанію форму, второй—содержаніе.

Въ виду этого Кантъ разрушилъ и наивный реализмъ, и наивный субъективизмъ и, сказавъ, что міръ есть наше представленіе, доказалъ вѣстѣ съ тѣмъ достовѣрность нашего познанія.

То же самое сдѣлалъ Марксъ для экономической науки своимъ разоблаченіемъ фетишизма производства, вслѣдствіе чего марксизмъ одновременно ведетъ борьбу на два фронта: съ наивнымъ реализмомъ классической школы и съ его противоположностью — субъективизмомъ психологической школы. Если первая борьба теперь уже отошла въ область исторіи экономической науки, то вторая борьба, наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливается и обостряется.

Субъективное направленіе въ политической экономіи не въ наши дни началось: ученіе о трудовой цѣнности носило у Адама Смита явно субъективистическую окраску, вся старая теорія спроса и предложенія, проповѣдывавшаяся, напр., Маклеодомъ, по существу дѣла ничѣмъ не отличается отъ ученія современныхъ субъективистовъ. Современная психологическая школа дала только острое

психологическое объяснение мотивовъ и механизма, приливовъ и отливовъ, спроса и предложена. Это-то и создало ей шумный успѣхъ и быстрое распространене.

Психологическую школу въ политической экономіи часто называютъ еще австрійскою школою, такъ какъ наиболѣе послѣдовательныхъ и талантливыхъ защитниковъ она нашла себѣ въ средѣ австрійскихъ ученыхъ. Но распространена она теперь рѣшительно по всемъ странамъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ *). Въ Австріи ея рѣшительными сторонниками являются Менгеръ, Веизъ-Баверкъ, Визеръ и др., въ Англіи талантливѣйшій изъ современныхъ англійскихъ экономистовъ Стэнли Джевоусъ (Jevons) еще въ 1871 г. въ своемъ соч. „Theory of Political Economy“ провозгласилъ теорію предѣльной полезности, высказавъ идею, что „цѣнность вполнѣ и исключительно зависитъ отъ пользы“, т. е. ту идею, которая лежитъ во главѣ угла всей психологической теоріи цѣнности. Кромѣ Джевоуса въ Англіи къ теоріи предѣльной полезности склоняются проф. Marshall („Principles of Economics“, London, 1890) и проф. Edgeworth („Elements of Economics of industry“, London, 1892), стремящіеся лишь примирить ее съ классической теоріей издержекъ производства. При этомъ, по ихъ теоріи, цѣнность рѣдко встрѣчающихся благъ опредѣляется исключительно ихъ пользою, спросъ же на блага, производство которыхъ не ограничено, опредѣляется пользою, а предложене—издержками производства. Въ Америкѣ эта теорія проповѣдуется Паттеномъ (Patten „Theory of Dynamic Economic“ 1892), подчеркивающимъ лишь влияніе потребления на цѣнность благъ. Въ Швейцаріи ея защитникомъ является Walras, во Франціи—Coagnot, въ Швеціи—Knut Wicksell. Мы привели лишь имена наиболѣе рѣшительныхъ и талантливыхъ сторонниковъ этой теоріи, въ большей же или меньшей степени къ ней склоняется теперь огромное большинство официальныхъ представителей экономической науки.

По этой теоріи, цѣнность есть значеніе блага, вытекающее отъ нашего сознанія способности этого блага удовлетворить той или иной нашей потребности. Оцѣнка нами даннаго рода блага зависитъ отъ того, какую изъ нашихъ многочисленныхъ потребностей удовлетворить это благо и какова настоятельность этой потребности. Настоятельность же потребности зависитъ, въ свою очередь, отъ средней важности этой потребности и степени ея удовлетворенности: она прямо пропорціональна первой и обратно пропорціональна второй.

Одинъ и тотъ же предметъ способенъ удовлетворить мноимъ различнымъ потребностямъ и въ различной степени одной и той же потребности въ зависимости отъ ея настоятельности. Положимъ, что въ силу того или иного обстоятельства я лишася одного экземпляра предмета, предназначеннаго для удовлетворенія моей потребности. Я принужденъ буду одну изъ своихъ потребностей

*) На русск. яз. о психологич. школѣ см.: М. Туганъ-Барановскій, „Ученіе о предѣльной полезности“ („Юридическій Вѣстникъ“ 1890 г., окт.). Зальскоій, „Теорія цѣнности“, 1890 г. Б. Эфрусси, „Различныя ученія о доходѣ съ капитала“ („Русск. Бог.“ 1897 г. №№ 3, 9). С. Франкъ, „Психологическое направленіе въ теоріи цѣнности“ („Русск. Бог.“ 1898 г., августъ). А Рыкачевъ, „Ученіе Веизъ-Баверка о доходѣ на капиталъ“ („Научн. Обзор.“ 1900 г., №№ II, IV).

оставить безъ удовлетворенія. Понятно, что при этомъ я выберу ту потребность, неудовлетвореніе которой доставитъ мнѣ наименьшее страданіе. Такимъ образомъ, отъ имѣющагося въ наличности количества продуктовъ зависить низшая изъ всѣхъ удовлетворяемыхъ имъ потребностей. Вслѣдствіе этого цѣнность продукта опредѣляется низшей предѣльной полезностью, отъ него зависящей *).

Законъ издержекъ производства по свѣржѣ его съ фактами реальной экономической жизни долженъ получить, по мнѣнію Вемъ-Баверка, слѣдующій видъ. Синхронически вычисленныя издержки или сумма цѣнности всѣхъ затраченныхъ въ производствѣ благъ регулируютъ цѣны продуктовъ. Если же мы примемъ, что синхронически вычисленныя издержки производства „исторически“ могутъ быть сведены къ затратѣ труда, то тогда получимъ положеніе, что трудъ опредѣляетъ цѣну продуктовъ **).

Но тѣмъ опредѣляется цѣнность труда,—спрашиваетъ Вемъ-Баверкъ и отвѣчаетъ: существуетъ извѣстная ограниченная сумма производительныхъ силъ, посредствомъ которыхъ при данномъ состояніи техники можетъ быть произведено лишь определенное количество продуктовъ. Эти послѣдніе путемъ извѣстныхъ нивелирующихъ вліяній распредѣляются по различнымъ отраслямъ производства, постепенно переходя изъ рукъ лучше оплачивающихъ ихъ въ руки болѣе низко оплачивающихъ. Насыщеніе продуктами достигаетъ этимъ путемъ извѣстной, приблизительно одинаковой, „предѣльной пользы“ („Grenznutzen“), и эта-то послѣдняя опредѣляетъ цѣнность данныхъ благъ ***).

Цѣна же опредѣленнаго рода произвольно создаваемыхъ благъ прочно устанавливается на томъ пунктѣ, въ которомъ предѣльная польза денегъ для стремящихся купить данный продуктъ перекрещивается съ предѣльною пользою денегъ для другихъ сходныхъ отраслей промышленности.

Цѣна продуктовъ,—говоритъ Вемъ-Баверкъ въ своемъ капитальномъ сочиненіи,—вообще говоря, тѣмъ ниже, тѣмъ больше ихъ количество и тѣмъ выше, тѣмъ это количество меньше. Чѣмъ болѣе существуетъ товаровъ даннаго рода, тѣмъ полнѣе могутъ быть удовлетворены соответствующія потребности, тѣмъ менѣе важны предѣльныя полезности, еще ждущія своего удовлетворенія ****).

Такова, въ самыхъ общихъ, конечно, чертахъ догма этого ученія. Отдѣльные представители психологической школы придаютъ ей чрезвычайно разнообразную формулировку, часто запутывая ее тончайшими психологическими разсужденіями. До самаго послѣдняго времени не существовало, насколько намъ извѣстно, популяризаціи субъективной теоріи цѣнности, если не считать журнальныхъ статей. Этотъ пробѣлъ пополнилъ теперь д-ръ Конъ, выпустившій недавно брошюру

*) Ср. Böhm-Bawerk, „Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerts“ вѣ „Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, 1886.

**) Ср. Böhm-Bawerk, „Letzten Maastab des Güterwertes“ вѣ „Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung“. Bd. III, S. 209.

***) Ibid., 223.

****) „Kapital und Kapitalzins“. S. 162.

„Субъективный характер ценности“ *). Маленькая книжка Кона представляет популярное изложение теории австрийской школы, изложение, сделанное ее правоверным учеником и признанное авторитетными устами проф. Доля (на страницах „Jahrbücher“ов“ Конрада) весьма умным и удачным.

Такъ вотъ познакомимся съ тѣмъ, что рассказываетъ намъ этотъ умный и точный популяризаторъ, чтобы затѣмъ на его примѣрѣ раскрыть основные недостатки субъективистскаго направленія въ новѣйшей политической экономіи.

Въ политической экономіи,—говоритъ Конъ,—мы изучаемъ „блага“, служащая для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Но пригодность „блага“ удовлетворять потребностямъ зависитъ не отъ объективныхъ свойствъ этого блага, а отъ характера личности, отъ ея оцѣнки благъ, отъ ея субъективныхъ чувствъ. По-видимому можно сказать, что хлѣбъ и мясо абсолютно пригодны для удовлетворенія человѣческихъ потребностей; но на самомъ-то дѣлѣ и хлѣбъ, и мясо суть абстрактныя понятія,—въ конкретной дѣйствительности мы имѣемъ дѣло не съ хлѣбомъ и мясомъ вообще, а, напр., съ ржанымъ хлѣбомъ, телятиной, свиной. Одинъ можетъ, изъ соображеній здоровья или какихъ-либо иныхъ, не ѣсть, напр., ржаного хлѣба или свиной. Въ магометанскихъ странахъ свинина не представляетъ никакого „блага“.

Много есть и субъективныхъ, и объективныхъ препятствій, мѣшающихъ человѣку вполне удовлетворять свои потребности. Мы одновременно чувствуемъ цѣлый рядъ потребностей и всѣхъ ихъ удовлетворить не въ состояніи. Мы должны поэтому произвести между ними выборъ и, удовлетворивъ одинъ изъ нихъ, оставить другія безъ удовлетворенія. Положимъ, что у меня одновременно проявляется потребность въ новомъ платьѣ и потребность въ новыхъ книгахъ, но мое финансовое положеніе позволяетъ удовлетворить лишь одну изъ этихъ потребностей. Рѣшающее значеніе сыграетъ при этомъ степень той или другой потребности, субъективное настроеніе личности. Если потребность въ книгахъ окажется сильнѣе и добьется своего удовлетворенія, то тогда мы можемъ сказать, что для даннаго субъекта книги „лучше“, чѣмъ платье, большее благо или, выражаясь языкомъ экономистовъ, что онѣ представляютъ для него большую „ценность“.

Такимъ образомъ, результатъ моего выбора того или иного товара зависитъ не отъ объективныхъ свойствъ этого товара, а отъ моей его субъективной оцѣнки. Основой понятія ценности и служитъ необходимость этого выбора между двумя предметами, пригодными для удовлетворенія человѣческой потребности,—необходимость отказаться отъ удовлетворенія одной потребности, чтобы имѣть возможность удовлетворить другую. Безъ этой необходимости отказа и выбора не существовало бы никакой ценности. Ценность какой-либо вещи опирается на сравненіе, которое мы дѣлаемъ между ея способностью и способностью другой вещи удовлетворять наши потребности; она выражаетъ собою результатъ этого сравненія, и есть отношеніе, въ которомъ мы сравниваемъ два предмета, какъ средство удо-

*) D-г Heinrich Cohn, „Die subjektive Natur des Wertes“. Berlin, 1899. 37 Ss. Preis 1 Mk. Д-ра Генриха Кона не слѣдуетъ смѣшивать съ проф. политич. экон. Густавомъ Кономъ.

вмѣтвенія потребностей. При этомъ объективные моменты имѣютъ лишь посредственное значеніе и дѣйствуютъ, лишь пройдя предварительно черезъ среду субъективныхъ чувствъ и оцѣнокъ. То же самое слѣдуетъ замѣтить о деньгахъ. Человѣкъ болѣе богатый или болѣе легкомысленный обыкновенно охотнѣе заплатить за вещь дороже, чѣмъ бѣдный или расчетливый человѣкъ.

Надо помнить,— говоритъ Конъ,— что рѣчь должна идти не о такъ называемомъ объективномъ сужденіи, въ которомъ наши желанія не участвуютъ, а о необходимости субъективнаго выбора между двумя потребностями, стремленіями. То, что способно повысить наше желаніе, потребность, придаетъ данному предмету, въ сравненіи съ другими большую цѣнность. Именно къ этому сводится старое положеніе, что цѣна товаровъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Если я замѣчаю, что на данный товаръ существуетъ большой спросъ, то изъ чувства поощренія или бояся, чтобы его не раскупили, я готовъ заплатить за него болѣе дорогую цѣну.

При современномъ хозяйственномъ строѣ мы приобретаемъ нужныя намъ вещи, вступая въ обмѣнъ съ другими. Субъектъ, обладающій товаромъ а, и нуждающійся въ товарѣ в ищетъ нуждающагося въ товарѣ а и обладающагося товаромъ в; между ними совершается обмѣнъ, который возможенъ только благодаря наличности въ обществѣ разнородныхъ, субъективныхъ оцѣнокъ пригодности того или иного товара служить удовлетворенію потребности.

У Мюллера есть яблоко, но оно для него не представляетъ никакой непосредственной цѣнности, такъ какъ онъ не любитъ яблокъ. Но онъ можетъ обмѣнить свое яблоко на грушу Шульце, который предпочитаетъ яблоки грушамъ. Такимъ образомъ возможность обмѣна придаетъ яблоку совершенно новую цѣнность. Это-то и приводитъ къ ошибочному заключенію, что яблоко обладаетъ особою цѣнностью, независимой отъ субъекта, отъ человѣка. Мѣновая цѣнность яблока на самомъ дѣлѣ есть не что иное, какъ ея цѣнность для Шульце, и благодаря именно этому послѣднему обстоятельству, яблоко получаетъ большую цѣнность и для Мюллера, такъ какъ оно даетъ ему возможность удовлетворить потребность въ грушѣ. Но это не дѣлаетъ для Мюллера цѣнность яблока равной цѣнности груши: онъ всегда предпочтетъ грушу, ибо иначе онъ бы и не обмѣнивалъ ее на яблоко. Ошибочно поэтому думать, что такъ какъ яблоко обмѣнивается на грушу, то мѣновыя цѣнности яблока и груши одинаковы. Наоборотъ, именно различіе ихъ оцѣнокъ, а отсюда и ихъ цѣнности даетъ впервые возможность ихъ обмѣна.

Потребительная цѣнность есть цѣнность товара для его обладателя въ данную минуту, мѣновая же цѣнность — это цѣнность товара для покупателя. Такъ какъ послѣдній совершенно неизвѣстенъ, и благодаря этому мѣновая цѣнность или, точнѣе, цѣнность для предполагаемаго покупателя получаетъ обманчиво объективный характеръ, и самъ онъ фигурируетъ, какъ „средній человѣкъ“. Но средній человѣкъ такъ же мало существуетъ въ дѣйствительности, какъ и средняя температура, и когда заканчивается актъ купли-продажи, то убѣждаются, что и покупатель не абстракція, а человѣкъ, со всѣми человѣческими слабостями и недостатками.

Въ виду сказаннаго понятно, что Конъ не отличаетъ цѣны отъ цѣнности. По его мнѣнію, цѣна товара никогда не можетъ упасть ниже его цѣнности или подняться выше ея; цѣна всегда выражаетъ отношеніе этого товара къ другому, обыкновенно къ деньгамъ, и все, что измѣняетъ это отношеніе, измѣняетъ и цѣну.

Но указаніемъ на одинаковость цѣнъ на даннаго рода товаръ могутъ попытаться доказать, что оцѣнка и чувства отдѣльнаго покупателя не вліяютъ на цѣну. Но здѣсь не слѣдуетъ забывать дѣйствія слѣдующаго обстоятельства. Очень немногіе покупатели даннаго товара хорошо освѣдомлены съ его свойствами; эти немногіе, ощущая потребность въ данномъ товарѣ, выражаютъ въ золотѣ субъективную оцѣнку его, которая, колеблясь между извѣстнымъ минимумомъ и максимумомъ, доходитъ до сознанія продавцовъ. Если при этомъ оцѣнка товаровъ покупателемъ не будетъ соответствовать цѣнѣ, просимой за него продавцами, то придется или отказаться отъ покупки, или измѣнить цѣну, въ случаѣ же совпаденія оцѣнки и цѣны товаръ будетъ купленъ. Подражательные инстинкты повлекутъ за этими первыми покупателями рядъ другихъ. Это стремленіе къ подражанію, по мнѣнію Кона, оказываетъ огромнѣйшее вліяніе не только на данную цѣну, но и вообще на опредѣленіе цѣнности.

Таковы основныя идеи субъективной теоріи цѣнности въ ея новѣйшей популяризаціи. Разберемся въ ней.

Прежде всего бросается въ глаза крупнѣйшая и грубѣйшая ошибка Кона — игнорированіе основныхъ методологическихъ приемовъ и правилъ возведенія особой самостоятельной науки.

Объективное направленіе въ политической экономіи онъ отвергаетъ за его абстрактность, несоответствіе пестрой конкретности дѣйствительности. Указаніе это совершенно вѣрно, но при этомъ Конъ забываетъ, что безъ абстракцій мы вообще не можемъ шагу ступить въ наукѣ, и всѣ науки безъ исключенія построены на абстракціяхъ. Можно, пожалуй, мечтать о наукѣ, которая бы познала дѣйствительность во всей ея конкретности и индивидуальности, но это — интеллектуальная утопія. Дѣйствительность, подобно французской республикѣ, едина и нераздѣльна и для „идеальнаго, божественнаго“ ума должна была бы существовать лишь одна наука, но нашъ бѣдный человѣческій умъ не въ силахъ познать дѣйствительности въ ея единости и нераздѣльности и вотъ отдѣльныя науки подходятъ къ этой дѣйствительности съ отдѣльныхъ сторонъ и производятъ надъ нею мучительную вивесекцію; онѣ искусственно отвлекаютъ, абстрагируютъ ея отдѣльныя однородныя стороны и элементы, создаютъ изъ нихъ особый объектъ изученія и такимъ путемъ возводятъ зданія отдѣльныхъ наукъ. Такъ поступаетъ всякая наука и точно такъ же поступаетъ и объективная политическая экономія, и когда ей указываютъ, что ея абстракціи не совпадаютъ воишь съ конкретною дѣйствительностью, то она только можетъ напомнить слова Гегеля „Abstraktionen in Wirklichkeit gelten zu lassen, heisst die Wirklichkeit zerstören *).

*) „Миръ и жизнь,—прекрасно говорить Риль,—не могутъ цѣликомъ войти въ науку. Наслѣдственный грѣхъ метафизики всѣхъ временъ состоялъ въ томъ, что она принимала безусловное уравненіе между наукой и жизнью, что для

Въ своемъ стремленіи къ конкретности Конъ заходитъ такъ далеко, что находитъ недопустимымъ для „истинной“ политической экономіи пользоваться „среднимъ человѣкомъ“: политическая экономія должна-де считаться съ личностью, со всѣми ея капризами, слабостями и недостатками. Конъ при этомъ доказываетъ, что та личность, съ которою оперируетъ объективная политическая экономія, не соответствуетъ никакой конкретной дѣйствительности и есть лишь абстракція. Это опять-таки совершенно вѣрно, но до смѣшного наивно. Конъ въ данномъ случаѣ напоминаетъ того добродушнаго нѣмца, который такъ наивно негодовалъ на статистиковъ: статистики утверждаютъ, что якобы на каждого нѣмца приходится въ день четверть литра пива, тогда какъ онъ можетъ дать присягу, что онъ никогда столько пива не пилъ. Утвержденіе статистиковъ дѣйствительно не соответствуетъ конкретной личности, но что же имъ дѣлать, когда наука вообще не можетъ оперировать съ конкретною, не обезличенною личностью.

Однако, оставимъ въ сторонѣ методологическіе приемы д-ра Кона, — наивность и некритичность ихъ слишкомъ очевидны, чтобы ими стоило дольше заниматься. Перейдемъ къ самой догмѣ субъективистическаго направленія. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза безпомощное смѣшеніе вопроса объ мѣрѣннн величины цѣнности съ вопросомъ о происхожденіи понятія цѣнности, смѣшеніе, составляющее одну изъ характернѣйшихъ чертъ психологической школы. Возьмемъ примѣръ, приводимый самимъ Кономъ: въ магометанскихъ странахъ свинина не представляетъ никакого блага.

Предположимъ, что магометанская страна живетъ совершенно замкнутымъ натуральнымъ хозяйствомъ, тогда свинина, вслѣдствіе отсутствія въ ней потребительной цѣнности и отсутствія въ обществѣ мѣноваго хозяйства, не будетъ играть въ экономической жизни магометанской страны никакой роли, а стало быть и не мѣсто разсуждать о ней въ политической экономіи. Но положимъ далѣе, что въ магометанской странѣ развилось мѣновое хозяйство, положимъ, что магометанская страна завязала торговые сношенія съ христіанскою страной, и вотъ картина быстро мѣняется. Магометанинъ по-прежнему не употребляетъ свинины, и она для него не представляетъ никакой потребительной цѣнности, но христіане употребляютъ въ пищу свинину, и магометанинъ можетъ обмѣнять у нихъ свинину хотя бы на коранъ. Стало быть, съ измѣненіемъ общественной организаціи труда, съ замѣной натурального хозяйства мѣновымъ совершенно *измѣняется экономическая оцѣнка* магометаниномъ свинины, тогда какъ ея личная, *субъективная оцѣнка* остается тою же самою. Чѣмъ же опредѣлится цѣнность свинины? По теоріи психологической школы, она опредѣлится субъективною оцѣнкой этой свинины магометаниномъ, ея предѣльною для него полезностью. Но вѣдь для магометанина свинина субъективно не представляетъ никакой цѣнности, ея предѣльная полезность для него равна нулю, и если бы онъ поступалъ по теоріи австрійскихъ экономистовъ, то онъ бы отдалъ цѣлое стадо свиней за

нея всякое бытіе было познаннымъ бытіемъ, словомъ, что она считала за міръ. А. Риль, „Теорія науки и метафизики“, стр. 69.

однѣ коранъ. Но онъ поступаетъ гораздо благоразумнѣе. Онъ знаетъ, что для разведенія и прокормленія свиней онъ долженъ затратить извѣстную сумму труда, этотъ трудъ онъ можетъ затратить на изготовленіе любого товара, стало быть, онъ, отвлекаясь отъ случайной оболочки, въ которую облекается его трудъ, будетъ искать эквивалента своему труду, и на этой-то почвѣ полного абстрагирования отъ потребительной цѣнности и совершится актъ обмѣна свиньи на коранъ. Это небольшое разсужденіе, какъ мнѣ кажется, подрываетъ въ основѣ всю теорію предѣльной полезности.

У нѣкоторыхъ древнихъ народовъ мальчику къ 12 годамъ предлагали на выборъ яблоки и монету, превышающую цѣнность яблокъ; если мальчикъ выбиралъ монету, то его причисляли къ совершеннолѣтнимъ и полноправнымъ гражданамъ, если же онъ выбиралъ яблоки, то его оставляли еще подростки и набраться ума-разума. Такимъ образомъ, древніе народы отъ 12-лѣтняго мальчика уже требовали способности отвлечься отъ потребительной цѣнности и „настоятельности потребности“, а австрійскіе экономисты лишаютъ этой способности современныхъ капиталистовъ!

Интересно бы спросить у этихъ экономистовъ, какую „предѣльную полезность“ представляютъ, напр., для Круппа пушки или для аптекаря *oleum ricini*...

Психологическая теорія всецѣло исходитъ изъ предположенія существованія обмѣна между самостоятельными хозяевами, обладающими предметами потребленія въ количествѣ, превышающемъ потребность въ нихъ.

Въ „*Kapital und Arbeit*“ Лассаль еще въ 60 годахъ остроумнѣе осмѣялъ эту теорію. Онъ писалъ:

„Конечно, г. Борзигъ производитъ машины сперва для нужды своей собственной семьи, излишнія машины онъ затѣмъ продаетъ. Магазины, приготавлиющіе траурныя платья, работаютъ прежде всего на случай смерти кого-либо изъ членовъ ихъ семействъ. Но такъ какъ эти случаи бываютъ слишкомъ рѣдки, то остатки траурныхъ матерій они вымѣниваютъ. Господинъ Вольфъ, владѣлецъ здѣшняго телеграфнаго бюро, получаетъ телеграммы, главнымъ образомъ, для своего личнаго удовольствія и поученія. Телеграммы, остающіеся лишними послѣ того, какъ онъ ими достаточно наслаждался, онъ отдаетъ биржевымъ волкамъ и редакціямъ газетъ, которые въ обмѣнъ на это въ свою очередь снабжаютъ его своими излишними газетными корреспонденціями и акціями“.

Психологическая школа игнорируетъ роль социальныхъ учрежденій и оперируетъ съ атомизированными индивидами. Но изолированный человекъ немислилъ внѣ изолированнаго хозяйства, и поэтому они игнорируютъ капиталистически-мѣтновой характеръ современнаго хозяйственнаго строя. „Если бы люди, — справедливо говоритъ К. Шмидтъ, — были лишь потребителями, если бы блага сваливались съ неба, то тогда бы каждый производилъ оцѣнку своего состоянія дѣйствительно по теоріи предѣльной полезности“ *).

*) Ср. К. Schmidt, „Die psychologische Richtung in der neueren Nationalökonomie“. „Neue Zeit“, 1891—92, №№ 40 41.

Но въ дѣйствительности люди не только потребители, но и производители, и блага не съ неба сваливаются, а, вообще говоря, производятся трудомъ, и поэтому количество труда и получаетъ значеніе мотива оцѣнки. Современное капиталистическое хозяйство характеризуется именно тѣмъ, что, такъ сказать, главнокомандующая роль принадлежитъ въ немъ не потребленію, а производству; потребленіе имѣетъ въ немъ служебное значеніе; цѣль капитализма—возрастаніе капиталовъ, прибавочной цѣнности, а не удовлетвореніе потребностей *). Поэтому теорія настоятельности потребностей цѣликомъ примѣнима лишь къ одному періоду во всемірной исторіи,—это, когда древніе евреи путешествовали по пустынь Египетской, съ неба къ нимъ сыпалась манна небесная. Но, увы, это счастливое время прошло и не повторялось.

По справедливому замѣчанію К. Шмидта, теперь „предѣльная полезность можетъ служить лишь нормой, по которой субъектъ распредѣляетъ по статьямъ свои доходы“ **).

У насъ больше нѣтъ мѣста для разбора субъективной теоріи цѣнности. Въ заключеніе моего очерка я коснусь этой теоріи по поводу растущихъ попытокъ примирить ее съ объективной теоріей цѣнности К. Маркса. А теперь мы перейдемъ къ субъективной теоріи капитала, отражающей на себѣ всѣ сомнѣнія и недоумѣнія теоріи цѣнности. Свое классическое изложеніе психологическая теорія капитала получила въ талантливомъ и остроумномъ трудѣ Бемъ-Баверка „Geschichte und Kritik d. Kapital- und Kapitalszinstheorie“. 2 Bde. Это сочиненіе, первый томъ котораго появился пятнадцать лѣтъ тому назадъ, быстро обратило на себя всеобщее вниманіе, вызвавъ, однако, и строгую критику даже со стороны ученыхъ, ни душою, ни тѣломъ неповинныхъ въ марксистской „догмѣ“. Съ цѣлью разъясненія вызванныхъ недоразумѣній и отвѣта на критическія замѣчанія Бемъ-Баверкъ выпустилъ недавно новый трудъ „О нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ теоріи капитала“ ***).

Въ виду по преимуществу полемической цѣли этого сочиненія, оно можетъ быть понято и оцѣнено лишь послѣ предварительнаго ознакомленія съ капитальнымъ сочиненіемъ Бемъ-Баверка „Исторія и теорія капитала и процента на капиталъ“ и въ особенности со вторымъ томомъ этого сочиненія, посвященнымъ положительной теоріи капитала. Поэтому для нижеслѣдующаго изложенія теоріи капитала Бемъ-Баверка мы будемъ пользоваться этимъ его капитальнымъ сочиненіемъ, привлекая его новое сочиненіе лишь для разъясненія частныхъ вопросовъ.

Краеугольнымъ камнемъ всей теоріи дохода на капиталъ, развиваемой Бемъ-Баверкомъ, является мысль о относительномъ значеніи настоящаго и будущаго

*) Эта особенность современной экономической эволюціи прекрасно выяснена въ первой главѣ второго изд. книги Туганъ-Барановскаго „Промышленные кризисы“. Спб., 1900.

**) I. с. 4628.

***) См. „Einige streitige Fragen der Kapitalstheorie. Drei Abhandlungen von E. von Böhm-Bawerk“. Wien und Leipzig, 1890, 127 Ss. Preis 2,5 Mr.

въ народномъ хозяйствѣ, причѣмъ хозяйствующіе субъекты всегда склонны оцѣнивать болѣе высоко блага настоящаго и болѣе низко блага будущаго. „По общему правилу, — говоритъ Вебъ-Баверкъ, — блага настоящаго представляютъ большую субъективную цѣнность, чѣмъ блага будущаго, относящаяся къ тому же роду и взятая въ томъ же количествѣ“ *).

Это происходитъ по тремъ причинамъ:

1) Обыкновенно люди склонны оптимистичнѣе смотрѣть на будущее, чѣмъ на настоящее: въ будущемъ они обыкновенно надѣются добиться болѣе высокаго матеріальнаго положенія. Такіе люди естественно предпочтутъ получить извѣстное благо въ настоящемъ, чѣмъ въ будущемъ, когда они, быть можетъ, уже не будутъ такъ нуждаться въ немъ. Но если даже будущее грозитъ ухудшеніемъ положенія, то и тогда постараются заполучить благо въ настоящемъ и сохранить его на будущее, такъ какъ неизвѣстно, представится ли въ будущемъ еще разъ случай получить его.

2) Тутъ дѣйствуетъ извѣстный психологическій фактъ, въ силу котораго мы склонны будущія потребности оцѣнивать ниже, чѣмъ существующія въ данную минуту потребности. Это съ особенною рѣзкостью проявляется у дѣтей, дикарей, у расточительныхъ людей, но въ менѣе рѣзкой формѣ эта черта присуща всѣмъ. Причина—большая реальность благъ настоящаго въ сравненіи съ гадательными потребностями будущаго, отсутствіе выдержки и силы воли, сознаніе брѣнності нашего существованія и т. д.

3) „Какъ общее правило, блага настоящаго являются по техническимъ причинамъ болѣе совершеннымъ средствомъ удовлетворенія нашихъ потребностей и вслѣдствіе этого имѣютъ для насъ болѣе высокую предѣльную полезность, чѣмъ блага будущаго“ **). Таковъ основной мотивъ хозяйственной дѣятельности чело-вѣка: какое бы хозяйство мы ни взяли, въ немъ всегда блага настоящаго будутъ выше цѣниться, чѣмъ блага будущаго. Въ силу техническихъ условій благо, пущенное раньше въ процессъ производства, принесетъ въ данную минуту больше, чѣмъ благо, пущенное въ оборотъ позже. Въ силу этого мы всегда будемъ стараться заполучить благо возможно скорѣе, чтобы раньше пустить его въ оборотъ и чтобы къ опредѣленному сроку оно возможно дольше пробыло въ процессѣ производства. Отсюда средства производства, имѣющіяся въ настоящемъ, цѣнятся выше, чѣмъ будущія производства. Положимъ, что въ настоящее время мнѣ предлагаютъ столярный инструментъ, работая этимъ инструментомъ годъ, я къ концу этого срока покрою всю стоимость инструмента, все свое содержаніе и, быть можетъ, еще и деньгами припасу что-нибудь. Такимъ образомъ, обладаніе инструментомъ въ настоящемъ является источникомъ моего дальнѣйшаго благополучія, и не естественно ли, что инструментъ въ настоящемъ я цѣню выше, чѣмъ инструментъ въ будущемъ. Это въ одинаковой степени справедливо и по отношенію къ предметамъ потребления. Если я въ настоящее время достаточно обезпеченъ предметами потребления, то нужда не заставитъ меня выбирать менѣе длинные и

*) Ср. „Positive Theorie des Kapitals“, 1889, S. 261.

***) Ibid, S. 274.

вслѣдствіе этого мѣяѣ выгодные пути производства, тогда какъ достаточная обезпеченность предметами потребления въ настоящемъ позволяетъ мнѣ избрать наиболѣе длинныя, а потому и наиболѣе выгодныя пути производства. Возьмемъ для иллюстраціи сказаннаго примѣръ Рошера. Положимъ, что дикарь ловить рыбу прямо руками и такимъ примитивнымъ путемъ добываетъ въ день три рыбы. Располагая оны лодкой и сѣтью, онъ могъ бы легко наловить, вмѣсто трехъ, тридцать рыбъ. Но полная необезпеченность заставляетъ его жить изо дня въ день; поглощенный цѣлымъ днемъ заботой о существованіи, онъ не можетъ удѣлить времени для изготовленія лодки и сѣтей. Поэтому онъ съ радостью согласится, если кто-нибудь одолжитъ ему 90 рыбъ съ тѣмъ, чтобы онъ черезъ мѣсяцъ отдалъ 180 рыбъ. Эти 90 рыбъ дадутъ ему возможность цѣлымъ мѣсяцъ не заботиться о средствахъ существованія, въ теченіе этого мѣсяца онъ сдѣлаетъ себѣ лодку и сѣти, затѣмъ въ теченіе недѣли наловитъ 180 рыбъ, расплатится со своимъ кредиторомъ и обезпечитъ себѣ матеріальное положеніе въ будущемъ. Стало бытъ, для него 90 рыбъ въ настоящемъ дороже, чѣмъ 180 рыбъ въ будущемъ, и именно потому дороже, что оны дадутъ ему возможность болѣе производительно трудиться.

Отсюда уже становится яснымъ возникновеніе ссуднаго процента. Все дѣло здѣсь въ томъ, что заимодавецъ за свои блага настоящаго получаетъ блага будущаго: онъ ссужаетъ въ настоящемъ, а расплачиваются съ нимъ въ будущемъ. Въ виду этого и разумно, и справедливо, что заимодавецъ требуетъ, чтобы ему въ будущемъ возвратили больше, чѣмъ онъ даетъ въ настоящемъ. Но такъ какъ и для должника блага настоящаго болѣе цѣнны, чѣмъ блага будущаго, то и онъ легко согласится на эту сдѣлку. Такова психологическая причина существованія процента на капиталъ.

Основною причиною образованія предпринимательскаго дохода на капиталъ служитъ все та же психологическая черта хозяйствующихъ субъектовъ. Для процесса производства капиталисты покупаютъ, главнымъ образомъ, такіе предметы, которые сейчасъ не могутъ быть употреблены для удовлетворенія потребностей—сырье, машины, рабочія силы. Такія блага Бемъ-Баверкъ называетъ благами высшихъ порядковъ,—они въ то же время очевидно блага будущаго. Покупая эти блага будущаго за блага настоящаго, капиталисты отдаютъ больше, чѣмъ получаютъ. Средства производства, употребляемая капиталистомъ въ качествѣ благъ будущаго, въ настоящемъ цѣнятся ниже, чѣмъ будутъ въ будущемъ цѣниться произведенные ими продукты. Въ силу этого, цѣнность произведенныхъ капиталистомъ продуктовъ всегда будетъ превышать цѣнность издержекъ производства. Этотъ излишекъ и составляетъ доходъ на капиталъ, получаемый предпринимателемъ. Въ процессѣ производства блага будущаго (орудія производства), представляющія въ настоящемъ меньшую цѣнность, постепенно съ процессомъ изготовленія продуктовъ созрѣваютъ въ блага настоящаго и этия повышаютъ свою цѣнность. Таковъ источникъ предпринимательской прибыли.

На почвѣ этого же самаго явленія возникаетъ и рента, какъ чистый доходъ. По мнѣнію Бемъ-Баверка, Рикардо и другіе экономисты въ сущности говорили

лишь о поверхности явления, о рентѣ, какъ о *валовомъ* доходѣ, онъ же, Бемъ-Баверкъ, впервые пришелъ изслѣдовать явленія „съ самаго, самаго начала“, какъ выражается дяковъ въ разсказѣ Успенскаго, и объяснилъ возникновеніе чистой ренты. Рента относится къ разряду тѣхъ же доходовъ, какъ и доходъ отъ предметовъ, допускающихъ пользованіе ими много разъ. Цѣнность земельного участка, подобно, напр., цѣнности рояли, есть сумма всѣхъ потребительныхъ цѣнностей, которыя только можетъ принести земля.

Такъ какъ при этомъ безостановочно совершается процессъ превращенія блага будущаго въ благо настоящаго, то цѣнность эта постоянно возрастаетъ. Это и есть источникъ земельной ренты.

Бемъ-Баверкъ касается и заработной платы. Онъ справедливъ. Требованія рабочихъ получать полную цѣнность за продуктъ своего труда онъ признаетъ вполне справедливымъ. Но затѣмъ оказывается слѣдующее: всякій можетъ требовать, чтобы „за продаваемое имъ въ *настоящемъ* благо ему въ *настоящемъ* же уплачивали, за него полную цѣнность или чтобы за благо *будущаго* ему въ *будущемъ* же уплачивали полную цѣнность. Но зато никто не имѣетъ права требовать, чтобы ему въ *настоящемъ* платили полную цѣнность за благо, которое лишь въ будущемъ поступитъ въ продажу. Рабочіе продаютъ капиталистамъ свой трудъ, который лишь въ будущемъ дастъ цѣнный продуктъ, слѣдовательно, они отчуждаютъ капиталисту благо будущаго. А между тѣмъ вознаграждать ихъ за трудъ надо раньше, чѣмъ будетъ окончень производственный процессъ, т. е. въ *настоящемъ*. Итакъ, капиталистъ, получая отъ рабочихъ благо будущаго, платитъ имъ благомъ настоящаго, а такъ какъ блага настоящаго и будущаго не равноцѣнны и первыя выше вторыхъ, то, естественно, за одно и то же количество благъ будущаго, получаемыхъ отъ рабочихъ, капиталистъ по справедливости долженъ уплатить имъ меньшую сумму благъ настоящаго, какъ болѣе цѣнныхъ. Вслѣдствіе этого хотя рабочіе и не получаютъ полной цѣнности за будущій продуктъ своего труда, но при этомъ справедливость не нарушается, ибо отчуждаемое ими благо цѣлкомъ вознаграждается. Соціалисты же, требуя, чтобы за 1.000 флоринновъ будущаго рабочему давали 1.000 флоринновъ въ *настоящемъ*, нарушаютъ этимъ самую элементарную справедливость. И въ соціалистическомъ государствѣ не будетъ уничтоженъ процентъ на капиталъ. Рабочему понадобится одинъ день для посадки столѣтняго дуба. Стало быть, рабочій имѣетъ право требовать, чтобы ему за одинъ день труда выплатили всю цѣнность, которую принесетъ дубъ въ теченіе своего вѣкового существованія? Конечно, — говоритъ Бемъ-Баверкъ, — и въ соціалистическомъ государствѣ ему не уплатятъ всей этой цѣнности. Ею воспользуются другіе. А значить и тамъ будетъ существовать процентъ на капиталъ.

Прежде чѣмъ разбратъ теорію капитала Бемъ-Баверка, мы остановимся нѣсколько на тѣхъ поясненіяхъ и дополненіяхъ, которыя онъ дѣлаетъ въ своемъ новомъ трудѣ о „Нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ теоріи капитала“. Здѣсь прежде всего авторъ останавливается на разясненіи центрального пункта своей теоріи капитала—вліянія длины производственнаго процесса на цѣнность продукта.

Бемъ-Баверкъ разясняетъ свои опредѣленія „обходнаго пути въ производствѣ“

(„Produktionsumwege“). Объ „обходъ въ производствѣ“ надо говорить тогда, когда элементарныя силы производства, сотрудничеству которыхъ въ концѣ концовъ обязаны своимъ возникновеніемъ всѣ блага, — именно трудъ и силы природы, — служить не непосредственно для созданія потребительныхъ благъ, но сначала создаютъ „промежуточные продукты“ и съ помощью ихъ уже потребительныя блага, напр., когда для ловли морской рыбы сначала направляютъ свои усилія на созданіе лодокъ и сѣтей и лишь затѣмъ приступаютъ къ рыбной ловлѣ. Понятно, что этотъ обходный путь можетъ быть короче или длиннѣе, число посредствующихъ продуктовъ можетъ быть меньше и больше, и соответственно этому Бемъ-Баверкъ говоритъ „о длинѣ обхода въ производствѣ“.

При этомъ надо различать двоякую длину производственнаго процесса. Первую можно назвать „абсолютнымъ періодомъ производства“. Онъ обхватываетъ весь періодъ производства, начиная отъ малѣйшей затраты производительныхъ силъ для изготовленія потребительной цѣнности и заканчивая окончательнымъ изготовленіемъ продукта. Въ этомъ смыслѣ абсолютный періодъ производства сюртука, который я въ настоящее время ношу, начинается съ первыхъ попытокъ разработки рудника, доставившаго матеріалъ для какого-либо орудія, игравшаго роль при производствѣ сюртука. Очевидно, что такимъ образомъ высчитанный абсолютный періодъ производства долженъ считаться для каждаго теперь существующаго продукта столѣтіями, а то и тысячелѣтіями, и поэтому всѣ ощутимыя его удлинненія или сокращенія въ данное время имѣютъ ничтожное значеніе. При этомъ безразлично, распредѣлялись ли всѣ сдѣланныя затраты по всему этому періоду.

Но на длину производственнаго процесса можно взглянуть и съ нѣсколько иной точки зрѣнія. Въмѣсто того, чтобы обращать вниманіе на длину періода между первой и послѣдней затратой труда на производство даннаго блага, можно принять во вниманіе періодъ, который *въ среднемъ* протекаетъ между затратой всѣхъ производительныхъ силъ и полнымъ изготовленіемъ продукта. Согласно этой точкѣ зрѣнія, болѣе длинный путь производства присущъ тѣмъ предпріятіямъ, которыя *въ среднемъ позже вознаграждаютъ* сдѣланныя затраты производительныхъ силъ. Въ своей теоріи капитала Бемъ-Баверкъ постоянно имѣетъ въ виду это второе обстоятельство. Удлинненіе или сокращеніе пути производства нельзя измѣрять абсолютною длиною производства, отъ перваго до послѣдняго затраченнаго атома труда, иначе разбиваніе орѣховъ молотомъ, желѣзо котораго можетъ быть случайно взятымъ изъ рудниковъ, разработывавшихся еще древними римлянами, должно быть признано наикапиталистическимъ производствомъ, иначе изготовленіе мальчикомъ птицеловки для поимки птицъ было бы болѣе капиталистическимъ предпріятіемъ, чѣмъ трудъ рудокопа. Необходимо поэтому брать мѣриломъ не абсолютную длину пути, а среднюю продолжительность между началомъ примѣненія труда и силъ природы и полнымъ изготовленіемъ потребительнаго блага. „Лишь при такихъ способахъ производства, гдѣ затрата производительныхъ силъ равномерно распредѣлена по всему періоду производства, абсолютная длина производственнаго процесса служитъ въ то же время подходящимъ масштабомъ для измѣренія степени развитія капитализма“ ⁴⁾.

⁴⁾ Ibid. S. 96.

Подъ большею доходностью болѣе продолжительныхъ путей производства Бемъ-Баверкъ понимаетъ ихъ болѣшую *техническую* доходность въ томъ смыслѣ, что при равной затратѣ производительныхъ силъ болѣе длинный процессъ производства, вообще говоря, приноситъ большее число продуктовъ. Совѣсть иной вопросъ, представляетъ ли это болѣшую *экономическую* доходность, выражающуюся въ болѣшемъ превышеніи цѣнности продукта надъ цѣнностью издержекъ его производства пли болѣшей прибыли.

При этомъ Бемъ-Баверкъ не утверждаетъ, что техническій прогрессъ можетъ совершаться *только* путемъ удлиненія процесса производства, и только это удлиненіе можетъ повысить прибыль. Наоборотъ, въкоторыя, правда, исключительныя изобрѣтенія ведутъ зачастую къ сокращенію длины производства.

Ученіе о производительности капитала доказываетъ справедливость сказаннаго, сущность его сводится къ тому, что трудъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ болѣе употребляетъ капиталистъ вспомогательныхъ орудій. Это не подлежитъ спору. Вопросъ только въ томъ, можно ли отождествлять производство съ болѣшими капиталами съ болѣе длиннымъ путемъ производства.

Очевидно, что да. Что такое въ сущности „капиталъ“? Грубо опредѣляя, это-уже „совершенный трудъ“, затраченныя уже силы производства, которыя могутъ быть не только трудомъ, но и силой природы, свойствомъ почвы. Маленькій капиталъ воплощаетъ въ себѣ меньше, а большой—болѣе затраченнаго труда.

Потребительныя блага, производимыя и потребляемыя народомъ въ теченіе даннаго года, возникаютъ въ результатъ коопераціи прежняго труда, существующаго въ формѣ капитала, съ новымъ трудомъ, приложеннымъ въ данномъ году. Напр., платье, потребляемое даннымъ народомъ въ теченіе текущаго года, возникаетъ, какъ результатъ коопераціи портныхъ и прядильщиковъ, работавшихъ въ текущемъ году, съ одной стороны, и прежнимъ трудомъ крестьянъ, ткачей, прядильщиковъ, углекоповъ, машиностроителей и т. д., вложенныхъ въ уже существующее сукно, пряжу, шерсть, инструменты, уголь и т. д. Ясно, что если съ одного опредѣленнаго пункта каждый часъ отходятъ гонцы къ опредѣленному мѣсту, то число гонцовъ, находящихся въ данное время въ пути, служитъ точнымъ выраженіемъ длины пути между исходною точкою и цѣлью. Если въ одно и то же время въ пути находятся, напр., 6 гонцовъ, то очевидно, что дорога отнимаетъ не болѣе 6 часовъ, тогда какъ, если бы прохожденіе пути требовало 20 часовъ, то первый гонецъ достигъ бы цѣли лишь въ тотъ моментъ, когда 21 отбылъ. Точно такъ же и народное хозяйство ежедневно отправляетъ на работу одинъ національный рабочій день или, беря болѣшую единицу, ежемѣсячно отправляетъ одинъ рабочій мѣсяцъ для производства потребительныхъ благъ. Сумма функционирующихъ въ данный моментъ капиталовъ показываетъ, сколько подобныхъ трудовыхъ мѣсяцевъ находятся „въ пути“, т. е. еще въ формѣ труда, не завершившаго своей процессъ преобразования въ продуктъ. Если, напр., при капиталѣ въ 50 флоринновъ на голову населенія „въ пути“ находится не болѣе, какъ два мѣсяца труда, то это безъ сомнѣнія указываетъ на болѣе короткую среднюю продолжительность всего процесса производства, чѣмъ если бы при

въ десять или сто разъ большей величинѣ капитала функционировало 20 и 200 трудовых мѣсяцевъ, еще не окристаллизовавшихся въ продукты. Это и доказываетъ связь теоріи производительности капитала съ теоріей большей выгоды длинныхъ путей производства.

На это могутъ возразить, и дѣйствительно возражаютъ (Лексисъ), что на самомъ дѣлѣ тенденція технического прогресса и притомъ во все растущей степени выражается въ уменьшеніи числа рабочихъ, приходящихся на равную единицу капитала, причемъ постоянно сокращается длина производственного процесса.

Но это возраженіе основано на недоразумѣніи. Что означаетъ число рабочихъ, занятыхъ единицей капитала? Означаетъ оно, очевидно, что доля капитала, приходящаяся на одного рабочаго возрастаетъ. А это въ свою очередь означаетъ, что отношеніе мертваго труда къ функционирующему передвинулось въ пользу перваго, что, слѣдовательно, на каждого рабочаго, трудящагося въ текущемъ производствѣ, приходится большее число рабочихъ, трудившихся въ прошломъ, или одинаковое число рабочихъ, но трудившихся болѣе долгое время, словомъ, что средняя длина производительнаго процесса увеличилась. Портной, конечно, съ помощью машины сошьетъ скюртку быстрѣе, чѣмъ простою иглой, но не надо забывать, что на изготовленіе машины было затрачено несравненно болѣе труда, чѣмъ на изготовленіе иглы, и въ общемъ, значить, процессъ изготовленія скюртки удлинился.

Характерною чертою своей теоріи капитала Бемъ-Баверкъ признаетъ то, что она рассматриваетъ процессъ производства, направленный на созданіе потребительныхъ благъ, какъ единое цѣлое, лишь внѣшне распадающееся на самостоятельные части. Періодъ производства по этой теоріи охватываетъ всѣ взаимодѣйствующія производительныя дѣятельности, законъ процента выводитъ высоту процента на капиталъ изъ тѣхъ увеличеній всего количества продукта, которое является результатомъ удлиненія процесса производства. Совершается все это не сознательно, а автоматически.

Затѣмъ Бемъ-Баверкъ снова противопоставляетъ благо настоящаго и благо будущаго.

При всѣхъ способахъ производства предприниматель долженъ дѣлать въ настоящемъ затраты, которыя окупятся лишь въ будущемъ. Если въ данномъ хозяйствѣ установилось, положимъ, 5% агіо въ пользу благъ настоящаго, то нашъ предприниматель долженъ будетъ считаться съ этимъ агіо; это значить, что онъ лишь постольку расширитъ производство соответствующихъ продуктовъ, поскольку рыночная цѣна покроетъ ему затраченный капиталъ съ 5% *pro rata temporis*. Паденіе рыночныхъ цѣнъ до уровня, содержащаго лишь вознагражденіе за затраченный капиталъ безъ процентовъ, задерживается тѣмъ, что, въ силу соціальной переоцѣнки благъ настоящаго въ сравненіи съ благами будущаго, простое возвращеніе въ будущемъ той суммы, которая была затрачена въ настоящемъ, не можетъ считаться достаточнымъ эквивалентомъ. Эта соціальная переоцѣнка благъ настоящаго есть равнодѣйствующая того, что общій спросъ на

блага настоящего превѣшиваетъ предложеніе этихъ благъ, а среди факторовъ спроса самымъ могучимъ оказывается тотъ, который опирается на вѣчно насущную потребность путемъ удлиненія пути производства добиться большей продуктивности труда.

Такова теорія капитала и дохода на капиталъ, развиваемая Бемъ-Баверкомъ.

Основной ея недостатокъ заключается въ томъ же, въ чемъ Ахиллеса пята всей психологической школы, — въ ея надисторичности, въ ея игнорированіи общественно-историческаго характера экономическихъ категорій, въ ея несознаніи, что „рѣка время въ своемъ теченіи“ производитъ переоцѣнку всѣхъ цѣнностей, въ томъ числѣ и экономическихъ цѣнностей.

Капиталъ появляется лишь тогда, когда въ процессъ товарообращенія, этого кровообращенія капиталистическаго организма, вовлекается новый товаръ — рабочая сила. При простомъ товарномъ производствѣ процессъ обращенія продуктовъ выражается въ формулѣ Т—Д—Т. Товаръ, не имѣющій для владельца потребительной цѣнности, обмѣнивается на товаръ, имѣющій для него потребительную цѣнность, причемъ посредникомъ обмѣна служатъ деньги. При сложномъ же товарномъ производствѣ за деньги покупаютъ товаръ, который снова приноситъ деньги въ увеличенномъ размѣрѣ. Формула получаетъ видъ Д—Т—Д'. Различіе между двумя крайними членами этой формулы обязано своимъ возникновениемъ особому свойству новаго товара—рабочей силы, который при ея потребленіи создаетъ новыя цѣнности. Такимъ образомъ, категория капитала могла появиться лишь на исторической почвѣ отдѣленія орудій производства отъ рабочаго, и, соотвѣтственно этому, функція капитала заключается въ прибавочной цѣнности.

Эта историческая обусловленность капитала совершенно упускается изъ виду Бемъ-Баверкомъ. И это понятно. Вѣдь онъ ставитъ полученіе процента въ зависимость отъ формы нашего мышленія—категоріи времени. А такъ какъ человѣкъ всегда существуетъ во времени, и такъ какъ благодаря этому всегда существуетъ различіе между настоящимъ и будущимъ, то естественно, что и процентъ на капиталъ и самъ капиталъ существовалъ съ сотворенія міра или, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ вкусилъ отъ древа познанія. При этомъ Адамъ, если быть послѣдовательнымъ, долженъ быть признанъ Бемъ-Баверкомъ первымъ капиталистомъ: для него вѣдь тоже существовала категория времени и затѣмъ „настоятельность потребности“, приведшая къ грѣхопадению. Затѣмъ, съ точки зрѣнія Бемъ-Баверка, Исаавъ оказывается весьма разсудительнымъ экономистомъ: когда онъ продалъ Якову за чечевичную похлебку свои будущія права, то онъ поступилъ вполне основательно,— вѣдь онъ благо настоящего продалъ за благо будущаго, а такъ какъ блага настоящего цѣнятся выше благъ будущаго, то естественно и вполне справедливо, что Яковъ потребовалъ „проценты“ — право первенства. Ужъ не былъ ли Исаавъ родоначальникомъ психологической школы?

Удивительно ли послѣ всего сказаннаго, что Бемъ-Баверкъ приходитъ къ заключенію, что „даже въ одинокомъ хозяйствѣ Робинзона по необходимости должно было быть явленіе процента. Вѣдь и у него происходило возрастаніе цѣнности

благъ, предназначенныхъ служить будущему“ *). А такъ какъ, дагѣ, и „въ социалистическомъ государствѣ время не будетъ стоять неподвижно, то и здѣсь блага будущаго будутъ постепенно созрѣвать въ блага настоящаго, то въ результатѣ они дадутъ прибавочную цѣнность **).

Теорія прибыли Вемъ-Баверка опирается еще на грубую ошибку смѣшенія капитала, какъ фактора производства, съ капиталнствомъ, его юридическимъ владельцемъ. Вемъ-Баверкъ пытается вывести прибыль изъ большей производительности болѣе длинныхъ путей производства. Какъ ни остроумны всѣ его разсужденія, они однако, цѣликомъ построены на элементарной ошибкѣ. Прибыль есть *категорія распределения, а не производства*, а этого совершенно не сознаетъ Вемъ-Баверкъ.

Я изложилъ субъективную теорію цѣнности и капитала и сдѣлалъ ея усиленную критику. При этомъ не разъ представлялся случай противопоставить ее строго объективной теоріи К. Маркса. По всему духу и методу оба эти ученія диаметрально противоположны, противоположны притомъ не только въ области „чистаго разума“, но еще болѣе въ области „практическаго разума“. Въ теоріи Вемъ-Баверка слишкомъ осязательно чувствуется своего рода приматъ пракческаго разума надъ теоретическимъ. Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Теоретическая социальная экономія“ проф. Дитцель, ничуть неповинный въ социализмъ, замѣчаетъ, что теорія Вемъ-Баверка обязана своимъ возникновеніемъ „не разуму, а волѣ“, что она стремится „использовать ученіе о цѣнности съ социально-политическою цѣлью“ ***).

Въ виду этого понятно, что между представителями обѣихъ этихъ теорій,— теоріей предѣльной пользы и теоріей трудовой цѣнности,— существовали до самаго послѣдняго времени враждебныя отношенія, полное сознаніе невозможности примиренія. Но за самое послѣднее время это измѣнилось: появились и растутъ попытки, исходящія изъ лагеря марксистовъ, примирить, эти два ученія, какъ отдѣльныя стороны одного и того же явленія.

Первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана Э. Бернштейномъ въ его извѣстной книгѣ „Vorassetzuntg etc“. Но здѣсь Бернштейнъ поступилъ какъ чистѣйшій эклектикъ, что признаетъ и г. Струве въ своемъ интересномъ разборѣ книгъ Каутскаго и Бернштейна ****).

Все разсужденіе Бернштейна сводится къ тому, что школа Вемъ-Баверка и Джевонса имѣетъ такое же право отвлекаться отъ всѣхъ свойствъ товара, кромѣ его полезности, какъ школа Маркса отъ всѣхъ свойствъ товара, кромѣ его свойства, какъ воплощенія абстрактнаго труда. Обѣ эти теоріи одинаково построены на абстракціяхъ и одинаково поэтому законны.

Но вѣдь есть абстракція, и абстракція, и изъ того, что абстракція вообще

*) „Positive Theorie“. S. 398.

**) Ibid, S. 390.

***) Prof. Dietzel, „Theoretische Socialökonomik“. Leipzig. 1895, S. 211.

****) Cp. Braun's „Archiv für Sociale Gesetzgebung und Statistik“. 1899, № 5 - 6, SS. 727--731.

законна и неизбежна въ наукѣ, еще не слѣдуетъ, что всякая абстракція законна. Если я въ геометріи буду отвлекаться отъ протяженности тѣла, отъ пространствъ, то это тоже будетъ абстракція, но которая уничтожить все существованіе геометріи, какъ особой науки. Штаудингеръ, этикъ-философъ, весьма сочувствующій взглядамъ Бернштейна, пишетъ объ этихъ разсужденіяхъ Бернштейна: „Бернштейнъ говоритъ о теоріи цѣнности, какъ человекъ, никогда не слыхавшій, чтъ такое научная теорія... Его научный пріемъ заслуживаетъ самаго глубокаго порицанія. Конечно, по отношенію къ паровой машинѣ мы можемъ абстрагироваться отъ всѣхъ ея свойствъ, кромѣ пара, но если кто-нибудь станетъ объяснять намъ эту машину лишь свойствами пара, то мы не станемъ его долго слушать. Разница здѣсь въ томъ, что выведеніе теоріи цѣнности изъ полезности точно такъ же, какъ и выведеніе этики изъ чувствъ, ненаучно и не даетъ никакого объясненія теоріи же цѣнности, выведенная Марксомъ, научна, такъ какъ она ищетъ основы объясненія въ объективныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Прогрессъ въ этомъ направленіи долженъ заключаться въ болѣе глубокомъ анализѣ, въ выработкѣ послѣдовательнаго единства взглядовъ; общими же мѣстами, ставящими на-ряду съ научными теоріями совершенно лишненныя научности объясненія, только повредишь дѣлу“ *).

Болѣе самостоятельно разобралъ этотъ вопросъ Бернштейнъ въ своей позднѣйшей статьѣ „Трудовая цѣнность или теорія пользы?“ Онъ пишетъ здѣсь: „Экономическая цѣнность носить двойственный характеръ: она содержитъ въ себѣ моментъ полезности (потребительная цѣнность, спросъ) и моментъ издержекъ производства (трудовая цѣнность). Какой изъ этихъ моментовъ обуславливаетъ величину цѣнности? Безъ всякаго сомнѣнія—оба. Это признаетъ и Марксъ въ безчисленномъ числѣ мѣстъ: въ его понятіи общественно-необходимаго труда въ очень сильной степени присутствуетъ элементъ потребности“ **).

Къ тому же, въ общемъ, заключенію приходитъ и г. Туганъ-Барановскій. Въ своей статьѣ „Трудовая цѣнность и прибыль“ онъ приходитъ къ тому заключенію, что теоріи Маркса и психологической школы другъ друга „не только не исключаютъ, но стоятъ рѣшительно на одной и той же почвѣ“. „Чѣмъ отличается пониманіе реальныхъ факторовъ цѣны Маркса отъ такового же пониманія Вебъ-Баверка? *Безусловно ничѣмъ*. Марксъ совершенно въ такой же мѣрѣ признаетъ влияніе на цѣны спроса и предложенія, какъ и Вебъ-Баверкъ, а Вебъ-Баверкъ въ такой же мѣрѣ, какъ и Марксъ, признаетъ влияніе на среднія цѣны издержекъ производства.

„Марксъ и Вебъ-Баверкъ обращаютъ главное вниманіе на различныя стороны одного и того же процесса. Теорія Маркса особенно подчеркиваетъ *объективные* моменты цѣны, теорія предѣльной полезности — *субъективные* моменты. Но

*) Staudinger, „Ethik und Politik“. Berlin, 1899, S. 155. Ср. нашу рецензію на эту книгу: „Жизнь“, 1900, сент.

***) E. Bernstein, „Arbeitswerth oder Nutzwert“, „Neue Zeit“, 1898-99, № 44, S. 549.

подобно тому, какъ психологическое наблюденіе, въ пзвѣстномъ смыслѣ противоположное фізіологическому, отнюдь не противорѣчатъ послѣднему, а лишь дополняютъ его, точно такъ же теорія предѣльной полезности дополняетъ теорію Маркса, а не противорѣчатъ ей“.

Но наиболѣе глубоко и интересно разобрался въ этомъ вопросѣ г. Струве въ своей уже цитированной нами рецензій въ „Архивѣ“ Брауна. По мнѣнію г. Струве, теорія Маркса лишь мнимо объективна. Ея объективность не поддается констатированію и при ближайшемъ анализѣ распадается на рядъ субъективныхъ моментовъ. Не существуетъ субстанціи цѣнности, количество которой поддавалось бы точному сравненію и исчисленію. Цѣнности лишь постолько можетъ быть приписана объективность, поскольку объективациі оцѣнки въ общественной оцѣнкѣ товаровъ, т. е. въ явленіяхъ цѣны противопоставляютъ субъективные сужденія о цѣнности. Но здѣсь объективное въ послѣдней инстанціи вытекаетъ изъ субъективнаго, изъ котораго и должна быть выведена.

Политическая экономія должна исходить изъ понятія субъективной цѣнности и изслѣдовать ея объективныя формы, она должна поэтому дать субъективную теорію издержекъ производства. Что при этомъ она должна опираться на ученіе австрійской школы и соединить оба эти ученія безъ всякаго противорѣчія въ одно стройное цѣлое, это доказывалось какъ теоретиками предѣльной полезности, такъ и теоріей ихъ выдающагося противника Дитцеля и въ не меньшей степени сочиненіемъ англійскаго экономиста Маршалля. Поскольку Марксъ, такимъ образомъ, выступаетъ, какъ сторонникъ теорій издержекъ производства—а онъ это дѣлаетъ въ III. т. „Капитала“—постолько его теорія цѣнности въ общиѣ можетъ быть вполне примирима съ теоріей предѣльной полезности.

Мы не станемъ долѣе останавливаться на аргументаціи г. Струве, тѣмъ болѣе, что развиваемыя имъ далѣе мысли были имъ же уже изложены на страницахъ „Жизни“.

Итакъ, примирима ли теорія Маркса съ теоріей психологической экономіи? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, надо еще разобраться въ предварительномъ вопросѣ: что понимать подъ словомъ „примиреніе“? Реньо показалъ, что у всѣхъ газовъ замѣчается отклоненіе отъ закона Бойля-Мариотта. Законъ этотъ оказался съ ничтожною ошибкою примѣнимымъ въ небольшихъ предѣлахъ давленія и, вообще говоря, примѣнимымъ лишь къ идеальнымъ газамъ. Поправка Реньо нисколько не нарушила основного принципа закона Бойля-Мариотта: она имѣла болѣе фактической характеръ, а потому оказалась вполне примиримой съ исправляемымъ ею закономъ. Въ этомъ только смыслъ можно, по-моему, говорить о примиреніи теоріи трудовой цѣнности съ теоріей предѣльной пользы. Теорія предѣльной полезности есть лишь своего рода „поправка“ къ абстрактной теоріи Маркса. Она призвана объяснить колебанія и уклоненія отъ закона трудовой цѣнности, отклоненіе цѣнъ отъ цѣнностей, дать ихъ психологическую мотивацію и т. д. Но, къ сожалѣнію, и Бернштейнъ, и г. Струве и Туганъ-Барановскій говорятъ не о такомъ примиреніи. Они хотятъ сохранить психологическую теорію во всей ея цѣлости, съ ея методологическими приѣмами. Въ этомъ смыслѣ

психологическая теорія совершенно непримирима съ марксизмомъ, и примиреніе ихъ можетъ быть достигнуто только путемъ отказа отъ *differentia specifica* одной изъ теорій.

И читатели „Жизни“ изъ статей гг. Васильева и Нежданова уже знаютъ что гг. Струве и Туганъ-Барановскій ради этого примиренія должны были отказаться отъ многихъ важнѣйшихъ положеній марксизма и пойти на выучку къ вульгарной политической экономіи.

Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ Маркса, какъ мы уже говорили выше, есть разоблаченіе фетишизма классической школы. Психологическая школа пошла въ этомъ отношеніи еще дальше Маркса и впала въ противоположную классикамъ крайность. Но вѣдь не даромъ говорятъ, что крайности сходятся, и мы дѣйствительно видимъ, что сама психологическая школа далеко не чужда фетишизма. Бемъ-Баверкъ совершенно отождествляетъ объективныя свойства вещей (питательную, тепловую и т. п.) съ мѣною цѣнностью! Это чистѣйшій фетишизмъ, такъ какъ мѣновая цѣнность—не свойство вещей, а выраженіе общественныхъ отношеній въ процессѣ производства. И вотъ г. Струве принужденъ былъ, занявшись примирительною цѣлью, признать фетишизмъ. „По сколькоу научный анализъ,—говоритъ онъ,—ограничивается, сознательно или бессознательно, хозяйственнымъ общеніемъ, фетишистская точка зрѣнія и методологически оказывается единственно правильной *). Стремленіе примирить непримиримое должно было по необходимости дать такой результатъ.

„Das erste steht uns frei,
Beim zweite sind wir Knechte!“

Невольно вспоминается замѣчаніе, сдѣланное уже въ нѣмецкой печати по адресу Бернштейна:

„Въ эпоху ренессанса было много ученыхъ поклонниковъ античнаго міра, старавшихся доказать, что извѣстные философы древности были уже въ сущности христианами. Но на самомъ дѣлѣ, постепенно втянувшись въ древній міръ, эти ученые лишь доказали, что они сами усвоили себѣ незамѣтно языческія воззрѣнія“.

То же самое случилось и съ г. Струве. Поставивъ себѣ цѣлью примирить марксизмъ съ вульгарною политической экономіей, онъ незамѣтно втянулся въ кругъ идей этой теоріи.

Примирить экономическое ученіе Маркса съ экономическимъ ученіемъ Бемъ-Баверка, по-моему, такъ же немислимо, какъ примирить историческую философію Маркса съ историческою философіей Карлейля. И поэтому остается во всей своей силѣ мастерское противопоставленіе объективизма и субъективизма въ политической экономіи, сдѣланное Верверомъ Зомбартомъ:

„Экономическая система Маркса характеризуется *крайнимъ объективизмомъ*. Здѣсь, въ системѣ Маркса, проходитъ теченіе, исходящее отъ Кнѣз и протекающее

*) П. Струве, „Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ положеній политической экономіи“. „Жизнь“ 1900, № VI, стр. 264.

далее через Рикардо къ Родбертусу: строго объективный методъ изслѣдованія хозяйственной жизни, который изъ ведущаго хозяйства общества снова возвращается къ нему (формально), который старается вскрыть общественныя связи, обуславливающія (матерьяльно) въ послѣдней инстанціи частныя хозяйства и экономическія явленія.

„Противоположнымъ является *субъективное* направленіе, которое пытается явленія экономической жизни въ послѣднемъ анализѣ объяснить изъ психики хозяйствующихъ субъектовъ и переносить законосообразность экономической жизни въ психическую мотивацию. Естественной исходной точкой у него является отдѣльный человекъ, удовлетворяющій свои потребности или обмѣнивающій блага“.

„У Маркса нигдѣ не идетъ рѣчь о мотивации, но всегда объ ограниченіи индивидуальнаго произвола хозяйствующихъ субъектовъ“, у субъективистовъ же „повсюду „мотивация“ (индивидуальныхъ) экономическихъ дѣйствій (правильнѣе было бы сказать чувствъ. П. Б.) ставится центромъ системы“ *).

Такова неустранимая противоположность между объективизмомъ и субъективизмомъ въ политической экономіи. Это не мѣшаетъ, конечно, возможности извѣстнаго воздѣйствія субъективной теоріи на объективную и, подъ этимъ вліяніемъ, поправокъ къ послѣдней. Объективная теорія Маркса не можетъ быть признана вполне разработанной и законченной,—ея сторонникамъ еще много предстоитъ критической работы. Этого никогда не отрицали и „ортодоксальные“ марксисты: никто изъ нихъ и никогда не приглашалъ заснуть на точкѣ зрѣнія Маркса. Нѣтъ, но необходимо развивать ее въ духѣ и направленіи Маркса. Закрывать лаза на всю не-марксистскую литературу по меньшей мѣрѣ неосновательно,—надо пристально слѣдить за ея развитіемъ. Но знать точку зрѣнія и раздѣлять ее—это двѣ вещи различныя. Идеаломъ современнаго развитога человека является: по возможности знать всѣ точки зрѣнія и непремѣнно придерживаться только одной, ясной, непоколебимой. Только это двойное условіе можетъ гарантировать отъ того печальнаго и, къ сожалѣнію, не рѣдкаго у насъ на Руси явленія, что человекъ, додумавшись и дострадавшись до извѣстной точки зрѣнія, „махнувши рукою, въ обратный пускается путь“.

П. Берлинъ.

*) Ср. В. Зомбартъ, „Къ критикѣ экономической системы К. Маркса“. Переводъ съ нѣм. П. Берлина. „Научное Обозрѣніе“ 1898 г. № II, III.

БОППЪ И ШЛЕЙХЕРЪ.

(Эпизодъ изъ исторіи науки о языкѣ).

Въ основу этого этюда, относящагося къ исторіи научнаго языкознанія, положена мысль, которая, мнѣ кажется, должна бы выдержать искусь, если ее провѣрить на исторіи другихъ наукъ. Она формулируется такъ: когда основывается новая область знанія, когда открывается новое поприще научныхъ изслѣдованій, то въ этой области научное мышленіе волей-неволей пройдетъ, въ сокращенномъ видѣ, „въ ракурсъ“, и съ извѣстными измѣненіями, тѣ фазисы, которые прошелъ разумъ человѣческій въ теченіе вѣковъ отъ временъ мнѳологической мысли. Я нахожу рѣшительное подтвержденіе этого тезиса въ первоначальной—творческой—эпохѣ новаго языкознанія, эпохѣ, открытіе которой связано съ великимъ именемъ *Франца Боппа*, а завершеніе—съ славнымъ именемъ *Августа Шлейхера*, первостепеннаго ученаго, лингвиста-филолога съ умомъ и научными стремленіями натуралиста.

Въ исторіи наукъ нужно различать эпоху первоначальнаго творчества, когда впервые устанавливаются основныя понятія данной группы явленій и дѣлаются первыя открытія, предварительныя обобщенія, и—послѣдующее время, уходящее въ безконечность и характеризующееся прежде всего тѣмъ, что ученая мысль уже освободилась отъ внутренней необходимости переживанія давноминувшихъ фазисовъ и, уяснивъ себѣ свои собственные пути, идетъ дальше вмѣстѣ съ общимъ ходомъ научнаго и философскаго мышленія. Всякой вновь возникающей наукѣ приходится сперва догонять другія, раньше установившіяся, прежде чѣмъ она войдетъ въ обиходъ современнаго мышленія вообще.

Вотъ именно эта работа и заполняетъ собою тотъ періодъ, который я только что назвалъ періодомъ первоначальнаго творчества. Его можно назвать также *эмбриональнымъ*, а психологи-

ческий законъ мышления, тутъ дѣйствующій (прохождение первоначальныхъ фазисовъ), можно разсматривать, какъ частный случай болѣе общаго психологическаго закона, который, въ свою очередь, является въ области психики коррелятивомъ извѣстнаго біогенетическаго закона въ біологіи.

I.

Основаніе научной лингвистики справедливо приурочивается къ 1816 году, когда во Франкфуртѣ-на-Майнѣ была издана небольшая книжка, озаглавленная такъ: Franz Bopp, „Ueber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache“ („Францъ Боппъ, „О системѣ спряженія санскритскаго языка сравнительно съ системою спряженія греческаго, латинскаго, персидскаго и германскаго“). Издателемъ этой книги былъ извѣстный въ то время историкъ-философъ *Виндишманнъ*, а ея авторомъ былъ ученикъ Виндишманна, *Францъ Боппъ*, молодой человекъ. 25-ти лѣтъ, изучавшій тогда санскритъ и другіе восточные языки въ Парижѣ *).

Трактату Боппа издатель предпослалъ большое предисловіе, гдѣ онъ между прочимъ даетъ читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ авторѣ трактата. Мы узнаемъ, что Боппъ еще на школьной скамьѣ посвящалъ себя изученію языковъ, лелѣялъ мечту „на этомъ пути проникнуть въ тайну духа человѣческаго и раскрыть кое-что изъ его природы и закона“. Въ этихъ словахъ передъ нами мелькаетъ тѣнь великой идеи, которую мы тщетно будемъ искать какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующихъ трудахъ Боппа: это именно господствующее въ настоящее время и единственно раціональное *психологическое* воззрѣніе на языкъ,— пониманіе природы языка, какъ явленія психическаго. Впервые это воззрѣніе было провозглашено и въ извѣстной мѣрѣ разработано въ 30-хъ годахъ *Вильгельмомъ Гумбольдтомъ*, идеи котораго были результатомъ гениальной интуиціи. Онъ предвосхитилъ истинное воззрѣніе на языкъ и его природу. II.

* *Виндишманнъ* (1775—1839), профессоръ въ Боннѣ, авторъ книги: „Die Philosophie im Fortgange der Weltgeschichte“, былъ выдающійся ученый и мыслитель съ замѣтной мистической закваской. — *Боппъ* родился въ Майнцѣ 14 сентября 1791 г., умеръ въ Берлинѣ въ 1867 г. Полная біографія его съ подробнымъ изложеніемъ его ученой дѣятельности составлена *Лэфманномъ* (*S. Lefmann*, „Franz Bopp, sein Leben und seine Wissenschaft“, 1891—1897), съ приложеніемъ обширной переписки Боппа.

подобно тому, какъ въ научной практикѣ языковѣдѣнія, т. е. въ историческомъ ходѣ изслѣдованій, идеи Гумбольдта должны были остаться безъ приложенія въ теченіе всего творческаго періода, такъ точно и призракъ аналогическаго воззрѣнія, явившійся Боппу въ юности, только мелькнулъ и исчезъ, чтобы больше не появляться въ его ученой дѣятельности и не мѣшать ея *нормальному* ходу въ направленіи и въ духѣ переживанія архаическихъ формъ мысли, къ числу которыхъ отнюдь не принадлежала психологическая концепція языка.

Вполнѣ въ духѣ этого переживанія была другая, не психологическая, а *натуралистическая* концепція языка, къ которой Боппъ и обращается совершенно произвольно, самъ не вѣдая, что творить, и благодаря которой онъ и совершаетъ всѣ свои крупныя открытія, положившія прочное начало новой наукѣ. Этотъ любопытный фактъ научныхъ завоеваній подъ верховенствомъ ложной идеи мы наблюдаемъ собственно не въ первомъ, вышеупомянутомъ трактатѣ Боппа *), а въ его главномъ трудѣ, въ знаменитой „Сравнительной грамматикѣ“.

Въ теченіе 20-хъ годовъ Боппъ, занявшій въ 1822 г. кафедру въ берлинскомъ университетѣ (по рекомендаціи В. Гумбольдта), готовится къ своему капитальному труду, дѣлу жизни, собирая матеріалъ, расширяя свою лингвистическую эрудицію, углубляясь въ анализъ грамматическаго строя изучаемыхъ языковъ. Ближайшимъ результатомъ этихъ подготовительныхъ работъ былъ рядъ докладовъ въ берлинской академіи наукъ подъ общимъ заглавіемъ „Vergleichende Zergliederung des Sanskrit und der mit ihm verwandten Sprachen“ („Сравнительное расчлененіе санскрита и родственныхъ ему языковъ“), куда вошли этюды о корняхъ, о мѣстоименіяхъ указательныхъ и происхожденіи отъ нихъ падежныхъ окончаній и др. Въ 1827 г. Боппъ помѣщаетъ въ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“ замѣчательную рецензію на „Deutsche Grammatik“ („Нѣмецкую грамматику“) Якова Гримма, и здѣсь-то впервые отчетливо выступаетъ у

*) Историческое значеніе этого трактата въ томъ, что здѣсь впервые было доказано внутреннее родство санскрита, греческаго, латинскаго и германскаго. родство, на которое указывали и раньше (*Фр. Шлегель* въ книгѣ „Über die Sprache und Weisheit der Indier. 1808 г., *Джонсъ*—еще въ XVIII-мъ в.). Несмотря на разныя недостатки и промахи, трактатъ Боппа имѣлъ рѣшающее значеніе и послужилъ отправной точкой для сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ. Въ 1820 г. въ исправленномъ видѣ (почти въ новой переработкѣ) первый трудъ Боппа появился на англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Analytical comparison of the sanskrit, greek, latin, and teutonic language, shewing the original identity of their grammatical structure“.

Боппа интересующая насъ *натуралистическая* точка зрѣнія на явленія языка.

Въ 1833 г. появляется первый выпускъ „Сравнительной грамматики“. „Постепенно расширяя кругъ наблюдений и совершенствуя свой методъ, Боппъ въ теченіе 30-хъ и 40-хъ годовъ издаетъ рядъ выпусковъ этого грандіознаго труда и заканчиваетъ его въ 1852 году. Въ окончательномъ видѣ это монументальное произведеніе, основавшее новую науку, озаглавлено такъ: „Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen“ („Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянскаго, греческаго, латинскаго, литовскаго, древнеславянскаго, готскаго и нѣмецкаго“ *).

Отличительная особенность этого труда Боппа, рѣзко отличающая его отъ послѣдующихъ трудовъ того же рода („Compendium“ Шлейхера и „Grundriss“ Бругманна), а равно и отъ сравнительныхъ грамматикъ отдѣльныхъ группъ языковъ (германскихъ—Як. Гримма, славянскихъ—Миклошича), это—крайне слабое развитіе *фонетики* (ученія о звукахъ, ихъ переходахъ и измѣненіяхъ—отъ языка къ языку и внутри каждаго) и рѣшительный перевѣсъ *морфологии* (ученія о формахъ, объ окончаніяхъ, суффиксахъ, приставкахъ, о строѣ спряженія и склоненія), можно сказать, сосредоточеніе въ вопросахъ морфологии почти всѣхъ интересовъ изслѣдованія. Впослѣдствіи, въ „Compendium“ Шлейхера, обнаружится явная реакція противъ такого направленія, и центръ тяжести будетъ перенесенъ въ фонетику, которая получитъ необычайную для того времени детальную разработку, между тѣмъ какъ вопросы морфологии отойдутъ на второй планъ, и во многихъ отношеніяхъ ихъ изслѣдованіе будетъ отставать отъ фонетическихъ. Еще позже, съ 70-хъ годовъ, оба отдѣла сравнительной грамматики уравниваются въ своихъ правахъ и ихъ постановка и разработка будетъ идти впередъ равномерно, въ тѣсной взаимной связи, такъ что всякій успѣхъ въ фонетикѣ будетъ новымъ вкладомъ въ морфологию, и даже исчезнетъ самая граница, отдѣляющая изслѣдованіе фонетическое отъ морфологическаго.

Для Боппа важнѣйшимъ вопросомъ сравнительной грамматики былъ вопросъ о происхожденіи флексій, т. е. личныхъ окончаній въ глаголахъ, падежныхъ окончаній въ именахъ. Ведя свои из-

*) Книга состоитъ изъ 8 отдѣловъ: 1) Система письменъ и звуковъ, 2) О корняхъ, 3) Образованіе падежей, 4) Прилагательныя, 5) Числительныя. 6) Мѣстоименія, 7) Глаголь, 8) Словообразованіе.

ислѣдованія въ этомъ направленіи, онъ устанавливаетъ знаменитую теорію происхожденія личныхъ окончаній глаголовъ отъ личныхъ мѣстоименій, а падежныхъ окончаній—отъ мѣстоименій указательныхъ. Извѣстно, какую огромную услугу прогрессу лингвистики оказала въ свое время эта теорія. Это была одна изъ тѣхъ гипотезъ, которыхъ значеніе сводится преимущественно къ тому, что онѣ, расчищая почву, открывая новые горизонты, усугубляютъ интересъ изслѣдованія и помогаютъ работать. Сыгравъ эту роль, гипотеза Боппа съ теченіемъ времени сошла со сцены, и отъ нея осталась, въ смыслѣ положительнаго приобрѣтенія науки, только весьма вѣроятная мысль о томъ, что *нѣкоторыя* изъ личныхъ окончаній глаголовъ происходятъ отъ личныхъ мѣстоименій или, по крайней мѣрѣ, находятся въ этимологическомъ родствѣ съ ними. Что касается происхожденія падежей, то относящаяся сюда часть теоріи Боппа совсѣмъ пала. Весь вопросъ о происхожденіи флексій былъ снятъ съ очереди. Со временемъ онъ будетъ вновь возбужденъ.

Какъ по этому вопросу, такъ и по всѣмъ прочимъ изслѣдованія Боппа давно уже потеряли свое непосредственное значеніе и сохраняютъ только историческое. Но зато это послѣднее — огромно. Дальнѣйшіе успѣхи науки, приведшіе къ упраздненію почти всѣхъ построеній Боппа, съ тѣмъ вмѣстѣ окончательно выяснили и высоко оцѣнили его историческую роль.

Перечитывая Боппа, мы все еще подчиняемся обаянію его гения: насъ поражаетъ его огромное ученое воображеніе, ловкость и находчивость въ опредѣленіи чертъ родства, въ этимологическомъ анализѣ, необыкновенная ясность взгляда, изящная простота изслѣдованія и самого изложенія.

Стиль Боппа невольно привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе. Въ лингвистической литературѣ онъ до сихъ поръ остается единственнымъ въ своемъ родѣ. Онъ изъ числа тѣхъ, которые наилучше отражаютъ самую личность автора. Читая Боппа, мы выносимъ впечатлѣніе, что это писалъ человѣкъ, одаренный особой, если можно такъ выразиться, простодушной гениальностью и въ своей простотѣ безконечно-далекій отъ подозрѣнія, что онъ гений.

Таковъ и былъ онъ въ дѣйствительности. Жизнь и дѣятельность Боппа хорошо извѣстны и могутъ быть простѣжены изъ года въ годъ благодаря его обширной перепискѣ. Изучая эту жизнь, мы невольно подчиняемся обаянію природы чистой, правдивой и свѣтлой, внутренне-уравновѣшенной и гениальной.

Боппа нельзя причислить къ тѣмъ гениальнымъ умамъ, которые поражаютъ глубиной мысли и обыкновенно остаются на-

долго непонятыми, которыхъ нужно умѣть понять (таковы, напр., Кантъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ). Боппъ принадлежалъ къ другому типу,—къ типу гениевъ ясныхъ, наивныхъ, простодушныхъ, творящихъ „не мудрствуя“. Вся сила ихъ—въ необыкновенномъ дарѣ счастливой интуиціи, изобрѣтенія идей, необходимыхъ при данномъ состояніи науки, въ мастерствѣ, съ которымъ они перерабатываютъ наличный матеріалъ науки въ духѣ ими же угаданныхъ идей.

Геніальный умъ этого типа былъ, думается намъ, наилучше приспособленъ къ призванію создателя новой науки, которой предстояло пройти сперва фазисъ эмбриональнаго развитія, прежде чѣмъ она будетъ готова къ воспріятію глубокаго философско-психологическаго воззрѣнія, впервые возвѣщеннаго В. Гумбольдтомъ.

II.

Прежде чѣмъ поидемъ дальше, необходимо нѣсколько обстоятельнѣе развить нашу основную мысль.

Когда накопившійся матеріалъ знаній и наблюденій въ какой-либо области позволяетъ приступить къ организаціи ихъ въ особую, самостоятельную науку, тогда не замедлитъ обнаружиться такая форма воспріятія данныхъ явленій, которая въ своей сущности будетъ какъ бы реставраціей давноотжившаго миѳологическаго воззрѣнія, въ силу котораго впечатлѣнія отливаются въ форму понятія „живой вещи“. Но эта архаическая категорія воскреснетъ здѣсь не въ своемъ натуральномъ и подлинномъ видѣ, а какъ родъ пережитка, замаскированнаго новыми воззрѣніями и научно-философскою терминологіей.

Категорія „живой вещи“, грамматическимъ выраженіемъ которой служили нѣкогда имена существительныя въ ихъ древнѣйшемъ видѣ, есть именно та, преобладаніемъ которой по преимуществу характеризуется архаическій фазисъ мышленія. Это то, что принято называть миѳологическою мыслью, которая всѣмъ вещамъ приписываетъ волю, одушевленность и другіе признаки живыхъ существъ.

Въ отдаленную отъ насъ, доисторическую эпоху, когда въ мышленіи господствовала эта категорія „живой вещи“, очевидно, не было замѣтнаго различія между мышленіемъ обыденнымъ, принадлежащимъ всѣмъ и каждому, и мышленіемъ высшаго порядка, составляющимъ достояніе отдѣльныхъ, выдающихся личностей. Иную картину являетъ намъ всемірная исторія мысли,

какъ только отъ архаической эпохи мы обратимся къ другимъ, начиная съ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятниковъ умственного творчества. Повсюду, не только въ философскихъ системахъ древнѣйшихъ мыслителей, но даже въ такихъ областяхъ творчества, какъ художественный миѳъ, національный эпосъ, религіозная и бытовая лирика и т. д., мы находимъ слѣды, симптомы и продукты мышленія высшаго порядка, наложившагося надъ обыденнымъ и принадлежавшаго отдѣльнымъ личностямъ или цѣлымъ классамъ, выдѣлившимся изъ массы и подчинившимся въ своей умственной культурѣ болѣе или менѣе высоко надъ среднимъ уровнемъ. Появленіе древнѣйшихъ произведеній этой высшей мысли, какъ въ области научно-философской, такъ и художественной, есть фактъ первостепеннаго, всемірно-историческаго значенія. Отнынѣ всемірная исторія мысли будетъ являть зрѣлище двухъ параллельныхъ теченій или эволюцій: 1) эволюціи обыденнаго мышленія и 2) эволюціи высшаго; — съ ихъ взаимодѣйствіями и вліяніями одной на другую, снизу вверхъ и сверху внизъ.

Эти взаимодѣйствія могутъ быть болѣе или менѣе значительны, и въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ, сообразно съ особыми культурными условіями, устанавливались и выражались различно. Напр., высшее мышленіе въ инныя эпохи могущественно воздѣйствуетъ на обыденное, подчиняя его своему авторитету, перерабатывая и возвышая его; въ другія эпохи оно само подчиняется обыденному и въ той или иной мѣрѣ принижается, оплошливается. Въ послѣдніе два вѣка и впредь, очевидно, движеніе идетъ, съ нѣкоторыми отклоненіями или компромиссами, по пути все большаго распространенія и демократизаціи высшей мысли, при сохраненіи ея отличительныхъ чертъ, ея достоинства. Но отъ этихъ историческихъ взаимоотношеній между высшимъ мышленіемъ и обыденнымъ пужно отличать другія связи между ними, именно—внутреннія, психологическія, управляемые особыми психологическимъ и логическимъ законами. Вотъ именно я позволю себѣ предложить здѣсь „проектъ закона“ этихъ внутреннихъ соотношеній, основанный на слѣдующемъ:

Когда впервые появились, въ глубокой древности, первые опыты высшаго мышленія, то въ этой области было, въ сокращенномъ и измѣненномъ видѣ, восстановлено и вновь продумано то, что въ обыденномъ мышленіи было уже давнымъ-давно пережито и забыто. Такъ, древнѣйшія философскія воззрѣнія, какъ извѣстно, характеризуются идеей *гилозоизма*, оживотворенія матеріи, т. е. восстановленіемъ въ мысли философской давно уже пережитаго воззрѣнія мысли обыденной,—вѣрованія въ одуше-

вленность всѣхъ вещей. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, напр., въ эпоху Гераклита обыденное мышленіе грековъ уже давнымъ-давно обладало критеріемъ распознаванія одушевленныхъ и неодушевленныхъ вещей, и всякій грекъ хорошо зналъ, что камень не дышитъ и не имѣетъ воли и жизни. Въ философскомъ мышленіи архаическое воззрѣніе оживаетъ, но въ новомъ видѣ, въ новой постановкѣ, въ новомъ освѣщеніи и получаетъ философское и даже научное значеніе. какого не имѣло старое вѣрованіе въ его архаическомъ, въ его подлинномъ видѣ. Очевидно, такое оживленіе и преобразование стараго не было дѣломъ произвола мыслителей, а вызывалось внутренней потребностью и было безусловно - необходимо для прогресса самой высшей мысли, что мы можемъ легко прослѣдить по даннымъ исторіи философіи и науки. Съ этой точки зрѣнія, это—явленіе прогрессивное: а поскольку оно есть реставрація стараго, отжившаго, отзвукъ или переработка былого,—мы его назовемъ явленіемъ *архаизирующимъ*. Самый законъ, который я намѣчаю, можно назвать „закономъ созданія архаизирующихъ формъ мышленія“.

Далѣе. Прогрессивное развитіе высшей мысли идетъ путемъ развѣтвленія: первоначально — единая „философія-наука“ развѣтвляется на философію въ собственномъ смыслѣ и на науку, которая, въ свою очередь, пускаетъ вѣтви во всѣ стороны, а эти вѣтви вполнѣдствіи также развѣтвляются. Такъ вотъ я и думаю, что дѣйствіе „закона архаизированія“ простирается на всѣ (или почти всѣ) эти развѣтвленія: когда появляется новая вѣтвь, то въ ней—только уже въ очень сокращенномъ видѣ—будетъ повторено то, что въ свое время пережила вся сфера высшаго мышленія.

Это ужъ дѣло дальнѣйшихъ и спеціальныхъ изслѣдованій (на матеріалѣ исторіи наукъ) установить съ точностью, что именно и какъ возстановляется и заново переживается въ различныхъ областяхъ научнаго знанія. Повидимому, ежели какая-либо вѣтвь отдѣляется не отъ ствола, а отъ другой, раньше отдѣлившейся вѣтви, то переживаніе архаическихъ формъ мысли въ первой будетъ не такимъ, какимъ оно было во второй (а въ этой послѣдней оно, въ свою очередь, чѣмъ-нибудь отличалось отъ аналогичнаго процесса въ основномъ стволѣ). Я думаю, главное различіе сводится къ слѣдующему. Въдѣ архаизирующее переживаніе архаическихъ формъ мысли относится, по смыслу предположеннаго закона, только къ *эмбриональному* періоду научнаго мышленія въ данной области. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, чѣмъ дальше развѣтвляются науки, тѣмъ все короче становятся эмбриональные періоды новыхъ вѣтвей, а стало быть.

и переживание архайческих формъ совершается все съ большою быстротою, такъ что въ большинствѣ случаевъ мы можемъ уловить только бѣглый намекъ на эти формы, а не ихъ самихъ. Различіе сводится, слѣдовательно, къ относительной быстротѣ переживанія, къ разницѣ въ ракурсѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ тому, что часто это переживание есть возстановленіе не самой архайческой формы, а ея раньше уже совершившагося, да и не одинъ разъ, переживанія. Это—тѣнь тѣни. Въ новѣйшихъ областяхъ точнаго знанія, организовавшихся на нашихъ глазахъ (напримѣръ, физико-химія, психо-физиологія), по всей вѣроятности, переживание архайческихъ формъ есть уже *мнимое*. Замѣчу, что этимъ терминомъ я вовсе не хочу сказать, что переживанія здѣсь совсѣмъ не было: оно, какъ я думаю, было, но только—въ качествѣ *мнимого*, т. е. 1) оно не отражалось съ достаточной ясностью въ сознаниіи, скрываясь по преимуществу въ сферѣ безсознательной, и 2) оно дѣйствовало *не положительно*, какъ форма мысли, направляющая работу ума, а *отрицательно*, какъ процессъ, освобождающій извѣстный запасъ умственной силы, который данная форма мысли сама бы поглотила, *если бы была не мнимая*. Это понятіе *мнимыхъ психологическихъ величинъ* я считаю весьма важнымъ, именно въ психологіи мышленія. Языкъ (мышленіе грамматическое), можно сказать, кишитъ мнимыми величинами, которыя явственнно обнаруживаются, какъ процессы, сберегающіе умственную силу, и въ то же время зачастую онѣ являются формами архайзирующими. Логическое мышленіе также содержитъ въ себѣ не мало мнимыхъ величинъ, и прежде всего таковою, какъ я думаю, должна быть признана *логическая связка*, которая (какъ я предполагаю показать это въ другомъ мѣстѣ) есть не что иное, какъ архайзирующее повтореніе связки грамматической *).

Необходимо далѣе имѣть въ виду еще слѣдующее. Отдѣльные случаи переживанія архайческихъ формъ мышленія могутъ встрѣчаться спорадически въ весьма различныхъ областяхъ умственной дѣятельности. Но мы ведемъ здѣсь рѣчь только о тѣхъ явленіяхъ этого рода, которыя наблюдаются въ *эмбриональномъ періодѣ развитія наукъ*. Слѣдовательно, мы исключаемъ изъ сферы нашихъ настоящихъ наблюдений всѣ тѣ случаи, когда архайзирующія формы возникаютъ въ наукѣ, уже пережившей эмбриональный періодъ, или когда онѣ появляются въ области, не имѣющей правъ на титулъ *науки* въ тѣспомъ значеніи этого слова. Во

*) Я затронулъ этотъ вопросъ въ „Синтактическихъ наблюденіяхъ“ (1899), стр. 125—126.

избѣжаніе недоразумѣній, поясню, что понятіе *науки* я беру здѣсь въ чисто-психологическомъ смыслѣ—извѣстнаго умственного процесса. Познавательная дѣятельность въ какой-либо области становится *научною* съ того момента, когда 1) разумъ начинаетъ относиться къ изучаемымъ фактамъ, какъ къ *явленіямъ*, 2) обращается къ нимъ съ уже готовымъ убѣжденіемъ въ ихъ *законосообразности* и, 3) стремясь къ ихъ истолкованію, руководится не прикладными цѣлями, а исключительно теоретическими, познавательными. Съ этого именно момента въ данной сферѣ изученій, вмѣстѣ съ ея превращеніемъ въ научную, и обнаружится дѣйствіе того спеціальнаго закона научной эмбриологіи, о которомъ мы ведемъ рѣчь.

III.

Лингвистика выдѣлилась изъ филологіи. Изученіе языковъ, составлявшее прикладную часть филологіи, образовало въ трудахъ Боппа и его сподвижниковъ особую, самостоятельную вѣтвь познанія, главное отличіе которой отъ прежняго—чисто-филологическаго—языковѣдѣнія, состоитъ въ устраненіи прикладнаго характера. Въ нѣдрахъ старой филологіи языковѣдѣніе было только средствомъ для изученія литературъ, исторіи, древностей и пр. и само имѣло дѣло только съ *фактами* (грамматическими) языковъ; выдѣлившись оттуда, оно изслѣдуетъ уже не факты, а *явленія*. Различіе сводится къ измѣненію отношенія познающаго разума къ познаваемому объекту и съ тѣмъ вмѣстѣ къ замѣнѣ прежнихъ служебныхъ цѣлей изученія высшими, теоретическими, сводящимися къ открытію *законовъ*, управляющихъ *явленіями* языка. Но не только прежнее изученіе языковъ не было научнымъ (въ указанномъ смыслѣ), но и вся старая филологія не была наукою: это была лишь описательная и прагматическая обработка массы разнообразнѣйшихъ фактовъ изъ различныхъ областей,—изъ исторіи, культуры, древностей, миѳологіи, религіи, искусства, языка и т. д. Всѣ эти изученія имѣли свои задачи и свою—весьма значительную—цѣнность, но они не составляли *науки*. Стало быть, лингвистика выдѣлилась *не изъ науки*. Это значитъ: она не унаслѣдовала уже однажды пережитыхъ, архаизирующихъ формъ мысли и должна была сама заново пережить *ихъ*, а не ихъ тѣнь. Иначе говоря, переживаніе архаическихъ формъ въ лингвистикѣ не могло быть очень упрощеннымъ, очень сокращеннымъ, и архаизирующія формы, здѣсь появившіяся, *архаизировали* въ большей мѣрѣ, чѣмъ это случилось бы, если бы этотъ фазисъ уже былъ однажды пройденъ въ старой филологіи.

Оттуда происходило и то, что архаизирующія формы мысли въ лингвистикѣ, не будучи смятчены и, такъ сказать, защищены филологическими научными понятіями, оставались открытыми воздѣйствію на нихъ научныхъ понятій старшихъ, уже давно установившихся и достигшихъ большой высоты развитія, наукъ,— *естествознанія и его философіи*.

Результатомъ этого и было возникновеніе съ самаго же начала *натуралистической концепціи явленій языка* вмѣсто *психологической*, которая имѣла бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы метрополія лингвистики, филологія, была тогда наукою, сознавшюю, что факты, ею изучаемые, образуютъ особый порядокъ явленій психическихъ.

Само собой разумѣется, изъ естествознанія могли произвольно заимствовать весьма различныя понятія и, между прочимъ, такія, которыя не отвѣчали потребностямъ новой науки, не согласовались съ духомъ переживавшихся ею архаическихъ формъ. И вотъ тутъ-то и обнаруживается наглядно дѣйствіе закона архаизированія, именно въ томъ, что все, согласовавшееся съ архаическими формами, принялось и, получивъ дальнѣйшее развитіе, разрослось въ цѣлую натуралистическую философію языка (Беккеръ, Шлейхеръ, позже Максъ Мюллеръ), между тѣмъ какъ несогласовавшееся не дало ростковъ и вскорѣ отпало. Мы сейчасъ увидимъ примѣры.

Вотъ что писалъ Боппъ въ предисловіи къ первому изданію „Сравнительной грамматики“: „Я имѣю въ этой книгѣ въ виду сравнительное, охватывающее все родственное, *описание организма языковъ*, обозначенныхъ въ заглавіи, изслѣдованіе ихъ *физическихъ и механическихъ законовъ* и происхожденія формъ, выражающихъ грамматическія отношенія“ *).

Итакъ, съ первыхъ же строкъ мы встрѣчаемся съ перепесеніемъ въ лингвистику, едва начинавшюю возникать, понятій и терминовъ естествознанія.

Понятіе *организма*, взятое изъ физиологіи и біологіи, какъ нельзя лучше согласовалось съ требованіями архаизирующаго періода новой науки. И оно сдѣлало блестящую карьеру въ лингвистикѣ. Напротивъ, понятія *физическихъ и механическихъ законовъ*, взятая изъ тѣхъ наукъ о природѣ, которыя уже далеко отошли отъ архаизирующихъ формъ мысли и выступили на новый путь развитія, совсѣмъ не отвѣчали потребностямъ и духу

*) „Ich beabsichtige in diesem Buche eine vergleichende, alles Verwandte zusammenfassende Beschreibung des *Organismus*, der auf dem Titel genannten Sprachen, eine Erforschung ihrer *physischen und mechanischen Gesetze* und des Ursprungs der die grammatischen Verhältnisse bezeichnenden Formen“.

эмбриональнаго фазиса лингвистики, а повтому и не нашли себѣ приложенія даже въ трудахъ самого Боппа. Попытка ихъ примѣненія къ языку была произвольнымъ дѣломъ Боппа, между тѣмъ какъ утилизація понятія *организма* была внушена закономъ архаизированія. И вотъ мы видимъ, что вскорѣ понятія „физическихъ и механическихъ законовъ“ устраняются, какъ ненужныя, какъ такія, которымъ въ лингвистикѣ дѣлать нечего. Любопытно, что въ самой книгѣ Боппа мы не находимъ даже разъясненія, въ какомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать эти термины въ примѣненіи къ явленіямъ языка. *Бреаль* (переведшій на французскій языкъ „Сравнит. грамматику“ Боппа) за разъясненіемъ этого обратился лично къ Боппу, и послѣдній сообщилъ ему, что подъ „физическими законами“ нужно понимать законы звуковыхъ измѣненій (т. е. законы фонетики), а подъ „механическими“ — тѣ, которые управляютъ чередованіемъ „тяжелыхъ“ и „легкихъ“ слоговъ внутри словъ (напр., въ греч. *φάβυον* и *ἔφυγον*, см. *Delbrück*, „*Einleitung in das Sprachstudium*“, стр. 17) *).

Не трудно видѣть, что такой способъ обозначенія или, пожалуй, пониманія данныхъ явленій языка долженъ быть признанъ неудачнымъ и излишнимъ: и фонетическія измѣненія, и чередованіе „тяжелыхъ“ и „легкихъ“ слоговъ можно бы, съ большимъ удобствомъ для архаизирующей научной мысли, понять какъ процессы *органическіе*. Если Боппъ ихъ выдѣлилъ изъ сферы того, что обнималось у него понятіемъ *организма*, то это легко объясняется несовершенствомъ и недоразвитіемъ у него этого понятія, которому онъ не умѣлъ еще придать надлежащей постановки и извѣстной широты. Оно достигнетъ и того, и другого позже—въ трудахъ Шлейхера.

Какъ именно понималъ Боппъ терминъ „организмъ“ въ примѣненіи къ языку, это прекрасно разъяснено *Дельбрюкомъ* въ вышецитированной книгѣ „*Einleitung in das Sprachstudium*“ („Введеніе въ изученіе языка“). У Боппа,—говоритъ онъ,—„организмъ есть не что иное, какъ строеніе языка, основанное на агглютинаціи, и органическимъ признается все, что отвѣчаетъ этому строенію, неорганическимъ—все, что ему измѣнило“. Не-

*) „Par les lois *mécaniques* (писалъ Боппъ Бреалю) j'entends principalement les lois de la pesanteur et en particulier l'influence que le poids des désinences personnelles exerce sur la syllabe précédente... Par les lois *physiques* je désigne les autres règles de la grammaire et notamment les lois phoniques. Ainsi quand on dit en sanscrit *ta-ti* „il mange“ au lieu de *ad-ti* (de la racine *ad* „manger“), le changement du *d* en *t* a pour cause une loi physique“. „Grammaire comparée des langues indo-européennes...“ par M. Fr. Bopp, traduite... par M. Michel Breal, 1866. стр. 1. примѣч.

органично также и то, что никогда не имѣло такого строенія; поэтому Боппъ языки односложные, не имѣющіе флексій, называлъ языками „безъ организма“ (§ 108 „Сравн. грамм.“). Съ другой стороны (говорить Дельбрюкъ), термины „организмъ“, „органический“, „неорганический“ употребляются у Боппа такъ, что можно вмѣсто „органический“ сказать „первоначальный“ (исконный), а вмѣсто „неорганический“ сказать „непервоначальный“ (ibid).

Итакъ, понятіе организма въ примѣненіи къ языку было у Боппа еще очень шаткимъ и сбивчивымъ. Тѣмъ не менѣе оно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что основатель лингвистики чувствовалъ настоящую умственную потребность въ научномъ понятіи, которое явилось бы наиболѣе подходящимъ выраженіемъ для невольнаго стремленія понимать явленія языка архаизирующимъ образомъ, какъ „живыя вещи“. Дельбрюкъ прекрасно отгѣнилъ это невольное стремленіе Боппа къ мнѳообразной концепціи языка. Онъ говоритъ: „Мы видимъ, что термины „механический“, „физическій“, „органический“ употребляются не въ строгомъ смыслѣ терминовъ естествознанія, но во всякомъ случаѣ изъ ихъ примѣненія можно заключить, что Боппъ представляетъ себя языкъ какъ родъ естественнаго тѣла“ („dass Bopp sich die Sprache als eine Art von Naturkörper vorstellt, „Einleit.“, 18). Въ подтвержденіе этого Дельбрюкъ цитируетъ слѣдующее мѣсто изъ рецензіи Боппа на „Нѣмецкую грамматику“ Як. Гримма: „Языки должны бытъ разсматриваемы какъ органическія естественныя тѣла, которыя образуются по опредѣленнымъ законамъ; нося въ себѣ внутренній принципъ жизни, они развиваются и постепенно вымираютъ по мѣрѣ того, какъ они, уже не понимая себя самихъ, отбрасываютъ свои члены или формы, постепенно превратившіяся въ болѣе или менѣе внѣшнюю массу, или искажаютъ ихъ, или злоупотребляютъ ими, т. е. примѣняютъ къ цѣлямъ, къ которымъ онѣ, по своему происхожденію, отнюдь не были предназначены“. Вслѣдъ за Дельбрюкомъ мы склонны видѣть здѣсь тенденцію приписывать языку одушевленность, психическую дѣятельность (geistige Thätigkeit). О языкѣ говорится (замѣчаетъ Дельбрюкъ), „какъ будто онъ — мыслящее существо“. „Эти выраженія (продолжаетъ Дельбрюкъ) не единичны. Въ другихъ мѣстахъ Боппъ говоритъ о *духъ* и *гении* языка, и въ его процессахъ усматриваетъ извѣстныя *тенденціи* и *намыренія* (*цѣли*)!.. Иногда не языкъ, какъ цѣлое, а отдѣльная форма разсматривается какъ мыслящее существо“. („Einleitung.“, 18—19).

Съ своей стороны я укажу нѣсколько образчиковъ такого отношенія къ языку у Боппа. Въ § 154, т. I-ый, „Сравн. грам.“

Боппъ высказываетъ предположеніе, что окончаніе *m* въ имен. и винит. пад. именъ средн. рода (напр. лат. *vinu-m*, *bonu-m*; санскр. *asya-m* (лицо, ротъ); въ греч. оно, какъ всякое конечное *m*, перешло въ *v*: *δῶρο-ν*) первоначально было свойственно не только тѣмъ, именамъ, которыхъ основы оканчиваются на *a* (въ санскритѣ; въ лат., греч., слав. имъ отвѣчаютъ основы на *o*), но и тѣмъ которыхъ основы оканчиваются на *i* и на *u*, такъ что, напр., санскритская форма имен.-вин. средн. р. *vari* (вода) нѣкогда звучала будто бы *vari-m*, а таковая же *madhu* (медъ) звучала *madhum* *). „Я не сталъ бы отрицать,—говоритъ Боппъ,—первоначальнаго существованія подобныхъ формъ, ибо почему бы одна лишь основы на *a* должны были чувствовать потребность не оставлять имен. и вин. средн. рода безъ знака, указывающаго на отношеніе или на лицо?“ Въ § 115 I-го тома говорится: „Подобно тому, какъ личныя окончанія глаголовъ, когда ихъ первоначальное значеніе (мѣстоименное) съ теченіемъ времени забывается, замѣняются и какъ бы комментируются мѣстоименіями, поставляемыми передъ глаголомъ, такъ точно въ эпоху упадка и болѣе или менѣе бессознательнаго состоянія языка духовно-жертвы падежныя окончанія замѣняются, поддерживаются и объясняются въ ихъ пространственномъ значеніи предлогами, а въ ихъ личномъ значеніи—членомъ“. Въ § 113-мъ (I-го тома): „Женскій родъ *любитъ*—въ санскритѣ—*пышную полноту формы*, какъ въ основѣ, такъ и въ падежныхъ окончаніяхъ... Средній родъ, напротивъ, *любитъ* наибольшую краткость“ и т. д.—Въ § 515 II-го тома читаемъ, что слогъ удвоенія въ перфектѣ придаетъ корню „вѣсь, воспринимаемый *духомъ языка* (*Sprachgeist*) какъ типъ совершившагося, оконченнаго...“ Въ § 516 (того же тома), говорится о *намѣреніи языка* (*Absicht der Sprache*) пользоваться аористами и имперфектами для различныхъ *цѣлей* (*Zwecken*); здѣсь Боппъ отрицаетъ это намѣреніе въ праязыкѣ. Тамъ же читаемъ, что „языкъ въ аористахъ *хотѣлъ* представить прошедшія дѣяствія, какъ мгновенныя...“ и т. д.

Число такихъ примѣровъ мы могли бы значительно умножить, но ограничимся приведенными, съ достаточной наглядностью показывающими, что подъ перомъ Боппа языки и ихъ формы, ихъ флексіи превращались какъ бы въ живыя существа, одаренныя жизнью, волею, стремленіями, хотѣніями. Съ тѣмъ вмѣстѣ выраженіе „духъ языка“ является у Боппа далеко еще

*) Это одно изъ самыхъ неудачныхъ соображеній Боппа: формы среднихъ именъ на *i*, *u*, какъ видно изъ единогласнаго свидѣтельства индоевроп. языковъ, никогда не имѣли окончанія *m* въ имен. и винит. пад.

не столь условнымъ и символическимъ терминомъ, какимъ оно стало впослѣдствіи. Мы и сейчасъ говоримъ о духѣ или геніи языка, но намъ и въ голову не приходитъ понимать подъ этимъ терминомъ известную принадлежность самого языка, какъ нѣкотораго организма или существа. Но если архаизирующая (миѳообразная) точка зрѣнія на языкъ у Боппа представляется несомнѣнною, то это не исключаетъ вопроса о томъ, съ какою долею сознательности относился къ ней самъ Боппъ. Была ли она „вольная, или невольная?“ Придавалъ ли онъ вышеприведеннымъ выраженіямъ значеніе опредѣленнаго, сознательно-проводимаго взгляда, или же это были только *метафоры*, отчасти приближающіяся къ тѣмъ, какими иногда пользуемся и мы? На эти вопросы *Дельбрюкъ* даетъ слѣдующій отвѣтъ, какъ я думаю, въ общемъ совершенно правильный: „Эти обороты,—говоритъ онъ,—суть образы и притомъ очень естественные, и, вѣроятно, Боппъ, если бы обратили его вниманіе на это, призналъ бы, что въ дѣйствительности эти душевныя дѣятельности совершаются не въ языкѣ, а въ отдѣльныхъ говорящихъ людяхъ,—но важно обратить здѣсь вниманіе на зачатки того воззрѣнія, которое у Шлейхера возвысилось до сознательнаго гипостазированія понятія „языкъ“.“

Это указаніе Дельбрюка весьма существенно. Его смыслъ и значеніе, съ точки зрѣнія намѣчаемаго здѣсь закона, сводятся къ слѣдующему:

Въ силу закона архаизированія, паука о языкѣ въ первомъ періодѣ своего развитія должна была пережить воззрѣніе на языкъ, какъ на нѣчто внѣшнее (объективное) и живое, какъ на одушевленную вещь, существо, (а не субъективный процессъ человѣческаго мышленія, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ). Это и было *гипостазированіе* языка. Но эта миѳологическая точка зрѣнія не могла установиться сразу въ качествѣ *ученой теоріи*. Она сперва должна была проявляться отрывочно, то какъ способъ выраженія, то какъ невольно-подвергнувшаяся или, лучше, какъ *навязчивая* форма воспріятія явленій языка. Основатель сравн. языковѣдѣнія пользовался этою формою безсознательно или полусознательно, самъ, вѣроятно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что это такое—теорія ли, или только способъ выраженія. Мы скажемъ такъ: это былъ у него способъ выраженія, но взятый не произвольно, а внушенный потребностями архаизирующаго фазиса науки,—способъ выраженія, *еще не успѣвший превратиться въ ученую теорію*. Зачатки этой теоріи, отрывочный, бѣглый абрисъ ея, мы найдемъ у того же Боппа. Сюда относится между

прочимъ слѣдующее мѣсто изъ „Vokalismus“ *), составляющее непосредственное продолженіе словъ, приведенныхъ нами выше: „Грамматика въ высшемъ, научномъ смыслѣ должна быть исторіей и естественнымъ описаніемъ языка; она должна, насколько это возможно, исторически изслѣдовать путь, по которому языкъ достигъ своей высоты или опустился къ своей скудости; но въ особенности (должна она) прослѣдить *естественно-исторически* (naturhistorisch) законы, по которымъ совершалось его развитіе или разложеніе, или его возрожденіе изъ разрушенія“.

Здѣсь—зерно теоріи Шлейхера и предвозвѣщеніе взгляда на языковѣдѣніе, какъ на вѣтвь естествознанія,—взгляда, установленнаго позже Максомъ Мюллеромъ и Шлейхеромъ. Къ разсмотрѣнію воззрѣній послѣдняго намъ и предстоитъ теперь обратиться.

IV.

Августъ Шлейхеръ (род. 1821 † 1868) выступилъ на ученое поприще въ концѣ 40-хъ годовъ, когда основаніе сравнительной грамматики было уже совершившимся фактомъ, и начиналась детальная разработка отдѣльныхъ языковъ и вопросовъ. Первые опыты Шлейхера („Sprachwissenschaftliche Untersuchungen, 1848 г.) носятъ яркую печать вліянія философіи Гегеля, которое не мѣшало дѣйствию закона архаизированія, и уже въ началѣ 50-хъ годовъ Шлейхеръ является убѣжденнымъ адептомъ воззрѣнія на языкъ, какъ на *организмъ*, подчиненный законамъ біологическимъ. Въ 1852 г. онъ издаетъ превосходную грамматику церковно-славянскаго языка („Die Formenlehre der Kirchenslavischen Sprache“), въ предисловіи къ которой весьма опредѣлительно высказываетъ свое воззрѣніе на языкъ, какъ на явленіе „естественное“ (біологическое), и приурочиваетъ лингвистику къ естествознанію. За этимъ трудомъ послѣдовала другая, не менѣе важная въ то время,—грамматика литовскаго языка съ хрестоматіей и словаремъ. Эти работы долго сохраняли свое значеніе, и Шлейхеръ по праву пользовался репутаціей европейскаго авторитета въ области славистики и литовскаго языка. Но въ то же время онъ былъ и первостепеннымъ германистомъ. Въ 1859 году вышла его книга „die deutsche Sprache“ („Нѣмецкій языкъ“ **), явившаяся важнымъ вкладомъ одновременно и въ германскую

*) Рецензія на „Нѣмецкую грамм.“ Гримма.

**) 2-е изданіе было слѣвано послѣ смерти Шлейхера въ 1869 г., модъ редакціей *Шерера*.

филологію, и въ общую теорію языка—въ той постановкѣ, въ какой эта теорія возникла тогда. Высокую важность имѣли также спеціальныя изслѣдованія Шлейхера по разнымъ вопросамъ сравнительной фонетики, гдѣ онъ обнаружилъ огромную эрудицію въ важнѣйшихъ изучавшихся тогда языкахъ индоевропейской семьи. Наконецъ, въ 1861 году появляется его, монументальный трудъ, параллельный „Сравнительной грамматикѣ“ Боппа, „Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen“ („Компендіумъ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ“), составившій эпоху въ наукѣ и отмѣтившій собою завершеніе ея начальнаго фазиса, открытаго Боппомъ. О другихъ работахъ Шлейхера мы будемъ подробно говорить ниже.

Изложеніе своихъ общихъ воззрѣній на природу языка, на отношенія языка къ другимъ явленіямъ и на классификацію науки о немъ Шлейхеръ далъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ. Сюда прежде всего относится вышеупомянутая книга „Die deutsche Sprache“, первые отдѣлы которой посвящены общимъ вопросамъ, а именно: I. Von der Sprache im Allgemeinen, von ihren verschiedenen Formen und Sippen (О языкѣ вообще, о его различныхъ формахъ и семействахъ) и II. Vom Leben der Sprache (О жизни языка). Начнемъ съ послѣдняго отдѣла.

Шлейхеръ опредѣляетъ здѣсь языкъ, какъ *организмъ*, и притомъ — „естественный“ (Naturorganism), и указываетъ на тѣ признаки языка, которые, по его мнѣнію, говорятъ въ пользу такого воззрѣнія. Это, во-первыхъ, фактъ распада языка на роды, виды, подвиды и т. д. и, во-вторыхъ, естественный *ростъ* языка. „Языки (читаемъ на стр. 33, изд. 2-е) эти, изъ звуковой матеріи (aus lautlichem Stoffe) образованные, высшіе изъ всѣхъ естественныхъ организмовъ, обнаруживаютъ свою отличительную черту, свойственную имъ, какъ естественнымъ организмамъ, не только въ томъ, что они, какъ эти послѣдніе, группируются въ семейства, виды, подвиды, по также и своимъ ростомъ (Wachsthum), протекающимъ по опредѣленнымъ законамъ“.

Не трудно видѣть всю шаткость и искусственность такой постановки вопроса. Вѣдь, напримѣръ, *государства, религіи, искусства* и т. д. также дѣлятся на роды, виды, разновидности, и ихъ развитіе также можно назвать „ростомъ“, управляемымъ опредѣленными законами, но все это еще не дѣлаетъ ихъ „натурь-организмами“. Сперва слѣдовало бы доказать, что „виды“ въ языкѣ—то же самое, что виды въ растительномъ и животномъ царствѣ, и что „ростъ“ языка основанъ на тѣхъ же *физиологическихъ процессахъ*, на которыхъ онъ зиждется у настоя-

щихъ—біологическихъ—организмовъ. А такъ какъ, очевидно, этого доказать нельзя, то и выходитъ, что въ примѣненіи къ языку понятія „роста“ и „организма“ могутъ быть употребляемы только, какъ метафоры. Но Шлейхеръ пользуется ими вовсе не какъ метафорами, а въ прямомъ смыслѣ; онъ въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ, что языкъ есть настоящій „организмъ“, и что онъ „живетъ“, проходя послѣдовательно сперва періодъ *роста* (образованія грамматическихъ формъ), а потомъ періодъ разложенія организма (разрушенія грамматическихъ формъ). Первый періодъ лежитъ за предѣлами исторіи, второй—это многовѣковая историческая жизнь языковъ. И вотъ оказывается, что въ теченіе всей этой многовѣковой исторической жизни языки находились въ непрерывномъ состояніи звукового и морфологическаго разложенія. Это иллюстрируется такими примѣрами, какъ франц. *hommes* (выговаривающееся *ом*) сравнительно съ лат. *hominés*, или новонѣм. *hätten*, англ. *had* сравнительно съ готск. *habaidédeima* („мы хотѣли бы имѣть“, „мы бы имѣли“—1-е л. мн. ч. опатива перфекта отъ глагола *haben*—имѣть). Формы новыхъ языковъ представляются, какъ продукты разрушенія соотвѣтственныхъ формъ старыхъ языковъ. При этомъ Шлейхеръ оговаривается, что имѣетъ въ виду только „звуковое тѣло“ (*Lautkörper*), а не „душу“ языка, не его „функцию“ и равно не строй предложенія. Стало бытъ (скажемъ мы), если это въ самомъ дѣлѣ „разложеніе“, то оно должно быть признано лишь внѣшнимъ и частичнымъ. Но разъ этому процессу отнюдь не отвѣчаетъ таковой же во внутренней сторонѣ языка, въ значеніи словъ и формъ, въ строѣ предложенія, то спрашивается: правильно ли обозначены данныя явленія какъ процессъ разрушенія? Почему фонетическія измѣненія, отпаденіе окончаній, упрощеніе внѣшнихъ формъ непременно должны быть понимаемы, какъ „разложеніе“ языка? Напротивъ, скорѣе всего это—*процессъ усовершенствованія звуковыхъ формъ* въ смыслѣ большаго удобства пользоваться ими, меньшей траты времени и усилій на ихъ артикуляцію и, стало бытъ, въ смыслѣ сбереженія физической и психической энергій. Съ этой точки зрѣнія, новонѣм. *hätten*, а еще болѣе англійское *had* гораздо совершеннѣе готскаго *habaidédeima*, ибо первые значительно меньшими звуковыми средствами и съ меньшей затратою артикуляціоннаго труда достигаютъ того же результата, выражаютъ то же самое, что и эта столь сложная и не такъ легко произносимая готская форма (произносилось: *hábaidédíma*).

Но послѣдуемъ дальше за Шлейхеромъ. Эпоха настоящаго *роста* (или *образованія*) языка скрывается, по его воззрѣнію, во

мракъ первобытныхъ, доисторическихъ временъ, недоступныхъ наблюденію. Процессы, которые тогда совершались въ языкѣ, отличались характеромъ *творческимъ*, и объ этомъ творествѣ мы составляемъ себѣ нѣкоторое понятіе, изучая формальный строй языковъ, разлагая слова на корни, суффиксы, окончанія, сравнивая языки высшаго типа (напр., индоевропейскіе) съ языками низшихъ ступеней развитія (такъ назыв. „агглютинирующіе“ съ одной стороны, и такъ назыв. „коренные“—съ другой).

Все это разсужденіе резюмируется такъ: „Образованіе языка (Sprachbildung) и исторія суть двѣ взаимно другъ друга исключаютелы дѣятельности челювѣка *), два способа обнаруженія (zwei Offenbarungsweisen) его существа, которые никогда не совмѣщаются, но изъ которыхъ первый всегда предшествуетъ второму“ (стр. 35). Исторія начинается съ того момента, когда образованіе языка закончено, и въ теченіе всего историческаго времени языки уже не растутъ, не образуются, а, напротивъ, разрушаются. Шлейхеръ забываетъ, что при полномъ свѣтѣ исторіи образовались („выросли“) романскіе языки и англійскій, и что въ то время, когда они „росли“ и формировались, исторія не прекращала своего теченія. Не обращая вниманія на явленія этого рода, какихъ не мало, Шлейхеръ утверждаетъ, будто возможно доказать, что „исторія (народовъ) и развитіе языковъ находятся въ обратномъ отношеніи“. Онъ говоритъ: „Чѣмъ богаче и мощнѣе исторія, тѣмъ быстрѣ паденіе языка; чѣмъ бѣднѣе, чѣмъ медленнѣе и коснѣе протекаетъ первая, тѣмъ съ большей косностью сохраняется языкъ“ (35).

Но если примемъ, что звуковыя и морфологическія упрощенія должны быть понимаемы какъ прогрессъ, а не разложеніе, и если къ тому же будемъ имѣть въ виду прогрессирующую у историческихъ народовъ внутреннюю сторону языка, то тезисъ Шлейхера окажется несостоятельнымъ, и намъ придется сказать, наоборотъ, что развитіе языковъ находится въ *прямомъ* отношеніи къ исторіи народовъ: чѣмъ богаче и содержательнѣе историческій процессъ, тѣмъ богаче и языкъ, и обратно. Въ разсужденіяхъ Шлейхера бросается въ глаза подстановка части вмѣсто цѣлаго, внѣшней (звуковой) формы языка вмѣсто всего языка. Конечно, Шлейхеръ отлично знаетъ, что въ языкѣ есть и внутренняя сторона—его „функции“ и строй предложенія, но въ данную минуту опъ объ этомъ забываетъ, а потому и само понятіе звуковой формы у него искажается. Вѣдь форма есть форма

*) Любопытная обмолвка: образованіе языка есть „дѣятельность челювѣка“, а уже не „ростъ организма.“

не сама по себѣ, не an sich, а только по отношенію къ содержанію. Если она, при всѣхъ звуковыхъ переменѣхъ, какія только постигли ее, остается удобною для мысли оболочкою содержанія, если послѣднее не только не пострадало отъ этихъ фонетическихъ измѣненій, но даже, одновременно съ ними, продолжаетъ развиваться, осложняясь и обогащаясь по мѣрѣ упрощенія формы, то вѣдь это значитъ, что форма, какъ таковая, не понесла ни малѣйшаго ущерба. Ущербъ былъ бы только въ томъ случаѣ, если бы „порча“ звуковой стороны сдѣлала форму непригодною служить таковою для даннаго содержанія.

Итогъ всему разсужденію подводится Шлейхеромъ въ тезисѣ, гласящемъ такъ: „Жизнь языка распадается прежде всего на два совершенно отдѣльные періода: на исторію развитія языка,—это періодъ доисторическій, и на исторію паденія формъ языка,—это историческій періодъ“ (37).

Вслѣдъ за этимъ Шлейхеръ высказываетъ мысль, представляющую для насъ особый интересъ: „... жизнь языка ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ жизни всѣхъ прочихъ живыхъ организмовъ, — растений и животныхъ. Какъ эта послѣдняя, она имѣетъ періодъ роста отъ простѣйшихъ начатковъ къ болѣе сложнымъ формамъ и періодъ одряхлѣнія, въ которомъ языки все болѣе и болѣе удаляются отъ достигнутой ими высшей ступени развитія и подвергаются ущербамъ въ своей формѣ. Естествоиспытатели называютъ это обратной (регрессирующей) метаморфозою“. (37).

Искусственность этого сближенія бросается въ глаза. Такимъ способомъ можно сопоставлять съ животными и растениями все, что угодно, на примѣръ, хотя бы ростъ восточныхъ цивилизацій, смѣнявшійся по достиженіи извѣстной высоты упадкомъ („періодомъ одряхлѣнія“), расцвѣтъ и паденіе античнаго искусства и т. д.

Разсматриваемая идея Шлейхера (біологическая концепція языка) явилась невольнымъ результатомъ того, что въ своихъ воззрѣніяхъ на явленія рѣчи человѣческой Шлейхеръ все сбивался на пониманіе ея съ чисто-внѣшней, звуковой стороны, причемъ онъ гипотетизировалъ эту сторону, т. е. представлялъ ее себѣ какъ внѣшній объектъ. Онъ былъ, повидимому, далекъ отъ сознанія, что само понятіе „языкъ“ есть только отвлеченіе, что въ дѣйствительности существуютъ лишь отдѣльные акты индивидуальной рѣчи. Сопоставлять языки (на примѣръ, русскій, нѣмецкій и т. д.) съ растениями и животными (которые въ этомъ случаѣ берутся, конечно, не въ смыслѣ отвлеченныхъ понятій, а въ качествѣ конкретныхъ существъ) значитъ сопоставлять от-

влеченія съ реальными фактами. Прежде чѣмъ дѣлать какія бы то ни было сопоставленія, нужно сперва уяснить себѣ, что въ языкѣ *реально*, гдѣ и каковы тѣ подлинныя, конкретныя факты, которые мы называемъ *лингвистическими*. Лишь только мы до нихъ доберемся, то сейчасъ же станетъ очевиднымъ, что ихъ отнюдь нельзя сближать съ фактами ботаническими и зоологическими. Отличительный характеръ лингвистическаго явленія, какъ особаго *психологическаго процесса*, принадлежащаго къ сферѣ *мышленія*, какъ *умственнаго акта*, обнаружится самъ собою.

Вотъ именно это гипостазированіе языка, какъ организма, превращеніе отвлеченій „нѣмецкій языкъ“, „греческій языкъ“, „русскій“ и т. д. въ конкретныя существа и есть несомнѣнный продуктъ миеологичности мышленія, только наряженный въ костюмъ естествознанія.

Въ зависимости отъ такого пониманія явленій рѣчи и отъ сосредоточенія мыслью на ея внѣшней, звуковой формѣ находится несовершенство у Шлейхера самаго понятія *формы* въ языкѣ, на что я указалъ выше и что явствуетъ также изъ слѣдующаго опредѣленія природы языка (гл. I разсматриваемой книги):

Языкъ, по Шлейхеру, состоитъ изъ трехъ моментовъ: *Laut*, *Form* и *Function*. *Laut* (звукъ) это — звуковая форма; *Function* (функція, „отправленіе“) — значеніе слова (понятіе или представленіе, связанное съ корнемъ слова), а также и грамматическое значеніе суффиксовъ и окончаній; *Form* (форма) это — строеніе словъ — (1) *флексивное* въ индоевроп. и семит. языкахъ, 2) *агглютинативное* — напр. въ американскихъ и 3) *коренное* или *изолирующее* — въ китайскомъ *). — Если отъ слова перейдемъ къ предложенію, то къ этимъ тремъ моментамъ присоединится четвертый — *синтаксическій* (стр. 10).

Здѣсь Шлейхеръ не прибѣгаетъ къ сравненію языковъ съ организмами, но, очевидно, приведенное расчлененіе языка на образующіе его моменты создано подъ вліяніемъ понятія объ организмѣ. *Laut* (звукъ) это — какъ бы внѣшній обликъ организма, *форма* — его строеніе, *функція* — отправленія его органовъ. Какъ бы то ни было, это расчлененіе не даетъ намъ точнаго и правильнаго понятія о самомъ явленіи языка, поэтому оно и не было принято въ наукѣ. Опредѣленія и расчлененія языка,

*) Эта теорія трехъ типовъ языковъ, установленная еще Вильг. Гумбольдомъ, подлежитъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а, можетъ быть, и въ самой постановкѣ и выводахъ, радикальному пересмотру. Нельзя, напр., считать вполне достовѣрнымъ, что китайскій языкъ въ самомъ дѣлѣ „коренной“, т. е. не имѣющій и нѣкогда не имѣвшій флексій.

которыя отвѣчали бы современному состоянію науки, должны быть основаны на психологическихъ предпосылкахъ *).

Нельзя не отмѣтить, что непосредственно передъ вышеприведеннымъ анализомъ составныхъ элементовъ языка, основаннымъ, очевидно, на біологической предпосылкѣ, Шлейхеръ даетъ иное опредѣленіе языка, которое скорѣе походитъ на психологическое. Онъ говоритъ: „Языкъ есть звуковое выраженіе мысли (der lautliche Ausdruck des Gedankens), процессъ мышленія, достигающій проявленія помощью звука“. И за симъ совершенно правильно утверждаетъ, что языкъ, какъ явленіе психическое, принадлежитъ къ сферѣ мысли, а не къ сферѣ чувства. Казалося бы, тутъ Шлейхеръ становится на правильную дорогу, которая не должна была бы привести его къ „организму“ и аналогіи съ растениями и животными. Но это была только случайная обмолвка. Развивая свою мысль дальше, Шлейхеръ незамѣтно приходитъ все къ тому же гипостазирванію рѣчи и къ отождествленію языка съ его звуковою формою. Онъ говоритъ, что „языкъ есть звуковое отраженіе мышленія“ (das lautliche Abbild des Denkens) и что онъ „воплощаетъ процессъ мышленія въ звукъ“ (sie—die Sprache—verkörpert den Vorgang des Denkens im Laute). Такимъ образомъ, выходитъ, что языкъ въ отношеніи къ мысли—это какъ бы „плоть“, т. е. все тотъ же *организмъ*, въ которомъ мысль „воплощается“, какъ душа въ тѣлѣ.

V.

Въ 60-хъ годахъ Шлейхеръ становится послѣдовательнымъ дарвинистомъ. По настоянію своего друга, знаменитаго біолога *Геккеля*, онъ изучаетъ книгу Дарвина „О происхоженіи видовъ“. Плодомъ этого изученія было появленіе брошюры „Die Darwinische Theorie und die Sprachwissenschaft“ (1863 г. „Теорія Дарвина и наука о языкѣ“). Онъ говоритъ здѣсь, что Геккель рекомендовалъ ему книгу Дарвина, какъ любителю ботаники и садоводу, но оказалось, что теорія Дарвина произвела на него гораздо большее впечатлѣніе — какъ на *лингвиста*. „Къ организмамъ языка (von den sprachlichen Organismen), — читаемъ далѣе, — примѣнны воззрѣнія, подобныя тѣмъ, какія Дарвинъ высказываетъ вообще о живыхъ существахъ...“ Шлейхеръ припоми-

*) Такое опредѣленіе и расчлененіе установлено и психологически обосновано *Потебнею* въ „Мысль и языкъ“ и въ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, часть I. Популярное изложеніе читатель найдетъ въ моей брошюрѣ „Языкъ и искусство“ и въ статьѣ „Очерки науки о языкѣ“ („Русск. Мысль“, 1896, декабрь).

наетъ здѣсь, что въ 1860 г. (когда появился нѣмецкій переводъ книги Дарвина) онъ случайно высказалъ аналогичные взгляды на борьбу за существованіе между языками, на угасаніе формъ, на широкое распространеніе и дифференцированіе „видовъ“ языка,—взгляды, которые поразительно совпадаютъ съ идеями Дарвина (стр. 4). Задача настоящей брошюры состоитъ въ томъ, чтобы вызвать въ естествоиспытателяхъ интересъ къ лингвистикѣ. Важнѣйшій пунктъ, къ которому Шлейхеръ хотѣлъ бы привлечь вниманіе натуралистовъ, сводится къ слѣдующему: „Я разумѣю здѣсь,—говоритъ онъ,—не только фізіологическое изслѣдованіе звуковъ языка... но также разсмотрѣніе и оцѣнку различій между языками въ интересахъ естественной исторіи рода *homo*“.

Эта мысль, которую слѣдуетъ отнести къ числу самыхъ неудачныхъ мыслей Шлейхера, находится въ полной гармоніи съ его общимъ натуралистическимъ возрѣніемъ на языкъ.

Обращаясь къ ея развитію, Шлейхеръ начинаетъ съ указанія на важность изученія „исторіи развитія человѣка“ и говоритъ, что основою этого изученія должна служить исторія развитія языка. Изъ сопоставленія этого мѣста съ выраженіемъ (въ вышеприведенной цитатѣ) „естественная исторія рода *homo*“ (*Naturgeschichte des genus homo*) явствуетъ, что дѣло идетъ не о психологическомъ, не о культурно-историческомъ развитіи человѣчества, а о естественномъ развитіи *вида* „человѣкъ“, т. е. тутъ подымается вопросъ *антропологическій*, и языкъ разсматривается какъ явленіе, находящееся въ непосредственной связи съ явленіемъ *расы*. Это—совершенно неправильная постановка вопроса. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что языкъ не имѣетъ никакого отношенія къ *расѣ*, что онъ—явленіе не антропологическое, а *этнологическое* и, какъ таковое, имѣетъ ближайшее отношеніе къ явленію *національности*. Онъ не можетъ служить поэтому основаніемъ для построенія естественной исторіи *вида homo*, но зато имѣетъ первостепенную важность для изученія развитія человѣчества въ отношеніи психологіи націй и эволюціи мысли.

Далѣе, упомянувъ о превосходствѣ методовъ естественныхъ наукъ, о томъ, что лингвистамъ слѣдовало бы поучиться у естествоиспытателей, Шлейхеръ переходитъ къ изложенію своей излюбленной идеи о принадлежности языка къ сферѣ явленій вѣншей природы. Здѣсь читаемъ: „Языки суть естественные организмы (*Naturorganismen*), которые возникли независимо отъ воли человѣка, росли и развивались по опредѣленнымъ законамъ и въ свой чередъ старѣются и вымираютъ; имъ также свои-

ственъ рядъ тѣхъ явленій, которыя обыкновенно понимаютъ подъ именемъ „жизнь“. *Глоттика* *). наука о языкѣ, есть поэтому наука естественная; ея методъ въ общемъ — тотъ же самый, что и въ остальныхъ естественныхъ наукахъ“.

За симъ, обращаясь къ Дарвину и желая выяснитъ общее значеніе идей послѣдняго, Шлейхеръ, какъ я думаю, совершенно правильно указываетъ на то, что эти идеи находятся въ согласіи и сродствѣ съ общимъ движеніемъ философской мысли вѣка въ направленіи *монизма*. Здѣсь попутно мы знакомимся съ философскимъ *profession de foi* Шлейхера. Онъ — убѣжденный *монистъ*. Нужно замѣтитъ однако, что его *монистическое* міровоззрѣніе крайне несовершенно и изобилуетъ противорѣчіями. Но дабы не отвлекаться въ сторону, не будемъ останавливаться на этомъ пунктѣ и пойдемъ дальше.

Наблюденіе,—говоритъ Шлейхеръ,—учитъ, что всѣ организмы *измѣняются*, подчиняясь опредѣленнымъ законамъ; жизнь организмовъ сводится къ послѣдовательному ряду испытываемыхъ ими *измѣненій*. Заслуга Дарвина, по мнѣнію Шлейхера, состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ шагъ дальше: онъ показалъ, что „не только индивидуумы имѣютъ жизнь, но также *виды* и *семейства*; они также возникли постепенно и переживаютъ постоянныя измѣненія по опредѣленнымъ законамъ“. Тутъ, въ пониманіи идей Дарвина, Шлейхеръ явно сворачиваетъ на тотъ путь мысли, который былъ признанъ отголоскомъ *миеологическаго* воззрѣнія: онъ понимаетъ отвлеченія, именуемая „видъ“, „родъ“, какъ реальныя существа, имѣющія свою жизнь, отдѣльную отъ жизни индивидуовъ.

„То, что Дарвинъ (читаемъ дальше) установилъ для видовъ животныхъ и растеній, примѣнимо также, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ чертахъ, и къ организмамъ языковъ“ (11). „То, что естествоиспытатели назвали бы *родомъ* (семеѣствомъ), у *глоттиковъ* **) называется *семьею языковъ* (*Sprachstamm*)... *Виды* одного и того же *рода* мы называемъ *языками* одного семейства; *подвиды* одного вида у насъ—*діалекты* или *нарѣчія* одного языка. *Разновидностямъ* отвѣчаютъ *поднарѣчья* (говоры)... и, наконецъ, отдѣльнымъ *индивидамъ* (особьямъ) соотвѣтствуетъ манера рѣчи (*Sprachweise*) отдѣльнаго человѣка, говорящаго на данномъ языкѣ“ (12—13). *Измѣняемости* видовъ, обнаруженной ученіемъ Дарвина, отвѣчаетъ *измѣняемость языковъ*, давно уже хорошо известная лингвистамъ. Слѣдуетъ поясненіе на примѣрѣ индоевро-

*) Такъ предлагалъ Шлейхеръ называть лингвистику.

**) Т. е. языковѣдовъ, лингвистовъ.

пейскихъ языковъ. Здѣсь Шлейхеръ излагаетъ свое ученіе объ индоевропейскомъ праязыкѣ и его распаденіи сперва на двѣ вѣтви: 1) *славяно-литовско-германскую* и 2) *аріо-греко-итало-кельтскую*, потомъ—этихъ вѣтвей на отдѣльные языки (славянскій, литовскій, германскій съ одной стороны, индійскій, иранскій, греческій, италійскій, кельтскій—съ другой), которые, въ свою очередь, распадаются на діалекты. Все это наглядно поясняется приложенной къ брошюрѣ таблицей родословнаго древа индоевропейскихъ языковъ, которую Шлейхеръ сопоставляетъ съ таблицей Дарвина, проблематически и идеально изображающею происхождение и дифференцированіе видовъ. Въ числѣ факторовъ, влияющихъ на измѣненіе языковъ, Шлейхеръ упоминаетъ, между прочимъ, объ *иностраннымъ влияніи* и смѣшеніи различныхъ языковъ или нарѣчій, причемъ онъ сопоставляетъ этотъ процессъ съ явленіемъ *скрещиванія* въ зоологіи *).

Отмѣтимъ еще то мѣсто, гдѣ Шлейхеръ говоритъ о неточности и спорности терминовъ *языкъ*, *нарѣчіе*, *говоръ* (то, что одни называютъ нарѣчіемъ, другіе именуютъ языкомъ); это обстоятельство даетъ Шлейхеру поводъ вспомнить о соотвѣтственной неясности понятій въ зоологіи и ботаникѣ, гдѣ нельзя провести точную границу между *видами* и *подвидами*. Цитируя относящееся сюда мѣсто изъ книги Дарвина, Шлейхеръ утверждаетъ, что стѣдуетъ только перемѣнить термины (вмѣсто естественно-историческихъ взять лингвистическіе)—и все, сказанное тутъ Дарвиномъ, всецѣло можетъ быть отнесено къ языкамъ.

Опуская слѣдующее за симъ разсужденіе о различныхъ первобытныхъ праязыкахъ, отъ которыхъ пошли всѣ языки земного шара, отмѣтимъ только выводъ, гласящій такъ: матеріально (съ звуковой стороны) праязыки не состояли между собою въ родствѣ, возникши независимо другъ отъ друга, но въ формальномъ отношеніи (по грамматическому строю) они были сходны и родственны; всѣ они стояли на низшей, „изолирующей“ ступени. „Мы предполагаемъ (заключаетъ Шлейхеръ) безчисленное множество праязыковъ, но для всѣхъ ихъ мы устанавливаемъ одну и ту же форму“. Къ этому выводу присоединяется указаніе на гипотезу о появленіи на земномъ шарѣ первобытныхъ клѣтокъ, отъ которыхъ, путемъ развитія, возникло все разнообразіе органическаго міра (24). Сравненіе *корней* (они же и *слова* въ пра-

*) Это сопоставленіе дѣлается, впрочемъ, лишь мелькомъ: „Wir kennen sowohl das Altlateinische, als die durch Differenzierung und durch fremden Einfluss—Ihr würdet sagen durch Kreuzung — nachweislich aus ihm hervorgegangenen romanischen Sprachen...“ (17).

языкахъ) съ *клеточками* сдѣлано нѣсколько раньше (стр. 23), но, надо замѣтить, съ нѣкоторою нерѣшительностью, такъ что нельзя на основаніи одного этого мѣста утверждать положительно, что Шлейхеръ въ самомъ дѣлѣ понималъ *корни* словъ, какъ своего рода органическія *клетки* *). Но такое утвержденіе мы можемъ позволить себѣ на основаніи всего натуралистическаго воззрѣнія Шлейхера на языкъ, равно какъ и въ виду извѣстныхъ намъ аналогій, которыя онъ проводитъ между языкомъ съ одной стороны и животными и растительными организмами съ другой.

Слѣдующее затѣмъ мѣсто, относящееся къ вопросу о возникновеніи различныхъ типовъ лингвистическаго строя, открывается любопытною и вѣрною мыслью, важною въ методологическомъ отношеніи. Шлейхеръ говоритъ здѣсь, что слѣдуетъ исходить изъ наблюденій надъ историческими языками, и что заключенія, этимъ путемъ полученныя, могутъ быть отнесены и къ жизни языковъ въ эпоху доисторическую, ибо „методъ восхожденія отъ извѣстнаго къ неизвѣстному не дозволяетъ намъ для первобытныхъ временъ, недоступныхъ нашему наблюденію, признавать другіе законы, кромѣ тѣхъ, какіе мы усматриваемъ въ періоды, доступные нашему наблюденію“ (24). Извѣстно, какое плодотворное значеніе получилъ этотъ пріемъ въ послѣдующее время; въ современномъ языковѣдѣніи онъ легъ въ основаніе изслѣдованій: отъ наблюденій надъ живыми языками (романскими, германскими, славянскими) дѣлаютъ заключенія къ аналогичнымъ явленіямъ въ древнихъ языкахъ, а отъ тѣхъ и другихъ заключаютъ къ процессамъ рѣчи въ эпоху праэтническую. Съ этой точки зрѣнія, должна была пасть прежняя мысль Шлейхера о двухъ принципиально-различныхъ и исключających одна другую эпохахъ въ развитіи языковъ. Указывая на пріемъ заключенія „отъ извѣстнаго къ неизвѣстному“, Шлейхеръ является отчасти провозвѣстникомъ новаго направленія въ лингвистикѣ.

Наблюденія надъ исторически-извѣстными языками показываютъ (развиваетъ Шлейхеръ далѣе свою мысль), что одни изъ нихъ—при неизмѣняющихся условіяхъ (среды, климата и пр.)—остаются (будто бы) безъ существенныхъ измѣненій, между тѣмъ какъ другіе, благодаря разнымъ перемѣнамъ въ окружающихъ

*) Онъ говоритъ, обращаясь къ Геккелю: „Для тебя и твоихъ коллегъ я могу, въ видѣ *приимѣра* (gleichnissweise), обозначить корни, какъ простыя клетки языка, у которыхъ еще нѣтъ никакихъ отдѣльныхъ органовъ для такихъ функций, какъ имя, глаголь и т. д., и у которыхъ эти функціи (грамматическія отношенія) такъ же мало раздѣлены, какъ у одноклеточныхъ организмовъ...“ и т. д.

условіяхъ, подвергаются болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ. Языки сосѣднихъ народовъ всегда (?) сходны по строю, языки отдаленныхъ другъ отъ друга—различны. Въ примѣрѣ приводятся языки американскіе, языки острововъ Тихаго океана, „которые, при всемъ различіи, являютъ однако явственный общій типъ“; указывается также на сродство строя языковъ индоевропейскихъ и семитическихъ, матеріальное родство которыхъ Шлейхеръ отрицаетъ. Развивая эти не вполнѣ вѣрныя положенія, Шлейхеръ вспоминаетъ одну изъ своихъ прежнихъ теорій (развитую въ „Deutsche Sprache“) — о географическомъ распространеніи языковъ, представляющемъ, по его мнѣнію, извѣстную аналогію съ распространеніемъ растений и животныхъ. „Подобнымъ же образомъ, какъ и языки, флоры и фауны отдѣльныхъ частей свѣта обнаруживаютъ особый, имъ присущій, типъ“. (26). Затѣмъ слѣдуютъ соображенія о распространеніи однихъ языковъ на счетъ другихъ въ историческія времена (напр., вытѣсненіе американскихъ языковъ индоевропейскими), и эти явленія подводятся подъ дарвиновское понятіе *борьбы за существованіе*.

Книжка оканчивается указаніемъ на то, что идеи Дарвина примѣняются къ языкамъ только въ общихъ чертахъ, ибо „царство языковъ слишкомъ отлично отъ царства растений и животныхъ, чтобы вся совокупность разсужденій Дарвина съ ихъ частностями могла вполнѣ быть приложима къ языкамъ“. Это—какъ бы невольная оговорка, внушенная неяснымъ чувствомъ минутнаго сомнѣнія въ достовѣрности проводимой аналогіи. Тѣмъ не менѣе Шлейхеръ спѣшитъ съ утвержденіемъ, что, не смотря на эту неполную примѣнимость теорій Дарвина къ языку, все-таки „неоспоримо возникновеніе въ язычной сферѣ *видовъ* черезъ постепенное дифференцированіе и сохраненіе наивысше-развитыхъ организмовъ въ борьбѣ за существованіе“.

Такова эта попытка приложить идеи Дарвина къ явленіямъ языка.

Мы отмѣтили несостоятельность отправной точки, именно самого взгляда на языкъ, какъ на организмъ, котораго жизнь и развитіе управляются законами біологическими. Конечно, языкъ, какъ и все психологическое, находится въ зависимости отъ законовъ біологіи, но эта зависимость отнюдь не должна быть понимаема какъ непосредственная. Все психическое, въ томъ числѣ и языкъ, прежде всего подчиняются законамъ психики. Ближайшая задача изслѣдователя—установить частные законы данной группы психическихъ явленій. Въ этомъ дѣлѣ усвоеніе основ-

ныхъ, общихъ точекъ зрѣнія, упрочившихся въ біологіи, какова прежде всего *идея развитія*, должно быть признано необходимымъ,—оно укажетъ изслѣдователю правильный путь. Но въдѣ это не значитъ превращать психическое явленіе въ біологическое и усматривать въ немъ біологическіе, въ тѣсномъ смыслѣ, процессы, напр., органическіе—въ языкѣ. Этотъ пріемъ, полезный, какъ стимулъ мысли, въ эмбриональномъ періодѣ науки, нынѣ долженъ быть признанъ не рациональнымъ, не научнымъ.

Что касается собственно теоріи Дарвина, то намъ дѣйствительно приходится признать, что она въ извѣстномъ смыслѣ приложима къ языкамъ. Но только эту приложимость нужно понимать совсѣмъ не такъ, какъ понималъ ее Шлейхеръ. Она обусловлена отнюдь не тѣмъ, что языки будто бы такіе же организмы, какъ растенія и животныя, а тѣмъ, что идеи Дарвина въ своей основѣ весьма широки, и сфера ихъ applicація не ограничивается флорой и фауной. Онѣ простираются гораздо дальше—на человѣка, не только со стороны біолого-антропологической, но и культурно-психологической. Борются за существованіе и развиваются дифференцируясь расы, племена, націи, государства, классы и т. д., иначе говоря, люди въ ихъ различной группировкѣ. Результаты этой борьбы и всего процесса развитія такъ или иначе отражаются на различныхъ функціяхъ психики человѣческой: на правѣ, искусствѣ, религіи и т. д., а прежде всего на *языкахъ*.

VI.

Въ 1865 г. Шлейхеръ издалъ брошюру подъ заглавіемъ „Ueber die Bedeutung der Sprache für die Naturgeschichte des Menschen“ („О значеніи языка для естественной исторіи человѣка“). Задача автора—дать новыя подтвержденія защищаемому имъ воззрѣнію на языкъ и опровергнуть возраженія оппонентовъ.

Шлейхеръ начинаетъ съ указанія на то, что функціи органовъ находятся въ зависимости отъ строенія послѣднихъ (напр., пищевареніе—отъ устройства желудка). Движенія животныхъ (ходъ, бѣгъ, полетъ) обусловлены особенностями строенія органовъ, участвующихъ въ движеніи (ногъ, крыльевъ). Въ примѣненіи къ языку это положеніе гласитъ такъ: „Языкъ есть доступный воспріятію ухомъ симптомъ дѣятельности извѣстнаго комплекса матеріальныхъ отношеній въ строеніи мозга и органовъ рѣчи съ ихъ нервами, костями, мускулами и т. д.“. Такимъ образомъ, языкъ опредѣляется какъ *физиологическая функція извѣстныхъ органовъ*,—опредѣленіе слишкомъ узкое и, какъ тако-

вое, совершенно неправильное: оно ничего не говоритъ о языкѣ, какъ *формъ мышленія*, которая, подобно всему психическому, отнюдь не подводится подъ понятіе физиологической функціи органа.

Какъ бы то ни было, но пониманіе языка, какъ *функціи*, оказывается неудобнымъ для Шлейхера съ той стороны, что, повидимому, грозитъ подорвать воззрѣніе на языкъ, какъ на *организмъ*. И вотъ Шлейхеръ пытается установить такую точку зрѣнія, въ силу которой понятіе функціи могло бы отождествиться съ понятіемъ органа и даже организма. Эта попытка связана съ общимъ *монистическимъ* воззрѣніемъ Шлейхера: монизмъ будто бы требуетъ отождествленія *сущности* и *явленія*, *причины* и *слѣдствія*. А такъ какъ функція есть слѣдствіе, а органъ или организмъ—причина, то и выходитъ, что языкъ, какъ функція, тождественъ съ органами рѣчи,—мозгомъ, нервами и т. д. „А потому,—заключаетъ Шлейхеръ,—мы въ правѣ признавать языки чѣмъ-то матеріально существующимъ...“ (стр. 10). Такимъ образомъ Шлейхеръ думаетъ удержать идею *субстанціальности языка*, имѣющую, какъ я уже указывалъ, *явно-миологическое происхожденіе*. Онъ пользуется и самымъ терминомъ „Substantialität der Sprache“.

Опуская не лишеныя остроумія и вѣрныхъ взглядовъ разсужденія Шлейхера, имѣющія цѣлью доказать, что фактъ усвоенія однимъ человѣкомъ двухъ и болѣе языковъ не противорѣчить отождествленію языка съ его матеріальной основой *), перехожу къ главному тезису разсматриваемой брошюры.

„Если мы, такимъ образомъ (говоритъ Шлейхеръ), имѣемъ право видѣть въ языкѣ нѣчто дѣйствительно и матеріально существующее, то прежде всего получаетъ гораздо болѣе глубокое значеніе та мысль, что языкъ... и только онъ и есть то, что отличаетъ человѣка отъ ближайшихъ къ нему антропоидовъ (горилла, шимпанзе, орангъ, гиббонъ)“. Оттуда Шлейхеръ переходитъ къ вопросу о различіи между языкомъ человѣка и такъ называемымъ „языкомъ“ животныхъ. Его мысли на эту тему вполне вѣрны. Языкъ животныхъ, это—общеніе особей путемъ выраженія *чувствъ* мимикой, жестами, криками; онъ приводитъ, правда, и къ обмѣну *представленіями*, но лишь постольку, поскольку послѣднія вызываются чувствами, слѣдовательно—не

*) Возраженіе, что если языкъ и его матеріальная сущность (органъ) одно и то же, то, значить, человѣкъ, говорящій на двухъ, трехъ и т. д. языкахъ, имѣетъ два, три и т. д. органа рѣчи, парируется здѣсь утверженіемъ, что нужно имѣть въ виду природный (родной) языкъ, а не искусственно-усвоенный.

прямо, а *посредственно*. Языкъ же человѣка есть *непосредственное* общеніе *мыслью*, непосредственный обмѣнъ представленіями помощью членораздѣльныхъ звуковъ рѣчи (14—15). Нѣмые обладаютъ рѣчью *potentia*, а потому и не составляютъ исключенія, — не перестаютъ быть людьми. Животныя (и не только обезьяны, но и другія, весьма далекія отъ человѣка) были бы сочтены за людей или, лучше, трактуемы какъ люди, если бы они получили даръ слова. Это, — говорить Шлейхеръ, — невольно чувствуется нами (15). Наоборотъ, безсловесные, выродившіеся люди, микроцефалы и т. д., не должны быть разсматриваемы, какъ настоящіе люди, ибо имъ недостаетъ не только фактическаго языка, но и самой способности къ нему (15—16).

Все это совершенно справедливо, вмѣстѣ съ другими мыслями Шлейхера, не обусловленными „закономъ архаизированія“, свидѣтельствуя о томъ, что Шлейхеръ обладалъ умомъ большой силы и проницательности. Но тѣмъ поразительнѣе свою неожиданностью и невѣрностью тотъ выводъ, который Шлейхеръ дѣлаетъ изъ предыдущаго: разъ языкъ есть *humanum κατ'ἔξοχήν* (человѣческое по преимуществу), то (спрашиваетъ Шлейхеръ) не въ немъ ли слѣдуетъ искать основанія (критерія) для научнаго систематическаго упорядоченія человѣчества? (*ob wir nicht in der Sprache die Grundlage eines natürlichen Systemes des genus homo gefunden haben.*) И вслѣдъ за тѣмъ онъ старается доказать, будто *расовые* признаки (форма черепа и проч.) рѣшительно не годятся для того, чтобы служить основаніемъ *естественнаго дѣленія* рода человѣческаго. Онъ указываетъ на непостоянство этихъ признаковъ и на ихъ противорѣчіе тому, о чемъ свидѣтельствуемъ языкъ. Такъ, напр., баски и мадьяры со стороны физической организаціи мало чѣмъ отличаются отъ индоевропейцевъ, между тѣмъ какъ по языку они весьма далеко отстоятъ отъ послѣднихъ. Турки-османли принадлежатъ къ кавказской расѣ, между тѣмъ какъ другія племена той же лингвистической группы (татары и др.) имѣютъ типъ монгольской расы. Изъ всего этого получается у Шлейхера выводъ: такъ называемыя расовыя различія лишь съ трудомъ поддаются научной систематизаціи, напротивъ того, языки, въ особенности со стороны морфологій, сравнительно легко подводятся подъ естественную систему, „подобную системѣ другихъ живыхъ существъ“. „Естественная система языковъ, — заключаетъ Шлейхеръ, — по моему разумѣнію, есть въ то же время и естественная система человѣчества“ (17—18).

Выше я уже указалъ на несостоятельность этой идеи, на то, что здѣсь смѣшано два вопроса, *антропологическій и лингвистико-*

національный: къ сказанному добавлю, что Шлейхеръ упускаетъ изъ виду огромное значеніе *смѣшенія расъ*, которымъ легко объясняется непостоянство антропологическихъ расовыхъ признаковъ. Для *естественнаго дѣленія* рода человѣческаго, т. е. съ точки зрѣнія антропологической, критеріемъ должны служить только физическіе (расовые) признаки, а отнюдь не языкъ, который является основаніемъ только для психологическаго (спеціально этнологическаго) дѣленія человѣчества на національные типы. Сѣверо-американскіе негры не приобрѣли признаковъ кавказской расы оттого, что говорятъ по-англійски: они усвоили только англійскую (точнѣе англо-американскую) *національность*.

Переходя затѣмъ къ изложенію своихъ мыслей о значеніи языка для исторіи развитія человѣчества (стр. 19 и сл.), Шлейхеръ начинаетъ съ замѣчанія, что языкъ возникалъ—въ эпоху до человѣка—постепенно вмѣстѣ съ развитіемъ мозга и органовъ рѣчи, и что этимъ путемъ „антропоидъ“ и сталъ человѣкомъ. Отмѣтимъ тутъ выраженіе „die vergleichende Anatomie der Sprachen“ („сравнительная анатомія языковъ“), которымъ обозначается наука о языкѣ, поскольку она показываетъ, какъ „наивысше-организованные языки развились постепенно, вѣроятно, на протяженіи очень долгаго времени, изъ болѣе простыхъ организмовъ языка...“ (20). Здѣсь Шлейхеръ указываетъ на „звуковую мимику“ (Laufgebärden) и „звукоподражанія“, какъ на источникъ языка. Но отсюда Шлейхеръ дѣлаетъ скачокъ къ другому, совершенно неправдоподобному предположенію, идущему вразрѣзъ съ исповѣдуемой имъ эволюціонной теоріей. Онъ говоритъ: „Самое первичное, изъ чего состояли языки, это—звуки для обозначенія *представленій и понятій*“ (*). Нѣтъ! Первоначально звуки первобытныхъ языковъ могли обозначать только *чувственныя воспріятія*, потомъ *конкретные образы*, изъ которыхъ, по истеченіи тысячелѣтій, возникли *простѣйшія, крайне несовершенныя понятія*. Они были продуктомъ эволюціи *самого языка,—грамматическаго мышленія*. Ошибку Шлейхера, какъ извѣстно, повторилъ и Максъ Мюллеръ (между прочимъ, въ извѣстной книгѣ конца 80-хъ годовъ „Das Denken im Lichte der Sprache“).

Если Шлейхеръ имѣлъ въ виду тѣ зачаточныя обобщенія конкретныхъ представленій, которыя свойственны высшимъ животнымъ и какими долженъ былъ въ извѣстной мѣрѣ обладать homo alalus (человѣкъ до языка), то слѣдовало оговорить это и не ставить термина Begriff рядомъ съ Anschauungen. Послѣд-

*) „Das Aelteste, woraus die Sprachen bestanden, sind Laute zur Bezeichnung von Anschauungen und Begriffen.“

нихъ было бы достаточно. И ужъ во всякомъ случаѣ необходимо было отмѣтить то, что въ психо-эволюціонномъ порядкѣ развитіе *человѣческихъ* понятій, возникновеніе отвлеченій различной высоты не предшествовало языку, а слѣдовало за его эволюціей.

Дальнѣйшее развитіе языка Шлейхеръ сводитъ къ постепенному возникновенію спряженія и склоненія и къ разграниченію категорій имени и глагола. Съ этой стороны языки представляютъ различныя, иногда очень низкія, ступени развитія. „Истинные глаголы (говоритъ Шлейхеръ), въ противоположность именамъ, я нашель, изо всѣхъ мнѣ извѣстныхъ языковъ, только въ индо-европейскихъ“ (22). Здѣсь онъ цитируетъ свое изслѣдованіе „О различіи имени и глагола“ (1866),—трудъ весьма цѣнный и доселѣ не потерявшій значенія.

Минуя знакомую уже намъ теорію праязыковъ, укажу бѣгло на заключительныя мысли брошюры, посвященныя вопросу объ отношеніи развитія языка къ историческому прогрессу челоуѣчества (27—29). Здѣсь Шлейхеръ вспоминаетъ свою старую идею, сложившуюся еще въ эпоху его гегельянства, о томъ, что ростъ языка совпадаетъ съ доисторическимъ періодомъ жизни народовъ,—въ историческое же время языкъ останавливается въ своемъ развитіи, старѣетъ и разлагается. Эта идея, уже знакомая намъ, получаетъ теперь слѣдующую „редакцію“: „Въ предѣлахъ исторіи,—говоритъ Шлейхеръ,—языки старѣютъ въ звукахъ и формахъ, по опредѣленнымъ законамъ жизни. Языки, на которыхъ мы теперь говоримъ, суть, какъ и всѣ языки исторически значительныхъ народовъ, *старческіе экземпляры языка*“. Такъ какъ, по Шлейхеру, языкъ и его физиологическіе органы — одно и то же, то выходитъ, что у историческихъ народовъ совершается регрессъ, обратная метаморфоза этихъ органовъ. Онъ такъ прямо и говоритъ: „Всѣ языки историческихъ, развитыхъ народовъ... а потому также и ихъ тѣлесные органы языка давно уже находятся въ состояніи болѣе или менѣе регрессивной метаморфозы“. Прежде, когда Шлейхеръ еще не отождествлялъ языка съ его тѣлесными органами, эта мысль звучала не такъ странно. Она сводилась къ тому, что въ періодъ до исторіи вся сила творчества была направлена на созданіе самого языка, въ періодъ же историческій она идетъ на созданіе культурной и умственной жизни народовъ, а языкъ какъ бы лишается прилива творчества и по необходимости разлагается. Послѣдующія изысканія въ области исторіи языковъ, старыхъ и новыхъ, показали, что разложеніи *живыхъ* языковъ не можетъ быть рѣчи, и что творчество въ этой сферѣ отнюдь не прекращается. Указанная идея Шлейхера оказалась несостоятельной, но въ свое время это была

одна изъ тѣхъ научныхъ идей, которыя могли быть поддержи-
ваемы (мы ее встрѣчаемъ и у другихъ изслѣдователей) и даже
приносили извѣстную долю пользы, какъ стимулъ къ дальнѣй-
шимъ изысканіямъ въ данной области. Но потомъ, въ рассматри-
ваемой здѣсь брошюрѣ Шлейхера, она получаетъ ту „редакцію“,
которая дѣлаетъ ее чѣмъ-то почти курьезнымъ: намъ говорятъ
о какой-то „обратной метаморфозѣ“ органовъ рѣчи, сопутствующей
будто бы историческому развитію человѣчества.

Это, очевидно, уже былъ симптомъ того, что *органическая* тео-
рія языка, т. е. *біологическая его концепція*, свою роль сыграла до
конца, дала все, что могла дать, и при попыткахъ дальнѣйшаго
ея приложенія стала приводить къ абсурдамъ. Архаизирующій
фазисъ приближался къ своему концу.

VII.

Дельбрюкъ (въ уже цитированной „*Einleitung in das Sprachstudium*“),
излагая натуралистическое ученіе Шлейхера, гово-
рить, что въ сущности это была теорія, не прилагавшаяся
къ практикѣ, что на дѣлѣ, т. е. въ самой работѣ лингвиста-
изслѣдователя, Шлейхеръ отнюдь не былъ натуралистомъ и оста-
вался такимъ же *филологомъ*, какъ и другіе.

Съ этимъ замѣчаніемъ Дельбрюка можно согласиться лишь
отчасти и условно.

Конечно, изслѣдуя явленія фонетики и морфологіи, Шлей-
херъ не могъ примѣнять микроскопа и вообще долженъ былъ
подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя вытекаютъ изъ самой при-
роды изучаемыхъ—лингвистическихъ—явленій. Очевидно также,
что, если бы онъ всецѣло подчинилъ свою работу изслѣдователя
неудачной мысли о тожествѣ языка съ его „органами“, то ему
пришлось бы бросить лингвистику и обратиться къ физиологіи
звуковъ рѣчи, чего онъ не сдѣлалъ *). Въ этомъ смыслѣ, совер-
шенно—вѣрно, что Шлейхеръ, по примѣру собратій по наукѣ,
остался *лингвистомъ филологомъ*.

Но при всемъ томъ никакъ нельзя утверждать, что теорети-
ческія возрѣнія Шлейхера на языкъ были только, такъ сказать,
„словами“ и не имѣли никакого отношенія къ его дѣятельности,
какъ изслѣдователя. Напротивъ, обзрѣвая эту дѣятельность, мы

*) Позже сдѣлали это другіе,—возникла школа лингвистовъ-физиологовъ,
образовавшая, конечно, вѣтвь не лингвистики, а физиологіи,—вѣтвь, разраба-
тываемую *въ интересахъ* языкознанія. Въ ней фонетика получаетъ прочное,
строго-научное обоснованіе.

явственно различаемъ слѣдующія ея особенности, говоряція противъ приведеннаго мнѣнія Дельбрюка.

1) Теоретическія воззрѣнія Шлейхера на природу языка не были какъ бы капризомъ и чѣмъ-то постороннимъ его специальнымъ лингвистическимъ изслѣдованіемъ: тѣ и другія развивались параллельно и въ очевидной взаимной связи. Уже въ предисловіи къ „Грамматикѣ церковно-славянскаго языка“ мы находимъ указаніе на то, что Шлейхеръ уже въ 50-хъ годахъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, дальнѣйшее развитіе которой, подѣ влияніемъ дарвинизма, привело его къ мыслямъ, изложеннымъ въ разсмотрѣнныхъ нами брошюрахъ. Эта точка зрѣнія явилась дажѣ стимуломъ, побудившимъ его обозрѣть массу языковъ со стороны ихъ морфологій и специально различенія имени и глагола; факты, имъ установленные здѣсь, весьма цѣнны, и важнѣйшій изъ нихъ—позднее появленіе глагола, который получаетъ окончательное развитіе только въ индоевропейской семьѣ, *) несомнѣнно будетъ утилизировано новой психо-эволюціонной школой въ лингвистикѣ. Наконецъ, важнѣйшій трудъ Шлейхера, имѣвшій такое большое значеніе въ исторіи языковѣдѣнія, ознаменовавшій собою наступленіе новой эпохи въ ней, „Компендіумъ сравнительной грамматики индоевроп. языковъ“ (1861),—открывается слѣдующимъ опредѣленіемъ науки о языкѣ: „Грамматика образуетъ часть науки о языкѣ или *глоттике*. Эта послѣдняя, въ свою очередь, есть часть естественной исторіи человѣка. Ея метода въ существенномъ та же, что въ естественныхъ наукахъ вообще...“ (Введеніе, 1). Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ, что Шлейхеръ работалъ не совсѣмъ независимо отъ идей, внушенныхъ ему „закономъ архаизированія“, что въ своей ученой работѣ онъ вдохновлялся этими идеями, какъ отправными точками и стимулами мысли.

2) Не даромъ именно Шлейхеръ и былъ тѣмъ дѣятелемъ въ наукѣ и языкѣ, которому, больше чѣмъ кому-либо другому. (до 70-хъ годовъ), эта наука обязана проведеніемъ строгихъ методовъ, стремленіемъ къ точности, наконецъ внесеніемъ, въ обиходъ изысканій самого понятія *закона* въ томъ смыслѣ и духѣ, въ какомъ это понятіе утвердилось въ естествознаніи. *Фонетика* индоевроп. языковъ вышла изъ рукъ Шлейхера *почти точною* наукою, и ея дальнѣйшая разработка въ этомъ духѣ, приведшая въ 70-хъ и 80-хъ годахъ къ столь блистательнымъ результатамъ, нахо-

*) Это нѣсколько преувеличено: семитическій глаголъ долженъ быть признанъ настоящимъ глаголомъ, хотя его связь съ именемъ гораздо тѣснѣе и известнѣе, чѣмъ въ индоевропейской семьѣ.

дится въ тѣснѣйшей генетической связи съ ученой работой Шлейхера. Онъ изслѣдовалъ явленія языка такъ, какъ будто бы онъ былъ *естествоиспытатель* *). Его „ошибка“ состояла только въ томъ, что, повинувась внушеніямъ „закона архаизированія“, онъ на самыя явленія языка смотрѣлъ, какъ на естественно-историческія (біологическія), а не какъ на психологическія, и воспринималъ ихъ категоріей „вещи“ (субстанціи), а не „процесса“ (психическаго). Послѣ Шлейхера эта архаизирующая форма воспріятія пала, но общее стремленіе къ научной точности, къ перенесенію въ лингвистику, *mutatis mutandis*, методовъ естествознанія, наконецъ, если можно такъ выразиться, культъ научнаго закона,—это наслѣдіе Шлейхера осталось нерушимо въ ученой традиціи языковѣдѣнія и является могучимъ факторомъ, властно направляющимъ эту науку на новый путь ея *раціональнаго* прогресса.

Ея прогрессъ въ періодъ *эмбриональный*—отъ Боппа до Шлейхера—представляется *ирраціональнымъ*, поскольку онъ зависѣлъ отъ дѣйствія закона архаизированія.

Шлейхеромъ завершается этотъ періодъ и имъ же открывается слѣдующій, продолжающійся понинѣ. Его отличительный признакъ тотъ, что, вмѣстѣ съ перенесеніемъ въ языковѣдѣніе духа и методовъ наукъ естественныхъ, все яснѣе обнаруживается *психическая* природа явленій языка, и выясняется *значеніе языка какъ особой формы мышленія*.

И съ каждымъ шагомъ впередъ все очевиднѣе становится необходимость изслѣдовать явленія языка, какъ и вообще все психическое, въ яркомъ освѣщеніи *общихъ идей* современнаго естествознанія и прежде всего—*идей эволюціи*.

Д. Овсяннико-Кулиновскій.

*) Извѣстно, что онъ обладалъ обширными свѣдѣніями въ естественныхъ наукахъ, былъ отличный садоводъ и дѣлалъ превосходные ботаническіе препараты.

ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

Леонардо да-Винчи представляет явленіе совершенно исключительное. Живописецъ, скульпторъ, музыкантъ, пѣвецъ и ученый наблюдатель и изобрѣтатель—онъ уже при жизни представлялся своимъ современникамъ человѣкомъ, одареннымъ сверхъестественными способностями и силами. Леонардо былъ притѣромъ того,—говоритъ Вазари,—что достоинства иногда сверхъестественнымъ образомъ, по волѣ Бога, а не приобрѣтенныя искусствомъ людей, соединяются въ одномъ человѣкѣ. Красота его тѣла была такова, что нельзя достаточно ее похвалить, а изящество и талантъ его въ каждомъ поступкѣ были безконечны, такъ что за какое бы трудное дѣло онъ не принимался, во всемъ онъ съ легкостью достигалъ совершенства. Вліяніе его на развитіе того общества, среди котораго онъ жилъ, было громадно, но значеніе его въ исторіи культуры Европы въ началѣ новой исторіи оказалось еще гораздо больше, чѣмъ могли думать его современники, почему, какъ это совершенно вѣрно отмѣтилъ тотъ же Вазари, извѣстность его при жизни была велика, но послѣ его смерти слава его еще сплѣнѣе увеличилась.

Винчи является первымъ, по времени, художникомъ новой европейской исторіи, т. е. періода, такъ называемаго, поздняго возрожденія. Винчи былъ великимъ артистомъ въ томъ значеніи этого слова, какое мы придаемъ ему теперь. Способности къ творчеству были у людей и прошлыхъ эпохъ. Въ древности несомнѣнно жили гениальные художники, которые оставили намъ несравненныя произведенія искусства, но приемы этихъ даровитыхъ человѣческихъ личностей, ихъ отношеніе къ жизни, ихъ отношенія къ окружающимъ людямъ и къ общественнымъ интересамъ для насъ не вполне ясны, и вслѣдствіе этого не совсѣмъ понятно и ихъ творчество. Какія бы изслѣдованія ни предпринимали археологи, въ античныхъ статуяхъ, несмотря на ихъ прелесть, которая насъ трогаетъ, останется всегда нѣчто чуждое современному человѣку. Намъ непонятно, какъ могъ человѣкъ дойти до того, чтобы такъ понимать выраженіе лица чело-вѣка, а слѣдовательно и его форму.

Бывали эпохи, когда художники извѣстнаго направленія сами совершенно искренно считали себя греками, и ихъ поклонники усердно увѣряли ихъ въ этомъ,

но стоит лишь сравнить работы ну хоть Торвальдсена съ античными статуями, чтобы сейчас увидѣть, что Торвальдсенъ вовсе не грекъ, а простой переводчикъ, изложившій то, что онъ изучилъ въ античныхъ формахъ, на новомъ, европейскомъ языкѣ. Въ его работахъ все болѣе чѣмъ ясно и понятно, потому что когда доходишь до прямого заимствованія, то думать уже незачѣмъ,— а античная статуя всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто неожиданное, чего нынѣшній человѣкъ не можетъ сдѣлать и чѣмъ мы любуемся, какъ явленіями природы: красивыми формами скалъ или животныхъ. Не зная античнаго человѣка, мы не можемъ понять и его произведенія.

Винчи въ эпоху перелома образованія новаго общества далъ типъ художника. Вотъ его значеніе. Онъ былъ гениальнымъ живописцемъ и скульпторомъ, превосходнымъ музыкантомъ и пѣвцомъ, замѣчательнымъ ученымъ, но ни одно изъ его произведеній не служитъ полнымъ его выразителемъ. Онъ, какъ личность, больше всѣхъ своихъ произведеній. Картины его потускнѣли и пострадали отъ всякихъ случайностей; сдѣланныя или только намѣченные имъ научныя открытія потомъ вновь были сдѣланы другими, но вліяніе его личности расширилось и распространилось до чрезвычайности. Каждый живописецъ, музыкантъ и актеръ, который ходитъ одѣтый художникомъ, подражаетъ Винчи, хотя часто почти ничего не знаетъ о немъ. И это подражаніе относится къ чисто внѣшней сторонѣ его характера, которая самая незначительная. Но всякій, кто признаетъ художника вообще натурой исключительной, которой нѣтъ дѣла до обыкновенныхъ людскихъ интересовъ, общественныхъ дѣлъ и повседневныхъ отношеній людей, тотъ непремѣнно имѣетъ въ воображеніи образъ, въ первый разъ появившійся въ лицѣ Леонардо да-Винчи.

Самой отличительной способностью артиста, конечно, является большое совершенство приемовъ исполненія въ томъ искусствѣ, которымъ онъ занимается, т. е. *виртуозность* исполненія, какъ говорятъ обыкновенно, заимствуя непреводимое итальянское выраженіе, называющее именно эту способность артиста. *Виртуозность*—это такого рода качество, которое нельзя обойти, говоря о художникѣ. Безъ него художникъ, несмотря на свой умъ, чувство и прекрасный намѣренія, перестаетъ быть художникомъ и обращается лишь въ интересующагося искусствомъ человѣка. Съ другой стороны, постоянно люди извѣстнаго настроенія съ презрѣніемъ относятся къ виртуозности въ искусствѣ и утверждаютъ, что лишь однѣ мысли и неподдѣльное чувство цѣнны, а законченность и изящество исполненія—одна забава, безъ которой можно и обойтись.

Какъ тѣ, такъ и другіе въ данномъ случаѣ и правы, и неправы. Каждое изъ этихъ мнѣній можно назвать правильнымъ, потому что оно имѣетъ основаніемъ необходимую потребность души человѣческой. Одна часть художниковъ всегда будетъ стремиться очистить свои произведенія отъ излишняго блеска формы, развлекающаго вниманіе, и приблизиться къ простому напомниманію зрителю той идеи, которую желаетъ выразить художникъ. При этомъ художественное произведеніе, несмотря на важность сюжета, постепенно будетъ терять самый смыслъ своего существованія. Оно перестанетъ быть способомъ передачи и объясненія мысли и явится лишь

знакомъ, понятнымъ тѣмъ, которые уже знаютъ данную мысль. Съ другой стороны, всегда будутъ такіе художники, которые весь смыслъ своей работы будутъ видѣть лишь въ изяществѣ формы. Сюжеты ихъ работъ будутъ самые простые и незначительные, потому что изящество формы такъ завлекательно, что не нужно большого сюжета, чтобы сдѣлать цѣннымъ и интереснымъ произведение искусства, обладающее этимъ волшебнымъ свойствомъ. Кроме того, изящество и совершенство формы само по себѣ придаетъ смыслъ каждому произведенію искусства, давая чувствовать и какъ бы осязать зрителю общую неясную мысль, постоянно присущую каждому человѣку, мысль, которую лучше всего назвать удивленіемъ, возбуждаемымъ существованіемъ такого непонятнаго явленія, какъ жизнь.

Умаленіе значенія ясныхъ идей, выражаемыхъ художникомъ, и увлеченіе изяществомъ формы—склонность во многихъ отношеніяхъ опасная для человѣчества. Это давно извѣстно. Это знали прекрасно Моисей, который въ силу этого и запретилъ своему народу пластическое искусство. При увлеченіи изяществомъ формы человѣкъ даетъ свободу развитія неяснымъ, неопредѣленнымъ чувствамъ своей души и отворачивается отъ разума и наиболѣе высокихъ своихъ идей. Но въ то же время онъ открываетъ новые способы для выраженія своей мысли. Безъ изящества и художественной формы не можетъ обойтись ни одно произведение ума или рукъ человѣка, въ особенности если оно предназначено для другихъ людей, если авторъ намѣренъ завладѣть вниманіемъ публики, чтобы передать ей самыя цѣнныя, самыя лучшія свои мысли. Съ этой точки зрѣнія значеніе художника-виртуоза громадно. Открытіе способа съ большей, сравнительно съ прежней, доступной человѣчеству, ясностью передавать свои мысли окружающимъ,—заслуга громадная, хотя бы это открытіе касалось самаго мелкаго, незначительнаго приѣма. И только одинъ художникъ способенъ на это открытіе, потому что мысли разрабатываются и философами, и учеными, но форма выраженія разрабатывается лишь одними виртуозами-художниками.

Винчи былъ именно такимъ художникомъ-виртуозомъ, гениальнымъ виртуозомъ. Какъ всѣ великіе люди, онъ появился на свѣтъ какъ разъ кстати или, лучше сказать, вслѣдствіе исторической необходимости.

Длинный процессъ средневѣковой исторіи привелъ уже въ срединѣ пятнадцатаго вѣка итальянское общество ко времени возрожденія наукъ и искусствъ. Въ это знаменательное время европейскій человѣкъ впервые почувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ всѣхъ путъ средневѣковыхъ условностей и увидѣлъ, наконецъ, себя лицомъ къ лицу непосредственно съ природой и окружающимъ обществомъ. Настало время появиться искусству субъективному, индивидуальному, такъ какъ прежніе приемы художества не могли быть достаточными для выраженія новой жизни,—и вотъ появился Винчи и указалъ людямъ, какъ можно наблюдать природу, какъ можно выражать свои мысли и чувства. Правда, что относительно мысли и чувства онъ былъ сначала очень воздержанъ. Онъ начиналъ новый путъ и потому всѣ силы свои онъ положилъ на то, чтобы твердо обозначить новое направленіе. Онъ главнымъ образомъ изучалъ и передавалъ природу и жизнь. Я выше уже сказалъ, что существованіе природы и проявленіе жизни возбуждаетъ постоянное

изумленіе. Нигдѣ не выражено лучше это изумленіе, какъ въ произведеніяхъ Винчи. Онъ любилъ, изучалъ и зналъ природу, а потому умѣлъ и передавать ее на своихъ картинахъ. Самыя малѣйшія вещи,—дерево, листья или просто даже графинъ съ водой,—онъ передавалъ съ такимъ совершенствомъ, что эти незначительные предметы пріобрѣтали значеніе крупныхъ художественныхъ откровеній и оставались въ памяти людей, любящихъ искусство, въ видѣ легенды, долго послѣ того, какъ самыя картины, на которыхъ они были только аксессуарами, были утрачены. „И было въ этомъ талантѣ,—говорить о немъ Вазари,—столько изящества, видреннаго отъ Бога, и такаа страшная способность объяснять свои мысли, причѣмъ эта способность была у него въ связи съ разумомъ и пользовалась услугами памяти, и, рисуя руками, онъ такъ хорошо умѣлъ выразить свою мысль, что этими своими доказательствами побѣждалъ, а доводами смущалъ самыя сильныя умы“. Въ этой краткой характеристикѣ генія Винчи, сдѣланной мимоходомъ, по поводу одного изъ его рисунковъ, Вазари съ необыкновенной ясностью даетъ понять самое существо таланта Винчи. Рисовалъ онъ руками, но такъ рисовалъ, что его рисунки были понятны. Они становились доказательствами и доводами, смущающими противника. Конечно, для такого художника не нужно большихъ и важныхъ сюжетовъ для того, чтобы создать большія произведенія. Для него всякое явленіе природы, всякій предметъ достаточны, чтобы сдѣлать художественную работу дорогою и важною для всѣхъ окружающихъ.

Винчи, какъ я уже говорилъ, былъ типичнѣйшимъ художникомъ-виртуозомъ, т. е. такимъ художникомъ, который носитъ въ себѣ самыя отличительныя черты типа художника, и былъ имъ во всемъ: въ своихъ картинахъ, статуяхъ, въ пѣніи и въ платьѣ, и въ обращеніи съ людьми, и во всей жизни. Характеръ его отличался большой сосредоточенностью. Онъ постоянно наблюдалъ окружающую жизнь и потому охотно уединялся и держался въ сторонѣ отъ людей. Черта, свойственная почти всѣмъ виртуозамъ. Эти люди, обладая даромъ достигать единенія съ окружающими людьми посредствомъ искусства болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, часто чувствуютъ себя какъ бы насыщенными обществомъ людей и видъ искусства не имѣютъ никакой нужды сходитьса съ людьми и даже наслаждаются одиночествомъ. Правда, что геніи, благодаря ширинѣ своихъ способностей, не могутъ быть сравниваемы съ обыкновенными виртуозами-художниками. Геніи никогда не довольствуются одной узкой спеціальностью: они чувствуютъ необходимость прилагать свои способности на разнообразныхъ поприщахъ.

Иные изъ нихъ, какъ Микель-Анжело, являются и художниками, и гражданами своей земли, другіе, какъ Рафаэль, имѣютъ склонность къ организаціи той группы людей, среди которыхъ они работаютъ. Эти добавочныя черты характера, конечно, приближаютъ художника къ окружающимъ людямъ. Но Винчи, будучи настоящимъ геніемъ, весь запасъ душевныхъ силъ, который у него оставался отъ чисто художественнаго труда, положилъ на другую столь же обширную область, требующую не меньшей сосредоточенности,—на науку. Эта вторая его спеціальность не только не могла приблизить его къ людямъ, но, напротивъ, такъ же, какъ и искусство, должна была удлинитъ его.

Вотъ главныя основанія характера Винчи, какимъ онъ выступаетъ изъ его произведеній, какимъ онъ обрисовывается изъ обстоятельствъ его жизни. Уяснивъ себѣ основныя черты его характера, которыя представляются типичнѣйшими чертами характера художника-виртуоза нашего новаго времени, т. е. художника субъективнаго и индивидуальнаго, станетъ совершенно понятно, почему Винчи былъ равнодушенъ къ нравственному достоинству своихъ покровителей, почему онъ цѣнилъ только средства, которыя они доставляли ему для работы, и въ то же время почему онъ вовсе не цѣнилъ денегъ. Почему онъ былъ, если можно такъ сказать, и щедръ, и алченъ въ одно и то же время, добываясь только выгодной службы и никогда не работая для денегъ. Почему онъ пользовался такимъ почетомъ и въ то же время былъ такъ несчастенъ и безпріютенъ. Почему, однимъ словомъ, онъ былъ тѣмъ типомъ, который въ нашѣхъ умѣ неразлученъ съ именемъ крупнаго художника-виртуоза, занимающагося только искусствомъ и не примѣшивающаго къ нему никакихъ другихъ побужденій. Такого Винчи-художника знали и современники, знаемъ и мы съ ихъ словъ, но недавно, когда были прочитаны и изслѣдованы оставленные имъ же громадныя манускрипты, рядомъ съ Винчи-художникомъ встаетъ Винчи-ученый, ученый, отшельникъ, который никогда не только не напечаталъ ни одной строки, но писалъ еще свои „Кодексы“, для сокрытія своихъ мыслей отъ любопытныхъ, лѣвой рукой и справа налѣво, такъ что его письмо можно читать только въ зеркало. Теперь оказывается, что Винчи далъ основанія для открытія приблизительно двадцати законовъ природы, что многія изъ его открытій составили славу позднѣйшихъ открывателей, и, что важнѣе всего, что имъ примѣненъ впервые методъ изслѣдованія, которымъ теперь пользуются современныя опытыя науки.

Въ своихъ писаніяхъ Винчи является еще и поэтомъ, и моралистомъ. Здѣсь раскрывается, сколько въ этомъ человѣкѣ было цѣнныхъ качествъ, которыя онъ не трудился показывать людямъ. Имѣть общеніе съ людьми у него былъ только одинъ способъ—искусство, и онъ удовлетворялся имъ вполне.

Въ художественномъ наслѣдствѣ Винчи, такъ же какъ въ его научныхъ работахъ, гораздо болѣе цѣннымъ является новое направленіе, которое онъ придалъ искусству, чѣмъ отдѣльныя его произведенія. Очень мало его картинъ и портретовъ дошло до насъ въ законченномъ видѣ. При тщательномъ изслѣдованіи художественной критики каждый годъ какая-нибудь изъ картинъ лучшихъ музеевъ Европы, которой гордились, какъ работой Винчи, признается копіей или поддѣлкой его произведенія. Въ настоящее время подлинныхъ, неоспоримыхъ картинъ Винчи наберется не болѣе 5—6 во всей Европѣ, да и тѣ еще, благодаря сложнымъ краскамъ, изобрѣтавшимся постоянно Винчи, почернѣли и потеряли большую часть своего живописнаго блеска. Самая большая и законченная, а также и самая знаменитая картина Винчи „Тайная вечеря“ пострадала еще и отъ варварскаго обращенія съ нею во время войнъ и въ настоящее время почти уничтожена. Для насъ работа и приемы Винчи виднѣе всего на его рисункахъ и наброскахъ, которые онъ дѣлалъ для изученія природы и для разработки композиціи своихъ картинъ. Эти маленькіе лоскутки бумаги и тетради сохранились

лучше картинъ. Въ нихъ Винчи живетъ, въ нихъ видны приемы его творчества. Но еще болѣе живетъ искусство Винчи въ своихъ основныхъ приемахъ въ произведеніяхъ всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ художниковъ. Въ этомъ смыслѣ Винчи слѣдуетъ признать родоначальникомъ всего современнаго европейскаго искусства.

Леонардо да-Винчи родился въ 1452 году, недалеко отъ Флоренціи, на правомъ берегу Арно, на возвышенности, образуемой Монте-Альбано, въ маленькомъ городкѣ Винчи или около самаго этого городка, въ деревнѣ Анкиано, состоящей изъ нѣсколькихъ каменныхъ домовъ, тѣсно поставленныхъ одинъ отъ другого, какъ это обыкновенно бываетъ въ Италіи. Въ послѣднее время М. Уціелли, извѣстный ученый, въ своемъ обширномъ изслѣдованіи о жизни и трудѣ Винчи опровергаетъ это послѣднее предположеніе и доказываетъ, что отецъ Винчи приобрѣлъ имущество въ Анкиано уже послѣ рожденія Леонардо. Итакъ, вѣрнѣе всего, что Винчи родился въ самомъ городкѣ, имя котораго онъ потомъ и прославилъ на весь свѣтъ.

Городокъ Винчи расположенъ въ прекрасной мѣстности. Онъ помѣщается на холмѣ и во всѣ стороны вокругъ разстилается характерный тосканскій пейзажъ. Волнистая, съ выступающими изъ-подъ земли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменнымъ кряжемъ, основаніемъ горъ, мѣстность раздѣлена на поля, расположенныя въ наиболѣе удобныхъ для обработки склонахъ. Длинные каменные стѣны тянутся вдоль улицъ и дорогъ. Поля между полосами пшеницы и грядками овощей засажены рядами оливковыхъ деревьевъ и виноградными лозами, привязанными къ жердямъ и деревьямъ и растянутыми длинными шпалерами вдоль поля. Вдали, между зеленью, виднѣются бѣлыя стѣны каменныхъ построекъ—домовъ земледѣльцевъ. Эти постройки стоятъ одиноко или соединяются на перекресткѣ двухъ дорогъ или около моста черезъ ручей въ группы въ 3—5 домовъ и образуютъ деревеньки.

Такова Тоскана теперь, такую же она была и во время Винчи. Отецъ Винчи былъ нотаріусомъ, такъ же какъ и три его предка, начиная съ прадѣда. Въ городкѣ Винчи отецъ Леонардо, серъ Піеро, занималъ, конечно, скромное помѣщеніе, домъ, который нынѣ совершенно разрушенъ или затерянъ среди другихъ построекъ. Леонардо былъ незаконнымъ сыномъ. Серъ Піеро *) было лишь двадцать два года, когда у него родился сынъ. Матерью Леонардо была нѣкая Екатерина, вѣроятно, простая крестьянка. Анонимный біографъ Винчи говоритъ, что онъ по матери былъ рожденъ отъ хорошей крови. Это должно, вѣроятно, означать, что мать его была изъ хорошей, уважаемой семьи, что подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣ рожденія сына она очень скоро вышла замужъ за нѣкоего Катобрига-дель-Вакка, тоже, вѣроятно, крестьянина и земледѣльца. Съ этого времени мать не играетъ никакой роли въ жизни сына, и судьба ея погружается въ полную неизвѣстность. Воспитаніе ребенка съ самаго ранняго дѣтства взялъ на себя отецъ. Уже одинъ этотъ поступокъ показываетъ и нравственное достоинство, и силу характера сера Піеро, въ особенности если

*) Серъ сокращенное произношеніе messere. Такъ величались должностныя лица и, между прочимъ, и нотаріусы.

принять во вниманіе его молодость въ это время. Серъ Піеро впоследствии былъ женатъ четыре раза, имѣлъ еще девять сыновей и двухъ дочерей и прекрасно велъ свои дѣла. Онъ приобрѣлъ домъ во Флоренціи и жилъ, какъ кажется, съ тѣхъ поръ болѣе въ этомъ городѣ, центрѣ цивилизаціи, чѣмъ въ глухомъ уголкѣ Винчи. Флорентинскій домъ сера Піеро находился на площади Санъ-Фиренце, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь помѣщается дворецъ Гонди.

О дѣтствѣ Леонардо не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Вазари говоритъ, что онъ былъ необыкновенно способнымъ мальчикомъ и выказывалъ большую склонность ко всѣмъ наукамъ, но въ то же время характеръ его былъ очень переѣнчивъ, и онъ не могъ остановиться на изученіи какого-либо одного предмета. Въ математикѣ онъ выказывалъ необыкновенныя способности. Едва принявшій за изученіе этой науки, онъ началъ задавать своему учителю столь трудные вопросы, что ставилъ его въ тупикъ. Занимался онъ немного и музыкой и сталъ учиться играть на лирѣ, такъ какъ это красивый инструментъ и акомпаннментъ на немъ пѣнію соответствуетъ высокому стилю и элегантнымъ манерамъ.

Имѣя прекрасный голосъ, онъ быстро достигъ совершенства въ пѣніи съ акомпаниментомъ лиры и пѣлъ собственные импровизаціи. Слава его, какъ пѣвца, быстро распространилась и помогла даже ему впоследствии устроиться въ Миланѣ. Также рано привилась у Леонардо охота къ наблюденію природы. Онъ любилъ природу, животныхъ, въ особенности птицъ. Лошадьми и птицами Винчи интересовался всю жизнь, чему яснымъ доказательствомъ служатъ его рисунки лошадей и ихъ анатоміи и обширное сочиненіе о полетѣ птицъ, которымъ онъ занимался въ связи съ идеей изобрѣтенія летательной машины.

Отличаясь пріятностью характера и добротою, — говоритъ Вазари, — онъ привлекалъ къ себѣ всѣ души. Онъ былъ добръ къ людямъ и къ животнымъ: лошадей онъ обучалъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, а птицъ, проходи по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ихъ продаютъ, часто покушалъ и отпускалъ на волю.

О первыхъ его опытахъ въ механикѣ мало извѣстно, но несомнѣнно, что онъ смолоду занимался и этимъ дѣломъ. Тотъ же Вазари рассказываетъ, что Винчи первый, еще очень молодымъ человѣкомъ, предлагалъ урегулировать теченіе Арно между Флоренціей и Пизой и замѣнить его извилистое, неправильное и постоянно мѣняющее направленіе русло каналомъ. Онъ изобрѣталъ способы поднимать тяжести, копать тунели, устраивать канализацію и выдумывалъ для этого машины, предлагалъ даже синьоріи поднять храмъ св. Іоанна, т. е. Крестильню (вслѣдствіе подъема мостовой оказавшюся въ ямѣ), безъ разбора каменной кладки, и сдѣлалъ для этого вычисленія и чертежи. Ужъ Винчи постоянно былъ въ движеніи, — онъ постоянно изобрѣталъ что-либо. Но какъ бы ни были разнообразны его занятія, какъ бы ни разбрасывался онъ въ разныя стороны, онъ никогда не переставалъ заниматься рисованіемъ и лѣпкою, т. е. пластическимъ искусствомъ. Къ этому дѣлу Леонардо имѣлъ исключительную склонность и считалъ это искусство, какъ это видно изъ его сочиненій, самымъ лучшимъ и благороднѣйшимъ занятіемъ, доступнымъ человѣку. Еще маленькимъ мальчикомъ онъ рисовалъ для своей забавы и

такъ удачно, что отецъ его, серъ Піеро, види въ немъ признаки таланта, задумалъ отдать его въ ученіе къ художнику.

Серъ Піеро былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ въ то время флорентинскимъ живописцемъ и скульпторомъ Андреа Верроккіо. Онъ спешъ къ нему и показалъ рисунки сына. Верроккіо былъ пораженъ первоначальными работами мальчика и принялъ его къ себѣ въ ученики. Въ это время Леонардо, по всей вѣроятности, такъ какъ точныхъ данныхъ для этого не сохранилось, было пятнадцать лѣтъ.

Мастерская Верроккіо оказалась средой, наиболѣе пригодной для развитія таланта Винчи, который съ самой юности отличался полной самостоятельностью и склонностью подражать одной природѣ. Верроккіо скорѣе самъ подпалъ подъ влияніе своего гениальнаго ученика, чѣмъ оказывалъ на него влияніе, и тѣмъ не менѣе Верроккіо былъ прекраснымъ учителемъ, образовавшимъ нѣсколько выдающихся талантовъ, товарищей Леонардо. Учениками его были между прочимъ: Піетро Перуджино и Лоренцо ди-Креди, и заслуга его въ дѣлѣ художественнаго воспитанія и Винчи не подлежитъ сомнѣнію. Верроккіо занимаетъ переходную ступень отъ ранняго ренессанса къ полному расцвѣту искусства, новой эпохѣ, начатой Винчи.

Старые мастера, — говоритъ Вазари, въ предисловіи къ третьей книгѣ своихъ жизнеописаній художниковъ, — достигли большого совершенства въ искусствѣ скульптуры и живописи. Они научились дѣлать фигуры людей пропорціональными и правильными. Въ рисункѣ они подражали тому, что находили самаго правильнаго и красиваго въ природѣ. Красоту отдѣльныхъ частей тѣла, — головы, лица, рукъ и ногъ, — они изучали и, устанавливая размѣры и форму каждой части, они соединяли эти части вмѣстѣ и получали наикрасивѣйшій человѣческой образъ, который они и повторяли для всѣхъ фигуръ своихъ произведеній. Это и называлось прекраснымъ стилемъ. Джіотто не владѣлъ еще въ совершенствѣ этимъ приѣмомъ, хотя онъ открылъ многія изъ этихъ тонкостей, какъ въ рисункѣ, такъ и въ краскахъ. Слѣдующіе за нимъ художники сильно усовершенствовали искусство, но они не могли достигнуть окончательнаго совершенства, потому что въ ихъ правилахъ недоставало нѣкоторой свободы, вольности исполненія, такой вольности, которая, будучи внѣ всякаго правила, была бы однако правильною и не вносила бы безпорядка въ общій строй исполненія. Строй этотъ нуждался въ болѣе богатомъ воображеніи во всѣхъ частяхъ и въ большей красотѣ въ самыхъ мельчайшихъ деталяхъ для того, чтобы пріобрѣсти болѣе богатства и блеска. Въ размѣрахъ человѣческихъ фигуръ недоставало надлежащаго пониманія пропорцій, вслѣдствіе котораго фигуры эти, и не будучи вымѣрены по частямъ, выказывали бы во всѣхъ своихъ пропорціяхъ изящество, превосходящее простую правильность мѣры. Рисунокъ еще не достигалъ своей конечной цѣли, потому что хотя рисовали руку круглою или ногу правильною, прямою, но рисунки эти не были закончены изображеніемъ мускуловъ, сдѣланныхъ съ тою изящною свободою, которая дѣлаетъ предметы видимыми въ мѣру, какъ это бываетъ на живомъ тѣлѣ. Напротивъ, они рисовали

мускулы жестко, какъ будто съ ободранной кожей, и мозолили этимъ глаза зрителя. Въ особенности недоставало полного совершенства въ изображеніи женщинъ и дѣтей, у которыхъ, вслѣдствіе полноты тѣла, черты мягкія и нѣжныя. Недоставало также въ прежнихъ картинахъ красоты въ одеждахъ, разнообразія аксессуаровъ и красокъ, перспективы и ширины пейзажа.

По мнѣнію Вазари, всѣ эти совершенства достигнуты были потомъ, когда появились изъ-подъ земли знаменитыя древнія статуи: Лаокоонъ, Аполлонъ, Венера Медицейская и ватиканскій торсъ. Это, конечно, справедливо, но для воспріятія совершенства античнаго греческаго искусства понадобился и новый, свѣтлый геній, и такимъ геніемъ явился Леонардо да-Винчи. Безъ него и Верроккіо врядъ ли сдѣлалъ бы тотъ шагъ впередъ въ искусствѣ, который ясно наблюдается на его послѣднихъ произведеніяхъ. Не будучи въ силахъ самостоятельно стать на новый путь, Верроккіо, однако, чувствовалъ необходимость сдѣлать новое открытіе въ искусствѣ, которое постоянно мерещилось его воображенію. Въ своихъ произведеніяхъ онъ усиленно разрабатывалъ выраженіе, такъ же настойчиво изучалъ онъ натуру. Но усиленное, детально разработанное выраженіе лица и фигуры безъ исключительныхъ художественныхъ силъ въ исполненіи всегда ведетъ къ тому, что произведеніе искусства обращается нѣсколько въ карикатуру. Сила обращается въ грубость, а нѣжность въ болѣзненность.

Это и замѣчается на картинахъ Верроккіо. Его мадонны намъ, которые видѣли работы Винчи и Рафаэля, кажутся утомленными, съ отбѣнкомъ недовольства въ выраженіи лица, а мужскія его фигуры, какъ, напримѣръ, фигура Іоанна на извѣстной картинѣ „Крещеніе Спасителя“, грубоваты и прозячны. Но въ глазахъ современниковъ эти работы должны были имѣть совсѣмъ другое значеніе. Стоитъ лишь сравнить ихъ съ работами предшественниковъ, чтобы увидѣть это совершенно ясно. Въ вещахъ Верроккіо такая разработка выраженія, несмотря на то, что она не свободна отъ каррикатурности, какой еще не бывало до него. Вотъ почему Верроккіо пользовался такой славой во Флоренціи и почему въ его мастерской обучились всѣ лучшіе молодые художники слѣдующаго за нимъ періода,—Піетро Перуджино и Лоренцо ди-Креди и, наконецъ, гениальный Леонардо да-Винчи. Въ его направленіи, несмотря на опасность впасть въ манерность, былъ залогъ дальнѣйшаго развитія, потому что онъ усиленно разрабатывалъ форму въ ея мельчайшихъ деталяхъ, дающихъ выраженіе. Леонардо, конечно, многому научился во время своего ученичества у Верроккіо, но врядъ ли непосредственныя указанія учителя могли принести ему пользу. На него дѣйствовало больше общее настроеніе, передававшееся учителямъ, еще молодымъ и энергичнымъ челоуѣкомъ, всей группѣ молодыхъ художниковъ, работавшихъ около него, тѣмъ болѣе, что это настроеніе соответствовало его личнымъ побужденіямъ.

Леонардо былъ слишкомъ самостоятельнымъ и сильнымъ талантомъ, чтобы на него могли вліять непосредственныя указанія кого бы то ни было. Очень скоро онъ далеко обогналъ своего учителя и явно подчинилъ его своему вліянію. О пользѣ же подражанія другимъ Винчи опредѣленно и не разъ выска-

зался въ своихъ сочиненіяхъ: „Я говорю живописцамъ, — пишетъ онъ въ LXXXI главѣ трактата о живописи, — что никогда никто не долженъ подражать манерѣ другого, потому что такимъ образомъ онъ сдѣлается не сыномъ, а внукомъ природы. Образцы встрѣчаются въ такомъ количествѣ въ природѣ, что лучше обращаться къ нимъ, чѣмъ къ учителямъ. Я говорю это не для тѣхъ, которые стремятся искусствомъ достигъ богатства, но для тѣхъ, кто стремится къ славѣ и чести“. Несомнѣнно, что это убѣжденіе сложилось у него подъ вліяніемъ собственнаго врожденнаго стремленія къ выраженію жизни, наблюдаемой непосредственно въ природѣ.

По мѣрѣ самостоятельности передачи природы Леонардо цѣнили и художниковъ прежнихъ временъ. „Джіотто изъ Флоренціи, — говоритъ онъ, — родился среди уединенныхъ горъ, гдѣ живутъ только козы и другія подобныя животныя. Природною склонностію влекомый къ искусству, онъ началъ на скалахъ рисовать козъ, порученныхъ его надзору, также рисовалъ онъ и другихъ животныхъ, встрѣчаемыхъ въ этой мѣстности. Благодаря своимъ настойчивымъ занятіямъ онъ оставилъ позади себя не только всѣхъ современныхъ ему мастеровъ, но и всѣхъ мастеровъ многихъ предыдущихъ вѣковъ. Послѣ Джіотто искусство пало, потому что всѣ подражали уже существовавшимъ картинамъ, и такъ уровень понижался изъ столѣтія въ столѣтіе до тѣхъ поръ, пока Тома изъ Флоренціи, по прозванію Мазаччіо, не показалъ своими совершенными работами, что тѣ, кто беретъ руководительницей не природу, высшую учительницу, а что-либо другое, изнуряютъ себя напрасными усиліями“.

Въ школѣ Верроккіо молодой Леонардо, конечно, быстро завоевалъ первенствующее положеніе. Онъ не только отличался художественнымъ талантомъ въ живописи, — онъ былъ красавецъ собою, силачъ, пѣвецъ и импровизаторъ. Онъ былъ оригиналенъ въ манерахъ. Это все такія свойства, которыя всегда и вездѣ обращаютъ на себя вниманіе окружающихъ. Тѣмъ сильнѣе должны они были дѣйствовать въ то время на флорентинское общество, потому что флорентинское общество той эпохи страстно увлекалось именно оригинальностью въ талантѣ.

Флоренція была наполнена художниками. Они дѣлились на группы, которыя были въ вѣчномъ антагонизмѣ. Художники собирались въ той или другой мастерской и поднимались споры о предметахъ искусства. Критическое направленіе и настроеніе умовъ было развито до-нельзя. Все вышучивалось и поднималось на смѣхъ, и въ то же время постоянное соревнованіе возбуждало энергію противниковъ и стремленіе создать что-либо необыкновенное, выходящее изъ ряду вонъ, показать въ чемъ-либо новый образецъ „*terribilita*“, т. е. „ужасности“.

Этимъ специальнымъ словомъ обозначали тогда художники на своемъ специальномъ, цеховомъ жаргонѣ новое и поразительное въ искусствѣ. Собранія художниковъ бывали очень шумныя. Въ выборѣ выраженій не всегда стѣснялись. На первомъ планѣ была сила и мѣткость выраженія, а о мягкости мало кто заботился. Споры иногда кончались и драками. Вообще нравы тогдашнихъ художниковъ не отличались ни скромностью, ни благовоспитанностью, и это была осо-

бенность флорентинской художественной школы, которая эмансипировалась раньше всѣхъ остальныхъ. Винчи, какъ я уже говорилъ, былъ человѣкъ права сосредоточеннаго, какъ всѣ мыслители и наблюдатели, но онъ былъ въ то же время и артистомъ, гениальнымъ художникомъ во всемъ. за что бы онъ ни взялся. Понятно, что онъ умѣлъ быть интереснымъ въ обществѣ, первенствовать надъ другими, когда онъ этого хотѣлъ. На первомъ мѣстѣ онъ былъ и въ веселой компаніи, и среди буяновъ.

Нѣкоторая часть наиболѣе чопорныхъ и старозавѣтныхъ флорентинскихъ буржуа была, конечно, недовольна выходками художественной молодежи и подчасъ готова была обвинить этихъ новыхъ людей, громко заявлявшихъ свои права въ обществѣ, въ какихъ угодно недостаткахъ и порокахъ. Этимъ надо объяснить то обстоятельство, что однажды Винчи и два другихъ его товарища были обвинены тайнымъ, анонимнымъ доносомъ въ безнравственныхъ поступкахъ. Судъ разсматривалъ это дѣло дважды, т. е. очень осмотрительно и тщательно. 9 апрѣля 1476 года всѣ трое обвиняемыхъ были оправданы въ первый разъ, а затѣмъ 7 іюня 1476 года, послѣ всесторонняго слѣдствія, тотъ же судъ св. Марѳа оправдалъ ихъ окончательно.

Очевидно, что обвиненіе было ложно, разъ художникъ, незаконный сынъ, молодой человѣкъ безъ связей и средствъ, добился полного своего оправданія. Очевидно, что этотъ приговоръ былъ постановленъ на основаніи добытыхъ данныхъ и по совѣсти, а не по какимъ-либо инымъ видамъ, и потому къ нему слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ. Но у насъ есть еще доказательство невинности Винчи, котораго не имѣли передъ собой его флорентинскіе суды: у насъ есть его сочиненія и свѣдѣнія о всей его долгой жизни.

Какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ своей жизни Винчи является человѣкомъ упорнаго труда и необыкновенно высокаго душевнаго настроенія. Какъ мысли, высказанныя Винчи въ его кодексахъ, которые онъ и не думалъ печатать и писалъ только для себя, такъ и поступки всей его жизни вполне подтверждаютъ оправдательный приговоръ судилища св. Марѳа. Объ этой клеветѣ на Винчи не стоило бы и упоминать, если бы умолчаніе объ ней не способно было бросить хотя бы и легкую тѣнь на его имя.

Въ мастерскую Верроккіо Леонардо поступилъ около 1467 года. Въ 1472 году онъ былъ принятъ въ члены корпораціи живописцевъ во Флоренціи. Это ясно доказываетъ, что въ это время онъ былъ уже развившимся артистомъ. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать со своимъ учителемъ Верроккіо, какъ можно думать, скорѣе въ качествѣ товарища, чѣмъ ученика до 1476 года.

Въ писаніяхъ Винчи нѣтъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній. Онъ не только никогда не пишетъ о себѣ, но даже съ особеннымъ тщаніемъ избѣгаетъ произносить имена собственныя вообще, такъ что очень трудно установить, когда и съ кѣмъ онъ работалъ и какія работы произвелъ. Среди рисунковъ Винчи, однако, есть наброски, которые несомнѣнно относятся къ этому первому періоду его художественной дѣятельности. Въ музеѣ Уффици сохраняется между прочимъ рисунокъ перомъ, который помѣченъ „Леонардо“, что составляетъ рѣдкость, и на

которомъ есть характерная надпись *a govescio*, т. е. справа налѣво, какъ писалъ всегда Леонардо для себя. Надпись эта гласитъ, что рисунокъ сдѣланъ въ 1473 году, въ день св. Маріи свѣга (*Santa Maria della Neve*), 2-го августа.

Рисунокъ представляетъ пейзажъ и исполненъ съ большимъ изяществомъ перомъ. Итакъ, въ 1473 году Винчи принялъ уже способъ писать замѣтки для себя особымъ почеркомъ справа налѣво, такъ что письмо его можно читать только въ зеркало или держа бумагу на свѣтъ. Основаніе такого способа письма, конечно, лежало въ особенности физическаго развитія рукъ Винчи: онъ былъ лѣвшой. Правая рука его, несмотря на все развитіе ея, потому что онъ ею писалъ красками и рисовалъ и писалъ письма, все же была слабѣе и менѣе ловка, чѣмъ его лѣвая рука, которую онъ употреблялъ и при работѣ картинъ, и въ особенности, какъ это очевидно изъ его громаднаго литературнаго наслѣдства, когда ему нужно было что-либо записать лично для себя. Совершенно понятно, что лѣвой рукой удобнѣе писать справа налѣво, чѣмъ такъ, какъ всѣ пишутъ правой рукой, и этимъ можно отчасти объяснить странное письмо Винчи. Но въ то же время есть основаніе предположить, что Винчи писалъ такимъ неудобнымъ для чтенія для непривычныхъ людей способомъ, чтобы сохранить тайну своихъ манускриптовъ и открытій отъ любопытныхъ.

Итакъ, уже въ 1473 году, на 21 году жизни, передъ нами предстаетъ весь Винчи со всѣми своими характерными особенностями. Обратимся къ художественнымъ его работамъ въ этотъ періодъ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что почти все, сдѣланное имъ въ юности, пропало. Осталась жить въ видѣ легенды лишь слава его первыхъ работъ.

Вазари рассказываетъ, что однажды, когда серъ Піеро, отецъ Леонардо, ѣздилъ къ себѣ на виллу, въ Винчи, одинъ изъ знакомыхъ ему крестьянъ попросилъ его отдать во Флоренціи расписать небольшой круглый щитъ. Крестьянинъ при этомъ передалъ ему и самый щитъ изъ фиговаго дерева простой домашней работы. Серъ Піеро охотно взялся исполнить порученіе, потому что крестьянинъ этотъ оказывалъ ему услуги, какъ прекрасный охотникъ и рыбоводъ. Приѣхавъ во Флоренцію, онъ передалъ щитъ сыну и просилъ расписать его, не сказавъ даже, кто передалъ ему это порученіе. Леонардо охотно взялся за дѣло.

Видя, что щитъ плохо сработанъ и покособился, онъ выправилъ его на огнѣ, отдалъ токарю обточить, какъ слѣдуетъ, и придавъ ему легкую и изящную форму. Затѣмъ, покрывъ его гипсовой заготовкой, какъ это дѣлается для живописи по дереву, онъ принялся за работу. Такъ какъ это былъ щитъ, т. е. оборонительное оружіе, то онъ вдохновился идеей эгиды Паллады съ головою Медузы и вознамѣрился написать на немъ что-нибудь ужасное. Страсть къ ужасно-чудовищно-прекрасному была очень сильна въ Винчи и составляла даже одну изъ основныхъ чертъ его художественнаго характера, такъ что нельзя не замѣтить, что въ этомъ первомъ своемъ произведеніи онъ выказалъ самую отличительную черту своего таланта.

Задумавъ написать ужасное чудовище, онъ опять съ ему одному свойствен-

ными приемами принялся за исполнение своей мысли. Какъ страстный наблюдатель природы и жизни животныхъ, онъ зналъ всѣхъ гадовъ, живущихъ на поляхъ вокругъ Флоренціи. Онъ собралъ цѣлую ихъ коллекцію и, соединяя въ своемъ воображеніи отдѣльныя части разныхъ животныхъ, создалъ ужасное чудовище, изрыгающее изъ пасти огонь. Онъ нарисовалъ его посреди щита выползающимъ какъ бы изъ расщелины скалы. Во время работы, — рассказываетъ Вазари, — онъ такъ увлекался своимъ замысломъ и съ такой любовью изучалъ съ натуры формы членовъ собранныхъ имъ гадовъ, что даже не замѣчалъ дурного запаха отъ ихъ разлагающихся тѣлъ. Работалъ онъ въ уединенной комнатѣ, куда не пускалъ никого. Когда щитъ былъ оконченъ, онъ напомнилъ отцу, что тотъ можетъ взять его. Это было кстати, потому что и серъ Піеро, и крестьянинъ совсѣмъ забыли о своемъ щитѣ. Когда отецъ пришелъ въ мастерскую, Леонардо попросилъ его подождать при входѣ въ комнату, а самъ пошелъ, помѣстивъ щитъ на пюпитрѣ, поставилъ его по направленію свѣта, чтобы картина была выгодно освѣщена, завѣсилъ нѣсколько окно, чтобы свѣтъ направленъ былъ для большаго эффекта только на щитъ, и тогда позвалъ отца.

Серъ Піеро, войдя въ комнату и не ожидая того, что щитъ будетъ такъ расписанъ, не сообразилъ въ первую минуту, что чудовище это только написано, и невольно отступилъ назадъ. Тогда Леонардо, довольный, сказалъ: „Эта вещь годится для того, для чего она сдѣлана. Возьмите ее: такая вещь и должна производить такое впечатлѣніе“. Серъ Піеро призналъ работу Леонардо дѣйствительно чудесной и очень хвалилъ и остроумныя слова сына. Онъ пожалѣлъ отдать этотъ щитъ крестьянину и купилъ ему въ лавкѣ щитъ съ нарисованнымъ сердцемъ, проколотымъ стрѣлой, за что крестьянинъ остался ему благодаренъ на всю жизнь, а щитъ, расписанный Леонардо, былъ имъ проданъ во Флоренціи нѣкимъ купцамъ за 100 дукатовъ, купцы же вскорѣ перепродали его миланскому герцогу за триста дукатовъ.

Щитъ этотъ сыгралъ значительную роль въ жизни Винчи, потому что, можетъ быть, благодаря ему миланскій герцогъ принялъ впоследствии Винчи на свою службу. Кромѣ щита имъ была еще исполнена картина, имѣющая связь съ работою щита.

Онъ написалъ голову Медузы, у которой вмѣсто волосъ сдѣлалъ кучу шипящихъ змѣй. Но этой вещи, — какъ говорить Вазари, — онъ не кончилъ, какъ и многихъ другихъ своихъ вещей. Дѣйствительно, Винчи необыкновенно много картинъ оставилъ неоконченными. Онъ принимался за дѣло съ большимъ рвеніемъ, задавалъ мыслию выполнить свою идею съ такимъ совершенствомъ, которое было, можетъ быть, недостижимо, и затѣмъ, проработавъ иногда долго надъ вещью, вдругъ переносилъ свое вниманіе на что-либо другое. Другая идея, находившаяся къ связи съ задуманнымъ произведеніемъ, такъ поглощала его, что онъ бросалъ начатую работу и не возвращался больше къ ней. Такъ объясняли обыкновенно нежеланіе Винчи кончать свои работы, такъ же объясняли и постоянную страсть его мѣнять композицію и передѣлывать начатое. Но этой переѣмчивости способствовала, конечно, и склонность видѣть въ произведеніи искус-

ства главнымъ образомъ виртуозность исполненія и стремленіе именно къ этой виртуозности.

Винчи мало интересовался сюжетомъ своей картины. Онъ или исполнялъ сюжеты, уже вполне разработанные до него, не внося въ нихъ новой точки зрѣнія,—таковы многія его картины религіознаго содержанія, или писалъ даже такія картины, въ которыхъ вовсе не было сюжета: „чудовище на щитѣ“, „Медуза“, „Нептунъ, ѣдущій на колесницѣ“, котораго онъ сдѣлалъ своему другу Антонию Сеньи.

Винчи интересовался тонкостію и блескомъ исполненія, и понятно, что ему лично было все равно, вся ли картина закончена, или только часть ея. Онъ интересовался самой работой и потому постоянно ставилъ себѣ все новыя и новыя трудности, и по необходимости мысль его становилась, наконецъ, невыполнимой. Отрывали его отъ художественной работы и его занятія ученаго и наблюдателя. Иногда во время работы картины онъ начиналъ изобрѣтать новыя краски или новый лакъ, и картина отставлялась въ сторону на неопредѣленное время. Обстоятельства мѣнялись, заказчики выходили изъ терпѣнія или приходилось переселиться въ другой городъ,—и работа оставалась неоконченной.

„Голова Медузы“ находится въ настоящее время въ галлерей Уффици во Флоренціи, но картину эту нельзя признать за подлинникъ Винчи. Она, вѣроятно, написана Ломатто по описанію произведенія Винчи, сдѣланному Вазари. Такъ по крайней мѣрѣ полагають знатоки. Къ этому же первоначальному, флорентинскому, періоду дѣятельности Винчи относится „ангелъ“, котораго онъ написалъ на картинѣ Верроккіо „Крещеніе Спасителя“. Картина эта сохранилась и находится въ академіи художествъ во Флоренціи. На этой картинѣ каждый можетъ видѣть, насколько манера Винчи совершеннѣе работы Верроккіо. Іоаннъ, Спаситель, ангелъ, написанный Верроккіо, все кажется жестко, грубо и каррикатурно сравнительно съ превосходной, изящной работой Винчи. Вазари рассказываетъ, что Верроккіо, увидѣвъ этого ангела, написаннаго его ученикомъ, бросилъ кисти и рѣшилъ не заниматься больше живописью и предаться одной скульптурѣ, пріидя въ негодованіе отъ того, что юноша, ученикъ, оказался болѣе умѣлымъ живописцемъ, чѣмъ онъ. Это не вѣрно: Верроккіо и послѣ этого занимался живописью, но анекдотъ этотъ хорошо изображаетъ впечатлѣніе, которое должны были испытывать и Верроккіо, и всѣ окружающіе его художники при видѣ новаго, невиданнаго до тѣхъ поръ совершенства исполненія въ работахъ Винчи. Сдѣлалъ онъ кромѣ того по заказу картонъ „Грѣхопаденіе Адама и Евы въ раю“ для ковра, который предполагалось выткать во Фландріи для португальскаго короля.

Винчи исполнилъ рисунокъ въ два тона бѣлой и черной краской, то, что называется по-италиански „chiago-scuro“. Изобразилъ онъ Адама и Еву на лугу среди множества травъ и нѣсколькихъ животныхъ, и все это было съ необычайнымъ совершенствомъ и знаніемъ природы исполнено такъ, что никто не могъ представить себѣ болѣе тщательной рисовки. Особенное вниманіе обращало на себя фиговое дерево, которое, по словамъ Вазари, было нарисовано съ такимъ

совершенствомъ и тщаніемъ, что трудно было представить себѣ, чтобы человѣкъ могъ имѣть столько терпѣнія. Каждая вѣточка на немъ и каждый листикъ были нарисованы со всемія подробностями. Такъ же отчетливо была нарисована и пальма, и особенно хорошо было передано закругленіе ея листьевъ. Этотъ картонъ Винчи исчезъ, и осталась только слава его. Написалъ онъ еще Богоматерь, превосходную, по словамъ того же Вазари, картину, которая была у папы Климента VII. Эта картина тоже пропала, и о ней сохранилось лишь замѣчаніе Вазари, отмѣтившаго главнымъ образомъ, что Винчи удивительно, до обмана зрѣнія, изобразилъ среди другихъ мелочей аксессуара графиня, наполненный водой съ поставленными въ нее цвѣтами. Изъ всеѣхъ этихъ чрезвычайно характерныхъ свѣдѣній о произведеніяхъ Винчи, собранныхъ такимъ талантливымъ цѣнителемъ произведенийъ искусства, каковымъ былъ Вазари, ясно выступаетъ обликъ Леонардо, какъ художника и наблюдателя природы.

Винчи былъ виртуозомъ-художникомъ, владѣвшимъ необыкновеннымъ искусствомъ исполненія, какъ въ рисунокѣ, который былъ имъ развитъ постояннымъ изученіемъ природы, такъ и въ колоритѣ. Для достиженія наибольшихъ эффектовъ въ колоритѣ онъ предпринялъ даже систематическое изученіе свѣта и цвѣтовъ спектра и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи серьезныя открытія, о чемъ и будетъ говорено ниже. Теперь же достаточно указать на то, что онъ принялъ за правило сгущать тѣни для того, чтобы увеличить относительную силу свѣта на своихъ картинахъ. Художественная дѣятельность Винчи была постоянно въ полной связи съ его научными изслѣдованіями природы. Онъ вдохновлялся своими наблюденіями, какъ другіе художники вдохновлялись вѣрой, нравственными идеалами, патріотизмомъ. Винчи представляется рѣдкимъ экземпляромъ художника такого типа. Вотъ почему и работы его запечатлѣны такой яркой индивидуальностью и оригинальностью. Насколько можно судить изъ его трудовъ, любилъ онъ только природу и ею только и восхищался. Его картины служатъ яснымъ доказательствомъ, что въ искусствѣ онъ стремился лишь къ вѣрной, точной и яркой передачѣ природы, которая казалась ему недостижимымъ образцомъ, почему онъ часто и оставлялъ свои работы неоконченными. Изъ первоначальнаго флорентинскаго періода жизни Винчи до насъ дошли только три произведенія его, кромѣ рисунковъ, служащихъ этюдами для этихъ картинъ. Дошли до насъ: „Благовѣщеніе“, „Поклоненіе волхвовъ“ и „Святой Иеронимъ“, да и то первая изъ нихъ, „Благовѣщеніе“, сохраняемое въ двухъ вариантахъ, въ Уффицияхъ во Флоренціи и въ Луврѣ въ Парижѣ, признается за работы учениковъ или товарищей Винчи, а обѣ картины „Поклоненіе волхвовъ“ и „Св. Иеронимъ“ остались совершенно неоконченными. Однако и въ такомъ видѣ эти работы Винчи представляютъ громадный интересъ.

Въ нихъ видны, въ особенности въ первой, если разсматривать ее въ связи съ оставшимися приготовительными набросками къ ней, способъ разработки сюжета великимъ мастеромъ и замѣчательная сила въ передачѣ характеровъ и выраженія. Есть въ нихъ и та новизна, цѣльность и опредѣленность пріемовъ, которые тотчасъ же становятся не только понятными, но даже

краснорѣчивыми для каждаго зрителя, однимъ словомъ, черты, носящія явные признаки гениальности.

Обѣ картины, изображающія „Благовѣщеніе“, какъ мнѣ кажется, не принадлежатъ кисти Винчи, и я склоняюсь къ мнѣнію тѣхъ, кто считаетъ ихъ работою учениковъ или современниковъ Винчи, находившихся подъ обаяніемъ его таланта и его типовъ Мадонны и ангеловъ. Наиболѣе близка къ работѣ Винчи картина, хранящаяся въ Луврѣ. На ней Мадонна изображена именно съ такимъ выраженіемъ скромности и сосредоточенности, какое Леонардо въ одномъ изъ своихъ писаній считаетъ необходимымъ для изображенія этого сюжета. Въ Уффицихъ есть даже рисунокъ головки дѣвушки, склонившейся внизъ съ опущенными глазами и прекрасными, мягкими, пушистыми волосами, красиво придерживаемыми повязкой на головѣ и ниспадающими широкими волнами съ обѣихъ сторонъ лица. Рисунокъ этотъ очевидно послужилъ образцомъ для головы Богоматери на картинѣ Лувра, но сама картина написана жирными мазками, какими Винчи никогда не писалъ, и въ нѣкоторыхъ своихъ деталяхъ представляетъ такіа чуждыя Винчи особенности, что нѣтъ возможности признать ее его работою и приходится согласиться съ каталогомъ Лувра, относящимъ ее къ произведеніямъ Лоренцо ди-Креда.

„Благовѣщеніе“ въ Уффицихъ, во Флоренціи, представляетъ картину оконченную и чрезвычайно тщательно исполненную. Картина эта отличается большими достоинствами какъ въ выраженіи лица ангела, такъ въ особенности въ выраженіи изумленія на прекрасномъ и чрезвычайно молодомъ лицѣ Богоматери. Прекрасенъ на этой картинѣ и пейзажъ, и всѣ аксессуары, но надъ головами Мадонны и ангела сдѣланы нишбы, чего Винчи никогда не дѣлалъ, и, что еще важнѣе, общій тонъ, цвѣтъ этой картины совершенно не соответствуетъ работамъ Винчи.

Не признавая подлинности этихъ картинъ, въ то же время нельзя не видѣть, что въ обоихъ этихъ произведеніяхъ, какъ и во многихъ другихъ той же эпохи, живетъ духъ, искусство, виртуозность Винчи. Безъ Винчи, безъ его удивительныхъ образцовъ искусства, конечно, никто не могъ бы написать подобныхъ картинъ. Эти картины показываютъ, какъ подавляюще сильно проявлялось влияніе Винчи на его современниковъ, несмотря на то, что онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ и сдѣлалъ еще очень немного работъ.

Самая крупная работа Винчи первоначальнаго, флорентинскаго, его періода,— конечно „Поклоненіе волхвовъ“, но и эта картина осталась неоконченною или, лучше сказать, только начатою. Остался собственно лишь картонъ-рисунокъ, подготовленный нѣсколькими тонами для живописи. Таковъ былъ характеръ Винчи. Онъ больше занимался своей внутренней работою, отысканіемъ способовъ исполненія, опредѣленіемъ выраженія движеній, лицъ, чѣмъ самымъ исполненіемъ картины. Для кого предназначалась эта картина— неизвѣстно. Есть предположеніе, что она была заказана богатымъ монастыремъ San Donato a Scoperto, за „porta Romana“ близъ самой Флоренціи, для главнаго алтаря его храма. Предположеніе это основано на томъ, что сохранилось свѣдѣніе объ условіи, заключенномъ въ мартѣ 1481 года

этимъ монастыремъ съ Винчи на написаніе картины для алтаря за необычную въ наши времена плату.

Монастырь уступалъ Винчи треть одного своего небольшого владѣнія въ Val d'Elsa съ правомъ его выкупить въ продолженіе 3-хъ лѣтъ за 300 флориновъ и кромѣ того обязывалъ Винчи дать одной молодой дѣвушкѣ, въ случаѣ выхода ея замужъ, приданое въ 150 флориновъ. Измысливъ такія сложныя условія платы, набожные отцы монастыря San Donato не указали въ условіи, на какой именно сюжетъ заказываютъ они картину Леонардо, и есть предположеніе, что это было именно „Поклоненіе волхвовъ“, только потому, что впоследствии, когда монахи потеряли всякую надежду имѣть образъ работы Винчи, они заказали лѣтъ черезъ пятнадцать на то же мѣсто алтаря образъ Филиппино Липпи, который и написалъ имъ въ 1806 году „Поклоненіе волхвовъ“, нынѣ находящееся въ Уффиціяхъ, въ той же залѣ, гдѣ хранится и начатая геніальная картина Винчи.

Нѣкоторые изслѣдователи работъ Винчи, основываясь на манерѣ рисунка, на томъ, что въ композиціи изображены на дальнемъ планѣ лошади, относятъ эту картину къ позднѣйшему періоду его жизни во Флоренціи послѣ его пребыванія въ Миланѣ. Это предположеніе повидимому подтверждается тѣмъ, что на оборотѣ одного изъ рисунковъ для „Тайной вечера“ набросанъ эскизъ „Поклоненія волхвовъ“, „Тайная же вечеря“ несомнѣнно сочинялась и писалась въ Миланѣ. Но всѣ эти догадки не имѣютъ рѣшающаго значенія и недостаточны для того, чтобы опровергнуть указаніе Вазари, помѣстившаго „Поклоненіе волхвовъ“ въ періодъ жизни Винчи до его отъѣзда въ Миланъ.

„Поклоненіе волхвовъ“, несмотря на то, что картина эта не была не только окончена, но даже исполнена, потому что она была только начата, представляетъ эпоху въ искусствѣ. Винчи, приготовляясь ее писать, сдѣлалъ цѣлый рядъ рисунковъ и набросковъ, возился съ ней очень долго и въ продолженіе своей работы, которая заказчикамъ казалась, можетъ быть, ненужнымъ бросаніемъ изъ стороны въ сторону, прошелъ длинный путь художественнаго развитія, приведшій его къ недостигаемой для всѣхъ его предшественниковъ степени пониманія пластическаго исполненія сюжета, пониманіе, которое обусловило все дальнѣйшее развитіе искусства.

Всѣ предшественники Винчи были рассказчиками. Они прямо и по возможности подробно и точно, какъ понимали, передавали текстъ писанія, которое они иллюстрировали. Винчи избралъ совсѣмъ другую задачу. Онъ прямо на первое мѣсто поставилъ спеціально пластическій интересъ. Онъ задался цѣлью не только передать подробно и вѣрно обстоятельства разсказа, но въ позахъ и выраженіяхъ передать смыслъ сцены. Ясность, законченность передачи выраженія для него все, а для того, чтобы достигъ ясности и силы выраженія, необходимо было развить технику до небывалаго еще совершенства. Это и сдѣлалъ Винчи.

Работа его, какъ это можно судить по его эскизамъ и этюдамъ, была чрезвычайно напряженная. Онъ множество разъ передѣлывалъ композицію и, какъ это можно замѣтить даже по наброскамъ, разрабатывалъ выраженіе каждой фи-

гуры. Вначалѣ онъ, очевидно, предполагалъ написать „Поклоненіе пастырей“ или Рождество и потомъ уже, во время работы, перешелъ на другой сюжетъ „Поклоненіе волхвовъ“. Въ первоначальныхъ наброскахъ главные фигуры тѣ же, что въ послѣдующей картинѣ, и, сравнивая послѣднюю съ первыми, можно видѣть, какъ Леонардо тѣ же позы видоизмѣнялъ, преобразуя ихъ для новаго выраженія. Въ наброскахъ, изображающихъ „Рождество“, Спаситель лежитъ на землѣ и, склонившись надъ нимъ, стоитъ Мадонна. Эту центральную группу окружаютъ пастухи, и общее настроеніе ихъ скорѣе можетъ быть названо изумленіемъ, чѣмъ поклоненіемъ. Движенія ихъ и выраженіе лицъ соотвѣтствуютъ людямъ простымъ и необразованнымъ. Здѣсь замѣтны нѣкоторыя очень характерныя фигуры, которыя потомъ перешли и въ дальнѣйшіе варианты и, наконецъ, и въ самую картину. Фигуры здѣсь изображены большей частью безъ одеждъ. Въ сторонѣ стоитъ очень характерный лысый старикъ, который глядитъ на Спасителя, скрестивъ руки. Фигура эта чрезвычайно оригинальна и ее можно замѣтить во всѣхъ вариантахъ, причеъ, при дальнѣйшемъ преобразованіи и сюжета, и композиціи старикъ этотъ изъ пастуха преобразился въ мудреца, волхва и приобрѣлъ важность и значительность. Также оригинальна другая фигура, въ первыхъ эскизахъ молодого челоуѣка, а затѣмъ старика, который прикрываетъ рукой глаза, какъ бы отъ солнечнаго свѣта, чтобы съ большей внимательностью сосредоточить взглядъ на Младенцѣ.

Общая гармонія композиціи съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ увеличивается и достигаетъ совершенства въ картинѣ. Въ картинѣ Мадонна сидитъ посрединѣ и держитъ на рукахъ Младенца, легкимъ движеніемъ руки прикасающагося къ чашѣ, которую ему подносятъ одинъ изъ волхвовъ. Богоматерь наклоняетъ нѣсколько въ сторону Сына голову и очень тонко и нѣжно улыбается. Волхвы обступаютъ эту центральную группу со всѣхъ сторонъ. Движенія ихъ чрезвычайно гибки и напряженны и выражаютъ самое усиленное вниманіе и восхищеніе, смѣшанное съ почтительностію. Они стоятъ на колѣняхъ, цѣлуютъ землю, присматриваются къ божественному Младенцу и подносятъ ему свои дары. Далѣе окружающіе волхвовъ, ихъ свита также проникнуты чувствомъ восторга. Они съ умиленіемъ смотрятъ на происходящее и поднимаютъ руки къ небу. Вся эта сцена предстаетъ предъ глазами зрителя, имѣя по бокамъ картины, у самаго ея края, какъ бы для рамки, двѣ спокойно стоящія величественныя фигуры. Обѣ эти фигуры очень мало окончены, но и въ общихъ чертахъ, такъ, какъ онѣ изображены теперь, онѣ составляютъ прекрасный противовѣсъ оживленнымъ движеніямъ остальныхъ и сильно поднимаютъ композицію центральной части картины. Далекій фонъ, опять для того же эффекта, занятъ множествомъ фигуръ людей, скачущихъ и сражающихся на лошадяхъ, и лѣстницами какого-то зданія, только намѣченными, съ бѣгущими по нимъ людьми, и пейзажемъ. Здѣсь, очевидно, Винчи намѣревался показать все свое искусство и въ перспективѣ, и въ рисункѣ. Почти посрединѣ картины изображено прекрасное дерево.

Значеніе этого произведенія Винчи, какъ я уже говорилъ, въ исторіи развитія искусства громадно. Всѣ послѣдующіе художники почерпнули что-либо изъ

этого перваго крупнаго произведенія великаго мастера. На Рафаэля оно имѣло неоспоримое вліаніе; даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ живописи, божественный Буонаротти, являющійся олицетвореніемъ художественной самостоятельности мысли, почерпнулъ изъ этого общаго источника мотивъ позы для Бога-Отца въ сотвореніи Евы на плафонѣ Сикстинской капеллы. Они указываютъ, что фигура Бога-старца имѣетъ сходство съ фигурой старика-волхва, стоящаго, скрестивъ руки, на картинѣ Винчи. Я лично этого сходства не вижу. Микель-Анжело придавъ такую яркую индивидуальность самому малѣйшему изъ своихъ произведеній, что трудно въ нихъ видѣть повтореніе какой-либо черты изъ какого бы то ни было источника. Гораздо правильнѣе вмѣсто того, чтобы заниматься придирчивымъ сличеніемъ положенія рукъ и ногъ въ различныхъ картинахъ великихъ художниковъ, указать на то, что открытія въ области искусства или науки, разъ они сдѣланы, несомнѣнно должны ложиться въ основаніе всѣхъ произведеній послѣдующихъ работниковъ на томъ же поприщѣ, и это нисколько не можетъ умалять самостоятельности кого бы-то ни было.

Кромѣ „Поклоненія волхвовъ“ къ первоначальному, флорентійскому, періоду относятъ также „Св. Іеронима“, неоконченную картину, хранящуюся въ пинакотекѣ Ватикана въ Римѣ, и эскизъ карандашомъ къ ней, очень нѣжно исполненный, превосходный рисунокъ, находящійся въ коллекціи музея въ Виндзорѣ, въ Англій. Ватиканская картина не окончена и страшно пострадала отъ варварскаго съ ней обращенія прежнихъ неизвѣстныхъ ея владѣльцевъ. Голова святого была даже зачѣмъ-то выпилена изъ общей доски картины и потомъ опять вдѣлана. Краски во многихъ мѣстахъ стерты. Это, однако, одно изъ немногочисленныхъ произведеній Винчи, признаваемыхъ большинствомъ цѣнителей за подлинникъ, и дѣйствительно отдѣльныя части рисунка въ немъ превосходны, какъ въ фигурѣ святого, такъ и великолѣпнаго льва.

Въ періодъ исполненія этихъ работъ Винчи былъ уже совершенно установившимся извѣстнымъ художникомъ, и замѣчательно, что права его на славу и значеніе въ искусствѣ основывались не столько на оконченныхъ произведеніяхъ, которыхъ было не много, какъ на образцахъ пріемовъ искусства, пріемовъ, которые онъ щедрой рукой разсыпалъ передъ изумленными своими сотоварищами по искусству, составлявшими значительный классъ во флорентійскомъ обществѣ. Его свѣтъ-тѣнь, его рельефъ, достигнутый небывалымъ разнообразіемъ гаммы тоновъ, возбуждали изумленіе. Не меньше восхищенія возбуждали и его пріемы работы. Вазари говоритъ, что онъ лѣпилъ фигурки изъ глины накладывалъ на нихъ драпировки изъ мокрыхъ и вымазанныхъ нѣсколько въ глину, тряпочъ, которыя, приготовленные такимъ способомъ, ложились въ складки по желанію художника и, засыхая, сохраняли приданную имъ форму. Приготовивъ такимъ образомъ модель, могущую позировать сколько угодно, Винчи на особо приготовленномъ тонкомъ холстѣ принимался рисовать карандашомъ или писать въ два тона очень тонкой кистью и достигалъ въ передачѣ тѣней удивительнаго совершенства. Всѣ эти пріемы, вошедшіе потомъ во всеобщее употребленіе, тогда были новостью, изобрѣтеніемъ Винчи. Такъ же изобрѣтателемъ и оригиналомъ онъ былъ во

внѣшнемъ своемъ видѣ и своемъ обращеніи съ окружающими. Онъ ходилъ одѣтый очень элегантно, въ коротенькомъ плащѣ, когда всѣ ходили въ длинномъ. Въ обществѣ, несмотря на свою натуральную склонность къ уединеннымъ размышленіямъ, онъ былъ чрезвычайно интересенъ и любезенъ, чему, конечно, способствовалъ его талантъ къ музыкѣ и умѣніе пѣть, аккомпанируя себѣ на лирѣ. Онъ считался знаменитымъ пѣвцомъ и импровизаторомъ на лирѣ, и это искусство столь же способствовало дальнѣйшимъ его успѣхамъ, какъ и живопись, и скульптура.

Намъ очень легко представить себѣ общій обликъ Винчи. Онъ былъ чело-вѣкомъ нашего времени, типомъ, который долженъ былъ развиваться и распространяться при дальнѣйшемъ ростѣ европейскаго общества. Насколько чужды намъ и непонятны типы прежнихъ, средневѣковыхъ художниковъ, жившихъ замкнутой жизнію въ своемъ цехѣ, которые покорно и строго, безо всякихъ вольностей индивидуальнаго вкуса и мысли, выражали чувства и стремленія окружающихъ, настолько же близокъ намъ и понятенъ типъ Винчи, типъ новаго художника, чело-вѣка, не знающаго границъ и предѣла своимъ мыслямъ, наблюденіямъ и фантазіямъ. Ему нѣтъ дѣла ни до обычаевъ, ни до требованій его современниковъ. Онъ не старается даже произвести нужный предметъ, картину для украшенія храма и необходимую для культа. Онъ непослѣдователенъ, невнимателенъ и капризенъ, потому что имѣетъ въ виду лишь свой индивидуальный интересъ къ познанию и наслажденію прелестями искусства. Такая чисто индивидуальная жизнь, конечно, отдаляетъ его отъ всего народа, дѣлаетъ его умственнымъ аристократомъ, и путь это опасный, на которомъ легко споткнуться, но зато освобожденіе отъ неподвижной и рутинной толпы облегчаетъ полетъ мысли и удешевляетъ ихъ силы.

Сколько разъ въ послѣдующіе четыре вѣка, въ особенности теперь, мы видимъ людей, позирующихъ на художника, артиста. Они обезьяничаютъ, передразниваютъ всѣ эти черты характера, стараются быть оригинальны и въ поступкахъ, и въ мнѣніяхъ, и въ одеждѣ, но ихъ усилія чаще всего ни къ чему не ведутъ, потому что имъ не подъ силу такая роль, и всѣ ихъ вкусы и стремленія въ дѣйствительности отличаются рутиннымъ благоразуміемъ массъ. Иногда, напротивъ, намъ удается встрѣтить чело-вѣка и съ истинными задатками артиста, съ опредѣленной индивидуальностью, и тогда мы имѣемъ возможность почувствовать обаяніе дѣйствительной оригинальности личности чело-вѣка.

Леонардо, прототипъ всѣхъ современныхъ артистовъ, артистическая натура въ самомъ чистомъ видѣ, конечно долженъ былъ производить впечатлѣніе столь же сильное, какъ и неожиданное. Способность къ самому усиленному труду, къ самой послѣдовательной работѣ мысли при постоянныхъ наблюденіяхъ природы у него смѣшивалась съ охотой къ чудачествамъ, оригинальности, даже мистификаціямъ окружающихъ. Онъ не только не былъ похожъ на окружающихъ, но и старался отличаться отъ всѣхъ остальныхъ людей какъ можно больше. Онъ радъ даже былъ окружать себя нѣкоторою таинственностью и продѣлывать надъ своими знакомыми шутки съ помощью сценическихъ эффектовъ, для которыхъ онъ выдумывалъ особые приборы на основаніи своихъ познаній въ физикѣ. Нѣкоторые біо-

графы Винчи ищут причины этих странностей в том, что онъ былъ незаконный сынъ, человѣкъ, не имѣющій опредѣленнаго положенія въ общественной лѣстницѣ; по ихъ мнѣнію, въ силу своего аристократическаго характера онъ придумывалъ себѣ положеніе внѣ конкуренціи съ кѣмъ бы то ни было, не желая смѣшиваться съ толпой. Можетъ быть, исключительное общественное положеніе Винчи и имѣло на него вліяніе, но говоря о такомъ сильномъ, гениальномъ характерѣ, какъ у Винчи, нельзя объяснять его поступки одной какой-либо внѣшней причиной, хотя бы она и была чрезвычайно значительна. Индивидуальный, самостоятельный характеръ Винчи, его стремленіе порвать совершенно съ окружающими его обстоятельствами и стать лицомъ къ лицу со своею мыслью видѣе всего въ его произведеніяхъ искусства, гдѣ, конечно, душа его отражается, какъ въ зеркалѣ, свободная отъ вліянія всѣхъ мелкихъ обстоятельствъ его жизни.

Въ своихъ картинахъ Винчи рѣзко порвалъ съ традиціями своихъ предшественниковъ, примѣшивавшихъ постоянно къ композиціи сюжетовъ свои отношенія къ окружающимъ лицамъ, съ которыми художники эти были связаны матеріальными выгодами или благодарностью, или пріязнью. До Винчи вошло, можно сказать, въ обычай писать жертвователей и заказчиковъ на образахъ въ молитвенныхъ позахъ передъ изображеніемъ Христа или Мадонны. Также часто встрѣчается приемъ придавать персонажамъ картины сходство съ живыми, близкими художнику и его работѣ, лицами. Кромѣ того, всегда всѣ художники считали необходимымъ дѣлать надъ головами Христа, Богоматери и святыхъ нимбы, чтобы этимъ совершенно внѣшнимъ приемомъ обратить вниманіе зрителя и дать ему понятіе о святости изображенія. Леонардо сразу совершенно оставилъ всѣ эти приемы, какъ излишніе и вредные.

Онъ намѣренно непосредственно стремится передать одну свою мысль. Конечно, онъ пользовался для своихъ картинъ живыми лицами, но каждое такое лицо онъ такъ передѣлывалъ и преобразовывалъ, что оно теряло всякое прямое сходство не только съ натурщикомъ, но и вообще съ обыденнымъ человѣкомъ, принадлежащимъ къ той или другой группѣ нанесенія. На картинахъ Винчи нѣтъ типовъ его современниковъ, — на нихъ изображены типы, олицетворяющіе лишь его собственные мысли. Онъ сразу установилъ права исторической библейской живописи. Это громадный вкладъ, сдѣланный имъ въ искусство и въ общій фондъ человѣческой культуры.

При исполненіи этой культурной задачи онъ основывался на всемъ томъ, что доступно человѣку новаго періода исторіи. Онъ изучалъ античное искусство, всѣ науки, необходимыя для художника: перспективу, анатомію, фізіономистику и, главнымъ образомъ, больше всего онъ страстно наблюдалъ и изучалъ природу. Собравъ массу свѣдѣній и матеріаловъ, онъ разрабатывалъ ихъ лишь по указаніямъ своей мысли, внѣ соображеній съ какими бы то ни было посторонними условіями.

Таково значеніе Винчи не только какъ художника, но и какъ мыслителя. Вотъ какими задачами занимался молодой красавецъ и силачъ Леонардо, пѣвецъ и импровизаторъ, игрокъ на лирѣ, математикъ и инженеръ и въ то же время

интересный и оригинальный собесѣдникъ. Человѣкъ загадочный и въ то же время настолько пріятный въ обществѣ, что, по увѣренію Вазари, онъ привлекалъ къ себѣ всѣ души, интересовалъ всѣхъ и, работая сравнительно мало, постоянно имѣлъ заказы и могъ содержать, не имѣя собственного состоянія, и прислугу, и лошадей, которыхъ любилъ до чрезвычайности.

Монахи — заказчики образовъ — теряли терпѣніе отъ постоянныхъ промедленій въ исполненіи картины, но все же не рѣшались отказаться отъ надежды получить, наконецъ, работу Леонардо, а онъ и не заботился объ ихъ частной нуждѣ: онъ былъ занятъ гораздо болѣе важными задачами, чѣмъ исполненіе одной картины. Онъ поднимался мыслью все выше и выше, и въ его воображеніи возставали образы столь чистые и прекрасные, что на картинѣ, несмотря на все искусство рукъ, ихъ невозможно было передать. Отдѣльныя черты этихъ мыслей и фантазій разбросаны въ его произведеніяхъ и, несмотря на то, что картины не окончены, онѣ горятъ яркими лучами, какъ драгоценные камни.

Громадное значеніе въ жизни Леонардо имѣло переселеніе его въ Миланъ. Свѣдѣнія о его біографіи такъ скудны, что неизвѣстно въ точности ни время переселенія его въ этотъ городъ, ставшій для него новымъ отечествомъ на многіе годы, ни причины, заставившія его оставить Флоренцію. Сравнивая и сопоставляя опредѣленные указанія годовъ въ жизни Винчи и въ особенности основываясь на томъ свѣдѣніи, что работа его назъ монументомъ Франциска Сфорца продолжалась 16 лѣтъ, можно съ большей или меньшей достовѣрностью принять, что пріѣхалъ онъ первый разъ въ Миланъ въ 1483 году. Вазари указываетъ въ этомъ случаѣ 1493 годъ, но тогда совершенно непонятно, что могъ дѣлать Леонардо цѣлыя десять лѣтъ своей жизни. Вазари, столь точный и достовѣрный, когда дѣло касается чисто художественныхъ вопросовъ, въ данномъ случаѣ легко могъ ошибиться. Это тѣмъ допустимѣе, что написанная имъ біографія Винчи мѣтѣ, чѣмъ другія его „жизнеописанія“, заключаетъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ личной жизни художника. Очевидно Вазари мало былъ знакомъ съ фактами жизни Винчи и считалъ нужнымъ указывать лишь на имѣющія отношеніе къ его творчеству событія его жизни.

Неопредѣленность и недостаточность свѣдѣній объ этомъ періодѣ его жизни дали поводъ и почву для всевозможныхъ предположеній. Въ недавнее время однимъ изъ историковъ жизни Винчи, г. Рихтеромъ, было высказано предположеніе, что въ этотъ промежутокъ времени, когда онъ какъ бы исчезъ изъ виду окружающихъ, Леонардо дѣйствительно отсутствовалъ изъ Италіи. По мнѣнію г. Рихтера, Винчи путешествовалъ на Востокъ. Предположеніе это повидимому подтверждается писаніями Винчи. Въ нихъ онъ подробно описываетъ нѣкоторыя мѣстности въ Сиріи. Въ одномъ мѣстѣ есть проектъ моста изъ Константинополя въ Перу и, наконецъ, есть даже черновыя письма неизвѣстнаго лица, по мнѣнію нѣкоторыхъ, самого Винчи, потому что они ведутся отъ своего лица: вездѣ написано „я“, „мнѣ“ и т. д. Письма написаны къ сирійскому Діодарію, и въ нихъ заключаются свѣдѣнія о начатыхъ инженерныхъ работахъ.

Казалось бы, что такіа указанія вполне подтверждаютъ предположеніе о пребываніи Винчи на Востокѣ. Но, съ другой стороны, всѣ эти указанія недостаточны. Винчи очень интересовался географіей, и значительная часть его писаній представляетъ извлечение изъ сочиненій и документовъ другихъ лицъ, причеиъ онъ никогда не предупреждаетъ, гдѣ именно начинается заимствованіе. Такія предупрежденія были для него совершенно излишни, потому что Винчи никогда не предполагалъ печатать своихъ записокъ и писалъ ихъ только для себя. Не имѣя болѣе точныхъ данныхъ о томъ, когда и гдѣ былъ Леонардо на Востокѣ, совершенно неосновательно измышлять подобное путешествіе, и потому лучше всего оставить всякія предположенія, не уясняющія ничего относительно его характера и художественнаго наслѣдства.

Побужденія, заставившія Винчи переѣхать въ Миланъ, тоже не извѣстны, но легко найти совершенно достаточныя для этого причины въ обстоятельствахъ его жизни. Во Флоренціи Винчи не имѣлъ большихъ заказовъ. Какъ человекъ съ громадною фантазіей и обширными планами, онъ, конечно, стремился расширить кругъ своей дѣятельности; ему хотѣлось расправить крылья, потому что онъ чувствовалъ свои силы. Во Флоренціи не представлялось для этого случая, а въ Миланѣ честолюбивый герцогъ, мечтавъ увековѣчить память о своей династіи и прославить себя, вознамѣрился воздвигнуть колоссальный памятникъ—ковную статую своему отцу. Естественно, что Винчи пожелалъ взять на себя эту работу. Францискъ Сфорца и сынъ его Людовикъ, заказчикъ памятника, были людьми порочными и тиранами, но это не имѣло большого значенія въ глазахъ Винчи. Я уже указывалъ на его равнодушіе ко всему, что не касалось непосредственно искусства. Эту типичную черту художника-специалиста, художника-виртуоза по преимуществу, онъ выказалъ здѣсь вполне, и затѣмъ много разъ въ жизни ему суждено было ее выказывать съ не меньшей откровенностію.

Можно предположить также, что обстоятельства личной, семейной жизни побуждали его оставить Флоренцію. Онъ былъ незаконнымъ сыномъ, не имѣлъ, слѣдовательно, положенія въ обществѣ, и, вѣроятно, ему приходилось испытывать по этому поводу непріятныя для его гордаго аристократическаго характера впечатлѣнія. Наконецъ, въ семьѣ его отца произошла рѣзкая переиѣна, ухудшившая его положеніе. Отецъ его женился въ третій разъ. Первые двѣ маихи Леонардо не имѣли дѣтей, у третьей же были дѣти. Это обстоятельство, конечно, сильно отдалило уже взрослого незаконнаго сына отъ дома отца, гдѣ онъ не могъ уже считаться единственнымъ сыномъ и, напротивъ, появились сыновья, имѣвшіе болѣе правъ, чѣмъ онъ. Вазари говоритъ, что Леонардо былъ приглашенъ въ Миланъ, какъ пѣвецъ и игрокъ на лирѣ. Онъ рассказываетъ даже, что Винчи сдѣлалъ лиру собственнаго своего изобрѣтенія въ видѣ лошадинаго черепа въ большей части изъ серебра и одержалъ верхъ надъ всеми пѣвцами на конкурсѣ, который тамъ происходилъ. Это свѣдѣніе, несомнѣнно достоверное, не исключаетъ того предположенія, что Винчи были призваны въ Миланъ главнымъ образомъ для того, чтобы работать надъ памятникомъ отца Людовика, Франциска Сфорца. Это второе предположеніе подтверждается и документами и свидѣтельствомъ Беллинчioni, который въ стихотвореніи „Видѣніе“

говорить, что герцогъ призвалъ изъ Флоренціи Апеллеса, т. е. художника, а не пѣвца.

Миланъ, ставшій новымъ отечествомъ Винчи, городъ, въ которомъ развернулся весь его талантъ, во многомъ представлялъ совершенную противоположность Флоренціи. Флоренція, несмотря на долгое правленіе семьи Медичи, сохраняла республиканское устройство. Нравы ея жителей, несмотря на богатство города, сохраняли многія демократическія черты. Даже Медичи, самые властные и богатые люди въ городѣ, далеко не могли сравниться въ богатствѣ и блескѣ своего двора съ миланскимъ герцогомъ. Медичи, какъ покровители искусства и художниковъ, стояли несомнѣнно впереди всѣхъ остальныхъ меценатовъ своего времени. Они вносили въ это дѣло гораздо болѣе знанія, вѣрности взгляда, таланта, чѣмъ всѣ остальные ихъ соперники на томъ же поприщѣ, денегъ же могли давать и давали много больше другіе, и прежде всего миланскій герцогъ, самый богатый государь Италіи.

Людвикъ Сфорца, покровитель Винчи, былъ человѣкъ, соединявшій въ себѣ большія достоинства съ еще болыпими недостатками. Людвикъ родился въ 1451 году въ Виджевано. Онъ былъ четвертымъ сыномъ Франциска Сфорца, перваго герцога миланскаго изъ династіи Сфорца. Съ дѣтства онъ отличался выдающимися способностями и прекрасно воспользовался образованіемъ, которое постарался дать своимъ сыновьямъ умный Францискъ Сфорца, сынъ крестьянина, сумѣвшій своими талантами и хитростью возвыситься до положенія военачальника послѣдняго изъ герцоговъ миланскихъ фамиліи Висконти, а затѣмъ жениться на его незаконной дочери и сдѣлаться его преемникомъ. Людвикъ свободно читалъ и писалъ по-латыни, очень интересовался искусствами и потому поощрялъ художниковъ столько же по непосредственному побужденію любителя, какъ и изъ политическихъ видовъ. Послѣ смерти Франциска вступилъ въ управленіе его старшій сынъ Галеаццо-Марія Сфорца, но недолго могъ удержаться у власти. Своимъ чрезвычайно жестокимъ характеромъ онъ возстановилъ противъ себя многихъ. Составленъ былъ заговоръ, и Галеаццо былъ убитъ. Людвикъ выказалъ при этомъ много хитрости и ловкости. Всевозможными происками онъ сумѣлъ отдалить отъ власти вдову Галеаццо и, будучи ея противникомъ, добился, однако, того, что его назначили регентомъ и опекуномъ его племянника, малолѣтняго сына Галеаццо. Въ качествѣ регента онъ нѣсколько лѣтъ управлялъ деспотически миланскимъ герцогствомъ, пока, наконецъ, смерть племянника, умершаго, какъ говорятъ, отъ яда, не дала ему возможность провозгласить себя миланскимъ герцогомъ. Однако и этого казалось ему мало, и онъ мечталъ объ объединеніи многихъ италіанскихъ государствъ всей верхней Италіи въ одно королевство подъ своей властью.

Политикомъ Людвикъ Сфорца былъ плохимъ. Будучи очень хитрымъ и мало разборчивымъ на средства, онъ былъ въ то же время нерѣшительнымъ и недалеконевиднымъ. Устраивая постоянно хитрые планы для распространенія своей власти, онъ часто запутывался въ нихъ. Всѣ свои неудачи и пораженія онъ самъ себѣ приготовилъ. Стремясь лишиться престола своего племянника, котораго онъ

какъ полагають, и отравилъ. онъ выбралъ ему въ жены дочь неаполитанскаго короля, т. е. сильнаго, самостоятельнаго государя, который, конечно, сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Чтобы противостоять испанцамъ и тому же неаполитанскому королю, онъ призвалъ французовъ въ Италию, которые и обусловили его гибель. Въ отношеніи самихъ французовъ онъ постоянно выказывалъ переменчивость и неослѣдовательность. Онъ не умѣлъ ни воспользоваться ихъ услугами, какъ союзниковъ, ни оградить свои права самостоятельнаго государя отъ ихъ посягательствъ. Недостатокъ политическихъ талантовъ былъ тѣмъ болѣе для него чувствителенъ, что онъ не желалъ довольствоваться малымъ, — это ясно доказывается его отказомъ платить дань Людовику XII въ то время, когда Миланское герцогство переживало послѣднія минуты своего самостоятельнаго существованія, тогда какъ французскій король соглашался при условіи уплаты дани оставить ему пожизненное управленіе Миланомъ.

Будучи плохимъ политикомъ, Людовикъ, какъ типъ, въ культурномъ отношеніи представлялъ личность выдающуюся. Онъ поощрялъ науки и искусства не только изъ политическихъ видовъ, но и по личному вкусу. Правда, что въ то время въ Италиі блескъ и роскошь построекъ и праздниковъ были вещью, необходимою для каждаго правителя. Народъ, жители городовъ въ особенности, гордились своими памятниками, восхищались красотою и богатствомъ общественныхъ увеселеній, и отказывать имъ въ этихъ удовольствіяхъ было очень опасно. Всѣ города Италиі соперничали другъ передъ другомъ своими памятниками и празднествами, но въ каждомъ городѣ, сообразно его государственному устройству, произведенія искусства и общественная жизнь имѣли свой особенный характеръ.

Впередѣ всѣхъ несомнѣнно стояла Флоренція съ ея республиканскимъ устройствомъ. Въ ней какъ нравы, такъ и произведенія искусства всегда отличались демократической простотою и общественнымъ значеніемъ темъ и задачь. Миланъ, конечно, не могъ въ этомъ отношеніи, далеко не могъ съ ней конкурировать. Зато, напротивъ, въ Миланѣ при дворѣ богатѣйшаго герцога, когда этимъ герцогомъ сталъ Людовикъ Сфорца, интересы личности, изящество обстановки жизни и отдѣлка во всѣхъ отношеніяхъ всего, окружающаго эту личность, достигли высшаго предѣла. Людовикъ въ городѣ завелъ дворецъ, который по роскоши убранства и удобствамъ для жизни представлялъ невиданное зрѣлище. Герцогъ самъ лично занимался тѣмъ, какъ меблировать ту или иную залу, гдѣ и какъ помѣстить почетныхъ гостей, пріѣхавшихъ на праздникъ и т. д., всѣми мелочами обыденной жизни. Костюмы для пріемовъ, для маскарадовъ и баловъ были важнымъ дѣломъ, и художники и, между прочимъ, еликіи Леонардо сочиняли ихъ покрой. Поэты, которыхъ охотно приглашалъ къ себѣ Людовикъ такъ же, какъ ученыхъ и художниковъ, усердно восхваляли своего щедрого патрона и въ то же время вносили разнообразіе и остроуміе къ его обществу.

Такъ жилъ Сфорца въ городѣ; въ деревнѣ его жизнь совершенно измѣнялась, не теряя ничего ни въ отношеніи роскоши, ни изящества. Въ Павіи онъ развлекается охотою, въ Виджевано, гдѣ у него было колоссальное, необыкновенно благо-

устроенное имѣніе, онъ занимается сельскимъ хозяйствомъ, воздѣлываніемъ полей и разведеніемъ скота. Здѣсь заведены были фермы на отдѣльныхъ участкахъ земли. Луга и поля орошались десятками каналовъ и воздѣлывались съ совершенствомъ пріемовъ, представлявшихъ въ то время громаднй шагъ впередъ въ земледѣльческой культурѣ.

Людовикъ Сфорца окружалъ себя поэтами болѣе ради тщеславія. Онъ рассчитывалъ, и не напрасно, на то, что они составятъ ему рекламу; въ литературѣ у него не было настоящаго пониманія, почему всѣ окружавшіе его поэты, какъ Беллинтони и Гаспаръ Вискоцци, были величинами второстепенными, да тогда и трудно было рассчитывать, чтобы въ Миланѣ, гдѣ говорили на неблагозвучномъ нарѣчій, могъ встрѣтиться настоящій итальянскій поэтъ. Въ архитектурѣ же, скульптурѣ и живописи, напротивъ, онъ обладалъ вполне опредѣленнымъ вкусомъ и чрезвычайно яснымъ пониманіемъ въ выборѣ талантовъ. Людовикъ непрестанно украшалъ свою столицу и другіе города герцогства и, по сохранившимся историческимъ даннымъ, лично распоряжался производствомъ самихъ работъ. Онъ слѣдилъ за успѣшнымъ выполненіемъ своихъ плановъ, назначалъ необходимыя для расходовъ суммы и торопилъ исполнителей, когда видѣлъ, что работа затягивается.

Вкусъ Людовика въ искусствѣ опредѣляется очень просто, однимъ словомъ. Онъ любилъ античный стиль и постоянно заказывалъ въ этомъ стилѣ и триумфальныя арки, и портики, и ювелирныя издѣлія. Это ясно выраженное пристрастіе Людовика къ классическимъ формамъ придаетъ ему особое значеніе, принимая во вниманіе, что онъ жилъ въ то время, когда возрожденіе искусствъ не было еще закончено и необходимо было еще вести борьбу за преобладаніе новыхъ формъ творчества надъ устарѣлымъ готическимъ стилемъ. Въ этомъ отношеніи, въ дѣлѣ движенія искусства впередъ, у Людовика Сфорца заслуга несомнѣнна. Вотъ почему ему и удалось имѣть на своей службѣ двухъ величайшихъ геніевъ его времени: архитектора Браманте и Леонардо да-Винчи. Несмотря на свои пороки, на вѣроломство своего характера, онъ былъ достоинъ этой чести, потому что въ дѣлѣ пониманія искусства онъ тогда былъ самымъ передовымъ государемъ Италіи.

Леонардо да-Винчи, когда Сфорца пригласилъ его, охотно поѣхалъ къ нему. Нравственные недостатки новаго патрона не смущали великаго художника, жившаго своею внутреннею жизнью, преслѣдовавшаго свои спеціальныя дѣла, а средства, предоставленныя въ его распоряженіе герцогомъ, дали просторъ развернуться его геніальному таланту.

П. Ге.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиографія.

А. Погорѣловъ. „Мракъ“ и „Передъ грозой“. Изъ жизни Приуралья.. Москва, 1900 г. Цѣна 80 к.

Писатель—г. Погорѣловъ—совсѣмъ юный. Манеры писать у него нѣтъ, слогъ не выработанъ. Похоже, будто онъ работалъ въ газетахъ, откуда и унаслѣдовалъ торопливость, скомканность разработки, перескакиваніе съ предмета на предметъ, фельетонный стиль и жаргонъ.

Если это такъ, то и стиль, и скомканность и торопливость—объясняются, хотя тогда это будетъ такимъ клеймомъ, отъ котораго не скоро избавишься. Газеты не его перваго заѣдаютъ такъ. Если нѣтъ—то тѣмъ хуже для г. Погорѣлова сейчасъ, хотя въ будущемъ меньше опасности.

Помимо маленькаго рассказа „Мракъ“,—„Передъ грозой“ лишь въ третьей своей части рисуетъ нѣчто, дѣйствительно приуральское. Первые двѣ части можно отнести куда угодно, тѣмъ болѣе, что и самое изложеніе не блещетъ оригинальностью. Скучающій, киснущій земскій агрономъ Николай Ивановичъ Толмачевъ, мянущій себя „интеллигентомъ“, не знаетъ, что дѣлать отъ бездѣлья, и потому совершаетъ цѣлый рядъ поступковъ, граничащихъ съ ловлей бритаго поросенка съ одной стороны, и съ форменной подлютой съ другой. Трагикомическое объясненіе его съ супругомъ одной легкомысленной барыни, искренно, однако, полюбившей этого кислаго рыцаря, и особенно съ ней самой,—надо отнести, впрочемъ, на счетъ автора. При тѣхъ условіяхъ, какія были даны, объясненіе съ барыней едва ли бы и пошло такъ. Человѣка мужъ гонить по шеѣ, а онъ на трехъ или четырехъ страницахъ объясняетъ его женѣ, почему онъ уходить. Сомнѣваемся..

Но что Толмачевъ могъ, хотя и волнуясь, смотрѣть сложа руки, какъ судятъ мужиковъ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство, тогда какъ одно его показаніе могло перевернуть все обвиненіе, а затѣмъ шлеть восторженную телеграмму при ихъ оправданіи—это дѣйствительно возможно точно такъ же, какъ послѣ „обновляющаго“ разговора съ другомъ г. Толмачевъ вдругъ оказывается провожатымъ самой откровенной дѣвицы съ бульвара. Грубо, но допустимо.

Подвигамъ Толмачева помогаютъ и другіе „интеллигенты“. Надъ ними царитъ фигура туза Смолина, который не киснетъ, не зѣбаетъ, а неуклонно ведетъ свою линію набиванья кармановъ, внизу же копошатся фигуры разныхъ „неприспособленныхъ“: мужицкаго заступника Чагина, робкаго учителя Березина, даже глупенькой, но отзывчивой жены Смолина,—которыхъ всѣхъ травятъ за эту ихъ отзывчивость и, конечно, затравливаютъ.

а вся „интеллигентная“ братія спокойно смотритъ, какъ высылаютъ Чагина, какъ выбрасываютъ за бортъ Березина, какъ истязаютъ Смолину. И, похныкавши немного, самъ г. Толмачевъ благополучно женится и поступаетъ въ земскіе начальники, остальные тоже, вѣроятно, преуспѣваютъ.

Все это можетъ быть гдѣ угодно, конечно, и Приуралье здѣсь ни при чемъ. Но въ третьей части оно, дѣйствительно, появляется на сцену, и г-нъ Толмачевъ выбивается изъ силъ, чиня судъ и расправу надъ непокорными заводскимъ рабочими. Былая лѣнь, бывшее кисляйство, влечение къ покою—теперь ведутъ къ тому, что онъ не только является исполнителемъ предначертаній заводскаго управленія, но старается зачастую даже оправдать ихъ. Лишь порой вспоминается ему прошлое, и тогда онъ льетъ покаянныя слезы, но затѣмъ снова разноситъ не знающихъ „законности“ рабочихъ. Пріѣзжающій къ нему Чагинъ не выдерживаетъ и уважаетъ, и, наконецъ, Толмачевъ самъ ставитъ надъ собою крестъ.

Само собой и въ этой части тѣ же недостатки. Неизвѣстно, зачѣмъ выведенъ якобы „маркенокъ“ Талминъ-сынъ, студентъ горнякъ, говорящій якобы отъ Маркса; еще менѣе понятна почти безмолвная фигура дочери кого-то изъ заводскаго начальства, можетъ быть и протестовавшей противъ системы своего папеньки, но для публики совѣмъ невидимо. Бытовые сцены набросаны торопливо, мораль заключенія требуетъ большой провѣрки.

И при всемъ томъ мы съ удовольствіемъ прочли романъ Погорѣлова. Какимъ-то молодымъ задоромъ, свѣжестью вѣетъ отъ повѣсти молодого автора, и, несмотря на безотрадныя выводы Чагина, несмотря на гнетъ, давящій все Приуралье, картины котораго все же выступаютъ подъ перомъ автора, тамъ еще не мало живыхъ силъ, сказывающихся и въ „подачѣ рабочими кареты“ какому-то заводскому начальству и въ ходатайствѣ смѣнить г-на Толмачева, какъ явно склоняющагося на сторону заводскаго управленія, и въ той „упругости“ настроенія рабочихъ, благодаря которой ихъ все-таки еще никому не удалось довести до полной апатіи, и при первой возможности ихъ требованія отъ жизни и мечты снова развертываются и растутъ...

Опускаютъ руки бюрократическіе младенцы, пытающіеся дѣйствовать „примѣнительно къ обстоятельствамъ“ и въ минуты откровенности зовущіе себя „пропащими“; слабѣютъ и пугаются этихъ требованій горнозаводскіе воротилы: бессильно терзается интеллигентъ Чагинъ, уже здѣсь не заступающійся за „народъ“, а лишь собирающій матеріалы да отъѣздомъ своимъ протестующій противъ всякихъ заводскихъ исторій. Въ него никто не броситъ камня, конечно: въ свое время онъ дѣлалъ, что могъ, и нельзя обвинять измученнаго человѣка въ томъ, что теперь у него не хватаетъ силъ на активную борьбу.

А кругомъ жизнь все-таки кипитъ и дѣйствительно, „не ждетъ она и требуетъ движенія, дѣятельности“... Пусть Толмачевы чувствуютъ себя такъ „какъ будто они летятъ въ пропасть“,—туда имъ и дорога: пусть изнервничавшимся, измученнымъ Чагинымъ кажется все кругомъ „сыро, скучно и холодно“. Жизнь все-таки идетъ и не ждетъ. И поскольку это отразилось въ повѣсти Погорѣлова, хотя бы мѣстами и ее не ждала жизнь ■ уходила впередъ, настолько любопытно перечитать и эту самую повѣсть.

Ал. О. Н.

Т. Щепкина-Куперникъ. Незамѣтные люди. I т. Москва, 1900 г.
Ничтожные міра сего. I т. Москва, 1900 г.

Два изящные томика, хотя довольно своеобразнаго квадратнаго формата съ очень широкими краями внутри. Имя автора уже знакомо большей части читающей публики. Еще со времени появленія повѣсти „Счастье“, подписанной этимъ именемъ, его справедливо ставятъ въ одинъ почти рядъ съ наиболѣе симпатичными именами нашихъ женщинъ-писательницъ. „Симпатичный талантъ“—это, конечно, характеристика умѣренная и, быть можетъ, даже не всегда достаточная. Но талантъ г-жи Щепкиной-Куперникъ такъ спокоенъ и мягокъ, что сразу ему трудно и подобрать другое опредѣленіе. Эта мягкость и спокойствіе произведеній названной писательницы являются и достоинствами ихъ, но иногда, пожалуй, и недостатками. Благодаря этому спокойствію въ значительной мѣрѣ ступеваются нѣкоторыя едва ли желательныя особенности „дамскаго творчества“, отъ которыхъ не совсѣмъ свободны еще иныя произведенія г-жи Щепкиной-Куперникъ. Сантиментализмъ и романтизмъ проскальзываютъ, напр., и въ „Горѣ“, и въ „Дѣдушкѣ Валеріи“, и въ „Новыхъ впечатлѣніяхъ“. Въ силу этого въ „Горѣ“ оказывается даже непонятной та психологическая эволюція, которая заставляетъ нѣкую капризную барыньку, только что разыгравшую нелѣпую и даже на половину совсѣмъ притворную сцену истерики, ревности и пр., найти вдругъ при видѣ Иверской часовни свое горе—каплей въ горѣ народа. „Новыя впечатлѣнія“ во второй своей половинѣ представляются уже слишкомъ исключительнымъ, почти сказочнымъ случаемъ, поучительнымъ больше для дѣтей, чѣмъ для взрослыхъ: и даже „Дѣдушка Валерій“, оказывающійся потомственнымъ дворяниномъ и встрѣчающійся съ какой-то изъ своихъ бывшихъ знакомыхъ графинь въ видѣ „добродушнаго босяка, черезчуръ, пожалуй, нѣженъ и романтиченъ. Но вышесказанная мягкость и спокойствіе таланта разбираемой писательницы все же въ значительной мѣрѣ сглаживаютъ это, а кромѣ того даютъ возможность и вдумываться въ создаваемые типы и картины. Съ внѣшней стороны это позволило писательницѣ выработать гладкій, можно сказать, изящный стиль и мягкій тонъ писанія; съ внутренней—изошрило ея анализъ и научило находить „душу живу“ даже тамъ, гдѣ грубымъ рукамъ до нея и не добратся (напр., у хозяйки меблированныхъ комнатъ въ „Квартирѣ № 15“).

И въ этихъ случаяхъ, несмотря на мягкость общаго тона, чувствуется увѣренная, твердая кисть художника.

Къ сожалѣнію, кисть эта дѣйствуетъ не всегда съ одинаковой силой,—и вотъ тогда спокойствіе автора обращается противъ него, ибо, позволявъ, быть можетъ, разобраться въ душѣ его героя или героини ему самому, оно въ этихъ случаяхъ лишь еще болѣе обезцвѣчиваетъ краски при передачѣ этого анализа читателю. Въ силу этого получаются или пропуски въ немъ, пробѣлы, или такое уже преднамѣренное сгущеніе красокъ, которое ничѣмъ не вызывается. Это можно почувствовать въ первомъ же разсказѣ перваго томика „Мать“, гдѣ къ безсердечію дочери прибавлена еще такая грубость языка и манеръ ея, которая малопонятна даже при описываемыхъ условіяхъ. Объясняется это, впрочемъ, отчасти еще и тѣмъ, что, насколько мы помнимъ, многіе разсказы г-жи Щепкиной-Куперникъ готовились и помѣщались въ газетахъ, всегда вынуждающихъ автора къ известной торопливости, а спокойный анализъ, конечно, несовмѣстимъ съ торопливостью. Лишь иногда при этомъ поднимаются нервы у самого

автора, напр., въ „Ямъ“ и въ „Пасхальномъ разсказѣ“, но тутъ является сантиментальность и, ничѣмъ уже не сдержанная, портитъ всѣ картины такихъ очерковъ.

„Женское творчество“, видимо, не можетъ и здѣсь перерасти само себя. Это не горячій порывъ, властно захватывающій человѣка, побуждающій его къ активной дѣятельности,—это лишь славная, тихая, хорошая „россійская женская жалостливость“, „подернутая дымкой печали и раздумья“. Въ ней нѣтъ боевыхъ призывовъ къ борьбѣ, тѣхъ призывовъ, которые эту нервность, эту боль за другихъ дѣлаютъ могучей силой и отличаютъ ее отъ простой жалости. Здѣсь не слышно музыки мести,—есть только муза печали. Это—не въ осужденіе таланта г-жи Щепкиной-Куперникъ. Таковы только свойства его. Про него нельзя сказать, чтобы онъ былъ „ни холоденъ, ни горячъ“. Нѣтъ,—авторъ любитъ много и сильно и горячо. Но онъ—только любитъ...

„А искать любви безъ злобы нынѣ тщетно,
Ты любви теперь безъ злобы не найдешь...
Лишь тогда полюбишь беззавѣтно,
Коль хоть разъ всѣмъ сердцемъ проклянешь!“

Вотъ почему спокойствіе таланта автора здѣсь все же гораздо лучше попытокъ къ „подъему нервовъ“. При той окраскѣ, какую имѣетъ этотъ талантъ, при тѣхъ герояхъ, на которыхъ обыкновенно направлено вниманіе автора, онъ и безъ этого проявляетъ себя, и проявляетъ даже гораздо лучше и ярче.

„Незамѣтные люди“ и „ничтожные міра сего“ являются главными дѣйствующими лицами всѣхъ разсказовъ автора, и горячее, задушевное его отношеніе къ этимъ людямъ вызываетъ такое же настроеніе и въ читателѣ. Даже такой типъ, какъ хозяйка „Квартиры № 15“, упомянутая уже выше, въ сущности несомнѣнный кулакъ-баба, оказывается, можетъ создавать это отношеніе и настроеніе и какъ тоскующая брошенная жена, и какъ горячо любящая мать.

Эти материнскія чувства у героинь Щепкиной-Куперникъ встрѣчаются неоднократно, какъ наиболее, вѣроятно, подходящая форма для передачи той своеобразной „жалостливости“, какой отличается талантъ автора и въ этихъ чувствахъ героини чаще всего находятъ то свое „человѣческое“, что внушаетъ и къ нимъ уже и любовь, и участіе. Само собой, авторъ, конечно, не можетъ не видѣть, однако, и тѣхъ уродливыхъ формъ этого чувства, которыя являются тогда, когда люди забываютъ это человѣческое въ другихъ и прежде всего въ ребенкѣ. Тогда и изъ ихъ любви исчезаетъ великое человѣческое, и даже все великое, свойственное вообще живымъ существамъ, и остаются лишь или смѣшныя, или грустныя картины, надъ которыми то мягко, грустно смѣется, то задумывается авторъ.

Это „великое человѣческое“ онъ ищетъ и находитъ не только здѣсь. Часто оно выражается совсѣмъ иначе въ другихъ чувствахъ и думахъ, часто гибнетъ, очень рѣдко торжествуетъ, но иногда и въ глубинѣ паденія вдругъ прорывается яркимъ, могучимъ свѣтомъ и дѣлаетъ „ничтожныхъ міра сего“ „людьми“ или, по крайней мѣрѣ, показываетъ, что они могли бы быть ими. Таковой намъ представляется точка зрѣнія автора, всюду ищущаго это „великое человѣческое“, объединяющее людей и дѣлающее ихъ всѣхъ равными „по образу и подобію Божію“.

И чѣмъ проще разказы автора объ этомъ, тѣмъ теплѣе, симпатичнѣе. ярче они. „Мужикъ“, напр., или „Порокъ“ оставляютъ прямо жуткое впе-

чатлѣніе. За ними идетъ цѣлый рядъ „ничтожныхъ“ или „незамѣтныхъ міра сего“. Тутъ проходитъ и „Агашка“, и, пожалуй, „Дѣдушка Валерій“, и хозяйка „Квартиры № 15“, и рядомъ, забытая было, старая княгиня или какая-то „превосходительная“ Марья Романовна, нашедшая, однако, „зачѣмъ еще билось ея сердце“, и двѣ русскія студентки въ Швейцаріи, устраивающія себѣ тамъ пасху и такъ трогательно зовущія вспомнить родной обычай стараго, озлобленнаго, одинокаго эмигранта... („Фіалки“).

И гибнетъ ли „человѣкъ“ въ „Мужикѣ“, измученный напрасными поисками работы и хлѣба въ чужомъ, непривѣтливомъ городѣ, „пропадаетъ“ ли сознательно шансонеточная пѣвичка въ „Порокѣ“, чтобы достать денегъ на лѣченіе полюбившей ее дѣвочки, плачетъ ли радостно бабушка „Марья Романовна“ надъ своимъ внукомъ, а кормилица, „забывая сословную рознь“, сердито ворчитъ на молодую барыню: „Тыше, ты—разбудишь его!“ зовутъ ли на чужбинѣ „сестры“ студентки „брата“ по родинѣ—эмигранта, всюду „чувствуется тамъ то „великое человѣческое“, что должно бы всѣмъ людямъ дать и братство, и равенство..

Остается пожелать, чтобы и на будущее время авторъ остался на прежнемъ пути, развивая свой молодой талантъ, и „великое человѣческое“ постоянно освѣщало бы ему этотъ путь..

А. О. Н.

Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. Томъ II. Отъ нашествія монголовъ до митрополита Макарія включительно. Первая половина тома. Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1900.

Исторія церкви вообще, въ частности и исторія русской церкви,—тема довольно сложнаго характера, включающая въ себѣ и исторію церковной іерархіи или администраціи, и исторію церковной литературы и искусства, и исторію религіознаго сознанія. Въ этомъ обширномъ смыслѣ понимаетъ церковную исторію и г. Голубинскій, какъ показываетъ давно вышедшій первый томъ его сочиненія. По тому же плану составленъ и недавно появившійся послѣ долгаго перерыва, не зависѣвшаго отъ воли автора, второй томъ, не законченный еще пока, такъ какъ важнѣйшая вторая его половина еще не вышла въ свѣтъ. Не всѣ указанные важные отдѣлы исторіи церкви могутъ быть изслѣдованы съ одинаковою степенью научности, не вездѣ возможны здѣсь окончательные дѣйствительно-научные выводы,—и это не зависитъ вовсе отъ степени талантливости автора и отъ большей или меньшей основательности и обширности его знаній,—самые методы изученія нѣкоторыхъ сторонъ историческаго развитія, какъ литература, религія, искусство,—недостаточно развиты; связь между этими культурными явленіями и фактами хозяйственными, социальными и политическими не можетъ быть поэтому правильно установлена. Вотъ почему къ исторіи русской церкви нельзя примѣнять одинаковыя требованія на протяженіи всего его сочиненія: однѣ части послѣдняго, — тѣ именно, въ которыхъ идетъ рѣчь о церковной іерархіи и церковной администраціи,—должны стоять на большей научной высотѣ, чѣмъ другія, посвященныя церковной литературѣ и развитію религіознаго сознанія. Въ этихъ послѣднихъ отдѣлахъ отъ автора можно и должно требовать только предварительнаго критическаго изслѣдованія и правильнаго и обстоятельнаго анализа фактическихъ данныхъ, другими словами, только подготовки

матеріала для будущихъ дѣйствительно-научныхъ обобщеній. Для полученія такихъ обобщеній недостаетъ одного важнаго звена,—того, что мы назвали бы психологической исторіей общества, т. е. изображенія процесса развитія господствующихъ въ обществѣ психическихъ типовъ. Но для такой психологической исторіи нѣтъ поддержки со стороны психологій и науки объ индивидуальномъ характерѣ, недостаточно еще разработанныхъ. Поэтому остается вооружиться терпѣніемъ и варьировать требованія сообразно различнымъ отдѣламъ исторической науки.

Г. Голубинскій чувствуетъ, очевидно, потребность въ указанномъ недостающемъ звенѣ цѣпи историческихъ явленій,—въ психологической исторіи,—и посвящаетъ первую половину каждаго тома своей „Исторіи русской церкви“ изложенію и критикѣ, имѣющихся въ нашихъ источникахъ данныхъ для сужденія о личномъ характерѣ іерарховъ русской церкви и важнѣйшихъ представителей русскаго духовенства, чернаго и бѣлаго. Надо отдать справедливость автору: онъ превосходно знаетъ источники, хорошо знакомъ съ литературой и обладаетъ выдающейся способностью тонкаго критическаго анализа, позволяющей ему изъ мелкихъ данныхъ строить смѣлые и вѣрные выводы. Критика источниковъ, главнымъ образомъ, житій древнерусскихъ святыхъ, лѣтописей и грамотъ всероссійскихъ патріарховъ, составляетъ вообще важнѣйшую цѣнность изданной первой половины II тома. Отмѣтимъ, напримѣръ, превосходный анализъ извѣстнаго житія св. Петра о событіяхъ послѣ смерти митрополита Максима (стр. 99--101), анализъ, приводящій къ цѣнному замѣчанію о попыткѣ тверскихъ князей выставить своего кандидата на митрополничью кафедру для достиженія своихъ политическихъ цѣлей. Смутныя времена, наступившія въ московской митрополіи по смерти св. Алексѣя, при Дмитріи Донскомъ, также нашли себѣ въ лицѣ г. Голубинскаго остроумнаго и проникательнаго истолкователя. Число подобныхъ примѣровъ вѣрнаго и притомъ совершенно новаго взгляда на лица и событія легко увеличить, но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать, что характеристики г. Голубинскаго страдаютъ однимъ серьезнымъ недостаткомъ: авторъ—не художникъ, и потому у него не получается яркихъ образовъ дѣйствующихъ лицъ, художественныхъ изображеній, которыя своей выпуклостью давали бы возможность почувать истину, заневозможностью,—вслѣдствіе недостатка научныхъ средствъ,—познать ее. Этотъ недостатокъ художественной способности обнаруживается особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Голубинскій говоритъ о наиболѣе характерныхъ фигурахъ изъ среды русскаго духовенства: вотъ почему, напримѣръ, изображенія Нила Сорскаго и Іосифа Волоколамскаго вышли у автора довольно блѣдными и, такъ сказать, однотонными, —и это несмотря на то, что въ литературѣ имѣются спеціальныя работы, извѣстныя и г. Голубинскому и дающія цѣнный матеріалъ для художественной характеристики (мы разумѣемъ книги гг. Хрушова, Жмакина, Архангельскаго). Нѣкоторыя характеристики г. Голубинскаго невольны вызываютъ также на возраженія: это особенно надо сказать объ изображеніи личности знаменитаго митрополита Макарія. Авторъ говоритъ о немъ много справедливаго, вѣрно отмѣчаетъ, что это не былъ новаторъ, а былъ практической человѣкъ своего времени, типическій его представитель (стр. 873—875), но вмѣстѣ съ тѣмъ склоненъ чрезмѣрно его идеализировать, отвергать въ немъ ту практическую сноровку, житейскую гибкость, „змѣвную мудрость“, какую несомнѣнно обладалъ Макарій, какъ показываютъ факты, приводимые самимъ г. Голубинскимъ: не даромъ Макарій, будучи еще архимандритомъ Можайскаго Лужецкаго монастыря, успѣлъ снискать себѣ благоволеніе такого

самовластца, какъ Василій III (стр. 746), а потомъ былъ возведенъ на митрополичью каеэдру столпомъ боярской партіи Шуйскимъ (стр. 761) и оставался митрополитомъ не только при господствѣ „избранной рады“ Сильвестра и Адашева, но и въ 1563 г., когда вліяніе этой „рады“ пошатнулось. Нельзя поэтому не снять того нѣсколько идиллическаго покроя, который набрасываетъ г. Голубинскій на Макарія, говоря, что онъ „обладалъ въ высшей степени счастливымъ и благословеннымъ характеромъ, который дѣлалъ его истиннымъ человѣкомъ мира и миротворенія“ (стр. 875) Правда, этотъ миръ покупался Макаріемъ не цѣною открытаго угодичества, какъ это дѣлалъ другой іосифлянинъ, одинъ изъ его предшественниковъ на митрополичьей каеэдрѣ, Даниилъ, но это доказываетъ только, что Макарій былъ умнѣе и практичнѣе Даниила. На нашъ взглядъ, авторъ преувеличиваетъ также и политическую роль Макарія, приписывая ему инициативу принятія Иваномъ Грознымъ царскаго титула (стр. 767).

Значеніе первой половины II тома „Исторіи русской церкви“ г. Голубинскаго не исчерпывается только тѣмъ, что въ немъ даны основанныя на критикѣ источниковъ біографіи важнѣйшихъ церковныхъ дѣятелей,— авторъ занимается здѣсь также изложеніемъ нѣкоторыхъ религіозныхъ движеній (стригольники, жидовствующіе, ереси Башкина и Θεодосія Косого) и исторіей отдѣленія западно-русской церкви отъ восточно-русской. Болѣе подробнаго анализа религіозной догмы мы ждемъ отъ второй половины тома, теперь же отмѣтимъ большую цѣнность изслѣдованій г. Голубинскаго о происхожденіи особыхъ, галицкой и литовской, митрополій. Благодаря этимъ изслѣдованіямъ читателю представляется въ истинномъ свѣтѣ это происхожденіе: изложеніе автора даетъ возможность представить его въ видѣ постепенной и послѣдовательной эволюціи.

Второй томъ труда г. Голубинскаго начинается предисловіемъ, въ которомъ авторъ намѣчаетъ между прочимъ дѣленіе исторіи русской церкви на періоды и объясняетъ исторію появленія на свѣтъ своей книги. Дѣленіе на періоды— кievскій, московскій и петербургскій— съ раздѣленіемъ московскаго періода на двѣ половины— до и послѣ половины XVI вѣка,— если оставить въ сторонѣ самое наименование этихъ періодовъ, неудачное по той причинѣ, что не отмѣчаетъ сущности классифицируемыхъ явленій,— имѣетъ въ нашихъ глазахъ большую важность: это дѣленіе совершенно совпадаетъ съ періодами экономической, социальной и политической исторіи Россіи, что внушаетъ увѣренность въ правильности такого дѣленія и открываетъ въ будущемъ возможность тѣсно связать исторію церкви съ исторіей русскаго хозяйства, общества и государства. Что касается до появленія въ свѣтъ II тома сочиненія г. Голубинскаго, то замѣчательно, что авторъ по „независящимъ обстоятельствамъ“ долженъ былъ продержатъ свою рукопись въ столѣ въ теченіе цѣлыхъ 19 лѣтъ. Нельзя не пожалѣть объ этомъ и остается пожелать г. Голубинскому успѣшнаго и безпрепятственнаго окончанія его цѣннаго труда.

Н. Рожновъ.

Der Ursprung des Totemismus. Ein Beitrag zur materialistischen Geschichtstheorie von Prof. I. Pikler und Dr. F. Somlo. Berlin. 1900, 36 S. Preis 1 Mark.

Пока идутъ безконечные споры объ историческомъ матеріализмѣ, какъ цѣльномъ философскомъ міросозерцаніи, о его логической и гносеологической состоятельности, все расширяющійся кругъ ученыхъ уже фактиче-

ски пользуется этой теоріей, какъ *рабочей гипотезой*, какъ методомъ изслѣдованія. И не получивши еще полной философской обработки, эта замѣчательная теорія, именно въ качествѣ рабочей гипотезы, оказала и продолжаетъ оказывать наукѣ неоцѣнимыя услуги. Благодаря ей тысячелѣтняя старуха исторія узнаетъ съ удивленіемъ, подобно мольеровскому герою, что она все время говорила прозою.

Особенно плодотворные результаты дало примѣненіе этой теоріи къ вопросамъ первобытной культуры. Здѣсь на нашихъ глазахъ создавалась, такъ сказать, трудовая теорія познанія или, точнѣе, теорія трудового познанія. Въ видѣ motto къ этой теоріи могутъ быть выбраны гениальныя слова Фауста въ знаменитомъ монологѣ, произнесенномъ имъ при переводѣ на нѣмецкій языкъ Библии:

„Im Anfang war die That!“
(„Въ дѣяніи начало бытія“).

Новѣйшія изслѣдованія первобытной эпохи чѣмъ дальше, тѣмъ больше приносятъ доказательства справедливости этой гениальной идеи *).

Приносить этому доказательство и лежащая передъ нами коллективная работа о происхожденіи тотемизма.

Подъ тотемизмомъ извѣстно то распространенное явленіе первобытной культуры, что отдѣльныя племена, а иногда и отдѣльныя личности, называются по имени какого-нибудь предмета, въ большинствѣ случаевъ по имени какого-нибудь животнаго или растенія: племя „крокодила“, „орла“, „ящерицы“ и пр. При этомъ все племя относится съ благоговѣніемъ къ предмету, давшему ему свое имя, окружаетъ его почитаніемъ и считаетъ смертнымъ грѣхомъ убить данное животное или употребить въ пищу его мясо.

Весьма многіе изслѣдователи пытались построить теорію происхожденія тотемизма, большинство изъ нихъ при этомъ предполагало, что именно почитаніе данного животнаго, его обоготвореніе и служило элементомъ, спланивавшимъ въ общества, племена.

Проф. Пиклеръ опровергаетъ эту теорію, доказывая, что тотемизмъ является не причиной образованія солидарнаго племени, а однимъ изъ проявленій уже существующей племенной солидарности. Всю эту теорію происхожденія тотемизма онъ считаетъ „простою разновидностью того общаго ученія, что религія была главнымъ факторомъ въ дѣлѣ созданія первобытныхъ обществъ“. Стоя, какъ онъ самъ заявляетъ, на точкѣ зрѣнія историческаго матеріализма, **) онъ видитъ въ религіозныхъ идеяхъ первобытныхъ людей лишь идеологическое отраженіе, фантастическое истолкованіе скучныхъ пѣсенъ земли...

Поэтому авторъ устраниваетъ вопросъ о возникновеніи „тотемныхъ обществъ“, такъ какъ не существуетъ племенъ, союзовъ, возникшихъ на почвѣ тотема. Вопросъ сводится къ тому, какимъ путемъ уже существующія солидаризованныя племена развиваютъ у себя тотемизмъ, почитаніе извѣстныхъ предметовъ? Почему эти племена считаютъ данное животное своимъ предкомъ?

*) Въ другомъ мѣстѣ я подробно остановился на развитіи и обоснованіи намѣченной здѣсь идеи. Ср. статью „О первобытномъ обществѣ“. „Научное Обозрѣніе“, 1900 г.

**) Въ другомъ своемъ сочиненіи „Das Grundgesetz alles neuro-psichischen Lebens“ авторъ пытается подвести психо-физическій фундаментъ подъ эту теорію

Всѣ эти явленія авторъ считаетъ слѣдствіемъ характера письменъ техники письма данныхъ народовъ. Самой примитивной ступеню письма является, какъ извѣстно, изобразительное письмо, письмо посредствомъ образовъ. При такомъ родѣ письма трудно, конечно, изобразить какое-нибудь собственное или индивидуальное имя. Приходится прибѣгать къ изображенію наиболѣе характерныхъ чертъ и особенностей: для того, чтобы назвать городъ, рисуютъ его характернѣйшую постройку; индѣйцы, напр., для того, чтобы сказать „европеецъ“, рисуютъ челоуѣка въ шляпѣ и т. д. Но обыкновенно отсутствуютъ, въ особенности въ первобытную эпоху, ярко выраженныя индивидуальныя черты личности или всего клана. Тогда приходится прибѣгать къ символическому его названію. На этой-то почвѣ и выросъ, по мнѣнію Пиклера, тотемизмъ. И всѣ дикія племена при изображеніи своего имени дѣйствительно рисуютъ свой тотемъ. Уже значительно позже мы видимъ, что древніе европейцы украшали свои щиты и дома эмблемами, имя которыхъ они носили.

Возникшее такимъ образомъ имя или названіе народа впоследствии получало мистическій характеръ. Древніе народы твердо вѣрили въ матеріальную связь между предметомъ и его названіемъ, въ это вѣрили даже еще греческіе философы. Въ виду этого легко создавалась вѣра, что кланъ, носящій имя какого-либо животнаго, происходитъ отъ этого животнаго, что при господствѣ вѣры въ переселеніе душъ изъ челоуѣка въ животное и обратно не представляло ничего невѣроятнаго.

Такое оствоѣ теоріи, развиваемой проф. Пиклеромъ. Свое изложеніе авторъ заканчиваетъ провозглашеніемъ здравницы матеріалистическому, — мы предпочли бы сказать реалистическому, — методу изслѣдованія. Авторъ замѣчаетъ, что если останется остатокъ, не поддающійся матеріалистическому истолкованію, то только тогда мы въ правѣ и должны дать ему идеалистическое истолкованіе. А останется ли такой остатокъ это рѣшать лишь дальнѣйшія изслѣдованія. Во второй части разбираемой книжки д-ръ Зомло старается привести индуктивныя доказательства справедливости этой теоріи происхожденія тотемизма, развитой проф. Пиклеромъ чисто абстрактнымъ путемъ. При этомъ Зомло приходитъ къ заключенію, что тотемъ фактически употребляется какъ орудіе письма, что тотемизмъ хронологически всегда возникаетъ вмѣстѣ съ образованіемъ искусства письменъ, что никакая другая теорія происхожденія тотемизма не мирится съ фактами.

Гипотеза Пиклера заслуживаетъ полнаго вниманія; она важна еще какъ знаменіе времени, свидѣтельствующее о проникновеніи историческаго матеріализма, какъ метода изслѣдованія, и въ консервативныя сферы официальной науки.

П. Берлинъ.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунками и историческими картами. М. 1900.

Повышеніе уровня историческаго образованія составляетъ несомнѣнно одну изъ настоятельнѣйшихъ культурныхъ потребностей русскаго общества; нѣтъ, быть можетъ, сферы научнаго знанія, въ которой русское общество чувствовало бы себя болѣе безпомощнымъ, чѣмъ въ исторіи. Это и понятно: вѣдь большинство нашей интеллигенціи выходитъ въ жизнь только съ тѣми историческими знаніями, какія потерпнуты изъ учебни-

ковъ въ средней школѣ. Всякому извѣстно между тѣмъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ по учебникамъ можно изучить лишь „дней минувшихъ анекдоты отъ Ромула до нашихъ дней“... Поэтому появленіе каждаго новаго учебника, имѣющаго тѣ или другія достоинства и написаннаго компетентнымъ лицомъ, заслуживаетъ живѣйшаго вниманія не однихъ только специалистовъ-педагоговъ, но и всякаго человѣка, которому не чужды интересы историческаго образованія. Вотъ почему мы рѣшаемся говорить объ учебникѣ проф. Р. Ю. Виппера на страницахъ общаго журнала.

Преподаваніе исторіи, какъ и всякаго другого предмета, должно слагаться изъ трехъ основныхъ элементовъ: устнаго разсказа преподавателя, изученія учебника и ознакомленія съ пособіями (картами, картинами, книгами для чтенія). Каждому изъ этихъ педагогическихъ орудій свойственна своя специальная задача. Урокъ долженъ начинаться разсказомъ преподавателя, разсказомъ конкретнымъ и живымъ, непременно яснымъ и лишеннымъ вычурности. Преподаватель даетъ ученикамъ конкретную картину той или другой стороны исторической жизни даннаго періода и иллюстрируетъ при этомъ свой разсказъ картинами, картами, планами, чтеніемъ изъ книги и т. д., смотря по обстоятельствамъ и по потребности. Затѣмъ онъ долженъ путемъ бесѣды съ классомъ добиться того, чтобы учащіеся, съ его помощью, сдѣлали изъ предложеннаго въ его разсказѣ конкретнаго матеріала необходимые общіе выводы. Этимъ кончается роль учителя и почти исчерпывается значеніе пособій, изъ которыхъ на дому, внѣ класса, можетъ сослужить службу только хорошо составленная книга для чтенія, съ которой ученикъ могъ бы при желаніи ознакомиться въ свободное время. Но на дому, внѣ класса, начинается зато роль учебника: здѣсь ученикъ долженъ найти все то, что необходимо усвоить памятью, повторить послѣ разсказа учителя и классной бесѣды. То, что необходимо долженъ заключать въ себѣ учебникъ, очевидно, должно состоять, во-первыхъ, въ сжатой и точной формулировкѣ обобщеній, явившихся результатомъ школьной работы, и, во-вторыхъ, въ минимальномъ, необходимомъ лишь для ясности, количествѣ хорошо подобранныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ эти обобщенія. Отсюда понятно, что учебникъ долженъ быть кратокъ (страницъ въ 50—60 печатныхъ въ годъ при двухнедѣльныхъ урокахъ) и что онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ претендовать на замѣну собою учителя.

Таковъ нашъ взглядъ на дѣло Р. Ю. Виппера, очевидно, во многомъ его не радѣляетъ. Будучи самъ выдающимся изслѣдователемъ, г. Випперъ, конечно, не менѣе пишущаго эти строки убѣжденъ въ необходимости обобщеній, установленія связи явленій, объясненій всѣхъ подробностей процесса историческаго развитія страны изъ немногихъ основныхъ элементовъ, но, по его мнѣнію, это не дѣло учебника, а, вѣроятно, дѣло учителя, и во всякомъ случаѣ не дѣло учебника, предназначеннаго для учащихся въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, когда обыкновенно происходитъ древняя исторія. Учебникъ, по взгляду г. Виппера, долженъ заключать въ себѣ „конкретное описаніе“ матеріала (предисл., стр. I): вмѣсто изображенія политической эволюціи и деталей законодательства въ немъ должны содержаться „конкретныя описанія политической практики“ (стр. II). Итакъ, то, что, по нашему мнѣнію, составляетъ задачу устнаго разсказа учителя и должно входить въ книгу для чтенія, потому что не подлежитъ обязательному запоминанію, по мнѣнію составителя разбираемаго учебника, должно быть дано руководствомъ. Почему же такъ? Потому что все от-

влеченное и сложное, всё политическія эволюціи и детали законодательства трудны для указанного возраста (стр. I—II). Намъ кажется, что почтенный авторъ преувеличиваетъ эту трудность того, что составляетъ самый важный, желательный результатъ историческаго преподаванія. Въ самомъ дѣлѣ: неужели политическая и экономическая эволюція Афинъ будетъ такъ непосильно-трудна для 13—14-лѣтняго мальчика или дѣвочки, если ознакомленіе съ ними начать съ конкретныхъ образовъ, съ картинъ и потомъ довести учащихся при ихъ помощи до обобщеній? Другое дѣло, если бы конкретный матеріалъ былъ совершенно исключенъ, и предлагались однѣ отвлеченныя схемы. Понятно поэтому, что насъ прежде всего не удовлетворяетъ въ учебникѣ Р. Ю. Виппера отвлеченная сторона изложенія: она слабо представлена. Мы никакъ не можемъ помириться съ молчаніемъ автора о дѣленіи на классы, установленномъ Солономъ (стр. 54), и о Клисееновыхъ филахъ. Завоевательныя движенія персовъ являются въ изложеніи автора совершенной случайностью (стр. 57); вообще едва ли удобно о Персіи впервые говорить при разсказѣ о греко-персидскихъ войнахъ: такой приѣмъ приводитъ въ сущности къ уtratѣ всякаго смысла исторію этой страны, потому что приходится ограничиться двумя-тремя чисто-формальными фразами. Переходъ отъ муниципальнаго строя къ государственному нуждался бы въ большихъ поясненіяхъ и т. д.

Очевидно также, что, съ нашей точки зрѣнія, учебникъ г. Виппера недостаточно кратокъ и пытается замѣнить и учителя, и пособія. Многое, напр., картина древнегреческой битвы, разсказы о погребеніи Патрокла и т. д., такъ и просится въ книгу для чтенія, особенно если иллюстрировать превосходный разсказъ автора выписками изъ Гомера въ стихотворномъ переводѣ Гнѣдича или г. Минскаго.

Авторъ сильно возстаегъ противъ иностранныхъ терминовъ, находя ихъ „страшными“ словами (стр. II). И эта боязнь страшныхъ словъ намъ кажется преувеличенной. Конечно, наши учебники переполнены не въ мѣру греческой и римской терминологіей, и этотъ балластъ надо большею частью выбросить за бортъ, но періэки, метэки, илоты, право, не такъ ужъ трудны и страшны, архонты и стратеги не страшнѣе римскихъ консуловъ, а между тѣмъ изученіе этихъ и немногихъ другихъ терминовъ избавитъ любознательнаго ученика отъ затрудненія и недоумѣнія, если онъ задумаетъ открыть любую книгу по греческой или римской исторіи. При томъ же и самъ авторъ непослѣдователенъ: онъ вноситъ термины „нобили“, „популяры“, „агапы“, „катехумены“ и т. д.

Итакъ, едва ли можно принципиально согласиться со взглядомъ Р. Ю. Виппера на задачи учебника древней исторіи для среднихъ классовъ. Частности его учебника вызываютъ также не мало возраженій, и мы сейчасъ изложили лишь небольшую часть ихъ, не желая затруднять вниманіе читателя мелочными подробностями. Слѣдуетъ ли изъ этого, что учебникъ проф. Виппера бесполезенъ? Ни въ какомъ случаѣ: во-первыхъ, это прекрасная, хотя нѣсколько краткая книга для чтенія; въ качествѣ таковой учебникъ г. Виппера заинтересуетъ учащихся и принесетъ имъ много пользы: онъ долженъ быть для нихъ настольной книгой; во-вторыхъ, учебникъ Р. Ю. Виппера имѣетъ и болѣе общее значеніе: онъ—оригинальное явленіе, заставляющее пересмотрѣть весь багажъ, составляющій содержаніе нашихъ историческихъ учебниковъ. Послѣ учебника г. Виппера многое, навѣрное, будетъ выброшено и исправлено, а главное—въ стоячемъ болотѣ произошло движеніе: рутинна, утвердившаяся въ историческомъ преподаваніи, пошатнулась и отступила передъ лучомъ свѣта; можетъ

быть, этотъ свѣтъ искусственъ и не вполне точно и вѣрно направленъ. но все-таки это—свѣтъ, что очень важно.

При всемъ нашемъ принципиальномъ разногласіи съ г. Вишперомъ пожелаемъ ему распространения его книги и позволимъ себѣ выразить надежду, что авторъ подаритъ русское общество и рускую школу продолженіемъ своего труда. Du choc des opinions jaillit la verité...

Н. Рожновъ.

Министерство финансовъ. Высочайше утвержденная коммисія по заведыванію устройствомъ Русскаго отдѣла на Всемирной выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ. 1) Россія въ концѣ XIX вѣка. Подъ общемою редакціею В. И. Ковалевскаго. Спб. 1900. 2) Окраины Россіи: Сибирь, Туркестанъ, Кавказъ и полярная часть Европейской Россіи. Подъ редакціею П. П. Семенова. Спб. 1900.

Въ настоящее время русскимъ обществомъ несомнѣнно чувствуется потребность въ книгахъ, которыя въ сжатой формѣ давали бы сводъ всѣхъ наиболѣе необходимыхъ свѣдѣній по той или другой отрасли научнаго знанія и о той или другой сферѣ текущей дѣйствительности. Эта потребность въ большей или меньшей степени удовлетворяется быстро и въ значительномъ числѣ появляющимися одно вслѣдъ за другими изданіями энциклопедическаго характера. Предпринятая министерствомъ финансовъ два новыхъ изданія, заглавія которыхъ выписаны выше, представляютъ собою такую же попытку популяризаціи, какими являются вновь выходящія энциклопедіи. Конечно тотъ, кто познакомится съ этими изданіями, не будетъ еще обладать достаточно-глубокимъ и основательнымъ знаніемъ важнѣйшихъ сторонъ современной русской жизни, но онъ запасется нѣкоторыми основными понятіями и первоначальными данными, исходя изъ которыхъ легко углубить свои познанія. Въ этомъ смыслѣ и „Россія въ концѣ XIX вѣка“ и „Окраины Россіи“ заслуживаютъ особенной рекомендаціи. Свѣдѣнія, какія находились въ распоряженіи авторовъ отдѣльныхъ статей, вошедшихъ въ оба названныхъ сборника, отличаются свѣжестью и собраны и обработаны хотя и умѣло, но слишкомъ часто съ предвзятой тенденціею скрыть то, о чемъ нужно было бы говорить гораздо больше и, наоборотъ, много говорить о томъ, что ясно и само по себѣ. Но популяризація знаній—такое серьезное, сложное и трудное дѣло, что безукоризненное исполненіе его прямо невозможно, а ошибки и недосмотры совершенно неизбѣжны. Такихъ ошибокъ и недосмотровъ найдется не мало и въ разбираемыхъ изданіяхъ. Прежде всего нельзя не признать, что отдѣльные вопросы широкой программы, выработанной редакціею обѣихъ книгъ, освѣщены не всегда равномѣрно. Это можно сказать даже о лучшихъ статьяхъ. Такъ, въ книгѣ объ „Окраинахъ Россіи“ описаніе флоры и фауны несомнѣнно преобладаетъ надъ изображеніемъ населенія, его быта, занятій и проч. Въ „общемъ обзорѣ“, которымъ открывается изданіе „Россія въ концѣ XIX вѣка“, очень обстоятельно излагаются данныя о рельефѣ, орошеніи, геологическомъ строеніи, минеральныхъ богатствахъ, климатѣ, флорѣ и фаунѣ страны, и помѣщено всего нѣсколько незначительныхъ по содержанію строкъ о русскихъ почвахъ, несмотря на всю важность этого послѣдняго вопроса для такой все еще по преимуществу земледѣльческой страны, какъ наше отечество, и несмотря на то, что

русское почвовѣдѣніе даетъ достаточно матеріала для сжатаго и яснаго очерка вопроса. Въ этомъ отношеніи прежнее изданіе министерства финансовъ, предпринятое для Нижегородской выставки подъ заглавіемъ „Производительныя силы Россіи“, представляетъ немаловажныя преимущества передъ новымъ. Точно такъ же въ хорошей статьѣ г. Карышева о землевладѣніи мы тщетно искали хотя бы намека на тотъ кризисъ, который мѣстами начинается постигать крестьянское мірское землевладѣніе: на переселенія среднесостоятельнаго слоя крестьянства, на долгосрочную аренду земли наиболѣе обѣдѣвшихъ общинниковъ состоятельными членами крестьянскаго міра, на сопровождающія этотъ процессъ перемѣны въ сферѣ формъ и пріемовъ хозяйствъ и проч. Весь очеркъ, посвященный „полярной части Европейской Россіи“, т. е. Архангельской губерніи (въ „Окраинахъ Россіи“), отличается поверхностностью и чрезмѣрной краткостью.

Другой не менѣе, если не болѣе, важный недостатокъ разбираемыхъ изданій заключается въ томъ, что они избилуютъ историческими ошибками. Конечно, можно еще, пожалуй, спорить о томъ, необходимы ли историческія свѣдѣнія въ книгѣ, посвященной изображенію современной дѣйствительности, хотя само собою разумѣется, что и современная дѣйствительность часто является непонятной безъ историческаго изученія: но во всякомъ случаѣ, если ужъ экскурсы въ область исторіи признаны полезными и умѣстными,—надо тщательно избѣгать ошибокъ, тѣмъ болѣе, что книга предназначена для справокъ часто неподготовленнаго читателя, а во французскомъ своемъ изданіи даже иностранца. Мы не будемъ говорить о такихъ досадныхъ недосмотрахъ, какъ пріуроченіе завоеванія Сибири къ 1572 году („Россія въ концѣ XIX в.“, стр. 35), не будемъ ставить въ вину автору и редакціи слишкомъ поверхностный очеркъ исторіи колонизаціи (тамъ же, стр. 34 и 35), но погрѣшности, вкравшіяся въ очень значительномъ количествѣ въ статью „Государственное устройство“, слѣдуетъ признать прямо грубыми. Говоря о томъ, что „исторія возникновенія и постепеннаго нарастанія Россіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія царской централизаціи“, авторъ выбрасываетъ за бортъ и удѣльный періодъ, и Новгородъ съ Псковомъ, которые были *послѣ* кіевского единства: тотъ же авторъ, игнорируя боярскую крамолу XV—XVI в., Смутное время и многочисленныя бунты XVII столѣтія, смѣло утверждаетъ, что „борьбы сословій между собой и съ своимъ государемъ почти совершенно не знало Московское государство“ („Россія въ концѣ XIX в.“, стр. 88); на стр. 90 и слѣд. находимъ такое оригинальное замѣчаніе объ исторіи русскихъ социальныхъ классовъ, различающихся по своимъ правамъ и обязанностямъ“. Тутъ мы встрѣчаемся съ совершеннымъ смѣшеніемъ понятій: авторъ не понимаетъ различія между экономическимъ *классомъ* и юридическимъ *сословіемъ*: сословій въ удѣльной Руси дѣйствительно не было, но классы несомнѣнно были. Курьезно также объясненіе происхожденія цеховъ и гильдій тѣмъ, что Петръ Великій и Екатерина II „увлеклись“ подражаніемъ Западу (стр. 93), и совершенно невѣрно устарѣвшее утвержденіе, что крестьяне были прикрѣплены къ *землѣ* (94 стр.). Проф. Ключевскій справедливо замѣтилъ въ свое время, что русскіе крестьяне были прикрѣплены не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца. Вообще вся историческая часть статьи „Государственное устройство“ не выдерживаетъ самой снисходительной критики и способна ввести неподготовленнаго читателя въ рядъ недоразумѣній и заблужденій; современный строй изложенъ въ этой статьѣ довольно ясно, хотя элементарно, причемъ однако изложеніе не чуждо своеобраз-

ной бюрократической идеологии, типическимъ примѣромъ которой является замѣчаніе, что вслѣдствіе учрежденія мѣстнаго самоуправленія „система управленія представляется довольно сложной, не во всѣхъ частяхъ строго выдержанной, и упрощеніе ея, сведеніе къ одному болѣе стройному цѣлому, составляетъ для русскаго правительства задачу ближайшаго будущаго“ (стр. 81). Досадныя историческія ошибки встрѣчаются и въ статьѣ „Земледѣліе“: авторъ совершенно неосновательно утверждаетъ, что „въ Московскомъ царствѣ издавна существовало общинное пользование землею“, воскрешая этимъ давно и заслуженно похороненную славянофильскую теорію исконности русской поземельной общины (стр. 127 и 128), дѣлаетъ неожиданное открытіе, что прикрѣпленіе крестьянъ было произведено при царѣ Борисѣ (стр. 128), тогда какъ даже по старому мнѣнію оно относится къ царствованію Федора Ивановича, а по новому—законодательное утвержденіе сложившихся фактически крѣпостныхъ отношеній совершилось только въ Уложеніи 1649 г.; наконецъ, онъ совершенно не понимаетъ юридической природы прикрѣпленія и беспомощно путается и противорѣчитъ самъ себя, говоря то о „прикрѣпленіи къ землѣ“, то „къ землѣ и ея владѣльцу“ (стр. 128). Историческія ошибки въ другихъ статьяхъ менѣе значительны: такъ, въ статьѣ о внѣшней торговлѣ не сказано ни слова о торговлѣ древнѣйшей Руси съ арабами (см. стр. 630—631); утрата Новгородомъ своей самостоятельности ошибочно отнесена ко второй половинѣ XVI вѣка (стр. 631) и т. д.

Если читатель не будетъ особенно довѣрять историческимъ замѣчаніямъ авторовъ статей, помѣщенныхъ въ разбираемыхъ изданіяхъ, то оба эти изданія могутъ послужить для него полезными справочными пособиями.

Н. Ромновъ.

Э. Дюркгеймъ. *О раздѣленіи общественнаго труда. Этюдъ объ организаціи высшихъ обществъ. Перевелъ съ французскаго П. Юшкевичъ. Одесса, 1900.*

Для человѣка, взятаго внѣ общественной связи, существуютъ только потребности и ихъ удовлетвореніе, существуетъ только *физическая* необходимость. *Моральная* необходимость, нравственность, есть продуктъ *соціальныхъ* условий, результатъ общественной жизни. „Нравственность состоитъ въ томъ, чтобы быть солидарнымъ съ группой“, нравственно то, что санкціонируется типическимъ обществомъ извѣстнаго момента соціальной эволюціи. Таковъ основной исходный пунктъ всѣхъ разсужденій довольно извѣстнаго французскаго социолога Дюркгейма въ его книгѣ „О раздѣленіи общественнаго труда“. Опредѣливъ указаннымъ образомъ понятіе нравственности, Дюркгеймъ послѣдовательно разрѣшаетъ затѣмъ три главныхъ вопроса: 1) о функціи раздѣленія труда, т. е. о томъ, какой потребности оно соотвѣтствуетъ, 2) о причинахъ и условіяхъ раздѣленія труда, 3) о ненормальныхъ его формахъ. Отдѣльныя лица сближаются другъ съ другомъ по одной изъ двухъ причинъ: или потому, что они во всемъ сходны между собою, или потому, что существующія между ними различія не принадлежатъ къ числу взаимно другъ друга исключаютыхъ, діаметрально-противоположныхъ, а взаимно дополняютъ другъ друга. Значитъ, существуетъ два вида соціальной связи: связь по сходству или механическая, и связь по различію или органическая. Первая есть результатъ простого

сотрудничества, и ея юридическимъ отраженіемъ является уголовное право, выражающее репрессивную санкцію, т. е. грозящее карой за то, что признается за преступленіе коллективнымъ сознаниемъ. Вторая (органическая) связь—слѣдствіе сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда; юридическимъ отраженіемъ ея являются нормы гражданскаго и публичнаго права, отличающіяся ретитутивными санкціями: ихъ нарушеніе ведетъ къ простому возстановленію права, не сопровождающемуся наказаніемъ нарушителя. Каждому изъ двухъ указанныхъ родовъ солидарности соотвѣтствуетъ особый социальный типъ: механической солидарности — *орда*, т. е. абсолютно-однородная масса, состоящая изъ совершенно одинаковыхъ между собою семей; органической солидарности—государство. Впрочемъ, орда въ чистомъ видѣ—исключительное явленіе и лучше назвать соотвѣтствующій механической солидарности социальный типъ сегментарнымъ обществомъ, т. е. обществомъ, образованнымъ посредствомъ соединенія подобныхъ между собою агрегатовъ или сегментовъ (клановъ, родовъ, семей, ордъ и пр.). Въ обществахъ съ органической солидарностью наблюдается, напротивъ, система различныхъ органовъ, которые сами состоятъ изъ дифференцированныхъ частей. Очевидно, органическая солидарность прочнѣе, неразрывнѣе механической. Слѣдовательно, *функция раздѣленія труда, лежащая въ основѣ органической общественной связи, заключается въ томъ, чтобы „создать между двумя или нѣсколькими особями чувство солидарности“*. Таковъ отвѣтъ, даваемый Дюркгеймомъ на первый поставленный имъ себѣ вопросъ.

Причины прогресса въ раздѣленіи труда авторъ ищетъ въ измѣненіяхъ социальной среды, въ разрушеніи сегментарности общества, въ сближеніи сегментовъ между собою, совершающемся тремя способами: концентраціей населенія на меньшемъ пространствѣ, образованіемъ и развитіемъ городовъ и улучшеніемъ путей сообщенія. Это сближеніе общественныхъ сегментовъ Дюркгеймъ называетъ увеличеніемъ плотности общества. Указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что для развитія раздѣленія труда необходимо также увеличеніе объема общества, т. е. его размѣровъ, необходима большая численность его состава, Дюркгеймъ заключаетъ: „Раздѣленіе труда развивается прямо-пропорціонально объему и плотности общества“, и это по той причинѣ, что при увеличеніи социальныхъ объема и плотности борьба за жизнь становится болѣе жестокой, и раздѣленіе труда нѣсколько смягчаетъ такую жестокость: „Благодаря ему соперники не вынуждены къ взаимному уничтоженію и могутъ сосуществовать бокъ-о-бокъ“.

Что касается ненормальныхъ формъ раздѣленія труда, кризисовъ и банкротствъ, принудительнаго раздѣленія труда, беспорядочности функций, то Дюркгеймъ доказываетъ, что здѣсь самый принципъ раздѣленія труда не при чемъ, и что причины ненормальностей заключаются въ недостаткѣ солидарности, во внѣшнемъ принужденіи и т. д.

Сопоставляя свои выводы съ даннымъ имъ опредѣленіемъ нравственности, авторъ заключаетъ, что и механическая, и органическая солидарность моральны въ извѣстныхъ стадіяхъ развитія, и, наконецъ, опровергаетъ вульгарныя возраженія противъ системы раздѣленія труда, доказывая, что, благодаря послѣднему, развивается и углубляется индивидуальность и рисуется перспектива всеобщаго братства.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе книги Дюркгейма. Не трудно замѣтить, въ чемъ заключается философское средо автора: это—*принципъ относительности*, играющій вообще такую видную роль въ современной положительной наукѣ и научной философіи. Невозможно судить о мораль-

ной цѣнности раздѣленія труда внѣ тѣхъ соціальныхъ условій, съ какими оно связано, не существуетъ *абсолютнаго* критерія, которымъ слѣдовало бы руководиться въ рѣшеніи этого вопроса, какъ и въ рѣшеніи цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, ему подобныхъ. Утвержденіе принципа относительности въ гуманитарныхъ и соціальныхъ наукахъ составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ важнѣйшихъ идейныхъ пріобрѣтеній XIX вѣка, передаваемыхъ по наслѣдству XX столѣтію. Въ области соціологіи и политики старый методъ абсолютной оцѣнки разныхъ учреждений все болѣе и болѣе теряетъ почву: мы твердо помнимъ и знаемъ теперь, что не существуетъ идеальныхъ общественныхъ формъ, пригодныхъ и примѣнимыхъ ко всякому данному моменту соціального развитія. То же совершается и въ морали. Само собою разумѣется, что не Дюркгейму принадлежитъ открытіе принципа относительности, но онъ едва ли не первый примѣняетъ его съ достаточной осмотрительностью къ рѣшенію вопроса о раздѣленіи труда, а такое примѣненіе представляется далеко не лишнимъ особенно въ нашей литературѣ, въ которой до сихъ поръ пользуется нѣкоторымъ кредитомъ совершенно иная точка зрѣнія: обыкновенно формулируется отвлеченный отъ соціальныхъ условій, абсолютный идеаль челоуѣческой личности, и на это Прокрустово ложе укладываются живыя реальныя явленія. Естественно, что результаты подобной операціи получаются крайне печальныя, сводящіяся ни болѣе, ни менѣе, какъ къ идеализаціи примитивнаго общественнаго строя (мы разумѣемъ знаменитую въ свое время формулу прогресса г. Михайловскаго).

Итакъ, Дюркгеймъ принципиально—правъ. Но въ его трудѣ читателя странно поражаетъ то, что онъ не выражаетъ изучаемыхъ имъ явленій въ наиболѣе подходящихъ къ данному случаю экономическихъ терминахъ. Въ самомъ дѣлѣ: что такое сегментарное общество Дюркгейма, какъ не общество, живущее на основѣ натурального хозяйства? И что такое органическая кооперація, какъ не господство системы денежнаго хозяйства? Не даромъ же Дюркгеймъ, характеризуя процессъ уплотненія общества, вынужденъ былъ прибѣгнуть къ экономическимъ терминамъ и назвать въ качествѣ причинъ увеличивающейся плотности общества такія несомнѣнно-хозяйственныя явленія, какъ концентрація населенія, образование городовъ, улучшеніе путей сообщенія (стр. 205—207).

Заслуживаютъ быть отмѣченными нѣкоторыя остроумныя отдѣльныя замѣчанія и сближенія автора. Такъ извѣстно, что уголовное право въ древнѣйшихъ кодексахъ подавляетъ собою нормы частнаго и публичнаго права, слабо и рѣдко формулируемыя въ то время. Авторъ, со своей точки зрѣнія, совершенно правильно отмѣчаетъ въ качествѣ причины этого — однородность первобытнаго общества (стр. 108—109); мы предпочли бы сказать — натурально-хозяйственную его организацію. Хорошо указано далѣе, что вслѣдствіе раздѣленія труда (господства денежнаго хозяйства), отдѣленіе провинціи отъ развитой страны—не легкое дѣло, причиняетъ страданіе, подобное отдѣленію органа отъ организма (стр. 119). Извѣстно наконецъ, что въ примитивныхъ общественныхъ союзахъ религія играетъ первенствующую роль въ соціальномъ и политическомъ устройствѣ (см., напр., „Cité antique“ Фюстель-де-Куланжа). Чѣмъ это объясняется? Однородностью общества при отсутствіи раздѣленія труда и особой вслѣдствіе этого интенсивностью общихъ вѣрованій и обычаевъ (стр. 141).

Вообще книгу Дюркгейма слѣдуетъ рекомендовать тѣмъ, кто хочетъ познакомиться съ примѣненіемъ принципа относительности къ явленіямъ моральнаго порядка.

Н. Рожновъ.

И. Энгельманъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго В. Щербы, подъ редакціей А. Кизеветтера. М. 1900 г., изд. С. Скурмунта. Цѣна 1 руб.

Книга г. Энгельмана впервые появилась въ 1884 году на нѣмецкомъ языкѣ *). Съ тѣхъ поръ изученіе крестьянскаго вопроса въ Россіи подвинулось сильно впередъ, благодаря новымъ работамъ гг. Семевскаго, Дьяконова, Ключевского, Милюкова и др. Несомнѣнно, труды русскихъ ученыхъ пополняютъ пробѣлы книги Энгельмана, но тѣмъ не менѣе работа германскаго изслѣдователя и въ настоящій моментъ является единственнымъ полнымъ и связнымъ очеркомъ всей исторіи крѣпостного права въ Россіи. Правда, авторъ трактуетъ вопросъ почти исключительно съ одной только юридической стороны (г. Энгельманъ былъ профессоромъ русскаго права въ Дерптскомъ университетѣ); бытовой стороны онъ мало касается, а экономическую и политическую стороны опускаетъ почти совсѣмъ. Зато анализъ и синтезъ юридическихъ элементовъ въ возникновеніи, развитіи и паденіи крѣпостного права произведенъ весьма полно, ясно и съ прекраснымъ знаніемъ предмета.

Взглядъ г. Энгельмана на происхожденіе крѣпостного права ясно выраженъ въ слѣдующихъ его словахъ: „Прикрѣпленіе крестьянъ явилось случайнымъ и косвеннымъ слѣдствіемъ фискально-полицейскихъ мѣръ, направленныхъ къ огражденію интересовъ казны“ (стр. 40). Изъ русскихъ ученыхъ, въ вопросѣ о происхожденіи крестьянской крѣпости, кажется, первымъ всталъ на эту точку зрѣнія Погодинъ. По его мнѣнію, „никакого общаго, безусловнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ Борисъ не давалъ“; никто у насъ не былъ „основателемъ крѣпостного права“, а „винить въ его развитіи“ нужно общія условія русскаго государственнаго жизни. Г. Энгельманъ въ своемъ трудѣ этотъ взглядъ не только развилъ, но и подкрѣпилъ его цѣлымъ рядомъ историческихъ документовъ **). У г. Энгельмана нѣтъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что истинная причина происхожденія крѣпостного права лежитъ въ политическомъ и юридическомъ строѣ Московскаго государства, насквозь проникнутомъ общественнымъ безправіемъ и произволомъ со стороны представителей власти. Московское правительство заботилось только о полномъ и скорѣйшемъ удовлетвореніи своихъ фискальныхъ и военныхъ нуждъ, совершенно не руководствуясь другими, болѣе высокими, государственными соображеніями и совсѣмъ не думая о гибельныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ можетъ привести крестьянская крѣпость. „Значеніе поземельнаго прикрѣпленія вполне соответствовало буквальному смыслу этого термина, но Московское царство не знало твердо установленныхъ правъ, не знало судебныхъ учреждений, предназначенныхъ для охраны законности. Московская администрація руководилась въ своей практикѣ исключительно заботою о выгодахъ казны и дѣйствовала съ полнѣйшимъ произволомъ, и государственные чинов-

*) I. Engelmann, „Die Leibeigenschaft in Russland“. Dorpat, 1884 г.

***) Позднѣ подобный взглядъ, съ нѣкоторыми поправками и дополненіями, былъ подтвержденъ профессорами Ключевскимъ, Милюковымъ и Дьяковымъ. Въ настоящее время изъ крупныхъ русскихъ ученыхъ, насколько намъ извѣстно, одиъ только проф. Сергѣевичъ придерживается общераспространеннаго мнѣнія, будто бы крѣпостное право явилось результатомъ особаго законодательнаго акта. Ср. ст. П. Н. Милюкова „Крестьяне“ въ „Энцикл. слов.“ Брокс. и Ефр., 32-й полутомъ, стр. 679.

ники, привыкнувъ смотрѣть на законы, какъ на родъ случайныхъ мѣръ, рассчитанныхъ на удовлетвореніе временныхъ потребностей, переносили тѣ же взгляды и на свою личную дѣятельность, преслѣдовали прежде всего собственные интересы и, получая отъ государства слишкомъ скудное матеріальное обезпеченіе, прежде всего начинали заботиться объ укрѣпленіи своихъ землевладѣльческихъ выгодъ. При такомъ положеніи дѣла поземельное прикрѣпленіе крестьянъ стало равносильнымъ отдачѣ крестьянъ на полный произволъ землевладѣльцевъ“ (стр. 66 и 67).

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи крѣпостное право уже шло по наклонной плоскости, постепенно отнимая всѣ права у крестьянъ и низводя послѣднихъ на степень рабовъ, съ которыми владѣлецъ могъ творить, что ему угодно, включительно до ссылки въ каторгу и отнятія жизни. Впрочемъ, изрѣдка московское, а потомъ и петербургское правительства какъ будто отпускали петлю, въ которой издыхалъ крестьянинъ, но это дѣлалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда правительству было выгодно по какимъ-нибудь соображеніямъ „прижать“ помѣщика. Петербургское правительство, вплоть до половины текущаго столѣтія, въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостному праву было достойнымъ сыномъ Московскаго царства: оно, въ концѣ *гуманнаго XVIII вѣка*, при гуманной императрицѣ, поклонницѣ французскихъ энциклопедистовъ, когда Э. Европа собиралась сбросить съ себя многовѣковый гнетъ бюрократіи, ввело крѣпостное право въ Малороссіи и Новороссіи; и здѣсь прикрѣпленіе крестьянъ „совершилось путемъ простыхъ полицейскихъ и фискальныхъ мѣропріятій въ обезпеченіе интересовъ казны и помѣщиковъ“ (стр. 38). Въ екатерининское время, какъ извѣстно, крѣпостное право во всѣхъ своихъ дурныхъ проявленіяхъ достигло кульминаціонной точки развитія, и только при слѣдующихъ государяхъ оно понемногу стало ослабѣвать, но гнетъ его былъ все-таки до такой степени невыносимъ, что вплоть до окончательнаго освобожденія не прекращались крестьянскіе бунты и убійства помѣщиковъ и ихъ ставленниковъ.

Взгляды г. Энгельмана на сущность крестьянской реформы совсѣмъ не похожи на тѣ восторги, какіе мы привыкли слышать отъ поклонниковъ шестидесятыхъ годовъ. Г. Энгельманъ указываетъ на то обстоятельство, что освобожденіе отъ крѣпостной зависимости далеко не принесло тѣхъ благъ, какіхъ въ правѣ были ожидать крестьяне. Авторы крестьянской реформы не дали крестьянамъ „прочнаго правопорядка“ и не упрочили ихъ экономическаго положенія путемъ долгосрочнаго займа. „Внимательное изученіе вопроса доказало бы выполнимость такого производительнаго займа, и цѣлый рядъ обнаружившихся позднѣе горькихъ послѣдствій реформы были бы предотвращены“ (305 стр.). „При составленіи проекта крестьянскихъ положеній для великорусскихъ губерній, вниманіе составителей было въ такой степени поглощено мыслями объ общинномъ землевладѣніи, какъ о всеобщей панацее, что они совсѣмъ позабыли о болѣе существенныхъ гарантіяхъ сохраненія независимаго крестьянства. Люди, проникнутые національнымъ тщеславіемъ, въ своемъ излишнемъ усердіи постарались осчастливить великорусское крестьянство общиннымъ землевладѣніемъ,—подаркомъ весьма сомнительной цѣнности,—но не позаботились о томъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ переходъ всей совокупности общинныхъ земель въ руки одного лица“. Права домохозяевъ, порядокъ наследованія усадебной и надѣльной земли, условія семейныхъ раздѣловъ и т. п., подлежащее нормировкѣ закона, защитники общины обошли молчаніемъ и „оставили ихъ на усмотрѣніе или, вѣрнѣе, на произволъ общины.

Говорили, что нельзя налагать оковы на народный духъ, и, прикрываясь этой фразой, забывали о необходимости приучить народъ, освобождаемый изъ-подъ господства произвола, къ соблюденію права и законности, къ ограниченію произвола какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ обществъ. Послѣдствіемъ этого образа дѣйствій является въ настоящее время фактическое разложеніе патріархальнаго строя крестьянской общины и семьи“ (стр. 324 и 325). Мало того, было даже намѣреніе ввести принудительнымъ путемъ общину тамъ, гдѣ о ней никогда и не слышали (стр. 337). „Юридически крестьяне получили полную личную свободу, фактически, какъ извѣстно, они попали въ полнѣйшую административную зависимость отъ чиновниковъ (въ томъ числѣ и своихъ выборныхъ) и въ экономическую кабалу кулаковъ“ (стр. 334). Однимъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ крестьянскаго положенія является несомнѣнно и то, что крестьяне и до сихъ поръ въ общемъ юридическомъ строѣ страны являются пасынками закона. „Обычное право“, которымъ руководствуются волостные суды въ своихъ рѣшеніяхъ, есть не что иное, какъ санкціонированный грубый произволъ.

Переводъ сдѣланъ прекрасно; тексты правительственныхъ актовъ, приводимыхъ въ сочиненіи, провѣрены переводчикомъ по подлинникамъ; редакторъ снабдилъ книгу нѣкоторыми необходимыми дополненіями и поправками сообразно позднѣйшимъ работамъ по крестьянскому вопросу. Издана книга хорошо и дешево. Остается пожелать ей самаго широкаго распространенія.

Ир. Левинъ.

С. А. Шмидтъ. Картинки желѣзнодорожной жизни. Орелъ. Типографія „Орловскаго Вѣстника“. Цѣна 1 руб.

Къ провинціальнымъ изданіямъ публика относится почти всегда скептически. И она права, такъ какъ провинціальныя писатели всегда цѣнятъ свои труды высоко, а даютъ въ нихъ крайне мало. Вполнѣ понятно, что и къ „картинкамъ“ С. А. Шмидта она отнесется не лучше, тѣмъ болѣе что собственно,—какой толкъ въ „картинкахъ“. Но насъ провинціальныя изданія интересуютъ. Такъ хочется порой опредѣлить, чѣмъ живетъ, что думаетъ провинція. Вѣдь въ сущности провинція—это источникъ всѣхъ нашихъ силъ, опора всѣхъ надеждъ. У нея есть и прошлое, и будущее,—историческое прошлое и историческое будущее. Отъ Твери до украинофильской Полтавы и отъ безпокойнаго Тифлиса до польской Варшавы—вся провинція имѣетъ свои особыя традиціи, свои характерныя черты. Глубоко онѣ кроются иногда подъ обывательскимъ благополучіемъ, но всетаки живетъ эта провинція.

Вотъ почему мы и слѣдимъ за провинціальной литературой, къ сожалѣнію, большею частью напрасно. Всяческія „обстоятельства“ до того исковыряли „зеркало души“ провинции, что кромѣ литературныхъ заушений вродѣ одесскихъ пасквилей подъ фирмой „Правды Шпаковского“ или риемованной бессмыслицы доморощенныхъ поэтовъ, почти ничего не встрѣчается. Университетскіе города иногда, правда, даютъ кое-что по наукамъ, но наука, извѣстно, космополитична и ей дѣла нѣтъ до „мѣстныхъ нуждъ“.

Но именно въ силу всего этого мы съ особеннымъ вниманіемъ прочли

картинки Шмидта. Насъ заинтересовала первая же изъ нихъ, хотя и писанная чужой рукой. Это біографія самого автора (изданіе посмертное).

16-и лѣтъ С. А. Шмидтъ изображаетъ изъ себя слесаря желѣзнодорожнаго депо около Луги. Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ онъ оказывается въ Петербургѣ, работая на разныхъ заводахъ по той же части. Въ 1878 г. его арестуютъ, и онъ ѣдетъ въ началѣ 1879 г. въ Архангельскъ. Въ 1882 г. онъ снова ѣдетъ—въ Пинегу, откуда уплываетъ по Сѣверной Двинѣ, куда глаза глядятъ. Въ 1886 г. С. А. Шмидтъ появляется въ Харьковѣ, но не надолго: его высылаютъ. Кое-какъ, наконецъ, онъ устраивается въ Курскѣ машинистомъ на какомъ-то заводѣ—всего на 15 р. въ мѣсяць, но и отсюда приходится уѣзжать, и затѣмъ мы видимъ его слесаремъ въ мастерскихъ Орловско-Витебской дороги на тѣхъ же 15-и рубляхъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его дѣлаютъ тамъ осматрщикомъ. Около 7-и лѣтъ Шмидтъ сидитъ спокойно. Любимая семья окружаетъ его. Но въ 1894 г. онъ уже опять скитается въ Москвѣ, Нижнемъ и пр. Маленькое мѣсто въ страховомъ отдѣлѣ орловской земской управы было его послѣднимъ пристанищемъ, и 16 марта 1899 г. С. А. Шмидтъ скончался отъ общаго туберкулеза.

И при всѣхъ этихъ скитаніяхъ, несмотря на то, что officialный образовательный цензъ Шмидта—лишь городское училище, предъ нами томикъ почти въ 400 страницъ, написанный такимъ свободнымъ, не вымученнымъ литературнымъ языкомъ, какого дай Богъ любому нашему дипломированному газетчику. Отдѣльные рассказы этого слесаря выходятъ повторными изданіями и, какъ, напр., „Совѣсть убила“, премируются Петербургскимъ комитетомъ грамотности. Въ этихъ рассказахъ сквозитъ такое знакомство съ нашими классиками, какое не часто встрѣтишь и въ настоящей литературной провинціальной средѣ, но главное—во всѣхъ рассказахъ чувствуется біеніе отзывчиваго сердца, негодованіе возмущенной за другихъ души.

Покойный не былъ художникомъ слова, какъ безпристрастно замѣчаетъ его біографъ, но онъ такъ просто, такъ свободно рисуетъ свои отдѣльныя „картинки“, что предъ нами, какъ на-яву, встаетъ вся жуткая картинка желѣзнодорожныхъ тайнъ, тѣмъ болѣе интересная, что завѣса съ нихъ рѣдко къмъ и поднимается. Желѣзнодорожный міръ—совѣмъ особый міръ, хотя въ немъ царятъ тѣ же хищенія, тотъ же мракъ и произволь, что и всюду. С. А. Шмидтъ такъ отзывается о своей сферѣ наблюденій: „Мнѣ хочется поскорѣе бѣжать изъ этихъ мѣстъ повальнаго грабежа и нравственнаго растлѣнія, мѣсть, въ которыхъ честь и знаніе являются празднымъ балластомъ, и первая тѣми, кто налаживаетъ „пригонку“,—понимается, какъ признакъ глупости, второе—тѣми, кто выноситъ результаты „пригонки“, какъ орудіе угнетенія...“

С. А. Шмидтъ не бьетъ на эффекты, да и мало ихъ въ царствѣ желѣзнодорожной бухгалтеріи съ одной стороны и страшнаго труда рабочихъ съ другой. По своей манерѣ С. А. Шмидтъ напомнилъ намъ небольшого писателя изъ „Отечественныхъ Записокъ“—Гирса, тоже просто и скромно, но ярко описывавшаго всякія канцелярскія ухищренія разныхъ учреждений. Но именно эта-то простота и естественность въ соединеніи съ нѣкоторой долей юмора и подкупаютъ здѣсь читателя... А въ то же время за этимъ чувствуется и гнѣвъ, и негодованіе за товарищей-рабочихъ, за желѣзнодорожную мелкоту—служащихъ, за всѣхъ этихъ обероковъ, кондукторовъ, сторожей и пр. Наиболѣе интересными въ этомъ отношеніи являются очерки: „Мамаево становище“, гдѣ проходитъ „кругъ своего служенія“ авторъ въ качествѣ какой-то мелкой сошки въ конторѣ, и

„Чающіе движенія воды“, гдѣ описывается ожиданіе, появленіе, переполохъ и бѣгство какой-то ревизіонной комиссіи на одной изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ другихъ разказахъ рисуются еще и другія картинки. И вездѣ, и всюду чувствуется живое, отзывчивое сердце автора. Жизнь сильно изломала его и не дала развиться его способностямъ, но она зато дала ему оригинальную сферу наблюденій, заставила его думать и относиться къ нимъ такъ, а не иначе. Гдѣ былъ бы плюсъ при перемѣнѣ обстоятельствъ, — неизвѣстно, а пока рабочій-слесарь С. А. Шмидтъ все-таки является яркой и характерной искрой для той среды, въ которой онъ вращался...

Ал. О. Н.

„La Presse periodique de la Finlande“. Helsingfors. 1900. 40 стр.

Въ этой маленькой, изящно изданной книжкѣ приведены статистическія и историческія данныя о современномъ положеніи и историческомъ развитіи періодической печати въ странѣ тысячи озеръ.

Начало развитія періодической прессы Финляндіи относится къ эпохѣ ея соединенія со Швеціей. Въ періодъ Тридцатилѣтней войны стало издаваться первая финляндская газета, выходившая, однако, въ Швецію.

Періодическая печать Финляндіи существуетъ уже 129 лѣтъ. Первая финляндская газета появилась въ 1771 г. Это былъ маленький листокъ in 8°, печатавшійся въ Або, древней столицѣ Финляндіи. Дальнѣйшее развитіе періодической печати шло туго и медленно: за послѣдующее полстолѣтіе вышло во всей Финляндіи газетъ, составляющихъ въ совокупности не болѣе годового изданія одной современной газеты.

Съ 1820 г. стали издаваться газеты въ Гельсингфорсѣ, новой столицѣ Финляндіи; съ этого же года начинается регулярный выходъ газетъ, появившихся прежде въ различные промежутки времени. Уже въ 1820 г. одинъ еженедѣльный журналъ расходился въ 2.000 экземплярахъ. Гоненія на финляндскій языкъ еще сильнѣе сплачивали народъ вокругъ финляндскихъ газетъ, всегда горячо отстаивавшихъ свои родные нравы, обычаи, религію, языкъ. Въ 1850 г. былъ изданъ законъ, дозволяющій писать на финляндскомъ языкѣ лишь по вопросамъ религіи и агрикультуры. Но эти мѣры не только не убили періодическую печать, но наоборотъ.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II-го и провозглашеніемъ затѣмъ финляндской конституціи 1863 г., пресса Финляндіи начала быстро и безостановочно развиваться, все болѣе становясь представительницей общественныхъ теченій, а не только личныхъ идей редакторовъ и сотрудниковъ. Въ 1862 г. стала выходить ежедневная большая газета „Helsingfors Dagblad“, а затѣмъ, по ея примѣру, создались многочисленныя ежедневныя газеты въ столицѣ и провинціи. Наиболѣе вліятельными финляндскими газетами являются въ настоящее время: „Nya Pressen“ (6.600 экз.), „Hafvudstadsbladet“ (15.500 экз.), „Abo Tidning“ (2.000 экз.), „Wiipurin Sanomat“ (6.400 экз. ежедневной газ. и 8.000 экз. еженедѣльной) и др. Изъ еженедѣльныхъ журналовъ [наиболѣе распространенъ „Uusi Suonatar“ (12—15 тыс. экз.)]. За исключеніемъ маленькаго Nadandal, во всѣхъ городахъ Финляндіи издаются газеты.

Вотъ табличка развитія печати въ Финляндіи:

	На фин- скомъ яз.:	На швед- скомъ яз.:	Всего:
1820 г.	1	3	4
1840 „	3	10	13
1860 „	14	14	28
1880 „	36	21	57
1890 „	80	51	131
1899 „	137	77	214

П. Б.

Э. Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Пер. Канцель. Изд. тов. „Знаніе“. СПб. 1901 г.

Книга Э. Бернштейна „Die Voraussetzungen“ etc., появившаяся въ началѣ прошлаго года, надѣлала такъ много шума, вызвала въ иностранной и даже въ русской литературѣ такъ много толковъ, что появленіе ея перевода на русскій языкъ нельзя не привѣтствовать хотя бы потому, что русской читающей публикѣ приходилось знакомиться съ ней по плохимъ, въ большинствѣ случаевъ, пересказамъ, а знакомиться приходилось, потому что съ именемъ Бернштейна связывается не только критика марксизма, но и проекты измѣненія практической дѣятельности рабочихъ партій въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы, даже тамъ, гдѣ такое измѣненіе самъ Бернштейнъ, вѣроятно, призналъ бы неумѣстнымъ и безнадежнымъ.

По мнѣнію противниковъ марксизма, Бернштейнъ чуть ли не уничтожилъ марксизмъ, по мнѣнію же нѣкоторыхъ марксистовъ, книга Бернштейна является лишь повтореніемъ старыхъ, обычныхъ возраженій буржуазныхъ писателей. И то, и другое мнѣніе, какъ увидитъ читатель изъ книги Бернштейна, несправедливо. Бернштейну ничего собственно не удалось уничтожить, да онъ и не преслѣдовалъ такихъ разрушительныхъ цѣлей, хотя многія положенія марксизма онъ подвергаетъ сомнѣнію, дѣлаетъ много весьма основательныхъ замѣчаній по различнымъ вопросамъ марксистской теоріи и практики и мѣстами совершенно правильно указываетъ на нѣкоторые промахи теоретиковъ - марксистовъ. Въ своей книгѣ, переведенной на русскій языкъ подъ заголовкомъ „Историческій матеріализмъ“, Бернштейнъ сгруппировалъ во-едино всѣ сомнѣнія и возраженія теоріи Маркса, которыя накопились и у самихъ марксистовъ, и у ихъ противниковъ; онъ критикуетъ какъ теоретическую обосновку, такъ и практическую программу нѣмецкой рабочей партіи.

Его критика теоретическихъ основъ марксизма довольно поверхностна, бѣгло набросана, направлена въ значительной степени противъ того или иного пониманія теоретическихъ положеній Маркса и доказываетъ только, что даже самые выдающіеся изъ марксистовъ, какимъ несомнѣнно быть Бернштейнъ, многія положенія своего учителя взяли въ видѣ готовыхъ формулъ, не усвоивши всего ихъ содержанія. Поэтому многія возраженія Бернштейна должны были быть направлены не противъ теоріи Маркса, а противъ того пониманія ея, какое обнаруживаетъ авторъ. Въ библиографической замѣткѣ невозможно, разумѣется, указать всѣ случаи такого поверхностнаго, догматическаго усвоенія теоріи Маркса, поэтому укажемъ на самую существенную. Доказывая увеличеніе числа собственниковъ и капиталистовъ, составляющихъ классъ буржуазіи, Бернштейнъ приводитъ

статистическія данныя, которыя говорятъ за то, что увеличилось число лицъ, получающихъ опредѣленный, по мнѣнію Бернштейна, высшій противъ средняго доходъ, имѣющихъ маленькую ренту и т. п. Если положеніе, что лица, получающія денежную ренту, принадлежатъ къ классу буржуазіи, понимать формально, какъ понимаетъ Бернштейнъ, то фабричныя рабочіе, имѣющіе по одной акціи предпріятія, въ которомъ они работаютъ, будутъ буржуа и эксплуататорами... самихъ себя, такъ какъ каждый изъ нихъ на свою акцію получаетъ ренту. Точно такъ же крестьянинъ или батракъ, имѣющіе клочокъ земли, являютъя тоже „собственниками“, но если число такихъ собственниковъ увеличивается, то это вовсе не аргументъ противъ концентраціи капиталовъ или предпріятій. Послѣ выхода III т. „Капитала“ всякій, усвоившій точку зрѣнія его автора, признаетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала средній доходъ лица, которое можно причислить къ буржуазіи, повышается. Доходъ, получаемый американскимъ рабочимъ, превышаетъ средній доходъ, получаемый самымъ свирѣпымъ эксплуататоромъ—обыкновеннымъ деревенскимъ кулакомъ въ Россіи. Значитъ ли это, что рабочій въ Америкѣ—буржуа, а русскій деревенскій кулакъ—пролетарій? Разумѣется, не значитъ, такъ какъ доходъ каждого лица, въ среднемъ, съ экономическимъ развитіемъ страны повышается, хотя у отдѣльныхъ общественныхъ группъ онъ можетъ понижаться. Нѣкоторыя возраженія Бернштейна направлены противъ положеній Маркса именно при такомъ догматическомъ и неправильномъ пониманіи ихъ имъ самимъ: это не противорѣчія теоріи, а противорѣчія формуль, въ которыя Бернштейнъ вгоняетъ теорію.

Другія возраженія заимствованы Бернштейномъ у буржуазныхъ писателей и направлены противъ самыхъ основныхъ положеній марксизма. Къ этимъ основнымъ положеніямъ несомнѣнно принадлежитъ теорія классовой борьбы, опредѣляющая въ цѣломъ программу нѣмецкой рабочей партіи. Программа нѣмецкой рабочей партіи вытекаетъ изъ тѣхъ основныхъ задачъ, которыя она ставитъ себѣ какъ цѣль, задачъ, опредѣляемыхъ социальнымъ положеніемъ рабочаго класса при капиталистическомъ производствѣ во всѣхъ стадіяхъ его развитія. Ближайшія задачи, которыя она ставитъ себѣ, будучи ближайшей цѣлью, являются въ то же время средствомъ для достиженія общихъ, болѣе отдаленныхъ цѣлей.

Имѣя въ виду *только* ближайшія задачи нѣмецкой рабочей партіи, которыя могутъ быть общими съ задачами другихъ общественныхъ классовъ, Бернштейнъ приходитъ къ выводу о необходимости нѣкоторыхъ компромиссовъ. Будучи послѣдовательнымъ, Бернштейнъ долженъ былъ бы требовать гораздо большихъ компромиссовъ, чѣмъ онъ допускаетъ, потому что, увлекшись критицизмомъ, онъ почти совершенно оставилъ почву, на которой основывается марксизмъ, и становится гораздо ближе къ буржуазнымъ писателямъ, чѣмъ къ марксистамъ. Преклоненіе передъ временными потребностями нѣмецкой буржуазіи, отождествляемыми съ потребностями рабочаго класса, у Бернштейна заходитъ такъ далеко, что онъ ничего не имѣетъ противъ германской политики въ Китаѣ, захвата Кіау-Чжау и т. п. Проникнутая практическимъ матеріализмомъ, хотя и слабая въ области чистой теоріи, книга Бернштейна является самой сильной попыткой сорвать съ рабочаго движенія въ Германіи его идеологическую оболочку, въ которой проявляется всякое общественное движеніе, благодаря которой оно сильно. Дѣлаетъ это авторъ съ цѣлью придать движенію болѣе практическій характеръ, упуская изъ виду, что идея, отдаленная цѣль, такъ же связана съ жизнью, какъ форма съ тѣ-

ломъ, что она имѣетъ такой же смыслъ и значеніе, какъ и тѣ ближайшіе матеріальные интересы, которые создаютъ эту идею.

Несмотря на рядъ крупныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ Бернштейномъ, несмотря на то, что теперь онъ едва ли можетъ быть причисленъ къ марксистамъ, его заслуга передъ марксизмомъ значительна тѣмъ, что онъ заставилъ ихъ осмотрѣться и провѣрить свой научный багажъ. Практическаго значенія у насъ въ Россіи книга Бернштейна, разумѣется, никакого не имѣетъ, а представляетъ лишь теоретическій интересъ.

Переводъ въ общемъ удовлетворительный, мѣстами не гладокъ и не совсѣмъ точенъ: такъ, переводчикъ часто смѣшиваетъ слово „предпріятіе“ со словомъ „производство“ и этимъ вноситъ, разумѣется, путаницу.

П. Масловъ.

Очерки текущей русской литературы.

Литературное мѣщанство *).

Что такое мѣщанство?

На этотъ вопросъ я могъ бы легко и просто отвѣтить словами Фонтена: „Возьмите себѣ титулъ и оставьте мнѣ ренту“, но это былъ бы только намекъ, хотя и очень существенный, только символъ, хотя и очень понятный, а мнѣ хочется подробно и основательно разобраться въ дѣлѣ. Рента, конечно, значить много.—Это идеаль мѣщанина чуть не съ пеленокъ,—это органическое стремленіе его натуры, закрѣпленное наслѣдственностью. Во имя ренты онъ работаетъ, не досыпаетъ ночей, лишаетъ себя и семью часто необходимаго, подавляетъ свои

*) Взявши эту тему, я ни на іоту не уклоняюсь отъ обязанностей обозрѣвателя текущей литературы, о чемъ и считаю нужнымъ предупредить читателя. Дѣло въ томъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ г-нъ Боборыкинъ выпустилъ въ свѣтъ книгу подъ заглавіемъ „Европейскій романъ въ XIX-омъ столѣтіи“, о которой я еще не успѣлъ дать отчета. Это тяготило мою душу. Я сожалѣю лишь о томъ, что въ предлагаемой статьѣ мнѣ придется много говорить о европейскомъ романѣ и умолчать о произведеніи г-на Боборыкина. Онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но въ то же время нѣтъ возможности разбирать книгу, построенную на зыбучемъ пескѣ психологической теоріи творчества. Для меня лично—аксіома, что всякая критика, которая разсматриваетъ произведеніи человѣческаго творчества и его эволюціи внѣ зависимости отъ общественныхъ условій и ихъ эволюціи, никакой критики не выдерживаетъ. Очень жалко, что талантливѣйшій хроникеръ нашихъ дней и человѣкъ съ серьезными заслугами передъ русской мыслью, которая, вѣрю, рано или поздно дастъ ему правильную и серьезную, не хихикающую оцѣнку, обидную не только для самого г. Боборыкина, но и для всякаго, кто любитъ литературу,—взялся въ данномъ случаѣ не за свое дѣло,—но горю помочь не могу, ибо это такъ. Укажу еще на появляющійся въ переводѣ выпусками трудъ „Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы (1800—1900) подъ общей редакціей Пти-де-Жюльвиля“ (Москва. 1900 г.). Съ этой книгой мнѣ часто и съ большимъ удовольствіемъ пришлось справляться. Отмѣчу также интересное изданіе г-на Н. Новича: „Французскіе поэты“ (Спб. 1900 г.). Книга грѣшитъ лишь малыми размѣрами и случайностью выбора переводовъ: познакомиться съ ней не лишнее.

страсти и прихоти, лицемерить, лгать, унижается, проводить большую часть жизни въ черномъ тѣлѣ. Онъ хочетъ во что бы то ни стало имѣть ренту, спокойную, обеспеченную, огражденную отъ всякихъ случайностей, и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ общественный строй и провѣряетъ свои политическія симпатіи. Какой-нибудь общей мѣрки, общихъ принциповъ у него нѣтъ или, лучше сказать, этой общей мѣркой, этимъ общимъ принципомъ является все та же все-сильная и всемогущая рента, обеспечивающая человѣка отъ всякихъ житейскихъ бурь и неожиданностей. Эта рента говоритъ о вынесенныхъ трудахъ и лишеніяхъ, пытается гордость, указывая на то, что труды и лишенія потрачены и вынесены не даромъ, что главный богъ нашихъ дней, богъ успѣха и удачи нѣтъ-нѣтъ мпlostиво улыбался своему служителю и мпlostиво оцѣнилъ въ концѣ концовъ его настойчивость и упорство. Да, это хорошая вещь—рента! Сытые глаза собственника спокойно и увѣренно смотрятъ на свѣтъ Божій, не проникая и не стараясь проникнуть въ его глубину и тайну; они, скользя по поверхности, впитывая въ себя синеву неба, зелень деревьевъ, съ горделивой удовлетворенностью слѣдятъ за торопливыми движеніями людей: за ихъ поисками, ихъ бѣгомъ, ихъ свалкой. Доносится шумъ большого города: тамъ идетъ борьба, суровая и ожесточенная, перемежаясь съ преступленіями и проклятіями, съ кликами торжествующей радости,—борьба все за ту же все-сильную, всемогущую ренту,—и какъ хорошо чувствовать себя не только въ сторонѣ отъ этой свалки, но и выше ея, какъ хорошо встрѣчать на лицахъ проходящихъ заискивающія улыбки, ловить ихъ завистливые взгляды и твердо, съ вѣсомъ прекращать долгіе споры и разсужденія увѣренными словами: „Лучшее правительство это то, которое обеспечиваетъ безопасность нашей ренты. Лучшая нравственность заставляетъ стремиться къ ней. Лучшая религія не мѣшаетъ накопленію“.

Психологія ренты—это почти психологія мѣщанства. Мѣщанство не въ мягкой мебели, не въ томъ комфортаѣ, которымъ вы себя окружаете, не въ сытомъ обѣдѣ, даже не въ сытыхъ взглядахъ, а въ томъ, что рента стала кумиромъ и фетишемъ, что до нея—трудъ, заботы, лишенія, а за ней, кромѣ спокойной удовлетворенности, ничего, развѣ неопредѣленные, слегка пугающіе призраки загробнаго міра.

Но пусть выскажется о мѣщанствѣ одинъ изъ самыхъ блестящихъ европейскихъ писателей, человѣкъ, который такъ невыносимо много вынесъ въ своей жизни отъ мѣщанства, его пошлости и мелкихъ, но жестокихъ уколовъ:

„Купецъ, человѣкъ мира, а не войны, упорно и настойчиво отстаивающій свои права, но слабый въ нападеніи, расчетливый, скупой,—онъ во всемъ видитъ торгъ и, какъ рыцарь, вступаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ въ поединокъ, только мѣрится съ нимъ хитростью. Его предки, средневѣковые горожане, спасаясь отъ напалій и грабежа, принуждены были лукавить: они покупали покой и достояніе уклончивостью, скрытностью, сжимаясь, притворяясь, обманывая себя. Его предки, держа шляпу и кланяясь въ поясъ, обчитывали рыцаря; качая головой и вздыхая, говорили они сосѣдямъ о своей бѣдности, а между тѣмъ потихоньку зарывали деньги въ землю. Все это естественно одишло въ кровь и мозгъ потомства и сдѣлалось физиологическимъ признакомъ особаго вида людскаго, называемаго среднимъ состояніемъ.“

„Пока оно было въ несчастномъ положеніи и соединялось съ свѣтлой за-
кранной аристократіи для защиты своей вѣры, для завоеванія своихъ правъ,
оно было исполнено величія и поэзій. Но этого стало не надолго, и Санчо-
Панса, завладѣвъ мѣстомъ и запросто развалился на просторъ, далъ себѣ пол-
ную волю и потерялъ свой народный юморъ, свой здравый смыслъ: вулгар-
ная сторона его натуры взяла верхъ. Подъ вліяніемъ мѣщанства все перемѣ-
нилось въ Европѣ. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерской честностью,
изящныя нравы—правами чинными, вѣжливостъ—чопорностъю, гордость—обид-
чивостъю, парки—огородами, дворцы—гостинницами, открытыми для всѣхъ,
т. е. для всѣхъ, имѣющихъ деньги.

„Прежнія устарѣлыя, но послѣдовательныя понятія объ отношеніяхъ между
людьми были потрясены, но новаго сознанія настоящихъ отношеній между
людьми не было раскрыто. Хаотическій просторъ этотъ особенно способство-
валъ развитію всѣхъ мелкихъ и дурныхъ сторонъ мѣщанства, подъ всемогу-
щимъ вліяніемъ ничѣмъ необуздываемаго стяжанія...

„Разберите моральныя правила, которыя въ ходу съ полвѣка. —чего тутъ
нѣтъ? Римскія понятія о государствѣ съ готическимъ раздѣленіемъ властей,
протестантизмъ и политическая экономія, *salus populi* и *chacun pour soi*,
Брутъ и Фома Кемпійскій, Евангеліе и Бентамъ, приходо-расходное счетовод-
ство и Ж. Ж. Руссо. Съ такимъ сумбуромъ въ головѣ и съ магнитомъ, вѣчно
притягиваемымъ къ золоту въ груди, не трудно было дойти до тѣхъ нелѣпо-
стей, до которыхъ дошли передовыя страны Европы.

„Вся нравственность свелась на то, что немущій долженъ всѣми сред-
ствами приобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность;
флагъ, который поднимаютъ на рынкѣ для открытія торга, сталъ хоругвию
новаго общества. Человѣкъ сдѣлался принадлежностъю собственности, жизнь
свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ.

„Политическій вопросъ съ 1830 года дѣлается исключительно вопросомъ
мѣщанскимъ, и вѣковая борьба высказывается страстями и влеченіями господ-
ствующаго состоянія. Жизнь свелась на биржевую игру, все превратилось въ
мѣняльныя лавочки и рынки: редакціи журналовъ, избирательныя собранія,
камеры. Англичане до того привыкли все приводить къ лавочной номенкла-
турѣ, что называютъ свою старую англиканскую церковь—*old schop* *)“.

„Парламентское правленіе, не такъ, какъ оно истекаетъ изъ народныхъ
основъ англо-саксонскаго *common-law* (обычное право), а такъ, какъ оно сло-
жилось въ государственннй законъ,—самое колоссальное бѣличье колесо въ
мірѣ. Можно ли величественнѣе стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, придавая
себѣ видъ торжественнаго марша, какъ оба англійскіе парламента?

„Но въ этомъ сохраненіи вида и главное дѣло.

„Во всемъ современно-европейскомъ глубоко лежатъ двѣ черты, явно иду-
щія изъ-за прилавка: съ одной стороны—лицемѣріе и скрытность, съ другой—
выставка и *étalage*. Продать товаръ лицомъ, купить за полцѣны, выдать дрянъ
за дѣло, форму за сущность, умолчать какое-нибудь условіе, воспользоваться
буквальнымъ смысломъ, казаться вмѣсто того, чтобъ быть, вести себя при-
лично, вмѣсто того, чтобъ вести себя хорошо, хранить ви́шній *respectabilitaet*
вмѣсто внутренняго достоинства.

„Въ этомъ мірѣ все до такой степени декорація, что самое грубое невѣже-
ство получило видъ образованія. Кто изъ насъ не останавливался, краснѣя,
за невѣдѣніе западнаго общества, —я здѣсь не говорю объ ученыхъ, а о людяхъ

*) *Old schop* — старая лавочка.

составляющих то, что называется обществом? Образованія теоретическаго. серьезнаго быть не может: оно требует слишкомъ много времени, слишкомъ отвлекаетъ отъ дѣла. Такъ какъ все, лежащее внѣ торговыхъ оборотовъ и „эксплуатаціи“ своего общественнаго положенія, не существенно въ мѣщанскомъ обществѣ, то ихъ образованіе и должно быть ограничено. Оттого происходитъ та нелѣпность и тяжесть ума, которую мы видимъ въ мѣщанахъ всякій разъ, какъ имъ приходится сѣзжать съ битой и торной дороги. Во обще, хитрость и лицемѣріе далеко не такъ умны и дальновидны, какъ вообщѣ ражаютъ: ихъ діаметръ малъ и плаванье мелко.

„Англичане это знаютъ и потому не оставляютъ битыя колѣи и выносятъ не только тяжелыя, но, хуже того, смѣшныя неудобства своего готизма, боясь всякой переменны...“

„То, что вы видите на большой сценѣ государственныхъ событій, то микроскопически повторяется у каждаго очага. Мѣщанское растлѣніе пробралось во всѣ тайники семейной и частной жизни. Никогда католицизмъ, никогда рыцарство не отпечатлѣвались такъ глубоко, такъ многосторонне на людяхъ, какъ буржуазія.“

„Дворянство обязывало. Разумѣется, такъ какъ его права были долею фантастическія, то и обязанности были фантастическія, но онѣ дѣлали извѣстную круговую поруку между равными. Католицизмъ обязывалъ съ своей стороны, еще больше. Рыцари и вѣрующіе часто не исполняли своихъ обязанностей, но сознаніе, что они тѣмъ нарушали ими самими признанный общественный союзъ, не позволяло имъ ни быть свободными въ отступленіяхъ, ни возводить въ норму своего поведенія. У нихъ была своя праздничная одежда, своя официальная постановка, которыя не были ложью, а скорѣй ихъ идеаломъ.“

„Намъ теперь дѣла нѣтъ до содержанія этого идеала. Ихъ процессъ рѣшенъ и давно проигранъ. Мы хотимъ только указать, что мѣщанство, напротивъ, ни къ чему не обязываетъ, ни даже къ военной службѣ, если только есть охотники, т. е. обязываетъ, *per fas et nefas*, имѣть собственность. Его евангеліе коротко: „Наживайся, умножай свой доходъ, какъ песокъ морской. пользуйся и злоупотребляй своимъ денежнымъ и нравственнымъ капиталомъ, не разоряясь, и ты сыто и почетно достигнешь долгодѣтія, женишь своихъ дѣтей и оставишь по себѣ хорошую память“.

„Отрицаніе міра рыцарскаго и католическаго было необходимо и сдѣлалось не мѣщанами, а просто свободными людьми, т. е. людьми, отрѣшившимися отъ всякихъ гуртовыхъ опредѣленій. Тутъ были рыцари, какъ Ульрихъ фонъ-Гутенъ, и дворяне, какъ Аруетъ Вольтеръ, ученики часовщиковъ, какъ Руссо, полковые лѣкаря, какъ Шиллеръ, и купеческія дѣти, какъ Гете. Мѣщанство воспользовалось ихъ работой и явилось освобожденнымъ не только отъ рабства, но и отъ всѣхъ общественныхъ тягъ, кромѣ складчины для найма охраняющаго ихъ правительства.“

„Изъ протестантизма они сдѣлали свою религію, религію, примирявшую совѣсть христіанина съ занятіемъ ростовщика, религію, до того мѣщанскую, что народъ, лившій кровь за нее, ее оставилъ. Въ Англіи чернь всего менѣе ходитъ въ церковь.“

„Изъ революціи они хотѣли сдѣлать свою республику, но она ускользнула изъ-подъ ихъ пальца такъ, какъ античная цивилизація ускользнула отъ варваровъ, т. е. безъ мѣста въ настоящемъ, но съ надеждой на *instauratiōnem* *maiorum*.“

„Реформація и революція были сами до того испуганы пустотою міра, въ который они входили, что они искали спасенія въ двухъ монашествахъ: въ

холодномъ, скучномъ ханжествѣ пуританизма и въ сухомъ, натянутомъ цивизмѣ республиканскаго формализма. Квакерская и якобинская нетерпимость были основапы на страхѣ, что ихъ почва не тверда: они видѣли, что имъ надобны были сильныя средства, чтобы увѣрить однихъ, что это—церковь, другихъ, что это—свобода.

„Такова общая атмосфера европейской жизни. Она тяжелѣе и невыносимѣе тамъ, гдѣ современное переходное состояніе наиболѣе развито, тамъ, гдѣ оно вѣрнѣе своимъ началамъ, гдѣ оно богаче, *образованнѣе*, т. е. промышленнѣе... И вотъ отчего гдѣ-нибудь въ Италіи и Испаніи не такъ невыносимо душливо жить, какъ въ Англии или во Франціи“.

Много цѣннаго, глубокаго и несомнѣнно справедливаго въ только-что приведенныхъ строкахъ, и основы мѣщанской психологіи обрисованы въ нихъ превосходно. Но много и односторонняго въ то же время. Вы сразу видите, что такая характеристика принадлежитъ художнику и обиженному жизнью человѣку, въ извѣстной степени романтику, который любитъ ширь жизни, ея щедрость даже безумную и расточительную—лишь бы не это тусклое и сѣрое существованіе, однообразное и унылое, преслѣдующее лишь одну цѣль—накопленіе. Но это не все мѣщанство, не вся его психологія, это то только, что служить ему фундаментомъ, это самые тяжелые и грузные, неотесанные его элементы, надъ которыми возвышается во-истину грандіозная надстройка игры ума, философскихъ системъ, научныхъ теорій, дивной поэзіи, предпріятій, полныхъ смѣлости и риска, своего рода промышленнаго героизма или ушкунничества, которое иногда не уступаетъ героизму католическихъ миссіонеровъ. Мѣщанство пережило свою юность, оно знало порывы, хотя бы на свой ладъ, знало ликованіе, веселіе духа, борьбу за свободу, а минутами совершенно искренне забывало о спекуляціяхъ, текущемъ счетѣ, дивидендахъ и активахъ и краснорѣчиво говорило о безкорыстіи, общемъ благѣ, перерожденіи всего челоуѣчества по формулѣ равенства, свободы и братства.

Исторія европейскаго мѣщанства—долгая, мновѣковая, сначала тихая и медленная, почти неслышная, потомъ торжествующая и побѣдоносная,—и миѣ нельзя обойтись безъ нѣкоторыхъ штриховъ ея общей картины.

Изобрѣтеніе магнитной иглы и компаса, сообщившее морской торговлѣ большую быстроту и безопасность; проведеніе внутри страны водяныхъ путей, каналовъ, шоссе, что уменьшило расходы на перевозку и облегчило ее; изобрѣтеніе пороха, придавшее рѣшающее значеніе помощи горожанъ въ борьбѣ монархін съ феодалами; вызванное разрушеніемъ замковъ распушеніе феодальной свиты, которая принуждена была искать себѣ заработка въ средневѣковыхъ мастерскихъ; открытіе Америки и морскаго пути вокругъ Африки, создавшее осьъ-индскій и китайскій рынки, колонизацію Америки и торговлю съ колоніями; богатые россыпи австрайлскаго и калифорнскаго золота, увеличившія количества орудій обращенія, и, наконецъ, паровая машина Аркрайта—вотъ главныя событія, послужившія основой могущества для западно-европейскаго мѣщанства, которое раньше было то сословіемъ торговцевъ и ремесленниковъ, угнетенныхъ подъ игомъ фео-

даловъ, то вооруженною, самоуправляющеюся общиной горожанъ (commune), то вольнымъ торговымъ городомъ и почти всегда вѣрной опорой монархіи въ ея борьбѣ съ феодализмомъ. Феодальная организація земледѣлія, цеховое устройство, церковная десятина, словомъ, всѣ феодальныя имущественныя отношенія оказались несоотвѣтствующими вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія, эта готическая, средневѣковая надстройка всевозможныхъ привилегій и исключительныхъ правъ стѣсняли производство, связывая его по рукамъ и ногамъ всѣмъ, начиная съ крѣпостного права и отсутствія вольныхъ работниковъ. Они стали его цѣпями; ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровергнуты. Всюду, гдѣ мѣщанство достигало своего господства, оно разрушало всѣ средневѣковыя патріархальныя отношенія между людьми. Оно безтрепетно рвало пестрыя и путанныя феодальныя нити, связывавшія человѣка съ его повелителями, и не оставило въ обществѣ никакой связи, кромѣ связи разсчета, договора, контракта. Старый девизъ „nulle terre sans seigneur (нѣтъ земли безъ господина и безъ повинностей), смѣнился новымъ: l'argent n'a pas de maître у денегъ нѣтъ господина и не должно быть повинностей). Въ холодной водѣ эгонистическаго разсчета, посѣщая одинъ храмъ—храмъ накопленія съ биржей вмѣсто алтаря, векселями вмѣсто индульгенцій и долговыми отдѣленіями вмѣсто таинственныхъ исповѣдаленъ—мѣщанство потопило порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія, чувства чести и все же человѣчной сентиментальности. Оно превратило въ мѣшовую стоимость титулы, заслуги предка, честь и личное достоинство человѣка и на мѣсто безчисленнаго множества видовъ благопріобрѣтенной и патентованной свободы оно поставило одну, чуждую всякихъ иллюзій, свободу торговли. Словомъ, „присвоеніе“, прикрытое религіознымъ, нравственнымъ и политическимъ этикетомъ, оно замѣнило присвоеніемъ прямымъ, открытымъ и величественнымъ въ своемъ безстыдствѣ.

Мѣщанство сняло съ семейныхъ отношеній ихъ нѣжно-сентиментальный, а въ лучшія времена рыцарства и героическій покровъ и превратило бракъ и вообще отношенія мужчины и женщины въ простой денежный разсчетъ. Вся сила чувства, вся энергія предприимчивости ушла на завоеваніе новыхъ рынковъ, а не на завоеваніе дамы сердца. Потребность въ постоянно возрастающемъ сбытѣ для своихъ продуктовъ заставила мѣщанство обязать весь земной шаръ. Оно проникаетъ и заводитъ сношенія всюду; оно чуждо лѣнливой неподвижности, которая составляла естественное дополненіе средневѣковаго строя, такъ какъ выросло все же на своемъ, а не на чужомъ трудѣ и даже написало слова „трудъ“, „предприимчивость“, „изобрѣтательность“ на своихъ скрижаляхъ завѣта новой европейской исторіи. Только оно показало, какіе плоды можетъ принести чело-вѣческая дѣятельность и на вопросъ Овидія: „Quid non mortalia pectora cogis, auri sacra fames?“—передъ чѣмъ же остановишься ты, священная жажда золота?—прямо и опредѣленно отвѣтило: ни передъ чѣмъ. Оно создало свои чудеса искусства, хотя и другіе совсѣмъ, чѣмъ египетскія пирамиды, римскіе водопроводы и средневѣковая готика. Глубокіе слѣды практичности, пригодности, нужности лежатъ на всемъ, что вышло изъ рукъ мѣщанства или приноровлено

его підприємчивимъ творческимъ геніємъ. Его безчисленныя завоеванія, завоеванія, раскинувшіяся на весь міръ, ничего не имѣютъ общаго ни съ переселеніемъ народовъ, ни крестовыми походами. Это—завоеванія акціонерныхъ компаній, за которыми шла армія голодныхъ наемниковъ. И теперь, осуществивъ самыя смѣлыя свои мечтанія, подчинивъ себѣ религію и власть, науку, искусство, всё пять частей свѣта, проявивъ вездѣ свой смысленный, глубоко-практичный и, когда нужно, варварски-жестокій геній, оно страдаетъ отъ одного,—отъ избытка своей производительности,—и, какъ сказочный волшебникъ не въ состояніи справиться съ имъ же вызванными, путемъ заклинаній, подземными силами,—или какъ царь Мидасъ, получившій даръ все, къ чему бы онъ ни дотронулся, обращать въ золото, умираетъ съ голоду среди золотыхъ плодовъ, золотыхъ яствъ и золотыхъ напитковъ. При каждомъ кризисѣ общество задыхается подъ тяжестью собственныхъ производительныхъ силъ и продуктовъ, которыхъ не можетъ употребить въ дѣло, и остается безпомощнымъ передъ горами запасовъ и богатствъ, такъ какъ съ ними нечего дѣлать, такъ какъ производитель не можетъ потреблять, потому что со стороны нѣтъ потребителей. Вызванный машиннымъ производствомъ, поразительно быстрый ростъ техники ставитъ предпринимателя въ затруднительное положеніе: съ одной стороны конкуренція заставляетъ его принимать возможно болѣе совершенныя орудія, а съ другой стороны приженіе этихъ орудій грозитъ переполненіемъ рынка, кризисомъ, потерей барышей и разореніемъ... отъ богатства.

Да, западно-европейскому мѣщанству есть чѣмъ вспомнить свое прошлое. Одинъ изъ самыхъ осторожныхъ историковъ мысли нашего времени, подводя итоги лишь немногимъ моментамъ этого прошлаго, говоритъ: „Основной силой новаго времени явилось то же самое мѣщанство, которое въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ канунъ новой исторіи доставило свѣтскому абсолютизму возможность подавить сословно-феодальный строй. Во имя чьихъ же интересовъ дѣйствовало тутъ мѣщанство? Конечно—во имя своихъ же собственныхъ, потому что замки, заставы, пошлины и грабежи бароновъ были главными его врагами. Оно же нѣсколько позже (XVIII в.) стало подъ знамя деспотовъ-просвѣтителей и держалось здѣсь до той поры, пока государственная сила осуществляла его задачи, его идеи“.

Политика европейскаго мѣщанства за все время борьбы за свои права и за признаніе за нимъ общественно-государственной роли была во-истину великолѣпна: умная, сдержанная, медлительная, хотя и исполненная порою огромнаго драматизма. Но въ этомъ упрямомъ поступательномъ ходѣ вы чувствуете прямо грандіозный избытокъ силъ, которыя, долго сдерживаемыя, въ концѣ-концовъ прорвали, наконецъ, плотину и девятимъ валомъ пронеслись по все еще старой и патриархальной организаціи Европы и С. Америки. Тогда впервые на почвѣ сознанныаго, обсужденнаго и законно-поставленнаго договора возникла за океаномъ могущественная федеральная республика С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, въ строѣ которой до сихъ поръ цѣлыя группы мыслителей готовы видѣть политическій идеалъ нашего времени; это государство, построенное мѣщанскою интеллигенціею страны, сразу устранило то сословно-политическое различіе, которое тяготѣло надъ

мѣщанствомъ всѣхъ странъ Европы... Тогда въ небольшое число лѣтъ на почвѣ Франціи происходитъ рядъ бурныхъ политическихъ опытовъ, смѣна конституцій, въ которыхъ политическіе энтузіасты воплощали свои, большею частью смутно понятыя, политическіе идеалы и послѣ все новыхъ и новыхъ разочарованій оставляли слѣдующей эпохѣ лишь тотъ же грозный и всеобщій фактъ господства мѣщанства, какъ силы экономической, политической и идейной. Тогда, какъ бы въ видѣ доказательства отъ противнаго, стерто было съ политической карты Европы и государство, думавшее въ своемъ шляхетскомъ строѣ обойтись безъ мѣщанства (Польша): оно исчезло рядомъ съ многочисленными болѣе слабыми представителями феодальныхъ переживаній... Тогда и на самой прочной въ Западной Европѣ политической почвѣ, именно въ Англіи, началось радикальное движеніе противъ стараго парламента, не дававшего достаточно простора мѣщанству, ростъ котораго именно въ этой странѣ былъ наиболѣе могуществененъ. Это движеніе повело къ ряду реформъ (1832, 1866 и т. д.), все болѣе радикальныхъ и демократическихъ (см. Арнольди, стр. 305—306).

Тутъ передъ нами сила на самоѣ дѣлѣ огромная, распоряжающаяся жизнью государствъ и народовъ, реформирующая вѣковые устои, создающая республики, чинящая судъ и расправу надъ своими вчерашними господами. Эту силу, выдержанную и стойкую, самолюбивую и гордую, съ спокойной самоувѣренностью указывающую на свое прошлое, опьяненную побѣдами конца прошлаго вѣка, мы видимъ въ началѣ настоящаго въ полномъ расцвѣтѣ силъ и здоровья, съ громаднымъ историческимъ прошлымъ за собой, съ явно сознанными задачами, съ упрощенной религіей, съ упрощенной нравственностью, съ упрощенными политическими идеалами, а главное—огромными денежными средствами, разно нажитыми: и трудомъ, и ростовщичествомъ,—больше конечно ростовщичествомъ, чѣмъ трудомъ, съ жаждой власти и наслажденій, съ огромной самоувѣренностью и духомъ предпріимчивости, не уступавшемъ духу предпріимчивости католическихъ миссіонеровъ и іезуитовъ,—и что можетъ быть интереснѣе и поучительнѣе ея торжества, развитія, упадка?.. Вы хотите говорить о завоеваніяхъ мѣщанства? О, въ такомъ случаѣ не ограничивайтесь ни разрушеніемъ феодальныхъ замковъ, ни кровавыми и несомнѣнно часто героическими страницами колониальной политики, ни даже все возроставшей связкой все болѣе свободлюбивыхъ, все болѣе расширявшихъ права челоуѣка и гражданина хартій и конституцій; вспомните хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ исторію религіи, науки, искусства отъ временъ Возрожденія, отъ лабораторіи Парацельса, первыхъ новеллъ Боккаччіо, костра Бруно и пытокъ Галилея—до нашихъ дней, и вы невольно развернете передъ собой грандіозную картину побѣдъ и завоеваній, совершенныхъ глубоко-практическимъ гениемъ мѣщанства, съ самаго начала задумавшимъ найти философскій камень, превращающій всѣ металлы въ золото, не тратившимъ никогда ни крупяцы усилій безъ надежды на процентъ, дивидендъ, ростъ капитала. И, опираясь на народъ, у котораго были тѣ же враги, какъ и у него, мѣщанства, удовлетворяя первой насущной потребности все возроставшаго населенія Европы—потребности увеличить свои производительныя силы, чтобы быть сытымъ и одѣтымъ,—мѣщанство, гордое

и торжествующее, создавая нужное ему искусство и нужную ему науку, не даромъ встало на первое мѣсто, не даромъ оказалось во главѣ человѣчества. Вначалѣ въ немъ все практично, реально-нужно, есть лишь избытокъ силъ, накопленныхъ въ тихой и скромной жизни стараго рантьеера, съ которымъ оно такъ долго, уже на вершинѣ власти и могущества, не порывало родственной связи, вдохновляясь его идеаломъ наживы, но расширяя его, требуя все болѣе дивиденда, замѣняя предпріятіе спекуляціей и въ то же время получая оттуда, изъ скромной провинціи, изъ деревянныхъ домиковъ, изъ завѣтныхъ сбереженій цѣлый потокъ здоровыхъ, цѣлыхъ людей и полноцѣсныхъ монетъ. Психологія ренты постепенно перешла въ психологію спекуляціи, но не уничтожила ее совершенно, а заботливо сохранила ее, какъ „непреложный фундаментъ“, какъ „камень краеугольный“, какъ возрождающій источникъ мѣщанскаго духа. Теперь я могу, кажется, сказать, что:

рента и ея идея, какъ основа, какъ сущность мѣщанской психологіи, промышленный мессіаниззмъ и миссіонерство, какъ ея надстройка, ея поэзія и вдохновеніе, спекуляція, какъ мутный, вѣками скопившійся потокъ слишкомъ напряженной жажды наживы,— вотъ главные элементы мѣщанскаго строя и духа.

Какую же литературу создали они, какія новыя, *свои*, идеи внесли они въ нее, какой матеріалъ дали они ей?..

Мнѣ нужно отвѣтить на эти вопросы и рассмотретьъ хотя немногіе памятники европейской литературы, потому что и мы теперь начинаемъ повторять уже пройденное тамъ. Но люди Запада писали огромными, отчетливыми письмами,—мы пишемъ робко, неувѣренно, неразборчиво и безграмотно. Чтобы не растеряться, надо начинать съ того, что яснѣе.

Литература мѣщанства, т. е. литература, проникнутая его настроеніемъ, его интересами и идеями,—огромна. Разузнется, ни малѣйшей мысли разобрать ее въ цѣломъ у меня нѣтъ. Я ограничусь скорѣе намеками, чѣмъ изложеніемъ, потому что для моей цѣли мнѣ нужны только намеки. Я рассмотрю нѣсколько большихъ письменъ западно-европейскаго духа, чтобы потомъ съ этимъ запасомъ опредѣленнаго и важнаго, исторически большого и жизненно важнаго, перейти къ нашимъ роднымъ литературнымъ палестинамъ—скуднымъ, полуграмотнымъ, но не безъ претензій на роль культуртрегеровъ въ западно-мѣщанскомъ духѣ. Смѣхотворны немного эти претензіи, но что станете дѣлать, если онѣ родныя, отечественныя и уже поэтому требуютъ къ себѣ вниманія? Это вниманіе будетъ имъ оказано хотя и въ нѣсколько другомъ тонѣ, чѣмъ тотъ, въ которомъ я говорю о западно-европейскомъ мѣщанствѣ. Но это уже совершенно естественно. Какъ тамъ ни разсуждайте, а все же сдѣланное западнымъ мѣщанствомъ сдѣлано имъ самимъ, все заработанное имъ заработано имъ самимъ; на историческую сцену XIX вѣка оно выступило подъ грозныя, какъ легенда вѣковъ, звуки марсельезы, а не подъ нашъ отечественный мотивъ: „Сашки-кавашки мои, развѣняйте мнѣ бумажки мои!..“ Тутъ, значитъ, есть нѣкоторая разница, которую полезно имѣть въ виду.

Литература жѣщанской эпохи, — повторяю, — огромна. Большая ея часть, разумѣется, пустяки, о которыхъ нечего даже вспоминать, но если вы возьмете вещи крупныя, такія, т. е., которыя выживаютъ и, быть можетъ, выживутъ вѣка, вы должны будете отмѣтить въ нихъ одно интересное обстоятельство: эта литература по своему настроенію, по своей пронизательности, по своимъ задачамъ и цѣлямъ *выше*. гораздо выше, того строя, которому она служила отраженіемъ. Она не могла не подчиняться господствующему духу, невольно представляла она его, но и въ своемъ подчиненіи она сохраняла всю гордую независимость своихъ мечтаній, могучіе порывы къ чему-то не только лучшему, но и безусловно прекрасному. Есть жѣщанское въ ея симпатіяхъ, ея настроеніяхъ, потому что она родное дѣтище жѣщанскаго строя, но ни слѣда услужливаго занесиванія, ни дозы лакейской предупредительности и лакейскаго забѣганія впередъ. Это въ сущности то же, что у насъ въ нашей барской литературѣ. Вы чувствуете, что для Тургенева и Толстого, для Герцена и Щедрина, для всѣхъ нашихъ кающихся дворянъ en masse страшно дороги и воспоминанія дѣтства, и красивая жизнь лучшихъ дворянскихъ гнѣздъ. и почти феодальная независимость стараго барства, на которой рядомъ съ самодурствомъ выросло и чувство чести, собственного достоинства, — во всякомъ случаѣ не продажная, не рыночная психологія оголенныхъ людей и опустошенныхъ душъ новаго жѣщанскаго времени, — но мысль ихъ свободна и постоянно борется съ традиціоннымъ обаяніемъ того строя, надъ которымъ она сама же поставила крестъ. „Я, милостивый государь, своей царицы отставной гвардіи корнетъ, и извольте пожаловать вонъ“, — говоритъ одинъ изъ героевъ Щедрина на лебезящее предложеніе лебезящаго человѣка приступить къ сыску, и Щедринъ, конечно, любитъся этимъ „извольте пожаловать вонъ“, потому что онъ самъ баринъ прежде всего, но рядомъ съ этимъ онъ и цѣлой головой выше, и если онъ не свободенъ въ инстинктахъ, симпатіяхъ, то несомнѣнно свободенъ въ своей мысли и прекрасно понимаетъ, что этого одного „вонъ“ слишкомъ даже недостаточно для процвѣтанія отечества.

То же и жѣщанская литература. Увлекаясь идеей освобожденной личности, жадно слѣдя за ней въ ея погонѣ за успѣхомъ, наживой, славой, карьерой вообще, преклоняясь передъ ея проснувшимися могучими страстями, любясь этимъ поэтическимъ разгуломъ силы, чуть ли не обожествляя даже сквернѣйшія стороны человѣческаго духа, — въ чемъ, какъ сейчасъ увидимъ, не разъ былъ повиненъ Бальзакъ, — она, эта литература, не увлекается въ то же время до конца: она тѣмъ-то недовольна, то и дѣло впадаетъ въ меланхолію, говоритъ съ грустнымъ раздумьемъ о тайнѣ міра и роковой загадкѣ человѣческаго существованія и готова каждую минуточку злой сатирой осмѣять побѣдителей. Быть слугою рынка, рыночнаго духа, этихъ грудъ золота, этихъ пирамидъ товаровъ, этой напряженной работы, этой свалки жизни, возвести ее въ перлъ созданія, — она не хочетъ и не можетъ. Она какъ будто не довѣряетъ прочности того, что ее окружаетъ; во всемъ, что шумитъ, ликуетъ, что вѣнчается лаврами, она находитъ слабость, конечное ничтожество, капризную случайность успѣха, ежеминутно готовую къ краху отъ другой одинаково капризной неудачи, и, то и дѣло освобо-

ждаясь отъ угара этого промышленнаго грохота, точно слышитъ издали будущее грозное „мани, факель, фаресь“, а рядомъ унылое „сорвалось“. Въ этихъ дѣлахъ человѣческихъ она находитъ слишкомъ мало человѣческаго, на освобожденной, торжествующей личности она разсматриваетъ еще слишкомъ много тѣней. Неясная жажда дѣйствительно прекрасныхъ человѣческихъ отношеній, исполненныхъ рыцарскаго благородства, томить ее, наполняетъ недовольствомъ. Капризная, задумчивая, какъ мировая литература вообще, она не удовлетворена въ лучшихъ своихъ стремленіяхъ: ей надѣдають этотъ шумъ и гвалтъ, она не видитъ конца имъ и часто, усталая, измученная, хочетъ уйти куда-нибудь въ мечты, грезы, въ область тѣней и призраковъ, и говорить вѣстѣ съ Вольтеромъ:

„On a banni les demons et les feés;
 Sous la raison les grâces étouffées
 Livrent nos coeurs à l'insipidité
 Le raisonneur tristement s'accredite;
 On court, hélas, après la vérité,
 A croyez-moi, l'erreur à son mérite...“ *)

(Contes).

Конечно, внимательно изучая литературу перваго періода мѣщанства, постоянно встрѣчая рядомъ съ торжествующими страницами меланхолическія, вы имѣете полное право утверждать, что она, эта литература, не совсѣмъ еще освободилась отъ феодально-аристократическихъ традицій и настроеній, что въ самой ея ередѣ еще слишкомъ много аристократовъ, этихъ „de“, очень талантливыхъ, а порою чуть ли не геніевъ, вроде Виньи или Мюссе, и что, разумѣется, ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія къ рентѣ, спекуляціи, жадности дѣльцовъ, она не могла и чувствовать. Все это, разумѣется, такъ, и много великолѣпныхъ вещей можно привести въ подтвержденіе этой мысли, вещей прихотливыхъ и артистическихъ, такъ хорошо передающихъ настроеніе усталости отъ промышленнаго шума. Напр:

„Есть арія одна съ мелодіей печальной:
 Россини, Вебера я за нее отдамъ.
 Ловя напѣвъ ея старинный, погребальный.
 Я отдаюся весь чарующимъ мечтамъ.
 И духъ мой, звуками той пѣсни окрыленный.
 На цѣлыхъ двѣсти лѣтъ уносится назадъ:
 То время Рипшелье... я вижу холмъ зеленый.
 Что вѣжно золотитъ блистающій закатъ:
 Дворецъ изъ кирпича и съ окнами цвѣтными
 Виднѣется въ тѣни пльнительныхъ садовъ,
 У ногъ его рѣка волнами голубыми
 Струится посреди цвѣтущихъ береговъ;
 И дама у окна, одѣтая богато,
 Съ глазами черными и въ золотыхъ кудряхъ...
 Мнѣ кажется, ее я видѣлъ ужъ когда-то
 И вызвалъ вновь ее теперь въ своихъ мечтахъ...“

(Переводъ С. Н. Головачевскаго).

*) „Изгнали демоновъ и фей; разумъ заглушилъ прелести поэзіи, и наши сердца отданы во власть безвкусіи и пошлости. Грустно видѣть, какъ рассу-

Это какъ разъ тѣ черти и фея, о которыхъ говоритъ Вольтеръ. Чѣмъ-то задумчивымъ, смутнымъ отъкликомъ феодализма, давно похороненнаго, красивымъ и грустнымъ, какъ память о мертвецѣ, вѣетъ отъ этого хорошенькаго стихотворенія, и не то же ли самое, хотя и глубже, говоритъ Виньи: „Мечта, любящая и кроткая, находитъ себѣ мѣсто на землѣ только въ немногихъ молчаливыхъ душахъ. Миръ, стѣсненный опытомъ вѣковъ и народовъ, лишень очарованія; современный человекъ, вооруженный научными знаніями, но изнуренный постоянными вычислениями, отказался отъ иллюзій. Сама поэзія не можетъ заставить себя выслушать, униженная или посредственная, подавленная шумомъ городовъ, грозами революцій, криками трибуновъ, оскверненная своими недостойными служителями. она подобна весталкѣ съ затушеннымъ свѣтильникомъ, которая вскорѣ умретъ въ покинутомъ храмѣ... А между тѣмъ только она одна могла бы еще руководить движеніемъ неувѣреннаго въ себѣ человѣчества въ сторону будущаго. Это будущее скрыто отъ насъ и имѣетъ угрожающій характеръ; томимое печалью, челоѣчество глухо вздаетъ свои жалобы“ *).

Въ этихъ жалобахъ на шумъ городовъ, на грозы революцій, на крики трибуновъ, въ этомъ предчувствіи угрозъ будущаго, въ сожалѣніи объ униженной поэзій—вы слышите голосъ оставшагося не у дѣлъ аристократизма жизни—этой замѣтной струнъ мѣщанской литературы, особенно французской.

И,—говорю я,—этотъ голосъ долженъ быть отмѣченъ нами. Но рядомъ есть другое, на что очень опредѣленно указываетъ Брандесъ:

„Личность освобождается. Не довольствуясь пребываніемъ въ мѣстѣ, указанномъ случаемъ или рожденіемъ, не удовлетворяясь обработкой унаследованнаго клочка земли, человекъ при наступленіи демократіи впервые чувствуетъ въ буквальномъ смыслѣ слова миръ открытымъ для себя. Какой прогрессъ сравнительно со всѣми прежними эпохами! Сразу кажется, какъ будто все сдѣлалось возможнымъ и какъ будто самое слово „невозможность“ утратило всякій смыслъ. Но въ то самое время, когда возможность достиженія, такимъ образомъ, возросла, силы не возросли? въ той же степени: изъ сотни тысячъ людей, передъ которыми открылись такимъ неожиданнымъ образомъ карьеры, лишь одинъ можетъ быть, быть въ состояніи достигъ желанной цѣли, а кто возьмется увѣрить человека, что не ему именно и суждено быть этимъ избранникомъ? Разнузданная меланхолія является естественнымъ послѣдствіемъ разнузданнаго желанія. А къ великой, бѣшеной скачкѣ на призы и не всякій безъ исключенія имѣетъ доступъ: всѣ люди, чувствующіе себя связанными по какой-либо причинѣ съ старымъ порядкомъ вещей, и болѣе утонченныя, менѣе толстокожія натуры, которыя охотнѣе мечтаютъ, чѣмъ дѣйствуютъ, чувствуютъ себя исключенными изъ жизни и сторонятся отъ нея. По мѣрѣ того, какъ они все больше и больше сосредоточиваются въ себѣ, въ нихъ пробуждается, вмѣстѣ съ погруженіемъ въ рефлексію, сильное самосознаніе, а какъ результатъ его, и болѣе интенсивная способность къ страданію. Наиболѣе развитой организмъ вѣдь и страдаетъ болѣе всѣхъ другихъ. Сюда же присоединяется и то, что

дочность становится общимъ руководителемъ... Люди ищутъ истины... Но, вѣрьте мнѣ, и заблужденіе имѣетъ свои достоинства“.

*) „Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы Пти-де-Жюльвиля“. Переводъ Ю. Веселовскаго. Выпускъ V-ый, стр. 341.

въ то время, какъ старое общество разлетается на куски, личность лишается полезнаго давленія, удерживавшаго ее въ извѣстныхъ соціальныхъ рамкахъ и мѣшавшаго ей придавать себѣ безграничную цѣну и значеніе. Такимъ образомъ, возможность для самообожанія открывается всюду, гдѣ самообладаніе не настолько сильно, чтобы замѣнить вліяніе прежней общественной организаціи. И въ то время, когда все кажется возможнымъ, все кажется и дозволеннымъ вмѣстѣ съ тѣмъ. На каждый запретъ у него готовъ отвѣтъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и страшнымъ вопросомъ,—началомъ всякаго чело-вѣческаго знанія и чело-вѣческой свободы,—вопросомъ: „Почему?“ Отсюда или негодованіе, или меланхолія.

Личность освобождается.

„La carrière est ouverte aux talents“—„карьеря открыта для талантовъ“,—говоритъ Наполеонъ и этой самоу-вѣренной фразой какъ бы открываетъ XIX-ое столѣтіе. Любопытны съ этой точки зрѣнія его приказы по арміи—настоящая литература исторіи и, еще лучше, молодого общества, только-что побѣдившаго сред-ніе вѣка, и его королей и бароновъ, его заставы и сословныя перегородки. Въ этихъ приказахъ говорится прежде всего о славѣ и даже только о славѣ, богатствахъ, добычѣ. „Солдаты, сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты пирамидъ!“—писалъ Наполеонъ, отодвигая далеко, далеко на задній планъ исполненіе долга. Долгъ это послѣ, это второстепенное, впереди открытое для карьеры и славы необозримое поле, впереди чело-вѣческое „я“, которое можетъ все смѣть и всего ждать. Отсюда эти короткія, странныя изреченія, точно сосредоточившія въ себѣ упрощенную мораль эпохи—это „osez“ (смѣйте!), это глубоко мѣщанское, но эффектное „enrichissez-vous“ (обогащайтесь!), которое Гизо, какъ говорятъ, любилъ повторять своимъ избирателямъ. Сколько энергіи, самоу-вѣренности, предпримчивости появилось въ жизни: все, что таилось въ чело-вѣкѣ, вышло, освобожденное, наружу и искало своего воплощенія.

И оно воплотилось прежде всего въ романтизмѣ. Романтизмъ это во-истину XIX вѣкъ, но не сознавшій еще себя цѣликомъ и какъ-то странно переплетаю-щійся съ образами и идеями средне-вѣковыми. Здѣсь, въ романтизмѣ, личность чело-вѣческая, чело-вѣческое „я“—на первомъ планѣ, но личность то и дѣло гипоста-зируемая, обожествляемая. Выше ея нѣтъ ничего. На этомъ „я“ Фихте стро-ить свою философію, Навались прямо говорить: „Помни, что когда ты дотроги-ваешься до руки чело-вѣка, ты дотрогиваешься до колоннъ храма, въ которомъ живетъ божество“. Это кумиръ, это фетишь, одаренный несравненнымъ могуще-ствомъ, въ которомъ все важно, все интересно, въ которомъ, если хотите, нѣтъ ничего неуничтожимаго. И въ немъ прежде все законно, все имѣетъ право на существованіе, потому что люди не хотятъ признать надъ собой ничего высшаго, ничего, ограничивающаго и въ идеѣ, по крайней мѣрѣ готовы предоставлять сво-имъ страстямъ полную свободу:

„Ce n'était pas Rolla qui gouvernait sa vie
C'étaient ses passions;—il les laissait aller
Comme un pâtre assoupi regarde l'eau couler.“ *)

(Musset).

*) „Не Ролла управлялъ своею жизнью, а его страсти...“

Легко видѣть, какъ на этой почвѣ могъ вырасти психологическій романъ. На самомъ дѣлѣ, нужна вѣдь огромная смѣлость и даже дерзость, чтобы разсказывать совершенно постороннимъ и чужимъ людямъ собственную свою исторію, описывать мученія своего сердца, измѣну любимой женщины. Надо дерзко повѣрить, что это кого-нибудь заинтересуетъ. А между тѣмъ психологическіе романы, даже поэмы, слѣдуютъ другъ за другомъ. Тутъ и Ренэ Шатобріана и Оберманъ Сенанкура и Адольфъ Констана Ролла или „Confessions d'un enfant du siècle“ Мюссе. Лирическая же поэзія вся цѣликомъ обращается въ исповѣдь, страстную исповѣдь, доходящую прямо до цинизма откровенности.

Общая черта всей этой раскрывшейся психологіи—неудовлетворенность. Личность, освободившись и сознавъ свою силу, преувеличила ее. Ея требованія несообразныя, ея страсти, капризные и жгучія, не даютъ ни минуты покоя; онѣ больше тѣмъ тревожатъ,—онѣ терзаютъ человѣка, и онъ не знаетъ, куда ему дѣться, куда уйти отъ этихъ фурій. Какъ Ренэ Шатобріана, онъ бѣжитъ въ лѣса Новаго Свѣта, въ разярать, какъ Ролла, въ ледяныя пустыни сѣвера, на вершины горъ, какъ Оберманъ, въ легенды среднихъ вѣковъ и даже въ абсентъ, какъ самъ величайшій лирикъ нашего вѣка Мюссе. Личность настолько цѣнитъ себя, настолько выросла въ собственныхъ глазахъ, что все окружающее ниже ее и вызываетъ въ ней лишь отвращеніе. Напомню въ двухъ словахъ исторію Ренэ.

„Ренэ рѣшаетъ отправиться путешествовать; неудовлетворенность и отвращеніе овладѣваютъ имъ при самомъ отъѣздѣ,—они будутъ всюду неразлучны съ нимъ. Дѣло въ томъ, что онъ страдаетъ общимъ недугомъ цѣлаго поколѣнія, отдавашагося мрачнымъ думамъ... Путешествіе Ренэ превосходно во всѣхъ его деталяхъ: это—путевыя записки поэта, но въ то же время и одиссеи разочарованнаго человѣка. Изъ всѣхъ своихъ путешествій онъ выноситъ только тоску и утомленіе, что и заставляеть его снова отправиться въ американскія степи, гдѣ онъ встрѣчаетъ Шактаса. Это—раненый орелъ, лебедь, разлученный съ товарищами, и издающій стоны по почамъ... У него вырываются такіе вопли, которые были невѣдомы французской литературѣ до Шатобріана. Эти вопли, впервые заставившіе чисто-лирическую ноту прозвучать въ сочиненіи, написанномъ прозою, характеризуютъ обновленіе литературы, связанное съ нашимъ вѣкомъ. Экзальтированное выраженіе чувства сказывается, напримѣръ, въ такихъ восклицаніяхъ: „Поднимайтесь, желанныя грозы, вы, которыя должны перенести Ренэ въ другую жизнь“. Здѣсь есть извѣстная доля горечи и отчаяніи, которое отказывается отъ надеждъ на счастье, но не имѣетъ ничего общаго съ классическою мизантропіей Альцеста и Тимона! У Ренэ и Шактаса отвращеніе къ людямъ проистекаетъ изъ желанія видѣть ихъ лучшими, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Меланхолія повѣйшаго времени основана на любви: она порождается ненасытною жаждою привязанности, которая никогда не находитъ удовлетворенія и дѣлаетъ счастье невозможнымъ. Въ этомъ отношеніи признанія Ренэ имѣютъ рѣшительный характеръ: „Я ищу въ другомъ мѣстѣ невѣдомаго блага, инстинктивное влеченіе къ которому меня преслѣдуетъ. Развѣ это моя вина, если я вездѣ встрѣчаю предѣлы и если все, что кончилось, не имѣетъ уже для меня никакой цѣны?“ Эта страсть къ неизвѣстному стала общимъ свойствомъ всѣхъ романтиковъ“.

Отсюда поиски всего таинственного, новаго, неизвѣстнаго, настоящая исторія вѣчнаго жиды, который ни на чемъ ни на минуту не можетъ остановиться, и какъ хорошо въ то же время эти безпокойныя метанія духа посвящаютъ намъ картину молодого общества, которое еще ищетъ путей и, какъ разбушевавшійся потокъ, не можетъ войти въ свое русло.

Въ чемъ суть Шатобріана? Новая исторія литературы очень просто и ясно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

„Шатобріанъ могъ и смѣлъ говорить о своемъ „я“. Дѣйствительно, его геній не просто отражался въ его произведеніяхъ; онъ опредѣленно заявлялъ о себѣ въ его поэмахъ и повѣрялъ намъ свои тайны въ формѣ признаній Шактаса, Ренэ, Идора. Это первое, самое замѣчательное нововведеніе Шатобріана, самая рѣшительная побѣда романтизма. Съ того времени, какъ этотъ отважный уроженецъ Бретани сдѣлалъ то, чего не рѣшились предпринять ни Кальдеронъ, ни Шекспиръ, а именно ввелъ поэта въ кругъ его героевъ, какъ личность болѣе дѣятельную и страдающую, чѣмъ они,—началась литературная революція. Эта замѣна объективнаго субъективнымъ въ произведеніяхъ искусства, настоящій разрывъ съ прошлымъ кажется намъ наиболѣе смѣлою и счастливою попыткою нашего вѣка. Введеніе личнаго элемента въ поэзію оправдывается цѣлымъ рядомъ шедевровъ. Формула искусства, которая создала Вертера, Ренэ, Обермана, Адольфа и подъ вымышленными именами отразила душу поэтовъ „Страсти“, въ „Исповѣди сына своего вѣка“, Стэлло, столько ихъ поэмъ Ламартина и Гюго не нуждается больше въ доказательствахъ! Преобладаніе личнаго элемента ненавистно намъ только тогда, когда оно сказывается у посредственныхъ поэтовъ. Геній сумѣлъ сдѣлать поэтическое „я“ плѣнительнымъ, симпатичнымъ, прекраснымъ!“

Въ романтизмѣ личность поставила себя на пьедесталъ. Но, какъ сейчасъ увидимъ, это личность новаго времени, имѣвшая въ основѣ своего существа очень реальныя стремленія и цѣли. Можетъ показаться поэтому страннымъ и даже противорѣчивымъ облюбованіе романтиками среднихъ вѣковъ съ ихъ чертами и привидѣніями, вѣльмами и шабашами, баронами и баронессами и вообще ихъ фантастическимъ элементомъ? Причина этого кроется, какъ кажется, въ двухъ обстоятельствахъ. Въ томъ, во-первыхъ, что въ началѣ вѣка была еще очень и очень сильна феодально-аристократическая тенденція, мечтавшая о реставраціи, и сами писатели часто принадлежали къ средневѣковому дворянству, и въ томъ, во-вторыхъ, что требованія „освобожденной личности“ были во-истину чрезмѣрны. Въ нихъ было настоящее débordement—невозможность войти въ русло и даже полное нежеланіе войти въ него. Такъ долго и тяжело придавленный внутренній человекъ возмутился; все, въ немъ таившееся, все, робко прятанное въ глубинѣ, вышло наружу и не желало считаться ни съ какими ограниченіями. Дѣйствительность, если это не была дѣйствительность судьбы Наполеона, „маленькаго“ корсиканца, ставшаго великимъ императоромъ, искателя приключеній, распорядившагося тронами Бурбоновъ, Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, не удовлетворяла, и человекъ уходилъ въ область фантазіи, подыскивая ей кон-

кретное подходящее воплощение. Рыцарство и рыцарская эпоха, особенно как легенда, как смутное предание, въ которомъ почти стерлась суровая и грубая правда жизни, а уцѣляли лишь фантастическіе подвиги—странные, таинственные, совершавшіеся какъ будто на рубежѣ двухъ міровъ, міра дѣйствительнаго и міра призраковъ,—какъ будто давала форму такого подходящаго воплощенія. И разнузданное воображеніе, и естественная грусть неудовлетворенности, и феодальная традиція, проснувшіяся въ ореолѣ рыцарской чести и рыцарскаго благороднаго подвижничества, находили себѣ пищу въ тѣхъ далекихъ погребенныхъ временахъ, дѣйствительной правды которыхъ никто не зналъ, да и не особенно заботился, чтобы узнать ее. Повторяю, не въ среднихъ вѣкахъ тутъ дѣло, а въ рыцарской легендѣ, которая понималась, какъ проявленіе торжества личнаго начала, какъ его побѣда. Странно, что и русское умное барство, очутившись въ мѣщанской обстановкѣ и задыхаясь въ ней, почувствовало тѣ же романтическія влеченія и стало говорить о рыцарской доблести и объ изяществѣ аристократическихъ нравовъ.

„Рыцарь былъ больше *онъ* самъ, больше лицо и берегъ, какъ понималъ, свое *достоинство*, оттого-то онъ и въ сущности не зависѣлъ ни отъ богатства, ни отъ мѣста (!); его *личность* была главное. Въ мѣщанинѣ личность прячется и не выступаетъ, потому что не она главное. Главное—товаръ, дѣло, вещь, главное—собственность“.

„Рыцарь былъ страшная невѣжда, драчунъ, бретеръ, разбойникъ и монахъ, пьяница и пѣтистъ, но онъ былъ во всемъ (!) открытъ и откровененъ, къ тому же онъ всегда готовъ былъ лечь костью за то, что считалъ правымъ, у него было свое нравственное уложеніе, свой кодексъ чести, очень произвольный, но отъ котораго онъ не отступалъ безъ утраты собственного уваженія или уваженія равныхъ“.

Вотъ рыцарская легенда, какъ мелкая монета, разошедшаяся по всей Европѣ въ романахъ Вальтеръ-Скотта или Виньи и Дюма. Рыцарь превозносится и также ставится на пьедесталъ, какъ ярко выраженная личность, какъ противоположность стертой, промежуточной фигурѣ мѣщанина. И, конечно, его легендарная честь и честность, его кодексъ нравственности, его готовность лечь костью за то, что считалось имъ правымъ,—выше, красивѣе, поэтичнѣе, чѣмъ мѣщанское лукавство и умѣнье дѣлать деньги.

Кромѣ этой легендарно-рыцарской надстройки надъ реальной основой романтизма высилась еще и другая—надстройка мистицизма, но мистицизма, уже пере-рожденнаго подъ влияніемъ духа новаго времени, также часто заканчивавшагося какъ изувѣрствомъ вѣры, такъ и отчаяніемъ невѣрія.

„Самымъ лихорадочнымъ желаніемъ романтизма было узнать, откуда приходитъ человекъ на землю, куда идетъ онъ, въ чемъ состоитъ смыслъ жизни, смерти? Эти великіе предметы мысли, мечты бурныхъ размышлений гнетутъ поэта страхомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекаютъ его. „Можетъ ли быть названо преступнымъ то, что мы позволяемъ поэзіи подумать, наконецъ, и о тайной судьбѣ человека—послѣ того, какъ она такъ долго рассказывала

только о фактах и событіях? Нѣтъ,—могли бы отвѣтить всѣ лирики XIX вѣка.

„Опьяненные вѣчною тайною,—по выраженію Леконта де Лилля,—они сдѣлаются выразителями сверхъестественной мечты“. Они будутъ безпрестанно стремиться избѣгать слишкомъ осязательнаго характера написанныхъ словъ, забоятся о томъ, чтобы найти для своихъ прекрасныхъ сновидѣній подходящія, но все же не вполне опредѣленныя выраженія, подобныя тѣмъ, которыя умѣютъ придумывать сѣверные народы: „Ихъ языкъ,—говорить Ано,—*заключаетъ въ себя много нѣжныхъ, спиритуальныхъ, почти фирныхъ, мечтательныхъ словъ, которыя вызываютъ въ насъ умъ одновременно множество идей!*“ *)

Чтобы доказать смѣшанный характеръ романтизма, какъ теченія, зародившагося на рубежѣ двухъ эпохъ и поэтому то подчинявшагося легендѣ среднихъ вѣковъ, то смѣло рвавшася навстрѣчу новымъ стремленіямъ людей и народовъ,—нѣтъ нечего останавливаться ни на клерикализмъ братьевъ Шлегелей, ни на смутныхъ афоризмахъ Навалиса, ни на фантастическихъ сказкахъ Гофмана, одахъ и балладахъ Гюго, поэмѣ Макферсона, романахъ Вальтеръ-Скотта и Виньи, философій откровенія Шеллинга и т. д., и т. д. Какъ ни крупно, ни талантливо многое изъ только-что указаннаго,—особеннаго значенія оно не имѣло. Это пережитокъ, это мертвецъ, оставшій изъ гроба и бродившій по стогнамъ философій и поэзій въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ новаго времени. Но духъ этого времени быстро разогналъ призраки—этихъ идоловъ ночи (по изящному выраженію одного поэта нашихъ дней) и бурной струей ворвался въ самыя твердыни романтизма.

Не разъ уже цитированный мною лучший историкъ мысли (Арнольди) такъ говоритъ о вліяніи этого новаго духа на художественное творчество: „Во-первыхъ, при атрофіи прежняго меценатства произошло пониженіе эстетическаго уровня художественнаго творчества, которое теперь принимало на себя преимущественно *роль орудія идейной пропаганды*; во-вторыхъ, объединяющее мышленіе обратилось на *насущныя вопросы* дня, причемъ самый терминъ философій усвоилъ *смысль болѣе практической*, чѣмъ умозрительный; главною задачею ея становилась борьба противъ средневѣковыхъ переживаній, оружіемъ сепаратизма, дензма и матеріализма“ (Арнольди, стр. 304).

Мѣщанскій духъ со своимъ интересомъ къ насущнымъ вопросамъ, со своимъ практическимъ смысломъ и идеей пользы быстро побѣждалъ и легенду рыцарской доблести, и изящество аристократическихъ нравовъ, и остроумныя бесѣды салоновъ XVIII вѣка. Революція въ области техники разрушила старое хозяйство, позитивизмъ смѣло выступилъ противъ метафизики и самоувѣренно причислялъ ее къ пережиткамъ; дѣйствительность вступала въ свои права, что отразилось прежде всего на прямо невѣроятныхъ успѣхахъ исторической науки въ лицѣ Нибура, Гизо, Тьера... Чтобы выдѣлить изъ своей среды Бальзака и Жоржъ-Зандъ, а затѣмъ и реализмъ, романтики должны были прежде всего подчиниться духу новаго времени. Что взяли они у него? Они взяли отсюда идею прогресса и всеобщей измѣняемости, осмѣлились на борьбу съ авторитетами, кодексами и пра-

*) Подчеркиваю этотъ переходъ къ современному символизму.

вилами, провозгласили полную свободу гения, обоготворили личность и почувствовали жажду действительной правды жизни.

Они говорили: „Если действительность изменяется безпрестанно и если искусство, какъ все человѣческое и жизненное, должно слѣдовать за нею въ ея безпрерывномъ измененіи, то очевидно, что античныя (въ сущности псевдо-классическіи) правила вкуса должны быть замѣнены другимъ и отождествиться съ новыми привычками и новыми идеями“.

Это какъ бы предчувствіе величайшей идеи XIX вѣка—идеи эволюціи. Отсюда прямой выводъ:

„Долой критику, дѣлающую изъ Парнасса вторую Сорбонну, долой Буало со всѣми его правилами, долой *Comédie française*, которая должна была поддерживать классическую трагедію по данной ей королямъ привилегіи, долой институтъ, академію—„святилище законовъ“ и кодексъ, ихъ излагающій“.

Какія на самомъ дѣлѣ нужны правила и кодексы, когда существуетъ гений человѣка, создающій каждый разъ свои правила и свои кодексы:

„Вы не заставите ни одного изъ гениевъ ждать на порогѣ: не считаясь со школами и партіями, подобно истинѣ, они выше всѣхъ системъ. Всѣ системы ложны, одинъ гений содержитъ въ себѣ истину“.

Въ этой анархической дерзновенной теоріи искусства, сущность которой въ отрицаніи какихъ бы то ни было теорій, лучше всего сказались самоувѣренность и юность „личнаго начала“. Это была литературная революція, бунтъ, производившійся съ веселіемъ сердца, и всѣ, большіе и малые, затронутые духомъ новаго времени, присоединялись къ нимъ...

Alors dans la grande boutique
Romantique
Chacun avait, maitre ou garçon,
Sa chanson.
Nous allions, brisant les pupitres
Et les litres,
Et nous avions plumes et grattoir
Au comtoir“.

(Musset).

„Посмотримъ,—пишетъ Сень-Шаманъ,—что происходитъ въ Германіи, плодотворной матери всѣхъ ересей... Во Франціи все отличается опредѣленностью, ясностью, все прочно установлено, у нихъ же, наоборотъ, все носитъ неопредѣленный, неясный характеръ, и ничто не признается, какъ общее правило². Тамъ,—говоритъ Ано,—„каждый писатель можетъ имѣть безнаказанно свою особую поэтику и даже мѣнять ее тогда, когда мѣняется его сюжетъ“. Романтики хотятъ привить во Франціи эту независимость личности, т. е. замѣнить „конформизмъ“ классиковъ тѣмъ, что они называютъ „personalitaet“,—точнѣе, индивидуализмъ“.

Не надо стѣсняться ни правилами, ни кодексами. Сядь за письменный столъ, надо начать съ проклятія по адресу Буало, напудренныхъ париковъ и трехъ единствъ и вспомнить объ Эрнани Гюго, *m-He* Мопзанъ Готье, Ролла Мюссе. Надо говорить, не стѣняясь, о всемъ, что тебя въ данную минуту интересуетъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, къ какому роду—возвышенному или низмен-

ному—принадлежит вдохновившая тебя тема. Пусть этот „родъ“ будет неизменнымъ изъ неизменныхъ. Это лишь слова. Въ концѣ концовъ все человѣческое достаточно высоко и достойно поэзіи.

„Литература должна быть отраженіемъ общества“. Классическая литература болѣе не является такимъ отраженіемъ, по мнѣнію многихъ писателей, въ томъ числѣ и Стендаля, другіе, подобно Нодье, спрашивали себя, была ли она имъ когда-нибудь. Всѣми способами искусства и природа должны сближаться между собою. Надо положить конецъ возмутительному парадоксу объ искусствѣ, которое остается холоднымъ къ самымъ глубокимъ убѣжденіямъ націи, нужно лишить классиковъ присвоенной ими себѣ привиллегіи „выражать свои идеи съ помощью тѣхъ вымысловъ, которымъ они не вѣрятъ“. Поистинѣ странный край, гдѣ боги Гомера немилосердно преслѣдуютъ насъ во всѣхъ мелочахъ жизни, гдѣ, какъ въ римскомъ храмѣ, есть алтари для всѣхъ боговъ, исключая настоящаго, гдѣ „надо быть язычникомъ, боясь прослыть еретикомъ, гдѣ нельзя „предпочесть“ „Потерянный рай „Борьбу боговъ“ безъ того, чтобы не подвергнуться проклятію“.

Уже изъ этихъ строкъ вы видите, какъ духъ свободы и личности близокъ къ реализму; еще яснѣе это выражено въ слѣдующихъ словахъ:

„Писатели не побоятся ввести насъ всюду, гдѣ кто-нибудь страдаетъ,—въ тюрьму, въ больницу,—они развернутъ передъ нами,—какъ говоритъ тотъ же Мерсье,—„лохмотья нищеты“. Словомъ, все, что трогаетъ наше бѣдное сердце или веселитъ его во всѣ возраста, станеть предметомъ изображенія. Любовь не будетъ отнынѣ составлять всего содержанія литературныхъ произведеній. честолюбіе, скупость, гнѣвъ, энтузіазмъ, семейныя чувства, патриотизмъ—предъявятъ свои права. Душа покинетъ то безмятежное убѣжище, которое было ей отведено: она снова станеть въ зависимость отъ тѣла, неизменныхъ вкусовъ, физическаго страданія...“

„Какъ, мы должны показывать публикѣ нищенскіе лохмотья?“—Конечно.—отвѣчаютъ романики. Надо кореннымъ образомъ передѣлать слишкомъ нѣжное воспитаніе, которое получаютъ французы, особенно женщины, надо обладать смѣлостью иностранцевъ, которые никогда не остановятся передъ энергичной, даже тривіальной, грубоватой картиной, если только она будетъ носить правдивый характеръ. Если нашъ языкъ слишкомъ бѣденъ, надо обогатить его, если въ немъ много отвлеченныхъ понятій, нужно оживить его метафорами, выражать чувства, не прибѣгая къ перифразамъ; простонародныя слова, если нужно, будутъ призваны на помощь, или, вѣрнѣе, нѣтъ болѣе ни благородныхъ, ни простонародныхъ словъ; словарь вынесъ свою революцію 1789 года такъ же, какъ и всѣ предметы, всѣ существа, встрѣчающіеся въ природѣ... Все, что существуетъ, уже въ силу одного этого имѣеть право быть изображаемымъ. Физическое и нравственное безобразіе должно быть описываемо, какъ оно есть, безъ всякаго смягченія, авторъ не долженъ при этомъ какъ будто извиняться, объясняя свою смѣлость только желаніемъ обрисовать рѣзкій контрастъ. Цѣль искусства какъ бы перемѣнилась. Она не состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять вкусу читателя, воспроизводя одинъ только прекрасный формы, занимаясь анализомъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ чувствъ: теперь отъ него требуется, чтобы оно изображало оригинальный характеръ всякой формы, какъ красивой, такъ и безобразной, воспроизводило страсти такими, какія онѣ есть, безъ предварительнаго разбора, чтобы взять изъ нихъ все, что онѣ заключаютъ въ себѣ хорошаго или дурного, веселаго или трогательнаго, низкаго или благороднаго, и произвести

впечатлѣніе на публику, которая болѣе не противится этому, такъ какъ ея вкусъ расширился“.

Это расширеніе вкуса, объясняется, разумѣется, тѣмъ, что среди читателей появились другіе, одинаково „расширенные“ люди, признававшіе, что ничто человѣческое имъ не чуждо, и далекіе отъ всякихъ условностей, отъ всякаго этикета. Опираясь на нихъ, Гюго создалъ свою юную славу, Мюссе могъ безъ конца рассказывать о своихъ страданіяхъ, жаловаться на свою тоску и скуку, на свое одиночество, Сентъ-Бевъ рѣшился воскресить старыхъ писателей „серебрянаго вѣка“—эту французскую вольницу, пожалуй, еще болѣе далекую отъ Корнеля, Расина и Буало, чѣмъ сами романтики, Готье осмѣлился написать свою дерзкую *in-16* Мопанъ не безъ очевидной мысли разсердить всѣхъ пошляковъ и ханжей.

Благодаря своему духу свободы, своей борьбѣ съ авторитетами и кодексами,—тому простору, который онъ предоставлялъ личности и личному творчеству и, наконецъ, тому чувству жизненной правды, которое не покидало его въ самыхъ сумасбродныхъ увлеченіяхъ средневѣковой легендой, романтизмъ восторжествовалъ. Своимъ молодымъ духомъ, своими смутными, но могучими порывами въ область мечтательнаго будущаго, своимъ обоготвореніемъ человѣка онъ какъ нельзя лучше подходилъ къ настроенію молодого, только что освободившагося отъ путъ *ancien régime* общества. Несмотря на воспринятый имъ въ себя потокъ тоски и жалобъ, онъ все же чудный памятникъ огромнаго, массоваго вдохновенія. Онъ красивъ, какъ рабъ, осмѣлившійся сказать дерзость и заявить о правахъ человѣка. Онъ взялъ подъ свою защиту и ввелъ въ кругъ своихъ интересовъ всѣхъ людей, большихъ и малыхъ, дурныхъ и хорошихъ, всѣ времена и всѣ народы, всѣ страсти, низменныя и высокія, и этимъ побѣдилъ. Вы чувствуете въ немъ силу, огромную силу, и притомъ не отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ дарованій (когда ихъ не было?), а, повторяю, массоваго вдохновенія. Въ немъ вы видите, что европейскіе народы на самомъ дѣлѣ вступили на новый путь въ полной увѣренности, что онъ-то, наконецъ, истинный, что онъ-то приведетъ къ торжеству счастья, добра, справедливости. Своимъ духомъ свободы онъ раздвинулъ границы искусства до тѣхъ предѣловъ, за которые не смѣть заглядывать не только разумъ человѣка, но и его вдохновеніе. И конечно, какъ все сильное, какъ все мощное, какъ все созданное юностью духа, онъ былъ проникнутъ мессіанизмомъ. Онъ мечталъ о возрожденіи человѣчества. Въ самый короткій промежутокъ времени онъ выдвинулъ на сцену такихъ утопистовъ, какъ Сентъ-Симонъ и его ученики, какъ Контъ („*Politique positive*“), какъ Фурье, какъ Леру, Кабэ, Жоржъ-Зандъ. Онъ вдохновлялъ и давалъ новую силу стремленія всему, къ чему онъ ни прикасался,—столько же политикѣ, сколько женскому вопросу. Не писателями и не ораторами, не политиками или поэтами считали себя романтики. Они мѣтили выше и въ своихъ собственныхъ главахъ были жрецами новаго міра, новаго человѣчества. Даже спокойный и ничуть не поэтически настроенный Арнольди отмѣчаетъ эту такъ хорошо завершающую характеристику романтизма его черту: „Романтизмъ,—говоритъ онъ,—пытается въ работѣ мысли вообще, въ формахъ культуры и въ самомъ творествѣ общественныхъ формъ доставить преобладаніе

элементу эстетическому, создать изъ поэтовъ и художниковъ новое „свѣтское духовенство“, продолжающее въ новомъ обществѣ ту роль, которую романтики приписывали въ своемъ воображеніи пророкамъ и магамъ давно минувшаго періода“ (I. с. 313).

Провозгласивши, что человѣкъ—это храмъ, въ которомъ живетъ божество, что жизнь должна быть прекрасной, романтики смѣшали искусство и религію, и лучшимъ памятникомъ такого смѣшенія остаются чудные стихи Готье:

„Tout passe. Seul art robuste
A l'éternité
Le buste
Survit à la cite!
Et la médaille austere
Que trouve le laboureur
Sous terre
Révèle un empereur.
Les dieux eux mêmes meurent
Mais les vers souverains
Demeurent
Plus forts, que les airains

• Перехожу къ писателю, въ которомъ духъ новаго мѣщанскаго времени, его общественной обстановки, его идеи отразился такъ полно, какъ ни въ комъ другомъ,—къ Бальзаку. Конечно это самый великій романистъ XIX-го вѣка. Даже странно какъ-то его произведенія называть романами. Ихъ надо взять всѣ вмѣстѣ цѣликомъ, и передъ нами тогда развернется грандіозная поэма, настоящая „Одиссея“ современной жизни.

О литературныхъ заслугахъ Бальзака, объ особенностяхъ его дарованія мнѣ, разумѣется, нечего распространяться. Мнѣ важно отмѣтить его идеи, его господствующія настроенія, которыя онъ взялъ у окружающей его соціальной обстановки. Эти идеи можно свести, кажется, къ слѣдующимъ главнѣйшимъ:

1) что значеніе денегъ въ современной жизни огромно. Для героевъ Бальзака деньги—это фетишъ, въ жертву которому они готовы принести себя, близкихъ, самыя святыя свои привязанности, самыя свѣтлыя порывы. Нельзя сказать, чтобы самъ Бальзакъ былъ совершенно свободенъ отъ обаянія „высшаго фетиша“,

2) что идея успѣха, успѣха чисто личваго, успѣха карьеры: мотивируетъ поступки большинства—тѣхъ, кто хоть немного, на вершокъ, выдѣляется даровитостью изъ массы,

3) что страсти человѣка стихійны и коревятся въ соціальной обстановкѣ,

4) что жизнь—это арена для состязанія голодныхъ аппетитовъ, разнузданныхъ страстей, безмѣрной жажды наслажденія, гдѣ побѣждаютъ лишь ловкіе, гордые люди, умѣющіе во-время заставить замолчать свое сердце. И съ каждымъ днемъ жизнь становится все болѣе жестокой, обращается въ сплошную грандіозную свалку, въ какую-то вакханалію борьбы и конкурренціи, гдѣ нѣтъ, не можетъ и не должно быть ни покоя, ни забвенія.

Уже из этого вы видите, что ищите дѣло съ сыномъ большого города. И Бальзакъ былъ имъ. „Онь,—говоритъ Тэнъ,—парижанинъ по уму, привычкамъ и наклонностямъ“. Это важно и на этомъ стоитъ остановиться.

„Парижъ—арена, гдѣ, какъ въ циркъ или школь, каждый невольно поддается общему теченію: все разсыпается прахомъ передъ цѣлью и соперниками; участвующій въ бѣгѣ чувствуетъ, какъ соперники эти обдаютъ его своимъ дыханіемъ, онъ напрягаетъ все свои силы, удваиваетъ въ порывѣ желанія свое рвеніе; его охватываетъ лихорадка, одновременно и поддерживающая, и истощающая его.

„Вотъ гдѣ источникъ чудесъ въ области труда, и чудеса эти творятъ не только ученые, доучивающіеся до оупынія, не только художники, работающіе до тѣхъ поръ, пока въ головѣ ихъ не образуется полный сумбуръ; нѣтъ, чудеса эти творятъ также, и даже преимущественно, такъ называемые спеціалисты, которые бѣгаютъ, интригуютъ, взвѣшиваютъ свои слова, ведутъ бухгалтерію своихъ пріятельскихъ связей, всегда готовые пожертвовать всеми своими надеждами для того, чтобы пріобрѣсти кліентовъ, получить мѣсто, добиться извѣстности.

„Какая пропасть отдѣляетъ насъ отъ нашихъ предковъ и ихъ салоновъ, гдѣ изящное письмо, удачный мадригалъ, мѣгкое словечко составляли интересъ цѣлаго вечера и средство сдѣлать карьеру. Но это бы все еще ничего: лихорадка мозга опаснѣе лихорадки воли. Съ появленіемъ буржуазіи все профессіи получили право гражданства, вельдъ за спеціалистами въ наши гостинны вошли и спеціальныя идеи: теченіе современныхъ мыслей болѣе уже не напоминаетъ собою краснаго ручейка свѣтскаго злословія, учтивыхъ манеръ и салонной философіи: это широкая рѣка, которую банки, торговля, клевета, ученость запрудили своими мутными волнами, это потокъ, который ежедневно врывается въ мозгъ каждаго изъ насъ, питая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изуряя его. Примите также во вниманіе, что успѣхи знанія бросили въ этотъ потокъ миллионы новыхъ фактовъ, что распространеніе образованія дало въ немъ мѣсто иностраннымъ литературамъ и философіямъ, что все міровыя идеи стекаются въ него, какъ во всеобщій резервуаръ, что люди, руководящіе его направленіемъ,—люди самыя умныя, самыя ученые, люди крупныхъ дарованій, закаленные въ борьбѣ, избалованные успѣхомъ, обладающіе наибольшимъ запасомъ знаній, одаренные удивительною творческою изобрѣтательностью и необычайными логическими способностями,—примите все это во вниманіе, и вы сумѣете оцнить силу этого потока. Академіи, библиотеки, журналы, общество интеллигентныхъ людей, возможность жить въ неизвѣстности—привлекають сюда оригинальные и свободныя умы. На скамьѣ въ Люксембургскомъ саду вы услышите медицинскій диспутъ. На углу улицы геологъ сообщитъ вамъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій почвы. Этотъ длинный музей въ какіе-нибудь полчаса расскажетъ вамъ всю исторію. Опера, которую вы слушаете, переноситъ васъ въ область идей прошлаго столѣтія. Зайдите въ любую гостиную, и въ продолженіе двухъ часовъ передъ вами вереницею пройдутъ все человѣческія мнѣнія: въ этой гостиной вы встрѣтите и мистиковъ и атеистовъ, коммунистовъ и монархистовъ, все направленія, все отбѣнки, все крайности.

„Въ чемъ,—продолжаетъ Тэнъ,—искать отдыха отъ этой лихорадки мыслей и желаній? Въдругой лихорадкѣ,—лихорадкѣ чувствъ. Житель провинціи, утомленный дневнымъ трудомъ, въ девять часовъ ложится спать или грѣется съ женою у камина, или отправляется на прогулку. Мирно и не спѣша идетъ онъ по пустынной дорожкѣ, весь погруженный въ созерцаніе однообразной

мѣстности и размышленія о завтрашней погодѣ. Вгляните на Парижъ въ этотъ же часъ: зажигается газъ, бульвары и театры наполняются, толпа жаждетъ наслажденій, ее привлекаетъ все, что сулитъ удовольствіе вкусу, слуху, зрѣнію, удовольствіе утонченное, искусственное, приготовленное въ той вредной кухнѣ, призваніе которой возбуждать, но не питать человѣка, и которому расчетъ и распутство создали для прихоти пресыщенія и разврата. Всѣ удовольствія, не исключая даже и умственныхъ, ненормальны и пропитаны чѣмъ-то ѣдкимъ, притупленный вкусъ требуетъ возбуждающихъ средствъ, необходимы стилистическіе парадоксы, уродливыя выраженія, безстыдныя идеи, циничныя анекдоты,—что-либо другое наводитъ скуку; разумъ облекается здѣсь въ одежды безумія; неожиданность, странность, беспорядокъ, преувеличеніе—вотъ обычныя составныя части костюма. Здѣсь раскрываются всѣ тайники души и исторіи, сюда стекаются образы, идеи, истины, парадоксы со всѣхъ концовъ свѣта, со всѣхъ низинъ практической жизни, со всѣхъ высотъ отвлеченной мысли и искусства,—все это смѣшивается во-едино, и весь этотъ экстрактъ всасывается въ насъ, доставляя нашимъ нервамъ болѣзненное и ядовитое удовольствіе“.

Говоря о Парижѣ, Бальзакъ какъ-то сказалъ, что это громадная дымящаяся язва, которая расположилась на обоихъ берегахъ Сены.

Парижъ—это язва, но Бальзакъ любилъ эту язву или, лучше сказать, не могъ жить безъ нея, какъ алкоголикъ или морфинманъ безъ спирта или морфія, какъ онъ самъ безъ своего крѣпчайшаго кофе, который помогать ему работать по 18-ти часовъ въ сутки и въ концѣ концовъ свелъ въ раннюю могилу. Ему нуженъ былъ этотъ возбуждающій шумъ большого города, не замирающій ни на минуту, эта острота впечатлѣній, это постоянное раздраженіе при видѣ удачъ соперниковъ,—потому что Бальзакъ былъ тоже великимъ самолюбомъ,—или при дерзкой мысли, что Парижъ будетъ когда-нибудь, быть можетъ завтра же, съ выходомъ новаго тома грандіозной „Comédie de la vie humaine“ у твоихъ ногъ. Нервы переутомленного человѣка нудались въ постоянной отравѣ, и Парижъ въ изобиліи снабжалъ ею, разжигая съ каждымъ днемъ все больше мысль о славѣ, богатствѣ, почестяхъ и поклоненіи толпы. Въ его комнатѣ, говорятъ, стояла статуэтка Наполеона, и на ножнахъ шпаги можно было прочесть слѣдующія слова: „Я перомъ dokonчу то, чего ему не удалось совершить шпагой“. Подъ этой фразой красовалась подпись „Honore de Balzac“.

А между тѣмъ это былъ буквально нищій человѣкъ съ горячешнымъ воображеніемъ, съ грандіозными проектами, вродѣ разработки сицилійскихъ серебряныхъ рудъ, весь въ долгу послѣ десятка лопнувшихъ предпріятій, вынужденный писать безъ отдыха по 18-ти часовъ въ сутки, на цѣлые мѣсяцы заператься у себя въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, чтобы не очутиться въ долговомъ отдѣленіи. И если кто зналъ могущество денегъ и ужасъ безденежья, кто рисовалъ себѣ чудныя картинки богатой жизни и содрогался всѣмъ существомъ своимъ при мысли о нищетѣ, то это Бальзакъ.

Онъ и его герои живутъ одинаковыми заботами. Первые заботы о балансѣ, объ итогахъ прихода-расходной книги.

„Онъ опредѣляетъ размѣръ состоянія своихъ героевъ, объясняетъ его происхожденіе, останавливается на его увеличеніи и употребленіи, подводитъ итогъ

доходамъ и расходамъ, словомъ, создавая романъ, онъ придерживается привычекъ составителей бюджетовъ. Онъ говоритъ о спекуляціяхъ, о финансахъ, о покупкахъ и продажахъ, о договорахъ, о коммерческихъ предпріятіяхъ, о промышленныхъ изобрѣтеніяхъ, о биржевыхъ проектахъ. Онъ рисуетъ повѣрвенныхъ, сыщиковъ, банкировъ; повсюду въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемся съ гражданскимъ кодексомъ и векселемъ, онъ ввелъ торговыя дѣла въ область поэзіи. Онъ устраиваетъ состязанія, напоминающія состязанія древнихъ героевъ, съ тою только разницей, что они происходятъ изъ-за наслѣдства и приданого, и что мѣсто воиновъ въ нихъ занимаютъ юристы, а мѣсто арсенала—кодексъ“ (Тэнъ, „Бальзакъ“, стр. 5).

Великій фетишь—деньги—порождаетъ въ своихъ слугахъ двѣ господствующія страсти: жадность, не останавливающуюся передъ преступленіемъ, и скупость, убивающую всё привязанности, всё человѣческія чувства. Бальзакъ описалъ объ страсти, довелъ ихъ до колоссальныхъ размѣровъ и воплотилъ ихъ въ фигурахъ людей, которые въ другое время могли бы вырости въ героевъ.

Одинъ изъ его героевъ—Филиппъ Бридо—солдатъ, испорченный ремесломъ и семьей, успѣхами и несчастіемъ. Постоянное созерцаніе и примѣненіе силы сдѣлали его грубымъ; унижительное пораженіе и лишенія ожесточили его, а общество мошенниковъ, снисходительность семьи, обожаніе матери, безнаказанность первыхъ его преступленій развратили его.

„Можете ли вы теперь удивляться тому презрѣнію къ справедливости и людямъ, которое такъ рѣзко проявляется и въ его словахъ и его дѣйствіяхъ. Тутъ все послѣдовательно, строго логично, и великій „логикъ“, дьяволъ, не могъ быть послѣдовательнѣе Филиппа. Вы не отворачиваетесь съ омерзѣніемъ отъ его отвратительныхъ поступковъ, вы желаете ихъ видѣть, его характеръ требуетъ ихъ и потому требуете ихъ и вы. Въ своей безчувственности онъ доходитъ почти до величія, по крайней мѣрѣ величія силы, все разрушающей на своемъ пути. Въ его душѣ нѣтъ болѣе ничего человѣческаго; онъ эксплуатируетъ и топчетъ все и всѣхъ. Похитивъ каску, онъ пугаетъ свою мать притворнымъ покушеніемъ на самоубійство; его обнимаютъ, о немъ плечутъ, и семья, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, предлагаетъ ему свое состояніе. „Недурно,—говоритъ онъ,—тирада произвела надлежащее впечатлѣніе“. Такова его благодарность. Онъ укралъ (вырѣзалъ изъ тюфяка) послѣднія деньги у старой Денуанъ, своей второй матери, и на слѣдующій день находитъ ее мертвой: „Вы меня изгоняете, не правда ли? Вы разыгрываете здѣсь мелодраму? Такъ вотъ какъ вы оцѣниваете поступки? Однако, хороши вы всё! Что собственно совершилъ я дурного? Я произвелъ маленькую чистку въ тюфякъ старухи! Денегъ не прячутъ въ шерсть, чортъ возьми! Вотъ и все!“ Дальше въ раскayнѣн онъ не идетъ. Жирадо, его старый товарищъ по службѣ и кутежамъ, человѣкъ, на счетъ котораго онъ долго жилъ, приходитъ къ нему, уже разбогатѣвшему, съ просьбой о помощи; Филиппъ изгоняетъ его и даже роняетъ въ общественномъ мнѣніи. „Это человѣкъ безъ принциповъ,—говоритъ онъ,—готовый на все“. Такова его дружба. Онъ женится на женщинѣ низкаго происхожденія ради ея миллионнаго приданого. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ бросаетъ ее въ грязь полусвѣта и равнодушно смотритъ, какъ она умираетъ въ ужаснѣйшей нищетѣ. Такова его супружеская вѣрность. Его жестокая неблагодарность, какая-то совсѣмъ

нечеловѣческая даже черствость—сводить въ могилу его мать. Одинъ изъ товарищей является къ нему съ просьбою придти къ ея смертному одру. Филиппъ раздражается смѣхомъ: „Да что, чортъ возьми, я стану тамъ дѣлать? Единственная услуга, которую можетъ оказать мнѣ эта добрая женщина— это скорѣе издохнуть. Я старый воробей, и меня на мякини не проведешь. Моя мать хочетъ воспользоваться своимъ послѣднимъ вздохомъ и вытянуть отъ меня какую-нибудь подачку для брата. Благодарю покорно...“

Филиппъ—великій финансистъ. Онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы увеличить свое состояніе. Присвоивъ себѣ наслѣдство дяди, развязавшись съ семьей, женою, друзьями, онъ является въ концѣ концовъ въ официальномъ костюмѣ благородства и чести, получаетъ ордена, чины, титулъ и достигаетъ вершины земного благополучія. Но Бальзаку всего этого мало, и онъ вооружаетъ Филиппа философіей порока. Преступленіе—не преступленіе, если оно совершенно случайно, не по принципу; необходимо, чтобы Бридо дѣйствовалъ сознательно, чтобы онъ зналъ, чего онъ стоитъ, чтобы свое звѣрство онъ цинично называлъ справедливостью, надъ добродѣтелью насмѣхался такъ же, какъ надъ людьми. свои преступленія окружалъ авторитетомъ закона, чтобы свои правила возводилъ въ аксіомы и защищалъ со всею силою своей блестящей логики. Бальзакъ хочетъ убѣдить васъ, что передъ вами не простой преступникъ и злодѣй, а сила, огромная сила, направленная общественными условіями по руслу наживы. И онъ дѣйствительно убѣждаетъ. Наглость, цинизмъ, теорія—вѣнчаютъ образъ Филиппа: этотъ выходецъ изъ грязи и униженія добивается всего, чѣмъ люди награждаютъ или своихъ любимцевъ, или тѣхъ, кого они боятся. „Я выскочка, мой милый,—говоритъ онъ,—и не хочу, чтобы видѣли мои пеленки. Мой сынъ будетъ счастливѣе меня: онъ будетъ барономъ. Мерзавецъ будетъ нетерпѣливо желать моей смерти,—я это знаю,—вѣдь въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы моимъ сыномъ“. Вы видите, что онъ справедливъ по отношенію къ себѣ и что грубость является для него чрезвычайно удобнымъ костюмомъ; Маккиавелли и Борджіа не сказали бы лучше. „Какое теперь значеніе,—спрашиваетъ Тэнъ,—могутъ имѣть для насъ его печальный конецъ и тѣ два-три случайныхъ; разорившихъ и убившихъ его, удара? Камень можетъ упасть на самую совершенную машину и разстроить весь механизмъ, а машина все-таки остается шедевромъ. Я не обращаю вниманія на то, что она раздираетъ и толчетъ, я только думаю о геометрической правильности ея колесъ и частей, объ ея ужасныхъ зубахъ, о непреодолимой дѣятельности маховика, котораго даже не видно, благодаря быстротѣ движенія, о зловѣщемъ лязгѣ раздавливаемыхъ кусковъ желѣза; художникъ побѣдилъ, увлекъ, очаровалъ меня, и я въ состояніи лишь восторгаться совершенствомъ его произведенія“ (Тэнъ, с. 75—81).

Если уже Тэнъ увлекается геометрической правильностью фигуры Филиппа, то, конечно, ещѣ больше увлекается ею Бальзакъ. Изучая такихъ людей, какъ Филиппъ или Грандэ, онъ проникаетъ въ тайну современности, въ этотъ адъ борьбы, въ самую среднюю свалку, гдѣ падаютъ десятки, сотни и тысячи, а единицы съ триумфомъ возносятся на высоту. Великій фетишь, деньги, маяя насла-

ждениями, властью, почестями, требуетъ жертвъ и создаетъ своихъ героевъ. Да, это дѣйствительно фетишъ. Говоря со своими сокровищами, Грандэ употребляетъ нѣжныя и ласкательныя выраженія влюбленнаго и художника. „Ну, милая, поди, принеси его, голубчика. Ты должна бы цѣловать мнѣ руки за то, что я посвящаю тебя въ тайны жизни и смерти лундора. Да, лундоры живутъ и копошатся, какъ люди, они уходятъ, возвращаются, потѣютъ, производятъ“. Наконецъ, онъ способенъ по цѣлымъ часамъ глядѣть жадными глазами на груды золота, какъ бы желая насытить себя его блескомъ. „Кто меня согрѣваетъ?“—говоритъ онъ. *Они*—лундоры, и онъ дѣйствительно любитъ ихъ больше семьи, больше себя. Когда сынъ плачетъ надъ трупомъ матери, онъ равнодушно замѣчаетъ: „Этотъ молодой человекъ никуда не годится: мертвые интересуютъ его больше, чѣмъ деньги“.

Бальзакъ не ограничивается, конечно, тѣмъ, что указываетъ на всемогущество денегъ. Въ своихъ безчисленныхъ романахъ онъ подробно, какъ анатомъ, разбираетъ психологію этого всемогущества, показываетъ что дѣлаютъ деньги съ семьей, съ человекомъ, обществомъ, во что обращаются они бракъ, любовь, дружбу, чувство стыда и чести, какъ подъ ихъ вліяніемъ все становится продажнымъ и котировается на биржѣ. Это во-истину всеобщая мѣновая цѣнность, всеобщая потому, что здѣсь человекъ, семья, героизмъ и преступленіе, талантъ и характеръ, супружеская вѣрность и любовь къ дѣтямъ—такіе же товары, какъ шерсть или хлопокъ, какъ туша баранины“, и имѣютъ свою опредѣленную цѣну. Кто смотритъ на дѣло иначе—тотъ неизбежно гибнетъ.

Фигуры Бальзака, особенно такія, какъ Филиппъ или Грандэ, колоссальны и точно вылиты изъ бронзы, но вы видите уже, что какая-то стихійная, большая, чѣмъ они, сила подавляетъ и ихъ, распоряжается ихъ судьбой, и ждете, что съ минуты на минуту она можетъ раздавить и ихъ. Филиппъ, дѣйствительно, раздавленъ на послѣднихъ страницахъ романа, раздавленъ этой большей силой всеобщей конкуренціи, натиска которой не выдержать даже онъ. Общественная страсть воплотилась въ немъ.—это страсть уснѣха, страсть борьбы за первое мѣсто при полной ничѣмъ формально не ограниченной возможности добиться его,—но та же стихія, орудіемъ которой онъ былъ все время, и поглощаетъ его. То же общество вмѣстѣ съ Филиппомъ „выпускаетъ“ на арену борьбы и состязанія десятки и сотни такихъ же умныхъ, ловкихъ и сильныхъ, какъ онъ, такъ же легко престоупающихъ черезъ всѣ преграды, съ такимъ же цинизмомъ осмѣявшихъ все, даже самихъ себя. Эти оголенные люди дышатъ лишь атмосферой общей наживы, и этотъ кислородъ даетъ имъ невѣроятныя силы. Но ихъ много, и каждому нужно первое мѣсто. Что удивительнаго, если въ концѣ концовъ они пожираютъ другъ друга?

Великій фетишъ дѣлаетъ изъ человека жестокое животное, и для Бальзака, дѣйствительно, человекъ—животное, съ тѣмъ только различіемъ, что умъ у него болѣе развитъ, а потому его потребности и многочисленнѣе, и сложнѣе. Вотъ почему въ глазахъ Бальзака жизнь общества—это борьба эгоистическихъ интересовъ, изъ которой побѣдительницею выходитъ сила, руководимая

хитростью, и во время которой страсть съ тупымъ упорствомъ прорываетъ препятствующія ея движенію плотины; вся общепривзанная нравственность этого общества сводится къ соблюденію приличій и ко вѣдшему уваженію закона.

Задача—Бальзака показать намъ эту борьбу интересовъ, въ адскомъ огнѣ которой обращаются въ пепелъ всѣ устои человѣческой жизни, всѣ правила и законы, сама религія и сама нравственность. И ради этого онъ вводитъ насъ всюду.

„Читая его произведенія, мы попадаемъ въ провинціальныя салоны, куда люди, отупѣвшіе отъ праздности и отъ однообразныхъ занятій своею specialностью, въ ободранныхъ платьяхъ и туго стягивающихъ шею галстукахъ, сходятся поболтать объ открывшихся наслѣдствахъ и о погодѣ,—салоны, гдѣ топорчатся предрассудки, гдѣ смѣшное какъ бы щеголяетъ своимъ комизмомъ, гдѣ страсть и самолюбіе, ожесточенныя долгимъ ожиданіемъ и тысячами сплетенъ и дрязгъ, необузданно бушуютъ въ борьбѣ за первенство или за мѣсто. Изъ этихъ салоновъ мы переносимся въ канцеляріи министерствъ, гдѣ чиновники сердятся, тупѣютъ или примираются, гдѣ одни поглощены какою-нибудь манією, собираніемъ кадамбуровъ или коллекцій, другіе инертно грызутъ свои перья, третьи, безпокойные, какъ обезьяны въ клѣткахъ, мистификаторы и болтуны, четвертые, погруженные въ свой вздоръ, какъ улитки въ раковину, счастливы, что могутъ красивымъ, безукоризненнымъ почеркомъ набросать всякіе пустяки на бумагу, большинство—голодные и пресмыкающіеся въ грязи для того, чтобы получить награду или добиться повышенія.

„А вотъ магазины, забрызганные грязью Парижа, полные шума, производимаго экипажами, потемнѣвшіе отъ насыщающей ихъ мрачной влажности парижскаго тумана, магазины, куда въ теченіе тридцати лѣтъ приходятъ дряблые и бѣдные торговцы для того, чтобы заворачивать пакеты, надѣлать приказчикамъ, составлять инвентари, обманывать и улыбаться. Вотъ, наконецъ, маленькіе журналы—самое ужасное изъ того, что описалъ Бальзакъ, гдѣ продаютъ истину, точнѣе говоря—ложь, гдѣ продаютъ умъ построчно, гдѣ писатель, гнѣсимый потребностями, нуждающійся въ деньгахъ, принужденный писать, обращается въ машину, трактуетъ искусство съ кулинарной точки зрѣнія, презираетъ все, презираетъ самого себя и находитъ успокоеніе только въ оргіяхъ ума и чувствъ.

„А вотъ, наконецъ, тюрьма Бальзака, его табльдоты, его Парижъ, его провинція—это вѣчно та же самая картина, со всѣмъ ея разнообразіемъ, съ человѣческими безобразіями и страстями. Но всюду онъ изображаетъ людей, которые ему нравятся: это его герои. И онъ доставляетъ имъ триумфъ. Скапенъ, котораго онъ называетъ Растиньякомъ, получаетъ портфель государственнаго министра, Туркаре (у Бальзака Нюсингенъ) дѣлается паромъ и миллионеромъ. Большинство его плутовъ въ концѣ концовъ добиваются богатства, титуловъ, могущества, попадаютъ въ депутаты, прокуроры, префекты. Позолота—это родъ ореола, единственный, который доступенъ его героямъ; по примѣру общества и природы онъ вѣнчаетъ ихъ“ (Тѣнь, 62).

Бальзаку часто приходилось описывать провинцію и даже деревню, но онъ, вдохновленный впечатлѣніями Парижа, во всѣхъ картинахъ, открывающихся передъ нимъ, видитъ прежде всего борьбу человѣка съ человѣкомъ и всю неприглядную жестокость, все возмущающее душу безобразіе этой борьбы. Вы думаете, что онъ имѣлъ что-нибудь серьезное противъ нея? На словахъ, пожалуй, да. Онъ, случается, кичится своими аристократическими симпатіями, своими изящными

вкусами, своимъ de передъ фамиліей; онъ говоритъ о мирѣ между людьми, о томъ, какъ хорошо могли бы они жить, подчиняясь руководству добродѣтельныхъ священниковъ и дворянъ, на этой нивѣ создалъ онъ свою очень наивную утопію, но въ концѣ концовъ это лишь слова. Стоитъ Бальзаку сбросить мантию проповѣдника и заняться своимъ настоящимъ дѣломъ, т. е. художественнымъ изображеніемъ жизни, какъ сейчасъ же для васъ становится очевидными и неосновательность утопій, и неизбежность борьбы между этими поклонниками великаго фетиша, между этими скупыми, жадными людьми съ ненасытимой жаждой наслажденія, съ разнузданными страстями, людьми, давно уже рѣшившими—и это окончательно—что все позволено. Мало того, Бальзакъ не можетъ скрыть, что онъ весь на сторонѣ этой борьбы. Въ борьбѣ для него заключается огромная притягательная сила, безусловное очарованіе. Онъ забываетъ о своихъ словесныхъ идеалахъ и весь на сторонѣ силы, сильныхъ и ихъ побѣды. Эту силу онъ обоготворилъ. Онъ показалъ намъ ее освобожденною отъ всѣхъ стѣснявшихъ ее путей, самостоятельную, независимую даже отъ разума, который помѣшалъ бы ей вредить самой себѣ, и равнодушной къ справедливости и состраданію, которая помѣшала бы ей вредить другимъ; онъ увеличивалъ ее до колоссальныхъ размѣровъ и дѣлалъ изъ нея неограниченную повелительницу всѣхъ своихъ героевъ. Это прежде всего сила ловкости, хитрости, сила характера и человѣческой сосредоточенности возлѣ одного стремленія—къ наживѣ.

Неумолимо, безъ дрожи въ рукѣ, часто съ утомительной медлительностью Бальзакъ обнажаетъ передъ нами мѣщанина своихъ дней, срѣзаетъ съ него весь условности, всю виѣшнюю выдержку, всѣ благородныя слова и фразы, всѣ *respectabilitaet*. За супружеской вѣрностью онъ показываетъ расчетъ и развратъ мыслей, за влюбленностью молоденькой дѣвушки — надежду имѣть брилліанты, свою упряжку * и логу въ оперѣ, за филантропіей — тщеславіе или желаніе подкупить самого Господа Бога. Въ безкорыстную доброту онъ плохо вѣрять или видеть въ ней лишь сѣвическій маразмъ, что-то дряблѣе, дряхлѣе, ненужное... И когда передъ вами умираетъ его несчастный король Лиръ — *père Goriot*, сраженный неблагодарностью дочерей, вы не чувствуете къ нему настоящаго состраданія, потому что *père Goriot*—обреченный безумецъ съ самаго начала рассказа, и вы видите, что ничто не можетъ спасти его. Его безконечная доброта и слѣпая любовь—это то же, что проказа, гангрена, *lupus*... Сильные и красивые звѣри, т. е. другіе его герои, гораздо интереснѣе, даже привлекательнѣе, просто потому, что все живое интереснѣе и привлекательнѣе разлагающагося трупа.

Нужно быть сильнымъ до конца—вотъ единственная мораль, которую можно вывести изъ его произведеній,—сильнымъ въ своихъ страстяхъ и даже преступленійхъ, сильнымъ въ своей жестокости и равнодушіи къ страданіямъ другихъ, сильнымъ и прямолинейнымъ на пути къ славѣ, богатству, успѣху, сильнымъ въ презрѣніи къ людямъ, въ обоготвореніи своего „я“, въ признаніи той истины, что „я“ имѣетъ право на все. Только тотъ побѣжденъ, кто признавалъ себя побѣжденнымъ, и только тотъ побѣдилъ, кого даже враги признали по-

обидителемъ, кто дошелъ до перваго мѣста сквозь ряды раздавленныхъ протвниковъ и по дорогѣ ни разу не почувствовалъ даже раскаянія или угроженія совѣсти.

Но какъ вся литература вообще выше мѣщайства и мѣщанскаго духа, такъ выше его и Бальзакъ, хотя онъ больше кого-нибудь другого подчинился обаянію его побѣдъ, его предпринимчивости, его грандіознаго карнавала надъ развалинами средневѣковыхъ и патріархальныхъ устоевъ въ жизни. Никто не вдохновлялся до такой степени соціальной борьбой, не слѣдилъ съ такимъ вниманіемъ за поединками спекулянтовъ и рыцарей наживы и такъ не оправдывалъ въ концѣ концовъ эту безобразную свалку, какъ Бальзакъ. Онъ какъ бы говоритъ, предвосхищая выводъ дарвинистовъ: въ обществѣ царить и долженъ царить естественный подборъ; побѣждаютъ и должны побѣждать сильнѣйшіе. Все, что сдерживаетъ человѣка, все, что внушаетъ ему довольство своимъ положеніемъ, смиреніе, все что налагаетъ узду на его страсти, на его силу—это пережитокъ. Но все же онъ выше этого. На самомъ дѣлѣ, зачѣмъ назвалъ онъ всю серію своихъ гениальныхъ романовъ *Комедіей* человѣческой жизни, почему не поэмой, почему не трагедіей наконецъ, хотя казалось бы, что послѣднее названіе самое подходящее? Вѣдь тутъ все отъ первой до послѣдней страницы заполнено страданіемъ, и нѣтъ ни одной строки, посвященной веселью, смѣху, жизнерадостности... Однако Бальзакъ выбралъ заглавіе „Комедія“. Нѣтъ ли тутъ сарказма? Не представлялось ли въ концѣ концовъ великому романисту все его мѣщанское человѣчество какимъ-то глупымъ, безтолковымъ и жестокимъ въ то же время звѣремъ, своего рода *singe-tigre* *), который въ одно и то же время строитъ преуморительныя гримасы и раздираетъ когтями свою жертву? Не насмѣхался ли онъ въ глубинѣ души надъ тупымъ самодовольствомъ почтеннаго рантье, съ такимъ вѣсомъ рѣшающаго вопросъ о лучшемъ правительствѣ; надъ дикой радостью своихъ побѣдителей, увѣнчанныхъ вѣнками, министерскими портфелями, галунами префектовъ, мантиями прокуроровъ, и любовью продажныхъ женщинъ, которыхъ только титулъ или богатство спасали отъ позорной клички? Развѣ не понималъ онъ, что человѣческая жизнь по существу вещей и съ точки зрѣнія холоднаго разсудка не что иное, какъ *peau de chagrin* („шагреновая кожа“ и въ то же время „кожа печали“), которую человѣкъ тратитъ изо дня въ день, съ каждымъ усиленіемъ, чтобы похоронить, наконецъ, въ могилѣ свой безобразный скелетъ? Развѣ смерть не общій удѣлъ и развѣ нужна кому-нибудь и на что-нибудь вся эта масса страданій, жестокостей, вся эта борьба, вся эта, воздвигаемая человѣчествомъ, вавилонская башня? Но ничтожныя, крошечныя, слабосильныя люди принимаютъ эту странную игру, эту комедію бытія за что-то безконечно серьезное, свою короткую жизнь за вѣчность, свои цѣли за планы Провидѣнія, свои удачи и неудачи за неудачи и удачи вселенной. У нихъ сосредоточенныя лица, лихорадочно-блестящіе глаза, вдохновенныя жесты. Они размахиваютъ каргон

*1) „Singe-tigre“ -- „обезьяна-тигръ“. Такъ Вольтеръ называлъ французскій народъ.

ными мечами, принимая их за настоящие, надѣваютъ на себя короны, оклеенныя сусальнымъ золотомъ, и считаютъ себя королями или, набивши свой бумажникъ разноцвѣтной бумагой, распоряжаются судьбами міра, снаряжаютъ арміи и флоты, подписываютъ смертныя приговоры, говорятъ о своемъ величїи и въ это время проглатываютъ вишневою косточку, которой одной достаточно чтобы догубить ихъ. „Мірѣ—театръ; въ немъ женщины, мужчины—все актеры“. И эту странную, саркастическую мысль Шекспира какъ будто всемія существомъ своимъ воспринялъ и понялъ Бальзакъ и подчеркнул ее общимъ заглавіемъ своихъ романовъ „Комедїи человѣческой жизни“...

Но онъ искренно увлекался въ то же время, и его увлеченіе легко объяснить темпераментомъ, условїями личной жизни, вынесенной имъ суровой борьбой за успѣхъ, славу, обеспеченность, его страстной натурой, искавшей борьбы, свалки, побѣды и вдохновлявшейся ими, его грандіознымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ, которое бралось довершить незаконченное Наполеономъ, т. е. завоеваніе міра. Это объясняется еще и тѣмъ, что главный періодъ дѣятельности Бальзака относится къ эпохѣ дѣйствительнаго торжества мѣщанства (1831—1848), когда оно освобожденное отъ всѣхъ враговъ, внутреннихъ и вѣншихъ, не раскрывшее своихъ внутреннихъ противорѣчій, безраздѣльно пользовалось почетомъ и властью и все расширяло свои промышленныя завоеванія.

Его герои сильны и могучи, побѣда и триумфъ на ихъ сторонѣ, но всмотритесь въ нихъ внимательно, и вамъ станетъ яснымъ, что создавшая ихъ жизнь уже подверглась процессу одичанія, что въ ней нѣтъ того разнообразія спокойствія и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, которыя поддерживаютъ душевное равновѣсіе человѣка, что все эти герои въ концѣ концовъ — *мономаны*, загипнотизированные общественной обстановкой и выпущенные на арену борьбы съ господствующими идеями. Съ этой точки зрѣнія,—несколько, впрочемъ, не подозрѣвая, что его герои сумасшедшіе,—Бальзакъ—одинъ изъ величайшихъ психіатровъ новаго времени, который далъ лучшій и полнѣйшій анализъ мономанїи на почвѣ соціальныхъ отношеній, общей конкуренціи, *laissez-faire, laissez aller* и знаменитаго *enrichissez vous*. Для мономановъ въ высшей степени характерна и ихъ циническая откровенность, и ихъ нравственное помѣшательство, нравственное безразличіе, и ихъ полное равнодушіе ко всему, что не имѣетъ прямого отношенія къ господствующей идеѣ. Это „свѣтлые“ больные, оглушенные шумомъ Парижа, очарованные блескомъ золота, головокружащими успѣхами соперниковъ, красными мантиями и расшитыми мундирами, одуряющимъ ароматомъ продажной любви. И изучая ихъ, вы видите, что упадокъ и реакція уже близки, что ждать дальше нельзя.

Не все болѣзнъ, конечно. Мѣщанство, повторяю, внесло нѣ европейскую жизнь огромный запасъ здоровой силы, и его горе въ томъ, что ему сразу же стала доступной экзотическая культура выродившейся европейской аристократїи. Повторилась легенда молодого рыцаря, попавшаго въ замокъ одалисокъ.

На чемъ основывалась сила мѣщанства? Отчасти на „недоразумѣніи“, отчасти на существѣ дѣла. Это недоразумѣніе (не жизненное конечно, а только идеологическое) заключалось въ томъ, что мѣщанство лишь очень смутно и плохо сознавало себя какъ самостоятельную общественную силу, какъ отдѣльное сословіе, считая въ своей средѣ крестьянъ, ремесленниковъ и принимая себя за народъ. Что такое третье сословіе? Ничто. Чѣмъ оно должно быть? Всѣмъ. Эта красивая, эффектная фраза Сійэса превосходно формулируетъ „недоразумѣніе“. „Всѣмъ“, т. е. прежде всего—народомъ-господиномъ, заключающимъ въ своихъ кадрахъ всѣхъ правоспособныхъ гражданъ безъ различія происхожденія. Іюньскіе дни 49-го года разъ навсегда разрушили эту иллюзію, но до этого времени она была однимъ изъ членовъ мѣщанскаго символа вѣры. Конечно, мѣщане-практики, вроде Мальгуса, напр., или тѣхъ политиковъ, которые, составляя свои конституціи, тщательно опредѣляли величину ценза, и раньше еще убѣдились, что тутъ не все обстоитъ благополучно, но мѣщане-теоретики, мѣщане-поэты жили этой иллюзіей и отдавали ей лучшія мечты свои и все лучшее, искреннее, что было въ ихъ натурѣ. Этой иллюзіей жили Поль-Луи-Курье, Беранже, отчасти Барбье, Леру, Жоржъ-Зандъ. Они мечтали о мирѣ внутри народа, о его единеніи и всѣ одинаково искренно ненавидѣли старый порядокъ. Нечего и прибавлять, конечно, что крестьяне и крестьянская жизнь давали имъ особенно богатый матеріалъ для построенія своихъ утопій „единого и нераздѣльнаго народа-господина“..

„Составьте вновь, пишетъ, напр., Курье,—насколько возможно, прежнее помѣстье тѣми способами, какіе указаны въ журналѣ „Conservateur“, и пусть каждая часть его возвратится отъ настоящаго владѣльца-хлѣбопашца къ доброму сеньору, обожаемому вассалами въ его замкѣ. Пусть это помѣстье будетъ укрѣплено за нимъ и его наслѣдниками въ мужскомъ колѣнѣ пзъ рода въ родъ на вѣчныя времена,—его наслѣдники не стануть пахать землю, а его вассалы будутъ работать въ очень незначительной степени. Промышленность исчезнетъ. Всякій, кто теперь работаетъ, сдѣлается лакеемъ: нищимъ, монахомъ, солдатомъ или разбойникомъ. Монсеньоръ будетъ имѣть свои пастибища и пошлины съ купли и продажи вѣстей съ милостями двора. Скоро опять появятся зубцы башенъ, затѣмъ терновникъ и колючія растенія, а тамъ лѣса и друиды г-на Марселлюса, вотъ тогда-то земля и будетъ уничтожена“.

Это motto первой эпохи мѣщанскаго владычества. И о чемъ другомъ, какъ не о счастливыхъ хлѣбопашцахъ, мечтали Беранже и Жоржъ-Зандъ, хлѣбопашцахъ, живущихъ подъ сѣнью осуществленныхъ „liberté, fraternité égalité“? Сколько на самомъ дѣлѣ у нихъ добродушія и того, что въ обществѣ мы называемъ сентиментализмомъ. Какъ радостно привѣтствуютъ они добрыя чувства и филантропію, какъ трогательно они, особенно Беранже, проповѣдуютъ умѣренность и честность:

„Ахъ, дѣдушка, кто знаетъ,
Чья эта звѣздочка блеститъ,
Блеститъ и исчезаетъ...“
— Она упала! Сынъ мой, плачь!
Лишились мы опоры:
Съ душою доброю богачъ
Смежилъ на вѣки взоры:

Къ порогу нищій прибѣжить—
И горько зарыдаеть...
Скатилась яркая звѣзда
Могущества земного!
Будь чистъ, мой сынъ, трудись всегда
Для счастья мірового.
Того, кто суетно гремитъ,
Молва уподобляетъ
Звѣздѣ, которая блестить,
Блестить и исчезаетъ“.

(Беранже, пер. В. Курочкина).

Эта доброта—сердцевина таланта Беранже, этого наивнаго, хорошаго, мечтательнаго человѣка, одинаково восхищавшагося и щедрой милостыней, и священнымъ союзомъ народовъ. Будьте добры.—говорить онъ людямъ; живите въ мирѣ,—говорить онъ народамъ, и кромѣ этого мало что было сказать ему:

„Она все въ жизни потеряла,
(поеть онъ про свою нищю)
И чтобы въ старости своей
Она на Промыслъ не роптала,
Подайте Христа-ради ей!“

Иль:

„...Такъ говорилъ богъ мира вдохновенный,—
И тѣмъ словамъ все вторило съ земли:
Взошла заря любви благословенной,
И, какъ весной, деревья зацвѣли.
Вино лилось въ честь круговой поруки,
Въ честь лучшихъ дней и новыхъ братскихъ узъ.
Народы всѣ, подавъ другъ другу руки,
Слились въ одинъ союзъ.

(„Священный союзъ народовъ“, пер. Тхоржевскаго).

Типичный мѣщанинъ перваго тридцатилѣтія Беранже, конечно, помнилъ завѣты конца прошлаго вѣка и гордился ими. Въ своемъ завѣщаніи Франціи онъ говоритъ:

„Богъ посѣтилъ тебя грозю плодотворной,—
Благословеніямъ грядущаго внимай;
Осѣменила міръ ты мыслью плодотворной,
И равенство пожнетъ плоды ея... Прощай!
Я вижу, что живу полуживой въ гробницѣ,
О, защити же всѣхъ, кто мною былъ любимъ!
Вотъ, Франція, твой долгъ смиренной голубицъ,
Не прикасавшейся къ золотымъ полямъ твоимъ“.

(Пер. Фета).

Филантропическое чувство вырастаетъ до универсализма, и здоровая сторовая мѣщанскаго духа—его преданность лучшимъ традиціямъ освободительной эпохи—находитъ свое опять-таки филантропическое выраженіе.

Но все же Беранже слыхалъ и марсельезу, и тихо повторяетъ ея грозные, могучіе звуки, точно сдвленные вначалѣ и вдругъ мощно вырвавшіеся на просторъ съ шумомъ и грохотомъ водопада, на своей лютиѣ. Въ своей „Идеѣ“ онъ говоритъ:

„Но побѣжденнымъ съ новой силой
Идея лавры раздаетъ
И, умилиась предъ ихъ могилой,
Летитъ съ ихъ знаменемъ впередъ“.

(Пер. Курочкина).

Все равно какъ скромный, почтенный рантье является основой западно-европейскаго мѣщанства, такъ и филантропическая поэзія Беранже, расширенная до универсализма марсельезы (но безъ ея великаго гнѣва), является основой здоровой мѣщанской поэзіи вообще. Интересную характеристику Беранже даетъ Жюльвиль: „Его пѣсни, которыя нужно теперь изучать въ связи съ событіями, ихъ вызвавшими, чтобы возбудить къ нимъ интересъ, прежде всего—произведенія, написанныя на случай, легкія и короткія сатиры, какъ бы крылатыя осы, каждый кушлетъ которыхъ точно колетъ и вонзаетъ свое жало подъ жужжаніе припѣва. Либеральная Франція радуется ихъ появленію и расцвѣтаетъ ихъ, такъ какъ узнаетъ себя въ нихъ. Клерикализму реставраціи Беранже противопоставляетъ „Божество добрыхъ людей“, благополучію эмигрантовъ, приверженцевъ министерства, толстыхъ, упитанныхъ людей,—народное недовольство. Терзаемый, преслѣдуемый, заключаемый въ тюрьму правительствомъ, дѣлавшимъ его пѣсни еще болѣе грозными, такъ какъ оно ясно показывало, что боится ихъ,—онъ продолжаетъ говорить даже въ тюрьмѣ о славѣ и свободѣ; его добродушіе, отнюдь не притворное, его независимость, безкорыстіе,—онъ ничего не проситъ для себя,—его насмѣшка, все способствовало тому, что изъ него выработался поэтъ, стихи котораго нашли отзвукъ,—любимый пѣвецъ французскаго народа...“

Жоржъ-Зандъ шире и глубже. Не даромъ же она слушала Леру и сенсимонистовъ. Но все ея вдохновеніе потратилось на эмансипацію женщины—эту частность эмансипаціоннаго движенія вообще, на идиллію крестьянской жизни, на вѣру въ мощь народа-господина. По самому существу своей натуры она оптимистка и вѣритъ въ культуру, просвѣщеніе, въ добрыя чувства, которыя въ концѣ концовъ восторжествуютъ надъ зломъ общественныхъ отношеній и дадутъ твердую опору новому міру. Ея отношеніе къ мѣщанству прежде всего критическое. Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ романовъ „Оресь“ она показываетъ, къ чему ведетъ мономанія успѣха и какъ гибнуть лучшія силы и порывы человѣка въ этомъ жгучемъ огнѣ эгоистической борьбы.

Очень жалѣю, что не могу подробнѣе остановиться на Жоржъ-Зандъ, но у меня есть то оправданіе, что все, нужное для развитія моей темы, я въ болѣе яркихъ, выразительныхъ и определенныхъ образахъ нахожу у Бальзака, а не у нея; все же, что лично ей принадлежитъ, напр., непоколебимая вѣра въ крестьянство, второе поколѣніе котораго должно, по ея мнѣнію, осуществить чуть ли не социалистическій идеалъ (напр., Meunier d'Angibault)—въ данную минуту меня не интересуетъ.

Произведения Бальзака—столько же панегирикъ, сколько приговоръ. Его хищники и мономахи, его герои, спекулирующіе своимъ умомъ, талантомъ, чувствомъ, столько же создаютъ мѣщанскій строй, сколько и разрушаютъ его, даже больше разрушаютъ, чѣмъ создаютъ. Открывая новыя пути дѣятельности, пуская въ оборотъ всѣ силы человѣка и тѣмъ самымъ увеличивая, конечно, и общую сумму богатства человѣчества, они въ то же время изъ-подъ самаго фундамента его жизни вытаскиваютъ камень за камень. Вѣдь вы чувствуете, что съ такими министрами, какъ Растиньякъ или Люсьенъ, какъ Гранде или Бридо,—долго протянуть невозможно, что это въ концѣ концовъ мошенники, что они, обворовавъ всѣхъ, примутся и другъ за друга и потомъ, полурастерзанные и полужаженные, предоставятъ честь и мѣсто какому-нибудь авантюристу и политическому корсару вроде Кавеньяка или Наполеона. Другого выхода у нихъ нѣтъ, потому что нѣтъ и никакой опоры въ жизни, кромѣ кодекса беззастѣнчивости и грабежа. Использовать всѣ силы человѣка, всѣхъ ихъ пустить въ оборотъ—вотъ задача этихъ героевъ спекулирующаго мѣщанства, и въ большей или меньшей степени они благополучно разрѣшили ее для себя, но только для себя; разрѣшить же ее для всѣхъ они не успѣли, даже не думали объ этомъ и какъ нельзя лучше доказали, что съ упрощеннымъ кодексомъ беззастѣнчивости ни этой, никакой другой задачи разрѣшить нельзя. Ихъ слѣпая, стихійная дѣятельность то же, что работа подземныхъ силъ: случайно на ровномъ мѣстѣ воздвигается гора, а на мѣстѣ горы появляется озеро, но чтобы приспособить къ себѣ эту гору или это озеро, нужны совсѣмъ другія усилія и совсѣмъ другая программа, чѣмъ тѣ, какія находятся въ нихъ распоряженіи.

Въ художественномъ изображеніи этихъ одичалыхъ людей и этой дичающей культуры, разлагающейся, несмотря на весь свой блескъ, силу, предприимчивость, великій романистъ остался вѣренъ правдѣ жизни. Онъ увлекается—это да, но все же онъ заставляетъ васъ видѣть въ своихъ герояхъ не героевъ, а жертвъ.

Это жертвы социальныхъ страстей—успѣха, наживы и конкуренціи—и бѣда тому человѣку, въ которомъ эта социальная страсть клокочетъ слишкомъ уже бурно. Въ концѣ концовъ она при малѣйшей неосторожности должна разнести его въ дребезги, какъ хорошій зарядъ динамита. Эта страсть, постепенно овладѣвая человѣкомъ, заѣдаетъ одно за другимъ всѣ тѣ мысли, чувства, привязанности, убѣжденія, которыми онъ жилъ, какъ личность, и что, въ сущности, давало ему опору. Внутри онъ весь пустой, одна прозрачная оболочка, и лишь частичка потока общественной страсти наполняетъ его; но стоитъ потоку отхлынуть—и нѣтъ человѣка.

Но личность у Бальзака еще слишкомъ сильна, самый общественный строй настолько молодъ, полонъ надеждъ и иллюзій, что личность не является передъ нами совсѣмъ поглощенной. Она еще выдѣляется изъ среды, вы различаете ее на гребнѣ этихъ огромныхъ волнъ, вы видите, что, сброшенная однимъ валомъ въ пропасть, другимъ она выносится опять на высоту. При огромномъ напряженіи человѣкъ еще борется, кое-что сознаетъ, кое-что понимаетъ. Это мономахъ, но еще не лунатикъ, спокойно пагающій по карнизу; близко къ этому,

но этого еще нѣтъ. Но ясно, что должно наступить и полное помѣшательство, и полный дунатизмъ. Для этого надо было пережить февральскіе и іюньскіе дни 48-го 49-го годовъ, разстаться со всѣми иллюзіями насчетъ того, что мѣщанство и народъ одно и то же, что оно „самый настоящій“ народъ, отказаться отъ всѣхъ завѣтовъ скромнаго прародителя—провинціального рантье, всю дѣятельность свести на спекуляцію, дать нажить на биржѣ Людовіку-Филипу 800 милліоновъ, а Ротшильду—600 и утратить всякую связь съ концомъ XVIII вѣка—изъ носителя принципа обновленія обратиться въ биржеваго зайца, волка, тигра левиафана. Эволюція естественная и строго необходимая. Если вначалѣ, окидываясь гордымъ взоромъ свои права, владѣнія и хартіи, мѣщанство могло сказать: „Все это мое, все это мной заработано“, то очень скоро пришлось измѣнить формулу: „Все это мое и все это мной присвоено“. Но, конечно, самыми страшными потерями мѣщанства были потери иллюзіи, что оно—авангардъ человечества и что личности нужна лишь юридическая свобода для водворенія на землѣ счастья и справедливости. Мѣщанство утратило подъ собой всякую идейную почву, когда оказалось, что это не такъ, расшатало свой экономическій фундаментъ, какъ сословія, сосредоточило всѣ усилія на биржѣ и спекуляціяхъ.

„Личность господинъ своей судьбы и общества“; „личность раба своей судьбы и общественныхъ страстей“. Сколько милліоновъ трагедій, сколько милліоновъ жертвъ, неудачъ, разочарованій, неожиданныхъ краховъ пришлось пережить мѣщанству, прежде чѣмъ вторая формула въ его сознаніи совершенно вытѣснила первую. „Жизнь, какъ борьба общественныхъ страстей, существуетъ, но человѣкъ нѣтъ“. Вотъ что говорятъ намъ литература поздней мѣщанской эпохи, литература Флобера, Мопассана, Зола, всей натуралистической школы, выросшей въ эпоху второй имперіи, т. е. крушенія мѣщанства, завѣщаннаго намъ XVIII-мъ вѣкомъ. Спекуляція заслонила производство, развратъ—идею, человѣкъ на самомъ дѣлѣ превратился въ товаръ и мѣшовую стоимость, и Родсъ, оцѣнивая его жизнь въ 100 ф. стерлинговъ, имѣетъ основаніе утверждать, что такая оцѣнка ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана низкой. Все это не лишено остроумія и великолѣпно по своей откровенности, но нѣтъ ли тутъ и признанія, что почва потеряна? А что она потеряна или, по крайней мѣрѣ, уходитъ изъ-подъ ногъ—въ этомъ мало кто сомнѣвается.

„Въ рядахъ личностей,—говоритъ Арнольди,—посвятившихъ себя работѣ теоретической мысли въ эпохи, характеризованныя преобладаніемъ рыночной конкуренціи, предпринимательства и биржевой спекуляціи, мы замѣчаемъ знаменательное теченіе мысли, обуславливающее въ ученыхъ и мыслителяхъ не только индифферентизмъ къ политической дѣятельности, но сознанное и откровенное отвращеніе отъ участія въ ней, какъ дѣятельности низшей. Не мало проявленій того же самаго настроенія мысли, опирающагося и на расчетъ матеріальной выгоды отъ той или другой профессіи, и на оцѣнку ихъ интеллектуальнаго достоинства, приходится констатировать и въ рядахъ литераторовъ, беллетристовъ, журналистовъ и т. п., которые во многихъ случаяхъ находятъ какъ бы унижительнымъ для себя посвященіе части времени практи-

ческимъ заботамъ о благѣ своихъ согражданъ *). Профессиональное „политиканство“ въ Америкѣ давно уже потеряло въ глазахъ общества всякій идейный характеръ. Въ наше время мода въ области мысли, какъ при установлении жизненныхъ цѣлей реальными личностями, такъ и при созданіи положительныхъ типовъ эстетическимъ творчествомъ, оказывается не на сторонѣ „гражданина“, а на сторонѣ выработаннаго ума, съ большею или меньшею долею презрѣнія относящагося къ политической агитаціи или участвующаго въ ней лишь случайно, изъ-за побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ интересомъ къ общему дѣлу и еще менѣе того съ гражданскою доблестью. И реальная исторія даетъ указанія въ томъ же направленіи. Достаточно сравнить характеръ борьбы партій при выборахъ новаго президента Соединенныхъ Штатовъ въ концѣ XVIII-го и въ концѣ XIX-го вѣка, характеръ агитаціи за парламентскую реформу въ Англіи въ тридцатыхъ годахъ и противъ иадаты лордовъ въ ближайшее къ намъ время, мотивы политическихъ преній въ Парижѣ эпохи реставраціи Бурбоновъ и въ Парижѣ эпохи буланжизма“.

Для такой эпохи и для ея литературы пессимистическое настроеніе неизбежно. Оно прежде всего — результатъ усталости, къ которой необходимо повело нервное возбужденіе, вызванное революціями, лихорадочной дѣятельностью, спекуляціями. Усталость однихъ, пресыщеніе другихъ, неисполненныя обѣщанія, рухнувшія надежды, словомъ, все то, что пережила когда-то родовая аристократія, выпало на долю мѣщанства. Отрицавшее когда-то всякое стѣсненіе, всякій намекъ на опеку, гордившееся своимъ матеріализмомъ, невѣриемъ, просиѣщенностью, оно ищетъ теперь и стѣсненія, и опеки, пытается возвратить въ себя духъ вѣры и успокоиться подъ руководствомъ патера. Бурже, напр., превосходно угадалъ эту потребность и, потворствуя, взвинчивая ее въ своихъ послѣднихъ романахъ, обезнечилъ ихъ успѣхъ въ высшихъ, экзотическихъ слояхъ мѣщанскаго строя.

Но до Бурже и въ одно время съ нимъ дѣйствовали и продолжаютъ дѣйствовать люди, неизмѣримо болѣе круные, чѣмъ онъ: Флоберъ, Мопассанъ, Зола, Додэ, братья Гонкуры. Какое ихъ отношеніе къ мѣщанскому строю? Отрицательное, сатирическое, эгегическое, — какое хотите, но очень мало и какъ-то случайно положительное. Идеи мѣщанской литературы остались тѣ же, но изъ нихъ выжать жизненный сокъ, въ нихъ нѣтъ больше ни бодрости, ни увѣренности, ни силы. Самъ человекъ и „человѣческое“ сошли со сцены, вмѣсто нихъ оголенная общественная страсть, стихійная, какъ сила природы.

Когда натуралистическая критика заявила, что самъ авторъ не долженъ показываться на страницахъ своего произведенія, что ему нѣтъ дѣла до того, что онъ описываетъ, что его первая обязанность отказаться отъ какой бы то ни было нравственной оцѣнки картины, которую онъ рисуетъ, — она была совершенно права. На самомъ дѣлѣ, кого и что было судить, кого и въ чемъ было винить? Неужели этихъ мономановъ, этихъ помѣшанныхъ, этихъ людей, которые, какъ пузыри, появлялись на гребняхъ общественныхъ волнъ и лопались тоже какъ

*) Въ художественной литературѣ — школа парнасцевъ, жрецовъ чистаго искусства (Леконтъ-де-Лилль, Heredia и т. д.).

пузыри? Развѣ можно судить лаву, которая, вырвавшись изъ кратера, обратила въ пепелъ города и села? Развѣ можно судить и винить ураганъ, вырывающій съ корнемъ вѣковыя деревья? Если нѣтъ, если стихія не подлежатъ суду чело-вѣка, то какъ можетъ подлежать ему общественная жизнь, которая распоряжается съ людьми, какъ лава съ домами и посѣвамъ, или ураганъ съ деревьями? Вѣдь это тоже стихійный процессъ, гдѣ никакой видной, активной роли чело-вѣкъ не играетъ, гдѣ роль его чисто пассивная, страдательная. Натуралистъ долженъ прежде всего разъяснить, чѣмъ созданъ чело-вѣкъ, объяснить психологію его духа, его индивидуальности. И онъ говоритъ намъ о развратѣ бульвара, о цинической атмосферѣ маленькихъ кабаковъ, о гниломъ воздухѣ подваловъ, о подневольной работѣ, о нищетѣ, какъ язва или гангрена, разъѣдающей душу, о голодѣ и холодѣ, и развратѣ, подъ влияніемъ которыхъ чело-вѣкъ дичаетъ. Вся суть въ обстановкѣ, условіяхъ жизни, вся суть въ этой грандіозной общественной машинѣ, которая создаетъ продукты—людей, строго соответствующихъ ея устройству,—и ничего болѣе. Натуралистъ изучаетъ процессъ одичанія людей подъ влияніемъ той или другой стороны общественной эволюціи и т. п., очевидно, что процессъ создавъ не нами, и отдѣльныя лица въ немъ такъ же мало повинны, какъ въ происхожденіи видовъ растений и животныхъ, то съ этой точки зрѣнія судъ, обвиненіе и защита совершенно излишни.

Однако, какой это огромный шагъ отъ романтизма съ его гипертрофированной личностью, его героями, дерзко противопоставлявшими себя всему обществу и даже Господу Богу, къ отрицанію какой бы то ни было роли личности, отъ энергіи Бальзака и его упоенія борьбой—къ безнадежному пессимизму Флобера и Мопассана, отъ идеализма Жюль-Зандъ къ слащавымъ гимнамъ Додэ по адресу добродѣтели, отъ гордой вѣры Гюго въ чело-вѣка до полного невѣрія натуралистической школы! Это полный циклъ. Общій характеръ почти всѣхъ этихъ ученій *) и литературъ, выросшихъ на почвѣ мѣщанства, едва ли не пора-зитель историка той особенностью, что „они всѣ склонны подрывать расчетъ на личную инициативу и энергію воли у отдѣльныхъ особей и это въ то самое время, когда догматъ всеобщей конкуренціи, характеризующій царство мѣщанства, требуетъ непремѣннымъ условіемъ прочности этого царства особенное развитіе и этой инициативы, и этой энергіи“ (Арнольди, 357).

Фактъ этотъ, впрочемъ, совершенно естественный, принимая во вниманіе 100-лѣтъ мѣщанскаго владычества.

Вся новая литература мѣщанскаго строя построена на двухъ началахъ: 1) на своемъ пессимистическомъ настроеніи и 2) на идеѣ полной социализаціи личности. Личность—стихійный продуктъ стихійнаго процесса стихійной социальной эволюціи.

Повѣсть такихъ произведеній, какъ „*M-me Bovary*“ Флобера или „*Une vie*“ Мопассана или „*Joies de vivre*“ Зола, вамъ не только хочется воскликнуть—какъ скучно жить на свѣтѣ, но и—какъ глупо, какъ пошло жить! Что-то безпросвѣтное, тоскли-

*) Пессимизмъ, эклектизмъ, новый матеріализмъ, антропологізмъ, новый критицизмъ и т. д.

вос, точно осенній дождикъ, тягучее и мучительное, какъ зубная боль, пытка, растянутая на цѣлые годы и всю человѣческую жизнь, уныніе одиночнаго заключенія—вотъ чѣмъ вѣдетъ на васъ съ этихъ безотраднѣхъ страниць. Жизнь затягивается, какъ болото, какъ трясины, липкая грязь постепенно спутываетъ члены и отнимаетъ у нихъ всякую свободу движенія. Человѣкъ бьется сначала, барахтается до кроваваго пота, но трясины дѣлаютъ свое дѣло и втягиваетъ въ себя несчастнаго все глубже. И въ трясины онъ попалъ совершенно случайно: шелъ по темному лѣсу и вдругъ увидѣлъ передъ собой лужайку со всякой зеленью. Ему и въ голову не приходило, что эта веселая зелень—предательская. Любовь Бовари, бракъ героини Мопассана, порывы бѣднаго героя Золя—все это, хорошее и красивое при другой обстановкѣ, при другихъ условіяхъ, погибло отъ предательскихъ ловушекъ общественнаго строя, расшатывающаго силы человѣка непомѣрнымъ нервнымъ возбужденіемъ, своей жестокостью и лицемеріемъ, обманчивыми призраками наслажденія. И послѣ такой картины не вырвется ли у васъ такой же стонъ, какъ у Верлена:

„Туманъ сновидѣнья
Смыкаетъ мнѣ вѣжды.
Засните, стремленья,
Засните, надежды!
Во мракъ ненастья
Все прошлое скрыто:
И горе, и счастье,—
Забыто, забыто!
Какъ въ склепѣ могилы
Мнѣ тяжко сознанье...
Утрачены силы...
Молчанье!.. молчанье!..

По литературнымъ произведеніямъ нашихъ дней „историкъ мысли можетъ прослѣдить съ поразительною ясностью и неизмѣнностью нравовъ общества, созданныхъ современнымъ царствомъ буржуазныхъ интересовъ, и полное безсиліе даже замѣчательныхъ художниковъ создать правдивые положительные типы“ (Арнольдп, 352).

Да, правдивыхъ положительныхъ типовъ нѣтъ, и даже огромный талантъ Золя оказался безсиленъ передъ этой задачей: его Пьеръ Фроманъ остается истуканомъ, и въ первомъ, посвященномъ ему, томѣ („*Lourdes*“) и въ четвертомъ („*Fécondité*“). Впрочемъ, жалобы на отсутствіе положительныхъ типовъ въ значительной степени бесполезны, когда на сценѣ нѣтъ человѣка, нѣтъ личности, и въ роли героевъ выступаетъ или тѣна провинціальной жизни („*M-me Bovary*“), или биржевая одурь („*L'argent*“), или развратъ большого города („*Assomoir*“, „*Nana*“), или тотъ же большой городъ, передъ жизнью котораго жизнь отдѣльнаго человѣка меньше песчинки передъ Монбланомъ („*Page d'Amour*“, „*Une vie*“, „*Paris*“ и т. д.)... Нѣтъ человѣка хотя бы въ видѣ образа средневѣковой легенды или романтическихъ грезъ, хотя бы колосса Вальзака, выдерживающаго давленіе соціальной страсти. Теперь герой—это стихія, слѣпая, огромная, все давящая на своемъ путѣ, мчащаяся какъ ураганъ, а человѣкъ и его психологія—это брызги соціальныхъ волнъ, раз-

бывающих друг о друга. Во что обращается, напр., идеальный крестьянин Жоржъ-Зандъ? Въ своей интересной книгѣ „Реализмъ и натурализмъ въ искусствѣ“ Соважо такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

„Милле выводитъ крестьянина въ своихъ картинахъ. Вотъ философія Милле по отношенію къ мужику: „Ремесло дѣлаетъ человѣка: оно поглощаетъ его мысли и сердце. Весь человѣкъ—придатокъ машины. Крестьяне, подавленные трудомъ и бѣдностью, не имѣютъ никакихъ намѣреній, помысловъ, чувствъ, которые не вызывались бы ихъ промысломъ“. Ту же философію развиваетъ въ сущности и Золя въ своемъ знаменитомъ романѣ. „Здѣсь, — говоритъ Соважо, — французскій крестьянинъ является обезчещеннымъ на славу: передъ вами звѣрь“. Не совсѣмъ звѣрь, по пѣчтѣ, дѣйствительно похожее на него. Надъ пейзажомъ у Золя властвуетъ земля, но это не „власть земли“ Успенскаго, приводящая въ гармонию внутренній міръ человѣка, это—вопросъ о лишней десятинѣ. Недостатокъ земли вызываетъ жадность хищника; ради клочка поля совершаются всевозможныя преступленія: нѣтъ ни семьи, ни общества, нѣтъ любви, дружбы—одинъ голодный разсчетъ подчинилъ себя человѣческую душу, распоряжаясь ею по произволу. Нѣтъ даже человѣка. Во всемъ произведеніи царитъ стихійная сила—борьбы за существованіе, недостатка свободныхъ мѣстъ. Пейзаже проникнуты животнымъ эгоизмомъ; изъ-за лишней десятины Бюто готовъ уморить голодомъ отца. Такихъ звѣрей въ лучшемъ случаѣ можно приручить. Но любить ихъ, учиться у нихъ?.. Подобныя мысли не приходятъ даже въ голову французскимъ беллетристамъ. Мужики для нихъ такой же отрицательный классъ общества, какъ и буржуа; мужицкая жизнь полна такой же лжи, развращенности, одичанія, какъ и жизнь культурныхъ людей. Если правда, вообще, живетъ гдѣ-нибудь на землѣ, то во всякомъ случаѣ не въ деревнѣ“

Это въ деревнѣ; еще хуже, еще безлюднѣе въ большомъ городѣ, на биржѣ, въ палатѣ депутатовъ, въ большихъ магазинахъ, на бульварахъ далекихъ кварталовъ. Передъ вами движется цѣлая толпа „живыхъ мертвецовъ“, гальванизированныхъ какой-нибудь уродливой страстью—наживы, успѣха, разврата, честолюбія, мести. Герои Золя не люди. Это символъ общественности. Они бредятъ на-яву какъ Саккаръ, какъ Мюффа, какъ мужикъ и женщина изъ „Bête-humaine“, какъ несчастный загнанный звѣрь, анархистъ изъ „Paris“. Они не просто невѣняемые мономаны, — они гальванизированные люди.

Очевидно центръ тяжести съ личности перешелъ на общественныя отношенія, гдѣ все слѣпо, стихійно и для человѣка случайно. Ему остается лишь смотрѣть на то, какъ кто-то и что-то распоряжается его судьбой и судьбой его близкихъ, и съ каждымъ днемъ все яснѣе сознавать свое безсиліе передъ милитаризмомъ, милліонами Ротшильдовъ, биржевыми крахами, промышленными кризисами, передъ всей этой высочайшей башней мѣщанской культуры.

Но на почвѣ переутомленія, на почвѣ отказа отъ своей творческой роли, на почвѣ признанія своего безсилія и стихійной бессмыслицы жизни не могло не вырасти уродливое и дряблое декаденство, какъ полное сведеніе на нѣтъ всѣхъ романтическихъ грезъ и мечтаній.

Это послѣднее „откровеніе мѣщанства“...

Подойдите къ нему поближе, всмотритесь, и что же вы увидите? Груды сплошных стиховъ, томы туманныхъ разсужденій, десятокъ-другой смѣлыхъ выражений, вродѣ коричневаго воздуха, зеленой луны, блѣдной ненависти. И только, честное слово, и только. Зато въ теоріи какъ все это выходитъ красиво и, пожалуй, увлекательно. Я постараюсь быть возможно безпристрастнымъ, вообразу себя на минуту декадентомъ и, въ такомъ случаѣ, вотъ какую рѣчь могу я произнести въ поясненіе этого болѣзненнаго новшества. Современный человѣкъ. Утомленъ, измученъ, истерзанъ, забить, загнанъ. Его мускулы вялы, цвѣтъ лица его блѣденъ, взглядъ мутный и разсѣянный, волосы рѣдки, спина согнута, ноги слабы, походка неувѣренна. Неразсчетливая жизнь предшествующихъ поколѣній лежитъ на немъ и давить его своей огромной тяжестью. Онъ явился на свѣтъ Божій уже банкротомъ, съ грѣхами отца и матери въ себѣ, съ задатками всевозможныхъ болѣзней, явился недовольный, раздражительный, чѣмъ-то уже напуганный, чѣмъ-то пришибленный. Его начинаютъ обучать наукамъ или, лучше сказать, начаткамъ всевозможныхъ наукъ, которыя, разумѣется, нисколько его не интересуютъ. Онъ слушаетъ разсѣянно, нехотя, уныло и съ отвращеніемъ зубрить свои уроки, и всемъ окружающимъ кажется, что онъ спитъ. Но не обманывайтесь внѣшностью. Въ этомъ худенькомъ, истощенномъ тѣлѣ, подъ этой дряблой кожей ютятся огромныя скверныя страсти. Рано, слишкомъ рано начинаютъ онѣ говорить о себѣ и волновать юную душу сначала расплывчатыми, неясными грезами и мечтами, а потомъ тѣми же мечтами, тѣми же грезами, но уже совершенно опредѣлившимися и нашедшими свой центръ, вокругъ котораго имъ и суждено вращаться безъ конца. Вы, конечно, знаете, что это за центръ, а если не знаете, то посмотрите вокругъ себя и спросите, что даетъ современная цивилизація человѣку въ видѣ утѣхи? Очевидно—развратъ, развратъ во всехъ его видахъ и разновидностяхъ, развратъ грубый и утонченный, развратъ тѣла и духа, оргію распутства и продажности, опохмѣлье нищеты и болѣзней. Слабый, безвольный, но снѣдаемый внутренними похотливыми страстями, человѣкъ жадно бросается, очертя голову въ этотъ омутъ, и легко себѣ представить, какимъ онъ вынырнетъ оттуда. Не вините его. На чистую любовь, на житейскую борьбу, на упорный трудъ—словомъ, на все, что даетъ человѣку спокойное самозабвеніе, онъ не способенъ. Что дала ему судьба? Не имъ истощенный организмъ, не имъ расшатанную волю, не имъ заложенныя себѣ въ душу могучія скверныя страсти. Онъ прежде всего слабъ, и если слабость—оправданіе, оправдайте его. Въдѣ для любви, дружбы, для подвига сила нужна, прежде всего сила, а когда ея нѣтъ, только грязь и мерзость житейская влекуть къ себѣ человѣка, только въ нихъ онъ находитъ нѣчто похожее на удовлетвореніе. Но все равно, будете ли вы его винить, или нѣтъ, вы съ нимъ встрѣтитесь. Въ его психологіи есть еще одна черта,—быть можетъ, даже доминирующая, во всякомъ случаѣ рѣзкая, отчетливая, прежде всего бросающаяся въ глаза. Эта черта—самолюбіе огромное, но въ то же время мелочное и завистливое, безконечно тревожное и безконечно мучительное. Оно заставляетъ своего обладателя избрать себѣ вольную профессію, подсказываетъ ему, что онъ гений, рисуетъ впереди славу, большую

славы Шекспира, и нетерпѣливо толкаетъ его на творчество. Творчество при такихъ данныхъ... Что можетъ оно произвести? Похотливыя мечты, чувственныя грезы сами собой ложатся на бумагу и полотно, смакуются до сладострастія въ часы уединенной работы. Разсматривая эти рисунки, читая эти безчисленныя повѣсти и рассказы, эти груды стиховъ, вышедшихъ изъ-подъ декадентскихъ перьевъ, вы видите передъ собой усталого человѣка, барахтающагося въ жизненной тинѣ и грязи, слышите его жалобы на собственное безсіміе, присутствуете при минутныхъ подъемахъ духа, когда воображеніе разыгралось по поводу чего-нибудь похотливаго, и на заднемъ фонѣ этихъ картинъ вы не можете не различить единственнаго философскаго призрака декадентства—призрака смерти. О, да! Они боятся ея и говорятъ о ней съ дрожью во всемъ тѣлѣ, съ каплями холоднаго пота на лбу, съ приподнявшимися отъ ужаса волосами. Чѣмъ сильнѣе привязаны они къ землѣ, развратнѣе ихъ помыслы, тѣмъ больше боятся они „ея“—этого единственнаго дѣйствующаго лица всѣхъ ихъ трагедій. И „она“ преслѣдуетъ ихъ съ особымъ ожесточеніемъ, потому что эти люди—заживо-разлагающіеся. „Она“ наполняетъ для нихъ всю природу трупнымъ запахомъ, она твердитъ имъ лишь о холодѣ могилы и медленной, но вѣрной работѣ червей... И только эти два мотива—похотливая чувственность и ужасъ смерти—были, есть и будутъ доступны и только эти два мотива они варьируютъ на тысячи ладовъ, все равно въ какой области—живописи, музыки поэзіи, беллетристики...“

Какъ всякій видитъ, въ теоріи декадентства есть даже признаки виѣшняго благообразія. Тутъ и сѣверная наслѣдственность, и совершенно законное утомленіе отъ безудержной погони за земными благами, полное отсутствіе вѣры во что-нибудь лучшее, хотя бы и земное, и, какъ необходимый результатъ, ужасъ смерти. Съ такими мотивами крупный талантъ все-таки можетъ сдѣлать не мало, какъ и сдѣлалъ Боделеръ въ своихъ „Цвѣтахъ зла“. Но то Боделеръ или Верленъ—эти два на тысячу.

Декадентство имѣетъ свое основаніе—это такъ. Человѣку просто не под силу та огромность нервнаго возбужденія, которой требуетъ отъ него большой городъ, промышленная конкуренція, борьба за существованіе,—не под силу страхъ, вызываемый неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, и что естественнѣе, если онъ ищетъ полноты забвенія и молчанія своего духа.

Но если оставить въ сторонѣ декадентство, какъ явленіе блѣдное, дряблѣе, во всякомъ случаѣ обреченное на смерть, то остальная, большая часть литературы послѣднихъ 2-3-хъ десятилѣтій только подтвердитъ справедливость сдѣланнаго выше замѣчанія, что она въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ выше современнаго ей строя. Въ концѣ концовъ она безъ жалости бичуетъ его. Общественный романъ замѣнился общественной сатирой. Эта сатира направлена противъ всѣхъ основныхъ и второстепенныхъ явленій современной жизни. Духовная пустота мѣщанства, его практическая трусость и безыдейность выступаютъ на сцену во всемъ ихъ великолѣпіи. Даже филантропія оказывается сварливой, лицемерной и часто взяткой начальству загробнаго міра, на случай, если этотъ міръ

существует, чему мѣщанство одинаково боится вѣрить и не вѣрить. „Эта сатира, — говоритъ Арнольди, — подрываетъ всѣ основы буржуазнаго міра и тѣмъ самымъ является иногда преднамѣреннымъ, но большею частью невольнымъ союзникомъ его противниковъ, тѣмъ болѣе могучимъ, что художественная правдивость и литературный успѣхъ въ интеллигенціи всего чаще оказываются на сторонѣ этихъ эстетическихъ враговъ новаго мѣщанства...“ (351). Для полноты картины надо напомнить еще одно обстоятельство.

„Очень широкое мѣсто въ проявленіи эстетическихъ вкусовъ послѣдняго времени въ связи съ общими социальными вліяніями занимаютъ искусство и литература рыночныя, открыто преслѣдующія цѣли чисто экономической конкуренціи. Тутъ вышеупомянутыя моды натурализма, импрессионизма, символизма или безсодержательнаго эстетизма и т. под. выступаютъ какъ бы случайными эпизодами на общемъ фонѣ рыночной борьбы, которая вноситъ въ процессъ „сочинительства“, литературнаго и художественнаго „ремесла“, исключительную заботу о ходкости эстетическаго товара, поставляемаго на рынокъ. Изъ продуктовъ этого роднаго производства огромное большинство не имѣетъ никакого эстетическаго достоинства, однако вначе его нельзя не признать даже въ довольно значительной степени“ (Арнольди, 352).

Дальше идти трудно. Все равно какъ Италия, напр., окончательно дискредитируетъ дворянство, продавая титулъ барона за столько-то франковъ, виконта за столько-то и т. д., такъ и мѣщанство, создавъ рыночное творчество, дискредитируетъ литературу.

Во всякомъ случаѣ кругъ замкнуть. Онъ замкнуть полнымъ отрицаніемъ всего того, что признавалось вначалѣ, что составляло жизненную силу всякаго романтическаго движенія. Стоило рухнуть красивой иллюзіи, что мѣщанство и народъ — „весь народъ“ одно единое, нераздѣльное цѣлое, какъ его идейная пустота обнажилась. Всѣ призраки, созданные имъ, все очарованіе „свободы личности“, „творческой предпріимчивости“, „веселія промышленнаго мистицизма“ исчезли одинъ за другимъ. Признавшіе себя побѣжденными стали декадентами, эстетиками и т. д., непризнавшіе — сатириками.

Нарочно, съ заранѣе предумышленнымъ намѣреніемъ, устранилъ я изъ своей картины тѣ новые факты жизни и новое литературное ихъ отраженіе, которое позволяеть не признавать себя побѣжденнымъ послѣ крушенія всѣхъ надеждъ въ началѣ вѣка. Я прослѣдилъ лишь эволюцію литературнаго мѣщанства въ чистомъ ея видѣ.

Какъ бы ни относились вы къ процессу этой эволюціи, вы не можете не признать его исторически необходимымъ и опирающимся на вѣка прошлаго; мало того, въ его строгой, логической послѣдовательности, въ полнотѣ, разнообразіи и богатствѣ его картинъ есть что-то величественное. Чувствуется огромный запасъ силы, и, конечно, нервное возбужденіе, вызванное мѣщанскимъ строемъ, не пропало даромъ. Его литературные памятники не ниже памятниковъ другихъ эпохъ.

Это потому, что тутъ нѣтъ ничего искусственнаго, что западное мѣщанство сумѣло воспользоваться всѣмъ предыдущимъ опытомъ человѣчества, что оно вы-

ступило на историческую сцену съ грандіознымъ запасомъ силъ и грандіозными идеями. Оно опиралось на идею человѣческой свободы; отказавшись отъ нея, оно отказалось отъ самого себя. Но все же здѣсь—глубина.

Мнѣ смѣшно смотрѣть, какъ наши доморощенные буржуйчики говорятъ словами европейскаго общества. Просто смѣшно, потому что пока—тутъ ничего кромѣ претензій. И все, что по дружбѣ хочется сказать имъ, это вотъ: „Не надо человѣку малаго роста идти въ глубокое мѣсто: можетъ потонуть“.

Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Андреевичъ.

Хроника внутренней жизни.

О земствѣ—по поводу осенней сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній.—Новѣйшіе отголоски преобразовательной дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія.—О русскомъ консерватизмѣ—по поводу возобновленія похода противъ суда присяжныхъ.—Послѣднія правительственныя распоряженія относительно финляндской печати.

Опять намъ приходится говорить о земствѣ, и эту тему вновь ставить на очередь сама жизнь.

Осенняя сессія уѣздныхъ земскихъ собраній настоящаго года, отличаясь даже по нашему, небогатому общественной инициативой, времени поразительной скромностью обсуждавшихся предложеній и рѣдкимъ единообразіемъ волновавшихъ гг. гласныхъ вопросовъ, даетъ, однако, весьма цѣнный матеріалъ какъ для безпристрастнаго и вполне объективнаго сужденія о практическихъ результатахъ того ряда предпринятыхъ по отношенію къ земству мѣропріятій, который, начавшись изданіемъ новаго земскаго положенія 1890 года, завершился,—надо думать,—ровно черезъ десять лѣтъ новеллой 12-го іюня текущаго года, установившей предѣльность земскаго обложенія,—такъ и для выясненія вопроса о роли такъ называемыхъ сократительныхъ тенденцій, все болѣе и болѣе распространяющихся въ средѣ самихъ земствъ, въ томъ паденія пульса, такъ называемой, общественной жизни вообще, свидѣтелями котораго мы являемся въ настоящее время.

Вполнѣ естественно, что новелла 12-го іюня, съ которой нашимъ земцамъ впервые пришлось столкнуться на практикѣ, явилась центральнымъ злободневнымъ вопросомъ всей сессіи, и на нее, какъ на каменную гору, опирались всѣ земскіе сократители и эконоомы. Это особенно замѣтно было въ тѣхъ земствахъ, которые до послѣдняго времени не успѣли еще всецѣло подпасть подъ власть такихъ сократителей и эконоомовъ и которые, хотя бы и не безъ значительной примѣси узко-сословныхъ взглядовъ и предрасудковъ, преслѣдовали, однако, въ своей дѣятельности опредѣленныя общекультурныя задачи. При обсужденіи въ такихъ земствахъ мало-мальски планомерно задуманныхъ предположеній въ средѣ собраній всегда находились лица, указывавшія на то, что осуществленіе предлагаемаго плана, иногда уже частью приведеннаго въ исполненіе въ предшествующіе годы,

упирается тѣмъ или инымъ концомъ въ предѣльность обложенія. Собранія по большей части соглашались съ подобными доводами и принимались дѣятельнѣйшимъ образомъ за урѣзку бюджета.

Между тѣмъ даже по смыслу закона 12 іюня ежегодное трехпроцентное увеличеніе земскаго доходнаго бюджета вовсе не должно составлять для земствъ предѣла, его же не перейдши. Напротивъ, если къ тому имѣются достаточно вѣскія основанія въ необходимости удовлетворенія настоятельныхъ потребностей населенія, законъ предоставляетъ высшей администраціи раздвинуть сакраментальную трехпроцентную норму, иногда даже за счетъ общегосударственнаго бюджета, для чего въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ предположено даже включить ежегодно особый кредитъ. И вотъ мы видимъ, что земства, начавшія осуществленія опредѣленныхъ планомѣрныхъ программъ, по большей части въ отношеніи народнаго образованія и народнаго здравія, вмѣсто того, чтобы попытаться убѣдить администрацію въ необходимости доведенія начатаго дѣла до конца, останавливаются въ нерѣшительности и урѣзываютъ свои и безъ того скудные бюджетныя предположенія. Вѣдь если планъ, положимъ, школьной или больничной сѣти одобренъ нѣсколькими собраніями и приводился уже въ исполненіе въ извѣстной постепенности, то, значить, онъ признавался цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ нуждамъ населенія. И если бы земства пытались отстаивать свои предположенія, выходящія за предѣлы установленной закономъ 12-го іюня нормы, то весьма возможно, что при предстоящемъ его пересмотрѣ по окончаніи земскихъ оцѣночныхъ работъ ихъ указанія были бы приняты во вниманіе въ той или иной степени, а, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и въ настоящемъ трехпроцентная норма была бы раздвинута тѣмъ путемъ, который предусмотрѣнъ въ самомъ законѣ.

Между тѣмъ, какъ сказано, большинство уѣздныхъ земствъ вступило на путь добровольныхъ урѣзокъ и сокращеній бюджетовъ, и въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть новаго торжества сократительныхъ тенденцій въ средѣ самихъ земцевъ. Новелла 12 іюня явилась для нихъ лишь удобной ширмой, за которой можно съ соблюденіемъ внѣшняго достоинства укрыть отъ нескромныхъ взоровъ близорукой страхи передъ уплатой на земскія нужды каждой лишней копейки.

Обсуждая въ сентябрьской нашей хроникѣ законъ 12 іюня, мы высказали убѣжденіе, что въ общемъ его значеніе моральное въ значительной степени превосходитъ его значеніе, какъ непосредственнаго тормоза для развитія земской дѣятельности. Фактическій ростъ земскихъ бюджетовъ въ прошломъ вполнѣ подтверждаетъ нашъ взглядъ, потому что въ этомъ прошломъ не только не было установлено какихъ-либо искусственныхъ нормъ, но самое земское представительство опиралось на болѣе широкіе круги населенія и, слѣдовательно, должно было болѣе чутко относиться къ его нуждамъ. И дѣйствительно, по даннымъ, сгруппированнымъ В. Ю. Скалономъ въ его статьѣ „Земскіе финансы“, помѣщенной въ словарѣ Брокгауза, оказывается, что съ 1872 по 1890 годъ включительно земскій бюджетъ возросъ съ 19380,6 тысячъ руб. до 37968,7 тыс. руб., т. е. на 95,8% въ теченіе 19 лѣтъ. Такое возрастаніе весьма близко къ сред-

нему приросту въ 3⁰%, если вычислить ⁰/₀ возрастания по правиламъ о сложныхъ, а не о простыхъ процентахъ, какъ это и слѣдуетъ по существу дѣла. При такомъ способѣ вычисления и при условіи ежегоднаго прироста въ 3⁰% бюджетъ земства долженъ былъ бы удвоиться въ теченіе 24 лѣтъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ удвоился въ теченіе 20 лѣтъ. Г. Скалонъ принимаетъ ⁰/₀ возрастания значительно болѣе высокой потому, что вычисляетъ его по правиламъ о простыхъ процентахъ, что, какъ сказано, совершенно неправильно. Если же принять во вниманіе и констатируемое почтеннымъ авторомъ замедленіе темпа роста земскихъ бюджетовъ въ теченіе 80-хъ годовъ, то окажется, что въ эти годы средней ⁰/₀ ихъ возрастания будетъ очень близокъ къ 3⁰%. Что касается 90-хъ годовъ, относительно которыхъ у насъ подъ руками данныхъ не имѣется, то если даже допустить, что въ ихъ началѣ подъ влияніемъ нѣкоторыхъ общественныхъ теченій темпъ роста земскихъ бюджетовъ нѣсколько ускорился по сравненію съ 80-ми, то такое ускореніе несомнѣнно должно было компенсироваться новымъ замедленіемъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, когда сократительныя тенденціи возымѣли такую силу и когда на практикѣ успѣло сказаться введенное положеніемъ 1890 года сокращеніе земскаго представительства.

Такимъ образомъ можно смѣло утверждать, что за все время существованія земскихъ учрежденій ростъ земскихъ бюджетовъ въ среднемъ былъ весьма близокъ къ нормѣ, установленной закономъ 12 іюня.

Это не значитъ, конечно, чтобы такая норма соответствовала росту тѣхъ потребностей населенія, удовлетворять которыя призвано по закону земство; это не значитъ, чтобы въ отдѣльныхъ случаяхъ, особенно же отсталыхъ въ какомъ-либо отношеніи, земства не встрѣчались съ настоятельнѣйшей необходимостью увеличить обложеніе значительно выше нормы. Напротивъ, какъ показываетъ примѣръ Сибири, сама администрація при исчисленіи земской смѣты на трехлѣтіе 1900—1902 годовъ вынуждена была повысить ее, по сравненію со смѣтой на предыдущее трехлѣтіе, сразу на 47⁰%. Такого увеличенія смѣты въ теченіе трехъ лѣтъ не знаетъ, конечно, исторія земскихъ учрежденій. Приведенная цифровая справка убѣждаетъ только въ томъ, что сами земцы, даже когда надъ ними не тяготѣло никакихъ нормъ, не были склонны къ особенно расточительному самообложенію, и если въ настоящей сессіи по всей линіи замѣтно небывалое торжество принципа благоразумной экономіи, то происходитъ это не только благодаря непосредственному воздѣйствію закона 12-го іюня, а въ значительной мѣрѣ благодаря тому, что онъ нашелъ очень сочувственный откликъ въ рядахъ самихъ земцевъ, толкующихъ и примѣняющихъ его значительно шире, чѣмъ это требуется по смыслу самого закона. Мы даже готовы идти далѣе и утверждать, что новелла 12-го іюня отчасти является сама результатомъ отжѣченного теченія въ средѣ вліятельнѣйшихъ слоевъ современныхъ земцевъ, а потому моральное ея вліяніе на колеблющихся земцевъ должно въ значительной мѣрѣ превосходить вліяніе непосредственное.

Прекрасной иллюстраціей къ сказанному можетъ служить котельничское земство Вятской губерніи. Это земство встало на путь благоразумной экономіи до-

вольно твердой стопой еще въ сессію 1899 года, начать съ урѣзки бюджета на народное образованіе. Такъ земское собраніе 1899 года ассигновало уже на нужды народнаго образованія на 1900 годъ около 80.000 р., вмѣсто 84.000 р., ассигнованныхъ на 1899 годъ въ 1898 году. Собраніе нынѣшняго года пошло по намѣченному пути далѣе, сдѣлавъ урѣзки не только въ суммахъ, ассигнованныхъ на народное образованіе, но и въ другихъ частяхъ смѣты. Но теперь сторонники сокращеній были избавлены лишь отъ обязанности такъ или иначе мотивировать свои предложенія, ограничиваясь по большей части простой ссылкой на законъ 12 іюня. Благодаря этому собраніе прошло весьма гладко, если не считать попытки одного изъ гласныхъ-крестьянъ представить свои возраженія, кончившейся, однако, весьма быстро и къ общему удовольствію, ибо предсѣдатель сдѣлалъ ему, по словамъ корреспондента „Сѣвернаго Курьера“, такое внушеніе, послѣ котораго всѣ гласные-крестьяне смолкли уже до конца собранія. Но какъ бы гладко ни шли пренія въ котельничскомъ уѣздномъ собраніи, нельзя не видѣть, что въ устахъ сторонниковъ бюджетныхъ урѣзокъ изъ его среды ссылка на законъ 12-го іюня играла роль лишь болѣе удобнаго и простаго аргумента въ пользу желанныхъ сокращеній, а не основанія для нихъ. Въдѣ сокращенія эти дѣлались и въ прошломъ, когда еще о законѣ 12-го іюня шли одни только разговоры. И по этому болѣе рѣзкому примѣру можно съ увѣренностью заключить о томъ, что и въ другихъ земствахъ отсутствіе серьезныхъ попытокъ отстоять болѣе высокое обложеніе, гдѣ это, по сознанію самихъ земцевъ, вызывается насущными потребностями мѣстной жизни, надо объяснять въ значительной мѣрѣ успѣхами среди земцевъ новѣйшей теоріи благоразумной экономіи.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, а именно тамъ, гдѣ буквальное примѣненіе закона 12 іюня ставило земство въ слишкомъ неудобное положеніе, даже современные земцы не находили возможнымъ мириться съ нимъ и изыскивали законные способы, чтобы какъ-нибудь выйти изъ него. Наиболѣе яркій случай такого рода имѣлъ мѣсто въ саратовскомъ земствѣ. Уже нѣсколько лѣтъ подрядъ уѣздная смѣта сводилась въ цифрѣ, близкой къ 100.000 руб., и, утверждаемая собраніемъ, не наталкивалась на существенныя возраженія со стороны губернатора, почему и примѣнялась на практикѣ. Но смѣта, составленная на прошлагоднемъ собраніи на текущій годъ въ той же приблизительно суммѣ, была опротестована губернаторомъ, и губернскае по земскимъ дѣламъ присутствіе, согласившись съ нимъ, внесло въ число ожидаемыхъ въ текущемъ году поступленій до 40.000 руб. недоимокъ, которыя признавались и признаются земствомъ совершенно безнадежными. Такимъ образомъ, собственно доходовъ по утвержденной смѣтѣ въ текущемъ году имѣется лишь около 60.000 рублей, а потому, если по буквѣ закона 12-го іюня за нормальную бюджетъ признана такая смѣта, то земство, уже привыкшее вести свое хозяйство съ бюджетомъ въ 100.000 р. бюджетъ поставлено прямо въ безвыходное положеніе. Ему придется не только приостановить расширеніе, сообразно растущей потребности, своихъ „необязательныхъ“ функцій, т. е. главнымъ образомъ заботъ о народномъ образованіи и народномъ здравіи, но, можетъ быть, закрыть часть существующихъ уже школъ и

больницъ. Въ виду явной несообразности подобнаго положенія вещей и положительной невозможности рѣшенія согласно буквѣ закона поставленнаго передъ саратовскимъ земствомъ жизнью вопроса, оно не стало сокращать смѣты до предѣловъ 60.000 руб., а единогласно постановило принести въ Сенатъ жалобу на постановленіе губернскаго приеутствія. Будетъ ли уважена Сенатомъ жалоба земства, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью предсказать, что при шестидесяти-тысячномъ бюджетѣ земству своего хозяйства вести не придется, ибо, въ виду исключительности его положенія, вѣроятно, сама высшая администрація найдетъ изъ него какой-либо выходъ.

Но то, что такъ рѣзко и ярко выразилось на примѣрѣ саратовскаго земства, имѣло мѣсто, какъ сказано, въ менѣе рѣзкой формѣ и во многихъ другихъ уѣздахъ. Но тамъ, такъ какъ несообразность положенія не такъ ярко была въ глаза, сами земцы въ большинствѣ случаевъ охотно мирились съ нею вмѣсто того, чтобы пытаться законными способами устранить ее. Эта пассивность земскихъ собраній нынѣшней сессіи, особенно замѣтная именно въ уѣздныхъ собраніяхъ, какъ проникнутыхъ обыкновенно болѣе узкими и мелкими стремленіями тѣсныхъ земскихъ кружковъ и группъ, проходитъ, повторяемъ, красной нитью черезъ всю сессію нынѣшняго года.

Ближайшаго объясненія подобнаго явленія далеко искать не приходится, и оглашенные въ печати факты о нѣкоторыхъ особенностяхъ, происходившихъ въ нынѣшнемъ же году выборовъ земскихъ гласныхъ даютъ къ такому объясненію вполне вѣрный ключъ. На нѣкоторые изъ этихъ фактовъ мы уже указывали попутно въ сентябрьской хроникѣ. „Какъ разъ въ настоящее время,—писали мы,—происходятъ выборы земскихъ гласныхъ на новое трехлѣтіе, и даже отрывочныя газетныя извѣстія объ этихъ выборахъ содержатъ много характернаго и поучительнаго. Такъ, въ Московскомъ уѣздѣ, по сообщенію „Русскихъ Вѣдомостей“, во второе избирательное собраніе явилось 23 лица изъ 450, внесенныхъ въ списки, т. е. всего около 5⁰/₁₀₀. Выбрано было этими 23 избирателями 8 гласныхъ и одинъ кандидатъ. Во второй избирательный сѣздъ мелкихъ землевладѣльцевъ того же уѣзда явилось 9 лицъ изъ 1.933, числящихся по спискамъ, т. е. менѣе 1/2⁰/₁₀₀. Выбранъ былъ этими девятью избирателями одинъ уполномоченный, который и отстаивалъ въ избирательномъ собраніи интересы 1.933 мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ Крестецкомъ уѣздѣ, Новгородской губ., въ первое (дворянское) избирательное собраніе явилось 22 человекъ, причемъ избрано было 12 гласныхъ и 1 кандидатъ, а въ Череповецкомъ уѣздѣ, той же губерніи, 13 выборщиковъ того же собранія избрали 10 гласныхъ. Подобные факты сообщаются и изъ другихъ мѣстъ“. Въ статьѣ о необходимости пониженія земскаго поземельнаго ценза „Сѣверный Курьеръ“ группируетъ еще цѣлый рядъ подобныхъ же фактовъ, „Одно сообщеніе „Крым. В.“,—говоритъ газета,—о „рыковскомъ“ земствѣ Мелитопольскаго уѣзда, гдѣ „вымерли и потеряли цензъ почти всѣ землевладѣльческія фамиліи“ и гдѣ уцѣлѣвшіе господа Рыковы избрали гласными самихъ себя,—должно бы убѣдить всякаго въ необходимости кореннаго измѣненія принятой у насъ земской избирательной организаціи. Но стоитъ привести и

другія, не лучшія извѣстія. Въ демянское дворянское избирательное собраніе пришло 13 избирателей, которые и избрали 13 гласныхъ; въ недворянское старорусское собраніе явилось двое, которые и признали себя гласными; въ Валдаѣ изъ 64, внесенныхъ въ избирательный дворянскій списокъ, собралось 18 чело-вѣкъ, избравшіе, вмѣстѣ съ предводителемъ дворянства, 18 гласныхъ и 1 кан-дидата, а изъ 17 не дворянъ, крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, участвовали въ выборахъ 2 и изъ 74 мелкихъ—1; прибывшіе, конечно, ока-зались выбранными“ („Вѣст. Нов. Зем.“ № 12—14)“.

О результатахъ такихъ выборовъ въ общественномъ смыслѣ говорить много, конечно, не приходится, и мы видимъ дѣйствительно, что избирающіе сами себя земцы при безмолвномъ участіи назначенныхъ гласныхъ отъ крестьянъ, будучи сторонниками экономіи по части осуществленія неотложнѣйшихъ культурныхъ задачъ земства, себя лично не забываютъ ни въ какомъ случаѣ. Нынѣшняя сессія довольно богата эпизодами подобнаго рода, и перечислять ихъ всѣ было бы слишкомъ скучнымъ и неблагодарнымъ дѣломъ; но для иллюстраціи приведемъ хоть одинъ характерный примѣръ въ этомъ родѣ не будетъ излишнимъ. Такъ, въ зарайскомъ уѣздномъ собраніи Рязанской губ. стремленіе къ экономіи побу-дило большинство гласныхъ отвергнуть возбужденный нѣкоторыми гласными во-просъ о прибавкѣ жалованья учителямъ народныхъ школъ, получающимъ за свой трудъ отъ 120 до 230 руб., отклонить просьбу крестьянъ дер. Россохи о назначеніи за счетъ земства въ построенную и содержимую на счетъ общества школу учителя и т. п., а между тѣмъ тутъ же была вотирована награда пред-сѣдателю управы въ 1.200 руб. въ дополненіе къ получаемому имъ жалованью въ 2.400 руб. Сообщая эти факты, корреспондентъ „Сѣв. Курьера“ прибавляетъ меланхолически: „Надо замѣтить, что въ числѣ гласныхъ — нѣсколько близкихъ родственниковъ гг. Селивановыхъ: предсѣдатель управы, городской судья и зем-скій начальникъ“. Комментаріемъ же къ вопросу о томъ, насколько такого рода сочетанія способствуютъ безпрепятственному принятію докладовъ управы, служить инцидентъ, имѣвшій мѣсто на томъ же собраніи по вопросу о частной пере-оцѣнкѣ городскихъ имуществъ. „Еще въ прошломъ году, — читаемъ въ цитиро-ванной уже нами корреспонденціи, — управа хотѣла увеличить обложеніе города, не увеличивая обложенія другихъ плательщиковъ. Это постановленіе было отмѣ-нено губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Тогда управа предложила собранію проектъ о новой, частной переоцѣнкѣ городскихъ имуществъ. Подобное предложеніе встрѣтило оппозицію со стороны представителя города, г. городского головы. Онъ сталъ доказывать, что совершенно не къ чему производить частную переоцѣнку городскихъ имуществъ, когда такая же работа, согласно закону 8 іюня 1893 года, производится въ настоящемъ году губернскимъ земствомъ. Предсѣда-тель уже совсѣмъ разсердился и громкимъ, доходившимъ до крика, голосомъ прервалъ г. голову словами: „Г. голова, вы не имѣете права вскакивать и го-ворить безъ моего позволенія: я лишаю васъ права голоса“. И невольно самъ собою напрашивается вопросъ, какъ бы поступилъ г. предсѣдатель съ какимъ-нибудь гласнымъ-крестьяниномъ, если бы онъ вздумалъ, наче чаянія, оспаривать

предложеніе, исходящее изъ среды гг. Селивановыхъ, если даже по отношенію къ городскому головѣ г. Зарайска онъ вполне свободно примѣняетъ властные окрики?

Конечно, подобныя указаннымъ явленія проникли въ земскую жизнь не со вчерашняго дня, но нынѣшняя сессія уѣздныхъ земскихъ собраній особенно богата ими на-ряду съ крайней бѣдностью фактами другого рода, доказывающими живое біеніе пульса земской жизни. Последняя, несомнѣнно, замираетъ на нашихъ глазахъ, и неопровержимая логика жизни убѣждаетъ на каждомъ шагѣ, что единственнымъ выходомъ изъ глухого тупика, въ которомъ она находится, является коренное измѣненіе системы земскаго представительства въ связи съ пониженіемъ имущественнаго ценза, а пока, въ ближайшемъ будущемъ, въ видѣ общаго правила намъ приходится ожидать отъ земской жизни лишь торжества принциповъ благоразумной экономіи, своеобразной благопристойности въ земскихъ собраніяхъ да небывалаго развитія земскаго nepотизма.

Какъ бы, однако, критически ни относились мы къ современному общему направлению земской дѣятельности и къ отдѣльнымъ ея проявленіямъ, въ особенности же за послѣднія десять лѣтъ, когда реформа 1890 года вошла въ жизнь и такъ или иначе успѣла отразиться на практикѣ почти со всѣми своими позднѣйшими дополненіями; какъ бы ни была ясна для насъ истинная подкладка извѣстныхъ земскихъ теченій, получающихъ все большее и большее господство и под-днесъ прикрывающихся флагомъ „Народнаго интереса“. „интересовъ бѣднѣйшей части населенія“ и т. п., особенно же въ области экономическихъ мѣро-пріятій земства,—нельзя не признать все-таки, что даже въ настоящемъ земство, по условіямъ нашей жизни, является довольно крупной культурной силой и заключаетъ въ себѣ еще болѣе крупную культурную силу въ состояніи потенціальною. Благодаря этому, въ будущемъ земство должно сыграть весьма крупную культурную роль. при условіи, конечно, измѣненія его организаціи, сообразно требованіямъ времени.

Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, не надо только упускать изъ виду съ одной стороны набившаго уже оскомину сравненія въ отношеніи элементарнѣйшихъ условій благоустройства и культурности губерній земскихъ съ не-земскими, а съ другой—того обстоятельства, что земское самоуправленіе, на-ряду съ городскимъ, является единственной готовой формой возможнаго относительно широкаго по своему содержанію проявленія самодѣятельности обществен-ныхъ силъ.

Утверждая это, мы ни на минуту не закрываемъ глазъ передъ дѣйствительностью. Мы прекрасно знаемъ, что содержаніе понятія „мѣстныхъ польвъ и нуждъ“ суживается на нашихъ глазахъ все болѣе и болѣе и при томъ суживается не безъ благосклоннаго участія извѣстной части самихъ же земцевъ новѣйшей формациі; мы увидимъ даже возможность наступленія момента, когда это понятіе будетъ не только смѣшиваться,—чему примѣровъ имѣется не мало и въ настоящемъ, и въ прошломъ,—но даже отождествляться на практикѣ,—до чего пока мы еще не дошли,—исключительно съ вопросомъ о луженіи больничныхъ руко-мойниковъ, каковой вопросъ, по компетентному свидѣтельству покойнаго исто-

рика и бытописателя русской общественности, наполнял радостью сердца многих земцев даже въ медовый мѣсяць земскихъ упований. И не отъ нынѣшнихъ земцевъ, конечно, приходится ожидать инициативы пробужденія нашей общественности; не они представляютъ собою ту реальную силу, которой суждено въ этомъ отношеніи сыграть рѣшающую роль. Ростъ общественности, какъ это мы пытались выяснитъ не разъ въ нашей хроникѣ, происходитъ у насъ вѣдъ какихъ бы то ни было предусмотрѣнныхъ всѣми томами свода законовъ рамокъ въслѣдствіе самаго факта образованія и роста общественныхъ слоевъ, совершенно незамѣтныхъ въ нашемъ прошломъ.

Переживаемый въ настоящее время земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ кризисъ представляетъ, съ этой точки зрѣнія, глубочайшій интересъ. Реальная жизнь, не укладывающаяся въ узкія рамки, въ своемъ развитіи ставитъ на очередь цѣлый рядъ задачъ, обнимаемыхъ понятіемъ „мѣстныхъ польвъ и нуждъ“, а между тѣмъ, какъ сказано, это понятіе въ своемъ практическомъ примѣненіи получаетъ все болѣе и болѣе узкое значеніе, отвѣчающее лишь интересамъ близорукихъ земцевъ - сократителей, всѣ помыслы которыхъ направлены къ тому, чтобы не подвергнуть себя и своихъ присныхъ новому обложенію въ нѣсколько коп. на десятину, хотя бы цѣлью такого положенія покупалось какое-либо существенное культурное приобрѣтеніе для цѣлаго района, пользованіе которымъ въ концѣ концовъ принесло бы несомнѣнную пользу и самимъ сократителямъ. Такое несоотвѣтствіе назрѣвшихъ жизненныхъ потребностей и стремленій, какъ господствующихъ въ земствѣ и городахъ слоевъ населенія, такъ и выразителей ихъ интересовъ въ литературѣ, становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, а потому, если только не допускать возможности остановки историческаго развитія страны, надо признатъ неизбежность въ близкомъ будущемъ расширенія самихъ рамокъ представительства мѣстныхъ интересовъ. По отношенію къ городскому представительству, какъ извѣстно, вопросъ этотъ уже рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ въ правительственныхъ сферахъ, и передача городамъ квартирнаго налога, связанная съ распространеніемъ избирательныхъ правъ по крайней мѣрѣ на нѣкоторыя категоріи его плательщиковъ, отложена лишь въ виду неожиданныхъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ по соображеніямъ чисто финансового свойства.

И въ сущности нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что въ то время, когда земское самоуправленіе еще не завершило, можетъ быть, цикла своего обратнаго развитія въ смыслѣ суженія его функцій и самой базы земскаго представительства, самоуправленіе городское, обладающее въ прошломъ гораздо болѣе строй и безцвѣтной исторіей, находится наканунѣ широкаго обновленія и дальнѣйшаго развитія. Это свидѣтельствуетъ только о перемѣщеніи фокуса культурной жизни страны въ города. Городская жизнь гораздо быстрѣе деревенской формулируетъ и гораздо болѣе повелительно предъявляетъ запросы и задачи современности. Но если указанный процессъ совершается въ городахъ быстрѣе, чѣмъ въ деревнѣ, и достигъ уже такихъ размѣровъ, что для удовлетворенія вызванныхъ имъ потребностей признано необходимымъ дать извѣстное участіе въ мѣстномъ

хозяйствѣ новымъ элементамъ населенія, то это не значить, чтобы вся сельская Россія, хотя бы и гораздо медленнѣй и въ менѣе интенсивной формѣ, не переживала того же процесса. И тамъ назрѣли уже новыя потребности, удовлетворить которыя не въ силахъ земское представительство въ современной его формѣ. Поэтому вопросъ о расширеніи базы земскаго представительства, съ нашей точки зрѣнія, является лишь вопросомъ времени, вѣроятно, не особенно продолжительнаго, т. к. циклъ обратнаго развитія земства, какъ мы старались показать, повидимому близокъ къ завершенію, и это развитіе упирается уже на практикѣ въ цѣлый рядъ развившихся изъ него же явленій, дѣлающихъ невозможнымъ сколько-нибудь удовлетворительное разрѣшеніе самыхъ насущныхъ и жизненныхъ задачъ современности.

Но въ ближайшемъ будущемъ, какъ мы указывали не разъ, городское самоуправленіе пойдетъ, вѣроятно, впереди земскаго, и послѣднему придется нѣкоторое время ждать своей очереди.

Въ печать продолжаютъ проникать все новыя и новыя извѣстія, указывающія на то, что преобразовательная работа министерства народнаго просвѣщенія, какъ результатъ прошлогодняго циркуляра министра и созданнаго затѣмъ при министерствѣ совѣщанія педагоговъ, не приостанавливается. Такъ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ одновременно появились извѣстія о томъ, что „въ педагогическихъ сферахъ упорно циркулируютъ слухи о внесеніи въ непродолжительномъ времени въ гимназическія программы преподаванія законовѣдѣнія и естественной исторіи какъ обязательныхъ предметовъ“, что и „въ министерствѣ народнаго просвѣщенія будетъ обсуждаться вопросъ объ обязательномъ преподаваніи въ женскихъ гимназіяхъ естественной исторіи и популярной мѣдицины“ и что „съ будущаго академическаго года предложено значительно усилить въ мужскихъ гимназіяхъ преподаваніе новыхъ языковъ“.

Какъ ни отрывочны и неполны приведенныя сообщенія, они даютъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что та часть выработанныхъ прошлогоднимъ совѣщаніемъ педагоговъ преобразованій, которая, по словамъ циркуляра министра отъ 1 августа, потребуетъ законодательныхъ мѣръ и о которой до сихъ поръ не имѣлось рѣшительно никакихъ свѣдѣній, коснется дѣйствующей школьной системы болѣе рѣшительно, чѣмъ это можно было думать на основаніи содержанія августовскихъ циркуляровъ министра. Дѣйствительно, введеніе въ курсъ гимназій преподаванія, въ качествѣ обязательныхъ предметовъ, законовѣдѣнія и естественной исторіи и значительное усиленіе преподаванія новыхъ языковъ необходимо предполагаетъ, по меньшей мѣрѣ, серьезное сокращеніе объема программы по какимъ-либо другимъ предметамъ. А такъ какъ такому сокращенію, въ достаточной для намѣченной цѣли мѣрѣ, врядъ ли можно подвергнуть программы по какимъ-либо другимъ предметамъ, кромѣ древнихъ языковъ, естественно является предположеніе о проектируемомъ сокращеніи объема именно ихъ преподаванія. Вопльъ сочувствія въ принципѣ подобному преобразованію, мы не можемъ еще разъ не высказать сожалѣнія по поводу того, что ближайшее содержаніе намѣченныхъ преобразо-

ваній продолжаетъ оставиться тайной и для печати, и для всего общества, несомнѣнно живѣйшимъ образомъ заинтересованнаго въ дѣлѣ. И подобное соблюденіе канцелярской тайны тѣмъ болѣе непонятнымъ является въ настоящее время со стороны министерства народнаго просвѣщенія, что оно, въ лицѣ попечителей нѣкоторыхъ учебныхъ округовъ, не только созывало осенью прошлаго года при гимназіяхъ совѣщанія родителей для обсужденія школьной реформы, но въ теченіе октября мѣсяца устроило въ петербургскомъ округѣ своеобразный родительскій плебесцитъ по вопросу о способѣ выставленія отгѣтокъ.

Мы не думаемъ, конечно, чтобы результаты этого плебесцита могли повліять на самое рѣшеніе возбужденнаго вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ, но самый фактъ обращенія къ родителямъ, безпримѣрный въ лѣтонисяхъ министерства, указываетъ на желаніе по крайней мѣрѣ знать, идетъ ли проектированная мѣра вразрѣзъ съ желаніями общества, или нѣтъ. Но въ вопросѣ болѣе существеннаго преобразованія всей школьной системы, при условіи опубликованія предположеній министерства, и ему, и законодательнымъ учрежденіямъ пришлось бы имѣть дѣло не съ простыми изъявленіями сочувствія или несочувствія проектированнымъ мѣрамъ, а съ мотивированными мнѣніями, съ указаніями на жизненные факты, наконецъ, съ критикой вполне компетентныхъ лицъ, не носящихъ только почему-либо мундира министерства народнаго просвѣщенія и не принимавшихъ участія въ прошлогоднемъ совѣщаніи.

Въ покрывающей до сихъ поръ преобразовательныя предположенія министерства тайнѣ, на-ряду съ обращеніемъ того же министерства въ различныхъ формахъ къ представителямъ общества, нельзя не видѣть нѣкоторой двойственности отношенія къ обществу. Съ одной стороны, оно призывается высказаться по поводу проектируемыхъ преобразованій, причежъ его мнѣніе, повидному, охотно выслушивается, а съ другой, — министерство какъ бы подчеркиваетъ, что рѣшенія его будутъ приняты совершенно самостоятельно, вѣ всякой зависимости отъ того или иного общественного настроенія. Въ послѣднемъ, конечно, никто и не позволялъ себѣ сомнѣваться, но поэтому-то, при существованіи готовности хотя бы выслушать голосъ общества, сдѣлать предположенія министерства достояніемъ гласности значило бы только быть послѣдовательнымъ.

Прекрасной иллюстраціей къ сказанному является отвѣтъ министерства на возбужденное въ прошломъ году самарскимъ губернскимъ земствомъ ходатайство о желательномъ направленіи реформы средней школы. Самарское земство поставило ходатайствовать: „1) объ уничтоженіи привиллегій классическаго образованія и о расширеніи правъ реальной школы путемъ организаціи одного типа средне-образовательной школы; 2) о томъ, чтобы при реформѣ общеобразовательной средней школы было обращено вниманіе на установленіе необходимой связи низшей школы и средне-образовательной, на сокращеніе обязательнаго учебнаго времени и на сообщеніе полезныхъ знаній внѣклассными научными чтеніями, научными бесѣдами и занятіями; на улучшеніе физическаго воспитанія; на необходимость организаціи разумныхъ развлеченій, экскурсій и пр.; наконецъ, на установленіе связи школы съ семьей путемъ устройства педагогическихъ

обществъ, родительскихъ кружковъ и пр.“ Въ полученномъ недавно министерскомъ отвѣтѣ на это ходатайство указывается, что выработанныя земскимъ собраніемъ положенія о желательныхъ преобразованіяхъ въ строѣ средней школы уже имѣются въ томъ обширномъ матеріалѣ, какой находится въ распоряженіи министерства. „Несомненно,—продолжаетъ далѣе отвѣтъ министерства,—что пожеланія земства, какъ и другія заявленія подобнаго рода, будутъ приняты министерствомъ во вниманіе при всестороннемъ обсужденіи проектируемой реформы средняго образованія, но практическое осуществленіе они могутъ получить лишь въ той мѣрѣ, въ какой они совпадаютъ съ предположеніями министерства. Сдѣлать же нынѣ какія-либо особыя распоряженія для осуществленія ходатайствъ самарскаго губернскаго земскаго собранія представляется несвоевременнымъ и невозможнымъ“.

Во всякомъ случаѣ, изъ заключительной фразы этого отвѣта можно заключить, что хотя бы нѣкоторыя изъ предположеній самарскаго земства и хотя бы не въ полной мѣрѣ „совпадаютъ съ предположеніями министерства“, ибо въ противномъ случаѣ отказъ въ удовлетвореніи ходатайства не нужно было бы мотивировать невозможностью и несвоевременностью принятія особыхъ мѣръ для немедленнаго проведенія въ жизнь выраженныхъ въ немъ пожеланій. Но, съ другой стороны, если самарское ходатайство, „какъ и другія заявленія подобнаго рода“, можетъ получить „практическое осуществленіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно совпадаетъ съ предположеніями министерства“, то тѣмъ болѣе, при готовности министерства выслушать голосъ общества, необходимо было бы обсужденіе министерскихъ предположеній въ печати, такъ какъ такое обсужденіе могло бы, можетъ быть, оказать нѣкоторое вліяніе и на самый характеръ этихъ предположеній.

Вынужденные строить догадки о характерѣ настроенія, господствующаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, на основаніи столь скудныхъ и отрывочныхъ данныхъ и не будучи въ состояніи вовсе отказаться отъ подобныхъ догадокъ — мы были бы непослѣдовательны, если бы не упомянули здѣсь еще объ одной мѣрѣ, принятой министерствомъ, хотя она и не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу о преобразованіи средней школы, такъ какъ она все-таки имѣетъ нѣкоторое значенія для характеристики занимающаго насъ министерскаго настроенія. Мы имѣемъ въ виду созывъ въ мартѣ 1901 года въ Москвѣ съѣзда дѣятелей по народному образованію, приглашеніе на который отъ лица управленія московскаго учебнаго округа получили всѣ директора народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій и председатели училищныхъ совѣтовъ округа.

Не входя пока въ обсужденіе программы съѣзда, его состава и организаціи, нельзя не признать самый фактъ его созыва явленіемъ, имѣющимъ несомнѣнно извѣстное значеніе съ занимающей насъ точки зрѣнія. У насъ уже созывались съѣзды дѣятелей по техническому образованію, на этихъ съѣздахъ не разъ указывалось на настоятельную необходимость созыва съѣзда дѣятелей по народному образованію, и однако до настоящаго времени такіе съѣзды не созывались.

Программа проектированного съезда, поскольку она выясняется въ сообщеніяхъ московскаго учебнаго округа, сводится къ слѣдующему: „I. Объединеніе и усиленіе дѣятельности различныхъ органовъ по завѣдыванію училищами, находящимися въ совмѣстномъ вѣдѣніи дирекціи и училищныхъ совѣтовъ, и устраненіе затрудненій, встрѣчающихся на практикѣ при примѣненіи дѣйствующихъ законоположеній. II. Выработка руководящихъ началъ для единообразнаго направленія дѣятельности инспекціи при завѣдываніи училищами, находящимися въ исключительномъ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ, и выясненіе отношеній этихъ училищъ къ другимъ типамъ училищъ и къ мѣстнымъ учрежденіямъ, обществамъ и лицамъ, участвующимъ въ ихъ содержаніи. III. Выясненіе желательныхъ измѣненій въ типахъ существующихъ училищъ въ цѣляхъ дополненія общаго начальнаго образованія профессиональными знаніями. IV. Выясненіе мѣръ къ правильной постановкѣ вѣтшкольнаго образованія“.

Подъ вліяніемъ приближенія пересмотра нашего судоустройства и судопроизводства по предположеніямъ, выработаннымъ Высочайше учрежденной для этой цѣли комиссіей при министерствѣ юстиціи, охранительная печать возобновила кампанію противъ суда присяжныхъ, который въ существующихъ предѣлахъ во всякомъ случаѣ комиссія предполагаетъ сохранить. Поводомъ къ написанію особенно ярыхъ статей послужилъ для „Московскихъ Вѣдомостей“ процессъ Ульрихъ и Грюнбергъ, оправданныхъ присяжными засѣдателями, но признанныхъ ими же душевно-больными, благодаря чему подсудимыя и подлежатъ заключенію въ психіатрическую больницу.

О самомъ процессѣ такъ много говорила печать, что возвращаться къ нему не представляется никакой надобности. Нѣтъ надобности и излагать доводы нашихъ охранителей противъ суда присяжныхъ, потому что и они остались прежними. Намъ интересуется въ настоящее время совсѣмъ другой вопросъ: что въ сущности и отъ кого или чего охраняютъ въ настоящее время наши доморожденные охранители? Такой вопросъ поставить намъ кажется вполне своевременнымъ, такъ какъ страннымъ на первый взглядъ кажется зрѣлище злобныхъ нападокъ изъ консервативнаго лагеря на судъ и судебное вѣдомство въ наше время, когда и отъ духа, и отъ буквы судебныхъ уставовъ, благодаря безчисленнымъ позднѣйшимъ поправкамъ, осталось въ сущности весьма немного и когда министерство юстиціи менѣе всего можетъ быть заподозрѣно въ легкомысленномъ либерализмѣ.

Поищемъ же отвѣта на поставленный вопросъ *sine ira et studio*...

Не мало уже лѣтъ подъ-рядъ читая наши, такъ называемые, консервативные журналы и газеты,—частью по безпокойной обязанности хроникера, а частью по природной любознательности, развиваемой указанной обязанностью до такой степени, что жить безъ консервативнаго чтенія становится невозможно и въ такія времена, когда по обстоятельствамъ хроникерствовать бываетъ негдѣ,—я всегда тщетно пытался представить себѣ того вольнаго или хотя бы казенно-коштнаго обывателя-консерватора, для руководства и назиданія коего существуетъ вся эта богатая литература. Въ жизни дѣйствительной съ подобной разновидностью хо-

minis sapientis мнѣ встрѣчаться какъ-то не доводилось, хотя я могу по чистой совѣсти засвидѣтельствовать, что не мало на вѣку своемъ посѣтилъ родныхъ градовъ и весей и съ немалымъ количествомъ обитателей оныхъ даже табачокъ поноживаль. Но, повторяю, подлинный, преданный обыватель-консерваторъ, представляющій притомъ же разновидность hominis sapientis, просто не давался мнѣ въ руки, какъ кладъ какой-нибудь. Причислять же въ серьеъ къ консерваторамъ, а тѣмъ болѣе считать солидной опорой консерватизма литературнаго тѣхъ довольно многочисленныхъ человѣкообразныхъ, которые, встрѣчаясь на всевозможныхъ жизненныхъ поприщахъ, не только консервативныхъ органовъ не читаютъ, но, за ненадобностью, обходятся даже безъ членораздѣльныхъ звуковъ во взаимномъ общеніи, я, конечно, по совѣсти не могъ, если желалъ остаться безпристрастнымъ. Не дерзалъ я тѣмъ болѣе считать самое представленіе объ обыватель-консерваторѣ фантомомъ или китайской тѣнью, показываемою* простодушной публикѣ изъ редакцій консервативныхъ органовъ, потому что само начальство не только вѣрило въ существованіе обывателя-консерватора, но даже брало порою подъ свое попеченіе его интересы, матеріальные и духовные.

Такимъ образомъ мнѣ оставалось успокоиться на мысли, что для меня все сіе невидимо лишь по какой-то роковой случайности (не сподобился родиться консерваторомъ!) или же, наконецъ, потому, что моя жизнь наполнена главнымъ образомъ все-таки не настоящимъ дѣломъ (я и на службѣ-то нигдѣ не состою), а разными отвлеченностями, весьма мало свойственными русскому консерватизму. Въ такихъ обстоятельствахъ я и пытался возсоздать хотя бы мысленно духовный обликъ искомаго консерватора, его нравы и обычаи по тѣмъ отдѣльнымъ чертамъ, которыя въ отдѣльности встрѣчались въ живыхъ, извѣстныхъ мнѣ обывателяхъ, но которыя лишь въ цѣлой совокупности, какъ я твердо усвоилъ изъ консервативной литературы, могли дать въ результатѣ типъ преданнаго консерватора не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Однако, по недостатку ли фантазіи, или по какой ли другой причинѣ, все моя усилія и въ этомъ направленіи никогда не приводили къ сколько-нибудь удовлетворительнымъ результатамъ. Такъ, зная доподлинно, что консерваторъ долженъ быть поборникомъ такъ называемаго дворянскаго принципа, стоять на стражѣ и по возможности служить предводителемъ дворянства или земскимъ начальникомъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ упускать изъ вида, что ему надлежитъ кромѣ того пещись о соблюденіи въ цѣлости для передачи потомству родового и присовокупленія къ нему, по возможности, благопріобрѣтеннаго имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывать довѣріе начальства и отнюдь не роптать. Зналъ я, съ другой стороны, и предводителей дворянства, и земскихъ начальниковъ „нашей“ губерніи и, хотя все они были поборниками дворянскаго принципа, хотя большинство изъ нихъ стояло на стражѣ, а нѣкоторые даже сумѣли зарекомендовать себя весьма яркими подвигами по части уничтоженія мужицкой непочтительности, мѣстныхъ корреспондентовъ и земскихъ либераловъ, тѣмъ не менѣе я отчетливо помню, какъ нѣкоторые изъ нихъ, преимущественно изъ державшихъ винокуренные заводы и кабаки по уѣздамъ на чужое имя, сквернословили по случаю введенія казенной продажи питій съ

болѣ чѣмъ либеральной смѣлостью; какъ другіе сомнѣвались въ спасительности протекціонизма и золотой валюты, какъ третьи, напротивъ, устремивъ свои взоры въ земныя нѣдра, находили дѣйствующій протекціонизмъ неудовлетворительнымъ, и какъ, наконецъ, четвертые (изъ расточившихъ и родовое, и благопріобрѣтенное), видя эти разногласія, предлагали упразднить все существующее, за исключеніемъ занимаемыхъ ими должностей, и начать „жить съ самаго начала“.

Словомъ, консерватора преданнаго и надежнаго, который могъ бы выѣстить мудрость и „Московскихъ Вѣдомостей“, и „Русскаго Вѣстника“, и „Русскаго Обозрѣнія“, не говоря уже о „Гражданинѣ“ и „Свѣтѣ“, я не встрѣчалъ въ дѣйствительности и не могъ себѣ представить никакимъ усиленіемъ воображенія. Между тѣмъ консервативная литература видимо процвѣтала,—по крайней мѣрѣ изъ-подъ пера литературныхъ охранителей ежемѣсячно и ежедневно, смотря по положенію, выходило должное количество строкъ и печатныхъ листовъ, и видимое противорѣчіе между процвѣтаніемъ этой литературы, съ одной стороны, и отсутствіемъ обывателя-консерватора въ природѣ—съ другой, такъ и оставалось непримиреннымъ и неразрѣшеннымъ.

Правда, уже вскорѣ послѣ смерти Каткова на страницахъ, родственныхъ его духу органовъ печати, стали проскальзывать неосторожныя жалобы на отсутствіе общественнаго сочувствія (читай—подписчиковъ), какъ будто указывавшія на то, что самое оныхъ органовъ процвѣтаніе было не особенно прочно и сводилось въ сущности къ процессу напечатанія консервативныхъ произведеній безъ дальнѣйшаго распространенія въ публикѣ, а тѣмъ паче—чтенія. Но этому обстоятельству трудно было придавать рѣшающее значеніе, такъ какъ подобныя жалобы могли быть временно вызваны именно смертью признаннаго вождя и столпа. Кромѣ того за распространеніе консервативной прессы говорило и то, что средства ея распространенія по времени совершенствовались, чего отнюдь нельзя сказать о прессѣ прочихъ разборовъ. Существовалъ же выработанный въ редакціи одного изъ консервативныхъ органовъ проектъ измѣненія устава о службѣ гражданской въ томъ смыслѣ, чтобы всѣмъ чиновникамъ ниже V класса вѣнчать въ обязанность выписку по меньшей мѣрѣ газеты, изобрѣтательницы проекта; и хотя проектъ этотъ силы не получилъ, но нѣкоторые шаги къ проведенію его въ жизнь со стороны предприимчивой газеты сдѣланы были.

Все это, вмѣстѣ взятое, продолжало поддерживать убѣжденіе, что обыватель-консерваторъ гдѣ-то тутъ у насъ подъ самымъ носомъ кишмя-кишитъ, но только мы его, по несовершенству нашей природы, не замѣчаемъ. Однако не такъ давно одинъ компетентный челоуѣкъ, удалившійся изъ консервативнаго лагеря подъ сѣнь либеральнаго „Новаго Времени“, а именно г. В. Розановъ, открылъ намъ глаза и публично заявилъ, что никакого обывателя-консерватора въ дѣйствительности и не бывало, а что были дѣйствительно только консервативныя китайскія тѣни, изготовлявшіяся въ редакціяхъ консервативныхъ органовъ. Это важное открытіе содержалось въ фельетонѣ названнаго автора, помѣщенномъ въ № 8742 „Новаго Времени“ за текущій годъ подъ заглавіемъ „Судьбы нашего журнальнаго кон-

серватизма“ и почему-то въ печати почти не замѣченномъ, хотя и заслуживающемъ полнаго вниманія. Авторъ съ очевиднымъ знаніемъ мельчайшихъ подробностей дѣла рассказываетъ исторію постепеннаго захирѣнія „Русскаго Вѣстника“ и „Русскаго Обзорнія“ до времени покупки ихъ г. А. Филипповымъ и дальнѣйшаго возрожденія „Русскаго Вѣстника“ въ его рукахъ. Исторія эта весьма поучительна, и я позволю себѣ привести ее довольно подробно устами самого г. Розанова.

Разсказавъ, какъ тщетно пытался вести журналъ еще г. Бергъ, погибшій жертвою равнодушія публики, и какъ затѣмъ журналъ перешелъ къ одному изъ Катковыхъ „при ближайшемъ участіи кн. Цертелева“, г. Розановъ продолжаетъ:

„— Мнѣ передавали, что „Русскій Вѣстникъ“ сталъ скученъ.

„— Вы читали „Русскій Вѣстникъ“?

„— Не читалъ.

„— Говорятъ, скучно?

„— Да, скучно, говорятъ. Нѣтъ ли кого-нибудь, кто читалъ?

„— Никто не читалъ.

„Такъ шли годы. Прошли годы. Только почтовое вѣдомство кряхтѣло и возило. Ему что,—была бы бандероль, а до литературы—безразлично.

„— Кто же насъ читаетъ?

„— Никто не читаетъ!

„— И не будетъ, вѣрно?

„— Вѣрно, не будетъ!

„Помолчали.

„— Однако же такъ нельзя оставаться! Смѣшное положеніе, а у насъ историческія фамиліи. Что дѣлать, что дѣлать!

„Пришла кухарка и поставила кофе на столъ.

„— Что, Матрена, въ такихъ случаяхъ дѣлаютъ?

„— Въ какихъ „случаяхъ“?

„— Когда вещь не нужная и отъ нея только господамъ срамъ?..

„— Зовутъ „шурумъ-бурумъ“ и продаютъ съ вѣса.

„— Но если вещь не вѣсомая и, такъ сказать, умственная?..

„— Все равно „шурумъ-бурумъ“, онъ разберетъ. Они магометане.

„Въ самомъ дѣлѣ „магометане“! Открыли форточку и крикнули. А по Москвѣ „шурумъ-бурумъ“ какъ пауки вездѣ ползаютъ. Вошелъ.

„— Ты Измавлъ?

„— Я Измаилъ.

„— Купи предпоследній консервативный журналъ, гдѣ печатались Катковъ, Бабсть, два Леонтьева, потише и попрытче, Борисъ Чичеринъ и огромное множество первыхъ умовъ государства. Не журналъ, а Москва!

„— Когда Москва, мы готовы купить. Казань пала, Москва стоитъ. Москва всегда стоитъ. Почему, баринъ?

„Подробности торга велись вполголоса, и вообще это достояніе европейскаго портмонэ и татарскаго узла“.

Не менѣе поучительна и исторія умиранія „Русскаго Обзорнія“, но поучи-

тельнѣ всего та предика, которую г. Розановъ, „догадавшись“, по его словамъ, въ чемъ суть русскаго консерватизма, прочелъ неутѣшному редактору этого журнала. „Редакторъ,—пишетъ г. Розановъ,—приходилъ ко мнѣ по вечерамъ. Сидеть въ уголь и плачетъ. Я ему: „Послушайте, дѣло это выморочное. Есть въ мірѣ: оцѣнка истиннаго,—ну, тутъ критика долга, сложна. Тутъ какъ разобраться! Но есть еще оцѣнка дѣйствительнаго, оцѣнка вещей съ помощью вопроса: дѣйствительно данная вещь существуетъ или она существуетъ фантастически? Стоячесть русской жизни, ея великолѣпная недвижность, на чемъ и вы, котораго теперь сдвинули, настаивали, и я съ вами настаивалъ,—рѣшительно не вытекаетъ изъ дѣйствительнаго и есть просто фантомъ, родъ умственного повѣтрія, крайне раздражительнаго и сладкаго для болящихъ, но тѣмъ болѣе опаснаго. Я болѣлъ. самъ болѣлъ имъ ужасно и долго, пока не проснулся. Тутъ лѣченіе заключается именно въ просыпаніи, въ возвратѣ къ дѣйствительности, потому что самая суть болѣзни есть сонъ и призракъ, и воображеніе. Я былъ самъ въ этомъ лагерѣ нашего журнальнаго консерватизма отъ чрезвычайной душевной утомленности „скитаніями“, но это моя біографическая особенность, и какое до нея дѣло Россіи! А мы живемъ въ Россіи; если мы пишемъ, мы должны писать для Россіи. Въ этомъ и оцѣнка. Вы добрый человѣкъ, и я васъ уважаю. Вы сами рассказывали, что васъ училъ дьячокъ, и что его косичка васъ „тронула“. Вы поэтъ. Но какое, опять, дѣло Россіи до вашей склонности къ стихотворству и трогательныхъ вашихъ личныхъ воспомнаній?! „Консерватизмъ“ и состоитъ у насъ въ Россіи и сейчасъ изъ утомленности душевной, какъ слѣда сильной душевной же качки, и изъ разной альбомной мелочи, разныхъ бабушкиныхъ стиховъ въ альбомѣ тетушки, который попалъ въ руки племяннику. „Сѣдой локонъ“, французскія букли“, желтыя странички и поблѣднѣвшія чернила. Какое дѣло до всего этого боли русской?! А живое сегодня растетъ изъ вчерашней боли—это физиологично, наконецъ—это правда! Выморочное мѣсто—да, вотъ куда вы стали, и вотъ почему вы упали. Были иллюзіонисты не вамъ чета по таланту—и погибли же, ибо самое существо дѣла гибельно и просто тутъ нельзя стоять. К. Леонтьевъ, вы увѣряете,—геній, и я вамъ вѣрю, но его значеніе — нуль, ибо нулевой его принципъ—стоячій консерватизмъ или, вѣрнѣе, консерватизмъ, летящій въ прошлое... Принципъ поднимаетъ человѣка, въ принципахъ—Богъ; принципъ ангельскій исторіи. Кто уцѣпился за крыло восходящаго ангела, — спасенъ, сіяетъ, отечеству нуженъ; кто имѣлъ безразсудство или рокъ взяться за крыло ниспадающаго ангела,—полетитъ съ нимъ въ бездну. Слетѣли и вы. И нечего вамъ „на рѣкахъ Вавилонскихъ...“

Такъ вотъ она—истинная разгадка загадочнаго успѣха консервативной литературы. Грѣшный человѣкъ,—и мнѣ она порой приходила въ голову, но высказать ее открыто какъ-то не хватало духу. Думалось все, что скажешь что-нибудь подобное, онъ, тотъ же г. Розановъ обидится чего добраго и начнетъ на тебя кивать; что же касается до новѣйшаго либерализма г. Розанова, то кто его разберетъ—можетъ быть и либерализмъ этотъ для него только кратковременная „біографическая подробность“. Впрочемъ, это къ слову, а г. Розанову мы

должны быть глубоко благодарны за разъяснение причинъ недавняго литературнаго процвѣтанія консерватизма при всей его жизненной выморочности.

Дѣйствительно, „куда какъ чуденъ Божій свѣтъ“, и если существуетъ, по меньшей мѣрѣ, сто одна причина того, что взаимное соотношеніе различныхъ направленій и теченій въ русской литературѣ не соответствуетъ ни ихъ реальному соотношенію въ дѣйствительной жизни, ни ихъ удѣльному вѣсу, если позволительно такъ выразиться, то направленіе, такъ называемое, консервативное въ этомъ отношеніи находится во всякомъ случаѣ въ совершенно особомъ положеніи. Хотя и консервативная литература у насъ далеко не соответствуетъ удѣльному вѣсу выражаемаго ею консерватизма, но несоответствіе это наблюдается въ направленіи какъ разъ обратномъ тому, въ какомъ оно обязательно въ большей или меньшей степени для прочихъ направленій. И если даже литературный консерватизмъ оказывается на повѣрку чѣмъ-то выморочнымъ и дѣйствительно на нашихъ глазахъ становится все худосочиѣе и золотушнѣе, то консерватизмъ жизненный тѣмъ болѣе приходится признавать чистѣйшею китайскою тѣнью, ибо первый, по сравненію съ послѣднимъ, въ отношеніи условій искусственнаго питанія находится въ положеніи несравненно болѣе выгодномъ.

Происходитъ это не потому, конечно, чтобы вожди консерватизма и его насадители питали къ литературѣ особую склонность или отличались постыднымъ бездѣйствіемъ по части насажденія консерватизма и искорененія всего прочаго, — напротивъ, мы всѣ, современники, можемъ по совѣсти засвидѣтельствовать ихъ непрестанное по этой части усердіе и рвеніе.

Но дѣло въ томъ, что литература, какъ результатъ работы сравнительно ничтожнаго меньшинства, по самой своей природѣ наиболѣе просто и удобно поддается всевозможнымъ и насадительнымъ, и искоренительнымъ воздѣйствіямъ, тогда какъ жизнь реальная такую уже безграничною общедоступностью не отличается. Дѣйствительно, принципъ „не потерплю!“ въ литературѣ можетъ получать примѣненіе по-истинѣ безграничное, ибо для этого ровно никакихъ усилій не требуется, кромѣ посылки, куда надлежитъ, короткой бумаги за номеромъ. Съ другой стороны и всяческое „насажденіе“ при современномъ развитіи техники печатнаго дѣла особой трудности не представляетъ. Стоитъ только посадить въ редакторское кресло Молчалина или Хлестакова, выборъ между которыми легко опредѣляется требованиями данной минуты, — для эпохъ переходныхъ пригоднѣй Молчалинъ, а для критическихъ — Хлестаковъ, — снабдить избраннаго редактора для справокъ „азбукой-копейкой“, а для распространенія консервативныхъ идей — нѣсколькими ротационными машинками съ казенными объявленіями на придачу, — и дѣло въ шляпѣ.

Между тѣмъ въ дѣйствительной жизни возможны самыя неожиданныя осложненія. Если я, положимъ, либераль и либеральничая на всей своей волѣ, сижу у себя въ углу, попробуйте-ка унять меня или внушить мнѣ истинные консервативные принципы. Въ отвѣтъ на всѣ ваши подходы, увѣщанія и даже бумаги за номерами я буду отмалчиваться, и ничего вы со мной не подѣлаете, ибо я единственный отъ малыхъ силъ, а имя имъ — легионъ. И примѣрами непроявляемости

дѣйствительной жизни по сравненію съ литературой можно было бы наполнить десятки страницъ, но и сказаннаго совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, насколько первая труднѣ послѣдней поддается насадительнымъ и искоренительнымъ воздѣйствіямъ.

И надо сказать, что трудность эта все болѣе и болѣе возрастаетъ по мѣрѣ размноженія тѣхъ потомковъ разночинцевъ 60-хъ годовъ и ихъ многочисленныхъ спутниковъ, о которыхъ мы бесѣдовали какъ-то въ одной изъ предыдущихъ нашихъ хроникъ. Эти люди, не получившіе ни джентльменскаго воспитанія, ни родовыхъ имѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ въ громадномъ и все возрастающемъ изъ года въ годъ количествѣ ускользаютъ даже отъ благотѣльнаго воздѣйствія табели о рангахъ. И если мы видѣли, что даже предводители дворянства и земскіе начальники, по крайней мѣрѣ въ „нашей“ губерніи, не удовлетворяютъ требованіямъ программы на испытаніе консервативной зрѣлости, то что же можно сказать объ этихъ людяхъ, лишенныхъ по большей части даже какого-либо изъ предусмотрѣнныхъ въ сводѣ законовъ образовъ жизни? Нѣтъ, хотя бы и съ грустью, надо признать, что приговоръ, произнесенный г. Розановымъ надъ журнальнымъ консерватизмомъ, еще съ большимъ правомъ можно примѣнить къ русскому консерватизму въ жизни. Нѣтъ консерваторовъ, ради которыхъ стоило бы видѣдрать консервативные принципы въ души прочихъ обывателей, и весь русскій консерватизмъ надлежитъ отнести къ выморочнымъ имуществамъ.

Но отчего же, спросить читатель, при насажденіи консерватизма и искорененіи прочаго приходится все-таки нерѣдко присутствовать? Отчего же выморочное имущество не передано въ исключительное вѣдѣніе министерства земледѣлія, какъ то слѣдуетъ по закону, а продолжаетъ порой интересоваться и другія вѣдомства?

Не смѣя ничего утверждать по этому вопросу, я могу высказать лишь въ видѣ предположенія, что привычка смотрѣть на консерватизмъ, какъ на нѣчто необходимое для правильнаго дѣйствія административнаго механизма, укоренившаяся еще со временъ Каткова, отличается гораздо большей стойкостью и конкретностью, чѣмъ самый консерватизмъ, такъ что она и исполняетъ съ успѣхомъ, за отсутствіемъ послѣдняго, его должность; а во-вторыхъ, всякая казенная копейка любитъ счетъ, а бумаги—надлежащее зарегистрированіе; потому-то въ виду множественности вѣдомствъ, въ дѣлахъ коихъ имѣется относящаяся къ вопросу о консерватизмѣ переписка, и въ виду недостаточнаго еще упрощенія дѣлопроизводства, перечисленіе консерватизма въ вѣдѣніе министерства земледѣлія и не могло послѣдовать по преждевременности. Какъ бы ни спѣшила жизнь, выморочныя имущества, даже оставшіяся послѣ частныхъ лицъ, цѣлыхъ десяти лѣтъ ждутъ, не явятся ли наслѣдники за ихъ полученіемъ, а если наслѣдники несовершеннолѣтніе, то срокъ этотъ еще удлинится. Да потомъ еще сколько времени требуется, чтобы они окончателно успокоились на лонѣ министерства земледѣлія! А консерватизмъ! Это, все-таки, принципъ, такъ сказать, на видѣреніе и поддержаніе котораго потрачено въ свое время не мало усилій,

и его не продашь татарину такъ просто, какъ были проданы, по словамъ г. Розанова, толстые консервативные ежемѣсячники!

Главное—не надо волноваться, и повѣрьте, все въ свое время окажется въ надлежащемъ вѣдомствѣ.

Но если, какъ оказывается, въ дѣйствительной жизни нашъ консерватизмъ не находитъ надлежащей опоры, потому что охранять ему въ сущности нечего и не отъ кого, то отрицать его литературно-бюрократическій расцвѣтъ въ прошломъ, и тѣмъ паче вытекавшія отсюда попытки къ его видренію въ средѣ обывателей, конечно, не приходится, какъ указано уже выше. А при такихъ условіяхъ и исторія вымирания консерватизма теоретическаго не можетъ быть лишена жизненнаго значенія.

Всѣмъ намъ памятно время, когда служба въ качествѣ земскаго начальника не только не составляла одного изъ необходимыхъ элементовъ понятія объ истинномъ консерватизмѣ, ибо и самой-то должности этой не было учреждено, но, напротивъ, на такъ называемыхъ неслужащихъ землевладѣльцевъ возлагались въ консервативномъ лагерѣ наибольшія упованія, причемъ дворяне неслужащіе, а тѣмъ паче чиновники изъ разночинцевъ, безъ вниманія даже къ чину и къ классу должности, брались огуломъ подъ нѣкоторое сомнѣніе. Виѣстѣ съ тѣмъ первый публицистъ Страстнаго бульвара выражалъ пріятную надежду, что со временемъ ряды истинныхъ консерваторовъ могутъ быть пополняемы наиболее зрѣлыми экземплярами всероссійскаго купечества и даже московскихъ охотнорядцевъ. Въ виду этого въ то время, бывшее несомнѣнно и временемъ наиболее пышнаго расцвѣта теоретическаго консерватизма, и страницы „Московскихъ Вѣдомостей“, и любвеобильное сердце ихъ редактора дѣлились на двѣ почти равныя части, изъ которыхъ одна отдавалась всецѣло неслужащимъ дворянамъ, а другая—всероссійскому купечеству и охотнорядцамъ. Нѣкоторыя внутреннія противорѣчія подобной программы не особенно бросались въ глаза, отчасти благодаря увлеченію, свойственному всякому періоду „бури и натиска“,— а такой періодъ какъ разъ переживалъ нашъ теоретическій консерватизмъ въ это памятное время,—отчасти же благодаря тому, что въ самой жизни указанная противорѣчія не успѣли еще сказаться съ полной силой.

Не стѣсняемый казенными рамками въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ, хотя и возглавлившій не мало надеждъ на казенное воздѣйствіе въ видахъ ихъ осуществленія на практикѣ, магъ и чародѣй Страстнаго бульвара могъ свободно оперировать въ пустопорожномъ пространствѣ даже безъ всякихъ координатъ и ослѣплять публику величіемъ своихъ построений. Дѣйствительность для него не существовала, ибо не отвѣчала его идеаламъ, сводившимся къ упраздненію всего живого, и понятно, что для достиженія столь фантастической цѣли можно было начертать не одну фантастически стройную программу. И такихъ программъ постепеннаго, а буде возможно, и одновременнаго всеобщаго умерщвленія созданы имъ не одинъ десятокъ. Но работа уничтоженія, какъ и трудъ созиданія, даже въ области чистой теоріи, могутъ имѣть свою поэзію, и московскій публицистъ былъ несомнѣнно поэтомъ смерти, тлѣнія и погребальныхъ процессій. Вопросъ

объ личной искренности поэта можетъ имѣть, конечно, значеніе для опредѣленія степени его вліянія на современниковъ, но если поэту удалось уловить настроеніе извѣстнаго слоя публики, онъ будетъ имѣть успѣхъ во всякомъ случаѣ и имъ будутъ увлекаться, несмотря ни на что. И московскимъ публицистомъ увлекались несомнѣнно, увлекались всѣ тѣ, кто, будучи такъ или иначе ушиблены современностью, сохранили о прошломъ пріятныя воспоминанія. Всѣ они съ восторгомъ въ унисонъ съ нимъ пѣли одинъ и тотъ же гимнь:

„Глупыя ваши, пустыя затѣи
Не доведутъ до добра!..
Къ прошлому, къ прошлому, силъ не жаль,
Намъ воротиться пора!“

Но вотъ практика, всегда нѣсколько отстающая отъ теорій, раздвинувъ вновь до невиданныхъ ранѣе размѣровъ рамки табели о рангахъ, обратила бывшихъ неслужащихъ дворянъ въ служащихъ посредствомъ созданія цѣлаго ряда должностей, спеціально назначенныхъ для ввѣдренія консерватизма. Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагалось вначалѣ, и на это именно надѣялись въ свое время на Страстномъ бульварѣ. Но въ то же время жизнь успѣла обострить нѣкоторыя противорѣчія, которыя не столь ярко обнаруживались ранѣе, въ періодъ „бури и натиска“, и всероссійское купечество, вкупѣ съ охотнорядцами, оказалось какъ-то въ сторонѣ отъ истиннаго консерватизма. И не то, чтобы оно къ консерватизму не питало склонности,—этого сказать положительно невозможно,—но оно все-таки прежде всего желало по-прежнему производить торги и развивать отечественную промышленность подъ сѣнію законовъ и тарифовъ, между тѣмъ какъ и то, и другое по времени оказалось не ко двору исконнымъ вождямъ консерватизма изъ природныхъ джентльменовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, превратившись, какъ сказано, изъ неслужащихъ въ казеннокоштныхъ, сами джентльмены далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Съ одной стороны, они утратили широту взглядовъ и силу размаха фантазіи, отличавшія ихъ въ періодъ „бури и натиска“, и сдѣлались, благодаря устраненію всероссійскаго купечества съ лона отечественнаго консерватизма, слишкомъ исключительны, а съ другой—при первомъ намекѣ на необходимость поступиться своими минутными интересами ради общаго дѣла, обнаружили по-истинѣ поразительную неослѣдовательность и малодушіе. Я указалъ уже выше на примѣры такого малодушія въ средѣ годныхъ къ консервативному назначенію джентльменовъ „нашей губерніи“, которые, благодаря этому, и не могли быть причислены къ истиннымъ консерваторамъ, и я думаю, что неудачи русскаго консерватизма, какъ жизненнаго принципа, должны быть приписаны, кромѣ глубокихъ историческихъ причинъ, еще и тому обстоятельству, что признанные его вожди и вдохновители всегда питали излишнюю склонность къ казенному воздѣйствію. Положимъ, за отсутствіемъ серьезной борьбы и серьезныхъ культурныхъ заслугъ въ прошломъ нашимъ консерваторамъ нечего и не отъ кого въ сущности было и охранять, а потому весьма естественно, что они ударились въ область административно-творческихъ мечтаній, по части которыхъ отечественная исторія дѣй-

ствительно весьма богата содержаніемъ; но это, конечно, немного увеличивало ихъ шансы на созданіе чего-либо прочнаго въ жизни.

Какъ бы то ни было, но и на судьбахъ теоретическаго консерватизма все это не могло не отразиться самымъ печальнымъ образомъ, и дѣйствительно онъ, если даже не принимать въ расчетъ компетентнаго свидѣтельства г. Розанова, представляетъ собою сплошное выморочное мѣсто. Продолжающіеся по иверціи со страницъ уцѣлѣвшихъ консервативныхъ органовъ сократительные эквивои и унылые призывы, а также не прекращающаяся переписка между заинтересованными вѣдомствами объ этомъ выморочномъ имуществѣ не должны въ сущности никого вводить въ заблужденіе.

Я лично, хотя и не служилъ никогда на государственной службѣ, знаю, тѣмъ не менѣе, что много еще можетъ и впредь возникнуть выморочныхъ дѣлъ, что до полнаго ихъ окончанія и сдачи въ архивы потребно по изстари заведенному порядку не малое время; что пока, скопляясь въ чрезмѣрномъ количествѣ, толстые томы переписки по этимъ дѣламъ загромождаютъ порой и канцеляріи, и жизнь человѣческую цѣлымъ роємъ досадныхъ и вредныхъ ненужностей, но я съ надеждой смотрю въ будущее, ибо вѣрю въ жизнь и знаю, что она, иногда окольными и трудными путями, но все-таки обходила и не такія груды бумажнаго хлама, остававшагося отъ прежняго дѣлопроизводства.

По отношенію къ финляндской печати въ теченіе второй половины сентября и первой половины октября финляндскій генераль-губернаторъ, какъ это опубликовано въ „Финляндской Газетѣ“, принялъ слѣдующія мѣры:

I. 16-го сентября было постановлено: „1) Въ виду постоянно вреднаго направленія газеты „Aftonposten“, вновь выразившагося въ помѣщенныхъ въ №№ 201, 216, 218 и 219-мъ статьяхъ: замѣтка объ осгѣ „Новыя извиненія“, „Отставка сенатора Тудера“, письмо въ редакцію, озаглавленное „Вопросъ, кому слѣдуетъ“, и „Иматрская депутація“, согласно мнѣнію особаго совѣщанія по дѣламъ печати, изданіе этой газеты со всѣми къ ней приложеніями на основаніи п. 8 § 12 и § 31 постановленія о печати прекратить навсегда; 2) на основаніи п. 8 § 12 постановленія о печати газетъ „Wiipurin Sanomat“ за помѣщенную въ № 115 статью „Слабыя души“ объявить предостереженіе, а цензору, разрѣшившему напечатать эту статью, сдѣлать выговоръ; 3) на основаніи п. 8 § 12 и § 31 постановленія о печати изданіе газеты „Wiborgsbladet“ за помѣщенную въ №№ 204 и 206-мъ статью „Безпристрастный судья“ приостановить на одинъ мѣсяць; 4) изданіе „Koitar“ за статьи въ № 83 „Что явилось результатомъ“ и „Длинноухіе въ движеніи“ на основаніи п. 8 § 12 и § 31 постановленія о печати приостановить на два мѣсяца. Мѣру взысканія на цензоровъ названныхъ газетъ за сдѣланныя ими упущенія по неправильному пропуску сихъ статей предоставлено опредѣлить главному управленію по дѣламъ печати“.

II. 14-го октября: „1) Въ виду того вреднаго направленія, котораго постоянно и упорно придерживается газета „Wasa Nyheter“, несмотря на цѣлый рядъ нало-

женных на нее взысканий, и которое вновь проявилось въ помѣщенныхъ въ №№ 111, 129 и 131 статьяхъ о русскихъ коробейникахъ, „Финскій павильонъ на парижской выставкѣ“, и по поводу запрещенія газеты „Aftonposten“, изданіе газеты „Wasa Nyheter“, на основаніи п. 8 § 12 и § 31 постановленія о печати въ Финляндіи, прекратить навсегда; 2) на основаніи п. 8 § 12 и § 31 постановленія о печати въ Финляндіи пріостановить на 3 мѣсяца изданіе газеты „Raivalehti“ за помѣщенные въ №№ 203 и 220 статьи: „Портные высказали свой взглядъ“ и „Рабочіе и отечество“, при общемъ вредномъ ея направленіи. Мѣру взысканія, которому надлежитъ подвергнуть цензоровъ названныхъ газетъ за сдѣланныя ими упущенія по неправильному пропуску вышеперечисленныхъ статей, предоставлено опредѣлить главному управленію по дѣламъ печати“.

Провинціальныя картинки.

Переписка съ гг. родителями о школь и дѣтяхъ.—Солидарность семьи и школы.—Какъ воспитали Алешу и какъ не могли воспитать Сою Жуоржъ.—Новгородскіе Садко и услужающая имъ „интеллигенція“.

Вотъ что значить попасть въ больное мѣсто: моя замѣтка о средней школь, какъ учрежденіи воспитательномъ, вызвала со стороны родителей цѣлый ворохъ писемъ, отъ чтенія которыхъ, что называется, волосы становятся дыбомъ. Стоило слегка ковырнуть это больное мѣсто перомъ, какъ открылась застарѣлая язва, ужасная, омерзительная... Я страстно хотѣлъ бы выставить эту язву на-показъ, и увѣренъ, что если даже одна десятая только правды въ этихъ родительскихъ посланіяхъ,—читатель ужаснулся бы и закричалъ: „карауль!“ Но, къ сожалѣнію, родители и на сей разъ остаются такими же „любящими“: они просятъ не упоминать города и школы, а особенно именъ и фамилій:

„Сообщаю вамъ это для пропечатанія, но прошу умолчать и т. д., потому что толку можетъ не выйти, а только обозлишь ихъ и все это отразится на ребенкѣ же...“

„Вотъ вы, г. Чириковъ, — пишетъ одинъ родитель, — пишете, что намъ стыдно молчать, а что надо что-то дѣлать. Ахъ, государь мой милостивый, что тутъ сдѣлаемъ мы, люди маленькіе и нпчтожные, подневольные, дрожащіе за кусокъ хлѣба? Любимъ мы своихъ дѣтей *попросту*, хотимъ, чтобы имъ жилось лучше, чѣмъ намъ, а для этого они должны кончить курсъ... Если у васъ есть дѣти“ и т. д. (слѣдуютъ упреки... *).

„Что молчатъ родители, которыхъ ближе всего касается затрагиваемый вами вопросъ?—спрашиваетъ другой и поясняетъ:

„Года полтора тому назадъ начальникъ прогимназіи получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ отъ одной изъ матерей, дочь которой систематически преслѣдовали и исключили въ концѣ концовъ изъ прогимназіи. Мы ожидали, что послѣ этой исторіи начальникъ по меньшей мѣрѣ будетъ переведенъ въ другой городъ и, почувствовавъ себя такимъ образомъ въ безопасности, рѣшились высказать свое сочувствіе матери и недовольство дѣятельностью оскорбленнаго дѣйствіемъ начальника. Выль судъ: онъ оправдалъ мать. Казалось бы, что все такъ ясно и

*) Для сего родителя: дѣти есть, масса дѣтей!..

просто, мы радовались ужасно, но представьте теперь наше положеніе: онъ остался на старомъ мѣстѣ... И всѣ сразу смѣлки и теперь позволяютъ себѣ только перешептываться..."

А при встрѣчѣ съ нимъ,—добавлю я,—улыбаться во весь ротъ, дружески или богопочтительно раскланиваться, спрашивать о драгоцѣнномъ здоровіи его, его супруги, его дѣтокъ и желать всякихъ благъ...

Родителя не выдамъ,—пусть будетъ спокоенъ и продолжаетъ себѣ шептаться...

Читаешь эти родительскія письма и не знаешь, чему удивляться: гнусности ли сообщаемыхъ фактовъ изъ педагогической области, или гнусной способности русскаго обывателя показывать кулакъ въ карманѣ, обтираться молча, когда плюютъ въ физиономію, и любить своихъ дѣтей *попросту*... Очень уже все это „попросту“, такъ „попросту“, что проще ужъ и нельзя, можно сказать, гг. родители, извините меня за выраженіе,—по-хамски, по-лакейски... Въ самомъ дѣлѣ, почему бы не обращаться вамъ въ судъ, что ли?.. Вонъ начальникъ-то гимназій: его оскорбили,—онъ тащитъ въ судъ... Берите приѣмъ хоть съ начальства!.. Это даже поощряется, а не токмо что не возбраняется.. Будетъ ужъ шептаться-то, говорите хотѣ вполголоса!

Въ нѣкоторыхъ письмахъ дѣлаются указанія на издомство: неспособные. ученики отдаются на хлѣба къ учителямъ, платятъ имъ за это хорошія деньги, и дѣлаются вдругъ способными; надо только поступить въ нахлѣбники къ тому учителю, по предмету котораго ученикъ хромаетъ; иногда хорошіе богатые ученики вдругъ захромаютъ, и тогда приглашается родителями соответствующій педагогъ для репетиторства. Тоже результаты блестящіе. Вполнѣ присоединяюсь къ родителямъ, что необходимо разъ навсегда покончить съ такимъ порядкомъ вещей: это то же совмѣстительство, которое преслѣдуется закономъ въ другихъ областяхъ общественной дѣятельности...

„Хорошо было бы,—пишетъ одинъ корреспондентъ,—чтобы родители во всякое время имѣли право являться на урокъ и сидѣть, чтобы видѣть, какъ обращаются съ нашими дѣтьми. А еще лучше было бы выбрать родительскій комитетъ, который являлся бы посредникомъ между нами и школой. Правъ намъ по отношенію обученія никакихъ не надо, но мы хотимъ только контролировать одно обращеніе съ дѣтьми. Дѣйствительно, это обращеніе бываетъ иногда крайне возмутительнымъ“.

Слава Богу! Хоть одна нотка, хоть одинъ проблескъ здоровой мысли родительской отыскался въ кучѣ писемъ!.. Жму вамъ руку, благородный родитель!.. Читаю письмо дальше п—увы!.. Оказывается, что у этого человѣка нѣтъ дѣтей. что онъ вовсе не родитель, а Богъ его знаетъ, кто такой.

„Если бы у меня когда-нибудь были дѣти, я ни за что не отдалъ бы ихъ на пропятіе...“—пишетъ онъ...—Я со вздохомъ откладываю письмо и берусь за слѣдующее:

„Тоже вотъ былъ у насъ случай. Одна изъ гимназистокъ во время говѣнья пошла съ вѣдома родителей — замѣтьте! — въ театръ на „Фауста“. Какъ ее отпустили родители,—неизвѣстно, но только пошла. Узналъ про это

батюшка, законоучитель, и что же, знаете, вышло. Батюшка не ограничился внуше-
шеиёмъ на исповѣди и, не предупредивъ дѣвушку, торжественно и всенародно
лишилъ ее св. причастія. Дѣвушка такъ была поражена этимъ, что, прибѣжавъ
домой, выбросилась съ балкона второго этажа на камни и превратилась въ без-
дыханный трупъ...”

„И думаю,—добавляетъ повѣствователь,—что эта несчастная дувушка все-
таки попадетъ въ рай къ Господу, и простится ей то, что не простилъ ба-
тюшка“.

И я такъ же думаю, родитель: думаю еще, что эта дѣвушка не встрѣтится
въ раю съ батюшкой...

Далѣе.

„*Изъ характеристикъ Юліана-мучителя*“.

„Изъ вашихъ строкъ въ „Жизни“ (октябрь 1900 г.) въ лицѣ фигури-
рующаго директора гимназій я сразу узналъ бывшую грозу нашей гимназій,
гдѣ онъ былъ *въ мое время* инспекторомъ. Могу поэтому, кромѣ подтвержденія
всего того, что о немъ вамъ пишетъ корреспондентъ, добавить кое-что. И у
насъ онъ тоже „очищалъ“ и „сокращалъ“: при немъ число учащихся сбавилось
съ 600 до 350 учениковъ! Его педагогическіе приемы, какъ преподавателя гре-
ческаго языка, могутъ быть характеризованы постояннымъ задаваніемъ отрывковъ
изъ классиковъ наизусть.

„— Отвѣчайте не думая!—говорилъ онъ, потому что не терпѣлъ никакихъ
паузъ, а выходило, что мы дѣйствительно совсѣмъ не „думали“...

„Въ качествѣ воспитателя Юліанъ-мучитель неустанно занимался проповѣдью
вракобѣсія. Вотъ перлы его наставленій старшимъ классамъ:

„— У кого я найду хоть одну книжку „Русской Мысли“, „Вѣстника Европы“
или подобной либеральной дряни, тому напишу такую характеристику, что его
ни въ одинъ университетъ не примутъ...”

„— Вчера я *нашелъ* у одного изъ васъ книжку Щедрина... Я этого домо-
рощеннаго философа и самъ не читалъ и вамъ читать не позволю!

„— На общей квартирѣ я *нашелъ* сочиненія Гл. Успенскаго... Что за ка-
бацкіе вкусы у васъ!..

„Мы интересовались нашими лучшими журналами, мы увлекались Щедринымъ
и любили Гл. Успенскаго, но были принуждены молча выслушивать подобныя
взреченія, приправляемые всегда бранью, потому что боялись получить „такую“
характеристику, съ которой ни въ одинъ университетъ не примутъ“, и мы при-
творялись панькамъ, согласными съ Юліаномъ-мучителемъ, мы лгали и изощря-
лись въ притворствѣ, охраняя свой духовный мірокъ отъ этого грубаго, невеже-
ственнаго и узкаго педагога... Я кончилъ курсъ въ 1892 году и теперь сдѣ-
лался родителемъ... Неужели и мы, нашимъ дѣтямъ, будутъ также плевать въ
душу и давать камень вмѣсто хлѣба? Вѣдь это ужасно, г. Чириковъ!.. Надо кри-
чать, кричать, кричать!!!“

Правильно! Кричать, а не шептаться...

„Стыдно-то стыдно, г. Чириковъ, намъ, родителямъ, да и еще кое-кому

стыдно“,—замѣчаетъ одинъ изъ родителей... Кому же это, думаю, еще?.. Все письмо написано крайне загадочно, словно родитель боится даже меня или боится, какъ бы его письмо не прочиталъ кто-нибудь неподходящій...

„Виноваты мы, да и еще кое-кто...

„Разсказалъ бы я вамъ одинъ случай, прямо удивительный, да лучше промолчу...

„Есть, знаете ли, въ начальствѣ что-то неувимое...“

Такъ ничего и не добился. Очень ужъ пугливый родитель: шепчетъ, а самъ все по сторонамъ озирается... Кажется, что онъ даже своего шопота пугается.

„Проживите съ мое, такъ узнаете не такія штуки...“

Бросилъ письма и легъ отдохнуть: и мнѣ все рисовалась та мать, которую судили и оправдали, и этотъ родитель, который все шепчетъ что-то „неуловимое...“

— Въ начальствѣ есть что-то неувимое...—шептала крѣпкая фигура обывателя и весь онъ, такой смиренный и убогенькій, представлялся мнѣ, какъ живой, со своими жестами и задавленной совѣстью. И вдругъ мнѣ его стало жалко... Онъ стоялъ, понуря голову, съ руками по швамъ и, казалось, хотѣлъ прошептать: „не вини меня, другъ мой, я—сынъ нашихъ дней“...

— Гдѣ вы воспитывались?—спросилъ я его.

— Въ гимназіи, но курса не окончилъ: очень былъ ожесточенъ противъ наставниковъ и воткнулъ иглоку въ стулъ одному изъ нихъ. Былъ преданъ однимъ изъ товарищей и исключенъ—съ... по недостатку смиренія... Не надо было выткать, а лучше воздержаться.

Впрочемъ, семья и школа въ большинствѣ случаевъ у насъ идутъ рука объ руку въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія. Я вамъ нарисую типичный примѣръ этой солидарности.

Отецъ—столоначальникъ губернскаго правленія, мать—изъ обѣднѣвшихъ дворянъ. Куча дѣтей. Супруги ссорятся, не выносятъ другъ друга, упрекаютъ въ заѣданіи своей жизни, но плодятся и множатся аккуратно. Они примирились съ несчастнымъ случаемъ, вовлекшимъ ихъ въ бракосочетаніе, примирились другъ съ другомъ, какъ съ неизбежными фактами, и стали жить-поживать да добра наживать. Живутъ бѣдно, но тщательно скрываютъ это отъ посторонняго глаза, стараясь выдерживать нѣкоторый „тонъ“: приличная квартира, прислуга, изрѣдка гости и въ гости, въ театръ... Дѣти—просто наказаніе Божіе: надо учить, надо пять паръ ботинокъ, крикъ, ревъ и драки, пеленки, scarlatаны и свинки... А средства ограничены: всего съ квартирными и наградными 1.500 р...

Столоначальникъ усталъ, измучился, жена его—тоже. И оба ждутъ т.го времени, когда Алеша, старшій сынъ, встанетъ на ноги и приметъ на себя часть обузы. На Алешу единственная надежда (пенсія пустая!), и это высказывается почти ежедневно. Когда Алеша, вернувшись изъ гимназіи, объявляетъ, что получилъ пятерку изъ греческаго, отецъ любовно треплетъ его по щекѣ, называетъ

молодцомъ и напоминаетъ мальчугану, что онъ—будущая опора семьи, а потому всегда слѣдуетъ получать пятерки. Когда Алеша приноситъ домой двойку, существованіе бѣднаго мальчугана отравляется на нѣсколько дней. Его пилать неустанно, называютъ болваномъ, негодяемъ, высказываютъ сожалѣніе о деньгахъ, которыя тратятся на Алешино образованіе, грозятъ взять изъ гимназіи и отдать въ сапожники. Напрасно Алеша плачетъ, увѣряя, что онъ „не понялъ“ или не могъ чего-нибудь запомнить, напрасно указываетъ на несправедливость учителя, поставившаго ему двойку... Никакіе резоны во вниманіе не принимаются. Алешка вретъ, лѣнтяйничаетъ, позволяетъ себѣ разсуждать и даже осуждать старшихъ. Въ вину Алешѣ ставится „Робинсонъ“, который читался наканунѣ, „Робинсонъ“ отбирается и внушается съ подзатыльникомъ, что Алеша—прежде всего ученикъ, который не долженъ читать всякую ерунду, а долженъ готовить уроки. Отецъ кричитъ „въ сапожники его!“ Мать начинаетъ слѣдить за Алешиними уроками и такъ какъ она незнакома съ древними языками, то никогда не можетъ согласиться, что „изъ латинскаго и греческаго—готово“, ей все кажется, что надо еще „подучить“, и она заставляетъ Алешу снова и снова долбить уроки.

Алеша—мальчикъ со средними способностями и плоховатой памятью. Но ему твердятъ, что терпѣніе и трудъ все перетрутъ. И Алеша третъ.

Однажды Алешу *поймали* въ классѣ латинскаго языка за чтеніемъ гоголевской „Ночи подъ Рождество“, причеиъ оказалось, что Алеша плохо знаетъ урокъ. Инспекторъ вызвалъ мать и съ отеческою заботливостью побесѣдовалъ съ нею. Изъ этой бесѣды родители поняли только одно, что сынъ ихъ читаетъ всякую ерунду въ ущербъ урокамъ и окончательно убѣдились въ страшномъ вредѣ этого обстоятельства.

— Я тебѣ, болванъ, что говорилъ? Я тебѣ говорилъ, чтобы ты не смѣлъ пустяками заниматься! Дома не велятъ, такъ ты въ классѣ началъ... а?

Алеша стоялъ предъ отцомъ съ понурой головой и виновато смотрѣлъ въ землю.

— Я не буду... Я буду стараться...

— Осель!—произнесъ отецъ и далъ такого подзатыльника сыну, что у того засверкали въ глазахъ звѣзды.

Какъ ни теръ Алеша, а въ четвертомъ классѣ пришлось взять ему репетитора. Инспекторъ порекомендовалъ одного гимназиста-восьмилассника. Гимназистъ этотъ—бѣднякъ, въ полиняломъ сюртучкѣ и въ коротковатыхъ брючкахъ, образецъ кротости и смиренія. Онъ выглядитъ забитымъ, апатичнымъ, всѣхъ уважаетъ, всѣмъ торопливо кланяется, покашливаетъ въ руку, глуповато улыбается... Зато онъ большой знатокъ древнихъ языковъ и перевелъ даже на греческій пѣсню „Во всей деревнѣ Катенька“ (Ἐν πάσῃ χώμῃ Κατένκα); онъ отличный репетиторъ. Своей скромностью онъ снискалъ очень скоро расположеніе Алешинихъ родителей, и тѣ называютъ его „прекраснымъ молодымъ человѣкомъ“. Репетиторъ относился къ своему дѣлу добросовѣстно, т. е. просиживалъ вмѣсто условленныхъ двухъ часовъ—три, а иногда и четыре, жаловался на Алешу, когда тотъ былъ невнимателенъ, и вполне раздѣлялъ всѣ, рѣшительно всѣ, взгляды Алешинихъ родителей... Иногда, по окончаніи занятій, репетитора приглашали

къ чаю. Онъ упорно отказывался, конфузился, вралъ, что онъ уже пилъ или не хочетъ, хотя у него высохла съ Алешей вся глотка. Но Алешина мамаша тащила его къ столу и усаживала. Во время чаепитія, обыкновенно, заводился разговоръ на тему объ образованіи. Гимназистъ возился на стулѣ, улыбался и, потѣя и кашляя, отвѣчалъ:

— Я предпочитаю филологическій...

— Почему же вы не хотите на юридическій?

— Надо протекцію. А по филологическому я могу... Тамъ только стараться...

— Вотъ! слышишь, болванъ?—обращался отецъ къ Алешѣ. — Стараться надо!...

А ваши родители гдѣ?

— Какъ-съ?

— Родителей имѣете?

— Нѣтъ-съ, я безъ родителей... У меня—бабушка...

— Какъ же вы живете? на какія средства?

— Репетрирую неуспѣшныхъ... Есть богатые, но плохо идутъ... Стараюсь.

Въ университетѣ, можетъ быть, дадутъ стипендію...

— Вотъ, слышишь, болванъ?

— Только бѣда нынче: надо быть осторожнымъ. въ выборѣ товарищей. А то выгонять... Всякіе бываютъ. Не слѣдуетъ связываться: пускай себѣ они какъ хотятъ, а ты себѣ старайся,—вставляетъ меланхолическимъ тономъ жена столоначальника.

— Я не буду... Я не такой... Надо кончить курсъ.

— Да, не увлекайтесь, молодой человѣкъ...

— Затѣмъ же... Буду стараться.

— Что же, и на филологическомъ хорошо. Порядочному молодому человѣку вездѣ хорошо,—замѣчаетъ Алешинъ отецъ.

— Да-съ. Вотъ нашъ инспекторъ—молодой, ему всего 40 лѣтъ, а онъ уже надворный совѣтникъ. Учителямъ хорошо.

— Конечно, конечно... Тамъ чины очень скоро идутъ.

— И жалованье приличное,—добавляетъ репетиторъ.

— Вотъ, болванъ, съ кого долженъ примѣръ брать!—говоритъ отецъ Алешѣ по уходѣ репетитора. — Вотъ изъ этого молодого человѣка толкъ выйдетъ... Одинъ, безъ родителей, бьется и выбьется въ люди...

Когда приходятъ гости, то всѣ жалуются на трудность жизни, на дороговизну провизіи, квартиру и недостаточность жалованья; всѣ гости совѣтуютъ Алешѣ непремѣнно кончить курсъ, если онъ хочетъ, чтобы изъ него вышелъ „человѣкъ“...

— Вонъ у Чесноковыхъ сыночекъ-то: и умный, и талантомъ всякимъ одаренъ, а толку никакого... А почему? Вообразилъ себя ужъ очень... выгнали съ 3-го курса... Ну и будетъ всю жизнь на 50-ти цѣлковыхъ! Чего хорошаго?

— Ахъ, дуракъ какой! Кончилъ бы—теперь ужъ мѣсто получилъ бы...

— Своей пользы не понимаютъ... Какой толкъ? Чего хотятъ?

— Начитаются, набьютъ башку всякимъ вздоромъ, ну и пойдутъ эти безпорядки устраивать... Я бы вышоролъ ихъ, и конечно!..

— Таланты! Изъ нихъ шубы не сошьешь!—говорилъ Алешинъ отецъ.—Чортъ съ ними, съ разными талантами... Получи дипломъ, такъ и таланты откроются.

Въ четвергомъ классъ Алеша остался на второй годъ. Незадолго до экзаменовъ съ нимъ случилось обстоятельство, сильно повліявшее на его характеръ. Алеша сказалъ грубость одному изъ наставниковъ, который назвалъ его „идіотомъ“. Когда объ этой грубости узналъ Алешинъ отецъ, онъ „показалъ Алешкѣ, какъ грубіянить старшимъ“: онъ далъ плюху сыну...

Алеша какъ-то сразу притихъ, принизился, словно сталъ моложе своихъ пятнадцати лѣтъ; говорить сталъ глуше и ровнѣе, просиживалъ до самого ужина за уроками и какъ-то стѣснялся отца, стараясь быть меньше у него на глазахъ. Репетиторъ тоже понаперъ на Алешу.

И все-таки Алеша остался на второй годъ.

За вѣкатъ Алеша сильно пережѣнился: страшно вытянулся, руки его стали длиннѣе, голосъ поглубль... Дѣтство переходило въ юность. Отецъ, сердитый на Алешу за то, что тотъ „остался“, началъ попрекать сына даже этой пережѣной.

— Ишь, болванъ, какъ вытянулся... Сюртукъ придется новый. Не жаль, если бы учился, какъ слѣдуетъ, а то бросовыя денегъ: дальше телеграфа или юнкерскаго не пойдешь, остолопъ!

Но представьте себѣ, читатель, что „остолопъ“ пошелъ дальше...

Къ пріятному вашему, а особенно родительскому изумленію, Алеша началъ учиться хорошо: двоекъ не приносилъ, а за вниманіе и прилежаніе имѣлъ въ табеляхъ круглое пять.

— Ну, слава Богу, за умъ взялся. Старайся: кончишь курсъ, человѣкомъ будешь...

— Я буду стараться, — покорно говорилъ Алеша и, дѣйствительно, просто лѣзъ изъ кожи. Съ внѣшнею пережѣною въ Алешѣ совершился и переломъ внутренній. Казалось, что Алеша понялъ, наконецъ, чего отъ него хотятъ дома и чего требуютъ въ школѣ. „Пустяками“ онъ не занимался больше, никакой ерунды не читалъ, а зудялъ себѣ добросовѣстно и получалъ четверки и пятерки. Больше отъ Алешы ничего и не требовалось. Говорилъ онъ мало, потому что понималъ, что разсуждать нечего, а надо больше слушать, когда говорятъ старшіе, въ обращеніи съ учителями и наставниками сталъ придерживать родительской заповѣди: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосеть“, пересталъ грубіянить и говорить дорзости и вообще сталъ сильно напоминать того прекраснаго молодого человѣка, который былъ у него репетиторомъ...

И родители съ каждымъ годомъ имѣли все новыя и новыя основанія ждать отъ Алешы „толка“ и видѣть въ немъ надежную опору въ будущемъ...

Друзей у Алешы не было, и вообще въ его характеръ стала проглядывать склонность къ уединенію, необщительность. Былъ у него единственный пріятель, одноклассникъ Пупырышкинъ, но однажды отецъ замѣтилъ, что Пупырышкинъ учить Алешу „гадостямъ“; и велѣлъ прекратить всякія компаніи вообще. Въ седьмомъ классѣ мальчики стали поговаривать уже о выборѣ факультетовъ,

горячиться и спорить. Алеша держался въ сторонѣ: онъ считалъ это дѣло для себя рѣшеннымъ: „Папаша хочетъ на юридической“...

Алеша кончилъ курсъ съ серебряной медалью. Теперь онъ студентъ. Родители и знакомые находятъ, что въ студенческой формѣ Алеша интересенъ, но многіе не соглашались съ этимъ. Сутуловатая фигура и испитое, дряблѣе лицо, походка, манера говорить, глуповатая улыбочка,—во всемъ проглядываетъ родственникъ Алексѣя Степановича Молчалина, только не такой онъ живой, не такой шустрый и менѣе сообразительный, чѣмъ Алексѣй Степановичъ...

Съ внутренней стороны Алеша еще менѣе интересенъ. Литературой онъ не занимался и съ поэтами русскими знакомъ больше по хрестоматіямъ: съ именьемъ Пушкина у него въ головѣ витаетъ „Птичка Божія“, Лермонтова—„Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли“ и т. п. За избыткомъ свободнаго времени Алеша читаетъ „Ниву“ за прошлые года. Изрѣдка въ его руки попадаютъ и газеты, но признаться, ему нечего съ ними дѣлать: „иностранная извѣстія“ кажутся Алешѣ наборомъ непонятныхъ фразъ, и онъ увѣренъ, что этого никто не читаетъ; передовыя статьи очень ужъ серьезны и скучны; интересно только прочесть разные случаи, убійства, да „смѣсь“... Въ обществѣ Алеша больше молчитъ, въ дамскомъ краснѣетъ и заикается. Алеша аккуратно посѣщаетъ всѣ лекціи и записываетъ, хотя очень многого не понимаетъ. Съ педелями здоровается за руку и снимаетъ шапку. Отъ товарищей сторонится и не чувствуетъ потребности въ общеніи съ ними. Особенно интереснаго онъ на юридическомъ факультетѣ не находитъ, но „старается“... Когда къ нимъ приходятъ гости, Алеша по цѣлымъ часамъ сидитъ около стола играющихъ въ винтъ и смотритъ папашѣ въ карты.

— Не угодно ли?—спроситъ гость, раскрывая портсигаръ.

Алеша покраснѣетъ, посмотритъ на папашу и скажетъ:

— Мерси, я не курю.

— Похвально-съ!—одобряетъ гость.

— Онъ у меня не такой!—съ гордостью замѣчаетъ отецъ.

— Положимъ, грѣхъ не большой... Курить пускай курить, даже выпить изрѣдка ничего... И насчетъ женскаго пола можно молодому человѣку пошамить, а только науку забывать не слѣдуетъ, да всякими идеями не увлекаться—это лавное!

— Нѣтъ, онъ у меня не такой!

Алеша улыбается и приглаживаетъ напомаженные волосы...

Смотрю я, читатель, на этого Алешу и думаю: „Воспитали! воспитали! не дали даже иголки воткнуть!“ А много такихъ Алешъ, читатель, ухъ, какъ много! Бѣдные они, убогіе, несчастные люди... Ихъ любили „попросту“, и они тоже будутъ любить своихъ дѣтенышей попросту...

Алешу вотъ воспитали, а многихъ воспитать не удастся: возьмутъ вдругъ да и воткнуть иголку, а то кончатъ свое воспитаніе самоубійствомъ.

Былъ тамъ одинокій ребенокъ по имени Соня Жоржъ, воспитывавшійся въ земскомъ пріютѣ подкидышей. Славная была дѣвочка: изящная, съ умнымъ личикомъ, съ хрупкой фигуркой. Было въ этомъ ребенкѣ что-то нѣжное и одухотво-

ренное, такъ что бездѣтные супруги, придя къ пріюту за выборомъ себѣ утѣхи, остановились сразу на Сонѣ и взяли ее къ себѣ. У нихъ она жила нѣсколько лѣтъ, училась въ гимназін, и казалось, жизнь приласкала этого одинокаго ребенка. Но неожиданно умеръ названный отецъ, мать осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни и вынуждена была отдать Соню снова въ пріютъ подкидышей...

Не ко двору теперь пришла Соня въ пріютъ. Ее „избаловали“ добрымъ отношеніемъ, лаской, вниманіемъ... Не влюбила ее надзирательница пріюта г-жа А. Еще бы: „подкидышъ“, а обижается, откуда-то, видите ли, явилась гордость, обижается, когда на нее кричатъ, когда ее обругаютъ, выдумала какія-то „нравственныя оскорбленія“... Не знаю, какъ въ этомъ пріютѣ, а въ другихъ воспитываютъ довольно энергично: привязываютъ, напиримѣръ, дѣтей веревкою за ногу къ ножкѣ кровати, лишаютъ прогулки, ставятъ къ рукѣ горчишники... Странная была дѣвушка эта Соня Жоржъ: она часто прибѣгала послѣ бесѣды съ надзирательницей къ фельдшерцамъ Д. и С. и съ рыданіями бросалась къ нимъ въ объятія, жалуясь на оскорбленія... Слезы душили ее, и она говорила, что лучше уже умереть.

Ну какъ „воспитаешь“ такую дѣвочку?.. И г-жа А., при всей своей опытности въ этомъ дѣлѣ, ничего не могла сдѣлать... Обижается, оскорбляется... рыдаетъ.

Одинъ становой говорилъ:

— Бью по мордѣ...

— Обижаются, поди?

— Ничего... Въ первый разъ обидится, во второй хвачу; во второй обидится, въ третій дамъ... Перестаютъ потомъ, привыкають...

Не слышать, чтобы г-жа А. обращалась прямо къ мордѣ, этого нѣтъ, но, видимо, она тоже полагала, что можно отучить человека отъ этой скверной привычки оскорбляться.

Соня Жоржъ такъ и не отучилась: однажды, когда ея защитницъ, фельдшерницъ, не было въ пріютѣ, г-жа А. принялась Соню „воспитывать“, причемъ обвинила ее, чистую, святую дѣвушку, чуть только не въ проституціи... И чаша терпѣнія переполнилась... Соня выпила мышьяку и переселилась изъ пріюта въ лучшей міръ, гдѣ уже не будутъ „воспитывать“... Не дождалась даже обѣщаннаго уже ей мѣста на 25 р... Передъ смертью она рассказала судебному слѣдователю, что причиной ея смерти—„воспитаніе“... Объ этомъ же она говорила всѣмъ подругамъ, лежа на постели, предъ отходомъ къ вѣчному сну... Лицо дѣвушки озарялось надеждой на лучшую жизнь, пока ядъ не началъ ее мучить въ послѣдній уже разъ въ сей жизни...

Одна изъ бывшихъ защитницъ Сони была такъ потрясена этой ужасной исторіей въ пріютѣ, что сейчасъ же побѣжала къ предсѣдателю управы и стала требовать удаленія надзирательницы г-жи А. изъ пріюта, потому что подобныя случаи могутъ повториться; говорила, что нельзя обойти этотъ случай, что надо судить... Предсѣдатель ей пообѣщалъ принять мѣры... Другая фельдше-

рица не пожелала оставаться на службѣ въ пріютѣ и сейчасъ же объ этомъ заявила... Въ городѣ начался шумъ: родители „шептались“, дѣти кричали „караулъ“...

Предсѣдатель, дѣйствительно, принявъ мѣры: онъ предлагалъ члену управы М. провезти „разслѣдованіе“... Г-нъ М. поѣхалъ къ г-жѣ А. и побесѣдовалъ съ ней. Оказалось, что Соня просто—взбалмошная дѣвушка, ненормальная, что она испортила всѣ нервы г-жѣ А., и потому ей необходимъ отпускъ для поправки здоровья, попорченного покойной Соней... Того же мѣсяца была почетная попечительница г-жа К. (И у ней разстроились изъ-за этого случая нервы)... Соню закопали, а г-жа А. поѣхала поправлять здоровье,—и тѣмъ пока все кончилось...

А хорошо бы начать съ начала, съ самаго начала... Только все-таки разслѣдованіе нужно бы было поручить не члену управы, а болѣе компетентному въ такихъ дѣлахъ лицу, да и допросить не мѣшало бы не одну г-жу А., а другихъ, фельдшерницъ, напримѣръ...

Воспитаніе, конечно, дѣло отиѣнное, ну а все-таки очень-то ужъ „стараться“ не слѣдуетъ: кто „воспитается“, а кто и на тотъ свѣтъ отправляется...

А все-таки, какъ ни стараются, а всѣхъ „воспитать“ не могутъ: многіе ускользаютъ съ здравымъ умомъ и твердой памятью. Объ этомъ засвидѣтельствовалъ юбилей Якова Ивановича и еще свидѣтельствуемъ юбилей рыбинской гимназіи, недавно праздновавшей свое двадцатипятилѣтіе: бывшіе воспитанники этой гимназіи поздравили свою алма слѣдующей телеграммой: „Въ торжественный день 25-ти-лѣтней годовщины существованія рыбинской гимназіи мы, бывшіе ея воспитанники, выражаемъ искреннее пожеланіе, чтобы наша алма шатеръ еще много-много лѣтъ продолжала свою *плодотворную дѣятельность по неустанному снабженію своихъ питомцевъ аттестатами зрѣлости*, которые дадутъ доступъ къ высшему образованію“. Слѣдуетъ 16 подписей.

„Являясь русскимъ гражданиномъ, носящимъ въ душѣ своей древніе заветы предковъ, вы, глубокоуважаемый Николай Александровичъ, подобно Садко, герою былинъ Новгорода на Волковѣ, представляете типъ *купца-богатыря* Новгорода-Нижняго!“

Такъ привѣтствовали хлѣботорговца Бугрова купца восьми городовъ: Владимира, Суздаля, Муромъ, Шуи, Покрова, Вязниковъ, Коврова и Иванова-Вознесенска, кажется, по случаю полученія имъ, Садко, медали на парижской выставкѣ... Городская управа въ лицѣ головы Меморскаго и замѣстителя его Богоявленскаго тоже успѣшила сдѣлать реверансъ передъ „*купцомъ-богатыремъ*“, выскочивъ съ предложеніемъ поздравить его степенство, но управѣ резонно замѣтили, что не худо бы было поздравить сперва земство, удостоенное на выставкѣ отличіемъ за труды по народному образованію...

— Дѣйствительно, упустили изъ виду!..

„Купецъ-богатырь“ въ общемъ даетъ себя чувствовать въ общественной жизни Нижняго Новгорода. Тамъ такихъ купцовъ много. Конечно, не всѣ богатыри,

есть просто силачи и атлеты, но всё они проникнуты „любовью къ отечеству и народной гордостью“... Однако я не про нихъ, а совсѣмъ о другомъ предметѣ хочу поговорить. Любопытно, какъ нѣкоторая часть такъ называемой интеллигенціи „приспособляется“ и „подслуживается“, держа носъ по вѣтру, дующему со стороны „купца-богатыря“... Во главѣ мѣстнаго самоуправления, какъ я сказалъ уже, стоять двое господъ: голова Меморскій и товарищъ его Богоявленскій, оба юристы по образованію, а послѣдній еще бывший мировой судья. Они упустили изъ виду, что прежде чѣмъ дѣлать реверансы передъ Садко, было бы вполне пристойно поздравить земство съ успѣхами по народному образованію... Садко-хлѣботорговецъ, купецъ-богатырь всегда у нихъ на виду, всегда имъ помнится... Но вотъ, видно, затменіе нашло на управу, когда она производила оцѣнку обывательскихъ имуществъ для взиманія съ нихъ различныхъ сборовъ: на сей разъ вдругъ взяли, да и позабыли про другого „купца-богатыря“ г. Башкирова: не внесли въ оцѣнку и въ раскладку на 1900 г. огромную паровую мельницу его, стоящую не менѣе милліона рублей!..

— Почему?—спрашиваютъ.

— Да вѣдь эта мельница въ 1898 г. погорѣла!

— Но вѣдь она въ 1899 г. была совершенно отстроена и пущена въ ходъ!..

— Развѣ?—спрашиваетъ голова.

— Неужели?—удивляется его товарищъ.

— Но вѣдь вы, гг. Меморскій и Богоявленскій, даже обѣдали на торжественномъ пиршествѣ, устроенномъ Башкировымъ по случаю открытія мельницы!..

— Гм... Развѣ мы обѣдали?—спрашиваетъ г. Меморскій г. Богоявленскаго.

— Гм... вотъ уже не могу теперь припомнить...—потупясь взорами, отвѣчаетъ вѣрный товарищъ.

— Хорошо, господа! Допустимъ, что вы покушали и позабыли (это случается), но вѣдь предсѣдатель ревизіонной комиссіи неоднократно входилъ въ городскую управу съ заявленіемъ о необходимости оцѣнить, наконецъ, это крупное предпріятіе... Вѣдь, господа честные, смѣта сводится съ дефицитомъ!..

— Теперь я припоминаю... Да, да... дѣйствительно обѣдали...

— Обѣдали и есть!.. Экая память, прости Господи!..

— Немудрено позабыть: столько заботъ по благоустройству и благочинію, что голова кругомъ идетъ...

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что „мѣстная интеллигенція“, находящаяся на службѣ города, по силѣ возможности печется и о народѣ... Надняхъ я получилъ изъ Нижняго прямое сему доказательство: врачъ г. Диментманъ сочинилъ, а городская санитарная комиссія издала брошюру о заразныхъ болѣзняхъ: „Русскому народу этотъ трудъ посвящается“ съ эпиграфомъ „другъ за дружку, каждый за всѣхъ“... Я обрадовался! Вотъ, думаю, нашелся, наконецъ, одинъ добродѣтельный, должно быть, господинъ... Не все о купецъ-богатырѣ, а и о русскомъ народѣ заботится... „Трудъ“, 50 слишкомъ страницъ, раздѣленъ на предисловіе и на 9 главъ. Въ предисловіи авторъ утѣшаетъ русскій народъ: „Часто говорятъ, что въ старину жить было легче, чѣмъ теперь“...

Оказывается, что это пустяки.—пусть русскій народъ не вѣритъ этимъ сказкамъ: „Жизнь, правда, стала болѣе дѣятельная, кипучая и болѣе тревожная, но зато и болѣе осмысленная, и болѣе пріятная. Въ настоящее время *свободнаго отъ труда досуга больше, чѣмъ прежде*“...

— Мужичокъ!

— Чаво?

— Правда, что жизнь пріятнѣе стала противъ прежняго?

— Какая ужъ это жисть!.. Можетъ, гдѣ оно и пріятнѣе, а только въ нашей губерніи все недороды...

— Досуга больше стало?..

— Это вѣрно!.. Пошелъ я въ городъ на заработки, да столь нашего брата навалило туда, что цѣльный мѣсяцъ зря проштался: нечего дѣлать,—изъ-за хлѣба и то не берутъ... А ты читай дальше, что написано!—слушать я большой охотникъ...

Читаю:

„Люби ближняго, какъ самого себя! Вотъ и устраиваются для бѣднѣйшей части населенія (и для вашего, конечно, брата! *) столовые, чайныя, ночлежные дома и пр...“

— А скажи, братецъ, вы, господа, туда тоже ходите чайку попить или заночевать?..

— Нѣтъ, этого мы, положимъ, не дѣлаемъ... Чай пьемъ дома и обѣдаемъ и ночуемъ... Да не въ этомъ дѣло! Ты не перебивай!

— А который написалъ книжку-то, онъ не заночуетъ тамъ?

— Нѣтъ... Экій ты чудакъ!.. А ты слушай! „Есть для бѣдныхъ людей хорошо устроенные и чисто содержимые ночлежные дома, построенные частными благотворителями“ (добрыми людьми,—понимаешь? тѣми самими, которые любятъ васъ такъ же, какъ самихъ себя!)

— Вотъ оно что! Хм!.. А я вотъ прошлой осенью, какъ безъ работы-то ходилъ, зашелъ тутъ къ одному купцу, а онъ меня...

— Погоди! Это все частности... не въ томъ дѣло...

„Гдѣ невѣжество и суевѣріе, тамъ лѣнь, бѣдность и грязь; туда прежде всего заглядываетъ и чума. Послѣ Турціи Португалія наиболѣе невѣжественная страна въ Европѣ; тревоги въ Европѣ по поводу заноса въ нее чумы изъ Россіи совершенно напрасны... Еще слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ мы съ ней *покончили*. Чума не ожидалась тогда нигдѣ, тѣмъ не менѣе мы *придушили* ее тогда въ Ветлянкѣ скоро...“

— Пымали, значить, ее, чуму-то эту самую?

— Зачѣмъ? Какъ поймали?!

— Придушили, говоришь, ее?.. Вотъ тоже, когда холера была, сказывали, что холеру эту видѣли... Кабы пымали ее, такъ...

Я постарался разъяснить недоразумѣніе, но, кажется, вышло это плоховато:

*) Въ скобкахъ мои поясненія.

мужикъ моталъ головой, но, видимо, сомнѣвался и держалъ въ мысляхъ что-то „свое“... Я читалъ ему главу за главой, читалъ, что „чума опасный и въ высшей степени хитрый врагъ“, что „ея маленькія вспышки это — развѣдочные отряды, высматривающіе наиболѣе слабыя пункты: безпечность, грязь, нечистоплотность“... и, наконецъ, дошелъ до послѣдней, 9-ой главы... Эта глава, кажется, главнымъ образомъ и посвящена „русскому народу“, потому что написана, съ искренностью и задушевностью, напоминающей рѣчь Захара Петровича къ народу...

„Если наше здоровье,—читалъ я,—есть наше счастье,—и это совершенно вѣрно,—то большинство богатыхъ людей далеко не можетъ считаться счастливымъ, такъ какъ богатымъ людямъ обыкновенно и недостаетъ здоровья, и вообще они слабѣе и не такъ закалены противъ болѣзней, какъ люди бѣдные, ведущіе трудовую жизнь... Пользуйтесь почаще чистымъ воздухомъ, водой и солнечнымъ свѣтомъ, почаще употребляйте въ дѣло щетку, метлу и бѣлильную известь, почаще мойте полы, провѣтривайте чрезъ дверь, форточки, а особенно почаще выбивайте постель...“

— На старомъ зипунѣ я сплю... Кака тутъ постель! — внезапно перебилъ меня мужикъ.

— Ну все равно!

— Чистый воздухъ, говоришь... Телята въ избѣ больно гадятъ зимой... Духъ нехорошій, а дверь разя можно отворять: поди холодно?.. Натопи, да все тепло выпусти?!—Это что же выходитъ?... Что-то ты зря читаешь...

— Слушай, слушай!“

„Отдыхайте послѣ работы у себя дома, въ семьѣ и не изнуряйте себя въ кабакахъ и трактирахъ, а у кого ятъ семьи, тотъ можетъ въ воскресные дни провести время съ пользою въ народныхъ читальняхъ, городскихъ бібліотекахъ или на народныхъ чтеніяхъ, или даже у себя дома читать и просвѣтлять свой разумъ...“

— Просвѣтляешь ли дома разумъ-то?

— Ась?

— Просвѣтляешь ли, говорю, разумъ-то?

— Нашто?.. Какъ его просвѣтляешь?.. Народъ мы темный...

— Есть у васъ читальня?

— Нѣтъ, не слышать что-то... Винная лавка есть верстъ за пять...

• — Слушай!

„Очень многихъ гонить въ городъ ужъ вовсе не нужна въ родной деревнѣ: заманиваетъ ихъ охота пожить на свободѣ, безъ укоровъ со стороны родныхъ и односельчанъ, а главное — *лѣнь ихъ*; въ большой городъ бѣгутъ изъ деревни самые лѣнныя и неразумныя; главное, что заманчиво въ городѣ, это — разгулъ, свобода и вино... Пропиваютъ все, что заработаютъ... Разумный человекъ послѣ тяжелаго труда выпьетъ за обѣдомъ стаканчикъ-другой, чтобы повкуснѣе, съ охоткой поѣсть и силъ набраться...“

— Стаканчикъ съ устатку, дѣйствительно, хорошо!..

„А пропащій человекъ выпьетъ вина на 50 к., а хлѣба съѣсть на грошъ... И ни капельки ни стыда, ни совѣсти, ни страха Божьяго у такихъ людей... Эти люди давно бы и вымерли, если бы о нихъ не заботились другіе благотворители: строить для нихъ и столовыя, и чайныя, и ночлежныя дома, гдѣ можно и покусать, и выспаться порядкомъ, — все къ твоимъ услугамъ, даже умственныя развлечения...“

— Чего лучше: и попоить, значить, и покормить, и спать уложить... Одно слово: умирать не надо! Кто же это они, эти благодѣтели-то!..

Кто они, г. санитарный городской врачъ?.. Не стѣсняйтесь, скажите мнѣ по секрету: я „русскому народу“ не передамъ... Не Бугровъ ли, не Башкировъ ли и пр. кушцы-богатыри совокупно съ интеллигентными юристами?..

А все-таки, г. врачъ, вы вѣдь оклеветали „русскій народъ-то“ въ своемъ трудѣ, посвященномъ этому народу?.. а? Вотъ ужъ именно „другъ за дружку и каждый за всѣхъ“!.. Будьте здоровы, желаю полныхъ успѣховъ на санитарномъ поприщѣ!..

Евгеній Чириковъ.

Иностранное обозрѣніе.

Китайскій вопросъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Дѣло о 12.000 марокъ.—Путешествіе Крюгера.—Гуманныя чувства и существенные интересы.—Консервативныя рѣчи.

Германскій рейхстагъ, наконецъ, созванъ. Новый канцлеръ графъ Бюловъ дебутируетъ, утѣшая и развлекаая депутатовъ, старающихся принять недовольный и строгій видъ.

Огромному большинству депутатовъ ссориться съ правительствомъ вовсе не хочется: брови у нихъ нахмурены, но глаза смотрятъ на представителей правительства ласково и любовно; зато на Бебеля и его сотоварищей, сидящихъ на крайней лѣвой, не только консерваторы, но и центръ, и національ-либералы, да даже и свободомыслящіе смотрятъ злобно, искренне злобно. Соціалъ-демократы все еще не „полюняли“ до такой степени, чтобы не портить умилительной картины примиренія правительства съ народными представителями. Не даромъ національ-либераль Бассерманъ не столько нападалъ на министровъ, нарушившихъ конституцію, сколько стыдилъ Бебеля, ставя ему въ примѣръ Бернштейна, сумѣвшаго подняться выше партійныхъ предрасудковъ и преклонившагося передъ германскимъ и англійскимъ имперіализмомъ. Не даромъ даже демократическая „Frankfurter Zeitung“ отдаетъ должное такту и остроумію новаго канцлера, находя въ то же время „пагосъ“ Бебеля неумѣстнымъ въ стѣнахъ германскаго рейхстага. Мы, съ своей профессиональной точки зрѣнія, на этотъ разъ болѣе довольны плебейскимъ пагосомъ бывшаго токаря Бебеля, чѣмъ аристократическимъ остроуміемъ графа Бюлова, такъ какъ графъ говорилъ, клянемя бороδοю Суворина, цензурише токаря.

Вмѣсто того, чтобы дать депутатамъ должную острастку, какъ это не разъ дѣлалъ князь Бисмаркъ, графъ Бюловъ чуть ли не проситъ у нихъ прощенія за несвоевременный созывъ рейхстага, косвенно признаетъ неумѣстность нѣкоторыхъ выраженій въ гуннскихъ рѣчахъ императора Вильгельма II и, наконецъ, безъ всякихъ оговорокъ признаетъ за народными представителями право контроля надъ всѣми расходами правительства. На что же это похоже? Разумѣется, графъ Бюловъ лишь кокетничалъ съ либералами, но и въ кокетствѣ нужно знать мѣру.

На-ряду съ этимъ положительно опаснымъ кокетствомъ графъ Бюловъ выска-

заль нѣсколько мыслей о „движеніи боксеровъ“, мыслей совершенно несогласныхъ съ воззрѣніями „Новаго Времени“ и „Гражданина“, но тѣмъ не менѣе вполне терпимыхъ и съ русской точки зрѣнія.

„Послѣднія событія въ Китаѣ, — говоритъ новый канцлеръ, — нельзя свести ни на Кіаочоу, ни на Гонкангъ, ни на Тонкинъ, ни на Шортъ-Артуръ, ни на ту или другую иностранную державу, — нѣтъ, кризисъ, переживаемый нами въ Китаѣ, является этапомъ, который должна преодолѣть европейская культура въ ея неудержимомъ вторженіи во всѣ части свѣта, ко всѣмъ народамъ. Буря, подымающаяся нынѣ въ Китаѣ, направлена не противъ Германіи только, вообще не противъ какой-нибудь опредѣленной иностранной державы, но противъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ; она направлена не только противъ пословъ и консуловъ, она направлена противъ инженеровъ и миссіонеровъ, противъ купцовъ и желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Она направлена противъ всѣхъ иностранцевъ. Она направлена противъ европейской цивилизаціи, къ которой присоединилась интеллигентная японская нація. Противъ европейской цивилизаціи стояла и стоять варварство боксерскаго движенія“.

Нѣсколько иначе на китайскую бурю смотритъ Бебель.

„Имперскій канцлеръ представилъ дѣло такъ, — сказалъ между прочимъ Бебель, — будто ни одна изъ державъ не сдѣлала ничего, что могло бы вызвать возмущеніе китайскаго населенія. Это представленіе совершенно невѣрно: китайскіе безпорядки — слѣдствіе многолѣтнихъ промаховъ европейцевъ. Въ китайскомъ народѣ должно было постепенно укрѣпиться убѣжденіе, что все направлено къ тому, чтобы огромную Китайскую имперію поставить въ зависимость отъ иноземныхъ державъ. Европейцы постоянно совершаютъ надъ китайцами насилія, постоянно нарушаютъ ихъ права; европейцы умѣютъ, благодаря своему положенію и своимъ деньгамъ, подкупать жалкое китайское правосудіе, и бѣдные кули не могутъ добиться восстановленія своихъ нарушенныхъ правъ“. Ораторъ нападаетъ затѣмъ на „вызывающую“ дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ и переходитъ къ вопросу о занятіи китайскихъ портовъ.

„Въ теченіе двухъ лѣтъ у Китая систематически отбирали лучшія его гавани, и онъ, вслѣдствіе своего безсилія, не могъ ничего предпринять. Будьте правдивы и не отрицайте, что, если бы подобная судьба выпала на долю Германіи, то возсталъ бы вся нація для защиты каждой пяди земли, а Китай не долженъ почему-то пользоваться этимъ естественнымъ правомъ! Имперскій канцлеръ, будучи еще статсъ-секретаремъ, говорилъ о пирогѣ, который слѣдуетъ раздѣлить. Развѣ пирогъ принадлежалъ господину статсъ-секретарю? Но всякій взялъ по куску пирога, и взявшій не могъ и не смѣлъ ничего сказать. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, что дѣла приняли подобный оборотъ. Китайцевъ представляютъ слишкомъ комичной, слишкомъ смѣшной націей, совершенно забывая при этомъ, что Китай имѣетъ въ европейскихъ столпцахъ посольства, персонъ въ торыхъ по своему образованію выдержитъ сравненіе съ любымъ ученымъ, съ любымъ государственнымъ челоукомъ и даже имперскимъ канцлеромъ (Смѣть) китайское населеніе настолько образовано, что каждый кули умѣетъ читать или

писать; и если эти люди сдушают или читаютъ превосходную пирожную рѣчь графа Бюлова, то они не могутъ, конечно, оставаться равнодушными къ судьбѣ своей страны. Первое броженіе началось какъ разъ послѣ пирожной рѣчи. Тогда именно были образованы для посольствъ такъ называемыя охранныя войска. Въ этомъ заключался опять-таки вызовъ странѣ (*Волненіе на правой*). Безъ согласія соответствующаго государства это является нарушеніемъ международнаго права. (*Снови волненіе на правой*).

„Съ точки зрѣнія международнаго права было допустимо лишь отозваніе посольства и объявленіе войны, разъ не были удовлетворены справедливыя требованія державъ.

„Отъ китайскаго правительства требовали уничтоженія тайныхъ сообществъ, между тѣмъ въ Германіи во время закона о социалистахъ невозможно было воспрепятствовать существованію сотенъ тайныхъ сообществъ, и еще Наполеонъ въ 1809 г. не въ силахъ былъ настоять на своемъ требованіи уничтожить „союзъ добродѣтели“. Боксеры — патриоты съ вашей (*обращаясь направо*) точки зрѣнія. (*Смѣхъ на правой*). И графъ Арнимъ и г. Кропатчекъ, надо надѣяться, принадлежали бы къ тайнымъ обществамъ, если бы французы или русскіе завоевали Германію. (*Смѣхъ на правой*).

„Для пониманія событій въ Пекинѣ слѣдуетъ возстановить въ памяти дѣятельность охранныхъ войскъ. Они были предназначены для охраны посольствъ, между тѣмъ, по свидѣтельству господина фонъ-Брандта, уже въ періодъ отъ 14—17 іюня много китайцевъ, предположительно боксеровъ, было убито ни улицахъ и въ храмахъ. Переводчикъ Кордесъ и отчетъ „Кельнской Газеты“ сообщаютъ, что нѣмецкіе солдаты со стѣнъ германскаго посольства стрѣляли въ мирно сидѣвшихъ китайцевъ, безъ всякаго вызова съ ихъ стороны, и убили отъ шести до восьми человекъ. Если представить невозможный случай, что нѣчто подобное произошло бы въ Берлинѣ, то, конечно, черезъ два же часа было бы разрушено соответствующее посольство и начался бы всеобщій мятежъ. Нѣмецкій солдатъ не стрѣлялъ бы и нѣмецкій офицеръ не приказывалъ бы ему этого, если бы они не были увѣрены въ согласіи фонъ-Кеттлера (*волненіе на правой*. *Крики: пфай!*), и поэтому г. фонъ-Кеттлеръ несетъ отвѣтственность за неслыханное нарушеніе международнаго права. 17-го іюня союзныя войска берутъ Таку. Тогда китайское правительство ставитъ совершенно правильное требованіе: посольства должны покинуть Пекинъ въ теченіе 24 часовъ, потому что китайское правительство рассматриваетъ взятіе Таку, какъ объявленіе войны.

„Послы не согласились съ этимъ и пожелали снова вступить въ переговоры съ Тзунгъ-Ли-Яменомъ; это было отклонено, и тогда господинъ фонъ-Кеттлеръ, несмотря на вполне опредѣленное и настоятельное предупрежденіе, отправляется для переговоровъ одинъ, и его по дорогѣ убиваютъ. У насъ, говорятъ, нѣтъ войны, между тѣмъ императоръ въ одной изъ своихъ рѣчей, обращенныхъ къ отправляемымъ въ Китай, войскамъ совершенно опредѣленно говорилъ о войнѣ, о „войнѣ отищенія“ (*Rachekrieg*). Это выраженіе—отнюдь не христіанское. Если я понимаю мотивы, то я зато не могу понять, какимъ образомъ можно такъ

открыто говорить о мщениі и въ это время чтить слова Христа: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“. (*Смѣхъ на правой*). Кто исповѣдуетъ Новый Заветъ, тотъ долженъ слѣдовать заповѣди Христа. Это—крестовый походъ, это—священная война,—говорить намъ духовенство. Нѣтъ, это—не крестовый походъ, это просто *обыкновенная завоевательная война*, для которой, впрочемъ, названіе войны черезчуръ прилично (*Сильное волненіе*). Въ этой войнѣ совершены болѣе ужасныя жестокости, чѣмъ тѣ, которыя совершали гунны, вандалы, Чингизъ-Ханъ, Тамерланъ и даже самъ Тилли. (*Смѣхъ на правой*). Мы должны рѣшительно протестовать противъ того, чтобы Германская имперія брала на себя задачу распространять христіанство путемъ „войны отмщенія“. (*Одобреніе на скамьяхъ социалдемократовъ*). Мы должны бы были слѣдовать примѣру Россіи, которая при своемъ вторженіи въ Азію оставляетъ покореннымъ народамъ ихъ религію и тѣмъ легче ассимилируетъ ихъ съ русской имперіей. Въмѣсто этого мы пытаемся навязать христіанство великому народу, который воспринялъ моральное ученіе отъ такихъ людей, какъ Конфуцій. У насъ нѣтъ основаній смотрѣть на китайцевъ такъ высокомерно сверху внизъ. Слѣдуетъ взглянуть, насколько у насъ самихъ христіанскими принципами проникнута наша бюргерская жизнь? (*Совершенно вѣрно!—у социалдемократовъ*).

„Послѣ того, какъ императоръ въ своей бремерхаузенской рѣчи выразительно указалъ на гуннскій способъ веденія войны, въ Германіи повсюду говорятъ о гуннской войнѣ. Ея мораль: никого не миловать и не брать плѣнныхъ! Если мы пожелаемъ сохранять этотъ пароль, то война можетъ прекратиться лишь съ прекращеніемъ существованія Китайской и Германской имперій. Этимъ способомъ веденія войны воспитывается ненависть противъ всего христіанскаго, противъ христіанства, что можетъ принести самые печальные плоды. Гдѣ же протестъ учителей христіанской религіи противъ этого варварскаго веденія войны? (*Одобреніе социалдемократовъ. Шумъ на правой*)“.

Саркастически описавъ торжественные проводы „мірмаршала“ Вальдерзее, ораторъ обращается къ графу Бюлову и его „гуннской дипломатіи“. Сентябрьскую ноту Бюлова съ требованіемъ выдачи для казни виновныхъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ императорскихъ принцевъ, Бебель называетъ „гуннскою“.

Отъ „гуннскихъ нотъ“ ораторъ переходитъ къ „гуннскимъ письмамъ“. Такъ теперь называютъ въ Германіи письма нѣмецкихъ солдатъ съ китайскаго театра военныхъ дѣйствій, въ которыхъ „простоудшно“ описывается гуннскій способъ веденія войны. Письма эти опубликованы были во многихъ газетахъ, и при чтеніи ихъ содрагались, вѣроятно, даже тѣ, которые приказывали никого не миловать и не брать плѣнныхъ.

Страшныя картины рисуютъ безыскусственныя фразы бравыхъ нѣмецкихъ солдатъ.

Покончивъ вполне благополучно съ китайскимъ вопросомъ, рейхстагъ перешелъ къ обсужденію вопроса о 12.000 марокъ. „Лейпцигская Рабочая Газета“ гдѣ-то раз-

добыла и опубликовала циркулярное и конфиденціальное письмо председателя „центрального союза германскихъ промышленниковъ“ г. Буека, въ которомъ членамъ названнаго союза сообщалось о желаніи стать-секретаріата (министерства) внутреннихъ дѣлъ получить отъ „союза промышленниковъ“ 12.000 марокъ на усиленіе агитаціи въ пользу такъ называемаго „каторжнаго законопроекта“, направленнаго противъ свободы стачекъ. (Письмо было написано въ 1899 г. до провала законопроекта въ рейхстагѣ).

Опубликованіе этого письма вызвало большую сенсацію, и большинство газетъ не хотѣло вѣрить въ его подлинность. Однако, вскорѣ послѣдовало не опроверженіе, а оффиціозное подтвержденіе, въ которомъ указывалось, что 12.000 марокъ требовалъ и получилъ директоръ министерства внутреннихъ дѣлъ г. фонъ-Вѣдтке, причеъ роль въ этомъ „дѣлѣ“ самого стать-секретаря графа фонъ-Позадовскаго не выяснилась.

Пришлось повѣрить въ подлинность письма, и консервативныя газеты тотчасъ стали энергично защищать графа Позадовскаго и его директора отъ интриги свободомыслящихъ и социалдемократовъ, рѣшившихъ, будто бы, свалить аграрнаго стать-секретаря передъ возобновленіемъ торговаго договора съ Россіей. Требованіе 12.000 марокъ на агитацію въ пользу „каторжнаго“ законопроекта гг. консерваторы находили вполне естественнымъ.

Графъ Бюловъ, въ горячихъ выраженіяхъ высказавъ свое уваженіе графу Позадовскому, все же назвалъ требованіе 12.000 марокъ приемомъ ошибочнымъ и обѣщалъ, что во время его канцлерства пріемъ этотъ не будетъ болѣе примѣняться. Характерно, что Ауэръ дѣлалъ запросъ правительству по поводу 12.000 марокъ чрезвычайно спокойно, безъ особаго возмущенія и безъ всякаго преувеличенія, какъ это долженъ былъ разочарованно констатировать самъ канцлеръ графъ Бюловъ; но все же сочувствія пріему графа Позадовскаго не высказалъ и Ауэръ.

„Пытались это дѣло—сказалъ, между прочимъ, Ауэръ— перенести на почву личной честности и патетически отвергали несуществующіе упреки во взяточничества. Но это не удалось. Мы точно такъ же думаемъ, что тутъ дѣло не въ личномъ взяточничествѣ, здѣсь нѣчто гораздо худшее,—здѣсь неслыханное развращающее вліяніе заинтересованнаго представительства на наше правительство. Мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ дѣяніемъ отдѣльной личности, но съ явленіемъ, которое заставляетъ заключить о глубокой спутанности понятій въ правительственныхъ кругахъ. Вліяніе крупныхъ промышленниковъ было столь господствующимъ, что правительство принуждено было взять обратно законопроекты, которые оно само считало необходимыми и которые оно, однако, боялось провести черезъ рейхстагъ, такъ какъ противъ протестовалъ центральный союзъ промышленниковъ.

„Не заявилъ ли въ этой самой залѣ представитель имперскаго министерства внутреннихъ дѣлъ, тотчасъ по занятіи кресла своего предшественника, что теперь нѣмецкой націи необходимо дать отдохнуть отъ социальнаго законодательства? За это тотчасъ была получена благодарность отъ г. фонъ-Буека, заявившаго, что „ихъ“ вліянію обязана Германія пріостановкой социальнаго-политическаго развитія.

„Если мы въ области социальнихъ реформъ стоимъ еще далеко отъ выполненія императорскаго посланія 1890 года, то мы этому обязаны вліянію представителей крупной промышленности“.

Ораторъ указываетъ далѣе на цѣлый рядъ мѣръ, являющихся результатомъ „вліяній“, указываетъ, съ какимъ удовольствіемъ представители правительства принимаютъ приглашенія на обѣды къ г. фонъ-Штумму и съ какимъ пренебреженіемъ они относятся къ приглашенію на рабочіе конгрессы, и заявляетъ, что Германская имперія все болѣе и болѣе развивается въ чисто классовое государство.

„Какъ велика заносчивость центрального союза промышленниковъ.—продолжаетъ онъ,—видно изъ той рѣзкости, съ какою руководитель „центрального союза“ г. Букъ нападаетъ въ своемъ годовомъ отчетѣ на такихъ людей, какъ бывшій министръ фонъ-Берлепшъ и попечитель боппскаго университета Роттенбургъ, увѣряя, что они занимаются социальной политикой, какъ спортомъ. Такія сужденія о лицѣ, занимавшемъ постъ министра и дѣятельно способствовавшемъ развитію социальнаго законодательства, говорятъ очень много. Если бы у чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ была хоть покра чувства солидарности, то для г. фонъ-Вѣдке было бы невозможно идти къ г. фонъ Буеку и выпрашивать у него 12.000 марокъ“.

Въ своемъ отвѣтѣ графъ Бюловъ принужденъ былъ, какъ мы уже указывали, признать умѣренность нападокъ Ауэра и старался лишь высмѣять преувеличенія социалдемократической прессы.

Графъ Бюловъ смѣялся, но смѣялся совсѣмъ не смѣшно. (Смѣяться можно вездѣ, но не вездѣ удастся смѣяться смѣшно.

Графа Позадовскаго можно лишь поздравить, что, несмотря на рѣзкіе вызовы со стороны социалдемократовъ, онъ не пытался ни смѣяться, ни объясняться...

Дѣло о 12.000 марокъ, благодаря любезности центра, быстро замято, и гр. Позадовскій остается на своемъ мѣстѣ. Господинъ фонъ-Вѣдке въ награду будетъ, вѣроятно, назначенъ оберъ-президентомъ. Все хорошо, что хорошо кончается.

Вотъ поѣздка по Европѣ трансваальскаго президента Крюгера врядъ ли кончится хорошо, хотя она началась очень недурно. Во Франціи энергичнаго старца народъ, безъ различія партій, встрѣтилъ восторженно. Палата и сенатъ единогласно вотировали Крюгеру выраженіе своей почтительной симпатіи. Президентъ Лубэ и министры принимали его нѣсколько боязливо, но тѣмъ не менѣе радушно. Выраженіями восторга и симпатій „дядя Павелъ“ можетъ быть доволенъ, но никакихъ прямыхъ обѣщаній онъ, видимо, не получилъ. Изъ Франціи Крюгеръ направился въ Германію, вѣроятно, чтобы поблагодарить императора за поздравительную телеграмму, присланную ему Вильгельмомъ послѣ побѣды надъ Джемсономъ, но уже въ Кельнѣ онъ узналъ, что императоръ уѣзжаетъ изъ Берлина на охоту и принять его не можетъ. Бѣдный „дядя Павелъ“, говорятъ, огорчился до слезъ и повернулъ изъ Кельна въ Голландію, чтобы посмотрѣть на Гаагу, гдѣ представители великихъ державъ высказывались въ пользу рѣшенія международныхъ столкновеній третейскимъ судомъ.

Вѣдь Крюгеръ и до войны, и во время ея желалъ одного — разрѣшенія англо-трансваальскаго конфликта третейскимъ судомъ. Это надо помнить тѣмъ, кто обвиняетъ въ южно-африканской войнѣ не англичанъ, а буровъ. Такихъ, впрочемъ, немного. Общественное мнѣніе Европы и Америки несомнѣнно на сторонѣ буровъ и разрѣшенія ихъ конфликта съ англичанами третейскимъ судомъ.

Но мнѣніе остается мнѣніемъ и рѣдко переходитъ въ дѣяніе.

Одна почтенная нѣмецкая газета очень разумно заявляетъ по поводу отношенія Германіи къ Трансваалю, что „великая держава въ своихъ поступкахъ должна руководствоваться не гуманными чувствами, а сознаніемъ своихъ существенныхъ интересовъ“.

Иной чудакъ-философъ по поводу этой точки зрѣнія замѣтилъ бы, что гуманныя чувства должны всегда совпадать съ существенными интересами. Но вѣдь философы заправляютъ мнѣніями, а дѣянія пока въ рукахъ лавочниковъ.

Мы въ прошлый разъ рекомендовали нашимъ читателямъ газету-журналъ князя Мещерскаго, но такъ какъ, вѣроятно, не все послѣдовали нашему совѣту, то мы позволяемъ закончить наше обозрѣніе нѣсколькими выписками изъ двухъ послѣднихъ №№ „Гражданина“. Мы дѣлаемъ это тѣмъ охотвѣе, что кн. Мещерскій умѣетъ смотрѣть и на внутреннюю, и на внѣшнюю политику съ точки зрѣнія „существенныхъ интересовъ“ Россіи, причемъ все у него выходитъ такъ просто и ясно.

Китайскую эпопею онъ считаетъ единственной прямой, осязательной, очевидной и непосредственной причиной нашего „экономическаго недомоганія“ и „тоскливаго состоянія умовъ“.

Причину эту, разумѣется, устранить легко. „Стоитъ только покончить *совсемъ* съ этою китайскою эпопеею—но *совсемъ*, и съ русской жизни настолько спадетъ тяжелое бремя, что жизнь эта сразу станетъ въ условія, благоприятствующія мирному развитію государства“.

Князь Мещерскій указываетъ далѣе, что китайская экспедиція не только разоряетъ, но и развращаетъ насъ. По его мнѣнію, несмотря на то, что „мы закрываемъ глаза и затыкаемъ уши“, „начинаетъ тѣмъ не менѣе разясняться то растлѣніе, которое происходитъ около международнаго театра военныхъ дѣйствій въ Китаѣ въ ужасающихъ размѣрахъ вездѣ и во всѣхъ сферахъ дѣйствія, и гдѣ все превратилось въ какую-то ужасную школу разврата и даже анархій... Надо теперь же прекратить всякіе походы и боевыя дѣйствія въ китайской территоріи, чтобы сразу прекратить вредное дѣйствіе этой школы“.

Надо, впрочемъ замѣтить, что, если вѣрить постоянному сотруднику „Гражданина“ г. Сѣрому, то для устраниенія „тоскливаго состоянія умовъ“ одного „закрѣпленія роковой язвы Россіи на азіатскомъ Востокѣ“ еще недостаточно. Сознывая необходимость „во что бы то ни стало вызвать въ насъ и смѣхъ, и юморъ“,

г. Сѣрый предлагаетъ на площадяхъ съечь всю нашу кисло-печальную литературу вмѣстѣ съ Чеховымъ и Горькимъ и водворить въ каждомъ домѣ, на первыхъ порахъ, хотя бы... Кузьму Пруткува. Надо настроить дешевыхъ театровъ и въ нихъ играть фарсы и водевилы! Надо завести гигантскіе рестораны съ легкой и дешевой пищей! Улицы обсадить деревьями, дома запретить красить сѣрой и желтой краской! Надо всѣ учебныя заведенія перевести изъ городовъ въ деревню! Надо на перекресткахъ улицъ поставить оркестры, которые бы съ утра до вечера играли марши и польки! Надо, наконецъ, нашу столицу перемѣстить въ Кіевъ или Одессу!..

„Если эти мѣры неисполнимы (Почему нѣтъ? В. П.), придумайте другія!—восклицаетъ г. Сѣрый.—Имѣйте въ виду лишь,—справедливо прибавляетъ онъ,—что жизненпечалью изѣдены у насъ уже цѣлыя поколѣнія.“

Мы вполне согласны съ г. Сѣрымъ, но къ Кузьмѣ Пруткуву мы, вѣрные себѣ, прибавили бы еще „Гражданинъ“, гдѣ попадаются прелестныя анекдоты. Вотъ напр., маленькій отрывокъ изъ „рѣчей консерватора“.

„Очень рельефно посреди умственной мути нашего времени въ прошломъ году показалъ невозможность опредѣлить идейный успѣхъ новичокъ-издатель, взявшійся за изданіе газеты. Мнѣ рассказывали, что нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія газеты онъ сталъ говорить объ успѣхѣ своего изданія, не только денежномъ, но и идейномъ, а когда его спросили опредѣлить этотъ идейный успѣхъ, онъ выпалилъ: что къ нему, подъ его знамя, стали марксисты; но когда назойливый собесѣдникъ попытался узнать у нео-марксиста, что такое, по его мнѣнію, марксизмъ?—онъ изрекъ, что для него марксизмъ это то же, что хорошій соусъ: онъ знаетъ и чувствуетъ, что онъ вкусенъ, но что такое этотъ соусъ, онъ не знаетъ...“

Авторъ тѣхъ же „рѣчей консерватора“ сознается, что въ нашей современной печати „нѣтъ успѣхъ все, кромѣ консерватизма“, и консерватизмъ, по мнѣнію „консерватора“, потому не можетъ имѣть успѣха, что въ его области „идеи несравненно болѣе опредѣленны“ чѣмъ идеи, выражаемыя имѣющими большой успѣхъ органами „либерализма“.

Указавъ на отсутствіе въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ „живыхъ идей“, авторъ замѣчаетъ:

„Ни въ этой газетѣ, ни въ сходномъ съ нею органѣ, въ „Вѣстникѣ Европы“ я не нахожу ни оригинальности, ни смѣлости, ни вдохновенія. Никто не высказывается слишкомъ, никто даже не высказывается достаточно. Въ обоихъ изданіяхъ главную роль играетъ шаблонъ; жизнь, напротивъ, играетъ роль совсѣмъ второстепенную, а святого огня въ немъ нѣтъ никогда искры“.

Намъ почему-то невольнo вспомнилось извѣстное стихотвореніе Некрасова „Литераторы“:

„Три друга обнялись при встрѣчѣ.
Входя въ какой-то магазинъ.
— Теперь пойдутъ иныя рѣчи!—
Замѣтилъ весело одинъ.“

-- Теперь насъ ждуть просторъ и слава!
Другой восторженно сказалъ,
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ*.

Лукавые всегда правы, а впрочемъ, даже качать головой иногда опасно.

В. П.

Листъмо въ редакцію.

По поводу моей статьи „Теорія трудовой цѣнности etc“, напечатанной въ прошломъ году въ журналѣ „Жизнь“, г. Филипповъ напечаталъ въ концѣ прошлаго года замѣтку, отъ начала до конца наполненную искаженіями моей статьи. Я отмѣтилъ это въ своей замѣткѣ, напечатанной въ февральской книжкѣ „Жизни“. Долгъ чести, казалось, долженъ былъ бы побудить г. Филиппова дать тотъ пли другой отвѣтъ на эту замѣтку, но г. Филипповъ предпочелъ промолчать ее. Зато, когда я въ своей статьѣ „Цѣнность и производительная сила труда“ бросаю нѣсколько пренебрежительныхъ замѣчаній по поводу пониманія г. Филипповымъ экономическихъ вопросовъ, г. Филипповъ заговорилъ, но заговорилъ только для того, чтобы снова запятнать себя...

Въ іюльской книжкѣ „Научнаго Обзорѣнія“ г. Филипповъ отмѣчаетъ согласіе свое со мною въ дѣлѣ критики антиномій г. Струве. Г. Филипповъ заявляетъ, что онъ согласенъ „съ тѣмъ, что г. Неждановъ говоритъ о цѣнномъ отношеніи, о невозможности сравнивать продуктъ съ цѣнностью, о различіи между производительностью труда въ обычномъ смыслѣ этого слова и тою производительностью, о которой говоритъ Струве“. Но при этомъ г. Филипповъ считаетъ нужнымъ добавить, что „все это“ онъ „высказалъ въ № 5 „Научнаго Обзорѣнія“ почти за мѣсяць до появленія статьи Нежданова“. Сдѣлавши это заявленіе, г. Филипповъ продолжаетъ: „сдѣлаю самое выгодное для г. Нежданова предположеніе, а именно, что онъ написалъ всю свою статью до прочтенія моихъ возраженій г. Струве“ (с. 1264).

Г. Филиппову слѣдовало бы сказать тутъ не „самое выгодное“, а *единственно вѣроятное* предположеніе. Г. Филиппову, какъ редактору журнала, должно быть очень хорошо извѣстно, что книжка журнала обыкновенно составляется за мѣсяць до ея появленія, и поэтому чрезвычайно мало вѣроятно, чтобы я въ статьѣ своей, напечатанной въ *майской* книжкѣ „Жизни“, могъ принять во вниманіе статью г. Филиппова, напечатанную въ *майской* же книжкѣ „Научнаго Обзорѣнія“, хотя бы между выходомъ обѣихъ этихъ книжекъ и прошло около мѣсяца:

Г. Филипповъ далѣе полагаетъ, что даже при томъ предположеніи, что я не

уси́лъ ознакомиться съ его статьей при писаніи своей статьи, я все-таки „нравственно былъ обязанъ снабдить свою статью *post scriptum* о́мъ о согласіи своемъ съ г. Филипповымъ. Признаюсь, я не понимаю, почему я нравственно обязанъ былъ сослаться на статью г. Филиппова, разъ она не оказала на меня и мои взгляды никакого вліянія.

Но если бы даже я признавалъ подобную нравственную обязанность, то я не могъ бы ее выполнить, потому что даже въ настоящій моментъ, во время писанія этой замѣтки, я совершенно незнакомъ съ содержаніемъ статьи г. Филиппова, на которую онъ ссылается.

Во всякомъ случаѣ, перечисленіе пунктовъ согласія со мной, которое дѣлаетъ г. Филипповъ въ послѣдней статьѣ, убѣждаетъ меня въ томъ, что мы согласны съ нимъ только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ согласны между собою почти всѣ, читавшіе Маркса и сколько-нибудь разобравшіеся въ немъ. Правда, г. Струве въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе, но такова ужъ особенность этого писателя, что при всей своей талантливости онъ способенъ иногда впадать въ такія грубѣйшія ошибки, разоблачить которыя не составляетъ никакого труда даже людямъ, въ общемъ стоящимъ гораздо ниже его во всѣхъ отношеніяхъ. И меня нисколько не удивляетъ въ данномъ случаѣ, что г. Филипповъ, напр., сообразилъ, что продуктъ нельзя сравнивать съ цѣнностью или что понятіе производительности труда у г. Струве не имѣетъ ничего общаго съ производительностью труда, какъ она понималась Марксомъ и всѣми до сихъ поръ. Но задача моей статьи состояла вовсе не въ томъ только, чтобы уличить г. Струве въ этихъ очевидныхъ для всѣхъ ошибкахъ, а главнымъ образомъ въ томъ, чтобы пополнить тотъ пробѣлъ, который, по моему мнѣнію, былъ причиной антиноміи г. Струве, именно наполнить болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ понятія цѣнности и производительной силы труда, чѣмъ какое они имѣли до сихъ поръ.

Плохо или хорошо я выполнилъ эту задачу, — не мнѣ конечно судить, но во всякомъ случаѣ въ выполненіи этой задачи г. Филипповъ мнѣ ничѣмъ не могъ помочь, такъ какъ наши представленія о цѣнности не имѣютъ между собою ничего общаго *). Самъ г. Филипповъ, повидимому, съ этимъ согласенъ, потому что заявляетъ, что признаетъ мою теорію воспроизведенія „негодную“ (с. 1266). И поэтому я былъ въ высшей степени удивленъ, когда въ другомъ мѣстѣ этой статьи оказалось, что моя теорія представляетъ собой позаняствованіе у г. Филиппова, что я, въ сущности говоря, излагаю его взгляды, но только „въ перепутанномъ видѣ“ (с. 1265).

Опираясь на это свое утвержденіе, г. Филипповъ обвиняетъ меня въ крайне некрасивыхъ литературныхъ пріемахъ: называя его взгляды нелѣпностью, я въ то же время кладу ихъ въ основу своихъ построеній. Обвиненіе было бы слишкомъ тяжелое и убійственное для меня, если бы въ основѣ его не лежало то

*) Письмо это написано было еще до появленія новыхъ статей г. Филиппова („Итоги полемики о цѣнности“), въ которыхъ онъ благоразумно беретъ назадъ свои прежнія „поправки“ къ Марксу.

же легкомысленное отношеніе къ противнику, которое г. Филипповъ обнаружилъ въ своихъ прежнихъ статьяхъ.

Въ своей статьѣ „Цѣнность и производительная сила труда“ я между прочимъ подраздѣляю средства производства на двѣ части: на ту часть, которая является только воспроизведеніемъ средствъ производства, прежде затраченныхъ въ производствѣ средствъ производства, и на ту часть, которая является доходомъ общества отъ ихъ производства.

Г. Филипповъ, употребивши тщетныя усилія на то, чтобы на основаніи одной фразы, выхваченной изъ моей статьи, понять мое „подраздѣленіе“ *) , считаетъ себя во всякомъ случаѣ въ правѣ умозаключить, что, по моему мнѣнію, „чисто объективныя условія“, и въ томъ числѣ указанное „подраздѣленіе“, „вліяють на величину цѣнности, производимую даннымъ абсолютнымъ количествомъ труда“ (с. 1266).

Это умозаключеніе и даетъ возможность г. Филиппову сблизить мои взгляды съ его взглядами. Но на самомъ дѣлѣ, это умозаключеніе такъ же далеко отъ истины, какъ и все то, что г. Филипповъ писалъ до сихъ поръ относительно меня. *Цѣнность, создаваемая даннымъ количествомъ труда, для меня вполне эквивалентна съ этимъ количествомъ труда, и на эту цѣнность, по моему мнѣнію, никакія другія условія вліять не могутъ.*

Если мы предположимъ, что средства производства въ производствѣ желѣза и угля сводятся только къ желѣзу и углю, то все производимое количество желѣза и угля раздѣлится у насъ на двѣ части: одна является только воспроизведеніемъ желѣза и угля, затрачиваемаго въ производствѣ желѣза и угля, другая является доходомъ общества отъ производства желѣза и угля.

Только эта послѣдняя часть желѣза и угля можетъ быть разсматриваема, по моему мнѣнію, какъ продуктъ труда, затрачиваемаго въ производствѣ желѣза и угля. Цѣнность этого количества желѣза и угля совершенно эквивалентна съ количествомъ труда, затрачиваемаго въ ихъ производствѣ, и на эту цѣнность мое „подраздѣленіе“ никакого вліянія оказать не можетъ. Но цѣнность той части желѣза и угля, которая является только воспроизведеніемъ прежде затраченнаго желѣза и угля, опредѣляется по аналогіи съ цѣнностью того желѣза и угля, которое является доходомъ общества, и само собой разумѣется, что чѣмъ больше растеть первая часть желѣза и угля по сравненію со второй, тѣмъ выше, при другихъ равныхъ условіяхъ, общая цѣнность желѣза и угля...

Вотъ то пониманіе цѣнности, которое раздѣляю я и которое такъ извращенно передалъ читателямъ г. Филипповъ. Насколько мало общаго имѣеть это пониманіе цѣнности съ пониманіемъ г. Филиппова, можно видѣть изъ того, что тогда какъ основнымъ пунктомъ моего пониманія является полная эквивалентность непосредственному труду той цѣнности, которая является доходомъ обще-

*) Между прочимъ, онъ, повидимому, настолько невѣжествененъ, что „предметы производительнаго потребленія“ отличаетъ отъ „средствъ производства“ тогда какъ на самомъ дѣлѣ это совершенно тождественныя понятія.

ства и которая въ капиталистическомъ обществѣ дѣлится между рабочими и капиталистами, по мнѣнію г. Филиппова, напротивъ, величина этой цѣнности зависитъ не только отъ величины непосредственнаго труда, но и отъ строенія капитала *).

Не болѣе счастливъ г. Филипповъ и въ своей попыткѣ доказать, что я передалъ его пониманіе цѣнности въ искаженномъ видѣ, приписавши ему мнѣніе, по которому. опредѣленіе цѣнности нужно начинать съ Адама. Этимъ утвержденіемъ г. Филипповъ только лишній разъ обваружилъ свою способность въ полемикѣ попадать не въ то мѣсто, куда слѣдуетъ. На самомъ дѣлѣ, я вовсе не приписывалъ г. Филиппову этого нелѣпаго мнѣнія, я только утверждалъ, что къ этой нелѣпости необходимо приводить обычное пониманіе цѣнности, котораго держится г. Филипповъ. Г. Филипповъ утверждаетъ, что онъ вовсе не хочетъ начинать опредѣленіе цѣнности съ Адама. Вѣрю, но развѣ это сколько-нибудь опровергаетъ мое мнѣніе, что опредѣленіе цѣнности тѣмъ количествомъ труда, которое „дѣйствительно потрачено на производство продукта“, необходимо вѣдетъ къ Адаму?

П. Нѣждановъ.

*) Какъ я уже упоминалъ, г. Филипповъ въ настоящее время предпочелъ отказаться отъ этого нелѣпаго своего „постулата“, какъ онъ его называлъ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Петръ Роззегеръ. Разказы. „Новая Библиотека“ „Русской Мысли“.

П. Ганзенъ. Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. „Нов. Библ.“ „Рус. М.“.

А. Ш. Рабство въ древнемъ Римѣ. „Нов. Библ.“ „Рус. М.“.

Н. Г. Вороновъ. Опытъ сравнительной исторіи Европы.

Эмиль Дюригеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда. Этюдъ къ организаціи высшихъ обществъ.

В. Н. Львовъ. Курсъ эмбриологіи позвоночныхъ. Общ. ч.

Г. Челпановъ, проф. О памяти и мнемоникъ. Изд. „Міра В.“.

Id. Мозгъ и душа. Критика матеріализма и очеркъ совр. уч. о душѣ.

С. Шарановъ. Старое и новое. Изъ послѣднихъ работъ. М., ц. 30 к.

Р. Вилперъ. Учебникъ древней исторіи. М. Ц. 1 р.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. — Движеніе земельной собственности за 28 л. періодъ (1869—1896). Изд. Уфим. губ. Уфа 1900.

П. Кедровъ. Современная организація московскаго рабочаго дома. Ворон. 1900.

И. С. Соколовъ. Дома. Очерки совр. деревни. Спб. 1900.

В. Брюсовъ. Tertia vigilia. Книга новыхъ стиховъ. Изд. „Скорпіона“.

Ф. Ле-Дантекъ. Ламаркизмъ и дарвинизмъ. Изд. О. Н. Поповой, Спб. Ц. 75 к.

А. Н. Глаголевъ. Курсъ теоретической ариметики и сборникъ теоретическихъ упражненій. М. Ц. 1 р.

Г. А. Любарскій. Палестина, ея настоящее и будущее. Изд. „Ахисафъ“, Варш., ц. 75 к.

И. Гливенко. Задачи и методы изученія новыхъ языковъ въ средней школѣ. Кіевъ, 1900.

М. Вунъ. Отчетъ о состояніи троиц-

кой мужской гимназіи. Троицкъ, 1899.

А. Зеленецкій, О. Пушновъ, В. Лавровскій. 25-лѣтіе троицкой гимназіи. Троицкъ, 1900.

— Отчетъ Моск. общества содѣяствія развитію общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій 1899—1900 гг.

А. Веснинъ. Британская имперская федерація и англійскіе торговые интересы. Спб., 1900.

Г. Ф. Шульце-Гевеверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Пер. подъ ред. П. Струве. Изд. Н. М. Глаголева.

— Исполнѣнїе нѣмецкой промышленности (по Клею). „Нов. Библ.“ „Русск. Мысли“.

И. А. Данилинъ. Бытовые очерки въ мастерской. „Нов. Библ.“ „Русск. М.“.

Н. Тезяновъ. Вѣсѣды по гигиенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Изд. Ворон. губ. Ц. 50 к.

— Рѣчь и отчетъ, читанные въ годичномъ собраніи Московскаго сел.-хоз. института 26 сент. 1900 г.

— Извѣстія сел.-хозяйственнаго института. Кн. 3. 1900.

А. Богдановскій. О значеніи Придвинскаго края въ колонизаціонномъ отношеніи.

Онъ же. Сибирская община и ея роль въ политико-экономич. отношеніи.

Онъ же. Какъ Петръ Захарычъ переселялся въ сибирскіе лѣса. „Книжка за книжкой“, ц. 20 к.

Онъ же. Основныя положенія христіанской морали. „Наука и жизнь“. Тоб.

М. Н. Леденевъ. Марксъ и Кантъ. Критико-филос. параллель. Изд. Повалева и Осиповича. Ц. 75 к.

Э. Вольфъ. Рациональное кормленіе сел.-хоз. животныхъ. Книжка „Хозяина“.

Э. Вильсонъ. Роль клѣтки въ разви-

тин и наследственности. Пер. В. Линдемана. Ц. 2 р. 50 к. Изд. Солдатенкова. М., 1900.

Б. А. Гринченко. Каталогъ музеяукраинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. II. Черп., 1900.

Начальное народное образование въ Россіи. Подъ ред. Т. Фальборка и В. Чарнолускаго. Изд. Имп. Вольнаго Экономическаго Общества. Т. II. Статист. таблицы по губ. и район. имперіи.

Я. Ц. Мірскій. Лебединая пѣснь гр. Л. Н. Толстого. Ц. 1 р. 25 к.

Л. І. Петражицкій. Очерки философіи права. В. I. Ц. 85 к.

Гюи-де-Мопассанъ. Полное собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Пер. подъ ред. П. Д. Доброславина. Изд. Югансона. Харьковъ, 1900 Ц. 3 р.

Г. Зиммельъ. Философія труда. Изд. Югансона, 1900. Ц. 15 к.

С. Бурэ (сост.). Разказы изъ жизни животныхъ. Изд. Югансона. Ц. 35 к.

А. Банъ. Душа и тѣло. Изд. Югансона. Кіевъ-Харьковъ, 1900.

Н. Гавинъ. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. Югансона. Ц. 60 к.

Э. Родъ. Нравственныя идеи нашего времени. Изд. Югансона. Кіевъ-Харьковъ, 1900.

А. Коссе. Исторія экономическихъ учений. Изд. Югансона. Кіевъ-Харьковъ, 1900.

Титъ Ливій. Римская исторія отъ основанія Рима. Т. I и II. Изд. Югансона. Кіевъ, 1900.

Р. Кукъ-Тэйлоръ. Фабрика и фабричная система. Пер. подъ ред. Н. Лучичкаго. Изд. Югансона. Кіевъ, 1900.

Т. Рише. Война и миръ. Изд. Югансона, п. 150 к.

А. К. Джеромъ. Синіе и зеленые наброски. Пер. съ англ. Изд. Югансона. Кіевъ, 1900.

К. Наутскій. Границы капиталистическаго хозяйства. *Вандерльведе.* Городъ и деревня въ капиталистическомъ обществѣ. Изд. Югансона, Кіевъ, 1900.

А. К. Джеромъ. Новыя мысли празднаго человѣка. Изд. Югансона. Кіевъ, 1900.

Д. А. Гобсонъ. Задачи бѣдности. Изд. Югансона. Кіевъ, 1900.

Бьернстөрне-Бьернсонъ. Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Изд. Югансона. Кіевъ, 1900.

Болеславъ Прусъ. Полное собраніе сочиненій въ 4 томахъ. Изд. Югансона. Кіевъ, 1900.

Гиббинъ и Сатуринъ. Исторія современной Англій. „Историко-политическая бібліотека“. Ред. В. А. Поссе. Изд. т-во „Знаніе“. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

В. Щепотьевъ. Двадцатипятилѣтіе русской Николаевской больницы въ Константинополѣ. Спб. Ц. 25 к.

Справочная книга по вопросамъ образованія евреевъ. Ц. 1 р. 75 к. Изд. Об-ва распр. просвѣщ. между евреями въ Россіи.

А. Н. Чудиновъ. Справочный словарь, орфографическій, этимологическій и толковый, русскаго литературнаго языка. Сост. подъ ред. А. Н. Чудинова. 6 выпусковъ. Ц. 6 руб. Спб., 1901.

Артуръ Шнитцель. Зеленый попугай. Трилогія. Изд. „Скорпіона“. М., 1900.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(38-й годъ изданія).

ПОДПИСКА на 1901 г.

Въ Москвѣ:			На города:			За границу:		
съ доставкой:			съ пересылкой:			съ пересылкой:		
на 12 мѣсц.	10 р.	к.	на 12 мѣсц.	11 р.	— к.	на 12 мѣсц.	18 р.	— к.
6	5	50	6	—	—	6	9	—
3	3	—	3	50	—	3	4	80
1	1	—	1	20	—	1	1	90

„Русскія Вѣдомости“ выходятъ ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Для гг. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, **допускается разсрочка** при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не чрезъ книжные магазины:

ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р.; в) при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сентября 2 р.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюля 2 р., къ 1-му октября 2 р. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дѣлывшаяся высылка газеты приостанавливается.

Гг. **служащіе** въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, черезъ посредство и за поручительствомъ казначеевъ, потребительныхъ обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную плату **помѣсячно** по менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ **Москву, въ контору „Русскія Вѣдомостей“**—Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1901 г.

на ежедневную газету **политики, литературы и общественной жизни**

„КУРЬЕРЪ“.

„КУРЬЕРЪ“ издается въ форматъ и объемъ большихъ столичныхъ газетъ. Подписная цѣна на газету „КУРЬЕРЪ“ съ доставкою въ Москвѣ или съ пересылкою въ другіе города:

на 1 годъ	6 руб.
„ 6 мѣс.	3 „ 50 коп.
„ 3 „	2 „
„ 1 „	75 „

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній 60 коп. въ мѣсяцъ.

За границу вдвое.

Главная контора газеты помещается въ **Москвѣ, Петровскія лин., подъездъ № 2.** и открыта отъ 10 час. утра до 6 час. веч., а въ праздничные и воскресные дни отъ 11 час. утра до 4 час. дня.

